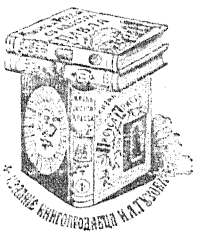
ИСТОРІЯ

ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Преосвященнаго Іоанна,

Епископа Аксайскаго, викарія Донской епархіи.

Изданіе второе.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, № 45.
1906.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА,

въ С.-Петербургѣ, Садовая ул., Гостиный дворъ, магазинъ № 45.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Соловьевъ, І., свящ. Пособіе къ доброму чтенію Святой Библіи (Руководств. свѣдѣнія объ ея богодухнов. значеніи, составѣ, раздѣленіи и внѣшнихъ особенност., о происхожд., содерж. и богослуж. употребленіи каждой изъ свящ. книгъ, Библіи въ отдѣльности). Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народ. чит. и библ.*

— Что нужно знать православ. христ. о св. Евангеліи. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

Соловьевъ, Н. И. Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приход. духовенства. Изд. 2-е, значит. дополн. Спб. 1902 г., ц. 1 р., въ изящн. коленкор. перепл. 1 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ завед. Мин.* (17-го ноября 1903 г., № 35999).

Спасскій, П. Н., членъ-дѣлопр. Новг. Еп. Учил. Сов. Сборникъ правилъ о школахъ церковно-приходскихъ и грам., съ относящимися къ нимъ опредѣл. и указ. Св. Сѵн., Училищн. при ономъ Совѣта и Новгородск. епарх. начальства. Спб., 1898 г., ц. 60 к.

— Толкованіе на пророческія книги Ветхаго Завѣта, составл. на основаніи святоотеч. толковъ примѣнит. къ славян. и греч. (70) тексту по прогр. для 4-го кл. дух. семин. Книги прор. Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Дан. *Одоб. Уч. Ком. при Св. Сѵн. къ употребл. въ кач. уч. пос. по Свящ. Пис. при прохожденіи курса IV кл. дух. сем.* Изд. 2. Спб., 1899 г., ц. 2 р.

Стратилатовъ, К., свящ. Катихизическія бесѣды къ сельскимъ прихожан. Изд. 5-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе церковныхъ поученій для простого народа. *Удостоенныя преміи Свят. Сѵн.* Изд. 3-е. Спб., 1903 г., ц. 1 р. 50 к. Въ 2 ч. Часть I. Поученія на Символъ вѣры, молитву Господню, Блаженства евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ. Часть II. Поученія объ обрядовомъ богослуженіи православной Церкви, съ присовокупл. поуч. на общеупотр. христіан. молитвы. *Одоб. для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. завед. Мин. Народн. Просв.* (№ 14375, 21 іюля 1894 г.)

Тренчъ, арх. Дублин. Толкованіе притчей Господа нашего Іисуса Христа. Переводъ съ англискаго, сдѣланный покойнымъ А. З. Зиновьевымъ. Изд. 2-е, вновь пересм. и испр. по посл. XV изд. подлинника. Спб., 1888 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 3 р.

— Чудеса Господа нашего Іисуса Христа. М. 1883 г., ц. 1 р. 30 к.

Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбран. изъ житій святыхъ. Съ 16-ю рис. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Изд. 18 (5 иллюстрир.). Посвящ. церк.-прих. школ. Спб., 1899 г., ц. 80 к., съ перес. 1 р. 15 к. Въ кол. изящн. перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 15 к. *Мин. Нар. Просв. одобрена для пріобр. въ библ. средн. учебн. заведеній* 21 іюля 1894 г., № 14375. *Внесена въ списокъ книгъ для библ. церк.-прих. школъ* (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

Ушаковъ, А. Н. Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви. Съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Изд. 3-е. Спб., 1904 г., ц. 60 к., въ учебн. перепл. 75 к., въ кол. 1 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Новый полн. пер. съ 30 англ. изд. А. П. Лопухина. 8 изд. (иллюстр. третье). Съ прилож. и примѣч. Со множествомъ великолѣпно исполн. иллюстрац. и съ прилож. раскраш. карты Палестины. Спб., 1900 г., ц. 6 р., въ роскошн. кол. пер. 8 руб.

— Жизнь Іисуса Христа. Нов. переводъ съ 30-го англійскаго изданія А. П. Лопухина. 7-е общедоступн. изд. Въ 2 ч. Съ прилож. 16 полотнищ. на отдѣльн. листахъ и карт. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящ. перепл. 3 р. 50 к., *Одобр. для фунд. библ. среди учебн. зав. вѣдом. Мин. Народн. Просвѣщ.* (21 іюля 1894 г., № 14375).

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Полный перев. съ послѣдняго англ. изданія А. П. Лопухина. Со множествомъ иллюстр. и съ прил. 4-хъ раскраш. картъ путешествій св. апостола Павла. Большой роскошно изданный томъ въ 4-ю д. л. Спб., 1901 г., ц. 8 р., въ роскошномъ коленк. перепл., съ зол. тисн. и обрѣз. 10 р.

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Перев. съ 19-го англ. изд. А. П. Лопухина. 3-е общед. изд. съ карт. въ текстѣ. Въ 2 ч. Спб., 1893 г., ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для фунд. библ. сред. учеб. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Первые дни христіанства. Перев. съ посл. англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ част., болѣе 1.000 стр. убор. шрифта. Изд. 2-е. Спб., 1892 г., ц. 4 р., въ изящн. кол. пер. 5 р. *Мин. Нар. Пр. одобр. для фунд. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— На зарѣ христіанства, или сцены изъ временъ Нерона. Историч. разсказъ. Пер. съ анг. А. П. Лопухина. Спб. 1901 г., ц. 3 р., въ кол. перепл. съ зол.

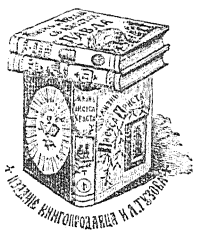
ИСТОРІЯ

ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Преосвященнаго Іоанна,

Епископа Аксайскаго, викарія Донской епархіи.

Изданіе второе.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, № 45.
1906.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 27-го января 1906 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ Филаретъ.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
466
37

Спб. Типо-литография М. П Фроловой Галерная, 6.

ИСТОРІЯ

ВСЕЛЕНСКІХЪ СОБОРОВЪ.

Пока христіанская церковь не пользовалась еще постояннымъ спокойствіемъ, пока ей приходилось то и дѣло горѣть на огненномъ углiи гоненій, ея членамъ неудобно было, или точнѣе сказать, не вполнѣ удобно было много и глубоко заниматься дѣлами учености письменной. Появлялись по временамъ и по мѣстамъ мужи образцовой учености христіанской, но таковыхъ и было сравнительно очень немного, да и тѣ прерываемы были въ своихъ занятіяхъ постоянными отвлеченіями въ силу указовъ правительственныхъ, за разными процессами инквизиторскими и потомъ мучительскими.

Въ общей совокупности содержанія по части умственно-образовательной общеизвѣстны были необходимые догматы вѣроученія и для дѣла спасенія душевнаго достаточнымъ признаваемо было исповѣдывать то, что содержимо было въ символѣ вѣры, и соотвѣтственно съ вѣрою поступать въ жизни.

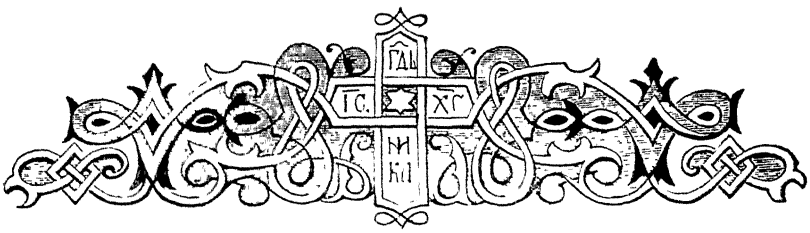
По умиротвореніи церкви Константиномъ Великимъ, на спокойствіи возникаетъ и быстро усиливается потребность глубже и научнымъ путемъ уразумѣвать тѣ-же самые догматы вѣры, кои до сей поры исключительно были пріемлемы и хранимы вѣрою; христіанство начинаетъ ближе соприкасаться съ языческою наукою: язык. наука допускается въ общеніе съ христіанствомъ, только съ однимъ безусловнымъ договоромъ быть въ подчиненіи у догматовъ христіанскихъ.

Естественно было ожидать, что первымъ предметомъ умственныхъ, до книжной учености касавшихся, изысканій окажется и на самомъ дѣлѣ оказалось лице перваго же виновника и совершителя нашего спасенія Господа нашего Іисуса Христа.

Какія частности могутъ подлежать анализу въ общемъ содержаніи догмата о божествѣ Господа Іисуса Христа? Въ какихъ отношеніяхъ Сынъ Божій состоитъ къ Своему Божественному Родителю? Какъ можетъ допустить мысль человѣка, чтобы Три могли быть Едино, и чтобы Получающій бытіе отъ Бога Отца могъ быть существующимъ не послѣ Своего Родителя?

Зерно, брошенное любопрительностію, на первый разъ затронуло собою и немного почвы и немного объема въ области мысленной; но благодаря обстоятельствамъ времени, изъ этого не крупнаго зерна разрослось столько злаго сѣмени и около сего злаго сѣмени появилось столько терній и волчцовъ, что только дѣйствію одного очистительнаго пламени Промыслителева должны были уступить оныя терній, пытавшіяся разростись на нивѣ Божіей.

Все это представится намъ явственнѣе при послѣдовательномъ обозрѣніи св. всел. соборовъ; начнемъ съ собора Никейскаго.



Исторія перваго всел. собора — Никейскаго.

Въ сочиненіяхъ по церк. исторіи, претендующихъ на такъ называемый историческій прагматизмъ, нерѣдкость встрѣтить попытки вывести происхожденіе аріанства изъ системъ церковнаго ученія временъ предшествовавшихъ.

Одни, наприм., поставляютъ систему Арія въ связь съ догматич. ученіемъ Оригена; другіе видятъ въ аріанствѣ продолженіе ереси Павла Самосатскаго; иные первоисточникомъ лжеученія аріанскаго считаютъ даже св. мужа, св. исповѣдника церкви Христовой пресвитера Антіох. Лукіана.

Недоумѣніе одержитъ меня, вдаваться ли здѣсь въ разбирательство всѣхъ этихъ теорій догматически-историческихъ? Опасаюсь, что указаніе на цитаты, интересныя для антикваріевъ, отяготительно будетъ для слуха непривычнаго, а потому, не задаваясь подробнымъ разборомъ этихъ теорій, я замѣчу о нихъ кратко, что онѣ критики не выдерживаютъ: основательное знакомство съ предметомъ прямо приводитъ къ тому заключенію, что никакого ближайшаго внѣшняго источника, изъ коего могли бы генетически проистекать воззрѣнія аріанъ, указать нельзя. Главнымъ и единственнымъ источникомъ всѣхъ этихъ лжеученій нужно признать собственный оригинальный образъ мыслей Арія. Конечно, въ этой системѣ отрицанія божественности втораго лица Пресв. Троицы предшественники Арію были; такими предшественниками Арію можно признать всѣхъ, такъ называемыхъ, монархіанъ во всѣхъ ихъ различныхъ направленіяхъ; но что

при сходствѣ съ предшествовавшими ему монархіанами въ одномъ пунктѣ отрицанія равенства и единосущія втораго лица Пр. Троицы съ Богомъ Отцомъ, у Арія въ развитіи сего ученія гораздо больше самостоятельности и оригинальности, чѣмъ зависимости и подражательности имъ, это несомнѣнно видно изъ всей системы аріанства. Вліянія на Арія съ различныхъ сторонъ конечно быть могли; были вліянія монархіанскія, могли быть даже вліянія со стороны школы Александрійской и именно со стороны Оригена (только не въ томъ смыслѣ, что Арій усвоилъ себѣ подлинный образъ мыслей этого учителя, а скорѣе въ томъ, что Арій многими выраженіями Оригена злоупотребилъ); но ни одному изъ сихъ вліяній Арій не поддавался страдательно и всѣ ихъ переработалъ по свойству и характеру воззрѣній своихъ.

Мы думаемъ, что въ томъ-то между прочимъ и заключалась тайна необычайныхъ успѣховъ аріанства, что ученіе это было оригинально, ново, чѣмъ и увлекало умы, жаждавшіе новаго, но не стяжавшіе искусства въ различеніи истиннаго отъ ложнаго.

Первое обнаруженіе лжеученія аріанскаго представляется, по древнимъ историческимъ памятникамъ, при такихъ обстоятельствахъ. Александръ, епископъ Александрійскій, строго слѣдуя ученію св. писанія и преданію благочестивыхъ предшественниковъ своихъ, нерѣдко богословствовалъ въ присутствіи подвластныхъ ему пресвитеровъ и другихъ клириковъ о Святой Троицѣ, разсуждая, какъ замѣчаетъ церковный историкъ Сократъ, философски, что Святая Троица есть въ Троицѣ единица. Очевидно было, что онъ признавалъ единосущіе всѣхъ лицъ Пресвятыя Троицы и слѣдовательно единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцемъ. Арій, пресвитеръ, подчиненный Александру, изъ любопренія, какъ утверждаетъ Сократъ, склонился ко мнѣнію, противному мыслямъ Александра и на слова епископа сталъ грубо предлагать возраженія, говоря, что если Отецъ родилъ Сына, то рожденный имѣетъ начало бытія; отсюда слѣдуетъ, что было время, когда Сына не было и что Сынъ имѣетъ Свое существо изъ небытія.

Епископъ Александръ, замѣчая, что предметъ собесѣдо-

ваній привлекаетъ къ себѣ большое вниманіе и что онъ имѣетъ важное значеніе, счелъ за лучшее заняться бесѣдами по сему предмету съ тѣми, кои заявляли пренія домашнимъ способомъ, имѣя въ виду не придавать ему гласности, чтобы не производить волненій въ народѣ, а такъ какъ среди бесѣдъ сталъ замѣчать, что сочинители новаго ученія говорятъ многое, съ здравымъ ученіемъ несогласное, то приказалъ Арію, чтобы онъ, оставивъ противорѣчіе, мыслилъ такъ, какъ мыслилъ епископъ (Созом. I, 15).

Арій послѣдовать требованію епископа не заблагоразсудилъ; напротивъ, ободренный тѣмъ, что на сторонѣ его нашлось нѣсколько епископовъ (Секундъ, Ѳеона, см. Сокр. I, 6), пресвитеровъ (Лйоалъ, Ахиллъ, Карпоній, Сарматій, еще Арій) и діаконовъ (Евзой, Макарій, Іюлій, Мина и Елладій), вступилъ съ своимъ епископомъ въ отношенія надменныя и даже непріязненныя: не обращая вниманія на неблаговоленіе къ нему епископа, началъ собирать сборища единомышленниковъ и въ этихъ, вышедшихъ изъ повиновенія епископу, сборищахъ предлагать свое новое ученіе.

Александръ, по свидѣтельству Ѳеодорита, старался вразумить Арія увѣщаніями и совѣтами; но когда увидѣлъ, что тотъ упорно безумствуетъ и открыто проповѣдуетъ свое нечестіе, то въ согласіи съ сослужителями своими (какъ называетъ ихъ Александръ): Египетскими, Ѳиваидскими, Ливійскими, Пентапольскими, Сирскими, Ликійскими и прочими изъ областей сопредѣльныхъ (въ числѣ около ста. Сокр. I, 6), отлучилъ Арія и сообщниковъ его отъ общенія церковнаго.

Арій, считая себя осужденнымъ несправедливо, обратился съ жалобами на своего епископа къ нѣкоторымъ, прежде знакомымъ ему, епископамъ, прося ихъ заступничества за себя и особенно крѣпкую надежду возложилъ на прежняго сотоварища своего въ школѣ Лукіановой Евсевія, епископа Никомидійскаго. Въ письмѣ къ Евсевію, Арій представляетъ себя невиннымъ страдальцемъ за истинное евангельское ученіе и умоляетъ Евсевія защитить его отъ несправедливыхъ (будто бы) нападеній на него Александрійскаго епископа. „Епископъ Александрійскій—писалъ между прочимъ Арій—сильно пре-

слѣдуетъ насъ и гонитъ, употребляя къ тому всѣ средства; онъ даже призналъ насъ людьми безбожными и изгналъ изъ города за то, что мы не согласились съ нимъ, когда онъ всенародно говорилъ: Богъ всегда, Сынъ всегда; вмѣстѣ Отецъ, вмѣстѣ Сынъ; Сынъ сосуществуетъ Богу нерожденно: Онъ всегда рождаемый и не рожденно-рожденный; Богъ ни мыслію, ни какимъ-либо атомомъ не предшествуетъ Сыну; Сынъ изъ самого Бога".

Отрицая это (замѣтимъ значительно искаженное имъ) ученіе Александра, Арій излагаетъ предъ Евсевіемъ сущность богословствованія своего: „мы говоримъ и мыслимъ, учили и учимъ такъ: Сынъ ни не рожденъ и ни въ какомъ смыслѣ не есть часть Нерожденнаго и не произошелъ изъ чего-либо предсуществовавшаго, но по волѣ и совѣту Божію былъ прежде временъ и прежде вѣковъ совершенный Богъ, Единородный, неизмѣнный. Однако же Его не было прежде, чѣмъ Онъ былъ рожденъ, или сотворенъ, или опредѣленъ, или основанъ, ибо до рожденія Онъ не существовалъ. Насъ преслѣдуютъ за то, что мы говорили, что Сынъ изъ несущаго; но мы говоримъ это потому, что Онъ не есть часть Бога и не происходитъ изъ чего-либо предсуществовавшаго. Помни наши скорби— заключаетъ Арій—истинный солукіанистъ, Евсевій" (Θеод. I, 5).

Евсевій, по мыслямъ своимъ, близокъ былъ съ Аріемъ и потому сочувственно отнесся къ письму Аріеву: „ты мыслишь— писалъ Евсевій въ отвѣтъ Арію—правильно; я прошу тебя позаботиться о томъ, чтобы и всѣ такъ мыслили; ибо для каждаго должно быть ясно, что то, что произошло, не было прежде, чѣмъ произошло (Аѳ. о соб. Селевк. и Рим., гл. 17).

Будучи весьма гордымъ для того, чтобы вступить въ сношенія съ Александромъ, еп. Александрійскимъ, начальственнымъ епископомъ надъ Аріемъ, непосредственно, Евсевій пишетъ къ Павлину, еп. Тирскому, съ просьбою, чтобы Павлинъ постарался сообщить Александру „истинное", какъ представлялось Евсевію, ученіе о лицѣ Сына Божія и тѣмъ обратилъ бы Александра на путь истинный (Θеод I, 6).

Александръ скоро узналъ, что на сторонѣ Арія собирается и еще значительное число сообщниковъ даже изъ епи-

скоповъ; сторону Арія теперь приняли: Евсевій Кесар., Ѳеодотъ Лаодикійскій, Аѳанасій Аназарбскій, Григорій Беритскій, Аэцій Лиддійскій; но всего прискорбнѣе для Александра было то, что епископъ Никомид. Евсевій, близкій ко двору императорскому, сталъ на сторону Арія.

Теперь-то строгій ревнитель православія, несомнѣнно увѣренный въ правотѣ и чистотѣ своихъ убѣжденій и дѣйствій, почелъ долгомъ своимъ увѣдомить всѣхъ православныхъ братій и сослужителей своихъ о положеніи церк. дѣлъ въ его епархіи. Онъ началъ разсылать посланія къ епископамъ разныхъ городовъ; по свидѣтельству св. Епифанія, онъ будто-бы написалъ до 70 посланій: изъ всѣхъ его посланій до насъ сохранилось два: одно окружное ко всѣмъ православнымъ епископамъ восточнымъ, другое на имя Александра, старѣйшаго между епископами округа Ѳракійскаго, бывшаго тогда еще епископомъ Византіи, но подготовлявшагося сдѣлаться епископомъ знатнаго города Константинополя.

Едва ли нужно много говорить о томъ, какъ важны для исторіи аріанства эти два посланія перваго ратоборца, поднявшаго воинственное знамя противъ пагубнаго лжеучителя. Эти посланія: 1) сообщаютъ намъ свѣдѣнія о сущности лжеученія Аріева, сообщаютъ какъ первоначальный, непосредственный первоисточникъ; 2) онѣ разоблачаютъ передъ нами тѣ скрытныя тайныя нити, которыми сплеталась первая сѣть аріанства; 3) онѣ представляютъ въ себѣ сущность богословскихъ воззрѣній епископа Александрійскаго, какъ первый образчикъ того, съ какой стороны требовалась полемика противъ аріанства, при его первоначальномъ появленіи.

Въ окружномъ посланіи епископамъ всей каѳолич. церкви епископъ Александрійскій, послѣ обычнаго вступительнаго привѣтствія, приступаетъ прямо къ изложенію своего безпокойнаго предмета. Сказавъ кратко о сущности дѣла, Александръ оговаривается, что онъ хотѣлъ было сохранить сей предметъ въ молчаніи, всячески стараясь, чтобы слухъ о семъ предметѣ, распространившись по другимъ мѣстамъ, не увлекъ въ заблужденіе людей простыхъ. Но его, Александра, выводитъ изъ сего терпѣливаго положенія то обстоятельство, что лже-

учителямъ открытъ радушный пріемъ отъ такого высокопоставленнаго лица, какъ Евсевій, епископъ Никомидійскій.

Евсевій, епископъ Никомидійскій, принялъ подъ свое покровительство сихъ отступниковъ и разсылаетъ повсюду въ защиту ихъ посланія, чтобы простыхъ и неискусныхъ въ вѣрѣ увлечь въ эту самую ужасную христоборственную ересь: поэтому я—говоритъ Александръ,—помня написанное въ законѣ, вижу необходимость прервать молчаніе и увѣдомить всѣхъ васъ о случившемся у насъ, чтобы вы знали и отступниковъ и пагубное ихъ еретическое ученіе и не внимали тому, что будетъ писать Евсевій.

Изложивъ засимъ обстоятельства возникновенія и сущность лжеученія аріанскаго, точно такъ же, какъ и мы сказали объ этомъ не задолго предъ симъ, Александръ далѣе въ окружномъ посланіи вступаетъ въ полемическій тонъ, какъ бы въ оправданіе той горячности своей, съ какою онъ принялся за сіе дѣло: слыхалъ ли кто когда-нибудь подобное, вопрошаетъ Александръ, послѣ того, какъ изложилъ сущность лжеученія аріанскаго. Или услышавъ это нынѣ..., кто не изумится и не закроетъ своего слуха, чтобы не осквернить его такими нечистыми словами? Кто, слыша слова Іоанна: въ началѣ бѣ слово (I, 1), не осудитъ тѣхъ, которые говорятъ, что было время, когда Его не было? Или кто, читая въ Евангеліи: Единородный Сынъ и вся тѣмъ быша (I, 3, 18), не возненавидитъ утверждающихъ, будто Сынъ есть одно изъ твореній? Въ самомъ дѣлѣ, какъ Онъ можетъ быть однимъ изъ тѣхъ, которые чрезъ Него получили бытіе; или какъ будетъ Онъ единородный, когда, сообразно съ ихъ мнѣніемъ, включимъ Его въ рядъ всѣхъ прочихъ существъ? Какъ выйдетъ, что Онъ произошелъ изъ несущаго, когда Отецъ говоритъ: отрыгну сердце Мое слово благо (Пс. XLIV, 1) и изъ чрева прежде денницы родихъ тя (С, 3), или какъ Онъ не подобенъ сущности Отца, когда Онъ есть совершенный образъ и сіяніе Отца (Евр. I, 3) и когда самъ говоритъ: видѣвый Мене, видѣ Отца (XIV, 9). Если Сынъ Божій есть слово и мудрость Божія, то какъ могло быть время, когда Его не было? Это значило бы то же, какъ ежели бы они сказали, что Богъ нѣкогда былъ

безъ слова и мудрости. Справедливо ли утверждать, что Онъ превратенъ и измѣнчивъ, когда самъ же о Себѣ говоритъ: Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (XIV, 10) и: Азъ и Отецъ едино есмы (X, 30), или чрезъ пророка: видите яко Азъ есмь и не измѣняюся (Мал. III, 6). Правда, слова сіи можно относить и къ самому Отцу; но гораздо естественнѣе полагать, что здѣсь говорится о Словѣ и именно то, что Оно и вочеловѣчившись не измѣнилось, а какъ сказалъ апостолъ: Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тои же и во вѣки (Евр. XIII, 8). Какая причина заставляетъ еще говорить, что Онъ получилъ бытіе ради насъ, когда Павелъ пишетъ: Его же ради всяческая и Имъ же всяческая (Евр. II, 10).

Что касается до богохульнаго ихъ мнѣнія, будто Сынъ не знаетъ совершенно Отца, то изъ сего мнѣнія ясно видно, что они отвергли сказанное Христомъ: „Яко же знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца“ (X, 15). Ежели бы мы положили, что Отецъ знаетъ Сына только отчасти, то явно было бы, что и Сынъ знаетъ Отца не совершенно. Но какъ перваго сказать нельзя, потому что Отецъ знаетъ совершенно Сына, то слѣдуетъ, что какъ Отецъ знаетъ Свое Слово, такъ и Слово знаетъ Своего Отца, Котораго Оно есть Слово.

Далѣе Александръ объясняетъ, какъ онъ старался отклонять лжеучителей отъ ихъ опаснаго пути: иногда эти нечестивцы и выражали свое согласіе съ ученіемъ Александра, но скоро опять, какъ хамелеоны, измѣнялись, оправдывая на себѣ слова писанія: „егда пріидетъ нечестивый во глубину золъ—нерадитъ“ (Притч. XVIII, 3). „По этой причинѣ—продолжаетъ Александръ—мы ихъ отлучили отъ церкви и предали анаѳемѣ. О семъ и извѣщаемъ ваше благочестіе, возлюбленные и честнѣйшіе сослужители, съ тѣмъ, чтобы вы не принимали никого изъ нихъ, когда бы кто захотѣлъ притти къ вамъ, и не вѣрили ни Евсевію, ни кому другому, кто сталъ бы писать за нихъ“.

Посланіе Александра къ епископу Византійскому носитъ на себѣ признаки еще большаго одушевленія и даже, можно сказать, ораторскаго краснорѣчія, чѣмъ посланіе окружное, отчасти, вѣроятно, потому, что съ большимъ продолженіемъ

времени болѣе и болѣе у самого Александра укрѣплялись и созрѣвали мысли и чувства по отношенію къ его предмету, а отчасти, вѣроятно, и потому, что писать къ епископу Византіи, который скоро готовился сдѣлаться епископомъ новой столицы, было для Александра предметомъ еще большей заботливости объ отдѣлкѣ своего посланія во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Собственно говоря и здѣсь все тѣ-же мысли и чувства, кои изложены и въ окружномъ посланіи: замѣтна только нѣкоторая разница въ постановкѣ и изложеніи ихъ.

Упомянувъ о начальникахъ лжеученія — Аріи и Ахиллѣ, Александръ выражается: „Охуждая все апостольское благочестивое ученіе, они, по примѣру іудеевъ, составили христоборственное скопище, отвергаютъ божество Спасителя нашего и проповѣдуютъ, что Онъ равенъ всѣмъ людямъ. Собирая всѣ мѣста свящ. писанія, въ которыхъ говорится о Его спасительномъ строительствѣ и самоуничиженіи ради насъ, они стараются подтверждать ими свое нечестивое ученіе; а тѣхъ выраженій, въ которыхъ говорится о Его вѣчномъ божествѣ и неизреченной славѣ со Отцемъ, они не хотятъ и слушать. Поддерживая такимъ образомъ нечестивое мнѣніе еллиновъ и іудеевъ о Христѣ, они всѣми силами стараются заслужить одобреніе отъ нихъ и позволяютъ себѣ дѣлать все, чѣмъ бы можно было подвергнуть насъ осмѣянію ихъ“.

Не довольно ясно выражается епископъ Александръ здѣсь, но намекъ даетъ на то-же явленіе, о которомъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ; именно: изъ церковной ист. Сократа и Евсевія (Сокр. I, 6: Житіе Конст. XI, 61), что, благодаря суетливымъ и искательнымъ выходкамъ аріанъ, христіанская религія начинала становиться предметомъ поруганія и осмѣянія на публичныхъ зрѣлищахъ. Подобныя явленія и для каждаго изъ христіанъ непріятны, тѣмъ болѣе должны были безпокоить архипастыря, обязаннаго верховнымъ надзоромъ за охраною вѣры: пастыря, изъ округа коего возникли такія злыя отрасли!

Повторяя и здѣсь въ изложеніи аріанскаго ученія то-же, что мы знаемъ изъ посланія окружнаго, Александръ приво-

дитъ нѣкоторыя особенности изъ свойства аріанской діалектики. „И мы—богохульствуютъ эти нечестивцы—также, какъ и Онъ, т. е. Христосъ, можемъ сдѣлаться сынами Божіими, ибо написано: сыны родихъ и возвысихъ (Исх. I, 2). Когда же имъ въ отвѣтъ на это читали написанное далѣе: „тіи же отвергошася Мене“, что не свойственно Спасителю, имѣющему естество неизмѣняемое, тогда они безъ всякаго стыда отвѣчали намъ, что Богъ, по предвѣдѣнію и предусмотрѣнію, зная, что Онъ — Спаситель не отвержется, избралъ Его по преимуществу изъ всѣхъ сыновъ. *Не потому* — говорятъ они — Богъ избралъ Его, что Онъ по естеству имѣетъ нѣчто преимущественное предъ прочими сынами (по ихъ мнѣнію нѣтъ никого, кто бы былъ Сыномъ Божіимъ по естеству, и никто не имѣетъ въ себѣ свойствъ божественной природы), *но потому*, что Онъ, подобно прочимъ, измѣняясь заслужилъ особенное благоволеніе Божіе удаленіемъ отъ всѣхъ грѣховъ и совершенною святостію, такъ что ежели бы такую же силу въ томъ показали Павелъ или Петръ, то и ихъ усыновленіе ни мало не отличалось бы отъ Его усыновленія“.

Ораторствуя и богословствуя и здѣсь также, какъ и въ окружномъ посланіи въ обличеніе аріанства, Александръ, въ посланіи къ епископу Византійскому, между прочимъ, вставляетъ такое высокобогословское разсужденіе: „Св. Іоаннъ, заключая въ выраженіи *бѣ*, которое употребилъ о Словѣ Божіемъ, высокій смыслъ, непостижимый для ума сотворенныхъ существъ, призналъ неприличнымъ сказать, что Оно рождено или сотворено: онъ не дерзнулъ употребить тѣхъ же словъ о Творцѣ, которыя употребилъ въ отношеніи къ твари. И поступилъ такъ не потому, что Слово Божіе не рождено, — одинъ только Отецъ не рожденъ, — но потому, что неизъяснимый образъ бытія единороднаго Сына Божія превышаетъ понятіе не только евангелистовъ, но и самыхъ ангеловъ. Если разумъ человѣческій не можетъ знать многихъ и такого рода предметовъ, которые несравненно ниже сего таинства, то развѣ одно только безуміе, лишенное человѣческаго смысла, рѣшится подвергать изслѣдованію ипостасное бытіе Слова Божія. Духъ пророческій о Немъ прямо

сказалъ: „родъ же Его кто исповѣсть“ (Исаіи LIII, 8). Да и самъ Спаситель нашъ возвѣстилъ, что разумѣніе сей божественнѣйшей тайны выше силъ всѣхъ сотворенныхъ существъ и вѣдѣніе о ней принадлежитъ только одному Отцу: „никтоже знаетъ Сына. токмо Отецъ; ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ“ (Матѳ. XI, 27). Не отяготимся выслушать еще одну выдержку православной діалектики въ этой хитросплетеной полемикѣ.

Выраженіе: „нѣкогда не существовалъ“ должно быть относимо или ко времени, или нѣкоему продолженію вѣчности. Если же справедливо, что *вся* Тѣмъ быша, то явно, что и время, и вѣчность, и отдѣлы временъ и самое нѣкогда, въ которомъ содержится несуществованіе Его, чрезъ Него получили бытіе. И что же можетъ быть нелѣпѣе, какъ сказать, что создавшій времена и вѣки и лѣта, въ которыхъ должно заключаться такъ называемое нѣкогда, Самъ нѣкогда не существовалъ?

Кто говоритъ, что нѣтъ сіянія Славы (Евр. I, 3), тотъ отвергаетъ бытіе и первообразнаго Свѣта, отъ Котораго происходитъ Сіяніе. Если не всегда существовалъ образъ Бога (2 Коринѳ. IV, 4; Кол. I, 15), то очевидно, не всегда существовалъ и Тотъ, Чей это образъ.

Отсюда можно видѣть, что сыновство Спасителя нашего не имѣетъ ничего общаго съ сыновствомъ прочихъ существъ. Какъ неизреченная Его ипостась несравненно выше всѣхъ тварей, которымъ Онъ далъ бытіе, такъ и Его сыновство, по самой природѣ сопричастное божеству Отца, неизреченно выше сыновства людей, которые уже чрезъ Него получили усыновленіе Отцу небесному.

Въ дальнѣйшей своей полемикѣ съ лжеучителями Александръ приводитъ почти въ полномъ видѣ исповѣданіе вѣры, искони хранимое въ церкви Александрійской, исповѣданіе, отъ коего такъ нечестиво отпалъ Арій и его единомысленники: но за это отпаденіе они изгнаны изъ церкви.

Этихъ-то отъ всей братіи преданныхъ анаѳемѣ людей никто изъ васъ да не принимаетъ къ себѣ, равно какъ и того, что они будутъ говорить или писать: они обманщики,

все лгутъ и истины нѣтъ въ нихъ. Они ходятъ по городамъ съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы, подъ видомъ дружества и подъ именемъ мира, лицемѣрно и льстиво раздавать и получать письма и этими письмами утвердить въ заблужденіи обманутыхъ ими нѣкоторыхъ женщинъ, утопающихъ во грѣхахъ (2 Тим. III, 6). Удаляйтесь, возлюбленные и единодушные братія, отъ такихъ людей; удаляйтесь отъ нихъ и изъявите намъ свое согласіе къ подавленію неистовой ихъ дерзости, подобно тому, *какъ многіе сослужители наши изъявили намъ свое негодованіе на этихъ отступниковъ отъ вѣры и подписавъ намъ посланіе, отправляемое теперь къ вамъ* (множественное число вы, къ вамъ и т. п. указываетъ, что при написаніи посланія имѣлись въ виду какъ епископъ Византіи, такъ и пресвитеріатъ его и всѣ близкіе къ нему) подтвердили это своими собственными письмами къ нимъ. А подписали его всѣ епископы: Египетскіе, Ѳиваидскіе, Ливійскіе, Пентапольскіе, Сирійскіе, Ликійскіе, Памфилійскіе, Асійскіе, Каппадокійскіе и епископы другихъ сопредѣльныхъ областей. Заканчивается посланіе обычнымъ привѣтствіемъ ко всей Византійской братіи.

Въ самомъ концѣ посланія снова перечисляются виновники лжеученія; вотъ преданные анаѳемѣ еретики: изъ пресвитеровъ Арій, изъ діаконовъ Ахиллъ, Евзой, Айѳалъ, Лукій, Сарматъ, Юлій, Мина, другой Арій и Елладій.

Посланія ли Александра, епископа Александрійскаго, близость ли Евсевія, епископа Никомидійскаго къ императорскому двору, широкій ли объемъ, какой начинали захватывать собою волненія аріанскія, все ли это вмѣстѣ послужило къ тому, что на споры аріанскіе обратилъ свое вниманіе императоръ Константинъ Великій. Слухъ о волненіяхъ аріанскихъ произвелъ на императора Константина Великаго весьма удручающее впечатлѣніе. Занятый всею душею благоустроеніемъ дѣлъ государственныхъ, императоръ Константинъ въ своемъ политическомъ благоразуміи почиталъ наилучшимъ средствомъ къ благоустроенію государства между прочимъ то, чтобы между его подданными господствовало согласіе и единомысліе въ почитаніи Верховнаго Божества. Имѣя въ виду эту цѣль,

императоръ — какъ онъ самъ о себѣ выражается — иное разсматривалъ внутреннимъ окомъ ума, а иное старался совершить вооруженною рукою. „Я зналъ — выражается онъ — что ежели по моимъ молитвамъ возстановлено будетъ согласіе между всѣми вѣрными, ходъ общественныхъ дѣлъ получитъ направленіе, соотвѣтствующее благочестивымъ намѣреніямъ каждаго“.

Немного еще времени прошло послѣ того, какъ Константину Великому удалось угасить въ Африкѣ опасныя волненія изъ-за раскола донатистовъ. Потерпѣвъ много безпокойства изъ-за дѣлъ въ Африкѣ, императоръ Константинъ только было надѣялся отдохнуть душею, занявшись близкимъ ознакомленіемъ съ дѣлами восточными; но здѣсь, о, благое, божественное Провидѣніе! здѣсь сердцу Константина нанесена такая глубокая рана! Тѣ, чрезъ которыхъ Константинъ надѣялся подавать врачевство другимъ, сами оказываются нуждающимися въ гораздо большемъ врачеваніи.

Первыя свѣдѣнія объ аріанскихъ волненіяхъ были сообщены Константину, какъ видно, сторонниками Арія и по всей вѣроятности партіею Евсевія Никомидійскаго. Это одно обстоятельство, которое намъ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы понять причину, почему Константинъ на первый разъ отнесся къ сему дѣлу такъ, какъ именно отнесся онъ. Но при этомъ обстоятельствѣ намъ нужно имѣть въ виду и то, что Константинъ, какъ недавно приблизившійся къ обществу христіанъ, не успѣлъ еще въ надлежащей глубинѣ погрузиться въ тайны вѣроученія христіанскаго. Отъ этихъ двухъ причинъ произошло то, что Константинъ смотритъ довольно поверхностно на сущность спора между Аріемъ и Александромъ; видно, что императоръ съ перваго раза не составилъ себѣ отчетливаго представленія о сущности спора. То онъ представляетъ предметъ пренія между Александромъ и Аріемъ непостижимымъ по его величію и высотѣ и совѣтуетъ изъ уваженія къ его величію неприкасаться къ нему. „Кто можетъ — пишетъ между прочимъ Константинъ Великій въ своемъ посланіи къ Александру и Арію — обстоятельно узнать или по надлежащему истолковать силу столь великихъ и столь трудныхъ

17 ОТК ООН

предметовъ? Въ изысканіяхъ этого рода надобно удерживаться отъ многословія, чтобы или по слабости своего естества, не имѣя силы истолковать предложенный вопросъ, или по тупости слушателей немогши сообщить имъ яснаго понятія о высказанномъ ученіи, тѣмъ или другимъ образомъ не довести народа либо до богохульства, либо до раскола" (Евс. ц. ист., гл. 69: Дѣян. вс. соб., изд. Каз. Ак., стр. 69). То вдругъ представляется ему, что на это дѣло обращено спорящими вниманія больше, чѣмъ сколько это дѣло заслуживаетъ: Константинъ нѣсколько разъ о предметѣ спора выражается, что „поводъ къ этимъ спорамъ весьма незначителенъ, что предметъ спора вовсе не стоитъ такого пренія", называетъ предметъ спора „маловажнымъ и ничтожнымъ"; говоритъ, „что предметъ сей не касается какого-либо главнаго ученія въ законѣ, что это мелочное и суетное словопреніе, что подобные споры дѣло черни и болѣе приличны дѣтскому неразумію, нежели вниманію людей священныхъ и разумныхъ".

Отъ этой-то неясности и неотчетливости представленій Константина Великаго о предметѣ спора между Аріемъ и Александромъ и происходило, что Константинъ не понималъ всей важности дѣла и не предполагалъ возможности того, что предметъ этотъ приметъ такіе широкіе размѣры, какіе принялъ онъ впослѣдствіи.

На сей разъ Константинъ Великій находилъ наилучшимъ совѣтовать Александру и Арію оставить словопреніе, что если у нихъ есть несогласныя мнѣнія, то эти несогласныя мнѣнія „должны оставаться въ ихъ умѣ и храниться въ тайникѣ души". Онъ думалъ, что для спокойствія церкви (а оно же составляло и столь дорогое для Константина спокойствіе государства) гораздо было бы выгоднѣе оставить это дѣло въ томъ состояніи, въ какомъ оно было доселѣ, чѣмъ подвергать его преніямъ и обсужденіямъ.

„Возвратитесь ко взаимному дружеству и любви—убѣждаетъ Константинъ Александра и Арія—узнайте снова другъ друга, по отложеніи вражды и по примиреніи, дружба чаще бываетъ тѣмъ пріятнѣе" (гл. 71).

Для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ содѣйствовать

столь желательному примиренію несогласныхъ, Константинъ Великій послалъ съ своимъ посланіемъ извѣстнаго ему своимъ благочестіемъ, образованностію и своею ревностію о вѣрѣ Осію. епископа Кордубскаго, съ повелѣніемъ водворить миръ между враждовавшими (гл. 63). Но благочестивое желаніе христолюбиваго императора, не смотря на всю сердечность, искренность и богоугодность его. на сей разъ встрѣтило очень важныя задержки къ его осуществленію. Первая и главная причина безуспѣшности желанія Константинова скрывалась въ томъ, что предметъ спора между Аріемъ и Александромъ былъ вовсе не такъ мелоченъ. какъ судилъ о немъ Константинъ. Мы уже излагали сущность дѣла, и по этой сущности можемъ судить. что дѣло было гораздо серьезнѣе, чѣмъ какъ оно казалось императору, повторимъ. только еще недавно обратившемуся въ христіанство и не имѣвшему еще возможности проникнуть въ глубины его; эта причина самая главная.

Далѣе: волненія аріанскія разнеслись уже по окружности весьма широко и личное соглашеніе между Александромъ и Аріемъ, о коемъ такъ усердно упрашивалъ Константинъ, не могло принести большой пользы дѣлу. Въ 3, съ посланіемъ своимъ въ Александрію Константинъ послалъ Осію, епископа Кордубскаго, слова нѣтъ, пастыря опытнаго и много пожившаго; но Осія, родомъ испанецъ, и не могъ быть знакомъ съ тонкостями греч. языка и съ обстоятельствами церкви Александрійской, чтобы можно было возлагать на эту миссію большія и несомнѣнныя надежды. Что предпринималъ въ Александріи маститый старецъ Кордубскій къ примиренію враждовавшихъ, неизвѣстно; извѣстно только, что путешествіе Осіи оказалось безуспѣшнымъ и императору Константину нужно было подумать о мѣрахъ другихъ.

Между этими-то мѣрами самою существенною былъ признанъ *вселенскій соборъ*.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что императоръ Константинъ Великій и послѣ того, какъ отправилъ вышеупомянутое нами посланіе къ Александру и Арію, не оставался въ спокойномъ ожиданіи результатовъ отъ того

посланія: онъ безъ сомнѣнія старался глубже и подробнѣе знакомиться со свойствами, причинами и обстоятельствами возникшихъ волненій, но чѣмъ обстоятельнѣе онъ съ этимъ явленіемъ ознакомлялся, тѣмъ яснѣе долженъ былъ видѣть невѣрность того своего взгляда на этотъ предметъ, какой выражался въ его посланіи къ Александру и Арію. Къ счастію, ему скоро удалось составить себѣ понятіе объ этомъ предметѣ болѣе точное, а безуспѣшность миссіи Осіиной въ Александріи еще болѣе убѣдила его, что дѣло у Александра и Арія вовсе не такое мелкое, какимъ оно показалось Константину на первый взглядъ. Надобно думать, что и знакомство съ симъ предметомъ теперь получилъ Константинъ отъ другой партіи, противоположной Евсевію Никомидійскому, подъ вліяніемъ коего Константинъ писалъ свое посланіе къ Александру. Вскорѣ становится видно, что на Константина начала воздѣйствовать партія православныхъ. Это воздѣйствіе на Константина со стороны православныхъ видно изъ того, что Константинъ старается воздѣйствовать болѣе энергичнымъ способомъ на главнаго виновника въ этомъ безпокойномъ явленіи—на Арія. Вскорѣ же, по возвращеніи Осіи Кордубскаго съ его безуспѣшной миссіи изъ Александріи, Константинъ отправляетъ отъ себя второе посланіе, но теперь къ одному Арію съ его единомысленниками и здѣсь выражаетъ и порицаніе лжеучителю и требуетъ отъ него, чтобы онъ склонилъ свою горделивую выю подъ иго евангелія: иначе подвергнется наказанію, какого и самъ не предполагаетъ. „Я еще задумываюсь — пишетъ между прочимъ императоръ — должно ли тебѣ жить или умереть. Приди ко мнѣ, приди говорю къ человѣку Божію“, были заключительныя слова въ посланіи Константиновомъ; „будь увѣренъ, что своею бесѣдою я разрѣшу сокровенныя недоумѣнія твоего сердца и, надѣюсь, что кажущееся тебѣ не разумнымъ, при помощи благодати Божіей, представится тебѣ наилучшимъ. И если ты явишься здравымъ въ душѣ и познавшимъ свѣтъ истины, я возблагодарю Бога и буду сорадоваться твоему благочестію“. Къ великому огорченію миролюбиваго императора и этотъ зовъ его оказался напраснымъ: еретичествующій эксъ-

пресвитеръ посланія императорскаго не послушался. Арій, какъ видно по содержанію письма къ нему отъ императора, много возмнилъ о силѣ и правотѣ своей на основаніи того, замѣченнаго имъ явленія, что ученіе его привлекло къ нему въ разныхъ мѣстахъ очень много послѣдователей. „Мы имѣемъ—говорилъ онъ императору — большинство народа на своей сторонѣ“. Въ характерѣ Арія, какъ онъ и самъ не отрицаетъ, сильна была самоувѣренность и неподатливость, что, при поддержкѣ, отъ самомнѣнія довело его до упорства и упрямства.

Склониться на предложеніе императора было для Арія, какъ онъ выразился самъ, „не согласно съ его нравомъ“. „Или—говорилъ онъ—мы должны удержать то, чему послѣдовали, или пусть же будетъ то, чего мы сами захотимъ“. „Если Александрійскій епископъ остается при своемъ мнѣніи, то мы просимъ—писалъ тамъ же Арій—дозволить намъ законнымъ образомъ законное и необходимое богослуженіе“.

Полная справедливость требуетъ сказать, что во второмъ посланіи императора Константина Великаго, адресованномъ къ Арію и его единомысленникамъ, собрано и предложено все, что только можетъ предложить самый образованный и самый благопопечительный богословъ ко вразумленію заблуждающагося. „Скажи мнѣ — спрашиваетъ императоръ Арія—гдѣ ты показалъ явное свидѣтельство твоего ума? Признаешь ли, что Богъ единъ? Мое мнѣніе таково: такъ мысли и ты. Говоришь ли, что Слово Бога, по существу Своему, не имѣетъ ни начала, ни конца: хвалю и за это; вѣрь такъ. Если что нибудь приплетаешь далѣе, я отвергаю. Кто знаетъ Отца, если не Изшедшій отъ Отца? Кого знаетъ Отецъ, какъ не Того, Котораго Онъ родилъ изъ Себя предвѣчно и безначально? Не право вѣруя, ты думаешь, что должно предположить преходящую ипостась: я съ своей стороны признаю полноту все превосходящей и все проницающей власти Отца и Сына и единство существа Ихъ!“ И глубина богословія и сила убѣдительности, наивозможныя на немощномъ языкѣ человѣческомъ. Но и эта глубина богословія и эта сила убѣдительности не были достойно ощѣ-

нены самолюбцемъ, закружившимся въ вихрѣ обольстительныхъ мечтаній лжеименнаго мудрованія.

Не видя болѣе никакихъ средствъ къ умиротворенію церкви и въ тоже время смущаясь болѣе и болѣе разливавшимся потокомъ волненій аріанскихъ, императоръ Константинъ Великій призналъ полезнымъ внять совѣту нѣкоторыхъ многоопытныхъ пастырей церкви, подавшихъ ему мысль о созваніи вселенскаго собора [1]).

Кромѣ волненій аріанскихъ, соборнаго разсмотрѣнія требовали и еще нѣкоторыя обстоятельства церковныя, важныя по своему существу, но не поддававшіяся никакой регламентаціи, создаваемой законодательными силами властей областныхъ, не имѣвшихъ авторитета вселенскаго. Таковыми вопросами были, между прочимъ, такъ называемый расколъ мелетіанскій и вопросъ о празднованіи Пасхи.

Расколъ мелетіанскій титломъ своимъ обязанъ Мелетію, епископу Θиваидскому. Мелетій за отреченіе отъ вѣры при Діоклетіанѣ подвергъ себя отлученію отъ церкви: отлученіе на него было изречено св. епископомъ Петромъ, исповѣдникомъ и мученикомъ въ тоже гоненіе. Но Мелетій сего отлученія не послушался и продолжалъ по всему Египту освящать церкви и рукополагать къ нимъ священнодѣйствующихъ. Когда по Египту стало распространяться аріанство, то въ числѣ другихъ епископовъ на сторону аріанъ склонился и Мелетій. Отъ всего этого происходила страшная путаница въ церковныхъ отношеніяхъ: здѣсь были признаки раскола и ереси и даже церковнаго безначалія.

Вопросъ о празднованіи Пасхи состоялъ въ томъ, что не смотря на многократныя и продолжительныя разсужденія въ вѣкахъ предшествующихъ IV, т. е. во II и III, все еще не было урегулировано для всей христіанской церкви единство во времени празднованія сего свѣтлаго праздника: одни изъ христіанъ, именно восточные, праздновали Пасху въ одинъ день съ іудеями, именно въ 14 число перваго мѣсяца послѣ весенняго равноденствія, западные въ первый воскресный

[1]) У Сульпиція Севера есть свидѣтельство, что Никейскій соборъ созванъ „Auctore Osio“ (hist. 11, 55), то есть по предложенію, по совѣту Осіи.

день послѣ полнолунія этого мѣсяца. Отъ этого разногласія происходило то, что въ одно и тоже время одни изъ христіанъ пребывали въ подвигахъ поста и молитвы, воспоминая страданія Господни, а другіе наслаждались торжествомъ воскресенія Христова.

Въ виду этихъ-то и многихъ другихъ нестроеній церковныхъ императоръ и рѣшился созвать вселенскій соборъ.

Подлинно, достойное сожалѣнія обстоятельство, что мы ни отъ кого изъ тогдашнихъ современниковъ не имѣемъ полнаго описанія засѣданій и дѣйствій вселенск. Ник. собора. Истреблены ли эти дѣянія аріанами, или во время самыхъ занятій собора не было обращено вниманія на составленіе протоколовъ, сказать съ рѣшительностію нельзя; наиболѣе вѣроятнымъ представляется предложеніе послѣднее, т. е. что на самомъ соборѣ актовъ собора не составлено.

Въ предисловіи къ арабскому собранію церк. правилъ, открытому въ XVI в., говорится, что акты Ник. собора въ свое время писаны были, что они по обширности своей составляли около 40 книгъ и распространены были повсюду. Лжеисидоръ въ предисловіи къ своему собранію говоритъ, будто онъ отъ восточныхъ узналъ, что акты Ник. собора были объемистѣе, чѣмъ 4 евангелія. На Флорентійскомъ соборѣ одинъ защитникъ папства утверждалъ, между прочимъ, будто бы еще св. Аѳанасій Великій спрашивалъ отъ папы Юлія неповрежденнаго списка дѣяній Никейскаго собора, жалуясь, что всѣ списки восточные извращены аріанами. Но всѣ эти сказанія не подтверждаются никакими достовѣрными свидѣтельствами историческими. Отъ этого недостатка несомнѣнныхъ свидѣтельствъ непосредственныхъ нѣтъ возможности изобразить вполнѣ внутреннюю, существенную сторону въ совѣщаніяхъ собора, передать содержаніе и свойство самыхъ разсужденій, какія имѣли между собою члены собора. Всѣ, несомнѣнно, достовѣрныя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ, какія имѣемъ мы, кромѣ того, что разсѣянны мелкими частицами по разнымъ мѣстамъ, представляются потому не вполнѣ удовлетворительными для изслѣдователя исторіи, что ограничиваются по большей части одною внѣшнею стороною дѣла.

Несомнѣнными источниками для исторіи Никейскаго собора считаются нѣкоторыя указанія въ сочиненіяхъ св. Аѳанасія, какъ въ его письмахъ объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора и посланіе къ аѳрамъ: свидѣтельства церковныхъ историковъ: Евсевія, Сократа, Созомена, Ѳеодорита и Руфина символъ вѣры, составленный на Никейскомъ соборѣ, и 20 правилъ, установленныхъ на соборѣ.

Поэтому, замѣтимъ здѣсь кстати, для сужденія о характерѣ разсужденій и совѣщаній на соборѣ догматическихъ, для тѣхъ, кто пожелалъ бы имѣть полное понятіе о семъ предметѣ, необходимо обращаться, между прочимъ, къ догматическимъ сочиненіямъ св. отцевъ, ближайшихъ по времени Никейскаго собора, и между ними по преимуществу къ догматическимъ сочиненіямъ св. и вел. Аѳанасія Александрійскаго.

Уступая поневолѣ необходимости, мы удовольствуемся тѣмъ, что осталось, и соберемъ, что слѣдуетъ изъ того, что осталось.

Понимая неблагопріятныя послѣдствія, могущія произойти отъ раздражительнаго раздѣленія членовъ церкви, и всячески желая эти послѣдствія предотвратить, императоръ, какъ усердно заботившійся о религіозномъ и политическомъ объединеніи всѣхъ своихъ подданныхъ, не жалѣлъ расходовъ, необходимыхъ къ достиженію преднамѣченной имъ цѣли. По указу его, всѣмъ епископамъ, собравшимся на соборъ (одно небольшое отступленіе: въ указаніяхъ о числѣ отцовъ собора древніе памятники не всѣ между собою согласны: кто говоритъ, что ихъ было 300 (Гел.), кто—что ихъ было 250 (Евсев.), иные—что было 318, свидѣтельство, что на соборѣ было 318 отцовъ, содержимое нашею церковью, и по настоящее время находимъ у такихъ высокочтимыхъ св. отцовъ церкви, какъ св. Аѳанасій Великій (Аѳан. Велик. къ аѳрамъ. Твор. III, 315), св. Иларій и св. Амвросій, Медіоланскій), — такъ, по указу императора, всѣмъ епископамъ, собравшимся на соборъ, и даже свитѣ ихъ (которой, по выраженію одного историка, не было и числа) назначены были и прогоны и содержаніе изъ государственнаго казначейства.

Къ назначенному дню собрались въ Никею епископы отъ

всего христіанскаго міра; въ частности Евсевій упоминаетъ о епископахъ изъ Сиріи, Киликіи, Финикіи, Аравіи, Палестины, Египта, Ѳивъ, Ливіи, Месопотаміи, Персіи, Скиѳіи, Понта, Галатіи, Памфиліи, Каппадокіи, Асіи, Фригіи, Фракіи, Македоніи, Ахаіи, Епира и наконецъ Испаніи.

„Не былъ только—замѣчаетъ Евсевій—по причинѣ своей старости предстоятель царственнаго города, т. е. Рима, а потому вмѣсто его присутствовали исполнявшіе его должность пресвитеры". Приглашенъ былъ въ Никею и главный виновникъ этого собранія — Арій (Ruf. hist. Eccles. I, 1).

Въ промежуткѣ между временемъ, назначеннымъ для открытія собора по указу, и между временемъ самаго открытія торжественнаго, къ которому долженствовалъ прибыть и самъ императоръ, происходили частныя совѣщанія и разсужденія между православными, аріанами и философами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Сократъ (I, 8) и Созоменъ (I, 17); въ это время неоднократно былъ приглашаемъ епископами къ совѣщанію и Арій, и здѣсь свободно излагалъ свое ученіе. Уже въ это время ясно было видно, что на сторонѣ Арія много было сторонниковъ, даже изъ епископовъ: Филосторгій аріанинъ пишетъ, что епископовъ, державшихъ сторону Арія, было 22, именно: шесть изъ Ливіи, 1 изъ Египта, 2 изъ Палестины, 2 изъ Финикіи, 3 изъ Киликіи, 3 изъ Каппадокіи, 2 изъ Понта, 3 изъ Виѳиніи (L. I. c. 8). Руфинъ пишетъ, что ихъ было 17; Ѳеодоритъ поименно исчисляетъ 10, именно: Евсевій Никомидійскій, Ѳеогнисъ Никейскій, Марисъ Халкидонскій, Ѳеодоръ Ираклійскій (во Фракіи), Менофантъ Ефесскій, Патрофилъ Скиѳопольскій, Наркиссъ изъ Киликіи, Ѳеона Мармарикскій, Секундъ Птолемаидскій (въ Египтѣ), Евсевій Кессарійскій. Множество было священниковъ и мірянъ, кои принимали участіе въ преніяхъ, одни стоя на сторонѣ Арія, другіе на сторонѣ православныхъ.

На сторонѣ православныхъ особеннымъ одобреніемъ и уваженіемъ пользовались св. Аѳанасій, тогда еще діаконъ Александрійскій, и пресвитеръ Константинопольскій Александръ, послѣ заступившій мѣсто своего престарѣлаго епископа (Сокр. I, 8). Всѣ эти частныя пренія были въ нѣко-

торомъ смыслѣ частною подготовкою и черновою работою передъ торжественнымъ обсужденіемъ и окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла. Когда наступилъ день, назначенный для разрѣшенія недоумѣній споривших, по Созомену — воскресный (I, 19), тогда всѣ приглашенные въ собраніе вступили во внутреннѣйшую палату царскаго дворца, гдѣ по обѣимъ сторонамъ разстановлено было въ порядкѣ множество сѣдалищъ; занявъ каждый приличное ему мѣсто, ожидали прибытія царя.

Когда поданъ былъ знакъ, которымъ обыкновенно возвѣщалось прибытіе царя, всѣ встали, царь вошелъ и вступилъ на средину собранія; когда подставили царю сдѣланное изъ золота кресло, онъ сѣлъ, но не прежде, какъ давъ знакъ садиться епископамъ. Послѣ царя всѣ такъ и поступили.

Затѣмъ одинъ изъ епископовъ, занимавшій *первое мѣсто съ правой стороны* (увы! авторитетъ папскихъ легатовъ), привѣтствовалъ царя краткою рѣчью; кто это былъ привѣтствовавшій, отвѣтъ на это опирается на однихъ только догадкахъ: Созоменъ говоритъ, что это Евсевій Кесарійскій; Ѳеодоритъ говоритъ, что это Евстаѳій Антіохійскій; Ѳеодоръ Мопсуетскій говоритъ, что это Александръ Александрійскій. Трудно согласиться съ Созоменомъ, чтобы рѣчь эту говорилъ Евсевій Кесарійскій. Въ началѣ собора, когда еще неизвѣстно было, чѣмъ кончится дѣло Арія, Евсевій Кесарійскій не могъ такъ сильно и рѣшительно выражаться о человѣкѣ, къ которому онъ питалъ нѣкоторое время расположеніе. Ежели согласиться съ блаженнымъ Ѳеодоритомъ, что рѣчь передъ началомъ собора говорилъ Евстаѳій Антіохійскій, то рѣчь эту мы и теперь можемъ читать, такъ какъ она сохранилась у Григорія, пресвитера Кесарійскаго (Combefisii Auctuar. t. 11, p. 555).

Вотъ эта, оставшаяся загадочною при вопросѣ объ ея авторѣ, рѣчь:

„Благовѣрнѣйшій государь!

Благословенъ Богъ, избравшій тебя царемъ земли, рукою твоею истребившій идолопоклонство и водворившій чрезъ

тебя въ сердцахъ вѣрующихъ миръ. Уже попрана власть духовъ злобы, ниспровержены алтари многобожія; разсѣевается мракъ нечестія, и свѣтъ божественнаго ученія озаряетъ всю вселенную. Прославляется Отецъ, почитается и Сынъ, возвѣщается и Духъ Святый: Троица единосущная; едино Божество въ трехъ лицахъ всюду проповѣдуется.

На семъ ученіи, государь, утверждается величіе твоего благочестія. Сохрани его для насъ цѣлымъ и ненарушимымъ, да никто изъ еретиковъ, проникнувъ въ церковь, не расторгнетъ единства троичнаго Бога и не подвергнетъ нашей вѣры поруганію.

Причиною же настоящаго собранія и разсужденій нашихъ неистовый Арій, который, пріявъ служеніе пресвитера въ церкви Александрійской, оказался чуждымъ ученія блаженнѣйшихъ пророковъ и апостоловъ; ибо единороднаго Сына и Слово Отчее онъ не признаетъ единосущнымъ и равнымъ Отцу, и почитатель твари хочетъ сопричислить Творца къ творенію.

Повели, государь, чтобы онъ, оставивъ свое заблужденіе, не возставалъ противъ ученія апостольскаго; или ежели останется упорнымъ въ своемъ нечестивомъ мнѣніи, изгони его изъ общества православной церкви, да не колеблетъ онъ болѣе своими нечестивыми мнѣніями вѣры душъ слабыхъ".

Императоръ, выслушавъ привѣтственную рѣчь епископа, съ своей стороны обратился къ отцамъ собора съ рѣчью же, гдѣ кратко выражаетъ и свою радость о собраніи великоименитыхъ свѣтилъ церкви вселенской и свои мысли и заботы, порождаемыя всѣми обстоятельствами, сему предшествовавшими:

„Я сильно желалъ о, други! насладиться созерцаніемъ вашего собранія. Достигнувъ этого, считаю себя обязаннымъ принести благодареніе Царю всяческихъ за то, что Онъ, кромѣ другихъ безчисленныхъ благъ, даровалъ мнѣ и это, лучшее изъ всѣхъ благъ, т. е. сподобилъ меня видѣть всѣхъ васъ, собранными во едино, при одномъ, общемъ всѣмъ вамъ, и согласномъ образѣ мыслей. Итакъ, да не возмущаетъ нашего счастія никакой завистливый врагъ, особенно послѣ

того, какъ силою Бога Спасителя богоборство тирановъ совершенно низложено; да не подвергаетъ болѣе поруганію божественнаго закона коварный демонъ.

Внутреннее смятеніе въ церкви Божіей, по моему мнѣнію, страшнѣе и тягостнѣе всякой войны и битвы: это меня печалитъ болѣе, чѣмъ всѣ внѣшнія брани. Поэтому, когда я, по благословенію и при содѣйствіи Всевышняго, одержалъ побѣду надъ врагами, ни о чемъ уже болѣе не помышлялъ, какъ только о томъ, чтобы благодарить Бога и сорадоваться тѣмъ, которыхъ Онъ освободилъ чрезъ насъ.

Но, противъ всякаго чаянія, получивъ извѣстіе о вашемъ разногласіи, не могъ оставить этого безъ вниманія.

Итакъ, желая содѣйствіемъ своимъ уврачевать и это зло, я немедленно собралъ всѣхъ васъ. Радуюсь, видя ваше собраніе; но думаю, что мои желанія тогда только совершенно исполнятся, когда увижу, что всѣ вы оживлены единымъ духомъ и блюдете общее мирное согласіе, которое вы, какъ посвященные Богу, должны внушать и другимъ.

Не медлите же о, други! служители Божіи и благіе рабы общаго Владыки и Спасителя нашего; не медлите въ самомъ началѣ разсмотрѣть причины вашего разногласія и разрѣшить всѣ спорные вопросы мирными постановленіями. Чрезъ это вы совершите дѣло, пріятное Богу, и доставите величайшую радость мнѣ, вашему сослужителю".

Совѣщанія соборныя занялись, какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего разсмотрѣніемъ главнаго предмета, послужившаго первою причиною собранія на соборъ, разсужденіями объ отношеніяхъ Сына Божія къ Богу Отцу. Такъ какъ предметъ этотъ, въ существѣ его и въ главныхъ основаніяхъ, уже былъ вполнѣ обозрѣнъ и изложенъ въ посланіяхъ Александра, епископа Александрійскаго, то въ новыхъ разысканіяхъ, собственно для собесѣдованія на соборѣ, и надобности не предвидѣлось, да и возможности этихъ новыхъ разысканій предполагать было нельзя, послѣ того, какъ выставлена была на видъ вся глубина изслѣдованій Александра, епископа Александрійскаго.

Виновникъ созванія собора Арій нѣсколько разъ былъ

призываемъ на соборъ и ему предоставлено было выражать и защищать свои положенія; но лишь только онъ начиналъ свою рѣчь, какъ противъ него съ нетерпѣніемъ возмущалось все собраніе, словами: „мы этого прежде не слышали“; „это ученіе новое“; „это богохульство“; подъ впечатлѣніемъ отъ непріятныхъ рѣчей, отцы собора даже заграждали свой слухъ (Руѳ. I, 5; Аѳ. 1 прот. Ар.). Вслухъ всего собора читано было изложеніе вѣры Евсевія Никомидійскаго; но и оно возбудило противъ себя раздраженіе, такъ что на соборѣ же въ виду всѣхъ было разорвано (Евст. Ант. у Ѳеодорит. 1. 8).

Такъ какъ епископамъ, присутствовавшимъ на соборѣ, и прочимъ лицамъ духовнаго сана богословская сторона сего предмета была извѣстна обстоятельно, то и разсужденія съ этой стороны не могли надолго останавливать на себѣ большаго вниманія; къ тому же властямъ духовнымъ, съ лицами своего же духовнаго званія, можно было и оканчивать пренія по своему усмотрѣнію; неудобно было такъ скоро покончивать дѣло съ партіею свѣтскою, ораторами-философами и софистами, которые являлись на соборъ или показать свое искусство, или на защиту Арія.

Отцы собора волей-неволей должны были запастись терпѣніемъ, чтобы выслушивать и отвѣчать на словопрительныя выходки людей, чуждыхъ церкви Христовой; тѣмъ паче нужно было запасаться терпѣніемъ, что самъ императоръ присутствовалъ на соборѣ и допускалъ свободу слова. Возраженія философовъ, какъ и естественно было ожидать, отличались полнѣйшимъ невѣдѣніемъ основъ вѣроученія христіанскаго и по склонности къ софистикѣ верхоглядствомъ словоизверженій. Для образца приведемъ здѣсь возраженія два-три, сравнительно болѣе подходившія къ дѣлу; одинъ изъ возражателей, философъ, по имени Ѳедонъ, выступилъ на соборѣ съ такимъ заявленіемъ:

„Въ писаніи сказано: Рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію. Если изъ этихъ словъ надобно заключать, что умъ божественный существовалъ, какъ отдѣльное лице, то по такому же заключенію можетъ кто нибудь сказать, что Богъ имѣетъ „человѣческій образъ“; но мы знаемъ,

что Божество просто и необразно; что же значатъ сіи слова, скажите, ужели Богъ имѣетъ человѣческій образъ?"

Возраженіе, какъ видите, нисколько къ дѣлу не относящееся; и однако же отцы собора расходуютъ время на объясненія по поводу сего; отвѣтъ сему философу предложенъ былъ двукратно чрезъ Евстаѳія Антіохійскаго и въ третій разъ формулированъ былъ отъ лица всѣхъ отцевъ собора.

Евстаѳій Антіохійскій философу отвѣтствовалъ: „Изслѣдуемъ, философъ, кому сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію. Тамъ, гдѣ сказано: сотворимъ человѣка, прибавлено: и сотвори Богъ человѣка; слѣдовательно, смыслъ слова—сотворимъ указываетъ на лице, вмѣстѣ съ другимъ участвующее въ дѣлѣ творенія, и усвояетъ ему одинаковое наименованіе. И потому, какъ Отецъ, сказавшій: сотворимъ, есть Богъ, такъ Богъ и Тотъ, Кому Онъ сказалъ: сотворимъ; одна и та же божественная сущность у обоихъ лицъ, и у сказавшаго: сотворимъ человѣка, и у сотворившаго. Итакъ, смыслъ слова—сотворимъ выражаетъ всесвятое и нераздѣльное божество Отца и Сына, такъ какъ образъ Божій простъ и чуждъ всякаго сложенія. Его природа подобна огню".

Еще большею зрѣлостію и величавостію отличается отвѣтъ, предложенный философу коллективно отъ всѣхъ отцевъ собора:

„Сущность Святыя Троицы есть неприступный свѣтъ и непостижимое естество: вотъ смыслъ слова — сотворимъ".

Направляясь нѣсколько ближе къ главному предмету разсужденій, философъ еще спрашивалъ: „Какъ могло быть сказано: сотворимъ человѣка, если бы Сказавшій не существовалъ прежде Того, Кому сказалъ? (замѣтьте, что возраженіе философа прямо выражаетъ поддержку мыслямъ Аріевымъ).

На этотъ вопросъ отвѣчать взялся Осія, епископъ Кордубскій: „Если, какъ говоришь ты, Отецъ существовалъ прежде Сына, а Сынъ, явившійся послѣ, сотворенъ Богомъ по прошествіи нѣкотораго времени и потомъ объявленъ отъ Него Сыномъ; если Онъ созданъ, какъ вы нечестиво утверждаете, подобно другимъ тварнымъ существамъ, только прежде всего,

то по вашему нечестивому мнѣнію не созданный Богъ долженъ бы былъ сказать къ созданному Сыну: сотвори Мнѣ человѣка по образу Моему и по подобію; но Онъ сказалъ: сотворимъ по образу Нашему и по подобію. Итакъ, если Отецъ, какъ прежде мы показали, всегда есть Богъ, то съ Отцемъ всегда существуетъ и Сынъ, не позднѣйшій по времени, не меньшій по власти, не ограниченный мѣстомъ, но всегда и непрерывно со Отцемъ сущій, непостижимо и неизреченно рожденный отъ Него, истинный Богъ, всегда сущій отъ истиннаго Бога и Отца, всегда сущаго, господствующій со Отцемъ, совѣчный Отцу, царствующій со Отцемъ, единосущный Отцу, равносильный Отцу, соучастникъ Отцу въ твореніи. Если, по словамъ писанія, все сотворено чрезъ Сына и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть; если Онъ вмѣстѣ, а не отдѣльно отъ Отца, сотворилъ все; если едино божество и едина воля Отца, и Сына и Св. Духа, потому что никогда неразлученъ Отецъ отъ Сына, ни Сынъ отъ Отца, то должно думать, философъ, что Отецъ и Сынъ по божественной сущности едино, какъ и самъ Сынъ говоритъ въ Евангеліи: Азъ и Отецъ едино есма; Тотъ самый Сынъ, Которому Отецъ говорилъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію".

Не довольствуясь симъ отвѣтомъ, философъ продолжалъ отстаивать мысли аріанскія въ такомъ видѣ: „Чрезъ кого Богъ сотворилъ человѣка и все видимое и невидимое? Мнѣ представляется невѣрнымъ сказанное вами, будто Отецъ и Сынъ вѣчно были едино сами въ Себѣ, и будто Сынъ всегда былъ Богомъ вмѣстѣ съ Отцемъ. Мнѣ думается, что Онъ созданъ Богомъ, какъ посредникъ для творенія. Богъ Зиждитель, приступая къ творенію, произвелъ для Себя орудіе, чтобы посредствомъ его создать всѣ твари. Какъ художникъ предварительно устрояетъ для себя орудіе къ совершенію будущихъ работъ своихъ, то-же самое можно думать и о Богѣ, что Онъ употребилъ для Себя Сына, какъ орудіе, сотворивъ чрезъ Него міръ".

На это разсужденіе философа отвѣчали Леонтій, епископъ Кесаріи Каппадокійской, и Евпсихій, епископъ Тіанскій: „Если

ты говоришь, что Сынъ созданъ Отцемъ, какъ орудіе къ произведенію тварей, то самъ ты отнимаешь силу у своихъ словъ. Евангельское слово говоритъ: вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Если все сотворенное *чрезъ Него создано* и безъ Него *ничто не существуетъ*, что создано, а и Сынъ созданъ, какъ ты говоришь, то слѣдуетъ, что и самого Себя Онъ сотворилъ, а не Отецъ".

Много времени проведено было на соборѣ въ такихъ разсужденіяхъ. Послѣдствія отъ сихъ разсужденій были такія же, какъ и отъ сѣянія одинаковаго сѣмени на различныя почвы: упадало сѣмя на почву добрую, были добры и плоды; не хороша была почва сердечная, и сѣмя не пускало изъ себя ростковъ, точно падало на почву каменистую.

Самъ Арій остался въ своихъ мнѣніяхъ непроклоннымъ; но такъ какъ оставлять его безъ приложенія къ нему какихъ-либо мѣръ взысканія, значило бы открывать новое поле къ возмущеніямъ и волненіямъ, то его присудили къ низложенію и заточенію въ Иллирію; сочиненія его повелѣно было предать огню, и всѣмъ, кто обличенъ будетъ въ утайкѣ ихъ и тайномъ храненіи, тѣмъ угрожала смертная казнь.

Сторонникамъ Арія, кои рѣшились бы и послѣ разсужденій соборныхъ защищать ученіе своего ересіарха, тоже угрожала, по опредѣленію императора, ссылка въ заточеніе: эта угроза многихъ отъ Арія устранила: Евсевій Никомидійскій, Ѳеогнисъ Никейскій, Марисъ Халкидонскій. Патрофилъ Скиѳопольскій и Нарциссъ Неронійскій подписали исповѣданіе вѣры, составленное на соборѣ, какъ противовѣсъ лжеученію Аріеву; но не согласились подписать осужденіе на Арія, говоря, что Арій не заслуживаетъ строгаго взысканія; Ѳеона, епископъ Мармарикскій, и Секундъ Птолемаидскій не согласились ни опредѣленіе вѣры подписывать, ни осужденіе на Арія. Какъ скоро объ этомъ донесено было императору, то императоръ всѣхъ ихъ: и Ѳеону, и Секунда, и Евсевія, и Ѳеогниса лишилъ занимаемыхъ ими каѳедръ и отправилъ въ ссылку въ Галлію.

Въ процессѣ изысканій догматическихъ на Никейскомъ соборѣ составлена была формула исповѣданія вѣры, какъ со-

вокупность догматовъ вѣры, обязательныхъ при исповѣданіи вѣры, и противодѣйствіе хитростямъ партіи аріанской. Формула эта на второмъ вселенскомъ соборѣ была подвергнута нѣкоторому измѣненію и съ того времени хранится неизмѣнною въ нашей церкви, подъ именемъ Никео-Цареградскаго символа вѣры. На Никейскомъ соборѣ она получила такой видъ: „Вѣруемъ во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго, и во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, Свѣта отъ Свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, несотвореннаго, Отцу единосущнаго, чрезъ Котораго все произошло какъ на небѣ, такъ и на землѣ, ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія низшедшаго, воплотившагося и вочеловѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, возшедшаго на небеса и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ, и въ Духа Святаго“.

Говорящихъ же, что было время, когда не было Сына, что Онъ не существовалъ до рожденія и произошелъ изъ не сущаго, или утверждающихъ, что Сынъ Божій имѣетъ бытіе отъ иного существа, или иной сущности, или, что Онъ созданъ, или измѣняемъ, или преложимъ, таковыхъ предастъ анаѳемѣ каѳолическая и апостольская церковь.

Послѣ того, какъ окончена была самая главная часть занятій собора—догматическая, приступлено было къ другимъ вопросамъ церковнымъ, какъ еще ранѣе поставленнымъ на очередь, такъ и вновь поступавшимъ на обсужденіе соборное, именно: о. Мелетіѣ, о празднованіи Пасхи, о новаціанахъ, составленіе каноническихъ правилъ соборныхъ.

Не стану утомлять вашего вниманія подробнымъ изложеніемъ сихъ занятій соборныхъ, имѣющихъ интересъ для особыхъ ревнителей по спеціальности церковно-исторической: объ одномъ развѣ обстоятельствѣ изъ совокупности сихъ занятій не излишне будетъ упомянуть коротко для воспоминанія объ одной изъ величественныхъ чертъ въ характерѣ императора Константина Великаго.

Когда отцы собора собрались въ Никею, то нѣкоторые

изъ обиженныхъ, или считавшихъ только себя обиженными, явились къ императору съ жалобами и обвиненіями на епископовъ и подали письменные доносы самому императору. Императоръ принималъ жалобы и, сложивъ всѣ вмѣстѣ, запечаталъ своимъ перстнемъ и приказалъ хранить.

Когда на соборѣ установлено было единогласіе и миръ церкви возстановленъ, императоръ принесъ поданные ему доносы въ присутствіе епископовъ и предъ ними сжегъ, утверждая клятвенно, что не читалъ ничего написаннаго въ доносахъ.

„Ненадобно, сказалъ при этомъ императоръ, проступки священныхъ лицъ дѣлать общеизвѣстными, чтобы народъ, получивъ отсюда поводъ къ пререканіямъ противъ нихъ, не сталъ грѣшить безъ страха“ (Ѳеодор. Ц. ист. I, 11).

По окончаніи всѣхъ занятій соборныхъ, императоръ и отцы собора нашли нужнымъ поразослать въ различныя мѣста увѣдомленіе о томъ, что происходило и что постановлено на Никейскомъ соборѣ.

Императоръ отъ своего лица писалъ къ церкви Александрійской противъ Арія, ко всѣмъ епископамъ и народамъ, въ частности къ епископамъ, не присутствовавшимъ на соборѣ, и къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Ѳеогниса.

Во всѣхъ сихъ посланіяхъ императоръ выражаетъ свою радость и благодареніе Господу Богу, что Онъ Своею благодатію даровалъ миръ церкви, увѣщеваетъ вѣрныхъ крѣпче придерживаться единства церковнаго, избѣгать раздоровъ церковныхъ.

Чтобы имѣть наглядное понятіе о содержаніи и тонѣ сихъ посланій, приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ посланія къ церкви Александрійской и изъ посланія къ никомидійцамъ.

„Признанное единогласно тремя стами святыхъ епископовъ есть не иное что, какъ мысль самого Сына Божія, особенно, когда въ умахъ столь великихъ и многихъ мужей присутствовалъ Духъ Святый, Который открылъ имъ божественную волю. Посему да исчезнетъ у васъ всякое сомнѣніе и колебаніе. Съ твердымъ духомъ вступайте всѣ на путь истины, чтобы мнѣ, когда я буду у васъ вмѣстѣ съ вами,

принести благодареніе всевидящему Богу за то, что Онъ явилъ намъ истинную вѣру и возвратилъ вожделѣнную любовь. Богъ да сохранитъ васъ, возлюбленные братіе!“

Въ посланіи къ никомидійцамъ, изъяснивъ свое негодованіе на ихъ епископа Евсевія, который въ продолженіе совѣщаній соборныхъ зарекомендовалъ себя съ весьма неодобрительной стороны и потому, что старался поддерживать Арія и по своимъ неодобрительнымъ свойствамъ нравственнымъ, какъ ласкательство, заискиваніе у императора, Константинъ приглашаетъ никомидійцевъ быть твердыми въ вѣрѣ и сею твердостію радовать его, императора. устроившаго теперь для Никомидіи епископовъ неукоризненныхъ. православныхъ и человѣколюбивыхъ.

„А кто осмѣлится, заключаетъ императоръ, воспоминать о тѣхъ губителяхъ, или неосмотрительно хвалить ихъ, тотъ въ своей дерзости немедленно будетъ обузданъ властію служителя Божія, т. е. моею. Богъ да сохранитъ васъ, братіе возлюбленные!“

Епископы, бывшіе на соборѣ, разослали отъ лица собора окружное посланіе къ церквамъ Божіимъ, находящимся въ Александріи, Египтѣ, Пентаполѣ, Ливіи и во всей поднебесной. клиру и мірянамъ, исповѣдующимъ православную вѣру.

Въ этомъ посланіи, какъ и само собою естественно предполагать, объясняется все, что постановлено соборомъ противъ Арія; здѣсь же изъяснены распоряженія и о Мелетіѣ, который лишенъ былъ правъ управленія епископскаго, и о томъ, всеобще отрадномъ опредѣленіи, что день св. Пасхи отнынѣ будетъ праздноваться всѣми христіанами одновременно, именно въ 1-й воскресный день послѣ полнолунія, бывающаго въ весеннее равноденствіе, а не такъ, какъ восточные христіане праздновали дотолѣ, когда Пасха христіанская приходилась вмѣстѣ съ іудейскою!

Время окончанія Никейскаго собора совпадало съ исполненіемъ 20-лѣтія царствованія Константина Великаго.

На торжество этого праздника царь пригласилъ всѣхъ отцовъ собора Послѣ торжественнаго угощенія, каждаго изъ епископовъ, по степени ихъ достоинствъ, почтилъ дарами.

Когда отцы собора собирались отправляться по своимъ епархіямъ, царь снова созвалъ ихъ, совѣтовалъ имъ хранить единомысліе относительно вѣры и имѣть миръ между собою, чтобы впередъ не было подобныхъ возмущеній.

Послѣ продолжительной бесѣды объ этомъ, царь просилъ епископовъ молиться за него, за дѣтей его, за царство и послѣ всего этого простился съ епископами.

Никейскій соборъ окончилъ свои великія дѣянія; ересь обличена, разногласіе примирено; составлены и по всему христіанскому міру разосланы правила для руководства церкви; непокорные голосу собора — наказаны.

Казалось бы, теперь всюду въ церкви долженъ былъ водвориться миръ, котораго такъ сильно желали императоръ и созванные имъ епископы.

Къ сожалѣнію, это благочестивое желаніе друзей мира не было удовлетворено вполнѣ, или если и было удовлетворено, то весьма не надолго.

Вскорѣ же послѣ Никейскаго собора, дѣйствіемъ козней аріанскихъ, начались сильныя волненія, стоившія защитникамъ православія спокойствія и даже жизни; волненія эти усилились до того, что охватили собою всю церковь, такъ что для успокоенія сихъ волненій потребовался новый вселенскій соборъ.

Приговоромъ Никейскаго собора и указомъ императора, Арій и единомышленники его: Евсевій Никодимійскій, Ѳеогнисъ Никейскій, Секундъ Птолемаидскій и Ѳеона Мармарикскій отлучены отъ общенія церковнаго и сосланы въ ссылку; на мѣсто Евсевія и Ѳеогниса поставлены православные епископы — въ Никодимію Амфіонъ, въ Никею Христъ.

Но Арій нашелъ возможность освободиться отъ своей злополучной доли; по свидѣтельству Сократа (III, 26) и Созомена (III. 19), въ этомъ помогала ему сестра Константина Великаго Констанція, вдова Ликиніева.

Этой Констанціи, пишетъ Сократъ, знакомъ былъ одинъ пресвитеръ, державшійся Аріева ученія и жившій въ ея домѣ. Этотъ пресвитеръ, бывъ наущаемъ Евсевіемъ Никомидійскимъ, часто напоминалъ Констанціи объ Аріѣ и при всякомъ слу-

чаѣ старался возбудить въ царской сестрѣ состраданіе къ судьбѣ ересеначальника. говоря, что Никейскій соборъ обидѣлъ Арія, что Арій мыслилъ не такъ, какъ объ немъ думаютъ.

Констанція сама *внимала* словамъ аріанскаго пресвитера, но ходатайствовать за Арія долгое время не осмѣливалась. опасаясь раздражить правовѣрнаго императора.

Вскорѣ Констанція впала въ тяжкую и опасную болѣзнь; императоръ началъ ее часто навѣщать; находясь при смерти, Констанція начала ходатайствовать за своего пресвитера, какъ человѣка благочестиваго и ревнующаго о православной вѣрѣ. Созоменъ замѣчаетъ, что Констанція успѣла сдѣлать Константину устрашающее предостереженіе, что преслѣдуя невинныхъ аріанъ, императоръ тѣмъ самымъ причиняетъ обиду лучшей и наиболѣе приверженной къ царскому дому части вѣрующихъ (II, 27).

Ходатайство принято и аріанствующій пресвитеръ принятъ въ число лицъ. самыхъ близкихъ къ царю.

Получивъ близкій доступъ къ царю, этотъ пресвитеръ и ему началъ говорить объ Аріѣ то-же, что прежде говаривалъ сестрѣ его, т. е., что Арія осудили напрасно, что мысли его нисколько не отличаются отъ опредѣленій собора, что если бы позволили ему явиться изъ ссылки и высказать свои мысли, то увидѣли бы, что онъ во всемъ согласенъ съ опредѣленіями собора.

Стрѣла пущена вѣрно: императоръ повѣрилъ хитрому льстецу и вызвалъ Арія изъ заточенія.

Явившись къ императору, Арій представилъ ему свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ весьма хитро и уклончиво обошелъ сущность постановленія Никейскаго о единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцемъ; въ членѣ о Сынѣ Божіемъ въ этомъ исповѣданіи только сказано было: „Вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа Сына Божія, прежде всѣхъ вѣковъ отъ Бога Отца рожденнаго, Бога Слова, чрезъ Котораго все сотворено на небесахъ и на земли, Который сошелъ и воплотился“ и пр.

Представивъ такое исповѣданіе, Арій просилъ императора устранить всякое многоглаголаніе о вѣрѣ и соединить

его и сообщниковъ его съ церковію, чтобы всѣмъ имъ, совокупно наслаждаясь миромъ, можно было совокупно возносить обычныя молитвы за мирное царствованіе Константина и за весь его родъ (Сокр. III, 26).

Миролюбивый царь, не подозрѣвавшій въ коварныхъ крамольникахъ никакой хитрости, обрадовался ихъ правовѣрію и послалъ Аріево исповѣданіе къ собравшимся тогда въ Іерусалимѣ епископамъ съ предписаніемъ разсмотрѣть его. и если окажется, что Арій и сообщники его мыслятъ право, то постановить о нихъ опредѣленіе человѣколюбивое (Созом. II. 27).

Не дерзая ослушиваться предписанія царскаго, епископы, и сами недалекіе отъ мыслей Арія, какъ Евсевій Кесарійскій, приняли Арія въ церковное общеніе въ Іерусалимѣ и писали о томъ же церкви Александрійской и всѣмъ епископамъ и клирикамъ Египта, Ѳиваиды и Ливіи, убѣждая ихъ принять Арія въ церковное общеніе, такъ какъ и самъ царь засвидѣтельствовалъ правоту его исповѣданія.

Благопріятный оборотъ дѣлъ въ судьбѣ ересеначальника возбудилъ смѣлыя надежды въ его послѣдователяхъ.

Послѣ того, какъ принятъ былъ въ церковное общеніе Арій, начали помышлять объ улучшеніи своего положенія Евсевій Никомидійскій и Ѳеогнисъ Никейскій; съ этою цѣлію они прислали отъ себя къ епископамъ, принявшимъ въ церковное общеніе Арія, грамоту, смыслъ которой очевидно былъ тотъ, что ежели епископы тѣ согласились принять въ церковное общеніе того, кто былъ первый осужденъ за неповиновеніе опредѣленіямъ собора, то тѣмъ паче могутъ просить объ освобожденіи изъ ссылки они; въ оправданіе свое эти епископы указывали, что вся вина ихъ состояла въ томъ, что они, согласившись подписать опредѣленіе собора о вѣрѣ, не подписали анаѳемы на Арія; теперь сами епископы сняли съ Арія положенную соборомъ анаѳему.

Изъ всего этого Евсевій и Ѳеогнисъ, какъ прямое слѣдствіе, выводили, что епископы тѣ должны принять въ свое общеніе и ихъ. „Итакъ, съ свойственнымъ вамъ христолюбивымъ снисхожденіемъ—заключали Евсевій и Ѳеогнисъ свою

грамоту къ епископамъ — благоволите напомнить объ насъ самому боголюбезному царю, и, представивъ ему наши прошенія, произнести поскорѣе благоприличное вамъ о насъ сужденіе“ (Сокр. I, 15).

Слѣдствіемъ этой грамоты, какъ само собою естественно предполагать, было то, что Евсевій и Ѳеогнисъ снова заняли свои каѳедры. Первымъ дѣломъ еретичествующихъ епископовъ по ихъ возвращеніи на свои каѳедры было то, что они изгнали поставленныхъ на ихъ мѣста епископовъ православныхъ: Евсевій — Амфіона. Ѳеогнисъ — Христа.

Затѣмъ мщеніе озлобленныхъ враговъ православія обратилось на тѣхъ, кои прежде ознаменовали себя особенною ревностію въ защитѣ православія. Прежде всѣхъ пришлось испытать ярость возстановленныхъ ересеучителей Евстаѳію, епископу Антіохійскому. Евсевій обвинилъ Евстаѳія въ савелліанствѣ и Евстаѳія низложили съ каѳедры. По изгнаніи Евстаѳія, аріане начали принимать въ церковное общеніе всѣхъ, коихъ не принималъ Евстаѳій, и не только принимали въ общеніе, но и поставляли епископами.

Возстановляя съ одной стороны защитниковъ ереси, аріане съ другой не переставали низлагать защитниковъ православія.

Преимущественная забота Евсевія съ этой стороны состояла въ томъ, чтобы низложить самаго главнаго противника ихъ — св. Аѳанасія Великаго.

Евсевій Никомидійскій, оказавшись теперь по возвращеніи своемъ на каѳедру главнымъ орудникомъ къ возстановленію аріанства, задался мыслію уничтожить Аѳанасія и достигъ своей цѣли съ адскимъ успѣхомъ. Въ видахъ доставить торжество аріанству, Евсевій пришелъ къ мысли, что для сей цѣли полезно было бы устроить торжественное введеніе Арія въ церковное общеніе въ Александріи; но на пути Евсевія къ этой нечестивой цѣли ему противостоялъ непреклонный его противникъ, великій архипастырь церкви Александрійской—Аѳанасій. Аѳанасій безбоязненно говорилъ Евсевію и самому царю, что однажды отвергшихъ вѣру и анаѳематствованныхъ невозможно принимать снова (Апол. пр. Ар. гл. V, 59, 60).

Видя непоколебимость Аѳанасія съ этой стороны, Евсевій донесъ царю, что Аѳанасій не принимаетъ въ церковное общеніе мелетіанъ и тѣмъ нарушаетъ постановленіе Никейскаго собора.

Константинъ Великій внялъ навѣту Евсевія и св. Аѳанасію писалъ: „я требую, чтобы ты позволялъ безпрепятственно вступать въ церковь всѣмъ, кто желаетъ вступить въ нее; ежели же узнаю, что ты воспрепятствуешь кому-нибудь ищущему общенія съ церковію, или возбранишь входъ въ нее, тотчасъ пошлю низложить тебя и вывести изъ тѣхъ мѣстъ“ (Соз. XI, 22).

Св. Аѳанасій отвѣтнымъ посланіемъ объявилъ государю, что мелетіане отъ церковнаго общенія не изгоняются, но что аріанамъ нельзя даровать общенія съ каѳолическою церковію. Царь внялъ объясненію св. Аѳанасія. Но тѣмъ сильнѣе стало раздраженіе Евсевія. Не имѣя *у себя* достаточнаго предлога къ низложенію св. Аѳанасія, Евсевій обратился къ услугамъ отъ мелетіанъ, съ своей стороны обѣщая имъ свое покровительство предъ царемъ и людьми, сильными у царя, если они согласятся обвинить Аѳанасія.

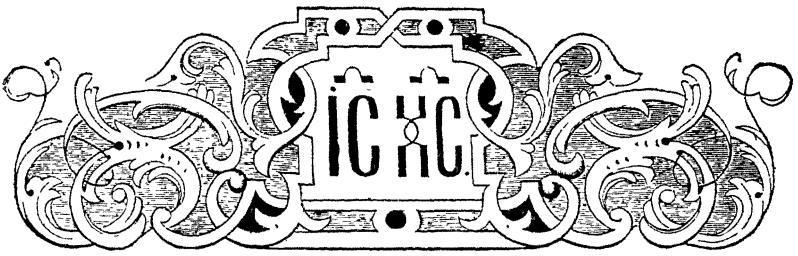
Съ этихъ поръ исторія жизни св. Аѳанасія становится исторіею злостраданій его въ борьбѣ съ аріанами. Аріане, не имѣя дѣйствительныхъ основаній къ обвиненію св. Аѳанасія, рѣшились эти основанія измышлять: интриги партій придворныхъ создавали этимъ измышленіямъ видъ вѣроятности, и императоръ, не имѣвшій возможности все разслѣдовать самъ непосредственно, принужденъ былъ внимать доносамъ, какъ они были представляемы ему, и соотвѣтственно съ тѣмъ постановлять опредѣленія, крайне несправедливыя и унизительныя для св. Аѳанасія. Не повѣствуя обо всемъ во всѣхъ подробностяхъ, замѣтимъ только кратко, что св. Аѳанасія до 4 разъ низводили съ каѳедры и ссылали въ ссылку то въ одно мѣсто, то въ другое и притомъ на такое отдаленное пространство, какъ, напримѣръ, изъ Александріи въ Триръ, къ теперешнимъ границамъ Германіи.

Правда, не всѣ эти мытарства привелось испытать св. Аѳанасію при императорѣ Константинѣ; но и Константиновы

распоряженія не ограждали св. страдальца безопасностію; такова ужъ сила злобы властей воздушныхъ, что они и во св. область замѣшиваются своимъ разрушительнымъ внушеніемъ!

Впрочемъ, къ устраненію смущенія для сердца православнаго, возникающаго отъ того, что въ жизни св. царя встрѣчаются такія странныя распоряженія, надо припомнить, что св. Константинъ по всей вѣроятности принужденъ былъ обстоятельствами времени къ такой неблаговидной мѣрѣ, какъ ссылка Аѳанасія. Есть несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, что Константинъ при кончинѣ своей завѣщалъ сыну своему Констанцію между прочимъ и то, чтобы онъ возвратилъ св. Аѳанасія изъ заточенія.

Задавшись намѣреніемъ заниматься исторіею вселенскихъ соборовъ и остерегаясь опасности затеряться въ отступленіяхъ, мы отложимъ здѣсь обозрѣніе злостраданій св. Аѳанасія, а придержимся тѣхъ указаній историческихъ, кои должны будутъ привести насъ къ обстоятельствамъ II вселенскаго собора.



Второй всел. соборъ — Константинопольскій.

Благодаря происканъ при дворѣ императорскомъ, аріане, въ предводительствѣ Евсевія Никомидійскаго, уже сумѣвшаго взойти на архіепископскую каѳедру въ Константинополѣ, открыли повсюду брань противъ защитниковъ православія, особенно противъ тѣхъ, кои стояли вождями въ церкви православной.

Святый Аѳанасій въ изгнаніи; вслѣдъ за Аѳанасіемъ аріанамъ нужно было низложить святителя православнаго въ Константинополѣ, и православный архіепископъ Константинопольскій Павелъ оканчиваетъ жизнь свою въ подвигахъ исповѣдничества: онъ былъ умерщвленъ въ темницѣ, какъ выражается Созоменъ, посредствомъ веревки (III. 3, 1); на его мѣсто былъ возведенъ Македоній, извѣстный впослѣдствіи, какъ глава духоборцевъ. Занявъ по низверженіи Павла престолъ Константинопольскій и пользуясь великою довѣренностію къ себѣ царя (теперь Констанція, сына Константинова), Македоній воздвигъ, по словамъ Сократа, между христіанами войну, не менѣе той, какую вели въ то время тираны; исповѣдавшіе единосущіе изгоняемы были не только изъ церквей, но и изъ городовъ; православныхъ принуждали къ общенію съ аріанами, и принужденіе было не меньше того, когда предписывали поклоняться идоламъ: употребляли и побои всякаго рода, и различныя пытки, и отнятіе имѣній; многіе сосланы

были въ ссылку, иные умерли среди мученій, иные погибли на пути въ ссылку (II, 27).

Со стороны догматической духоборство состояло въ тѣсной связи съ аріанствомъ и служило какъ бы выводомъ изъ аріанства.

Еще въ системѣ самого Арія св. Аѳанасій усматривалъ отрицаніе божественности третьяго лица Пресвятыя Троицы; уже по ученію Арія, какъ оно излагаемо было имъ въ его ѳаліяхъ, существо Духа Святаго признавалось низшимъ сущности Бога Отца и Бога Сына (Аѳан. противъ Ар., сл. 1, стр. 163—165).

Еще рѣзче и смѣлѣе высказано уничижительное мнѣніе о Св. Духѣ Евноміемъ, епископомъ Кизикскимъ; Духъ Святый, по ученію Евномія, есть твореніе Сына, какъ самъ Сынъ есть твореніе Отца.

Мысли епископа Кизикскаго усвоилъ себѣ и Македоній, сторонникъ его по приверженности къ аріанству, и выразилъ ихъ еще съ большею дерзостію противъ Св. Духа.

По словамъ Созомена, Македоній Духа Святаго не признавалъ причастнымъ божественныхъ преимуществъ, называя Его служителемъ, исполнителемъ и другими именами, приличными святымъ ангеламъ (IV, 27). По свидѣтельству блаженнаго Ѳеодорита, Македоній Духа Святаго именовалъ тварію (II, 6).

Мысли Македонія нашли себѣ многихъ сторонниковъ, особенно между тѣми изъ аріанъ, кои признавали Сына Божія *неподобнымъ* (ἀνόμοιος; отсюда аномеи) Богу Отцу.

По мѣстамъ возникали сильныя пренія о томъ, должно ли Святаго Духа признавать единосущнымъ Отцу и Сыну?

Продолжительныя разсужденія объ этомъ были, по замѣчанію Созомена, не менѣе спорны, какъ и прежнія о словѣ Божіемъ.

Признававшіе Сына неподобнымъ и подобосущимъ, въ семъ случаѣ согласились между собою; ибо тѣ и другіе утверждали, что Духъ есть лице служебное, по чину и чести третіе и по существу отличное.

Тѣ же, которые исповѣдали Сына единосущнымъ Отцу, тѣ то-же мыслили и о Св. Духѣ (VI, 22).

Кромѣ Македонія и его партіи македоніанъ, аріанское сѣмя произрастило изъ себя еще множество отраслей ереличества, кои начинали по разнымъ мѣстамъ усиливаться и причинять своего рода споры и замѣшательства въ единой церкви Христовой.

Ко времени собранія 2 вселенскаго собора уже оказываются созрѣвшими секты: евноміанъ, аномеевъ, евдоксіанъ, духоборцевъ, савелліанъ, маркелліанъ, фотиніанъ, аполлинаріанъ.

Чтобы положить конецъ злу отъ всѣхъ этихъ лжеученій, императоръ Ѳеодосій Великій призналъ полезнымъ созвать вселенскій соборъ. Епископовъ православнаго исповѣданія собралось на соборѣ 150 [1]).

Такъ какъ особенно опаснымъ изъ всѣхъ этихъ лжеученій было лжеученіе Македонія о Св. Духѣ, то царь нашелъ нужнымъ пригласить на соборъ и епископовъ македоніанскихъ (т. е. сторонниковъ Македонія), и эти послѣдніе собрались было въ Константинополь въ числѣ 36.

Царь и епископы православные всячески старались привести македоніанъ къ союзу и единомыслію съ собою, но македоніане, не обращая вниманія ни на убѣжденія, ни на обличенія, объявили, что скорѣе признаютъ исповѣданіе аріанское, чѣмъ примутъ вѣру въ единосущіе.

Давши такой отвѣтъ, они удалились изъ Константинополя и писали къ приверженцамъ своимъ въ разные города, увѣщевая ни подъ какимъ видомъ не соглашаться на ученіе Никейскаго собора. Епископы православные, не видя болѣе средствъ привести еретиковъ къ раскаянію, поразили ихъ анаѳемою, и для предустраненія на будущее время различныхъ мудрованій о лицахъ Пресвятой Троицы отчасти подтвердили Никейское исповѣданіе вѣры, отчасти дополнили

[1]) Всѣмъ читателямъ и писателямъ, претендующимъ вступать въ научныя состязанія въ изысканіяхъ объ исторіи и значеніи 2 вселенскаго собора, я предлагаю принять къ свѣдѣнію свидѣтельство о второмъ вселенскомъ соборѣ, данное на четвертомъ вселенскомъ соборѣ въ его четвертомъ засѣданіи. Соборъ Халкидонскій въ 4 засѣданіи своемъ упоминаетъ о соборѣ 150, собранномъ въ Константинополѣ при Ѳеодосіи Великомъ. „Св. вѣра, изложенная 150 св. отцами, согласная со святымъ и великимъ соборомъ Никейскимъ“ (подлинныя слова Халкидонскаго собора).

оное новымъ членомъ о третьей Ипостаси Святыя Троицы—Св. Духѣ, исповѣдавъ „Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, со Отцемъ и Сыномъ спокланяемымъ и славимымъ".

Здѣсь, прежде чѣмъ приступимъ къ обозрѣнію дальнѣйшихъ занятій собора, полезнымъ считаемъ изложить православное церковное богословствованіе о Св. Духѣ по писаніямъ знаменитѣйшихъ пастырей, съ особеннымъ вниманіемъ излагавшихъ ученіе о Св. Духѣ. Какъ на Никейское опредѣленіе догмата о Сынѣ Божіемъ имѣли весьма важное вліяніе догматическія разсужденія св. Аѳанасія Александрійскаго; такъ при опредѣленіяхъ Константинопольскаго собора въ членѣ о Св. Духѣ весьма замѣтно сказалось богословствованіе св. Василія Великаго, Григорія Нисскаго и Григорія Богослова. Св. Василій Великій, имѣя въ виду отрицавшихъ божество Св. Духа, усиленно доказываетъ, что третье лице Пресвятой Троицы—Духъ Святый есть Богъ.

Доказательства на это Василій Великій собираетъ какъ изъ писанія, такъ и изъ неписаннаго преданія отцевъ.

Изъ писанія св. Василій усматриваетъ, что Духъ Святый называется Духомъ Божіимъ (Матѳ. III, 16), Духомъ истины, иже отъ Отца исходитъ (Іоан. XV, 26), Духомъ правымъ, Духомъ владычнымъ (Псал. L, 12, 14).

„Кто же услышавъ сіи наименованія Духа, — спрашиваетъ св. Василій,—не воспрянетъ душею и не восторгнется мыслію къ Естеству высочайшему?"

Изъ доказательствъ отъ преданія св. Василій указываетъ на исповѣданіе вѣры, которое каждымъ должно быть произносимо при крещеніи, въ которомъ (исповѣданіи) наряду стоятъ пресвятыя имена Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Въ доказательство споклоненія и спрославленія Святаго Духа съ Отцемъ и Сыномъ св. Василій приводитъ свидѣтельства: Діонисія Александрійскаго, Иринея, Климента Римскаго, Діонисія Римскаго, Оригена, Юлія Африканскаго, Евсевія Кесарійскаго, Григорія Нисскаго и Фирмилліана Каппадокійскаго.

Самое главное, что усматриваетъ св. Василій у всѣхъ

этихъ свидѣтелей, это славословіе — „Богу Отцу и Сыну Господу нашему Іисусу Христу со Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь“.

Такое славословіе,—продолжаетъ св. Василій,—употребляемъ и мы каппадокійцы; весь почти западъ отъ Иллирика до предѣловъ обитаемыхъ нами странъ употребляетъ сіе славословіе.

„Почему же я нововводитель и слагатель новыхъ реченій,— спрашиваетъ Василій Великій,— когда началовождями и защитниками сего реченія имѣю цѣлые народы, и города, и обычай, своею древностію простирающійся за предѣлы человѣческой памяти, и мужей, бывшихъ столпами церквей, отличавшихся всякимъ вѣдѣніемъ и силою духа? Итакъ, пусть угрожаетъ мнѣ мечъ, изощряютъ на меня сѣкиры, возгорается огонь, сильнѣйшій вавилонскаго, приводятся въ дѣйствіе орудія мученій! Для меня ничто такъ не страшно, какъ не убояться угрозъ, какія Господь произнесъ на хулителей Духа?“

Мысли св. Василія Великаго повторяетъ и братъ его св. Григорій Нисскій. Основной пунктъ, изъ котораго исходитъ св. Григорій въ своемъ обличеніи на уничижающихъ Св. Духа, есть тотъ, что Духъ Святый въ писаніи называется Богомъ.

„Но если отвергнешь писаніе, — разсуждаетъ св. Григорій,—то подвергнешься наказанію, какъ презирающій писаніе. Такъ какъ Духъ Святый есть божескаго существа, то Онъ имѣетъ въ Себѣ и всѣ свойства божества: благость, всемогущество, премудрость, святость, вѣчность и вообще все, что возвышаетъ мысль къ божественному величію. А когда Онъ таковъ, то на основаніи какой же мысли утверждаютъ, что Онъ не славенъ?“

Но всѣхъ глубже и шире по кругозору своему богословствованіе о Св. Духѣ у св. Григорія Богослова.

Послѣ философскихъ и діалектическихъ разсужденій о свойствахъ сущности божественной, св. Григорій обращается къ писанію и отселѣ выводитъ рой, какъ выражается самъ онъ, свидѣтельствъ, изъ которыхъ всякому, кто не слишкомъ

тупоуменъ и чуждъ Духа, ясно будетъ видно, что божество Духа весьма открыто въ писаніи. „Обрати вниманіе, — пишетъ св. Григорій Богословъ, — на слѣдующее: рождается Христосъ—Духъ предвѣщаетъ (Лук. I, 35); крещается Христосъ—Духъ свидѣтельствуетъ (Іоан. I, 33, 34); совершаетъ силы Христосъ—Духъ сопутствуетъ; возносится Христосъ—Духъ преемствуетъ: чего великаго и возможнаго единому Богу не можетъ совершать Духъ? И изъ именъ Божіихъ какими не именуется Онъ, кромѣ нерожденности и рожденія?“

„Прихожу въ трепетъ, — выражается въ одномъ мѣстѣ св. Григорій,—когда представляю въ умѣ и богатство наименованій, и то, что противящіеся Духу не стыдятся и толикаго числа именъ. Онъ именуется Духъ Божій, Духъ Христовъ (Римл. VIII, 9), Умъ Христовъ (1 Коринѳ II, 16), Духъ Господень (Исаіи LXI, 1), самъ Господь (2 Корино. III, 17). Духъ сыноположенія (Римл. VIII, 15), истины (Іоан. XIV, 17). свободы (2 Коринѳ. III, 17), Духъ премудрости, разума, совѣта, крѣпости, вѣдѣнія, благочестія, страха Божія (Ис. XI, 2, 3). Онъ есть Духъ благій, правый, Владычній: Онъ есть перстъ Божій (Лук. XI, 20), огнь (Матѳ. III, 11: Дѣян. II, 3); какъ Богъ, и думаю въ означеніи единосущія, Онъ есть Духъ сотворивый (Іов. XXXIII. 4), возсозидающій въ крещеніи (Тит. III, 5) и воскресеніи (Римл. VIII, 11). Духъ, Который все вѣдаетъ (1 Кор. II, 11), всему учитъ (Іоан. XIV, 26), дышетъ, идѣже хощетъ и сколько хощетъ (Іоан. III, 8), Духъ наставляющій (Іоан. XVI, 3), слагающій (Матѳ. X. 20). посылающій (Дѣян. XIII. 4), отдѣляющій (—XIII, 2), прогнѣвляемый (Ис. LXIII, 10), податель откровеній (1 Кор. II, 10), просвѣщеніе (Евр. VI, 4), жизнь (Римл. VIII, 11), лучше сказать самый свѣтъ и жизнь. Онъ раздѣляется во огненныхъ языкахъ и раздѣляетъ дарованія, творитъ апостоловъ, пророковъ, благовѣстниковъ, пастырей, учителей (Евр. IV, 11)“.

Приведши еще множество указаній изъ св. писанія на божественныя свойства и дѣйствія Св. Духа, св. Григорій заключаетъ: „Указанія сіи весьма многочисленны и многозначущи“. А если въ писаніи и встрѣчаются унизительныя реченія: дается, посылается, дѣлится, дарованіе, даръ, дуновеніе,

обѣтованіе, ходатайство и другія симъ подобныя, то надобно возводить ихъ къ первой причинѣ, чтобы видѣть, отъ кого Духъ, и не принимать трехъ началъ подобно многобожникамъ. Ибо равно нечестиво и соединять съ Савелліемъ, и раздѣлять съ Аріемъ, соединять относительно къ лицу, раздѣлять относительно къ естеству. Едино божество и едина сила Отца, и Сына и Св. Духа".

Нѣтъ сомнѣнія, говоримъ, что разсужденія сихъ великихъ представителей православія имѣли преимущественное вліяніе при составленіи самой формулы исповѣданія о Св. Духѣ на Константинопольскомъ соборѣ; утверждать это мы имѣемъ тѣ основанія, что 1) св. Григорій Богословъ былъ однимъ изъ предсѣдателей на соборѣ и во 2) къ этому приводитъ насъ свидѣтельство Никифора Каллиста (XII, с. 13), который признаетъ Григорія Нисскаго даже самымъ составителемъ Константинопольскаго члена о Св. Духѣ.

Послѣ того, какъ составленъ былъ символъ вѣры, или точнѣе сказать дополненъ, вниманіе отцевъ Константинопольскаго собора обращено было на устроеніе церковныхъ дѣлъ собственно Константинопольской каѳедры.

Со времени кончины блаженнаго Александра, епископа Константинопольскаго (340 г.), и до самаго времени втораго вселенскаго собора (381 г.), въ теченіе 40 лѣтъ, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, каѳедра Константинопольская находилась во владѣніи аріанъ: Македоній, Евсевій (бывшій Никомидійскій), опять Македоній, Евдоксій, Демофилъ, всѣ были болѣе или менѣе отступниками отъ строгаго православнаго исповѣданія Никейскаго на сторону строгаго или не строгаго аріанства.

Епископы православные во все это время лишь только восходили на каѳедру Константинопольскую, какъ вскорѣ же должны были отправляться въ ссылку и заточеніе, какъ было напримѣръ съ св. исповѣдникомъ Павломъ и пріемникомъ аріанина Евдоксія Евагріемъ (Сокр. IV, 15).

Доколѣ на императорскомъ престолѣ возсѣдали государи, зараженные аріанствомъ, дотолѣ о преимуществахъ епископовъ православныхъ нельзя было и думать; но съ восше-

ствіемъ на престолъ благочестиваго Ѳеодосія Великаго для православныхъ занялась заря надежды на лучшую будущность.

Императоръ Ѳеодосій Великій при самомъ крещеніи своемъ обнаружилъ расположеніе къ исповѣданію православному.

Вознамѣрившись принять святое крещеніе въ Солуни, онъ предварительно освѣдомляется, къ какому исповѣданію принадлежитъ долженствовавшій крестить его епископъ Асхолій, и когда узналъ, что Асхолій принадлежитъ къ ревностнымъ приверженцамъ исповѣданія Никейскаго, то съ величайшею радостію принялъ святое крещеніе отъ него, какъ епископа православнаго (Сокр. V, 6). Понимая пріятную для православія перемѣну обстоятельствъ, нѣкоторые изъ епископовъ, наиболѣе ревновавшихъ о пользѣ православія, какъ св. Мелетій Антіохійскій нашли полезнымъ перевести на освободившуюся послѣ аріанина Демофила каѳедру Константинопольскую св. Григорія Богослова, который, будучи епископомъ Сасимскимъ, принималъ, по приглашенію отца своего, близкое участіе въ дѣлахъ церкви Назіанзской; ознаменовалъ себя, скажемъ словами блаженнаго Ѳеодорита (V, 8) „ревностною борьбою съ богохульствомъ аріанскимъ и, избавляя паству свою отъ гибельнаго пастбища, сдѣлалъ паству православную изъ малой великою“.

Уважая высокія достоинства пастыря Сасимскаго и ожидая отъ него обильныхъ плодовъ для православія въ Константинополѣ, св. Мелетій съ другими епископами не усумнился отступить отъ правила, которымъ запрещалось (соб. Никейск. пр. 15) перемѣщать епископовъ съ одной каѳедры на другую, тѣмъ паче, что примѣры отступленія отъ сего правила были недалеко (Евсевій былъ переведенъ на Константинопольскую каѳедру изъ Никомидіи) и ввѣрилъ святѣйшему Григорію предстоятельство въ Константинополѣ.

Смиренно выражаетъ св. Григорій Богословъ свои соображенія, по которымъ согласился онъ уступить благонамѣренному желанію св. Мелетія и прочихъ участвовавшихъ въ избраніи его на Константинопольскую каѳедру.

Святый Григорій пишетъ: „Въ мечтаніяхъ суетнаго сердца предполагалъ я, что какъ скоро пріобрѣту могущество этого

(Константинопольскаго) престола, поелику видимость придаетъ много вѣса, тотчасъ приведу въ согласіе къ несчастію отдалившихся другъ отъ друга, подобно уставщику пѣвчихъ, который, вставъ въ срединѣ двухъ ликовъ и одному предписывая законъ тою, другому другою рукою, дѣлаетъ изъ нихъ одинъ ликъ“ (этимъ объясненіемъ св. Григорій указываетъ на то, что ему хотѣлось склонить къ единомыслію отчасти уклонившихся въ расколъ мелетіанскій, отчасти сильныхъ еще въ Константинополѣ аріанъ); Ожиданія св. Мелетія не остались тщетными; въ краткое время пребыванія своего въ Константинополѣ св. Григорій сдѣлалъ то, что малое стадо православныхъ, которое нашелъ онъ при своемъ прибытіи въ Константинополь, возросло до того, что не могло вмѣщаться въ стѣнахъ того дома, гдѣ, за недостаткомъ храма (храмы всѣ были во власти аріанъ), собирались для богослуженія православные.

Къ сожалѣнію, не всѣ изъ тогдашнихъ епископовъ разсуждали согласно со св. Мелетіемъ.

Александрійскій епископъ Петръ, вѣроятно ревнуя о соблюденіи соборнаго правила и безъ всякаго сомнѣнія обманутый хитрыми кознями враговъ св. Григорія, рукоположилъ для Константинополя нѣкоего Максима циника, который, по замѣчанію блаженнаго Ѳеодорита, былъ зараженъ пустословіемъ Аполлинарія (VIII, 5). Многіе изъ достоуважаемыхъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ: Елладій, пріемникъ Василія Великаго на каѳедрѣ Каппадокійской, Григорій и Петръ, братья Василія Великаго, Амфилохій Иконійскій, Оптимъ Писидійскій, Діодоръ Киликійскій, Евлогій Едесскій, Кириллъ Іерусалимскій не согласны были съ распоряженіемъ епископа Александрійскаго и крѣпко поддерживали права Григорія; но для самого Григорія это разногласіе членовъ собора было невыносимымъ наказаніемъ.

Не меньше сего смущало св. Григорія разногласіе между членами собора въ ихъ отношеніяхъ къ Мелетію и Павлину по извѣстному въ исторіи раздору ихъ за Мелетія въ Антіохіи. Расколъ сей произошелъ такимъ образомъ: послѣ того, какъ епископъ Антіохійскій Евдоксій перешелъ въ Констан-

тинополь, антіохійцы, державшіеся мыслей аріанскихъ, перевели на его мѣсто изъ Беріи Мелетія, надѣясь, что Мелетій будетъ ихъ сторонникомъ, но св. Мелетій не оправдалъ ожиданій враговъ православія; отъ этого аріане раздражились противъ него.

Констанцій даже приказалъ сослать святаго Мелетія въ ссылку. Нѣкоторые изъ православныхъ антіохійскихъ христіанъ не переставали чтить Мелетія, но другіе не переставали на него негодовать потому собственно, что Мелетій былъ вызванъ въ Антіохію аріанами.

Послѣдніе недоброжелатели Мелетія имѣли даже своего епископа Павлина. Такимъ образомъ сама православная антіохійская церковь раздѣлилась на двѣ стороны, не смотря на то, что обѣ стороны держались одного и того же ученія (Сокр. II, 44).

Раздѣленіе дошло до того, что несогласные не хотѣли даже молиться въ одной церкви: приверженцы Павлина собирались въ одной церкви, сторонники Мелетія въ другой (Сокр. III, 8).

При началѣ засѣданій Константинопольскаго собора св. Мелетій, какъ извѣстно, скончался; св. Григорій Богословъ требовалъ, чтобы въ преемники Мелетію на каѳедру Антіохійскую вновь не избирали никого, чтобы Павлинъ одинъ былъ признанъ епископомъ для всей Антіохіи, но прочіе члены собора съ мнѣніемъ св. Григорія не согласились и на мѣсто Мелетія избрали новаго епископа, чѣмъ, очевидно, только поддерживался расколъ.

Въ отношеніи къ судьбѣ св. Григорія разногласіе это имѣло то вліяніе, что св. Григорій, предлагая уступить каѳедру Антіохійскую Павлину, по смерти совмѣстника его Мелетія, тѣмъ самымъ раздражилъ противъ себя неблагоразумныхъ почитателей памяти святаго Мелетія (св. Гр. Бог. стихотв. о св. ж., стр. 55—58). Признаніе Павлина епископомъ Антіохійскимъ св. Григорій почиталъ наилучшимъ средствомъ къ умиротворенію антіохійской церкви, но приверженцы Мелетія съ Григоріемъ не соглашались; святый Григорій не безъ основаній усматривалъ въ этомъ разногласіи причину

разстройства мира церковнаго и глубоко скорбѣлъ о нарушеніи мира.

Сначала святый Григорій пересталъ ходить на совѣщанія епископовъ, потомъ, не видя другихъ, лучшихъ средствъ къ успокоенію разногласій и, увлекаемый пламеннымъ желаніемъ церковнаго мира, свободно отказался отъ каѳедры.

Съ какими намѣреніями и расположеніями св. Григорій рѣшился на такой самоотверженный шагъ, это какъ нельзя болѣе ясно и правдиво выражаютъ послѣднія слова его, обращенныя къ собору епископовъ: „вы,—говорилъ св. Григорій членамъ собора,—вы, которыхъ собралъ Богъ для совѣщанія о дѣлахъ богоугодныхъ, вопросъ обо мнѣ почитайте второстепеннымъ. Чѣмъ ни кончится мое дѣло, хотя осуждаютъ меня напрасно (осужденія, на кои указываетъ здѣсь св. Григорій, были съ двухъ сторонъ: епископы Египетскіе осуждали его за то, что онъ занялъ Константинопольскую каѳедру, имѣя свою въ Сасимахъ; почитатели Мелетія за то, что св. Григорій по кончинѣ Мелетія сильно держалъ сторону Павлина); это не заслуживаетъ вниманія такого собора. Устремите мысли свои къ тому, что важнѣе; соединитесь, скрѣпите наконецъ взаимныя узы любви. Долго ли будутъ смѣяться надъ людьми неукротимыми, которые научились одному только—дышать ссорами. Подайте съ усердіемъ другъ другу десницу общенія. А я буду пророкомъ Іоною, и, хотя не виновенъ въ бурѣ, жертвую собою для спасенія корабля. Возьмите и бросьте меня по жребію; какой-нибудь гостепріимный китъ въ морскихъ глубинахъ дастъ мнѣ убѣжище. А вы съ этой минуты положите начало своему единомыслію, потомъ простирайтесь и къ прочему; пусть мѣсто сіе называется мѣстомъ пространства (т. е. пусть каѳедра Константинопольская остается свободною); это и для меня обратится въ славу, а если на мнѣ остановитесь, то сіе будетъ для меня безчестіемъ. Я не радовался, когда восходилъ на престолъ, и теперь схожу съ него добровольно. Къ тому убѣждаетъ меня и тѣлесное мое состояніе; одинъ за мною долгъ—смерть: все отдано Богу. Но забота моя о Тебѣ, единственно, моя Троица! О, ежели бы имѣть Тебѣ защитникомъ какой

нибудь языкъ благообученный, по крайней мѣрѣ исполненный свободы и ревности! Прощайте и воспоминайте о трудахъ моихъ“ (62, 63).

Соборъ почтилъ св. Григорія, какъ выражается самъ онъ, безпрекословнымъ согласіемъ (64).

Положеніе церковныхъ дѣлъ въ это время, свойство участія, какое принималъ въ этомъ положеніи дѣлъ св. Григорій Богословъ, очень наглядно обрисованы имъ въ одной изъ его проповѣдей, какую онъ произнесъ въ Константинополѣ послѣ того, какъ на соборѣ онъ отказался отъ управленія Константинопольскою каѳедрой. Проповѣдь эта есть одно изъ высшихъ по художеству произведеній св. Григорія и мы нисколько не потеряемъ въ исполненіи предпринятаго нами занятія — изложить исторію вселенскихъ соборовъ, ежели приведемъ здѣсь нѣсколько извлеченій изъ сего высоко-ораторскаго слова.

Слово 42 св. Григорія Богослова прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополь ста пятидесяти епископовъ.

„Какими находите дѣла мои вы, любезные пастыри и сопастыри? Какимъ представляется вамъ мое странствованіе? Какой находите плодъ отъ онаго, или, лучше сказать, какой плодъ Духа, Которымъ всегда я былъ движимъ и теперь подвигнутъ, не желая имѣть, а можетъ быть и не имѣя, ничего собственнаго?

Я не стыжусь быть судимымъ, потому что и самъ сужу отчасти и съ одинаковою любовію пріемлю то и другое.

Итакъ, что у меня за оправданіе? Если оно ложно, обличите, если же справедливо, засвидѣтельствуйте вы, для которыхъ и предъ которыми мое слово. Нѣкогда паства сія была мала и не совершенна, даже, судя по видимому, это была не паства, а малые слѣды или останки паствы, безъ порядка, безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ; она не имѣла ни свободной пажити, ни огражденнаго двора, скиталась въ горахъ и вертепахъ и въ пропастѣхъ земныхъ (Евр. XI, 38),

разсѣянная и разбросанная тамъ и здѣсь; всякій, кому какъ случилось, находилъ себѣ надзирателя и пастыря, промышлялъ о своемъ спасеніи. Нива сія была нѣкогда мала и скудна, не походила на ниву не только Бога, Который благими сѣменами и ученіями благочестія воздѣлалъ и воздѣлываетъ цѣлый міръ; но даже на ниву недостаточнаго и малоимущаго бѣдняка. Это вовсе не была нива, не стоила можетъ быть ни житницъ, ни гумна, ни серпа; на ней не было ни копны, ни сноповъ, а развѣ малыя и незрѣлыя рукояти, какія выростаютъ на кровляхъ, которыми не исполнитъ руки своей жняй, которыя не призовутъ на себя благословеніе мимоходящихъ (Пс. LXXVIII, 6—8). Такова была наша нива, такова жатва! Такова была нѣкогда паства сія, и такою сдѣлалась нынѣ, столь благоустроенною и расширенною!

Возведи окрестъ очи твои, и виждь, кто бы ты ни былъ, цѣнитель словъ моихъ! Виждь сплетенный вѣнецъ славы, виждь соборъ пресвитеровъ, украшенныхъ сѣдиною и мудростію, благочиніе діаконовъ, недалекихъ отъ того же Духа, скромность чтецовъ, любовь къ ученію въ народѣ. Посмотри на мужей и на женъ; всѣ равночестны добродѣтелію; и изъ мужей посмотри на любомудрыхъ и на простыхъ: всѣ умудрены въ божественномъ; на начальниковъ и на подчиненныхъ: здѣсь всѣ прекрасно управляются; на воиновъ и на благородныхъ, на ученыхъ и любителей учености: всѣ воинствуютъ для Бога, и кроткіе въ другомъ, бранноносны за Духа; всѣ чтутъ горній сонмъ, въ который вводитъ не тихошественная буква, но Духъ животворящій; всѣ въ подлинномъ смыслѣ учены, всѣ служители истиннаго Слова. И изъ женъ посмотри на живущихъ въ супружествѣ: онѣ сопряжены болѣе съ Богомъ, нежели съ плотію; посмотри на несвязанныхъ супружествомъ и свободныхъ: онѣ все посвятили Богу; на юныхъ и старыхъ: однѣ доблестно приближаются къ старости, другія усиливаютъ пребыть безсмертными, обновляясь лучшими надеждами.

Сплетающимъ сей то вѣнецъ содѣйствовалъ и я нѣсколько. Иный изъ нихъ есть дѣло моихъ словъ, не тѣхъ,

которыя я отринулъ, но тѣхъ, которыя возлюбилъ. не словъ любодѣйныхъ (какъ сказалъ въ поношеніе наше нѣкто изъ любодѣйныхъ и словомъ и нравами), но словъ весьма цѣломудренныхъ. Иный изъ нихъ есть порожденіе и плодъ моего духа, какъ можетъ порождать духъ отрѣшившихся отъ тѣла. И я очень увѣренъ, что о семъ засвидѣтельствуютъ признательные изъ васъ, или что даже всѣ вы засвидѣтельствуете. Ибо я трудился надъ тѣмъ, чтобы всѣ приносили плодъ; и моя награда одно исповѣданіе; инаго не ищу, и не искалъ, потому что добродѣтель должна быть безкорыстна, если хочетъ быть такою добродѣтелію, у которой въ виду одно добро. Хотите ли, чтобы я присовокупилъ нѣчто болѣе отважное. Смотрите: языки противниковъ стали кротки, и вооружавшіеся противъ Божества безмолвствуютъ предо мною. И это плоды Духа, и это плоды моего дѣланія.

Но можетъ быть, по желанію вашему, долженъ я представить и ученіе самой вѣры, какая нами содержится. Начертаніе же нашего ученія одно, и оно кратко; это какъ бы надпись на столпѣ, вразумительная всякому; это люди сіи, искренніе поклонники Троицы. Иный изъ нихъ скорѣе разлучится съ жизнію, нежели Единое изъ Трехъ отлучитъ отъ Божества; всѣ они единомудренны, всѣ держатся единаго исповѣданія, однимъ ученіемъ соединены другъ съ другомъ, со мною и съ Троицею. Таково, достопочтенные, оправданіе моего здѣсь пребыванія. Если оно заслуживаетъ похвалу, — благодареніе Богу и вамъ, призвавшимъ меня. Если и не соотвѣтствуетъ надеждамъ, — и въ семъ случаѣ благодареніе, ибо очень знаю, что оно не вовсе укоризненно, и вѣрю вамъ, подтверждающимъ это.

Покорыстовался ли я чѣмъ-нибудь отъ сего народа? Пріумножилъ ли сколько-нибудь свою собственность, чему вижу примѣры на многихъ? Огорчилъ ли чѣмъ-нибудь церковь? Можетъ быть оскорбилъ я иныхъ, которые думали, что понапрасну говорю, и которымъ противопоставилъ я свое слово. Но васъ, сколько сознаю самъ себя, ни чѣмъ я не оскорблялъ. Ни вола не взялъ у васъ, говоритъ великій Самуилъ, состязуясь съ Израилемъ о царѣ; ни мзды за души

ваши; свидѣтель есть Господь въ васъ (1 Цар. XII, 5); не взялъ я ни того, ни другаго,—продолжалъ онъ,—и я не буду перечислять сего въ подробности. Напротивъ того соблюлъ я священство чистымъ и нескверным. Что же значатъ слова мои?

Я не безмездный труженикъ добродѣтели и не достигъ еще до такого совершенства. Вознаградите меня за труды. Чѣмъ же? Не тѣмъ, о чемъ подумали бы нѣкоторые, способные подозрѣвать всякаго; но тѣмъ, чего мнѣ безопасно желать. Успокойте меня отъ долговременныхъ трудовъ, уважьте сію сѣдину, почтите странничество, и введите на мое мѣсто другаго, за васъ гонимаго, у кого руки чисты, у кого слово не неразумно, кто могъ бы во всемъ васъ удовольствовать и нести съ вами церковныя попеченія; ибо настоящее время особенно требуетъ такихъ пастырей. А у меня, видите, въ какомъ состояніи тѣло, истощенное временемъ, болѣзнію, трудами.

На что вамъ нуженъ старикъ робкій, ослабѣвшій, умирающій, такъ сказать, ежедневно, не тѣломъ только, но и заботами, старикъ, который и это съ трудомъ выговариваю вамъ? Повѣрьте голосу учителя, такъ какъ никогда не отказывали ему въ вѣрѣ. Я усталъ, слушая обвиненія моей кротости; усталъ, препираясь и съ словомъ, и съ завистію, съ врагами и съ своими.

Что скажете? Убѣдилъ ли и побѣдилъ ли я васъ сими словами? Или для убѣжденія вашего нужны выраженія, болѣе твердыя? Такъ, ради самой Троицы, Которую я чту и вы чтете, ради общей надежды и ради совокупленія въ единый составъ людей сихъ, окажите мнѣ эту милость — отпустите меня съ молитвами. Пусть это будетъ возвѣщать о моихъ подвигахъ!

Дайте мнѣ увольнительное писаніе, какъ цари даютъ воинамъ, и, если угодно, съ добрымъ свидѣтельствомъ, чтобы имѣть мнѣ награду; а если нѣтъ, какъ хотите, я не воспрекословлю, пока не узритъ Богъ, каковы дѣла наши.

„Кого же поставимъ вмѣсто тебя“. Узритъ Господь Себѣ пастыря для начальствованія, какъ узрѣлъ овча во всесожженіе (Быт. XXVIII, 8). Только сего одного требую, чтобы онъ былъ изъ числа возбуждающихъ зависть, а не сожалѣ-

ніе, изъ числа не всякому во всемъ уступающихъ, но умѣющихъ въ иномъ случаѣ и воспротивиться для большаго блага: ибо первое всего пріятнѣе здѣсь, а второе полезнѣе тамъ.

И вы составьте слово на мое отшествіе; а я воздамъ вамъ за сіе симъ прощальнымъ словомъ: Прости, Анастасія, получившая отъ благочестія наименованіе, ибо ты воскресила намъ ученіе, дотолѣ презираемое! Прости, мѣсто общей побѣды, Силомъ, въ которомъ съ начала водрузили мы скинію, сорокъ лѣтъ носимую и блуждавшую по пустынѣ. Прости, великій и славный храмъ, новое наслѣдіе, храмъ, получившій настоящее величіе отъ Слова, храмъ, который прежде былъ Іевусомъ, а чрезъ меня сдѣланъ Іерусалимомъ. Простите и прочіе храмы, близкіе по красотѣ къ Анастасіи, храмы, подобно узамъ связующіе собою разныя части города, и присвоенные той части, которая съ каждымъ сосѣдственна, храмы, которые наполнилъ не я, имѣющій столько немощи, но наполнила благодать, со мною отчаяннымъ! Простите, апостолы, прекрасное селеніе, мои учители въ подвижничествѣ, хотя я и рѣдко торжествовалъ въ честь вашу, нося въ тѣлѣ, къ собственной пользѣ, можетъ быть, того же сатану, который былъ данъ вашему Павлу (2 Кор. XII; 7), ради котораго и нынѣ отъ васъ преселяюсь! Прости, каѳедра—эта завидная и опасная высота; прости, соборъ архіереевъ и іереевъ, почтенныхъ сановитостію и лѣтами; простите, всѣ, служащіе Богу при священной трапезѣ и приближающіеся къ тому, кто приближается къ Богу (Лев. X, 3)! Простите, ликостоянія назореевъ, стройныя псалмопѣнія, всенощныя стоянія, честность дѣвъ, благопристойность женъ, толпы вдовъ и сиротъ, очи нищихъ, устремленные къ Богу и къ намъ! Простите, страннолюбивые и христолюбивые домы, помощники моей немощи! Простите, любители моихъ словъ, простите и эти народныя теченія и стеченія, и эти трости, пишущія явно и скрытно, и эта рѣшетка, едва выдерживающая тѣснящихся къ слушанію! Простите, цари и царскіе дворцы и царскіе служители, домочадцы [1]), можетъ быть и

[1]) Царскіе евнухи, которые большею частію заражены были аріанской и македоніевою ересями.

вѣрные царю (не знаю сего), но по большей части не вѣрные Богу! Плещите руками, восклицайте пронзительнымъ голосомъ, поднимите вверхъ своего витію! Умолкъ языкъ для васъ непріязненный и вѣщій. Хотя онъ не вовсе умолкнетъ и будетъ еще препираться рукою и чернилами, но настоящее время мы умолкли. Прости, градъ великій и христолюбивый! Ибо засвидѣтельствую истину, хотя и не по разуму сія ревность (Римлян. X, 2), разлука содѣлала насъ болѣе снисходительными. Приступите къ истинѣ; перемѣните жизнь свою, хотя поздно; чтите Бога болѣе, нежели сколько обыкли! Перемѣна жизни ни мало не постыдна; напротивъ того храненіе зла гибельно. Простите, востокъ и западъ! За васъ и отъ васъ терпимъ мы нападеніе: свидѣтель сему Тотъ, Кто примиритъ насъ, если не многіе будутъ подражать моему удаленію. Ибо не утратятъ Бога удалившіеся отъ престоловъ, но будутъ имѣть горнюю каѳедру, которая гораздо выше и безопаснѣе этихъ каѳедръ. А сверхъ всего и паче всего воскликну: простите, ангелы, назиратели сея церкви, и также моего здѣсь пребыванія и отшествія отсюда, если только и мои дѣла въ рукѣ Божіей!

Прости мнѣ, Троица, мое помышленіе и украшеніе! Да сохранишься у сего народа моего и да сохранишь его (ибо онъ мой, хотя и устрояется жизнь моя иначе); да возвѣщается мнѣ, что Ты всегда возвышаема и прославляема у него и словомъ и жизнію!

Чада! сохраните преданія (1 Тим. VI. 20), помните, какъ побивали меня камнями.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами, аминь!“ (Римл. XVI, 24).

Первымъ дѣломъ для отцевъ собора, послѣ того, какъ св. Григорій Богословъ отказался отъ Константинопольской каѳедры, было разсужденіе о томъ, кто долженъ быть предстоятелемъ церкви Константинопольской. Максимъ, котораго рукоположилъ было для Константинополя Петръ (по Ѳеодориту 5—8, Тимоѳей), епископъ Александрійскій, какъ зараженный мнѣніями Апполинарія, объявленъ лишеннымъ епископскаго достоинства, и всѣ рукоположенія, совершенныя

имъ въ его лжеепископскомъ санѣ, признаны недѣйствительными (Конст. вселен. соб. пр. 4). Преемникомъ св. Григорія по избранію царя и по согласію (хотя и не безъ нѣкоторыхъ возраженій) епископовъ (Сокр. V, 8) былъ признанъ Нектарій, происходившій изъ сенаторскаго рода и исправлявшій должность претора.

Интересны разсужденія Созомена по поводу избранія сего Нектарія на каѳедру Константинопольскую. Нектарій, какъ замѣтили мы передъ симъ, представленъ былъ на каѳедру Константинопольскую самимъ царемъ и епископы согласились съ опредѣленіемъ самодержца, несмотря на то, что Нектарій не былъ даже и крещенъ. „Когда всѣ уступили,— пишетъ Созоменъ, — и согласились съ опредѣленіемъ самодержца, тогда Нектарій былъ окрещенъ, и облеченный еще въ таинственную одежду нареченъ епископомъ Константинопольскимъ". „Многіе увѣрены,—разсуждаетъ послѣ сего Созоменъ, — что это такъ случилось потому, что такъ Богъ повелѣлъ царю".

„Я не вхожу въ строгое изслѣдованіе, вѣрно ли то или нѣтъ, однако же убѣжденъ, что случившееся произошло не безъ соизволенія Божія. Смотрю ли на странность рукоположенія, или обращаю вниманіе на событія послѣдующія, въ томъ и другомъ случаѣ я вижу, что здѣшнее епископство Богъ поручилъ человѣку самому кроткому, доброму и достойному" (7, 8).

Послѣ того, какъ былъ избранъ въ епископы Константинопольскіе Нектарій и послѣ того, какъ онъ же признанъ былъ предсѣдателемъ собора, отцы собора приступили къ составленію правилъ, долженствовавшихъ выражать собою сущность предшествовавшихъ совѣщаній и отвѣтъ на занимавшіе въ то время церковные вопросы. Въ указаніяхъ на число правилъ втораго вселенскаго собора древніе церковно-историческіе памятники нѣсколько разногласятъ. Древніе церковные историки: Сократъ, Созоменъ, Ѳеодоритъ прямо о числѣ правилъ Константинопольскаго собора ничего не говорятъ, а перечисляютъ только пункты, коими занимались отцы собора. Нѣкоторые изъ указываемыхъ ими пунктовъ буквально,

можно сказать, повторяютъ то, что постановлено было на вселенскомъ соборѣ, хотя и нельзя сказать, чтобы указанія простирались на всѣ правила Константинопольскаго собора; полнѣйшій по своему перечисленію занятій собора Созоменъ указываетъ только на первыя четыре правила собора; блаж. Ѳеодоритъ замѣчаетъ только, что отцы собора, постановивъ правила касательно церковнаго благочинія и утвердивъ непреложность символа Никейскаго, возвратились въ свои епархіи. Что касается неполноты въ перечисленіи занятій соборныхъ, какая замѣчается у церковныхъ историковъ, то эта неполнота удобно изъясняется тѣмъ, что историки эти не считали своею обязанностію передавать пунктуально всѣ постановленія собора, а считали достаточнымъ указать на нѣкоторые первоначальные пункты и, какъ можетъ быть казалось имъ, главнѣйшіе. Отъ этого недостатка указаній въ древнихъ историческихъ памятникахъ на число правилъ втораго вселенскаго собора произошло то, что въ настоящее время между тѣми, кого этотъ предметъ особенно интересуетъ, существуетъ разногласіе. Западные канонисты—Діонисій Малый и Исидоръ признаютъ каноническими только четыре правила; но кодексы греческіе и греческіе канонисты, какъ Зонара и Вальсамонъ, признаютъ правила Константинопольскаго собора въ числѣ семи правилъ. Правила Константинопольскаго собора, какъ и естественно ожидать, занимаются благоустроеніемъ дѣлъ церковныхъ: изрекаютъ проклятіе на еретиковъ, опредѣляютъ границы власти епископовъ въ томъ смыслѣ, что каждый епископъ долженъ знать дѣло только своего округа; высшее управленіе принадлежитъ собору епископовъ; въ частности соборъ занялся опредѣленіемъ отношеній епископа новой столицы—Константинополя. Установлена, такъ сказать, норма при опредѣленіи подсудности епископовъ, т. е. намѣчены случаи, когда жалобы на епископовъ должны подлежать разсмотрѣнію и когда онѣ должны быть оставляемы безъ вниманія. Много стали замѣчать такихъ случаевъ, что сторонники партій злонамѣренно взносили хулы и клеветы на епископовъ, не потакавшихъ духу оныхъ партій, партій часто неправославныхъ по исповѣданію. „Не позволяется еретикамъ

дѣлать обвиненія на епископовъ православныхъ по дѣламъ церковнымъ". Не дозволяется обвинять епископовъ и такимъ, кои за какія-нибудь вины были осуждены церковью и извержены или отлучены изъ клира или изъ разряда мірянъ, пока не очистятъ себя отъ собственной вины.

Отрадно для члена православной восточной церкви читать между правилами втораго вселенскаго собора ясное и подробное указаніе на таинство свят. муропомазанія. Какъ видно изъ выраженій самаго правила соборнаго, св. таинство муропомазанія и во времена втораго вселенскаго собора совершаемо было точно такъ, какъ и нынѣ оно совершается въ православной восточной церкви: „пріемлемъ запечатлѣвая, т. е. помазуемъ св. муромъ, во-первыхъ, чело, потомъ очи и ноздри, и уста, и уши, и запечатлѣвая ихъ глаголемъ: печать дара Духа Святаго".

Не съ меньшею силою возбуждаетъ любознательность описаніе правилами этого же собора того способа, какъ принимали въ общеніе съ церковью обращавшихся отъ ереси. Способъ принятія еретиковъ въ общеніе церковное опредѣляется въ правилѣ такъ: „въ первый день дѣлаемъ ихъ христіанами (т. е. открываемъ имъ входъ въ церковь молитвою, крестнымъ знаменіемъ и возложеніемъ рукъ); во второй день совершается оглашеніе присоединяемыхъ къ вѣрѣ; въ третій совершается заклинаніе съ троекратнымъ дуновеніемъ въ лице и въ уши; по совершеніи заклинанія присоединяемый считался между принадлежащими къ церкви и начиналъ приготовляться къ принятію св. крещенія. Приготовленіе сіе состояло въ томъ, что готовящійся къ крещенію ходилъ въ церковь, слушалъ здѣсь чтеніе св. писанія, присутствовалъ при литургіи оглашенныхъ, занимался предварительнымъ изученіемъ вѣры и приготовлялся къ торжественному исповѣданію символа вѣры, каковое необходимо было при совершеніи надъ нимъ таинства свят. крещенія. Когда приготовленіе къ крещенію было окончено, тогда надъ присоединяемымъ совершаемо было таинство свят. крещенія и онъ вводимъ былъ въ полное общеніе съ церковію.

Постановленіемъ о способѣ принятія въ церковь обра-

щающихся отъ раскола и ересей правила втораго вселенскаго собора оканчиваются.

По составленіи правилъ отцы собора представили свои дѣянія на утвержденіе императору. Въ посланіи къ императору, которое приложено было къ дѣяніямъ, отцы собора возсылаютъ благодареніе Богу, что Онъ ознаменовалъ благочестивое царствованіе Ѳеодосія миромъ церковнымъ и утвержденіемъ истинной вѣры; затѣмъ кратко перечисляютъ, что было сдѣлано ими на соборѣ, и просятъ императора всѣ эти дѣянія свои утвердить, „дабы, — приводимъ собственныя выраженія отцевъ собора къ императору, — какъ почтилъ ты церковь своимъ посланіемъ, которымъ созвалъ насъ, также своимъ утвержденіемъ положилъ и конецъ нашимъ совѣщаніямъ“. Въ заключеніе отцы собора выражаютъ свои благожеланія царю земному отъ Царя небеснаго.

Императоръ представленіе отцевъ собора утвердилъ и 30 іюля 381 года издалъ указъ, чтобы „съ сего времени всѣ церкви переданы были православнымъ, кои въ существѣ трехъ лицъ, равночестныхъ и равносильныхъ, исповѣдуютъ едино божество—Отца, Сына и Святаго Духа“. Исповѣдники этого ученія должны были имѣть общеніе въ Константинополѣ съ Нектаріемъ, въ Египтѣ съ Тимоѳеемъ, епископомъ Александрійскимъ, въ восточныхъ церквахъ съ Діодоромъ, епископомъ Тарсійскимъ, и Пелагіемъ, епископомъ Лаодикіи Сирійской, въ азіатскихъ церквахъ съ Амфилохіемъ, предстоятелемъ церкви Иконійской, въ городахъ Понтійскихъ отъ Виѳиніи до Арменіи съ Елладіемъ, епископомъ Кесаріи Каппадокійской, Григоріемъ Нисскимъ и Отрейемъ, епископомъ Мелитинскимъ, въ городахъ, находящихся во Ѳракіи и Скиѳіи, съ Терентіемъ, епископомъ города Томи, и Мартиріемъ, епископомъ Маркіанопольскимъ. Всѣ же, кои не захотятъ пребывать въ общеніи съ поименованными епископами, какъ еретики, изгоняются изъ церкви (Cod. Theodos. L. 3. de fid. cathol. t. VI, p. 9). Когда все это было сдѣлано и соборъ закрытъ, то епископы возвратились каждый въ свою епархію (Созом. VII, 9).

Третій вселенскій соборъ — Ефесскій.

Аріанское движеніе путемъ долгихъ, прямыхъ и извилистыхъ, спокойныхъ и раздражительныхъ изслѣдованій привело наконецъ и тѣхъ, кои до сихъ поръ шатки были въ вѣрѣ, къ убѣжденію, что въ дѣлѣ вѣры всего безопаснѣе и спасительнѣе, отказавшись отъ обольстительныхъ, обманчивыхъ внушеній ограниченнаго разумѣнія человѣческаго, положиться на ученіе откровенное и съ дѣтскою простотою сердца исповѣдовать непостижимую для ума тайну единое божество въ Троицѣ: Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную. Если взять во вниманіе всю исторію аріанскихъ и македоніанскихъ преній, то нельзя не признать, что разъясненіе и утвержденіе этой высочайшей тайны въ сущности составляетъ результатъ всѣхъ разсужденій въ періодъ времени перваго и втораго вселенскихъ соборовъ. Но въ дѣлѣ человѣческаго спасенія, столько же, какъ исповѣданіе Святой Троицы, важно исповѣданіе тайны соединенія въ Іисусѣ Христѣ божескаго естества съ человѣческимъ: какъ божество спасаетъ человѣчество. Въ отвѣтъ и на этотъ вопросъ такъ же, какъ и въ рѣшеніи прежняго вопроса объ отношеніяхъ между Богомъ Отцемъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ, опять вступаютъ въ борьбу обольстительныя рѣшенія разума съ непоколебимою вѣрою въ ученіе откровенія.

Близорукій раціонализмъ, силясь отрѣшиться отъ тяжкихъ для него узъ откровеннаго ученія, предлагаетъ въ отвѣтъ и на этотъ вопросъ соображенія свои; но эти соображенія такъ же, какъ и прежнія раціоналистическія соображенія аріанскія, не даютъ полнаго удовлетворительнаго отвѣта ни на самый главный вопросъ, ни на вопросы, соприкосновенные съ главнымъ: опять начинаются возраженія, пренія, изслѣдованія продолжительныя и нерѣдко раздражительныя; и послѣ многихъ круженій и крушеній опять усматривается необходимость притекать къ тихому пристанищу откровеннаго ученія вѣры. Несторій, какъ и Арій, замѣтно усиливался освѣтить тайны вѣры личными мудрованіями, и довѣряя имъ болѣе, чѣмъ авторитету откровенія, уничтожилъ тайну вѣры, обнаруживъ попытку ниспровергнуть одинъ изъ основныхъ догматовъ христіанскихъ: догматъ объ упостасномъ соединеніи божества съ человѣчествомъ въ лицѣ Іисуса Христа, отъ чего, какъ само собою понятно, подвергался извращенію и догматъ объ искупленіи человѣчества божествомъ. Надобно замѣтить, что Несторій не вполнѣ справедливо считается передовымъ и какъ бы единственнымъ представителемъ и главою партіи еретиковъ съ его именемъ; такая извѣстность досталась Несторію не столько потому, чтобы Несторій самъ былъ изобрѣтателемъ своего ученія, сколько благодаря высотѣ его положенія и большей обдуманности, смѣлости и рѣшительности въ защищеніи принятаго имъ направленія. Первое же появленіе этого направленія нужно относить за нѣсколько десятковъ лѣтъ дальше времени Несторія къ учителю Несторія Ѳеодору Мопсуестскому и даже къ учителю самого Ѳеодора Мопсуестскаго Діодору Тарсійскому.

Въ сочиненіяхъ того и другаго изъ сихъ предшественниковъ Несторія, т. е. и Ѳеодора Мопсуестскаго и Діодора Тарсійскаго можно встрѣчать указаніе на тѣ мысли, кои впослѣдствіи могли послужить и дѣйствительно послужили у самого Несторія основаніемъ къ той хитросплетенной системѣ, которая теперь извѣстна подъ именемъ несторіанства. О первомъ началѣ несторіанскихъ волненій мы имѣемъ два нѣ-

сколько разнорѣчущія между собою сказанія: одно сказаніе читаемъ у самого Несторія (въ его письмѣ къ Іоанну, епископу Антіохійскому), другое у церковнаго историка Сократа. Самъ Несторій въ письмѣ къ Іоанну Антіохійскому писалъ, что, прибывши въ Константинополь (изъ Антіохіи, откуда онъ былъ вызванъ для поставленія въ патріархи Константинопольскіе), онъ, Несторій, нашелъ здѣсь разногласіе и споръ о томъ, какъ нужно называть Родившую Спасителя: одни называли Ее Богородицею, другіе человѣкородицею, самъ Несторій предложилъ было посредствующій между тѣмъ и другимъ наименованіемъ терминъ „Христородица“.

Такъ писалъ Несторій, имѣя въ виду объяснить возникновеніе преній изъ хода дѣлъ, повидимому, не выступавшаго изъ теченія обыкновеннаго и съ тѣмъ вмѣстѣ желая отклонить отъ себя подозрѣніе и обвиненіе въ нововведеніи. Но это сказаніе о началѣ несторіанскихъ волненій нельзя не заподозрить въ нѣкоторой фальшивости. Судя по тѣмъ шумнымъ заявленіямъ противъ нововводителей, какія мы видимъ въ Константинополѣ при самомъ первомъ обнаруженіи тамъ мыслей несторіанскихъ, невѣроятно, чтобы въ Константинополѣ передъ прибытіемъ туда Несторія существовало такое разногласіе мнѣній о наименованіи Пресвятой Богородицы, какое представляетъ существовавшимъ тамъ Несторій. Наименованіе Пресв. Дѣвы Богородицею издавна было освящено церковнымъ употребленіемъ и издавна было въ церковномъ употребленіи повсюду: по крайней мѣрѣ свидѣтельства объ употребленіи сего высокаго наименованія мы встрѣчаемъ съ раннихъ поръ въ церкви Александрійской (у Оригена, Александра, еп. Александрійскаго, Аѳанасія Великаго), въ Кесаріи Каппадокійской (у Василія Великаго), въ Кесаріи Палестинской (Евсевія Кесарійскаго) и въ самомъ Константинополѣ (у св. Григорія Богослова). Такое повсюдное распространеніе и употребленіе въ отношеніи къ Пресвятой Дѣвѣ наименованія Богородица наводитъ сильное подозрѣніе на свидѣтельство Несторія, будто онъ при своемъ вступленіи въ Константинополь нашелъ тамъ въ разсужденіи сего наименованія разногласіе; болѣе вѣроятнымъ представляется пред-

положеніе, что такія разногласія присочинилъ самъ ересіархъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ нововведеніи. Ежели бы, говоримъ, въ Константинополѣ въ самомъ дѣлѣ было въ разсужденіи сего предмета разногласіе, то мысли Несторія не встрѣтили бы такой дружной и жаркой оппозиціи со стороны ревнителей православія, какую въ самомъ дѣлѣ они встрѣтили на первыхъ порахъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ намъ представляется наиболѣе достовѣрнымъ сказаніе о началѣ несторіанскихъ преній, передаваемое церковнымъ историкомъ Сократомъ. У Сократа читаемъ: „при Несторіи былъ пресвитеръ Анастасій, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Антіохіи; Несторій весьма уважалъ его и въ дѣлахъ пользовался его совѣтами. Однажды, уча въ церкви, этотъ Анастасій сказалъ: никто не долженъ называть Марію Богородицею, ибо Марія была человѣкъ, а отъ человѣка Богу родиться невозможно. Такія разсужденія, замѣчаетъ отъ себя Сократъ, устрашили многихъ какъ клириковъ, такъ и мірянъ, ибо всѣ издревле научены были признавать Христа Богомъ и никакъ не отдѣлять Его по домостроительству, какъ человѣка отъ божества. Въ церкви произошло смятеніе; Несторій началъ защищать Анастасія; ему не хотѣлось, замѣчаетъ Сократъ, чтобы человѣкъ, имъ уважаемый, былъ обличенъ въ нечестивомъ ученіи: отчасти для защиты Анастасія, отчасти (и конечно главнымъ образомъ) для распространенія своихъ мыслей Несторій сталъ часто проповѣдывать въ церкви о томъ же предметѣ, нарочито предлагалъ о немъ вопросы и всегда отвергалъ наименованіе Богородицы“ (Сокр. ц. и. VII, 32). Какъ раскрывалъ и защищалъ свои мысли Несторій, Сократъ въ своемъ изложеніи не указываетъ; но мы можемъ составить себѣ довольно отчетливое представленіе объ этомъ первоначальномъ распространеніи несторіанскихъ мыслей по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія сохранились до насъ въ посланіяхъ, разсужденіяхъ и словахъ св. Кирилла Александрійскаго. Въ одномъ изъ своихъ посланій св. Кириллъ Александрійскій представляетъ Несторія разсуждающимъ такъ: „они, выражается Несторій, указывая на несогласныхъ съ нимъ, спрашиваютъ, можно ли и должно

ли называть Марію Богородицею? Но развѣ Богъ имѣетъ матерь? Это значило бы склониться къ язычеству, которое даетъ богамъ матерей; въ такомъ случаѣ и Павелъ оказался бы лжецомъ, ибо онъ, апостолъ, ко Христу примѣняетъ то, что самъ говоритъ о Мелхиседекѣ, что онъ безъ отца, безъ матери, безъ рода (Евр. VII, 3); нѣтъ, Марія не рождала Бога; созданіе не могло рождать несозданнаго Творца, Марія родила только человѣка, который былъ орудіемъ божества. Духъ Святый не Слово созидалъ, но образовалъ для Него изъ Маріи Дѣвы храмъ, въ которомъ Слово должно было обитать. Воплотившійся Богъ не умиралъ, но возбудилъ, воскресилъ Того, въ Комъ Онъ обиталъ; эту оболочку, эту одежду, которою Онъ пользовался, я чту изъ почитанія къ Богу, Который былъ ею прикрытъ и съ нею былъ нераздѣлимъ; я раздѣляю естество, но соединяю почитаніе; пойми, что я хочу сказать: Тотъ, Кто образовался во чревѣ Маріи, не былъ Самъ Богъ; но Богъ только воспринялъ Его и поэтому развѣ только ради Воспріявшаго могъ быть названъ Богомъ и воспринятый. Подъ тактъ патріарха начали подлаживать и чины, менѣе высоко поставленные; одинъ епископъ по имени Дороѳей (Маркіопольскій) осмѣлился открыто сказать въ соборной церкви православныхъ: анаѳема тотъ, кто скажетъ, что Святая Дѣва есть Богородица“ (Посл. св. Кир., дѣян. всел. соб. т. I, 344). Понятно, въ чемъ заключалась здѣсь сущность дѣла и въ чемъ должна была заключаться полемика противъ этихъ разсужденій со стороны православныхъ.

Напрасно Несторій опасался, будто произнося слово Богородица, православные привносятъ въ свое исповѣданіе элементы языческіе, или будто они не понимали того, что конечное не можетъ давать бытіе безконечному. Слово Богородица, повторяемъ, церковнымъ употребленіемъ освящено было и найдено наилучшимъ къ выраженію непостижимой тайны соединенія во Христѣ божескаго и человѣческаго естества, истинности вочеловѣченія Слова, Которое отъ Маріи Дѣвы восприняло человѣческое естество, которое родилось отъ Нея, какъ Богочеловѣкъ и какъ Богочеловѣкъ страдало на крестѣ. Понятно также, что все дѣло здѣсь состояло не столько въ

выраженіяхъ, сколько въ воззрѣніяхъ на отношенія во Христѣ божескаго и человѣческаго естества. Собственно говоря, разсужденіями Несторія отрицалось таинство воплощенія Сына Божія и вводилось вмѣсто того ученіе о воспріятіи человѣческаго естества, или о воспріятіи совершеннаго человѣка въ общеніе съ Словомъ. Вмѣсто Богочеловѣка здѣсь является Богоносецъ; Іисусъ Христосъ есть только орудіе, храмъ, въ коемъ обитало Слово; два естества здѣсь являются не въ личномъ соединеніи, но только въ нравственномъ общеніи, благоволеніи одного къ достоинствамъ другаго. Св. Кириллъ Александрійскій между прочимъ писалъ о Несторіѣ: „онъ постоянно избѣгаетъ слова „ἕνωσις“, а употребляетъ только слово συνάφεια. отъ συνάπτω — соприкасаюсь“ (посл. къ Целестину). Со стороны Бога это есть снисхожденіе къ Іисусу по благоволенію; συνάφεια κατὰ χάριν καὶ εὐδοκίαν; съ другой стороны восхожденіе человѣческаго естества во Христѣ къ общенію съ божественнымъ представляется прогрессивнымъ; основаніемъ этого восхожденія представляются добродѣтели и заслуги Іисуса. Съ отрицаніемъ Богочеловѣческаго единства въ лицѣ Іисуса Христа отрицалось истинное значеніе Его страданій и смерти, съ чѣмъ вмѣстѣ все дѣло искупленія разрушается.

Св. Кириллъ въ другомъ мѣстѣ укоряетъ Несторія, что онъ не говоритъ: „Сынъ Божій умеръ и воскресъ, но только человѣкъ Іисусъ умеръ и возсталъ“ (посл. къ папѣ Целестину). Самъ Несторій въ одной изъ своихъ бесѣдъ (по отрывкамъ у Марія Меркатора) говоритъ: „можно сказать, умеръ Сынъ Божій въ не собственномъ смыслѣ, но нельзя сказать, что умеръ Богъ. Писаніе, когда говоритъ о рожденіи, страданіи, смерти, не относитъ сего къ Богу, но или ко Христу, или къ Іисусу, Господу и т. п.“ Зловредность, гибельность всѣхъ этихъ разсужденій не могла укрыться отъ людей, богатыхъ образованіемъ богословскимъ. Зоркое богословское око могло сразу понять, какая бездна разверзается подъ этими, повидимому, не особенно опасными и даже, повидимому, основательными разсужденіями.

Повидимому, предлагалась услуга къ разъясненію догмата, повидимому, въ самомъ дѣлѣ хотѣли разъяснить и до-

казать только ту, не требовавшую, впрочемъ, доказательствъ, истину, что безконечное не можетъ получать начало отъ конечнаго, что человѣческое естество Пресвятыя Дѣвы не могло дать бытія божескому естеству Бога Слова; но на самомъ дѣлѣ здѣсь скрывался злѣйшій раціонализмъ; отрицавшій божество Господа нашего Іисуса Христа. Онъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, низводился въ рядъ людей обыкновенныхъ, только особенно благочестивыхъ и угодныхъ Богу. Но всемогущій Промыслитель бдитъ недремлющимъ окомъ Своимъ о спасеніи избранныхъ Своихъ; Онъ и теперь благоволитъ явить воочію всѣхъ желающихъ внимать путямъ промысла одно изъ многаго множества доказательствъ на то, что врата адова не одолѣютъ святой церкви Его.

Мысли несторіанскія, доколѣ онѣ таились въ углахъ и подъ спудомъ частныхъ сочиненій Діодора и Ѳеодора Мопсуестскаго, дотолѣ не возбуждали противъ себя никакого или точнѣе не возбуждали особенно шумнаго противодѣйствія; но какъ только со вступленіемъ Несторія на патріаршій престолъ Константинопольскій заявили было попытку разнестись вдаль и въ широту съ церковной каѳедры Константинопольской, противъ нихъ немедленно и дружно возстала сильная оппозиція съ разныхъ сторонъ. Въ самомъ же Константинополѣ между людьми приближенными къ Несторію или по крайней мѣрѣ бывшими въ довѣріи у него нашелся проповѣдникъ, который несмотря на то, что самъ же Несторій назначилъ ему произносить проповѣдь, началъ говорить въ своей проповѣди противъ Несторія. Проповѣдь приходилась въ Благовѣщеніе, и Проклъ, пресвитеръ Константинопольскій (послѣ епископъ Кизическій, потомъ патріархъ Константинопольскій), доказывалъ, что Пресвятую Дѣву должно именовать Богородицею. Самая проповѣдь озаглавлялась: „О вочеловѣченіи Господа нашего Іисуса Христа, о томъ, что Святая Дѣва Марія есть Богородица, что Родившійся отъ Нея есть Еммануилъ, Который есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, неслитно и непреложно“. Раскрытіе этой высокой темы св. Прокломъ, какъ направленное противъ начинавшаго обнаруживаться лжеученія, интересно, какъ первый памятникъ противодѣй-

ствія Несторію со стороны православныхъ и потому мы разсмотримъ этотъ памятникъ нѣсколько подробнѣе. „Весь родъ человѣческій, разсуждаетъ между прочимъ св. Проклъ, грѣхами своими вошелъ въ большіе долги и не находитъ никакихъ способовъ уплатить ихъ; всѣ люди въ Адамѣ дали на себя рукописаніе въ грѣхѣ, и діаволъ сдѣлалъ насъ своими рабами. Надлежало быть одному изъ двухъ: или всѣмъ намъ подвергнуться смерти, на которую мы были осуждены, потому что всѣ согрѣшили, или для искупленія нашего должна быть дана такая цѣна, которою бы все требованіе уплачивалось вполнѣ. Человѣкъ не могъ этого требованія уплатить, потому что онъ самъ чрезъ грѣхъ былъ въ этомъ долгу; не могъ искупить человѣческаго рода и ангелъ, потому что не находилъ столь великой платы. Необходимымъ оставалось, чтобы Богъ, непричастный грѣху, умеръ за согрѣшившихъ. И вотъ Тотъ, Кто изъ небытія привелъ къ бытію весь міръ, открылъ вѣрнѣйшій способъ доставить жизнь осужденнымъ, дѣлается человѣкомъ, раждаясь отъ Дѣвы, образомъ Ему самому только извѣстнымъ, потому что умъ не можетъ изъяснить для себя этого чуда. Онъ умираетъ тѣмъ, что въ Немъ есть рожденное и совершаетъ искупленіе силою того, что въ Немъ есть всегда пребывающее; Онъ содѣлался за насъ жертвою, когда предалъ на смерть Свое тѣло; содѣлался и первосвященникомъ за насъ, когда ходатайствуетъ о насъ къ Отцу. Мы вѣруемъ, говорилъ между прочимъ св. Проклъ, что Христосъ не чрезъ постепенное восхожденіе къ божескому естеству содѣлался Богомъ, но, будучи Богомъ, по Своему милосердію содѣлался человѣкомъ. Не говоримъ: человѣкъ содѣлался Богомъ, но исповѣдуемъ, что Богъ воплотился. Рабу Свою избралъ для Себя въ Матерь Тотъ, Кто по существу Своему не имѣетъ матери, и Кто, явясь по божественному домостроительству на землѣ, не имѣетъ здѣсь отца. Какъ одинъ и тотъ же есть и безъ отца и безъ матери, по слову апостола (Евр. VII, 3)? Если Онъ только человѣкъ, то Онъ не можетъ быть безъ матери, и дѣйствительно, у Него есть Матерь. Если Онъ только Богъ, то Онъ не безъ отца: въ самомъ дѣлѣ, у Него есть Отецъ. Онъ не имѣетъ матери,

какъ Творецъ—Богъ, не имѣетъ отца, какъ человѣкъ. Если бы Христосъ былъ кто-либо особый и Богъ Слово особый, то была бы уже не Троица, но четверица. Не раздирай одежды домостроительства спасенія, свыше истканной: не раздирай соединенія двухъ естествъ, чтобы тебѣ не быть отлучену отъ Бога".

Въ проповѣди своей Проклъ не упомянулъ имени ни Несторія, ни сторонниковъ его; но самое построеніе ея показываетъ, кого онъ имѣлъ въ виду. Святое дерзновеніе Прокла, не убоявшагося высказать хотя и не прямо обличеніе на лжеученіе патріарха Константинопольскаго, увѣнчалось добрымъ успѣхомъ; ободренные его начинаніемъ, многіе заявили свое противодѣйствіе Несторію еще смѣлѣе. Нѣкто Евсевій, адвокатъ Константинопольскій, рѣшился перейти Несторію путь по церкви и вслухъ всего народа возгласилъ: „еретику надобно заграждать путь. Само вѣчное Слово родилось во второй разъ по плоти отъ жены" (Кир. прот. Нестор. I, 20). На другой день у дверей храма явилось воззваніе къ епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, чтецамъ и всѣмъ мірянамъ Константинопольскимъ, написанное, какъ говорятъ, Евсевіемъ, адвокатомъ Константинопольскимъ. Въ немъ Несторій названъ прямо еретикомъ; выставлено сходство его ученія съ ученіемъ Павла Самосатскаго; ученію того и другаго противопоставленъ символъ Антіохійскій, совершенно согласный съ Никейскимъ; приведены противъ Несторія слова св. Евстаѳія Антіохійскаго, присутствовавшаго на Никейскомъ соборѣ, и такимъ образомъ доказано, что Несторій отступилъ отъ преданія той церкви, въ которой былъ воспитанъ. „Именемъ Св. Троицы, гласило между прочимъ это заявленіе, заклинаю каждаго, кто получитъ эту хартію, заявить ее епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, чтецамъ и мірянамъ, живущимъ въ Константинополѣ; и еще давать имъ списки съ нея, въ доказательство, что еретикъ Несторій есть единомышленникъ съ Павломъ Самосатскимъ, преданнымъ анаѳемѣ православными епископами за 160 лѣтъ прежде сего. Ученіе ихъ таково: Павелъ говоритъ: Марія не родила Слово. Несторій говоритъ: Марія не родила Бога. Павелъ: Марія родила человѣка, такого же,

какъ и мы. Несторій: родившійся отъ Дѣвы есть человѣкъ. Павелъ: Христосъ по всему лучше насъ, потому что Онъ отъ Духа есть Свята; о Немъ были обѣтованія и, какъ писаніе говоритъ, благодать была въ Немъ. Несторій: видѣлъ Духа сходяща аки голубя и пребывающа на Немъ; этотъ Духъ даровалъ Ему вознесеніе: заповѣдавъ апостоламъ, ихже избра, говоритъ писаніе. Духомъ Святымъ вознесеся; Онъ-то даровалъ Христу столь великую славу. Павелъ говоритъ: Происшедшій отъ Давида помазанъ для того, чтобы быть причастнымъ мудрости, и чтобы въ Немъ обитала премудрость въ большей мѣрѣ, нежели въ комъ другомъ; она была и въ пророкахъ, но еще болѣе въ Моусеѣ; была во многихъ святыхъ, но еще болѣе во Христѣ, какъ храмѣ Бога; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: инъ есть Іисусъ Христосъ, и инъ есть Слово. Несторій: невозможно рожденному прежде всѣхъ вѣковъ еще родиться".

Проведши эту параллель между ученіемъ Несторія и Павла Самосатскаго, Константинопольскій ревнитель православія приводитъ и другіе аргументы противъ ученія Несторія, еще болѣе уважительные для православнаго. „Указываю здѣсь тебѣ, ревнитель св. вѣры, приводимыя собственныя слова воззванія, какъ исповѣдовала эту часть христіанскаго ученія церковь Антіохійская, отъ которой въ первыя времена распространилось на насъ и имя христіанъ. Она знала не двухъ сыновъ Бога, изъ которыхъ тотъ и другой есть особое существо, но единаго Сына, прежде всѣхъ вѣковъ рожденнаго, Бога отъ Бога Отца, единосущна Отцу, при Августѣ кесарѣ родившагося отъ Маріи Дѣвы". Здѣсь неизвѣстный ревнитель православія приводитъ слова изъ Антіохійскаго символа вѣры вполнѣ почти тождественно съ членами символа Никейскаго. „Одинаково съ симъ, продолжаетъ онъ далѣе, учитъ и блаженный Евстаѳій, епископъ той же Антіохіи, одинъ изъ числа 318 епископовъ, бывшихъ на святомъ и великомъ соборѣ. Слова его таковы: Онъ, Христосъ, не человѣкъ только, но и Богъ, какъ говоритъ пророкъ Варухъ: сей Богъ нашъ; невмѣнится инъ къ Нему; изобрѣте всякъ путь хитрости и даде ю Іакову отроку своему; посемъ на

земли явися и съ человѣки поживе (Варуха III, 36). А не тогда ли Онъ жилъ съ человѣками, когда родился отъ Дѣвы, какъ раждаются люди; также, какъ и они, былъ младенцемъ, возрасталъ, пилъ, ѣлъ, усвоивъ Себѣ и всѣ прочія качества человѣческой природы? Поэтому, кто осмѣлится говорить, что иной есть Сынъ единородный, прежде всѣхъ вѣковъ рожденный отъ Отца, и иной есть Родившійся отъ Маріи Дѣвы, и не одинъ и тотъ же есть Господь Іисусъ Христосъ, тотъ анаѳема да будетъ".

Дѣло, возбудившее къ себѣ такой горячій интересъ, не могло не получить, конечно, широкой огласки и внѣ Константинополя. Святый Кириллъ Александрійскій въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что „изъ какого бы города, изъ какой бы веси ни приходилъ кто, каждый спрашиваетъ: что это за говоръ всеобщій, что за новое ученіе распространяется по церквамъ?"

Къ самому св. Кириллу пришли изъ нѣкоторыхъ скитовъ Египетскихъ монахи и съ изумленіемъ спрашивали: „Правду ли говорятъ, что нашлись гдѣ-то учители, которые проповѣдуютъ, что Пресвятую Дѣву нельзя называть Богородицей?" (см. посл. Кир. къ папѣ Целестину). Эти-то всюду поднимаемые вопросы и толки о предметѣ столь высокой важности и побудили принять участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ и св. Кирилла Александрійскаго. Первымъ памятникомъ борьбы св. Кирилла съ Несторіемъ по времени, и первымъ, можно, сказать, по совершенству въ содержаніи и изложеніи (конечно, за исключеніемъ пяти книгъ его противъ Несторія) было посланіе св. Кирилла къ монахамъ Египетскимъ [1]). Ближайшимъ поводомъ къ написанію этого замѣчательнаго въ исторіи православія посланія для св. Кирилла послужило прибытіе къ нему нѣсколькихъ монаховъ изъ скитовъ Египетскихъ. Освѣдомившись отъ нихъ о состояніи обителей ино-

[1]) Здѣсь мы находимъ нужнымъ замѣтить, что поелику св. Кириллъ Александрійскій занималъ, можно сказать, первенствующее положеніе во всей исторіи борьбы православныхъ съ несторіанствомъ, то мы признаемъ необходимымъ изложить ученіе св. Кирилла по отношенію къ главному предмету споровъ сколько возможно полнѣе

ческихъ и выразивъ свою радость о преуспѣяніи братіи монашествующей въ подвигахъ благочестія, святый Кириллъ замѣчаетъ между прочимъ, что съ ревностію о добродѣтели необходимо должна быть соединяема такая же ревность и о здравой и неповрежденной вѣрѣ. Наблюдать за этимъ, конечно, дѣло его, архіепископа Александрійскаго, а говорить объ этомъ, особенно въ настоящее время, побуждаютъ св. Кирилла нѣкоторые тревожные слухи, дошедшіе до него, слухи о нововведеніяхъ въ вѣрѣ, возникающихъ по инымъ мѣстамъ.

„Слышу, пишетъ между прочимъ св. Кирилъ, что и между вами распространяются нѣкоторые вредоносные толки, что и между вами появились нѣкоторые, кои стараются извратить вашу чистую вѣру, появились распространители пагубныхъ ученій, посредствомъ коихъ хотятъ внушить простымъ людямъ, что Святую Дѣву не должно именовать Богородицею. Всего полезнѣе было бы, конечно, продолжаетъ св. Кириллъ, отъ подобныхъ изысканій и разсужденій уклониться вовсе и не усиливаться проникнуть въ оныя глубочайшія тайны, о коихъ достигшіе даже глубочайшаго разумѣнія мужи говорятъ, что видятъ ихъ (т. е. тайны оныя) якоже зерцаломъ въ гаданіи; но поелику уже толки оные достигли и до васъ, поелику есть основаніе опасаться, что и между вами найдутся любопрительные, кои будутъ усиливаться разлить ядъ онаго лжеученія въ души простыхъ, неизощренныхъ въ вѣрѣ, то я почитаю своимъ долгомъ сообщить вамъ нѣчто объ ономъ предметѣ, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы возбудить васъ къ прительности, но чтобы сообщить вамъ орудіе, при посредствѣ котораго вы могли бы противодѣйствовать онымъ заразителямъ, такъ что и сами останетесь непреткновенными въ вѣрѣ и поддержите другихъ, кои угрожаемы будутъ соблазномъ и паденіемъ“.

„Удивляюсь, такъ начинаетъ св. Кириллъ свое изложеніе наставленій монахамъ; удивляюсь, какъ могли найтись люди, кои сомнѣваются въ томъ, что Святая Дѣва должна быть именуема Богородицею. Если Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Богъ, то почему не называть Святую Дѣву, ро-

дившую Его, Богородицею? Эту вѣру предали намъ божественные ученики (разумѣются святые апостолы), хотя наименованія онаго (т. е. наименованія Богородицы) и не употребляли". За симъ св. Кириллъ приводитъ доказательство въ подтвержденіе своего ученія изъ преданія, именно изъ ученія св. Аѳанасія Великаго, который прямо называетъ Пресвятую Дѣву Богородицею, выводитъ то же ученіе изъ опредѣленій Никейскаго собора, который тѣмъ самымъ, что исповѣдалъ Господа Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, уже исповѣдалъ и Матерь Его Богородицею. Но оставляя здѣсь почву преданія, св. Кириллъ обращается къ незыблемому основанію для защиты своего ученія—къ священному писанію. „Св. писаніе несомнѣнно учитъ, что Іисусъ Христосъ Сынъ Божій есть Богъ, единаго существа съ Богомъ Отцемъ, что Онъ во Отцѣ и Отецъ въ Немъ; Онъ есть Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ отъ Бога, Онъ одинаковаго со Отцемъ могущества и славы, Онъ есть образъ ипостаси Отчей". Всѣ эти наименованія Сына Божія въ писаніи составляютъ какъ бы первую посылку въ ходѣ доказательствъ, приводимыхъ св. Кирилломъ въ пользу его ученія; вторая посылка: „но тоже богодухновенное писаніе учитъ, что Слово Божіе воплотилось, т е. соединилось съ плотію, причастною разумной души; ты не станешь, конечно, спорить, спрашиваетъ, какъ бы мимоходомъ св. Кириллъ, что св. писаніе называетъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ То же самое Слово, Которое родилось отъ Бога Отца (a Deo prodiit)". Какое изъ этихъ двухъ посылокъ выходитъ слѣдствіе, св. Кириллъ не считаетъ нужнымъ даже и объяснять: если Родившійся есть Богъ, то и Родившая есть Богородица. „Быть можетъ, спрашиваетъ св. Кириллъ, намъ кто-нибудь возразитъ: имя Христосъ не одному только Еммануилу приличествуетъ, а усвояется и людямъ (Псал. CIV, 15; 1 Царств. XXIV, 7; 1 Іоан. II, 20; Дѣян. X, 38; Пс. XLIV, 8); такъ и люди именуются христами: что же отселѣ для наименованія Богоматери? Прежде всего то, что для Богоматери недостаточно наименованіе христородицы: ежели люди называются христами, то родившія ихъ могутъ быть называемы христородицами; но никто изъ людей не

называется вмѣстѣ и Христомъ и Богомъ. Сынъ же Божій Іисусъ Христосъ, называется и Христомъ и Богомъ: такъ называетъ Его апостолъ Павелъ (Ефес. V, 5); а поэтому и Пресвятая Дѣва, родившая Его, и называется и есть въ дѣйствительности Богородица; ибо Она не обыкновеннаго родила человѣка, какъ рождаютъ прочія матери, но родила Слово Бога Отца, воплотившееся и содѣлавшееся человѣкомъ.

Насъ опять, можетъ быть, спросятъ: ужели Дѣва содѣлалась Матерію Божества? Мы уже прежде сказали, отвѣчаетъ св. Кириллъ, что вѣчное и сосуществующее Богу Слово истинно раждается отъ самаго существа Бога Отца; но То-же самое Слово въ послѣднія времена вѣка сего воплотилось, т. е. соединилось съ тѣломъ, одареннымъ душею, по плоти родилось отъ жены. Какъ въ разсужденіи каждаго человѣка утверждаемъ мы, что онъ состоитъ изъ души и тѣла, такъ это же должно сказать и объ Еммануилѣ: раждаясь, какъ Богъ, какъ единородное Слово Отца, изъ сущности Бога Отца, Онъ же Богъ Слово воспріялъ плоть по подобію нашему, родился на свѣтъ, содѣлался и сыномъ человѣческимъ, по плоти родился отъ Дѣвы". Слѣдствіе изъ сего опять вытекло то-же: если Родившійся Богъ, то и Родившая есть Богородица.

Утверждая на основаніи св. писанія, какъ несомнѣнную истину, то, что Іисусъ Христосъ есть Богъ, св. Кириллъ находитъ нужнымъ столь же пространно заняться не менѣе важнымъ для доказательства занимавшаго его предмета изложеніемъ другой истины, что сей Сынъ Божій и Богъ принялъ на Себя истинно человѣческое естество; въ доказательство сей истины св. Кириллъ прежде всего приводитъ и объясняетъ слова апостола Павла объ Іисусѣ Христѣ: „Иже во образѣ Божіи сый и т. д. Кто это, спрашиваетъ св. Кириллъ, будучи во образѣ Божіи, не почитая хищеніемъ быть равнымъ Богу, себя умалилъ, зракъ раба пріялъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ: это Онъ Себя умалилъ тѣмъ, что, будучи по естеству Сыномъ Бога Отца, благоволилъ содѣлаться человѣкомъ, пріять зракъ раба".

Здѣсь св. Кириллъ становится какъ бы лицемъ къ лицу къ принятымъ, какъ у первыхъ предводителей несторіанства,

такъ и у самого Несторія, выраженіямъ, именно тѣмъ, не достаточно ли будетъ признать, что уничиженіе Сына Божія состояло только въ томъ, что Онъ обиталъ въ человѣкѣ, котораго родила жена. „Но чѣмъ въ такомъ случаѣ отличалось бы, спрашиваетъ св. Кириллъ, исповѣдуемое нами воплощеніе Слова Божія отъ обитанія Христа въ апостолахъ и всѣхъ вѣрующихъ, обитанія, о которомъ говоритъ Христосъ: Кто любитъ Меня, слово Мое соблюдаетъ и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ? О Святомъ Духѣ въ словѣ Божіемъ такъ же говорится, что Онъ въ насъ обитаетъ: ужели и о Немъ скажешь, что и Онъ выполняетъ экономію воплощенія“.

Разъяснивъ за симъ различіе между обитаніемъ божественныхъ лицъ въ освященномъ человѣчествѣ и между воплощеніемъ Бога Слова, св. Кириллъ какъ бы совмѣщаетъ сущность своего ученія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мы не говоримъ, что божественное естество — самъ Богъ рожденъ былъ отъ Дѣвы, прежде чѣмъ облекъ Себя человѣческимъ естествомъ, но не отдѣляя взаимно Слово, Которое по естеству отъ Бога, и человѣческое естество, которое воспринято отъ Святой Дѣвы, исповѣдуемъ единаго Господа и Христа Іисуса; Слово Божіе содѣлывается сѣменемъ Авраама, созидая Себѣ тѣло отъ жены, содѣлывается причастнымъ плоти и крови, такъ что Онъ есть не Богъ только, но по причинѣ соединенія естествъ исповѣдуется и какъ человѣкъ, намъ подобный. Изъ двухъ естествъ, божества и человѣчества, единъ Еммануилъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, единъ истинный Сынъ Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, не человѣкъ обоготворенный, подобный тѣмъ, кои благодатію содѣлываются причастниками божественнаго естества, но истинный Богъ, Который ради нашего спасенія явился въ человѣческомъ образѣ, какъ и Павелъ свидѣтельствуетъ сими словами: Егда, говоритъ, пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего, рождаемаго отъ жены, бываемаго подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе воспріимемъ“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи разсматриваемаго нами посланія св. Кириллъ изслѣдуетъ на основаніи другихъ мѣстъ

св. писанія все ту же истину, т. е. что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ и что слѣдовательно Пресвятая Дѣва, родившая Богочеловѣка, есть воистину Богородица. Къ этому же времени, т. е. къ самому началу борьбы святаго Кирилла съ Несторіемъ относятся и три обширнѣйшихъ посланія его о вѣрѣ: одно къ императору (Θеодосію младшему) и два къ императрицамъ (т. е. къ сестрѣ императора и супругѣ его Евдокіи).

Такъ какъ и въ этихъ посланіяхъ св. Кириллъ имѣлъ въ виду ту же цѣль, что и въ посланіи къ монахамъ, передъ симъ нами разсмотрѣнномъ, и такъ какъ въ этихъ посланіяхъ ничего особеннаго по сличенію уже съ разсмотрѣнными мыслями не заключается, то мы, не вредя ни сущности, ни ясности дѣла, можемъ оставить тѣ посланія безъ подробнаго разсмотрѣнія. Есть впрочемъ одна особенно мѣткая мысль въ одномъ изъ посланій къ императрицамъ, именно въ первомъ, и ее одну я приведу на выдержку: „Если Святая Дѣва, разсуждаетъ между прочимъ св. Кириллъ, не родила воплотившагося Бога, то Она родила обыкновеннаго человѣка, который ничѣмъ не превосходнѣе насъ; но если такъ, то почему Ему должно покланяться всякое колѣно и всякъ языкъ долженъ исповѣдать, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца? Почему Ему должны покланяться ангелы и весь сонмъ небесныхъ силъ? Развѣ такъ почитаютъ обыкновеннаго человѣка? Нѣтъ; но мы почитаемъ Еммануила, какъ истиннаго Бога. Если бы Еммануилъ былъ только обыкновенный человѣкъ, то какимъ образомъ смерть Его могла быть спасительна для насъ? Мы знаемъ, что смерть Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Самуила и многихъ другихъ святыхъ не принесла ничего спасительнаго человѣчеству; смерть же Христова принесла человѣчеству спасеніе; умерши Самъ, Онъ всѣхъ насъ освободилъ отъ узъ смерти, все это потому, что Онъ есть Слово Бога Отца, Богъ по естеству и что тѣло, которое Онъ принесъ въ воню благоуханія Богу Отцу, есть Его собственное тѣло. Итакъ, если происшедшій отъ Св. Дѣвы есть истинный Богъ, почему не исповѣдывать Родившую Его Богородицею“?.

Несторій, конечно, ни на малое время не могъ оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что предпринимаетъ противъ него св. Кириллъ. Какъ человѣкъ близкій къ императору, онъ скорѣе всего могъ узнать о посланіяхъ св. Кирилла къ императору и императрицамъ, представить съ своей стороны какое нужно объясненіе по сему предмету и могъ оставаться съ этой стороны по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время спокоенъ.

Не такъ легко и удобно было устранить опасность, угрожавшую Несторію отъ посланія святаго Кирилла къ обществамъ монашествующихъ. Узнавъ что посланіе св. Кирилла къ монахамъ начало значительно распространяться и внѣ скитовъ Египетскихъ по многимъ городамъ и что даже дошло оно до Константинополя, Несторій пришелъ въ безпокойство и даже въ негодованіе противъ св. Кирилла. Безъ всякаго сомнѣнія. не безъ вѣдома Несторія произошло то, что сторонники его написали два посланія, одно противъ Кириллова посланія къ монашествующимъ, другое подъ заглавіемъ: „противъ тѣхъ, кои въ ученіи о соединеніи естествъ во Христѣ или уничижаютъ божество Единороднаго. или обоготворяютъ человѣчество“. (Указаніе на это мы видимъ въ дальнѣйшей перепискѣ между св. Кирилломъ и Несторіемъ).

Св. Кириллъ узналъ обо всемъ этомъ отъ нѣкоторыхъ „достопочтенныхъ“, какъ онъ самъ называетъ ихъ, и заслуживающихъ довѣрія мужей. Чтобы не остаться въ этомъ дѣлѣ при однихъ недоразумѣніяхъ, св. Кириллъ рѣшается писать къ Несторію посланіе, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе, что между ними начинаютъ возникать недоумѣнія, и желаетъ, чтобы недоумѣніямъ этимъ, какъ можно скорѣе, положенъ былъ конецъ. Отъ нѣкоторыхъ достопочтенныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ, пишетъ Кириллъ, онъ узналъ, что Несторій пребываетъ въ великомъ негодованіи на него, Кирилла, и употребляетъ всѣ средства огорчить его. Когда онъ, Кириллъ, началъ освѣдомляться о причинахъ этого негодованія на него со стороны Несторія, то оказалось, что причиною этого послужило посланіе Кирилла, писанное имъ къ святымъ монахамъ. Посланіе это отъ монаховъ распространилось въ народѣ, и такъ какъ оно заключало въ себѣ

обличеніе и опроверженіе мыслей несторіанскихъ, то естественно, что и не понравилось Несторію.

„Я удивляюсь, пишетъ по сему случаю св. Кириллъ, почему твое благочестіе тщательнѣйшимъ образомъ не разсмотрѣло этого дѣла. Смущеніе въ вѣрѣ возникло не отъ посланія, которое было написано мною прежде, но отъ нѣкоторыхъ поученій, сказанныхъ твоимъ благочестіемъ, или кѣмъ другимъ. Наслушавшись этихъ поученій, кои говорены были сторонниками Несторія, нѣкоторые дошли до того, что не хотятъ исповѣдывать Христа Богомъ, а исповѣдуютъ Его органомъ или орудіемъ Бога, и человѣкомъ отъ Бога посланнымъ и еще что-то нелѣпѣе того (слова самого Кирилла).

Какъ же намъ можно было молчать, пишетъ далѣе св. Кириллъ, когда вѣра извращается, когда возникаетъ въ ней столько измѣненій? Предъявить противодѣйствіе противъ возникающаго зла для св. Кирилла было тѣмъ больше побужденій, что слухи о новомъ ученіи проникли даже въ Римъ; изъ Рима папа Целестинъ и съ нимъ боголюбивѣйшіе епископы спрашиваютъ Кирилла о сочиненіяхъ, явившихся тамъ неизвѣстно откуда: отъ самого ли Несторія, или отъ инуду. Этого мало: отъ всѣхъ церквей восточныхъ стали приходить недовольные новыми сочиненіями, выражаютъ ропотъ на эти сочиненія, и св. Кириллъ не знаетъ, какъ успокоить всѣхъ таковыхъ. Ужели твое благочестіе думаетъ, спрашиваетъ Кириллъ Несторія, что смущеніе, возникшее въ церквахъ отъ этихъ необычайныхъ поученій, маловажно? Вмѣсто того, чтобы поносить меня, совѣтуетъ Кириллъ Несторію, лучше бы было тебѣ исправить свои слова, дабы прекратить соблазнъ во вселенской церкви. Если слово и излилось изъ устъ и, положимъ, оно распространилось уже въ народѣ, этому еще можно помочь пересмотромъ своихъ словъ. Повѣрь, заключаетъ св. Кириллъ, что лучшимъ средствомъ въ этомъ случаѣ будетъ сказать соблазнившимся слово, назвать Св. Дѣву Богородицею, дабы мы и всѣ другіе могли въ мирѣ и единодушіи совершать общественное богослуженіе“.

Св. Кириллъ зналъ, конечно, что Несторій по своему высокому положенію въ Константинополѣ пользовался вели-

кою силою при дворѣ и могъ надѣлать всяческихъ оскорбленій св. Кириллу, и по всей вѣроятности въ этихъ соображеніяхъ къ концу своего посланія присовокупляетъ, что онъ за вѣру во Христа готовъ терпѣть все, подвергнуться узамъ и самой смерти.

Въ этомъ же посланіи своемъ къ Несторію св. Кириллъ, какъ на болѣе подробное изложеніе своей вѣры (а она же есть и общецерковная), указываетъ на сочиненіе свое о Святой Троицѣ, гдѣ есть слово о вочеловѣченіи единороднаго.

Посланіе Кирилла, замѣтно, раздражило Несторія. Не вступая самъ въ объясненія съ св. Кирилломъ по поводу поднятаго вопроса, Несторій въ посредники сего объясненія избираетъ пресвитера Лампона, котораго и отправляетъ къ св. Кириллу съ краткимъ письмомъ отъ своего лица. Въ этомъ письмѣ Несторій, восписавъ похвалы христіанской добродѣтели кротости, укоряетъ св. Кирилла,· „что тотъ много сдѣлалъ не по братской любви“. Но не смотря на это небратолюбіе Кирилла Несторій, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, преодолѣваетъ себя и рѣшается писать къ Кириллу привѣтственное письмо въ духѣ терпѣнія и любви. Впрочемъ, весь этотъ духъ терпѣнія и любви только и выразился въ приведенной нами укоризнѣ Кириллу и въ томъ, что Несторій, вооружившись этимъ духомъ терпѣнія и любви, посылаетъ къ Кириллу своего пресвитера.

Но какъ видно, тонъ объясненій, въ какія предписано было войти Лампону съ Кирилломъ, былъ не особенно миролюбивъ. Такъ предполагать можно по заключенію самого же письма Несторіева къ Кириллу. „Опытъ покажетъ, заключаетъ Несторій свое письмо, какой будетъ для насъ плодъ отъ настойчивости благоговѣйнѣйшаго пресвитера Лампона. Привѣтствуемъ все съ тобою находящееся братство я и всѣ находящіеся со мною“.

Въ чемъ состояло и чѣмъ кончилось объясненіе св. Кирилла съ пресвитеромъ Несторіевымъ, неизвѣстно; только вскорѣ же послѣ этого объясненія, и, вѣроятно, въ отвѣтъ же на посланіе, полученное съ Лампономъ, Кириллъ отправляетъ къ Несторію свое второе посланіе, въ которомъ послѣ

краткаго упоминанія о какихъ-то клеветникахъ и возмутителяхъ взаимнаго мира между имъ и Несторіемъ, снова обращается къ своему главному предмету—ученію вѣры. Упомянувъ кратко о томъ, что было сказано и сдѣлано имъ, Кирилломъ, прежде, въ настоящемъ своемъ посланіи Кириллъ уже пространно намѣренъ разсуждать о занимающемъ его предметѣ. „Обратившись къ словамъ св. отцевъ, пишетъ между прочимъ св. Кириллъ, постараемся принять ихъ за главное руководство, и испытывая самихъ себя: аще есмы въ вѣрѣ, наши собственныя сужденія будемъ сколько можно вѣрнѣе соображать съ ихъ вѣрными и непорочными мыслями".

Обращая вниманіе Несторія на члены вѣры о Сынѣ Божіемъ, въ символѣ, составленномъ отцами Никейскаго собора, св. Кириллъ останавливается мыслію на выраженіяхъ: во единороднаго Сына Божія, воплотившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася. Мы не говоримъ, разсуждаетъ св. Кириллъ, ни того, что естество Слова, измѣнившись, стало плотію, ни того, что Оно преложилось въ цѣлаго человѣка, состоящаго изъ души и тѣла; но говоримъ, что Слово, соединивъ съ Собою въ единствѣ лица тѣло одушевленное разумною душею, неизреченно и непостижимо для нашего ума стало человѣкомъ, сдѣлалось сыномъ человѣческимъ, ни волею одною и благоизволеніемъ, ни воспріятіемъ только лица, а говоримъ, что естества, истинно соединенныя между собою, хотя различны, но въ соединеніи обоихъ сихъ естествъ есть одинъ Христосъ и Сынъ. Это мы представляемъ не такъ, что въ семъ соединеніи уничтожилось различіе естествъ, но божество и человѣчество, при неизреченномъ и неизъяснимомъ соединеніи, пребыли совершенными, являя намъ единаго Господа Іисуса Христа и Сына. Сущій и рожденный отъ Отца прежде вѣковъ, по плоти родился и отъ жены, не такъ, какъ бы божественное естество Его приняло начало бытія въ Святой Дѣвѣ, и не такъ, какъ бы Онъ послѣ рожденія отъ Отца имѣлъ нужду родиться отъ Нея, и не такъ, что прежде родился отъ Святыя Дѣвы простой человѣкъ, а послѣ сошелъ на него Богъ Слово, на Слово, соединившись съ плотію въ самой утробѣ, родилось по плоти,

усвоивъ Себѣ плоть, съ которою родилось. Таковымъ же мы Его исповѣдуемъ и въ страданіи, и въ воскресеніи. Не говоримъ, что Слово Бога по Своему естеству подвергалось ударамъ, потому что божественное естество, какъ безтѣлесное, не причастно страданію. Но такъ какъ всѣмъ этимъ страданіямъ подверглось Его тѣло, которое есть Его собственное, то мы и говоримъ, что Слово страдало за насъ, потому что Безстрастный былъ въ страдающемъ тѣлѣ. Равнымъ образомъ мы разумѣемъ и смерть Его. Такъ какъ его тѣло благодатію Божіею за всѣхъ вкусило смерть (Евр. II, 9), то и говоримъ, что Слово за всѣхъ претерпѣло смерть, такъ же когда говоримъ, что воскресло тѣло Его, опять къ Нему же относимъ воскресеніе не такъ, какъ бы Онъ подвергался смерти по Своему божеству, а такъ, что Его тѣло воскресло. Такимъ образомъ мы исповѣдуемъ Христа единымъ и Господомъ не такъ, какъ бы мы покланялись Слову и вмѣстѣ съ тѣмъ покланялись еще какому-то человѣку, но покланяемся единому и тому же, потому что не есть что-либо особое отъ Слова тѣло Его, съ которымъ Онъ сидитъ вмѣстѣ со Отцемъ, не два Сына сидятъ вмѣстѣ съ Отцемъ, но одинъ, соединенный съ Своею плотію. Таково ученіе православной вѣры, повсюду исповѣдуемой; такъ мыслили святые отцы; это находимъ мы въ ихъ писаніяхъ, они дерзновенно говорили, что Святая Дѣва есть Богородица не потому, что естество Слова или божество Его началось по бытію отъ Святыя Дѣвы, но потому, что отъ Нея родилось святое тѣло, имѣющее разумную душу, и Слово, соединившись съ нимъ ѵпостасно, родилось по плоти.

Пишу къ тебѣ эти слова, заключаетъ св. Кириллъ, побуждаемый любовію во Христѣ, и какъ брату совѣтую тебѣ и умоляю предъ Богомъ и святыми ангелами Его одинаково съ нами мыслить и учить, дабы сохранился миръ церковный и чтобы союзъ единомыслія и любви пребылъ неразрывнымъ между священниками Божіими. Привѣтствуй братію, находящуюся при тебѣ; тебя привѣтствуетъ братія, находящаяся со мною“.

Отъ этого письма Кириллова Несторій пришелъ, какъ видно, еще въ большее раздраженіе, чѣмъ отъ перваго; онъ

теперь отвѣчаетъ Кириллу самъ довольно пространнымъ письмомъ, гдѣ, отстаивая свои прежнія мысли и выраженія относительно общенія божественнаго естества съ человѣческимъ во Христѣ, не преминулъ вставить нѣсколько ѣдкихъ выраженій насчетъ разсудительности и правоты защитника православія. „Прощаю укоризны, такъ начинаетъ Несторій свое письмо къ Кириллу, прощаю укоризны, какія противъ меня содержатся въ твоемъ странномъ посланіи“; и далѣе, усматривая съ своей стороны необходимость вступить съ Кирилломъ въ объясненія, считаетъ необходимымъ разобрать мысли, изложенныя Кирилломъ въ его предшествующемъ посланіи къ Несторію. „Начну съ премудрыхъ словъ, выражается Несторій, сказанныхъ твоею любовію, и приведу ихъ въ точности. Какія же именно эти слова, которыми ты въ своемъ письмѣ высказываешь дивное ученіе?“ Обращаясь къ приведеннымъ у св. Кирилла членамъ Никейскаго символа вѣры о Сынѣ Божіемъ, Несторій усматриваетъ, что Кириллъ самъ неправильно понимаетъ ученіе отеческое, что, читая въ какомъ-нибудь спискѣ преданія святыхъ мужей, онъ не созналъ своего недоразумѣнія, подумавъ, что отцы подверженнымъ страданію назвали вѣчно пребывающее со Отцемъ Слово. „Если бы ты, пишетъ Несторій Кириллу, склонилъ свой слухъ къ предлагаемому братски вразумленію, вникнувъ въ слова св. мужей, то я избавилъ бы тебя отъ клеветы на нихъ, и чрезъ нихъ на божественныя писанія“.

Съ своей точки зрѣнія на разбираемыя слова символа Несторій, посредствомъ хитросплетенныхъ предварительныхъ посылокъ, выводитъ, что отцы, поставленіемъ напереди именъ: Господь Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ, именъ общихъ обоимъ естествамъ, имѣли въ виду предустранить, чтобы исповѣданіемъ о вочеловѣченіи, страданіи и воскресеніи не допускалось раздѣленія свойствъ Сына отъ свойствъ Господа и чтобы не уничтожились свойства двухъ естествъ тѣмъ, что свойственно одному только Сыну. Если изложить проще хитросплетенныя выраженія Несторія, то въ разбираемыхъ членахъ символа вѣры онъ усматриваетъ намѣреніе отцевъ выразить различіе во Христѣ божескаго и человѣческаго и

затѣмъ человѣческія свойства — рожденіе, страданіе приписать Христу, какъ только человѣку. Разглагольствованіе, очевидно, софистическое; ни св. отцы собора, ни самъ св. Кириллъ не имѣли въ мысли доказывать, что божество раждалось временнымъ рожденіемъ, страдало или что подобное; приписывая Сыну Божію свойства и дѣйствія человѣческія, отцы православные имѣли въ виду ипостасное соединеніе въ Немъ естествъ. Если эти же мысли хотѣлъ выразить и Несторій, то не было побужденій обличать св. Кирилла въ недоразумѣніи; обличая же св. Кирилла въ неправильномъ пониманіи мыслей св. отцевъ, Несторій таилъ подъ своими благовидными выраженіями мысли противоцерковныя, именно: онъ не хотѣлъ признавать ипостаснаго соединенія во Христѣ божества и человѣчества; отъ того онъ такъ сильно и возсталъ противъ выраженій, усвояющихъ божеству воплощеніе, страданіе и воскресеніе.

Но темныя мысли и выраженія Несторія въ началѣ посланія къ Кириллу яснѣе являются въ его разсужденіяхъ дальнѣйшихъ. „Въ св. писаніи вездѣ, гдѣ только идетъ рѣчь о божественномъ домостроительствѣ, разсуждаетъ Несторій, рожденіе и страданія приписываются человѣческому естеству во Христѣ, а не божескому, а потому вѣрнѣйшее наименованіе Св. Дѣвы должно быть не Богородица, а Христородица“. Въ подтвержденіе своихъ мыслей Несторій приводитъ множество изреченій изъ евангелія, гдѣ говорится о рожденіи Іисуса Христа по плоти, напр. „книга родства Іисуса Христа Сына Давидова, сына Авраамля; Іаковъ же роди Іосифа, мужа Маріина, изъ Нея же родися Іисусъ, глаголемый Христосъ“ (Матѳ. I, 1, 16) и под. Не сказалъ Іисусъ: „сіе есть божество Мое, но тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ“ (Лук. XXII, 19). Есть много и другихъ словъ въ писаніи, продолжаетъ Несторій, которыми прямо возвѣщается роду человѣческому, что не божество явилось во времени и подверглось тѣлеснымъ страданіямъ, но плоть соединилась съ естествомъ божественнымъ. Поэтому правильно и съ евангельскимъ ученіемъ согласно исповѣдать, что тѣло Христа есть храмъ божества Его, храмъ, соединенный съ божествомъ

какимъ-то высокимъ божественнымъ союзомъ, въ которомъ божественное естество усвоило себѣ то, что свойственно тѣлесному. Но со словомъ—усвоеніе приписывать ему качества тѣла, каковы рожденіе, страданіе, смерть есть, возлюбленный братъ, неправильная мысль; допуская это усвоеніе, будутъ утверждать, что Богъ Слово и молокомъ питался, и постепенно возрасталъ, и причастенъ былъ страху во время страданія, и имѣлъ нужду въ ангельскомъ укрѣпленіи; относить это къ божеству ложно, и мы подвергаемся за то сужденію, какъ хулители. Ты очень хорошо дѣлаешь, пишетъ далѣе Несторій, что не оставляешь заботливости о соблазняющихся, и благодарю, что ты душевно ревнуешь о Богѣ и заботишься о нашихъ дѣлахъ. Но знай, что и самъ ты введенъ въ заблужденіе нѣкоторыми клириками одинакаго съ тобою образа мыслей, тѣми, которые здѣсь св. соборомъ низвержены за то, что заражены манихейскими мнѣніями".

Въ заключеніе всего Несторій приглашаетъ св. Кирилла принять его разсужденія о соединеніи во Христѣ естествъ. „Таковъ нашъ совѣтъ, который мы даемъ тебѣ, какъ братъ брату, заключаетъ Несторій свое посланіе: „аще ли кто мнится споривъ быти, противъ такого восклицаетъ за насъ Павелъ, мы таковаго обычая не имамы ниже церкви Божія" (1 Кор. XI, 16). Въ концѣ посланія прилагаетъ обычныя привѣтствія и благожеланія Кириллу и братіи его.

Изъ этого отвѣтнаго посланія Несторіева, какъ нельзя яснѣе было видно, чего остается ожидать Кириллу. Несторій не только не обнаруживаетъ готовности сознать и исправить свои погрѣшности, а даже еще съ надмѣніемъ и насмѣшливостію укоряетъ самого Кирилла въ заблужденіи, и самого его приглашаетъ къ исправленію. Св. Кириллъ по всему этому заключая, что вести дѣло съ самимъ Несторіемъ оказывается безполезнымъ, приходитъ къ мысли обратиться къ содѣйствію стороннему и рѣшается писать о своихъ дѣлахъ къ папѣ Римскому Целестину.

Посланіе св. Кирилла къ папѣ Целестину заслуживаетъ особеннаго вниманія въ различныхъ отношеніяхъ. Прежде всего оно открываетъ предъ нами истинное величіе души

св. Кирилла и какъ нельзя яснѣе обличаетъ несправедливость тѣхъ изъ писателей, кои при обозрѣніи преній между Кирилломъ и Несторіемъ больше готовы оправдывать послѣдняго чѣмъ перваго. У св. Кирилла и понынѣ есть недоброжелатели, кои обвиняютъ его въ непомѣрномъ властолюбіи и кои изъ этого побужденія объясняютъ всю полемику его съ Несторіемъ; посланіе св. Кирилла къ папѣ Целестину какъ нельзя сильнѣе разрушаетъ всѣ такія темныя предположенія. Св. Кириллъ въ посланіи къ Целестину высказываетъ глубокое, сердечное сокрушеніе объ обстоятельствахъ, начавшихъ волновать всю церковь.

„До настоящаго времени (т. е. до полученія втораго отвѣтнаго посланія Несторіева), пишетъ между прочимъ св. Кириллъ, до настоящаго времени я молчалъ и ни къ твоему благочестію, ни другому кому-либо изъ нашихъ сослужителей ничего не писалъ о нынѣшнемъ правителѣ церкви Константинопольской, думая, что поспѣшность въ такомъ дѣлѣ заслужитъ неодобреніе; но такъ какъ зло достигло уже крайней степени, то я почелъ за непремѣнную обязанность не молчать больше и сказать все о происшедшихъ смутахъ. Засимъ св. Кириллъ описываетъ въ краткихъ словахъ, какъ начались волненія въ Константинопольской церкви, какъ они стали распространяться по другимъ мѣстамъ, что сдѣлалъ онъ, Кириллъ, для того, чтобы склонить Несторія къ исправленію и какъ ко всему этому относится Несторій; „отъ всего этого народъ Константинопольскій, пишетъ между прочимъ св. Кириллъ пребываетъ въ волненіи, не бываетъ при соборныхъ молитвословіяхъ, кромѣ немногихъ, людей легкомысленныхъ и угодниковъ Несторію; монастыри почти всѣ и ихъ архимандриты и многіе изъ членовъ сената не бываютъ при богослуженіяхъ, боясь, чтобы не сдѣлалась неправою ихъ вѣра отъ того превратнаго ученія, которое онъ и его клевреты, пришедшіе съ нимъ изъ Антіохіи, вездѣ разглашаютъ.

Изъ Константинополя бесѣды его распространяются повсюду, принесены и къ намъ, въ Египетъ. Что же остается теперь дѣлать намъ, когда ни можемъ не вразумить его, ни

отклонить отъ такихъ бесѣдъ, когда народъ въ Константинополѣ со дня на день сильнѣе и сильнѣе заражается зловѣріемъ, а нѣкоторые съ томленіемъ въ душѣ ждутъ себѣ помощи отъ епископовъ православныхъ?“ Далѣе посланіе св. Кирилла къ Целестину особенно замѣчательно тѣмъ, что оно проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія между древними пастырями восточной церкви и римскими. Для римско-католическихъ богослововъ и историковъ всякое почтительное обращеніе восточныхъ епископовъ къ римскому служитъ непремѣнно доказательствомъ подчиненности восточныхъ епископовъ западному; такое же доказательство подчиненности восточной церкви западному властителю римско-католическіе канонисты усматриваютъ и въ обращеніи св. Кирилла Александрійскаго къ папѣ Целестину; но нужно только внимательнѣе разсмотрѣть и весь ходъ обстоятельствъ, и самое содержаніе сего посланія, чтобы видѣть, какъ неосновательны доказательства якобы подчиненія епископовъ восточныхъ западному папѣ, заимствуемыя изъ посланія св. Кирилла къ Целестину.

Изобразивъ папѣ Целестину истинное положеніе церковныхъ дѣлъ въ Константинополѣ и свои отношенія къ этимъ дѣламъ, св. Кириллъ пишетъ между прочимъ: „признаюсь, я соборною грамотою хотѣлъ довести до его (Несторія) свѣдѣнія что мы не можемъ входить въ общеніе съ тѣмъ, кто такъ говоритъ и мыслитъ; но еще прежде чѣмъ рѣшиться на такой разрывъ сношеній, я заблагоразсудилъ напередъ сдѣлать сношеніе съ твоимъ благочестіемъ: благоволи письменно изложить свое мнѣніе о томъ, должно ли намъ еще имѣть общеніе съ нимъ, или прямо объявить, чтобы никто не входилъ въ общеніе съ нимъ, когда онъ остается съ такимъ образомъ мыслей и съ такимъ ученіемъ“. Отношенія очевидно равнаго къ равному: св. Кириллъ не хочетъ одинъ дѣлать послѣдній рѣшительный шагъ въ столь важномъ дѣлѣ вовсе не по страху какому передъ епископомъ Рима, и не по какому-либо каноническому правилу, а единственно изъ приличія и братскаго общенія спрашиваетъ братскаго совѣта предстоятеля церкви Римской. Защитника

папства можетъ соблазнить то обстоятельство, что св. Кириллъ спрашиваетъ у папы письменное увѣдомленіе объ этомъ предметѣ епископамъ Македонскимъ и всѣмъ прочимъ пастырямъ восточной церкви; но у самого же Кирилла читаемъ и прекрасное толкованіе на это представленіе папѣ со стороны Кирилла: „согласно желанію ихъ (т. е. епископовъ Македоніи и прочихъ), пишетъ между прочимъ св. Кириллъ, мы дадимъ имъ опору и оружіе, чтобы стоять имъ всѣмъ единодушно и единомысленно и подвизаться за правую вѣру, противъ которой открылась брань". Видно, что и себя самого св. Кириллъ не отдѣляетъ отъ авторитета папы: „мы дадимъ имъ опору и оружіе". Чтобы сообщить папѣ несомнѣнныя данныя для безошибочнаго сужденія о томъ, какъ мыслитъ и чему учитъ Несторій, св. Кириллъ послалъ папѣ бесѣды, которыя Несторій говорилъ въ церкви, сдѣлавъ съ нихъ переводъ, „какой можно было сдѣлать въ Александріи".

Посланіе св. Кирилла къ Целестину возбудило въ епископѣ Римскомъ смѣшанныя чувства печали и утѣшенія. Целестинъ глубоко опечалился тѣмъ, что на престолѣ Константинопольскомъ явился такой злостный ересеучитель, но и успокоивается въ этомъ горестномъ случаѣ тѣмъ, что язвѣ лжеученія противопоставляется равносильное противоядіе со стороны ревнителя православія св. Кирилла. „Какъ ученіе Несторіево, пишетъ Целестинъ, нечисто и для насъ огорчительно, такъ твое ученіе чисто и для насъ пріятно. Какъ того мы порицаемъ и осуждаемъ, такъ твое благочестіе съ любовію въ Господѣ принимаемъ въ свои объятія, зная, что мы одно и тоже мыслимъ о Господѣ". Въ разсужденіи того, какъ имъ поступить съ ересеначальникомъ, Целестинъ предлагаетъ еще испытать силу великой христіанской добродѣтели — терпѣнія. „Въ то время, какъ онъ приближается на край пропасти, пишетъ Целестинъ о Несторіѣ, или уже сталъ на то мѣсто пропасти, откуда начинается паденіе, мы, если можемъ, должны отозвать его назадъ; не подавши ему остерегательнаго голоса, мы какъ бы толкнемъ его и ускоримъ паденіе. Христосъ Богъ нашъ, о рожденіи Котораго началось изысканіе, показалъ намъ, что Онъ переносилъ труды

для спасенія и одной овцы, восхотѣлъ ее нести на раменахъ Своихъ, дабы не похитилъ ее волкъ; если Онъ училъ насъ дѣйствовать такъ для спасенія одной овцы не хочетъ ли Онъ, чтобы мы еще болѣе труда понесли за спасеніе пастыря овецъ, который, забывъ это свое имя и свою обязанность, самъ себя предалъ хищному волку, стараясь погубить свое стадо, которое обязанъ, былъ охранять? „Если остается еще надежда, что онъ, сознавъ свою вину, исправится, мы хотимъ, чтобы онъ обратился и былъ живъ, и не губилъ бы тѣхъ, коихъ жизнь ввѣрена его охраненію. Но если будетъ со стороны его упорство, то должно открыто произнести осужденіе на него: надобно отсѣчь этотъ больной членъ отъ котораго страдаетъ не онъ одинъ, а поѣдается все тѣло церкви". Вслѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній и побужденій Целестинъ находитъ нужнымъ остановиться на такомъ рѣшеніи: св. Кириллъ отъ лица своего и отъ лица папы долженъ былъ объявить Несторію, что если онъ въ продолженіе 10 дней, считая со дня объявленія приговора, письменно не объявитъ ученіе свое неправымъ, не произнесетъ на оное проклятія и не дастъ искренняго обѣщанія, что будетъ исповѣдывать ту вѣру о рожденіи Христа и Бога нашего, какую содержитъ церковь Римская, Александрійская и вся вселенская церковь, то онъ будетъ отлученъ, какъ такой больной, который не хотѣлъ принять помощи отъ врачей и который, страдая заразительною болѣзнію, самъ спѣшитъ разнести свой недугъ по всему тѣлу церкви, на погибель себѣ и всѣмъ порученнымъ ему.

Здѣсь, для болѣе послѣдовательнаго изложенія дѣла, мы должны коснуться одного, еще прежде случившагося обстоятельства, соприкосновеннаго съ исторіею несторіанскихъ споровъ. При Аттикѣ, предшественникѣ Несторія по каѳедрѣ Константинопольской, были низложены съ своихъ престоловъ по обвиненію въ пелагіанствѣ нѣкоторые изъ западныхъ епископовъ, какъ-то: Юліанъ, Флоръ, Оронтъ и Фабій. Эти четыре западныхъ епископа, бывъ лишены своихъ епархій, перешли въ Константинополь и здѣсь искали себѣ оправданія у императора и Несторія; это обстоятельство подало Несторію ближайшій поводъ войти въ объясненіе съ папою;

дѣло было прежде, чѣмъ Кириллъ успѣлъ объявить Несторію составившееся у него съ Целестиномъ соглашеніе касательно суда надъ Несторіемъ. Пользуясь жалобами отставленныхъ на западѣ епископовъ, какъ поводомъ, Несторій шлетъ къ Целестину посланіе, въ которомъ, какъ лицо непричастное къ судебному дѣлу, желаетъ знать, за что означенные епископы лишены своихъ епархій? Правда ли, что они еретики, и если они объявлены еретиками, то въ чемъ состоитъ ихъ ересь? „Если епископы эти, пишетъ Несторій, еретики, то жалѣть о нихъ было бы преступленіемъ, но если ихъ обвиняютъ ложно, то и не жалѣть о нихъ было бы жестоко и нечеловѣколюбиво“. Высказавъ этотъ поводъ къ посланію, Несторій какъ бы мимоходомъ начинаетъ объяснять Целестину, что нѣкоторые произвели немаловажную порчу въ православіи, говоря о соединеніи Господа съ человѣкомъ, безотчетливо допускаютъ какое-то сорастворе́ніе и смѣшеніе, такъ что нѣкоторые изъ его клириковъ, заразившись недугомъ еретическихъ мнѣній, открыто богохульствуютъ, говоря, что Богъ Слово, единосущный Отцу, получилъ начало отъ Христородицы Дѣвы, какъ бы отъ Нея принявъ бытіе; они говорятъ, что послѣ того, какъ воспроизведенъ былъ Его храмъ, Онъ былъ погребенъ вмѣстѣ съ плотію, по воскресеніи же сорастворился съ тою же плотію, и потомъ перешелъ въ божественное естество. Скажу короче, пишетъ Несторій: они учатъ, что и божество единороднаго началось вмѣстѣ съ плотію, и вмѣстѣ съ плотію умирало; они и Дѣву Христородицу съ какою-то дерзостію называютъ Богородицею“. За симъ Несторій распространяется въ опроверженіи сихъ учителей, излагаетъ и доказываетъ ученіе свое. Намъ нѣтъ нужды теперь опять останавливаться на изложеніи мыслей Несторіевыхъ; мысли эти опять все тѣ-же, какія мы видѣли изъ писемъ Несторія къ Кириллу; одно только замѣтимъ здѣсь, что Несторій, оправдывая себя, весьма недобросовѣстно излагаетъ опровергаемое имъ ученіе святаго Кирилла; св. Кириллъ, какъ опять мы видѣли по посланіямъ его, вовсе не проповѣдывалъ тѣхъ мыслей, какія приписываетъ ему и опровергаетъ въ своемъ посланіи къ папѣ Несторій.

Не дождавшись въ скоромъ времени отвѣта отъ папы и какъ видно тревожимый неизвѣстностью дѣла, Несторій вслѣдъ за разсмотрѣннымъ нами посланіемъ посылаетъ къ папѣ другое посланіе о томъ же предметѣ, съ тѣми же объясненіями, опроверженіями воображаемыхъ имъ самимъ лжеучителей и оправданіями себя. Но вотъ наконецъ Несторій дождался отвѣта отъ папы. Грозно-величественный отвѣтъ! Начало этого отвѣта повидимому не предвѣщало ничего устрашающаго: Целестинъ начинаетъ рѣчь свою пріятными воспоминаніями о мирномъ и богоугодномъ правленіи предшественниковъ Несторіевыхъ на каѳедрѣ Константинопольской Аттика и Сисинія. Эти предшественники Несторія учили вѣрѣ такъ, какъ приняли ее отъ предковъ, и оттого Богъ благословилъ миромъ правленіе ихъ. Не мало радости пришлось ощутить Целестину и отъ первыхъ слуховъ о томъ, что преемникомъ Сисинію избранъ былъ Несторій; всѣ принимавшіе участіе въ избраніи Несторія столько говорили въ одобреніе его, слава о его жизни была такова, что достоинствамъ его завидовалъ посторонній городъ, но теперь, увы, обстоятельства показываютъ, что всѣ прежнія похвалы Несторію со стороны избиравшихъ его и всѣ радости о немъ Целестиновы были напрасны.

Прекрасное начало, какое сдѣлалъ Несторій, смѣняется худымъ концомъ. Приступая ближе къ дѣлу, Целестинъ объявляетъ Несторію, что онъ получилъ отъ Кирилла свѣдѣніе о его, Несторіевомъ, ученіи, получилъ и самыя бесѣды Несторіевы и находитъ, что въ нихъ содержится явно нечестивое ученіе. Можетъ быть (по общему свойству жителей и правителей запада) папа Целестинъ не умѣлъ, а можетъ быть (такъ какъ спорное ученіе съ той и другой сторонъ уже достаточно было изложено и разъяснено) не хотѣлъ, только онъ не входитъ въ подробный разборъ и опроверженіе ученія Несторіева: все и, надобно сказать, довольно обширное посланіе Целестина къ Несторію наполнено только обличеніями еретику, изъявленіями скорби объ угрожающей ему погибели и приглашеніями къ исправленію.

Что особенно замѣчательно въ этомъ посланіи, такъ это

удачно мѣткая характеристика пріемовъ и разсужденій Несторіевыхъ: „Когда мы въ твоихъ сочиненіяхъ идемъ слѣдомъ за тобой, пишетъ Целестинъ Несторію, ты стараешься увернуться отъ насъ какимъ-то многословіемъ, темнотой его прикрывая ясность истины; ты много расширяешься въ своихъ бесѣдахъ, идешь по многочисленнымъ изворотамъ; но напослѣдокъ разными дорогами приходишь къ своей нечестивой цѣли“.

Изъ этого же посланія папы Целестина къ Несторію мы усматриваемъ одно замѣчательное свидѣтельство объ отношеніяхъ Несторія къ несоглашавшимся съ его ученіемъ: Несторій всѣхъ несогласныхъ съ собою подвергалъ преслѣдованіямъ, отлученію отъ церкви. „Слышимъ, пишетъ между прочимъ Целестинъ, что клирики, мыслящіе согласно со вселенскою вѣрою, съ которыми и мы единомысленны, терпятъ большія притѣсненія, такъ что они не впускаются, говорятъ, и въ городъ; радуемся, что они получили награду за подвигъ исповѣданія, но скорбимъ, что гонитель ихъ епископъ. Блаженный Павелъ изъ гонителя перемѣнился въ проповѣдника, а нынѣ перемѣняется проповѣдникъ въ гонителя: какое нечестіе!“

Приглашая за симъ Несторія къ исправленію его нечестія, Целестинъ объявляетъ ему, что полнымъ свидѣтельствомъ его исправленія въ вѣрѣ должно служить возвращеніе къ церкви всѣхъ тѣхъ, которые отлучены были отъ нея Несторіемъ за Христа, главу церкви. „Если съ ними не будетъ того, что мы говоримъ, пишетъ далѣе Целестинъ, то отлученъ долженъ быть тотъ, кто ихъ отлучилъ, потому что всѣ такіе пребываютъ въ совершенномъ общеніи съ нами; къ клиру же Константинопольской церкви, угрожаетъ здѣсь же Целестинъ, и ко всѣмъ носящимъ имя христіанъ мы пошлемъ грамоты, какихъ требуетъ дѣло, чтобы всѣ знали, что ты, ежели останешься въ своемъ превратномъ ученіи и не послѣдуешь тому, что проповѣдуетъ за одно съ нами братъ Кириллъ, то будешь удаленъ отъ епископскаго престола и лишенъ всякаго общенія съ вѣрными“.

И въ этомъ посланіи къ Несторію, какъ въ прежнемъ посланіи Целестина къ Кириллу, для изъявленія раскаянія

Несторію назначается 10-дневный срокъ. „Богъ да сохранитъ тебя, возлюбленнѣйшій братъ“, заключилъ посланіе свое папа Целестинъ.

Вскорѣ же послѣ посланія къ Несторію папа Целестинъ отправилъ обширное посланіе къ клиру и народу Константинопольскому и менѣе обширныя къ Ювеналію, еп. Іерусалимскому, Руфу Θессалонійскому, Флавіану Филиппійскому и Іоанну, еп. Антіохійскому; во всѣхъ этихъ посланіяхъ папа отчасти убѣждаетъ вѣрныхъ сыновъ церкви беречься отъ соучастія съ еретикомъ Несторіемъ, если онъ не откажется отъ своего лжемудрованія; отчасти сообщаетъ къ свѣдѣнію о тѣхъ распоряженіяхъ относительно Несторія, какія сдѣлалъ папа по соглашенію съ Кирилломъ Александрійскимъ. Кириллъ Александрійскій съ своей стороны писалъ къ Іоанну, еп. Антіохійскому, Акакію Берійскому и Ювеналію Іерусалимскому; содержаніе всѣхъ сихъ посланій почти одно и тоже; Кириллъ увѣдомляетъ поименованныхъ епископовъ о волненіяхъ въ церкви Константинопольской, изъясняетъ свои первыя попытки къ умиротворенію этой церкви, сообщаетъ объ отвѣтѣ Несторія на эти миротворныя попытки о томъ, какъ судитъ обо всемъ этомъ папа съ епископами запада.

Цѣлію всѣхъ этихъ сообщеній св. Кириллъ поставляетъ возбудить въ помянутыхъ служителяхъ церкви Божіей ревность къ святому дѣлу, для того, чтобы всѣмъ имъ, при единодушіи и ревностномъ усердіи, препоясавъ себя поясомъ любви ко Христу, спасти людей, подвергшихся опасности, и не дать померкнуть въ церкви свѣту истины. „Всѣ мы, пишетъ св. Кириллъ въ одномъ изъ этихъ посланій, въ единомыслiи между собою, опредѣливъ для себя планъ, будемъ писать къ нему (Несторію) и народу. Если мы будемъ имѣть успѣхъ и возвратимъ его отъ настоящаго образа его мыслей къ истинѣ, то мы пріобрѣли брата и спасли пастыря. А если наше намѣреніе останется безуспѣшнымъ, то онъ самъ будетъ виновникомъ своей судьбы и самъ по своей винѣ вкуситъ плодовъ дѣлъ своихъ“. „Надобно намъ, пишетъ Кириллъ въ посланіи къ Ювеналію, еп. Іерусалимскому, непремѣнно писать къ христолюбивому и благочестивѣйшему императору и ко

всѣмъ государственнымъ сановникамъ и совѣтовать имъ, чтобы они человѣка не ставили выше благочестивой вѣры во Христа, но утвердили въ истинной вѣрѣ вселенную и избавили стадо Христово отъ злаго пастыря, въ томъ случаѣ, когда онъ не приметъ отъ всѣхъ насъ вразумленій."

Акакій Берійскій и Ювеналій Іерусалимскій съ перваго же разу выразили рѣшительное негодованіе противъ Несторія и просили Кирилла принять на себя дѣло учителя, чтобы ослабить Несторіево ученіе въ тѣхъ, которые его услышали и имъ отторгнуты отъ вѣры. „Теперь, когда волнуется это мысленное море, писалъ Акакій Берійскій въ отвѣтѣ Кириллу, скажи ему (Несторію) слова Господа и грозно скажи ему: умолкни, утихни".

Иначе отнесся къ этому дѣлу Іоаннъ Антіохійскій. Соглашаясь съ помянутыми епископами предоставить Кириллу руководство въ открытой брани съ несторіанствомъ и даже присоединивъ къ просьбѣ Акакія и Ювеналія и свою просьбу объ этомъ Кириллу, Іоаннъ не излишнимъ почелъ обратиться съ своимъ дружескимъ участіемъ и къ противной сторонѣ, т. е. къ Несторію, прося и его съ его стороны о нужныхъ уступкахъ для устроенія общаго мира.

Посланіе Іоанна Антіохійскаго къ Несторію, писанное имъ еще прежде открытія собора Ефесскаго, весьма замѣчательно. Оно проникнуто такимъ благороднымъ тономъ, такимъ глубокимъ пониманіемъ дѣла и такимъ искреннимъ, непритворнымъ миролюбіемъ, что по всѣмъ этимъ свойствамъ составляетъ едва не самой первой важности (конечно послѣ догматическаго посланія св. Кирилла Александрійскаго) произведеніе изъ всего, что относилось до исторіи несторіанскихъ споровъ. „Владыкѣ моему, начинаетъ Іоаннъ, боголюбивѣйшему и преподобнѣйшему епископу Несторію Іоаннъ о Господѣ желаетъ всякаго блага". Упомянувъ послѣ этого привѣтствія о какихъ-то личныхъ переговорахъ своихъ по дѣлу Несторіеву съ сіятельнѣйшимъ комитомъ Иринеемъ и увѣривъ Несторія въ полнѣйшей своей любви и преданности ему, Іоаннъ между прочимъ писалъ: „Въ томъ, что буду совѣтовать тебѣ, можно видѣть и ручательство за нашу искрен-

ность въ отношеніи къ тебѣ и не малую въ насъ заботливость руководиться любовію по Богѣ; прими меня за добраго совѣтника, не отвергай полезнаго въ томъ, что буду говорить тебѣ, не отвергай того, что будетъ сказано по любви къ тебѣ и къ Богу". Что же Іоаннъ хочетъ совѣтовать Несторію? Онъ совѣтуетъ Несторію „подчиниться общему, повсюдному требованію православныхъ епископовъ, принять исповѣдуемое повсюду ученіе о соединеніи божественнаго и человѣческаго естествъ въ Іисусѣ Христѣ, принять самыя выраженія этого ученія по изложенію Кирилла и не отвергать всѣми употребляемаго и защищаемаго слова: Богородица. Въ ученіи о спасеніи насъ Христомъ, Царемъ всего міра, всего лучше употреблять слово, употребляемое многими отцами, соотвѣтствующее истинѣ спасительнаго рожденія Его отъ Дѣвы. Если твой умъ мыслитъ также, какъ отцы и учители церкви (а это мы знаемъ о тебѣ, владыко, чрезъ посредство многихъ общихъ намъ друзей), то для чего же тяготишься открыто сказать благочестивую мысль словомъ, соотвѣтствующимъ этой мысли, и притомъ въ такое время, когда началось такое безпокойство отъ твоихъ толкованій вѣры? Безъ сомнѣнія, тебѣ извѣстно, боголюбивѣйшій, что вездѣ и въ далекихъ отъ насъ и близкихъ къ намъ мѣстахъ все пришло въ движеніе, вездѣ слышенъ говоръ объ одномъ и томъ же: какая-то сильная буря вдругъ застигла церкви, вездѣ вѣрующіе со дня на день отдѣляются одни отъ другихъ вслѣдствіе этого толка.

Что это точно такъ, видно изъ настоящихъ дѣлъ: Западъ, Египетъ, даже Македонія рѣшительно отдѣлились отъ единенія, какое благодать Божія даровала церквамъ многимъ потомъ и трудами святыхъ и славныхъ епископовъ".

Убѣждая Несторія принять опороченное имъ слово „Богородица", Іоаннъ приводитъ Несторію на память какой-то имъ обоимъ извѣстный примѣръ изъ недавней практики церкви Антіохійской. Епископъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ толкованій сказалъ какія-то слова, которыя не были одобрены самимъ Несторіемъ и всѣми, кто ихъ слышалъ; поднялась тревога; опасаясь, что эта тревога можетъ произвести раздѣ-

леніе, благоразумный епископъ, по прошествіи немногихъ дней явился къ народу, и, краснѣя отъ стыдливости, исправилъ прежнія слова свои ко благу церковному.

Такъ же поступить совѣтуетъ Іоаннъ и Несторію. Отважиться на такой рѣшительный шагъ для Несторія должно быть тѣмъ менѣе стѣснительно, что онъ, какъ свидѣтельствовалъ за него Іоаннъ, не ошибался по образу мыслей. „Я знаю, пишетъ между прочимъ Іоаннъ, что тобою часто и многимъ говорено было, что ты не самый смыслъ благочестиваго вѣрованія устраняешь, а не одобряешь только выраженія его; убѣждаю же тебя сказать то самое, въ чемъ ты не ошибаешься по образу мыслей, ты только употребишь слово и имя, которое составлено многими отцами, употребляемо было ими и устно и въ книгахъ; отъ этого имени не отказывался ни одинъ изъ церковныхъ учителей; тѣхъ, которые употребляли его, было много, и притомъ знаменитыхъ, а не употреблявшіе не осуждали употреблявшихъ. Прошу же тебя, прими отъ насъ этотъ совѣтъ, сдѣлай то, къ чему тебя убѣждаемъ, не давай повода новому мнѣнію внести въ церковь несогласіе и раздѣленіе. Я писалъ къ тебѣ это посланіе въ присутствіи многихъ благочестивѣйшихъ епископовъ, благорасположенныхъ къ твоему благочестію, эти епископы: Архелай, Апрингій, Ѳеодоритъ, Иліадъ, Мелетій и Макарій. Всѣ они, твердо держась ученія церкви и согрѣтые, какъ и я, любовію къ тебѣ, просятъ тебя, владыко, чтобы ты показалъ покорность, вникнувъ въ содержаніе тѣхъ писемъ, которыхъ сила грознѣе бури: она не возмутитъ, не встревожитъ, если будемъ уступчивы; но она низринетъ, если станемъ противиться ей. Прими благодушно этотъ совѣтъ и не смотри на то, если кто нибудь изъ недоброжелательствующихъ къ намъ станетъ внушать тебѣ пренебречь этимъ дѣломъ ко вреду себѣ и всей церкви“.

Но между тѣмъ, какъ Іоаннъ Антіохійскій, движимый глубокими чувствами дружеской привязанности къ Несторію, все еще питалъ надежду склонить друга своего на путь мира. Кириллъ Александрійскій, уже давно дѣлавшій подобныя кроткія предложенія своему сослужителю и столь же давно убѣ-

дившійся въ томъ, что мѣры кротости, любви и убѣжденія на Несторія не дѣйствуютъ, къ тому же возбужденный и уполномоченный теперь отъ братій и сослужителей своихъ восточныхъ и западныхъ, загремѣлъ наконецъ на Несторія послѣднимъ грознымъ посланіемъ, которое заключено было его приснопамятными анаѳематизмами. Въ этомъ послѣднемъ, грозномъ и пространнѣйшемъ посланіи Кирилловомъ двѣнадцати анаѳематизмамъ противъ Несторія предшествуютъ 11 пунктовъ предварительныхъ разсужденій, составлявшихъ какъ бы первыя посылки, изъ коихъ анаѳематизмы были какъ бы выводами. И разсужденія свои и анаѳематизмы свои св. Кириллъ предлагаетъ Несторію отъ лица своего и отъ лица собора, собравшагося въ Александріи изъ Египетскаго округа.

Въ началѣ посланія св. Кириллъ изображаетъ различныя побужденія, въ силу которыхъ онъ рѣшается на этотъ послѣдній грозный шагъ. Заповѣдь Христова запрещаетъ любить кого бы то ни было больше, чѣмъ Христа (Матѳ. X, 37); совмѣстить любовь ко Христу съ любовію къ Несторію невозможно, потому что Несторій изрыгаетъ на Христа злохуленія. Если бы Несторій своими зловредными мыслями и ученіемъ вредилъ только себѣ самому, то православнымъ епископамъ было бы меньше и скорби и заботы; но Несторій соблазнилъ церковь, распространилъ въ народѣ закваску необычной и чуждой ереси, и книги его толкованій разнесены не только въ Константинополѣ, но и повсюду. Какая же причина, спрашиваетъ Кириллъ, достаточна будетъ къ нашему молчанію?

Въ силу такихъ то побужденій Кириллъ, съ соборомъ своимъ и съ соборомъ Римскимъ, бывшимъ подъ предсѣдательствомъ Целестина, уже третьимъ посланіемъ обращается къ Несторію и совѣтуетъ „отстать отъ его ложнаго, превратнаго ученія, а вмѣсто его избрать правую вѣру, въ началѣ преданную церквамъ святыми апостолами и евангелистами, которые были самовидцами и служителями Слова. Ежели Несторій рѣшится исповѣдать православіе свое, то онъ не долженъ ограничиваться только тѣмъ, что исповѣдуетъ символъ вѣры, составленный въ Никеѣ; одного этого

исповѣданія недостаточно, потому что Несторій понимаетъ и объясняетъ Никейскій сѵмволъ неправильно и даже превратно, хотя на словахъ исповѣдуетъ такъ, какъ онъ изложенъ.

Несторій долженъ письменно и съ клятвою исповѣдать, что онъ проклинаетъ свое нечестивое и гнусное ученіе, что онъ будетъ мудрствовать и учить такъ, какъ мудрствуютъ всѣ западные и восточные епископы, учители и вожди народовъ. Если Несторій не сдѣлаетъ сего къ сроку, назначенному въ посланіи папы Целестина, то онъ не будетъ имѣть никакого общенія съ вѣрными, ни мѣста или счета между священниками Божіими и епископами (т. е. подвергнется изверженію изъ сана и отлученію отъ церкви).

За симъ слѣдуетъ подробное и пространное изложеніе вѣры, исповѣданіе которой можетъ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ православія. Приведши Никеоцареградскій сѵмволъ вѣры, св. Кириллъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на членахъ о сынѣ Божіемъ и между прочимъ пишетъ: „Слѣдуя во всемъ исповѣданію святыхъ отцевъ и шествуя какъ бы царскимъ путемъ, мы говоримъ: само единородное Слово Божіе, рожденное изъ самой сущности Отца, ради нашего спасенія сошедшее съ небесъ и уничижившееся, воплотилось и вочеловѣчилось, т. е. принявъ плоть отъ Св. Дѣвы и усвоивъ ее Себѣ отъ самаго зачатія, претерпѣло наше рожденіе и произошло отъ жены человѣкомъ, не теряя того, чѣмъ было, но и по воспріятіи плоти и крови пребывая тѣмъ же, чѣмъ было, т. е. Богомъ по естеству и по истинѣ; но мы не говоримъ ни того, будто плоть превратилась въ естество божественное; ни того, будто неизреченное естество Бога Слова измѣнилось въ естество плоти, ибо Оно не подлежитъ измѣненію и превращенію; но, по писаніямъ, всегда пребываетъ совершенно то-же (Евр. XIII, 8). Ставъ же видимо и бывъ еще младенцемъ въ пеленахъ, Оно, какъ Богъ, и въ нѣдрахъ родившей Дѣвы наполняло всю тварь и возсѣдало съ Родившимъ Его“.

Въ дальнѣйшихъ пунктахъ сего посланія предлагается подробное изложеніе и разъясненіе догмата объ отношеніи божескаго и человѣческаго естествъ въ Іисусѣ Христѣ въ

томъ же видѣ, какъ мы имѣли уже возможность читать по прежнимъ посланіямъ Кирилла. Выводомъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій и разъясненій и вмѣстѣ краткимъ выраженіемъ всей сущности содержанія этихъ разсужденій были столь знаменитые въ исторіи несторіанства анаѳематизмы Кирилловы, слѣдующіе: 1) „Кто не исповѣдуетъ Еммануила истиннымъ Богомъ и посему Св. Дѣву Богородицею, такъ какъ Она по плоти родила Слово, сущее отъ Бога, ставшее плотію, да будетъ анаѳема. 2) Кто не исповѣдуетъ, что Слово, сущее отъ Бога Отца, соединилось съ плотію ипостасно и что посему Христосъ единъ съ Своею плотіею, т. е. одинъ и тотъ же есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, анаѳема. 3) Кто во единомъ Христѣ, послѣ соединенія естествъ, раздѣляетъ лица, соединяя ихъ только союзомъ достоинства, т. е. въ волѣ, или силѣ, а не союзомъ, состоящимъ въ единеніи естествъ, анаѳема. 4) Кто изреченія евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, употребляемыя святыми ли о Христѣ или Имъ самимъ о Себѣ, относитъ раздѣльно къ двумъ лицамъ (ипостасямъ) и одни изъ нихъ прилагаетъ къ человѣку, котораго представляетъ отличнымъ отъ Слова Божія, а другія, какъ богоприличныя къ одному только Слову Бога Отца, анаѳема. 5) Кто дерзаетъ называть Христа человѣкомъ богоноснымъ, а не Богомъ истиннымъ, какъ Сына единаго со Отцемъ по естеству, такъ какъ Слово стало плотію и приблизилось къ намъ, воспріявъ нашу плоть и кровь (Евр. II, 14), анаѳема. 6) Кто дерзаетъ говорить, что Слово Бога Отца есть Богъ или Владыка Христа, а не исповѣдуетъ Его же самого Богомъ и вмѣстѣ человѣкомъ, такъ какъ, по писаніямъ (Іоан. I, 14), Слово стало плотію, анаѳема. 7) Кто говоритъ, что Іисусъ, какъ человѣкъ, былъ орудіемъ дѣйствій Бога Слова и окруженъ славою Единороднаго, какъ существующій отдѣльно отъ Него, анаѳема. 8) Кто дерзаетъ говорить, что воспринятому Богомъ человѣку должно покланяться съ Богомъ Словомъ, должно его прославлять вмѣстѣ съ Нимъ и вмѣстѣ называть Богомъ, какъ одного въ другомъ, а не чтитъ Еммануила единымъ поклоненіемъ и не возсылаетъ Ему единаго славословія, такъ какъ Слово стало плотію, анаѳема. 9) Кто

говоритъ, что единый Господь Іисусъ Христосъ прославленъ Духомъ въ томъ смыслѣ, что пользовался чрезъ Него какъ бы чуждою силою и отъ Него получилъ силу побѣждать нечистыхъ духовъ и совершать въ людяхъ божественныя знаменія, а не почитаетъ Его собственнымъ Его Духомъ, чрезъ Котораго Онъ совершилъ чудеса, анаѳема. 10) Кто говоритъ, что первосвященникомъ и ходатаемъ нашимъ былъ не самъ Богъ Слово, когда сталъ плотію и подобнымъ намъ человѣкомъ, а какъ бы другой нѣкто, отличный отъ Него, человѣкъ, происшедшій отъ жены, или кто говоритъ, что Онъ принесъ Себя въ приношеніе и за самого Себя, а не за насъ только однихъ, такъ какъ, не зная грѣха, Онъ не имѣлъ нужды въ приношеніи за Себя, анаѳема. 11) Кто не исповѣдуетъ плоть Господа животворящею и собственно принадлежащею самому Слову Бога Отца, но принадлежащею какъ бы другому кому, отличному отъ Него и соединенному съ Нимъ по достоинству, т. е. пріобрѣтшему только божественное въ Себѣ обитаніе, и не исповѣдуетъ плоть Его животворящею, такъ какъ она стала собственною Слову, могущему все животворить, анаѳема. 12) Кто не исповѣдуетъ Бога Слова пострадавшимъ плотію, распятымъ плотію, принявшимъ смерть плотію и наконецъ ставшимъ первороднымъ изъ мертвыхъ, такъ какъ Онъ есть жизнь и животворящій, какъ Богъ, анаѳема“.

Эти-то анаѳематизмы Несторій долженъ былъ подписать, если захочетъ считаться въ числѣ истинныхъ православныхъ членовъ церкви.

Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ къ Несторію св. Кириллъ отправилъ еще два посланія въ Константинополь: одно къ клиру и народу Константинопольскому, другое къ настоятелямъ монастырей Константинопольскихъ; въ томъ и другомъ извѣщаетъ вѣрующихъ о послѣднихъ распоряженіяхъ касательно Несторія, предпринятыхъ съ согласія восточныхъ и западныхъ правителей церкви, убѣждаетъ ихъ крѣпко стоять въ истинѣ православія и удаляться отъ всякаго общенія съ Несторіемъ, въ случаѣ, если онъ вознамѣрится упорствовать въ своемъ новоизобрѣтенномъ ученіи. Тѣ изъ клириковъ и мірянъ, которые за православную вѣру отлучены или извер-

жены были Несторіемъ, всѣ принимались въ церковное общеніе.

Какъ же отнесся ко всему этому патріархъ Константинопольскій? Несторій, какъ видно, вовсе былъ не такого нрава, чтобы уступить внушеніямъ кротости или поколебаться страхомъ угрозъ; гордый сознаніемъ своего собственнаго достоинства и положенія, самообольщенный мнимою справедливостью и основательностію своихъ убѣжденій, и, что всего важнѣе, ослѣпленный довѣріемъ къ нему царя и благорасположеніемъ придворныхъ вельможъ, Несторій на всѣ эти угрозы и кроткія увѣщанія отвѣчалъ пренебреженіемъ.

Первымъ обнаруженіемъ его горделиваго духа было то, что онъ на анаѳематизмы Кирилловы отвѣчаетъ таковымъ же числомъ со стороны своей. Анаѳематизмы Несторія, какъ замѣтно, писаны прямо въ опроверженіе анаѳематизмовъ Кирилловыхъ, обнаруживаютъ намѣренное приспособленіе къ нимъ, такъ что и по числу, и по порядку, и по предметамъ исповѣданія составляютъ противоположность анаѳематизмамъ Кирилловымъ, именно: въ первомъ же анаѳематизмѣ, вопреки Кирилловымъ выводамъ изъ слова Еммануилъ, Несторій съ своей стороны возглашаетъ: 1) „Кто говоритъ: Еммануилъ есть истинный Богъ, а не означаетъ только „съ нами Богъ“, т. е. что Онъ обиталъ въ подобномъ нашему естествѣ такъ, что соединился съ нашимъ естествомъ, воспріятымъ отъ Дѣвы Маріи; кто будетъ называть Ее также Матерію Бога Слова, а не Еммануила и будетъ говорить, что само Слово Божіе превратилось въ плоть, которую Оно восприняло для обнаруженія Своего божества, чтобы по виду стать какъ человѣкъ (Филип. II, 7), анаѳема“. По подобію перваго и всѣ прочіе анаѳематизмы Несторіевы носятъ на себѣ очевидные признаки противорѣчія анаѳематизмамъ Кирилловымъ. 2) „Кто говоритъ, что въ соединеніи Бога Слова съ плотію, по намѣренію Божію, устроено мѣстное премѣненіе естества, что плоть стала причастна божескому естеству, и оно, божеское естество, стало едино съ плотію во всѣхъ отношеніяхъ, или опять, что Христа должно признать Богомъ, плоть распростирая въ безконечность неописаннаго естества, что одинъ

и тотъ же Христосъ есть по естеству Богъ и человѣкъ, анаѳема. 3) Кто признаетъ Христа, Который по естеству Своему есть Еммануилъ, единымъ не вслѣдствіе союза лицъ, и не исповѣдуетъ Его состоящимъ изъ двухъ лицъ Бога Слова и воспринятаго имъ человѣка, сочетанныхъ во едино въ Сынѣ, причемъ единеніе ихъ сохраняется безъ смѣшенія естествъ, анаѳема. 4) Кто изреченія евангельскихъ и апостольскихъ книгъ (буквальная копировка 4 анаѳематизма Кириллова), употребленныя о Христѣ, какъ о состоящемъ изъ сего и другаго естества принимаетъ какъ бы объ одномъ естествѣ и страданія покушается приписывать Богу Слову какъ по плоти, такъ и по божеству, анаѳема. 5) Кто дерзаетъ говорить, что послѣ воспріятія человѣка Сынъ Божій есть одинъ по существу, тогда какъ Онъ есть Еммануилъ, анаѳема. 6) Кто послѣ воплощенія будетъ признавать Бога Слово кѣмъ-то другимъ, а не Христомъ, кто осмѣлится говорить, что зракъ раба вмѣстѣ съ Богомъ Словомъ не имѣетъ начала, и какъ Онъ самъ, т. е. какъ Богъ Слово не сотворенъ, кто не будетъ признавать Его раба, сотвореннымъ отъ Бога Слова, какъ Господа, Творца и Бога по естеству, какъ Онъ и обѣщалъ возставить Его собственною силою, говоря: разорите церковь сію и треми деньми воздвигну ю (Іоан. II, 19), анаѳема. 7) Кто говоритъ, что сотворенный въ Дѣвѣ человѣкъ есть самый Единородный, Который прежде денницы рожденъ изъ чрева Отца (Псал. CIX, 3), а не исповѣдуетъ, что Онъ получилъ наименованіе единороднаго отъ Отца чрезъ соединеніе съ единороднымъ по естеству; кто такъ же называетъ Іисуса другимъ кѣмъ то, а не Еммануиломъ, анаѳема. 8) Кто говоритъ, что зракъ раба достоинъ почитанія самъ по себѣ, т. е. по достоинству своей природы, хотя и не есть владыка всего, а не за то почитается, что принятъ въ общеніе съ блаженнымъ естествомъ Единороднаго и по самому естеству Господа, анаѳема. 9) Кто говоритъ, что зракъ раба сосущественъ Св. Духу, а не входитъ въ общеніе съ Нимъ чрезъ посредство Бога Слова и что отъ самаго зачатія имѣлъ союзъ съ Нимъ, вслѣдствіе чего нѣкогда совершалъ чудесныя врачеванія въ людяхъ и со властію изгонялъ духовъ, анаѳема.

10) Кто говоритъ, что само сущее въ началѣ Слово содѣлалось первосвященникомъ и посланникомъ нашего исповѣданія (Евр. III, 1) и самого Себя принесло въ жертву за насъ, а не признаетъ посланникомъ Еммануила, почему и приношеніе приписываетъ самому Тому Кто „принялъ человѣка въ единеніе“, все относя къ единому лицу Сына и приписывая Ему то какъ Богу, что принадлежитъ Богу, то какъ человѣку, что свойственно человѣку, анаѳема. 11) Кто говоритъ, что принятая въ единеніе плоть по силѣ своей природы животворяща. тогда какъ самъ Господь и Богъ возвѣщаетъ: Духъ есть иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже (Іоан. VI. 63), анаѳема. Духъ есть Богъ, сказано еще (Іоан. IV. 24)“.

Чувствуя, что неполно выразилъ то, что хотѣлъ сказать, Несторій къ этому анаѳематизму приставилъ еще дополненіе: „Кто говоритъ, что Богъ Слово стало плотію упостасно, тогда какъ плоть сохраняетъ свойственный себѣ видъ въ Господѣ Христѣ, особенно когда по воскресеніи Онъ самъ говоритъ ученикамъ Своимъ: осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща (Лук. XXIV, 37), анаѳема. 12) Кто, исповѣдуя страданія плоти, но не различая достоинства естествъ, тѣ-же страданія приписываетъ Богу Слову, какъ и плоти, которую Онъ воспринялъ, анаѳема“.

Вчитываясь въ анаѳематизмы Несторія, мы не можемъ не замѣтить, что, составляя ихъ, Несторій увлекся съ одной стороны раздраженіемъ противъ св. Кирилла, съ другой не умѣреннымъ мудрованіемъ, противорѣчившимъ откровенному слову Божію.

Ревнующій о правахъ человѣческаго смысла долженъ же былъ понять, что употребляющіе это выраженіе не то хотятъ сказать, чтобы въ самомъ дѣлѣ страдало само безстрастное и безтѣлесное божество; они хотѣли только сказать, что страдало тѣло, воспринятое въ упостасное единеніе съ божествомъ; къ тому же и самъ Несторій и всѣ защищавшіе и защищающіе должны же понять, что съ отверженіемъ этой истины и этого выраженія ниспровергалось все домостроительство спасенія. Несторій тѣмъ менѣе имѣлъ право воз-

ставать противъ выраженій, употребляемыхъ православными, что выраженія сіи всѣ освящены употребленіемъ библейскимъ: Слово плоть бысть; Богъ явися во плоти и под.; при всемъ этомъ и по поводу анаѳематизмовъ Несторіевыхъ такъ-же, какъ и по поводу посланій его, опять приходится повторить замѣчаніе, что Несторій, оправдывая ученіе свое, во многомъ извращаетъ ученіе и тѣ выраженія, за которыя такъ крѣпко стояла сторона православныхъ. Раздраженіе Несторія противъ православныхъ не ограничилось тѣмъ, что онъ выставилъ противъ нихъ этотъ зарядъ громкихъ хотя и совершенно неумѣстныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ противной сторонѣ анаѳематизмовъ.

Со времени полученія послѣдняго посланія Кирилла и его анаѳематизмовъ, Несторій открываетъ противъ защитниковъ православія въ Константинополѣ клириковъ, монаховъ и мірянъ сильное преслѣдованіе. „То, что терпимъ мы, пишутъ нѣкоторые изъ ревнителей православія, въ это время для многихъ, слышащихъ объ этомъ, можетъ показаться невѣроятнымъ. Когда мы сказали Несторію, что его выраженія: Марія родила только единосущнаго Себѣ человѣка, неприличны православнымъ, то онъ приказалъ насъ захватить, и судейская прислуга подъ ударами отвела насъ въ судилище. Здѣсь, обнаживъ и оковавъ насъ, какъ подлежащихъ наказанію, насъ заклеймили, растянули и били пятами. И такъ, чего во внѣшнихъ гражданскихъ судилищахъ не переносятъ, не говоримъ—клирики и архимандриты или монахи, а даже никто изъ мірянъ, то мы вопреки законовъ потерпѣли отъ законопреступника и много времени провели мы въ оскорбленіяхъ отъ судилища, въ голодѣ подъ стражею прислуги. Но ярость его не удовольствовалась и этимъ. Какимъ-то обманомъ насъ предали знатнѣйшему начальнику великоименитаго града, и насъ, окованныхъ желѣзомъ, отвели въ темницу; изъ темницы опять повели въ судилище и здѣсь онъ, Несторій, снова мучилъ насъ, бивъ по лицу“. Но и это еще не все, чѣмъ дала себя знать раскипятившаяся злоба Несторія.

Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ въ Константинополѣ, своими связями съ Константинопольскою знатью

и близостію ко двору, Несторій успѣлъ вселить въ государяхъ (Ѳеодосіѣ и Валентиніанѣ) подозрѣніе противъ самого Кирилла, будто онъ, движимый самовластіемъ и самолюбіемъ, произвелъ смятеніе и раздѣленіе въ церквахъ. Что Несторій успѣлъ очернить, оклеветать св. Кирилла предъ императорами, это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ указа, который издали сіи императоры вслѣдствіе начавшихся неустройствъ въ дѣлахъ церковныхъ. „Мы не думали, гласитъ императорскій указъ къ Кириллу, мы не думали, чтобы твое благочестіе такъ приняло воздаваемыя отъ насъ тебѣ почести, чтобы ты все такъ смутилъ, какъ будто бы и мы также склонны были къ раздраженію; мы будемъ заботиться о мирѣ церковномъ, а ты знай, что ты все смутилъ, какъ не слѣдовало бы“. Чье здѣсь дѣйствовало внушеніе, это и безъ дальнихъ изысканій понятно: св. Кириллъ получаетъ выговоръ за свои „рьяные порывы“, „дерзость“, „тонкости въ вѣроученіи“, а Несторій какъ будто ни въ чемъ невиноватъ, даже мало того: сторона, противная Кириллу, представляется обиженною незаконно; Кириллъ лишается царскаго благоволенія, и не иначе можетъ возвратить себѣ это благоволеніе, какъ только „если оставитъ все оскорбительное для другихъ и возмутительное и тѣмъ самымъ докажетъ, что не вслѣдствіе личной непріятности, ни изъ неприличной непріязни къ кому-нибудь онъ поступилъ такъ жестоко и необдуманно, защищая свое мнѣніе“.

Въ какой степени справедливы (т. е. несправедливы) были всѣ эти укоризны св. Кириллу, для насъ понятно должно быть изъ всего, въ подробности изложеннаго нами, хода дѣла. Императоръ самъ не знаетъ, за что укоряетъ Кирилла: то онъ ставитъ Кириллу въ укоризну, что Кириллъ началъ споры о вѣрѣ безъ сношенія съ императорскою властію; но эту укоризну тотчасъ же приходится съ Кирилла снять, потому что онъ къ императорской власти писалъ; то Кириллъ укоряется въ намѣреніи произвести разномысліе въ царственномъ семействѣ, намѣреніи, будто бы изобличаемомъ разнообразнымъ содержаніемъ посланій къ императору, его супругѣ и сестрѣ; но и эта укоризна была явная напраслина на святаго защитника православія.

Въ началѣ своего изложенія исторіи Ефесскаго собора мы упоминали объ этихъ посланіяхъ Кирилла, и теперь находимъ нужнымъ замѣтить, что всѣ тѣ посланія заняты изложеніемъ догматическаго ученія и ничего подающаго поводъ къ возмущенію мира не заключаютъ. Тѣмъ же посланіемъ, въ которомъ разсыпаны на св. Кирилла такія горькія укоризны, онъ предувѣдомлялся, что ревнующіе о вѣрѣ государи намѣрены для полнаго безпристрастнаго изслѣдованія спорнаго вопроса и для умиротворенія церкви созвать соборъ епископовъ; время этого собора назначено будетъ особыми грамотами ко всѣмъ епископамъ главныхъ городовъ.

Въ 13-й день декабрьскихъ календъ (19 ноября), въ тринадцатый годъ царствованія Ѳеодосіева (431) подписанъ и разосланъ къ епископамъ всѣхъ митрополій указъ о созваніи собора. Сказавъ въ началѣ указа о взаимномъ отношеніи между церковію и государствомъ и взаимномъ вспомоществованіи съ той и другой сторонъ для блага государства и церкви, императоры объясняютъ, что по современнымъ обстоятельствамъ настоитъ неотвратимая нужда въ созваніи собора; посему каждый епископъ митрополя, получившій указъ, долженъ былъ озаботиться послѣ наступающей св. Пасхи прибыть въ Азію въ Ефесъ на самый день Пятидесятницы, повелѣвъ туда же прибыть немногимъ, кому заблагоразсудитъ епископъ изъ подчиненнаго ему округа.

„Прежде святѣйшаго собора и прежде составленія общаго для всѣхъ обязательнаго правила, не должно быть нововведенія ни отъ кого въ частности. Мы увѣрены, объясняютъ императоры въ указѣ, что каждый изъ боголюбезнѣйшихъ священнослужителей постарается подать посильную помощь дѣламъ, столь необходимымъ и споспѣшествующимъ богоугожденію; но съ другой стороны мы не потерпимъ равнодушно ничьего отсутствія. Кого призываютъ на священный соборъ и онъ не спѣшитъ съ готовностію прибыть, у того ясно совѣсть не чиста. Дано въ Константинополѣ“ и т. д.

Для наблюденія за ходомъ дѣла на соборѣ или для наблюденія „благоприличія“, какъ сказано было въ указѣ императорскомъ, на соборъ назначался отъ лица императора при-

дворный сановникъ Кандидіанъ. Обязанности его въ отношеніи къ собору въ указѣ опредѣлялись такъ: „Онъ не долженъ былъ вмѣшиваться въ изслѣдованіе членовъ собора о догматахъ; ибо, какъ сказано въ указѣ, не принадлежащему къ числу святѣйшихъ епископовъ несправедливо вмѣшиваться въ дѣла церковныя. Далѣе этотъ сановникъ долженъ былъ наблюдать, чтобы дѣйствіямъ собора не препятствовала толпа любопытныхъ, какъ мірянъ, такъ и монаховъ, нисколько ненужныхъ для предстоящаго изслѣдованія догматовъ; онъ долженъ былъ позаботиться также о томъ, чтобы отъ непріязненныхъ съ той и другой сторонъ расположеній разномысліе не дошло до большихъ размѣровъ, а отъ того не встрѣтило бы препятствій и не замедлилось бы тщательное изслѣдованіе истины; преимущественно же оному знатнѣйшему мужу повелѣно было наблюдать, чтобы никто не оставлялъ назначеннаго для разсужденій мѣста, доколѣ не составится и по общему рѣшенію не получитъ утвержденія неоспоримое и всѣмъ угодное ученіе“.

Говорится въ указѣ и еще о нѣкоторыхъ мелкихъ предостереженіяхъ, какія долженъ былъ принять къ свѣдѣнію Кандидіанъ, напр., чтобы на соборѣ не начинали никакихъ изысканій постороннихъ, не относящихся къ главному дѣлу и т. под.

Но вотъ одно важное для уразумѣнія послѣдующей исторіи замѣчаніе: въ самомъ же этомъ указѣ, подписанномъ императорами, значилось, что вмѣстѣ съ Несторіемъ, боголюбезнѣйшимъ епископомъ великоименитаго града, отправился на соборъ знатнѣйшій мужъ Ириней.

Хотя, правда, и прибавлено, что Ириней этотъ отправился на соборъ единственно изъ дружбы къ Несторію и ни въ какомъ отношеніи не долженъ былъ принимать участія въ дѣлахъ святѣйшаго собора; но съ знатными вельможами тяжело бороться, и этотъ Ириней, какъ покажетъ дальнѣйшая исторія, много зла причинилъ въ дѣлахъ церковныхъ. Къ назначенному въ императорскомъ указѣ сроку собралось 159 епископовъ, не считая Несторія и приставшихъ къ нему еще до открытія собора шести или семи епископовъ.

Прошло 16 дней за срокъ, назначенный въ императорскомъ указѣ для открытія собора, а нѣкоторые изъ митрополитовъ все еще не являлись въ Ефесъ; весьма важное обстоятельство для собора составляло замедленіе Іоанна епископа Антіохійскаго, съ нѣсколькими епископами его округа. Іоаннъ, какъ объяснялъ въ письмѣ къ Кириллу, замедлилъ отъ невообразимыхъ трудностей путешествія; онъ уже 30 дней находился въ пути, не давая себѣ никакого послабленія, нѣкоторые изъ сопутствовавшихъ ему епископовъ давно подверглись разстройству здоровья; Іоанну и спутникамъ его оставалось еще 5 или 6 дней пути до Ефеса. Между тѣмъ собравшіеся въ Ефесѣ епископы начинали тяготиться все болѣе и болѣе продолжаемою отсрочкою открытія собора; нѣкоторые начинали подвергаться болѣзни; св. Кириллъ находился въ затрудненіи: открывать ли засѣданіе собора, или дожидаться прибытія Іоанна съ епископами его округа; по смыслу краткаго посланія, какое прислалъ съ дороги уже Іоаннъ Антіохійскій къ св. Кириллу, можно было догадываться, что Іоанну хотѣлось бы, чтобы отцы собора еще нѣсколько подождали его. Кандидіанъ, чиновникъ императорскій, положительно настаивалъ, чтобы отцы собора дождались Іоанна съ его епископами; но св. Кириллъ, отчасти побуждаемый тягостнымъ положеніемъ большинства епископовъ уже собравшихся, отчасти опираясь на смыслъ императорскаго указа, который требовалъ, чтобы епископы собрались въ Ефесѣ на самый день Пятидесятницы и который угрожалъ царскимъ гнѣвомъ тому, кто не поспѣшитъ тотчасъ прибыть къ назначенному времени въ Ефесъ, рѣшилъ болѣе не откладывать начало дѣла и открылъ соборъ въ храмѣ Богоматери.

Какъ судить объ этомъ смѣломъ, рѣшительномъ дѣйствіи св. Кирилла? Не принимая на себя непринадлежащаго намъ права укорять или оправдывать св. мужа, мы желали бы указать испытующимъ такіе вопросы на тѣ побужденія, коими движимъ былъ мужъ святый. Святымъ Кирилломъ управляла ревность о славѣ Богоматери; по смыслу грамоты императорской, повелѣно было изслѣдовать дѣло безъ всякаго про-

медленія (Д. в. с., 499); по словамъ св. Кирилла, нѣкоторые изъ восточныхъ епископовъ, посланные Іоанномъ напередъ (посланы были епископы Александръ Апомейскій и Андрей Іерапольскій) возвѣстили отцамъ собора: „господинъ еп. Іоаннъ повелѣлъ сказать вашему благочестію: дѣлайте свое дѣло".

Предъ днемъ открытія собора посылали приглашеніе къ Несторію и къ сторонникамъ его епископамъ: звать Несторія на соборъ отправились четыре епископа. Несторій и его епископы всѣ отвѣчали двусмысленно: „посмотрю, и если мнѣ нужно будетъ пойти, приду"; однако же въ день открытія собора не явились.

Когда въ началѣ засѣданія прочитанъ былъ императорскій указъ о созваніи собора и когда нотаріусъ Петръ, пресвитеръ Александрійскій, изложилъ кратко всѣ обстоятельства, по требованію коихъ собранъ настоящій соборъ (т. е. о началѣ лжеученій несторіанскихъ, о перепискѣ по сему дѣлу между Кирилломъ, Несторіемъ и папою Целестиномъ), то сочлены собора заявили о необходимости послать за Несторіемъ, чтобы ученіе благочестія установилось по общему сужденію и соглашенію. Епископы, составлявшіе прежде депутацію для приглашенія Несторія на соборъ, объявили, что они ходили къ Несторію, но что онъ отвѣтилъ такъ неопредѣленно. Рѣшили опять послать за Несторіемъ; отправились три епископа и на сей разъ съ формальнымъ предписаніемъ отъ лица собора; они снова убѣждали Несторія прибыть и не уклоняться отъ дѣла, особенно потому, что императоры повелѣли, оставивъ все, заняться утвержденіемъ вѣры. Посланныхъ отъ лица собора епископовъ до Несторія не допустили — стража, стоявшая въ его домѣ, и клирики, которыхъ Несторій привезъ съ собою; а когда депутаты начали настоятельно требовать, чтобы объ нихъ доложили Несторію, что имъ нельзя же уйти отъ Несторія безъ отвѣта, тогда трибунъ Флорентій, сопровождавшій Кандидіана, вышедши съ клириками Несторія, отвѣтилъ отъ его лица депутатамъ отъ собора: „когда соберутся всѣ епископы, тогда и мы выйдемъ къ нимъ". Члены собора, услышавъ о такомъ отвѣтѣ Несторія депутатамъ къ нему отъ лица собора, рѣшили

послать къ Несторію приглашеніе въ третій разъ; въ этомъ третьемъ посольствѣ члены собора призывали Несторія явиться и оправдаться предъ сонмомъ церковнымъ въ томъ еретическомъ ученіи, которое, говорятъ, онъ проповѣдывалъ по церквамъ. „Знай и то,—прибавили члены собора,—что ежели ты не явишься и не устоишь противъ того, что устно и письменно показываютъ противъ тебя, тогда святѣйшій соборъ будетъ въ необходимости составить противъ тебя опредѣленіе, какое слѣдуетъ по правиламъ святыхъ отецъ".

Епископовъ, составлявшихъ это посольство къ Несторію, опять не допустили; воины, приставленные у дверей Несторія, съ грубостію отвѣчали епископамъ, что они отъ самого Несторія получили приказъ никого изъ посланныхъ соборомъ не пускать.

Видя, что привлечь Несторія на соборъ не остается никакой возможности, епископы рѣшились начать дѣло безъ Несторія. Прежде всего прочитали, какъ первооснову всякаго вѣроученія и вѣроопредѣленія, символъ вѣры, составленный на соборѣ Никейскомъ; за симъ рѣшено было прочитать посланіе св. Кирилла къ Несторію, и это посланіе всѣми отцами, присутствовавшими на соборѣ, признано было во всемъ согласнымъ съ апостольскою проповѣдію и съ православною вѣрою, изложенною св. отцами въ Никеѣ.

Послѣ того, какъ отобраны были голоса отцевъ о посланіи св. Кирилла къ Несторію и послѣ того, какъ всѣ отцы собора дали отзывъ о семъ посланіи одобрительный, опредѣлено было прочитать посланіе Несторія къ св. Кириллу, чтобы сличить, въ какихъ отношеніяхъ оно окажется къ символу Никейскому. И всѣ отцы единогласно заявили, что это посланіе нисколько не согласно съ благочестивою вѣрою, изложенною святыми отцами въ Никеѣ; всѣхъ, кто такъ вѣруетъ, признали нужнымъ предать анаѳемѣ; ибо все, что содержится въ томъ посланіи, чуждо православной вѣрѣ.

Послѣ того, какъ прочитано было нечестивое посланіе Несторія, свят. Кириллъ высказалъ на соборѣ предложеніе спросить, кого слѣдуетъ, о бесѣдахъ Несторія устныхъ, чтобы такимъ образомъ еще провѣрить мысли Несторія, изложен-

ныя въ его посланіи къ св. Кириллу; соборъ опредѣлилъ спросить нѣкоторыхъ епископовъ, коимъ пришлось имѣть разговоръ съ Несторіемъ въ Ефесѣ; Ѳеодотъ, епископъ Анкирскій, на соборѣ объяснилъ, что „Несторій какъ въ посланіи упорно отвергалъ, что Богу Слову, т. е. Единородному можно приписывать что либо человѣческое, считая это унизительнымъ для Него, такъ и въ разговорѣ повторилъ то-же самое. Какъ тамъ, т. е. въ посланіи, утверждалъ, что о Богѣ нельзя говорить, что Онъ питался млекомъ, или родился отъ Дѣвы, такъ и здѣсь, т. е. въ разговорахъ устныхъ, неоднократно говорилъ, что о Богѣ нельзя сказать, что Онъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ. И это слышали отъ него не мы одни,—замѣчаетъ Ѳеодотъ,—но и многіе другіе". То-же свидѣтельство объ устныхъ бесѣдахъ Несторія далъ на соборѣ Акакій, епископъ Мелитинскій. „Нелѣпыми своими вопросами,—объяснялъ Акакій собору,—Несторій старался принудить собесѣдниковъ или совершенно отвергнуть, что божество Единороднаго воплотилось, или допустить, что вмѣстѣ съ Богомъ Словомъ воплотилось божество и Бога Отца и Святаго Духа. Потомъ,—продолжалъ Акакій,—при другой бесѣдѣ вступилъ въ разговоръ одинъ изъ бывшихъ съ нимъ епископовъ, который утверждалъ, что иной есть Сынъ, терпѣвшій страданія, и иной—Богъ Слово. Я не могъ вынести такого богохульства,—заключилъ Акакій,—простился со всѣми и ушелъ".

Все это не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что Несторій нечестиво мыслилъ о божественномъ достоинствѣ лица Искупителя.

Что лжеученіе Несторія выставить еще болѣе въ ясномъ свѣтѣ и вмѣстѣ, чтобы представить наивозможно полное опроверженіе на него, соборъ опредѣлилъ прочитать извлеченія изъ блаженныхъ отцевъ, епископовъ и мучениковъ, имѣвшія отношеніе къ главному предмету изслѣдованія: прочитали извлеченія изъ книги св. Петра, епископа Александрійскаго, свят. Аѳанасія Великаго, Юлія, папы Римскаго, св. Феликса, папы Римскаго, Ѳеофила, епископа Александрійскаго, св. Кипріана Карѳагенскаго, Амвросія, епископа Медіоланскаго, Григорія Богослова („кто не признаетъ Ма-

рію Богородицею, тотъ отлученъ отъ божества"), Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Аттика, епископа Константинопольскаго, Амфилохія, епископа Иконійскаго. Отцы собора нашли нужнымъ сопоставить съ этими извлеченіями изъ отцевъ извлеченія изъ сочиненій Несторія; начали читать выдержки изъ сочиненій Несторія.

По окончаніи этого чтенія, Флавіанъ, епископъ Филиппійскій, отъ лица всѣхъ отцевъ собора выразился: „все, сказанное Несторіемъ, отвратительно и богохульно; слухъ нашъ не можетъ болѣе выносить сихъ мерзостей". Вслѣдствіе сего отцы собора составили такой приговоръ о низложеніи Несторія: „такъ какъ нечестивѣйшій Несторій сверхъ прочаго не захотѣлъ повиноваться нашему приглашенію и не принялъ посланныхъ отъ насъ святѣйшихъ и благочестивѣйшихъ епископовъ, то мы вынужденными нашлись изслѣдовать нечестивое его ученіе. Открывши же частію изъ его писемъ, частію изъ другихъ сочиненій, частію изъ бесѣдъ, которыя онъ недавно имѣлъ въ сей митрополіи (Ефесѣ) и которыя подтверждены свидѣтелями, что онъ и мыслитъ и проповѣдуетъ нечестиво, мы вынуждены были на основаніи каноновъ и посланія святѣйшаго отца и сослужителя нашего Целестина, епископа Римскаго, произнести противъ него хотя не безъ горькихъ слезъ слѣдующее опредѣленіе: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на Котораго онъ изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ: лишить его епископскаго сана и отлучить отъ общенія церковнаго". Приговоръ противъ Несторія подписали болѣе 200 епископовъ. Это число подписей такъ значительно возросло по сравненію съ числомъ епископовъ, собравшихся ко времени открытія собора (159), потому, что многіе изъ присутствовавшихъ имѣли полномочіе подписываться за другихъ.

На другой день по низложеніи Несторія ему объявленъ приговоръ собора въ такой формѣ: „Святый соборъ, собранный благодатію Божіею, по повелѣнію благочестивѣйшихъ и христолюбивѣйшихъ нашихъ императоровъ въ митрополіи Ефесѣ, Несторію, новому Іудѣ. Знай, что ты, за нечестивыя твои проповѣди и противленіе канонамъ, въ 22 день

текущаго мѣсяца іюня, на основаніи церковныхъ правилъ, низложенъ святымъ соборомъ и лишенъ церковной степени".

Въ тотъ же день, какъ состоялось соборное опредѣленіе о низложеніи Несторія, соборъ отъ лица своего отправилъ увѣдомленіе объ этомъ въ Константинополь къ клирикамъ и экономамъ Константинопольской церкви. Предсѣдатель собора св. Кириллъ Александрійскій отъ лица своего отправилъ въ Константинополь особое посланіе къ епископамъ—Комарію и Потамону, архимандриту монастырей Далматію и нѣкоторымъ пресвитерамъ. Это посланіе св. Кирилла къ епископамъ, оставшимся въ Константинополѣ, архимандриту Далматію и прочимъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя черты, важныя отчасти для уразумѣнія исторіи самого собора, отчасти для уразумѣнія отношенія къ этому дѣлу со стороны Несторія, а потому мы находимъ не излишнимъ остановиться на немъ съ большимъ вниманіемъ. Въ началѣ посланія св. Кирилла изъясняется о тѣхъ желаніяхъ и ожиданіяхъ, съ какими приступали члены собора къ изслѣдованію занимавшаго ихъ дѣла. Въ простотѣ своего сердца члены собора ожидали, что Несторій явится на соборъ и принесетъ раскаяніе во всѣхъ богохульствахъ, какія онъ изрыгалъ своими устами со времени своего посвященія, ожидали, что онъ будетъ просить прощеніе у собора. Ежели бы и на самомъ дѣлѣ случилось все такъ, какъ предполагали члены собора, т. е. если бы Несторій и въ самомъ дѣлѣ пришелъ на соборъ и просилъ прощенія, члены собора и на тотъ случай предвидѣли затрудненія, какъ тогда поступить съ Несторіемъ: можно ли будетъ его простить, ибо вина его была весьма велика: „этотъ человѣкъ, своими проповѣдями возмутившій всю вселенную и поколебавшій благочестно содержимую въ церквахъ вѣру, не заслуживалъ прощенія". Но каково же было удивленіе отцевъ собора, когда они увидѣли на дѣлѣ, что Несторій не только не раскаивается и не проситъ прощенія въ своихъ хулахъ, но и по прибытіи въ Ефесъ продолжаетъ употреблять тѣ-же богохульныя выраженія о Христѣ, какія употреблялъ и прежде, и тѣмъ ясно показываетъ, что онъ нисколько не намѣренъ отступать отъ своего превратнаго

мнѣнія. „Когда нѣкоторые почтенные митрополиты и благочестивѣйшіе епископы вступили съ нимъ въ преніе,—пишетъ между прочимъ св. Кириллъ,—и доказывали ему изъ богодухновеннаго писанія, что Родившійся по плоти отъ Святыя Дѣвы есть Богъ, то онъ произнесъ слѣдующія нечестивыя слова: я не признаю двухмѣсячнаго и трехмѣсячнаго Бога". „Къ сему присовокупилъ онъ,—замѣчаетъ Кириллъ,—и другое немалое, совершенно ниспровергая воплощеніе Единороднаго". Что же еще оставалось отцамъ собора дѣлать, какъ не спѣшить отрѣшеніемъ и отсѣченіемъ этого нечестиваго богохульца? Откладывать дѣло долѣе не было ни нужды, ни возможности. За симъ св. Кириллъ сообщаетъ Константинопольскимъ епископамъ свѣдѣніе о томъ, какъ отцы собора начали дѣло, какъ приглашали Несторія, что отвѣчалъ на все это Несторій. Въ этомъ-то изложеніи соборныхъ занятій у св. Кирилла сообщается одно особенно замѣчательное свидѣтельство о Несторіѣ: „Нѣкоторые почтенные, благочестивѣйшіе епископы,— пишетъ между прочимъ св. Кириллъ,—засвидѣтельствовали, что онъ, въ самомъ этомъ городѣ Ефесѣ, разсуждая съ ними, явно отвергалъ божество Іисуса". Не здѣсь ли таилась главная пружина столь сильныхъ, энергическихъ объясненій и дѣйствій съ той и другой сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ: если бы Несторій въ душѣ своей носилъ глубокое убѣжденіе въ божественномъ достоинствѣ лица Іисусъ-Христова, то ему не было нужды съ такимъ ожесточеніемъ противиться принятымъ въ церкви выраженіямъ этого божественнаго достоинства Іисусъ-Христова, и если бы съ другой стороны св. Кириллъ не подозрѣвалъ, что подъ обоюдными выраженіями Несторія въ сущности скрывается эта бездна злохуленія, то по всей вѣроятности не сталъ бы поднимать такой горячей борьбы.

Въ дальнѣйшихъ строкахъ своего посланія св. Кириллъ сообщаетъ Константинопольскимъ духовнымъ властямъ свѣдѣніе о рѣшеніи, какое состоялось на соборѣ относительно Несторія. И здѣсь есть одно замѣчаніе, важное для уразумѣнія дальнѣйшаго хода дѣлъ. Св. Кириллъ узналъ отъ кого-то, что посланный въ Ефесъ отъ лица императорскаго Кан-

дидіанъ уже отправилъ доносъ къ императору; св. Кириллъ имѣетъ основаніе подозрѣвать, что донесеніе Кандидіаново будетъ враждебно для отцевъ собора; поэтому онъ, св. Кириллъ, внушаетъ духовнымъ властямъ, чтобы они были бдительны. „Дѣйствительныя, истинныя дѣянія собора о низложеніи Несторія, — пишетъ Кириллъ, — еще не переписаны; поэтому мы не могли еще послать должнаго донесенія къ государямъ, но, Богъ дастъ, оно отправлено будетъ вмѣстѣ съ дѣяніями, если только удастся намъ найти человѣка, который бы могъ ихъ доставить. Если же мы замедлимъ доставленіемъ ихъ, знайте, что намъ воспрепятствовали послать".

На этотъ разъ опасенія Кирилла пока были напрасны: донесеніе къ императору отъ лица собора было составлено, послано и дошло ко двору благополучно; только дѣйствія это донесеніе не имѣло на сей разъ никакого. Отцы собора, изложивъ весь ходъ своихъ занятій, между прочимъ просили было государей, чтобы повелѣли истребить въ церквахъ все ученіе Несторіево и книги его, какія гдѣ найдутся, предать огню и всѣмъ, кто осмѣлился бы послѣдовать его ученію, пригрозить гнѣвомъ императорскаго величія. Но еще не успѣли императоры сдѣлать никакого распоряженія по поводу этого донесенія, какъ къ нимъ изъ Ефеса же поступаетъ донесеніе отъ другой стороны—Несторіевой. Эта сторона и оправдывала себя, и обвиняла членовъ Кириллова собора въ отступленіи отъ смысла императорскаго указа, и приносила жалобы на разныя притѣсненія, какія будто бы причиняемы были православными несторіанамъ. Оправдывая свою неявку, по приглашенію собора, на соборъ, Несторій и его сторонники объясняли императорамъ, что, слѣдуя смыслу указа, они хотѣли дождаться сбора всѣхъ епископовъ и особенно прибытія Іоанна Антіохійскаго, епископовъ Италіи и Сициліи, чтобы такимъ образомъ устроить общее и полное засѣданіе и общимъ голосомъ утвердить вѣру св. отцевъ Никейскихъ. Узнавъ, что на такое разсужденіе Несторія Египетскіе епископы негодуютъ, Несторій почелъ долгомъ своимъ справиться о томъ, какихъ мыслей касательно сего предмета держится посланный отъ императора Кандидіанъ. Но его

свѣтлость (т. е. Кандидіанъ) убѣждалъ всѣхъ, чтобы согласно предписанію величества дожидались прибытія всѣхъ, кои были еще на пути. „Такимъ образомъ мы,—пишетъ Несторій и его братія, — не желая нарушить предписаніе вашего благочестія, остались въ покоѣ".

„Египтяне и азійцы, — выражается Несторій о епископахъ, составлявшихъ соборъ съ Кирилломъ,— упуская изъ виду миротворную и законную цѣль вашего благочестія и какъ бы желая разсѣчь тѣло церкви, одни сами по себѣ составили собраніе: дѣло противное и обычаю церкви, и указу вашего благочестія, недавно изданному". Но злоупотребленія, какія дозволили себѣ Кириллъ и его сторонники, по донесенію Несторія, этимъ не ограничивались. Несторій обвиняетъ ихъ даже въ злоупотребленіяхъ воинскою силою и въ попыткѣ произвести возмущеніе въ народѣ. „Разставивъ своихъ воиновъ на площади,—пишетъ Несторій о своихъ противникахъ, — они возмутили весь городъ, сторожили наши дома, своими нападеніями тревожили наши общія собранія и грозили чѣмъ-то необычайнымъ. Главнымъ виновникомъ этихъ смутъ былъ епископъ Мемнонъ: онъ заперъ для насъ св. церкви, св. мѣста мучениковъ и базилику св. апостола Іоанна, чтобы мы, въ случаѣ гоненія, не могли найти себѣ въ нихъ убѣжища; имъ же, т. е. сочленамъ Кирилла, напротивъ, открылъ великую церковь и открылъ тамъ мѣста для засѣданій, угрожая въ то-же время всѣмъ намъ смертію. Итакъ мы, пришедшіе въ Ефесъ по предписанію вашего христолюбиваго величества,— заключалъ Несторій свое посланіе, — просимъ, умоляемъ, заклинаемъ ваше благочестіе, чтобы вы или приказали охранять насъ отъ всякой обиды и составить законный соборъ, не допуская въ него никого изъ клириковъ и монаховъ и ни одного епископа изъ тѣхъ, кои пришли не званные для возмущенія собора, но чтобы изъ каждой области избраны были двое знакомыхъ съ дѣлами мужей и вмѣстѣ съ своими митрополитами допущены были на соборъ, или по крайней мѣрѣ дозволили намъ безопасно возвратиться домой, ибо они угрожаютъ лишить насъ даже жизни". Подписались Несторій и съ нимъ десять епископовъ.

Что въ этомъ донесеніи на половину наговорено напраслины, это само собою ясно, какъ Божій свѣтъ. Употреблять воинскую силу, когда въ Ефесѣ былъ сіятельный придворный сановникъ, и когда этотъ сановникъ несомнѣнно держалъ сторону Несторія, Мемнонъ не могъ и осмѣлиться, и если бы осмѣлился, то не могъ бы привести своего желанія въ осуществленіе. Или опять: чтобы члены собора взяли на себя смѣлость угрожать Несторію смертію, это опять нелѣпость, едва вообразимая. Что же касается до того обвиненія, что Мемнонъ, митрополитъ Ефесскій, заперъ для еретиковъ церкви и св. мѣста мучениковъ, то, какъ начальственный епископъ всѣхъ этихъ святынь, Мемнонъ вполнѣ могъ и даже долженъ былъ не допускать до сей святыни псовъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, какъ наконецъ прибылъ въ Ефесъ съ своими восточными епископами Антіохійскій епископъ Іоаннъ.

Еще до прибытія своего въ Ефесъ Іоаннъ уже предувѣдомленъ былъ графомъ Иринеемъ, котораго послалъ къ нему Несторій, предувѣдомленъ о томъ, что сдѣлалъ св. Кириллъ, или точнѣе — что сдѣлали отцы собора подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла относительно Несторія. Епископы православные старались было склонить Іоанна на сторону свою и для сего прямо по прибытіи его послали къ нему депутатовъ, но Іоаннъ этой депутаціи не принялъ. На другой же день по своемъ прибытіи Іоаннъ открылъ свой соборъ, составивъ его отчасти изъ своихъ спутниковъ, отчасти изъ епископовъ, уже прежде бывшихъ въ Ефесѣ и составлявшихъ сторону Несторія; сюда пристали и нѣкоторые изъ епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Кирилла, но послѣ перешедшихъ на сторону несторіанскую: всѣхъ епископовъ было съ нимъ 43. Между подписями сочленовъ собора Іоанна Антіохійскаго читаемъ имя и знаменитаго Ѳеодорита, епископа Кирскаго. Сюда явился съ своими слугами и чиновникъ императорскій Кандидіанъ. Онъ принесъ сочленамъ собора Іоаннова жалобу на членовъ собора Кириллова, что онъ, Кандидіанъ, уговаривалъ тѣхъ епископовъ дожидаться прибытія епископа Антіо-

хійскаго, но что тѣ епископы не только не послушались его, а даже выгнали будто бы его изъ своего собранія на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ права участвовать въ ихъ постановленіяхъ. Затѣмъ Кандидіанъ объяснилъ сообщникамъ Іоанна въ видѣ жалобы все, что сдѣлано было соборомъ Кирилловымъ противъ Несторія. Іоаннъ и сочлены его нашли все это совершенно противозаконнымъ и съ своей стороны приступили къ суду надъ Кирилломъ и его соборомъ. Между обвиненіями на Кирилла и Мемнона значилось: „они заперли отъ сторонниковъ Несторія святыя церкви, св. мѣста мучениковъ, св. гробницу апостола, не дозволивъ даже епископамъ совершать праздникъ св. Пятидесятницы; Мемнонъ, собравъ множество поселянъ, привелъ городъ въ смятеніе, посылалъ своихъ клириковъ въ домы епископовъ — сторонниковъ Несторія и угрожалъ имъ самыми худыми послѣдствіями, если они не присоединятся къ безпорядочному ихъ собранію; по внушенію злой своей совѣсти, они все возмутили и привели въ смятеніе, внесли смуты въ церковныя дѣла, презрѣли благочестивую грамоту и нарушили церковныя постановленія съ тою цѣлію, чтобы не было подвержено изслѣдованію ихъ еретическое злоученіе, которое находится въ ихъ главахъ, недавно отосланныхъ Кирилломъ въ царственный городъ, въ каковыхъ главахъ весьма многое сходно съ нечестіемъ Арія. Аполлинарія и Евномія“.

За всѣ таковыя главы Іоаннъ и сочлены его нашли справедливымъ Кирилла и Мемнона, какъ зараженныхъ неизлѣчимою болѣзнію, низложить, а прочихъ, вовлеченныхъ въ ихъ заблужденіе, отлучить отъ общенія, пока они, сознавъ свой проступокъ, не произнесутъ анаѳемы на еретическія главы Кирилла.

О соборѣ своемъ и объ опредѣленіяхъ его Іоаннъ и сочлены его отправили съ своей стороны донесеніе къ императору, императрицамъ, клиру, народу и сенату Константинопольскому. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ Іоаннъ усиленно старается обвинить Кирилла и выставить правоту свою. Въ частности въ посланіи къ императору испрашиваютъ, чтобы осужденіе на Кирилла и Мемнона было утверждено импера-

торскою властію. Въ удивленіе приводитъ и невольно возбуждаетъ противъ себя негодованіе эта до крайности поспѣшная и безхарактерная выходка епископа Антіохійскаго.

Того кроткаго, миролюбиваго и благосовѣстливаго Іоанна, какого мы видѣли въ приведенномъ выше посланіи его къ Несторію, теперь, въ опредѣленіи собора, составленномъ имъ противъ собора Кириллова, вовсе и узнать нельзя. „Вы,— гласитъ опредѣленіе къ сочленамъ собора Кириллова, — побуждаемые дерзостію, безчиніемъ и еретическимъ образомъ мыслей, собрались отдѣльно и произвели всякаго рода замѣшательства въ городѣ и святомъ соборѣ, съ тою цѣлію, чтобы не подвергались изслѣдованію главы, согласныя съ зловѣріемъ и нечестіемъ Аполлинарія, Арія и Евномія". Перечисливши еще нѣкоторыя вины сочленовъ собора Кириллова, опредѣленіе Іоаннова собора постановляетъ: „ты, Кириллъ Александрійскій, и ты, Мемнонъ, епископъ сего города, знайте, что вы низложены, лишены епископства и отлучены отъ всякаго церковнаго священнодѣйствія, какъ зачинщики и вожди безпорядка и беззаконія, виновники нарушенія отеческихъ правилъ и императорскихъ предписаній". Прочіе сочлены собора Кириллова подвергались также отлученію отъ церкви, доколѣ не предадутъ проклятію еретическія главы, изданныя Кирилломъ Александрійскимъ (разумѣются его анаѳематизмы), противныя евангельскому и апостольскому ученію. Такую неожиданную перемѣну въ отношеніяхъ Іоанна Антіохійскаго къ дѣлу св. Кирилла и Несторія мы ничѣмъ инымъ не можемъ изъяснить, какъ только тѣмъ, что Іоаннъ съ перваго же разу сталъ подъ сильнымъ вліяніемъ съ одной стороны Кандидіана, съ другой — епископовъ, сторонниковъ Несторія.

Что касается до убѣжденій, то объ убѣжденіяхъ въ настоящій разъ и рѣчи быть не можетъ, потому что дальнѣйшая исторія показываетъ, что убѣжденія Іоанновы сходились съ ученіемъ св. Кирилла. Узнавъ, что Іоаннъ Антіохійскій заявилъ такія неожиданныя отношенія къ спорному дѣлу, св. Кириллъ почелъ нужнымъ обратить на это обстоятельство особенное вниманіе своихъ сочленовъ.

Кириллъ и Мемнонъ снова приглашаютъ собратій своихъ — епископовъ на соборъ.

Къ этому времени прибыли на соборъ замедлившіе въ пути папскіе легаты. Когда легатамъ сообщено было о томъ, что сдѣлано было на соборѣ, бывшемъ прежде подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, они во всемъ согласились съ опредѣленіями собора и остались на сторонѣ православныхъ— на сторонѣ святаго Кирилла. Кириллъ и Мемнонъ снова приглашаютъ собратій своихъ — епископовъ на соборъ и сами являются въ качествѣ обвинителей на Іоанна передъ соборомъ прочихъ епископовъ; они представляютъ отъ двоихъ себя жалобу на Іоанна, что онъ поступилъ въ отношеніи къ нимъ неправильно, и требуютъ соборнаго рѣшенія о поступкѣ Іоанновомъ. Смыслъ жалобы Кирилла и Мемнона былъ таковъ, что, каковы бы ни были дѣйствія св. Кирилла и Мемнона, руководившихъ общимъ дѣломъ, во всякомъ случаѣ Іоаннъ долженъ былъ заранѣе объявить о своемъ соборѣ и пригласить на соборъ обвиненныхъ имъ епископовъ. Но онъ составилъ свой соборъ и на немъ опредѣлилъ такъ, что другая сторона ничего объ этомъ не знала: это было противъ всякихъ правилъ церкви. Сочлены Кирилла рѣшили пригласить Іоанна и сообщниковъ его къ отвѣту: пусть дадутъ они отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ соборомъ. Кириллъ и Мемнонъ брались доказать, что Іоаннъ и его епископы поступили беззаконно и нечестиво.

Но здѣсь началась опять та-же исторія, что и при сношеніяхъ съ Несторіемъ. Тѣ-же посольства, тѣ-же насмѣшки отъ воиновъ, ограждавшихъ Іоанна, и отъ прислуги его, и такой же отказъ со стороны Іоанна: „я не хочу отвѣчать,— говорилъ Іоаннъ къ епископамъ, приглашавшимъ его на соборъ,— передъ людьми, низложенными и отлученными“. Это уклоненіе Іоанна отъ объясненія соборнаго не безъ основаній было признано епископами собора Кириллова за доказательство безсилія противниковъ поддержать и доказать справедливость обвиненій, взводимыхъ ими на Кирилла. „Если они,—какъ справедливо разсуждалъ Кириллъ,—хотѣли доказать, что мы защищаемъ ересь Аполлинаріеву, то лучше бы

они пришли сюда и обличили насъ, а не безчинствовали; мы никогда не одобряли мнѣній ни Аполлинарія, ни Арія, ни Евномія; напротивъ, мы всѣхъ сихъ еретиковъ предаемъ проклятію, а съ ними и Несторія, новаго богохульника".

Обращались къ Іоанну и съ третьимъ приглашеніемъ придти на соборъ и доказать справедливость его обвиненій на Кирилла; Іоаннъ опять отказалъ, и потому соборъ Кирилловъ рѣшилъ взаимно отсѣчь Іоанна и его союзниковъ отъ сообщества церковнаго и сообщить обо всемъ этомъ императорамъ. Такимъ образомъ въ Ефесѣ составились двѣ стороны, изъ коихъ каждая поражала другую проклятіями. И та и другая партіи старались склонить на свою сторону народъ, сановниковъ, клириковъ и монаховъ Константинопольскихъ и отправляли въ столицу одно за другимъ посланія съ цѣлію противниковъ своихъ обличить въ неправотѣ, а себя представить правыми.

И надобно отдать полнѣйшую справедливость сочленамъ собора св. Кирилла, что они въ своихъ сообщеніяхъ и объясненіяхъ обнаруживаютъ гораздо больше сдержанности и безъ всякаго сравненія превосходятъ противную сторону въ правдивости. Правда была на сторонѣ св. Кирилла и его собора; это сознаніе своей правоты сообщало сторонникамъ и друзьямъ св. Кирилла крѣпость и терпѣливость въ различныхъ злоключеніяхъ, кои отселѣ начинаютъ на долго преслѣдовать ихъ. На сторонѣ противной была сила, не согрѣшая можно сказать, темная. Могло быть, что эта тьма искушеній и бѣдъ разогнана была бы скорѣе свѣтомъ истины, если бы разлитію этого спасительнаго свѣта истины не препятствовали различные сіятельные комиты и графы, которые, какъ помянутые нами выше Кандидіанъ и Ириней, по дружбѣ къ Несторію возгорѣли желаніемъ вмѣшаться въ дѣло догматическое и предложить свои услуги при дворѣ, такъ не глубоко понимавшемъ тонкости истинно-богословскаго православнаго вѣроученія...

29 или 30 іюня пришелъ отъ императоровъ отвѣтъ на донесеніе Кандидіана, Несторія и св. Кирилла.

Отвѣтъ былъ замѣтно неблагопріятенъ для св. Кирилла

и защищаемаго имъ дѣла. Императоръ въ строгихъ выраженіяхъ высказывалъ свое негодованіе на епископовъ, пріѣхавшихъ на соборъ, за то, что они увлеклись взаимнымъ раздраженіемъ и вели дѣло по страсти; ихъ дѣло было заниматься разъясненіемъ и изложеніемъ истинъ вѣры, а не составленіемъ приговоровъ и отлученій. Все, что сдѣлано было тою и другою сторонами, до сихъ поръ должно быть оставлено безъ значенія; епископы должны заняться снова разсмотрѣніемъ дѣла сообща и въ согласіи: для этого именно онъ, императоръ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы никто изъ членовъ собора не оставлялъ Ефеса, доколѣ не сдѣлано будетъ все нужное. Императоръ не теряетъ еще надежды устроить дѣло мирнымъ соглашеніемъ епископовъ. Предлагая членамъ собора дѣло на новое разсмотрѣніе, императоръ въ заключеніе писалъ: „да будетъ вамъ извѣстно, что наше величество заботится не о людяхъ или о святѣйшемъ и благочестивѣйшемъ Несторіѣ, но о самой истинѣ и ея догматахъ“.

Получивъ такое предписаніе отъ императоровъ, Іоаннъ Антіохійскій отъ лица своего и отъ лица сочленовъ своихъ почелъ нужнымъ представить императорамъ нѣкоторыя объясненія, отчасти въ видахъ самооправданія, отчасти въ видахъ благоустроенія желаемаго императоромъ всеобщаго соглашенія. „Прочитавъ съ безчисленными похвалами императорскія повелѣнія и назвавъ вселенную блаженною потому, что она находится подъ такимъ скипетромъ и управляется такою властію“, Іоаннъ Антіохійскій находитъ нужнымъ объяснить государямъ, что онъ не напрасно подвергъ отлученію св. Кирилла и братію его. Св. Кириллъ и братія его, по объясненію Іоанна, отъ самаго начала попирали императорскія повелѣнія; они захотѣли возобновить и утвердить ученіе Арія, Евномія и Аполлинарія; не обращая вниманія на императорскія повелѣнія, осмѣлились безразсудно произнести несправедливое осужденіе противъ престола царствующаго надъ градами—града Константинополя. Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій св. Кирилла, Іоаннъ и сочлены его собора усматривали, что истинное благочестіе подвергалось опасности и вотъ, чтобы спасти благочестивую вѣру, необходимымъ нашли произнести

на мнимыхъ разорителей ея осужденіе. Защитники православія, по полученіи приведеннаго выше указа императорскаго, съ своей стороны послали было объясненіе къ императору, въ которомъ изображали ему истинное положеніе дѣла. что, на какомъ основаніи и въ какомъ видѣ они сдѣлали относительно Несторія; но это донесеніе къ императору отъ православныхъ было задержано противниками православія.

Соучастники Несторія въ Константинополѣ какъ только узнали о низложеніи его, неизвѣстно въ какихъ видахъ захотѣли было утаить это низложеніе; для сего они сторожили на корабляхъ и на дорогахъ и не позволяли никому изъ членовъ святаго собора ни входить въ Константинополь, ни выходить изъ него; входили и выходили только тѣ, кто держалъ сторону врага Христова (Дѣян. вс. соб., т. I, стр. 857).

Безпокоимые такою зловредною предусмотрительностью несторіанъ, отцы истиннаго собора вручили отъ себя посланіе одному нищему, для передачи епископамъ и монахамъ въ Константинополѣ; нищій скрылъ это посланіе внутри посоха и успѣлъ передать по назначенію. Посланіе собора, гдѣ описывался весь порядокъ дѣла и затѣмъ изображено было стѣснительное положеніе отцевъ собора, привело въ негодованіе православныхъ епископовъ и монаховъ, бывшихъ въ Константинополѣ: всѣ монастыри возстали и вмѣстѣ съ архимандритами отправились къ императорскимъ палатамъ съ пѣніемъ антифоновъ. Между архимандритами особенно видное мѣсто и значеніе имѣлъ въ то время св. Далматій, 48 лѣтъ не выходившій изъ своего монастыря. Представъ предъ лице императора, Далматій безбоязненно началъ изображать предъ нимъ стѣсненное положеніе отцевъ православія и напротивъ вполнѣ благопріятное положеніе враговъ православія: „соучастники Несторія, — говорилъ между прочимъ св. Далматій императору,—во множествѣ приходятъ и уходятъ невозбранно, а православные епископы въ стѣсненіи“. Императоръ далъ обѣщаніе вызвать въ Константинополь довѣренныхъ отъ собора,

Распоряженіе о вызовѣ изъ Ефеса довѣренныхъ епископовъ въ Константинополь дѣйствительно послѣдовало въ

скорости, и епископы, отправленные отъ собора истинно православнаго, объяснили императору, что и какъ отцы сего собора сдѣлали относительно Несторія. Дѣло ихъ само по себѣ было право, безукоризненно; но этому дѣлу весьма много вредитъ посланный императоромъ чиновникъ Кандидіанъ. „Онъ,—пишутъ отцы собора въ донесеніи къ императору,— дорожа дружбой съ Несторіемъ больше, нежели благочестіемъ, старается произвести въ васъ предубѣжденіе, прежде нежели вы основательно узнаете, въ чемъ состоитъ дѣло“. Кандидіанъ во все время препятствовалъ православнымъ доводить до свѣдѣнія императорскаго объ ихъ дѣйствіяхъ на соборѣ; все стараніе свое этотъ чиновникъ употреблялъ въ пользу Несторія. Еще большее стѣсненіе отцы православія испытали отъ другаго друга Несторіева—графа Иринея. „Мы были во всемъ стѣснены, — свидѣтельствовали отцы православія, — и не могли подробно описать вашему величеству того, что мы потерпѣли отъ знатнѣйшаго комита Иринея; онъ возмутилъ весь св. соборъ, и нѣкоторыми безпорядками и нападеніями навелъ такой страхъ на епископовъ, что очень многіе изъ нихъ опасались даже за самую жизнь“.

Благодаря однако же содѣйствію истинныхъ друзей православія въ Константинополѣ, отчасти вниманію императора, этой депутаціи удалось было съ перваго же разу объяснить, кому слѣдуетъ, начиная отъ императора, истинное положеніе дѣлъ въ Ефесѣ. Это объясненіе должно было, конечно, склонить всѣхъ ревнующихъ объ истинной вѣрѣ на сторону св. Кирилла. Уже все было подготовлено къ окончательному рѣшенію дѣла въ пользу православія и св. Кирилла, какъ изъ Ефеса прибылъ въ Константинополь сильный сторонникъ и другъ Несторія и Іоанна — Ириней.

Сильный связями при дворѣ, онъ успѣлъ въ короткое время разстроить все сдѣланное депутаціею, посланною отъ св. Кирилла. Ириней, какъ самъ же и объясняетъ, успѣлъ собрать всѣхъ знатнѣйшихъ начальниковъ и чрезъ нихъ довести до слуха императоровъ обо всемъ, „что по жестокости сдѣлано было египтяниномъ“ (разумѣется св. Кириллъ Александрійскій). Ходатайствомъ Иринея сдѣлано то, что

императоръ назначилъ новое переизслѣдованіе дѣла, которое должно было происходить въ присутствіи самого императора и главныхъ сановниковъ. Какъ происходило это совѣщаніе, кто именно былъ защитникомъ св. Кирилла — неизвѣстно: извѣстно только, что защитники св. Кирилла были преодолѣны; тотчасъ же по совѣщаніи составлено и отлученіе „египтянина". Сущность обвиненія на св. Кирилла выражена была такъ: „Кириллъ и бывшіе съ нимъ все сдѣлали самовластно и противозаконно и потому подлежатъ за сдѣланное отлученіе отъ церкви и другимъ наказаніямъ".

Уже приготовлена была бумага для подписи императору, какъ на сторону защитниковъ св. Кирилла успѣлъ прибыть врачъ и синкеллъ (домашній секретарь) Кирилла Іоаннъ. Этотъ благочестивый и, какъ видно, смѣлый и рѣшительный человѣкъ успѣлъ снова возстановить поруганную правду. „Съ прибытіемъ Іоанна большая часть начальниковъ, — по выраженію Иринея,—какъ бы измѣнились, такъ что и слышать не хотѣли отъ него, Иринея, о томъ, о чемъ прежде передъ ними или даже ими самими было разсуждаемо".

Какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣлъ, врачу и синкеллу Кириллову Іоанну удалось только пріостановить, но отнюдь не вовсе разстроить нечестивое предначертаніе противниковъ св. Кирилла, слишкомъ сильныхъ, чтобы можно было легко и скоро поразить ихъ. Благовременнымъ прибытіемъ защитника св. Кирилла сдѣлано было только то, что отселѣ мнѣнія сановниковъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ спорнаго дѣла, раздѣлились: одни желали, чтобы оставалось въ силѣ все, что было доселѣ сдѣлано тою и другою сторонами, т. е. низверженіе и отлученіе какъ свят. Кирилла и Мемнона, такъ и съ противной стороны Несторія; другіе требовали, чтобы всѣ эти взаимныя отлученія были преданы забвенію, чтобы соборъ изъ нѣсколькихъ епископовъ занялся снова переизслѣдованіемъ дѣла и опредѣленіемъ ученія вѣры; иные требовали, чтобы наряжена была слѣдственная комиссія изъ Константинополя, для пересмотра всего дѣла на мѣстѣ.

Императоръ, какъ видно запутавшійся въ этихъ безконечныхъ доносахъ и обвиненіяхъ со стороны споривших

сторонъ, призналъ полезнымъ для умиротворенія споривших сторонъ низложить Несторія, св. Кирилла и Мемнона. Съ такимъ указомъ онъ и посылаетъ въ Ефесъ комита Іоанна, который, по приведеніи въ исполненіе воли царской, долженъ былъ сдѣлать то, что признаетъ полезнымъ относительно вѣры. Епископамъ же, находившимся въ Ефесѣ, предписывалось, чтобы они приложили особенное попеченіе къ тому, какъ бы разрѣшить всѣ недоумѣнія, уничтожить всѣ соблазны. чтобы имъ можно было возвратиться домой въ мирѣ и единодушіи. По прибытіи въ Ефесъ комитъ Іоаннъ нашелъ все, какъ и слѣдовало ожидать, въ величайшемъ смятеніи; къ нему явилась и та, и другая изъ споривших сторонъ съ доказательствами своей невинности и виновности противниковъ.

Для всесторонняго, основательнаго разсмотрѣнія дѣла, Іоаннъ назначилъ было собраться вмѣстѣ епископамъ той и другой сторонъ. Несторій и его сторонники пришли на мѣсто собранія чуть не до свѣту; но какъ только прибылъ св. Кириллъ и прочіе отцы православные, то тотчасъ же потребовали, чтобы Несторій съ мѣста совѣщаній былъ удаленъ, какъ низложенный; сторонники Несторія, напротивъ, потребовали, чтобы удаленъ былъ съ мѣста совѣщаній свят. Кириллъ; поднялся сильный и продолжительный шумъ. Не видя возможности устроить дѣло мирнымъ соглашеніемъ, комитъ нашелъ вынужденнымъ взять подъ стражу руководителей той и другой сторонъ: Несторія, св. Кирилла и Мемнона. Понятно, что такое распоряженіе должно было привести обѣ споривші стороны еще въ большее безпокойство.

Положеніе ихъ и отношенія ихъ къ указу императорскому всего яснѣе открываются въ ихъ перепискѣ съ Константинопольскимъ духовенствомъ и императорскимъ дворомъ въ это время. Отцы православнаго собора писали къ императору, что указъ его императорскаго величества, объявленный и приведенный въ исполненіе комитомъ Іоанномъ, произвелъ во всѣхъ нихъ глубокое смущеніе; изъ этого указа они, православные, заключаютъ, что въ „правдолюбивыя“ уши императора, неизвѣстно какимъ путемъ, прокрались ложь и обманъ. Въ указѣ императорскомъ представлено дѣло такъ,

будто низложеніе св. Кирилла и Мемнона есть дѣло рѣшенное всѣмъ святымъ соборомъ; между тѣмъ это сдѣлано не святымъ соборомъ, который составляетъ свои опредѣленія въ согласіи съ Римскимъ апостольскимъ престоломъ, въ согласіи со всѣмъ западомъ, въ согласіи съ Африкою и Иллирикомъ; низложеніе Кирилла и Мемнона есть дѣло только незначительнаго числа епископовъ, отступившихъ отъ истиннаго собора и не заслуживающихъ уваженія: что же касается до собора епископовъ правовѣрующихъ, то этотъ многочисленный сонмъ пастырей удивляется симъ двумъ епископамъ, ихъ ревности о православной вѣрѣ, считаетъ ихъ достойными величайшей награды какъ отъ людей, такъ и отъ Христа Господа; оный святый соборъ призналъ достойнымъ низложенія одного только Несторія — изобрѣтателя новой ереси. Не менѣе обидно для святаго собора, и опять ничѣмъ инымъ, какъ только обманомъ, не можетъ быть объяснено и то, что въ императорскомъ указѣ имена Іоанна Антіохійскаго и сторонниковъ его, равно какъ и имена нѣкоторыхъ пелагіанъ, осужденныхъ святымъ соборомъ, поставлены наравнѣ съ досточтимыми отцами собора святаго и что высочайшій указъ императорскій обращенъ ко всѣмъ епископамъ безъ различія правыхъ и неправыхъ. За симъ отцы православные описываютъ императору, что сдѣлалъ Іоаннъ Антіохійскій съ своими сторонниками въ отношеніи къ святому собору, какъ они отдѣлились отъ прочихъ отцевъ собора; по причинѣ таковыхъ-то дѣйствій сочленовъ Іоанна Антіохійскаго, отцы истиннаго собора находятъ невозможнымъ поддерживать съ ними общеніе, частію потому, что они не хотятъ подписывать низложеніе Несторія и сами съ нимъ во всемъ согласны, частію потому, что дерзостію своею по отношенію къ предсѣдателямъ истиннаго собора они сами обнаружили отпаденіе отъ каноновъ церковныхъ, частію, наконецъ, потому, что они рѣшились лгать предъ императоромъ и обманывать его. Затѣмъ соборъ умоляетъ императоровъ освободить св. Кирилла и Мемнона, позаботиться объ охраненіи вѣры, наслѣдованной отъ отцевъ, напечатлѣнной Духомъ Святымъ и на сердцѣ самихъ императоровъ, выраженной въ опредѣленіяхъ св. со-

бора противъ Несторія. Если императорамъ желательно во всей подробности узнать о непріятныхъ столкновеніяхъ отцевъ святаго собора съ сторонниками Іоанна Антіохійскаго, то они всего лучше бы сдѣлали, если бы позволили святому собору послать отъ себя довѣренныхъ въ Константинополь.

Одновременно съ этимъ донесеніемъ святаго собора къ императору, св. Кириллу удалось послать изъ-подъ стражи письмо къ клиру и народу Константинопольскому, гдѣ св. Кириллъ такъ же, какъ и соборъ, объясняетъ, что и комитъ Іоаннъ, и указъ императорскій представляютъ все дѣло неправильно: не правда, будто Кириллъ и Мемнонъ низложены святымъ соборомъ; поэтому-то св. Кириллъ находитъ нужнымъ предупредить духовныхъ Константинопольскихъ, особенно архимандритовъ, чтобы они, когда комитъ Іоаннъ возвратится въ Константинополь, воспрепятствовали ему передавать императору неправильныя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ. О себѣ св. Кириллъ пишетъ, что онъ содержится подъ строгою стражею: „воины и спятъ передъ его дверьми“; о прочихъ сочленахъ своего собора св. Кириллъ пишетъ, что всѣ они изнурены до чрезвычайности, многіе уже померли, многіе до того обѣдняли, что принуждены продавать свои вещи для того только, чтобы какъ-нибудь существовать.

Сами отцы Ефесскаго собора о своемъ положеніи писали слѣдующее: „Ефесъ для нихъ становится темницею, гдѣ они заключены вотъ уже три мѣсяца; послать о себѣ извѣстіе въ Константинополь они не могутъ ни водою, ни сушею и должны уже прибѣгать къ мѣрамъ, до крайности искусственнымъ — „переодѣванью“ и т. п. (объ одномъ изъ такихъ обстоятельствъ мы упоминали прежде). Причиною такихъ строгостей къ отцамъ собора служатъ, по ихъ соображеніямъ, ложные слухи, кои распространяются о нихъ со всѣхъ сторонъ и доходятъ до императора. Отцы собора Ефесскаго усердно просятъ духовныхъ Константинопольскихъ припасть къ стопамъ императора и все ему объяснить, именно: они должны объяснить императору, что св. соборъ вовсе не намѣренъ былъ низлагать св. Кирилла и Мемнона; напротивъ,

онъ питаетъ къ этимъ руководителямъ своимъ глубочайшее уваженіе, что святый соборъ не можетъ быть въ общеніи только съ еретическимъ сборищемъ Несторія и Іоанна Антіохійскаго. Отцы истиннаго собора увѣщеваютъ духовныхъ Константинопольскихъ, чтобы они именемъ всего св. собора просили императора освободить и возстановить св. Кирилла и Мемнона, освободить и прочихъ епископовъ собора изъ ихъ стѣснительнаго положенія и повелѣть имъ или расходиться по своимъ мѣстамъ, или, если окажутся того достойными, предстать предъ лицо императорское; иначе они всѣ перемрутъ или отъ болѣзней, или отъ печали. „Впрочемъ, — прибавляютъ отцы истиннаго собора,—если бы намъ и умереть пришлось, мы и тогда не согласимся отступить отъ того, что опредѣлили“.

Устроеніемъ Божіимъ, клиру Константинопольскому удалось представить императору и его знатнѣйшему синклиту „прошеніе и ходатайство“ въ пользу отцевъ истиннаго собора. Защитники св. собора умоляютъ императора возстановить св. Кирилла и Мемнона и утвердить опредѣленіе истиннаго собора Ефесскаго: соборъ этотъ былъ несравненно многочисленнѣе (около 200 епископовъ), чѣмъ собраніе (39 человѣкъ) противной стороны. Ежели св. Кириллъ, предводитель собора, противозаконно подвергается наказанію, то это относится и ко всему собору, который во всемъ съ нимъ согласенъ; въ лицѣ Кирилла и Мемнона подвергаются наказанію и всѣ епископы. Но боголюбезные императоры должны же позаботиться о томъ, чтобы церковь, которая и ихъ воспитала какъ мать, не была раздираема и чтобы не возобновлялись снова вѣка мученичества. Сторонники Несторія и Іоанна Антіохійскаго въ свою очередь употребляли всевозможныя усилія къ тому, чтобы склонить императоровъ на свою сторону. Они отправляютъ съ комитомъ Іоанномъ отъ себя объясненіе императору, гдѣ, восхваляя распоряженіе императора о низложеніи св. Кирилла, выражаются, между прочимъ, что эта мѣра есть единственное средство къ тому, чтобы успокоить весь міръ, приведенный въ смущеніе египтяниномъ (т. е. св. Кирилломъ).

Императоръ склонился на просьбу истинныхъ отцевъ православія и пожелалъ лично слышать депутатовъ съ той и другой сторонъ. Указъ императора о приглашеніи депутатовъ съ той и другой сторонъ въ Константинополь до насъ не сохранился, и мы знаемъ о немъ уже изъ послѣдующаго хода дѣлъ.

Комитъ Іоаннъ объявилъ эту волю государя той и другой сторонамъ, и споривше епископы отправляютъ отъ себя по 8 человѣкъ въ Константинополь. Тѣ и другіе изъ депутатовъ снабжены были отъ своихъ сторонниковъ, остававшихся въ Ефесѣ, инструкціями, сущность которыхъ состояла въ томъ, что православные не должны были входить въ соглашеніе съ несторіанами, доколѣ не будетъ подписано низложеніе Несторія, а несторіанская сторона не должна была входить въ соглашеніе съ православными, доколѣ не будутъ отвергнуты анаѳематизмы Кирилловы. Депутаты уже достигли Халкидона, какъ здѣсь получено было императорское распоряженіе, чтобы они остановились здѣсь для взаимныхъ совѣщаній и ожидали прибытія императорскаго. Императоръ прибылъ въ Халкидонъ и разсужденія начались. Православные прежде предъявили желаніе, чтобы освобождены были изъ-подъ стражи св. Кириллъ и Мемнонъ, чтобы Несторій былъ низложенъ и ученіе его было подвергнуто проклятію; партія противная заявила, что она не согласится вступить ни въ какія сношенія съ сторонниками св. Кирилла, съ этими (мнимыми) отступниками отъ православной вѣры, доколѣ они не отвергнутъ еретическія главы (анаѳематизмы Кирилловы).

Какъ скоро защитники православія улучили возможность изложить свое ученіе спокойно, безъ прежняго шума и препирательствъ съ противной стороны, то скоро же и оказалось, что имъ приписываютъ лжеученія измышленныя, что сами они вовсе не преподаютъ такого ученія, какое приписываютъ имъ. Іоаннъ Антіохійскій и сторонники его обвиняли напр. св. Кирилла въ аріанствѣ, евноміанствѣ и аполлинаріанствѣ; но это была такая несправедливость, больше которой едва ли можно вообразить. Отселѣ весьма

понятнымъ становится, почему нѣкоторые изъ депутатовъ, вначалѣ бывшіе на сторонѣ Несторія, стали переходить на сторону православныхъ и „подписали 12 главъ Кирилла Александрійскаго“.

Понятно также, какія послѣдствія должны были имѣть эти разсужденія комиссіи въ Халкидонѣ для рѣшенія участи главныхъ дѣятелей въ этихъ спорахъ. Еще комиссія не была распущена, какъ въ Ефесѣ получено было предписаніе всѣхъ трехъ первенствующихъ дѣятелей въ этой исторіи освободить, только св. Кириллъ и Мемнонъ были оставлены въ ихъ прежнихъ правахъ, а Несторію повелѣно было отправиться куда ему угодно, или, какъ выражается другой памятникъ, Несторій „увольнялся въ мѣсто своего прежняго пребыванія, т. е. въ Антіохію, откуда прибылъ на престолъ Константинопольскій“ (Дѣянія всел. собор., т. I, стр. 852).

Когда сторонники Несторія начинали было защищать свое дѣло и личность Несторія, то императоръ отвѣчалъ: „я знаю, что вы дѣлаете нехорошія собранія“, а ходатайствовавшимъ о Несторіѣ сказалъ, „чтобы ему, т. е. императору, даже и не напоминали объ этомъ человѣкѣ“.

Надобно сказать однако же, что низложеніе Несторія и заключеніе въ Антіохійскій монастырь сначала пока еще прикрыто было нѣкоторыми знаками почтенія къ Несторію изъ уваженія къ его прежнему положенію; но скоро правительство увидѣло, что мягкія мѣры въ отношеніи къ еретикамъ неудобно ведутъ къ желанной цѣли и потому нашло нужнымъ произнести надъ Несторіемъ приговоръ, несравненно болѣе строгій. По прошествіи нѣкотораго времени, депутація епископовъ, засѣдавшихъ въ Халкидонѣ, переведена была въ Константинополь, и епископамъ православнымъ повелѣно было избрать преемника Несторію. На каѳедру Константинопольскую былъ избранъ и рукоположенъ Максиміанъ.

Теперь Несторію повелѣно было отправиться въ ссылку въ Пе́тру (Дѣян. всел. соб., т. II, стр. 299).

Декретъ объ изгнаніи Несторія написанъ къ Исидору Преторіаниту префекту и консулу.

„Хотя извѣстно, что мы занимаемся дѣлами обществен-

ными, однако же къ не меньшей заботливости съ нашей стороны относится утвержденіе каѳолической вѣры; охраненіемъ вѣры мы надѣемся служить благу общественному.

Посему, когда Несторій, бывшій пастырь каѳолической церкви, а теперь измѣнникъ вѣрѣ, вдался въ такое страшное злочестіе, необходимо, чтобы онъ подвергся и суду нашей свѣтлости и получилъ наказаніе, достойное его поведенія, за то, что отверженіемъ законовъ досточтимой церкви сдѣлался виновникомъ ужасной ереси; и какъ онъ повредилъ вѣру тѣхъ, которыхъ склонилъ къ участію въ измѣнѣ, то и долженъ принять на себя вину чужой измѣны.

Посему ты, по своей власти и съ свойственнымъ тебѣ правомъ, да повелишь упомянутаго Несторія, за оказанное имъ нечестіе, подвергнуть всегдашнему изгнанію въ Пе́тру, а все его имѣніе передать Константинопольской церкви для умноженія сокровищъ того священнѣйшаго мѣста, таинства котораго онъ нарушилъ.

Ибо, такимъ образомъ, въ душахъ людей сохранится благоговѣніе къ святѣйшей вѣрѣ и, при утвержденіи благочестія, процвѣтетъ благоденствіе нашей имперіи".

Прочимъ епископамъ повелѣно возвратиться въ свои провинціи и города.

Св Кириллъ прибылъ въ Александрію 30 октября и городъ принялъ его, какъ выражается одинъ памятникъ, съ величайшимъ восторгомъ и честію (см. декретъ объ изгнаніи Несторія, Дѣян. всел. соб., т. II, стр. 298). Получивъ извѣстіе о позволеніи возвратиться въ Александрію, а можетъ быть и по возвращеніи своемъ въ Александрію, св. Кириллъ еще разъ писалъ къ императору Ѳеодосію обширное посланіе, гдѣ спокойно, тономъ много потерпѣвшаго, но всепрощающаго страдальца, изображаетъ истинный ходъ дѣлъ во все время Ефесскаго собора, и это посланіе, рисующее намъ въ величественномъ свѣтѣ св. Кирилла, производитъ особенно умиротворяющее впечатлѣніе изъ всѣхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Ефесскаго собора.

Такимъ благотворнымъ, утѣшительнымъ результатомъ разрѣшились эти бурныя пренія, возмутившія весь тогдаш-

ній христіанскій міръ. Благодаря участію благонамѣреннаго и благочестиваго императора, темная крамола лжеученія обезсилена и неизмѣннымъ защитникамъ православія воздано должное по справедливости.

Но внутренняго примиренія между спорившими сторонами и теперь еще не послѣдовало; противники православія, защитники Несторія, все еще крѣпко настаивали на своихъ прежнихъ требованіяхъ, и, не смѣя вредить безопасности защитниковъ православія внѣшнимъ образомъ (такъ какъ ихъ безопасность была обезпечена хранителями общаго спокойствія), изощряли противъ нихъ свое слово. Особенно крѣпко за Несторія стоялъ и особенно сильно нападалъ на святаго Кирилла Ѳеодоритъ; къ Ѳеодориту примкнули Александръ, епископъ Іерапольскій, Мелетій Мопсуетскій, Андрей Самосатскій; всѣ они и съ ними не мало другихъ сообщниковъ составляли партію противодѣйствія православнымъ, каковое противодѣйствіе продолжалось долгое время и по закрытіи Ефесскаго собора. Эти-то нападки, взаимныя недоразумѣнія и препирательства съ теченіемъ времени послужили причиною того, что среди членовъ, ревновавшихъ о православіи, возникла новая ересь монофизитовъ, послужившая поводомъ къ созванію новаго вселенскаго собора Халкидонскаго.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ исторіи Халкидонскаго собора намъ нужно закончить рѣчь о соборѣ Ефесскомъ. Полныхъ, несомнѣнныхъ свѣдѣній объ офиціальномъ, формальномъ закрытіи Ефесскаго собора до насъ не сохранилось. Знаменитый спеціалистъ по исторіи церковныхъ соборовъ Гефеле, по указаніямъ Котеллерія, приводитъ подъ именемъ Ѳеодосіева указъ о закрытіи собора (см. т. II. стр. 227). Но этотъ указъ стоитъ въ такомъ ощутительномъ разногласіи съ истиннымъ ходомъ дѣлъ, какъ этотъ ходъ представляется по несомнѣнно достовѣрнымъ памятникамъ, что читатель, обстоятельно знакомый съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ во время собора, не можетъ отрѣшиться отъ сомнѣній въ подлинности того указа. Мы знаемъ, напримѣръ, что по истинному ходу дѣлъ императоръ, когда увидѣлъ, что

въ Ефесѣ отцы собора не могутъ придти къ соглашенію между собою, то пригласилъ изъ нихъ депутаціи сначала въ Халкидонъ, потомъ въ Константинополь. Между тѣмъ, по тому указу, который приводится у Котеллерія, императоръ, не видя соглашенія между отцами собора въ Ефесѣ, больше не хочетъ предпринимать никакихъ мѣръ, остается съ сочувствіемъ къ сторонѣ еретической и съ гнѣвомъ приказываетъ всѣмъ расходиться по своимъ мѣстамъ. Не легко, говоримъ, признать подлиннымъ этотъ указъ послѣ того, какъ мы знаемъ, что императоръ окончилъ дѣло съ полнѣйшимъ успѣхомъ для православныхъ. Во всякомъ случаѣ, если и признать этотъ указъ подлиннымъ, онъ не можетъ быть считаемъ заключительнымъ въ отношеніи къ Ефесскому собору.

Въ одномъ изъ упомянутыхъ прежде посланій со стороны отцевъ православія къ императору Ѳеодосію мы замѣтили, что они, между прочимъ, просили императора и о томъ, чтобы онъ утвердилъ своимъ согласіемъ дѣянія и опредѣленія ихъ. Судя по тому, что окончательное рѣшеніе по главному дѣлу препиравшихся сторонъ послѣдовало въ пользу православныхъ, надобно полагать, что и всѣ прочія опредѣленія православнаго собора Ефесскаго заключены и закрѣплены были утвержденіемъ императорскимъ.

Но и послѣ того, какъ депутаціи, составленныя для окончательнаго разсмотрѣнія дѣла, были распущены, послѣ того, какъ Несторій съ престола патріаршаго былъ низложенъ и православные признаны были правыми, пренія между православными и защитниками несторіанства все еще не окончились. Нѣкоторые изъ сторонниковъ Несторія продолжали составлять собою партію противодѣйствія православнымъ; нѣкоторые (какъ Имерій, епископъ Никомидійскій) и скончались въ этомъ противленіи; нѣкоторые пришли наконецъ къ соглашенію съ православными, хотя послѣ продолжительныхъ и упорныхъ съ ними преній. Такъ, Іоаннъ Антіохійскій и братія его, послѣ долгихъ розысканій и преній, согласились наконецъ съ св. Кирилломъ Александрійскимъ и съ соборомъ Ефесскимъ принять о Пречистой и Преблагословенной Матери Божіей наименованіе — Богородица и на

друга своего Несторія согласились произнести проклятіе. Св. Кириллъ привѣтствовалъ эту рѣшимость своихъ прежнихъ противниковъ необыкновенно восторженнымъ посланіемъ: „Да возрадуются небеса“ и т. д. (подлинникъ въ Дѣян. вс. соб., т. II, въ концѣ).

Несторій, еще прежде сосланный въ ссылку, теперь вторично подвергнутый проклятію, долгое время переводимъ былъ въ ссылкѣ съ мѣста на мѣсто, попался въ плѣнъ номадамъ и окончилъ жизнь въ жалкой неизвѣстности.

Между другими мѣрами, потребными къ ослабленію и уничтоженію всего вреда, какой причиненъ былъ церкви развитіемъ лжеученія Несторіева, императоръ почелъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы несторіане назывались именемъ симоніанъ и чтобы сочиненія Несторія подвергнуты были конфискаціи и истребленію. „Благоговѣніе, которое должны мы имѣть къ священнѣйшей религіи, требуетъ, чтобы ведущіе себя нечестиво въ отношеніи къ божеству были подвергаемы достойнымъ наказаніямъ и запечатлѣваемы именемъ, соотвѣтствующимъ ихъ нечестію, такъ, чтобы, заклейменные позоромъ, понесли они вѣчное наказаніе, претерпѣвши въ жизни должное возмездіе и по смерти оставшись въ безчестіи за свои грѣховныя заблужденія. Такимъ образомъ, по осужденіи Несторія, какъ главы чудовищно-уродливаго ученія, остается наложить на его единомышленниковъ и сообщниковъ его нечестія должное, поносное названіе, для того, чтобы, въ отстраненіе злоупотребленія имени христіанъ, не украшались этимъ именемъ тѣ, которые, по нечестію, отвергли догматъ христіанскій. Вслѣдствіе этого узаконяемъ. чтобы общники непотребнаго Несторіева ученія повсюду назывались симоніанами, такъ какъ справедливо, чтобы тѣ, которые, отвратившись отъ Бога, подражаютъ нечестію Симона, получили въ свой удѣлъ его имя. Такимъ же образомъ, по закону блаженной памяти Константина, аріане называются порфиріанами, по сходству аріанскаго нечестія съ нечестіемъ Порфирія, который, усиливаясь подавить истинную религію силой слова, оставилъ послѣ себя книги — памятники его лжеученія, а не учености. Никто да не дерзаетъ имѣть у

себя, или читать, или переписывать нечестивыя книги не потребнаго и святотатственнаго Несторія противъ святой религіи православныхъ и противъ догматовъ святаго собора епископовъ въ Ефесѣ. Книги эти, собравши со всевозможнымъ тщаніемъ, должно публично предать сожженію. Когда такимъ образомъ подсѣчется въ корнѣ всякое нечестіе, то простой, легко обольщаемый, народъ не въ состояніи будетъ найти гдѣ-либо сѣмя заблужденія. Притомъ о послѣдователяхъ Несторія, преданныхъ погибели, должно въ спорахъ религіозныхъ упоминать не подъ другимъ какимъ-либо именемъ, какъ подъ именемъ симоніанъ. Также не должно ни тайно, ни явно давать имъ для ихъ собраній никакого зданія ни въ селеніяхъ, ни въ предмѣстіяхъ городскихъ, вообще нигдѣ, потому что мы постановляемъ, что они лишаются всякаго права на собранія. Да вѣдаетъ всякій, что преступникъ настоящаго закона, какъ послѣдователь Несторія, будетъ наказанъ лишеніемъ всего имѣнія. Какъ власть высокая и знаменитая, ты имѣешь распорядиться, чтобы этотъ нашъ законъ, по принятому обычаю обнародованія законовъ, сдѣлался извѣстнымъ жителямъ всѣхъ областей. А чтобы онъ былъ и доступенъ разумѣнію каждаго, мы изложили его на латинскомъ и греческомъ языкахъ“.

Четвертый вселенскій соборъ — Халкидонскій.

Четвертый вселенскій соборъ — Халкидонскій исторіею своею вяжется непосредственно съ исторіею третьяго вселенскаго собора — Ефесскаго.

Мы знаемъ, что главнымъ дѣятелемъ въ провозвѣщеніи и охраненіи православнаго ученія во время третьяго вселенскаго собора былъ св. Кириллъ, архіепископъ Александрійскій. Евтихій, архимандритъ Константинопольскій, главный виновникъ всѣхъ безпокойствъ, сопровождавшихъ новую продолжительную исторію, былъ душевнымъ почитателемъ св. Кирилла Александрійскаго. Св. Кириллъ, уважая Евтихія, прислалъ ему въ знакъ своего благоволенія экземпляръ дѣяній вселенскаго собора Ефесскаго (Binii concil., acta Chalc., п. 57; Дѣян. всел. соб., т. III, стр. 186). Но какъ и во многихъ другихъ случаяхъ бываетъ, что ревность, о чемъ-нибудь переходитъ въ увлеченіе, жаръ одушевленія приводитъ къ крайности, такъ случилось и здѣсь. Не осмысленная, не озаренная просвѣщеніемъ ревность о послѣдованіи свят. Кириллу, т. е. богословскимъ сужденіямъ и выраженіямъ, встрѣчающимся у св. Кирилла, неправильно понятымъ, перешла границы и слѣпое послѣдованіе непонятному высокому богословію св. Кирилла выродилось у Евтихія въ противоцерковное лжеученіе.

Для того, чтобы наглядно представить себѣ, изъ чего и какимъ способомъ возникло лжеученіе, послужившее по-

водомъ къ созванію вселенскаго собора Халкидонскаго, намъ нужно припомнить кое-что изъ предшествовавшей сему полемики св. Кирилла Александрійскаго съ Несторіемъ. Несторій училъ, что Слово Божіе не упостасно соединилось съ человѣчествомъ въ лицѣ Христа, а только восприняло въ себя человѣка Іисуса, такъ что, по его, Несторіеву, ученію, при богословствованіи о Христѣ нужно различать двѣ упостаси: упостась Бога Слова и упостасъ человѣка Іисуса, воспринятаго Богомъ Словомъ. Св. Кириллъ направлялъ свое ученіе противъ Несторія такъ, что такому раздѣленію упостасей не должно быть мѣста въ православномъ богословствованіи. Христосъ Іисусъ, — по ученію св. Кирилла, — не есть только человѣкъ, какъ отдѣльное лице отъ Слова Божія, а едино лице, замѣтьте — лице, а не естество, едино лице съ Словомъ Божіимъ; Слово Божіе не было отдѣльно отъ лица Іисуса, а соединилось съ естествомъ человѣческимъ и въ семъ соединеніи явилось едино лице Богочеловѣка. Ежели у свят. Кирилла встрѣчается выраженіе — едино естество Слова воплотившагося, такъ это потому, что свят. Кириллъ употреблялъ слово — естество въ значеніи упостаси. На это есть свидѣтельство императора Юстиніана въ его посланіи къ пятому вселенскому собору (т. V, стр. 515). „Мы не говоримъ,—писалъ въ одномъ мѣстѣ св. Кириллъ,—что божеское естество — самъ Богъ рожденъ былъ отъ Дѣвы, прежде чѣмъ облекъ Себя человѣческимъ естествомъ; но, не отдѣляя взаимно одно отъ другаго Слово, Которое по естеству отъ Бога, и человѣческое естество, которое воспринято отъ Св. Дѣвы, исповѣдуемъ единаго Господа и Христа Іисуса. Слово Божіе содѣлывается сѣменемъ Авраама, созидая Себѣ тѣло отъ Жены, содѣлывается причастнымъ плоти и крови, такъ что Оно есть не Богъ только, но, по причинѣ соединенія естествъ, исповѣдуется и какъ человѣкъ, намъ подобный. Изъ двухъ естествъ — божества и человѣчества единъ Еммануилъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, единъ истинный Сынъ Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, не человѣкъ обоготворенный, подобный тѣмъ, кои благодатно содѣлываются причастниками божественнаго естества, но истинный Богъ, Который ради нашего

спасенія явился въ человѣческомъ образѣ, какъ и Павелъ свидѣтельствуетъ сими словами: егда пріиде кончина лѣта и т. д.". Св. Кириллъ въ своемъ богословствованіи не сливалъ во едино естествъ; онъ раздѣльно исповѣдывалъ во Христѣ и естество божеское и человѣческое. „Умерши Самъ, Онъ всѣхъ насъ освободилъ отъ узъ смерти; все это потому, что Онъ есть Слово Бога Отца, Богъ по естеству и потому, что тѣло, которое Онъ принесъ въ воню благоуханія Богу Отцу, есть Его собственное тѣло. Мы не говоримъ ни того, что естество Слова, *измѣнившись, стало плотію*, ни того, что Оно *приложилось въ цѣлаго человѣка*, состоящаго изъ души и тѣла; но говоримъ, что Слово, соединивъ съ Собою въ единствѣ лица тѣло, одушевленное разумною душею, неизреченно и непостижимо для нашего ума стало человѣкомъ; естества, истинно соединенныя между собою, хотя различны, но въ соединеніи обоихъ сихъ естествъ есть одинъ Христосъ и Сынъ. Это мы представляемъ не такъ, что въ семъ соединеніи уничтожилось различіе естествъ, но божество и человѣчество, при неизреченномъ и неизъяснимомъ соединеніи, пребыли совершенными, являя намъ единаго Господа Іисуса Христа и Сына". Еще такъ же ясно въ другомъ мѣстѣ. „Мы не говоримъ ни того, будто плоть превратилась въ естество божеское, ни того, будто неизреченное естество Бога Слова измѣнилось въ естество плоти, ибо Оно не подлежитъ измѣненію и превращенію. Ставъ же видимо и бывъ еще младенцемъ въ пеленахъ, Оно, какъ Богъ, и въ нѣдрахъ родившей Дѣвы наполняло всю тварь и возсѣдало съ Родившимъ Его". Такъ ясны, такъ рѣшительны выраженія св. Кирилла о способѣ соединенія естествъ божескаго и человѣческаго въ лицѣ Іисуса Христа.

Но высота богословскихъ разсужденій и выраженій св. Кирилла не всегда точно была усвояема его учениками и послѣдователями. Нѣкоторыя изъ выраженій св. Кирилла, бывъ усвоены безъ отчетливаго сопоставленія съ другими его же выраженіями, послужили несчастнымъ основаніемъ, на которомъ построилась новая система лжеученія монофизитскаго, т. е. такого лжеученія, которое утверждало, что во

Христѣ Іисусѣ было не два естества, а одно. Когда послѣ многихъ предварительныхъ околичностей дѣло дошло до рѣшительныхъ объясненій съ Евтихіемъ на соборѣ, то онъ кратко и ясно выразилъ свое ученіе такъ: „Послѣ воплощенія Бога Слова, я поклоняюсь одному естеству, естеству Бога, воплотившагося и вочеловѣчившагося; исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество“ (Дѣян. III, 251, 287); вотъ самое точное, историческое выраженіе того, что такое монофизитство. Однако, это изреченіе Евтихія было выражено на соборѣ уже форменно собравшемся, при обстановкѣ, вполнѣ публично торжественной. А какъ и съ чего дѣло началось, какова была процедура, сему предшествующая, этотъ предметъ стоитъ вниманія, и потому мы займемся имъ обстоятельно.

На одномъ изъ столь часто бывавшихъ въ древнее время соборовъ епископскихъ Евсевій, еписк. Фригійскаго города Дорилеи, усмотрѣлъ себя вынужденнымъ довести до свѣдѣнія собора епископовъ, собравшихся на тотъ разъ въ Константинополѣ, что Евтихій, архимандритъ знаменитѣйшаго въ Константинополѣ монастыря, давно уже началъ заблуждаться и мыслитъ объ Искупителѣ и таинствѣ искупленія совсѣмъ иначе, нежели какъ предано отъ апостоловъ и отцевъ Никейскихъ.

Въ запискѣ, поданной Флавіану, архіепископу Константинопольскому, и собору епископовъ, Евсевій писалъ, между прочимъ: „Я просилъ Евтихія, пресвитера и архимандрита, чтобы онъ не предавался такому пораженію чувствъ, опьяненію мышленія и изступленію ума, что даже забываетъ страхъ Божій, дерзаетъ называть еретиками тѣхъ отцевъ, которые считаются въ числѣ святыхъ и насъ, послѣдователей ихъ вѣры; но онъ, имѣя невоздержныя уста и необузданный языкъ, не перестаетъ отрицать благочестивые догматы православія. Умоляю и прошу вашу святость,—продолжалъ Евсевій,—не оставьте безъ вниманія моей просьбы, но прикажите Евтихію, пресвитеру и архимандриту, явиться на святый вашъ соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я обвиняю

его. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго и совершенно чуждъ православной вѣры".

Флавіанъ, предсѣдатель собора, пришелъ отъ записки Евсевія въ большое смущеніе, такъ какъ заявленіе его было совершенною неожиданностію и потому особенно, что Евтихій былъ архимандритомъ монастыря, въ которомъ было болѣе 300 монаховъ. Не имѣя возможности пріостановить дѣло, начатое Евсевіемъ, но и не желая его раздувать до большихъ размѣровъ, Флавіанъ предложилъ было Евсевію объясниться съ Евтихіемъ келейно: быть можетъ, это объясненіе приведетъ дѣло къ благопріятному концу: „Пусть удостоитъ твое благочестіе,—предложилъ Флавіанъ Евсевію, — сходить къ нему и побесѣдовать съ нимъ о правой вѣрѣ, и если въ самомъ дѣлѣ онъ найденъ будетъ мудрствующимъ неправильно, тогда будетъ вызванъ соборомъ и станетъ защищаться". Евсевій на это отвѣтствовалъ: „Я прежде былъ ему другомъ и не одинъ разъ и не дважды, но часто приходилъ къ нему по этому дѣлу, которымъ онъ зараженъ; я бесѣдовалъ уже съ нимъ и нашелъ его неправильно мудрствующимъ. Я увѣщевалъ его и училъ, но онъ оставался непреклоннымъ, говоря то, что чуждо нашей правой вѣрѣ".

Флавіанъ еще пытался было склонить Евсевія на то, чтобы онъ прошелъ къ Евтихію, но Евсевій рѣшительно отказался, сказавъ: „это невозможно, чтобы я послѣ того, какъ часто ходилъ и не могъ убѣдить его, опять отправился къ нему и услышалъ хульныя слова".

Соборъ, видя непреклонность Евсевія, нашелъ возможность уступить и сдѣлать распоряженіе, чтобы пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей отправились къ Евтихію, предъявили ему поданную противъ него на соборѣ записку Евсевія и пригласили его на соборъ для оправданія. Посланные къ Евтихію пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей по возвращеніи отъ Евтихія доложили собору слѣдующее: „Ходили мы къ нему въ его монастырь, прочли ему обвинительную записку, вручили ему копію съ нея, объявили ему обвинителя и возвѣстили, что его вызываютъ оправдаться предъ вашею святостію. Онъ идти и оправдываться совершенно

отказался, говоря, что у него опредѣлено и какъ бы закономъ положено отъ начала никогда и никуда не отлучаться отъ своего братства, а жить въ монастырѣ, нѣкоторымъ образомъ какъ въ гробѣ. Онъ просилъ насъ возвѣстить вашей святости, что будто бы боголюбезнѣйшій епископъ Евсевій, бывши издавна врагомъ ему, по ненависти и непріязни возвелъ на него это обвиненіе. Онъ утверждалъ, что готовъ согласиться съ изложеніемъ св. отцевъ, составлявшихъ соборъ въ Никеѣ и въ Ефесѣ, и обѣщался подписать ихъ толкованія. Если же встрѣтится у нихъ въ нѣкоторыхъ словахъ что нибудь ложное или погрѣшительное, этого онъ и не отвергаетъ и не принимаетъ, а испытываетъ одно только писаніе, какъ твердѣйшее отеческихъ изложеній. Послѣ воплощенія Бога Слова, т. е. рожденія Господа нашего Іисуса Христа, онъ поклоняется одному естеству, естеству Бога, воплотившагося и вочеловѣчившагося, и принесши какую то въ этомъ родѣ книгу, онъ читалъ ее. Онъ прибавилъ, что противъ него высказана нѣкоторая клевета, будто бы онъ говорилъ, что Богъ Слово принесъ съ Собою плоть съ неба, и что онъ невиненъ въ этой клеветѣ. Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся ипостасно, этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ св. отцевъ, и ежели случится ему у кого-либо вычитать что нибудь подобное, онъ не приметъ этого, потому что божественное писаніе,— сказалъ онъ,— превосходнѣе ученія отцевъ. Говоря это, онъ исповѣдалъ, что Родившійся отъ Дѣвы Маріи есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, не имѣющій плоти, единосущной намъ". Объясненіе это давалъ собственно пресвитеръ Іоаннъ. Архіепископъ Флавіанъ почелъ нужнымъ спросить и другого изъ ходившихъ къ Евтихію, діакона Андрея, слышалъ ли онъ то, что говорилъ Евтихій. И діаконъ Андрей показалъ, что Евтихій дѣйствительно говорилъ все такъ, какъ передавалъ пресвитеръ Іоаннъ. Дававшіе сіе показаніе Іоаннъ и Андрей присоединили, что при бесѣдѣ ихъ съ Евтихіемъ присутствовалъ еще Аѳанасій, діаконъ Василія, епископа Севастійскаго, прибывшаго въ Константинополь по другимъ дѣламъ. И этотъ

діаконъ Аѳанасій оказался здѣдь же, въ числѣ присутствовавшихъ на соборѣ, при своемъ епископѣ Василіѣ. Спросили сего діакона и тотъ показалъ, что слышалъ то, что сказали пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей. Евсевій, епископъ Дорилейскій, какъ бы почувствовавъ ободреніе отъ того, что его заявленіе не оказалось голословнымъ, снова вслухъ собора заявилъ: „Выслушанныхъ показаній отъ трехъ лицъ достаточно для уясненія того, какое нечестивое мнѣніе имѣетъ Евтихій, противное изложеніямъ св. отцевъ. Я прошу,—сказалъ Евсевій, — вызвать Евтихія сюда снова“.

Рѣшено было отправить вторую депутацію къ Евтихію для приглашенія его на соборъ; назначенные въ эту депутацію пресвитеры Мамма и Ѳеофилъ получили отъ собора вызывную грамоту для представленія оной Евтихію. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорилось: „Ты обвиненъ боголюбезнѣйшимъ епископомъ Евсевіемъ въ томъ, что ты мудрствуешь противно вѣрѣ и съ нѣкоторыми людьми говорилъ объ этомъ; безъ всякаго отлагательства явись на соборъ, дабы ты, какъ избѣгающій личнаго обвиненія, не подвергнулся наказаніямъ божественныхъ правилъ. Неразумно въ оправданіе себя говорить, что ты рѣшился не выходить изъ монастыря, когда тебя обвиняютъ въ такихъ вещахъ“.

Въ промежуткѣ времени между тѣмъ, какъ эта вторая депутація отправилась къ Евтихію и пока еще отъ него не возвратилась, на соборѣ сдѣлался извѣстнымъ еще одинъ инцидентъ, очень важный для полноты въ соображеніи обстоятельствъ. Тому же Евсевію, епископу Дорилейскому, сдѣлалось извѣстнымъ, что „Евтихій разсылаетъ отъ себя по монастырямъ какую-то статью и собираетъ подъ нею подписи“. Доносъ объ этомъ поступилъ отъ Авраамія, пресвитера въ Евдоми, Константинопольскаго патріархата. Этотъ Авраамій, по вызову Флавіана, на соборѣ заявилъ: „Пресвитеръ и архимандритъ Мануилъ посылалъ меня къ пресвитеру Астерію извѣстить его, что пресвитеръ и архимандритъ Евтихій присылалъ ему статью о вѣрѣ и убѣждалъ его подписаться подъ нею. Объявилъ онъ это съ тѣмъ, чтобы пресвитеръ Астерій извѣстилъ объ этомъ вашу святость“. Рѣшено было

навести справки: посылалъ ли Евтихій статью о вѣрѣ, будто бы извращенной, для подписи и по другимъ монастырямъ. Между тѣмъ, какъ происходили разговоры о вставленной сію минуту частности, собору доложили, что пресвитеры Мамма и Ѳеофилъ, посланные къ Евтихію, возвратились отъ него. Эта вторая депутація также, какъ и первая, результатовъ благопріятныхъ не достигла. „Когда мы прибыли къ монастырю,—докладывали собору депутаты,—то встрѣтили въ воротахъ монастыря нѣкоторыхъ монаховъ, которые на наше заявленіе, что мы посланы отъ собора, отвѣтили намъ, что архимандритъ болѣнъ и видѣть васъ не можетъ. Зачѣмъ вы посланы: объясните намъ. Мы сказали имъ, что мы посланы къ нему самому, мы исполняемъ письменное приказаніе, что у насъ въ рукахъ письмо къ нему отъ святаго собора. Тогда эти монахи вошли къ архимандриту и опять вышли и вывели съ собою нѣкоего монаха Елевсинія, говоря: такъ какъ архимандритъ нашъ болѣнъ, то онъ послалъ сюда его вмѣсто себя, чтобы вы ему объявили, что приказано. Мы и тутъ не согласились, но сказали: приметъ ли насъ Евтихій, насъ, посланныхъ отъ святѣйшаго и блаженнѣйшаго архіепископа и святаго и великаго собора! Тогда они смутившись начали шептаться между собою и отправились къ Евтихію. Вышедъ отъ него, они и насъ привели къ нему. Вошедши, мы подали ему писанную бумагу; онъ велѣлъ читать ее при насъ и послѣ того, какъ она была прочитана, сказалъ: я положилъ за правило — не выходить изъ монастыря, кромѣ смертной нужды; святой соборъ и боголюбезнѣйшій епископъ видятъ, что я старъ и хилъ; пусть архіепископъ и соборъ дѣлаютъ со мною, что хотятъ; я прошу только одного — никого не безпокоить здѣсь въ другой разъ, потому что у меня постановлено не выходить изъ монастыря. Итакъ, пусть они не думаютъ посылать опять, пусть дѣлаютъ то, что имъ угодно, прежде, нежели станутъ вызывать меня въ третій разъ, потому что это для меня тоже, какъ бы и вызывали они. Онъ просилъ насъ сказать это вашей святости. Потомъ онъ принуждалъ насъ отнести какую-то писанную бумагу, но мы не согласились

взять, сказавъ: если хочешь, ступай объясни. Когда мы говорили это, ему принесли бумагу, онъ хотѣлъ намъ прочитать ее, но мы не согласились слушать, а онъ взявъ ее подписалъ. Когда мы прощаясь стали уходить, онъ сказалъ: я посылаю эту бумагу святому собору съ моимъ подписомъ".

Выслушавъ это заявленіе отъ членовъ второй депутаціи, соборъ опредѣлилъ: „Нужно въ третій разъ убѣждать Евтихія, чтобы онъ пришелъ на этотъ св. соборъ. Если онъ не исполнитъ этого, то самъ себя обвинитъ".

Въ третью депутацію избраны пресвитеры и хранители сосудовъ Мемнонъ и Епифаній и діаконъ Германъ. Съ ними отправлена была къ Евтихію опять вызывная грамота, гдѣ между прочимъ говорилось: „Ты знаешь, что опредѣлено святыми канонами противъ непослушныхъ и нехотящихъ явиться для оправданія, когда бываетъ къ нимъ уже третій вызовъ. Итакъ, чтобы ты самъ себя не подвергнулъ тому, что опредѣлено ими благочестиво, мы нынѣ въ третій разъ вызываемъ тебя чрезъ почтеннѣйшихъ пресвитеровъ—хранителей священныхъ сосудовъ Мемнона и Епифанія и почтеннѣйшаго діакона Германа. Поспѣши придти въ слѣдующій день утромъ, т. е. въ четвертый день недѣли, въ семнадцатый день мѣсяца ноября".

Наканунѣ того дня, который былъ назначенъ послѣднимъ срокомъ для объясненій Евтихія съ соборомъ, среди занятій отцевъ собора доложено было, что отъ Евтихія присланы были для объясненій одинъ архимандритъ, по имени Авраамій, и три діакона. Бывъ допущены на соборъ и спрошены: зачѣмъ они пришли, посланные объявили, что ихъ послалъ Евтихій доложить собору, что онъ нездоровъ, что онъ цѣлую ночь не могъ уснуть и все стоналъ. Архіепископъ отвѣтилъ на сіе: „мы подождемъ, мы не будемъ настаивать; отъ Бога зависитъ даровать здравіе, а наше дѣло ожидать его выздоровленія: мы желаемъ не отсѣченія, а выздоровленія". Архимандритъ Авраамій вызывался было еще на какія-то объясненія вмѣсто Евтихія и по порученію его, но архіепископъ эту попытку замѣстителя Евтихіева отстранилъ, сказавъ: „какъ можно, когда обвиненъ одинъ, гово-

рить за него другому? Мы подождемъ, — продолжалъ Флавіанъ,—мы не будемъ настаивать. Пусть онъ придетъ сюда: онъ придетъ къ отцамъ и братіямъ, которые его знаютъ и доселѣ еще пребываютъ въ любви съ нимъ. Многіе слышали объ этомъ и соблазняются; обвинитель его настаиваетъ, и онъ долженъ оправдываться. Если тогда, когда Несторій противился истинѣ, онъ стоялъ за истину, то тѣмъ болѣе онъ теперь долженъ постоять за истину и за самого себя. Мы люди; многіе изъ великихъ соблазнились и по неразумію и невѣжеству увлеклись, думая, что они правильно мудрствуютъ; раскаяніе не приноситъ вреда, но стыдно упорствовать въ грѣхѣ: какъ червякъ точитъ дерево, родившее его, такъ и нераскаянный грѣхъ—сдѣлавшаго его; но пусть онъ придетъ сюда, и когда онъ исповѣдуетъ свое прегрѣшеніе и анаѳематствуетъ его, мы простимъ его за прошедшее, а въ будущемъ онъ обезопаситъ насъ и св. соборъ тѣмъ, что будетъ мудрствовать согласно съ изложеніями св. отцевъ нашихъ и вопреки этому уже не будетъ учить кого-либо, ни разглагольствовать съ кѣмъ либо". Заканчивая эту тираду Флавіанъ присовокупилъ: „такъ должно сдѣлать прошу тебя. Вы знаете ревность обвинителя? Самый огонь кажется ему холодомъ, по причинѣ ревности о благочестіи: это вѣдаетъ Богъ. Я убѣждалъ и просилъ, говоря: подожди; когда же онъ сталъ настаивать, что я долженъ былъ дѣлать: неужели я желаю расточить васъ? Расточать свойственно врагамъ, а отцамъ свойственно собирать".

На слѣдующій день, семнадцатаго ноября, собору было доложено о томъ, что составлявшіе третью депутацію къ Евтихію возвратились отъ Евтихія и ожидаютъ позволенія доложить собору объ обстоятельствахъ своего депутатствованія. Пресвитеръ и хранитель сосудовъ Мемнонъ доложилъ: „По приказанію вашей святости, мы вручили Евтихію посланіе, отправленное къ нему вашимъ св. соборомъ. Взявъ его и прочитавъ, онъ сказалъ намъ: я послалъ почтеннѣйшаго пресвитера и архимандрита Авраамія, чтобы онъ отъ моего лица согласился со всѣмъ, что сказано какъ свят. отцами, бывшими въ Никеѣ и въ Ефесѣ, такъ и блаженнымъ Кирил-

ломъ". Помимо этого заявленія о посольствѣ Евтихіемъ архимандрита Авраамія, Мемнонъ прибавилъ: „Когда я сильнѣе настаивалъ на томъ и говорилъ, что онъ самъ долженъ идти и явиться на св. соборъ и оправдаться во взводимомъ на него, онъ сказалъ: я ожидаю о. Авраамія; можетъ быть, онъ упроситъ господина архіепископа и св. соборъ. Я ему говорю: можемъ мы подождать здѣсь, пока онъ придетъ? Онъ говоритъ: прошу умолить господина архіепископа и св. соборъ, чтобы они дали мнѣ отсрочку на эту недѣлю, а на слѣдующей недѣлѣ, если будетъ угодно Богу, я приду и буду оправдываться предъ господиномъ и св. соборомъ".

Строго слѣдуя порядку судопроизводства, архіепископъ Флавіанъ почелъ нужнымъ допросить и двухъ другихъ лицъ, бывшихъ спутниками Мемнона, пресвитера Епифанія и діакона Германа. Эти оба показали, что все дѣйствительно происходило такъ, какъ изъяснилъ Мемнонъ.

Теперь Евсевій Дорилейскій, придерживаясь того направленія, въ какомъ было поставлено въ настоящую минуту розысканіе объ Евтихіѣ, усмотрѣлъ потребность навести дальнѣйшія справки о томъ пунктѣ, который начатъ былъ имъ нѣсколько дней тому назадъ, но былъ отложенъ въ сторону за наплывомъ многихъ другихъ предметовъ, подлежащихъ соборному разсмотрѣнію, пунктъ о разсылкѣ Евтихіемъ по монастырямъ какой-то статьи, имъ же самимъ написанной или попавшей къ нему какъ-нибудь.

Въ одно изъ предшествовавшихъ засѣданій рѣшено было поручить разслѣдованіе сего предмета пресвитеру Петру и діакону Патрикію. Теперь Евсевій потребовалъ, чтобы соборъ отобралъ справки у сихъ лицъ, что оказалось по ихъ разслѣдованію.

Одинъ изъ членовъ, назначенныхъ соборомъ на разсмотрѣніе по сему предмету, пресвитеръ Петръ показалъ: „По повелѣнію вашей святости и святаго собора, пришедши въ монастырь архимандрита Мартина, мы спрашивали его, получилъ ли онъ какую-то статью, посланную архимандритомъ Евтихіемъ? Онъ отвѣчалъ, что на прошлой недѣлѣ въ пятницу, т. е. 12 числа ноября мѣсяца, онъ, Евтихій, присы

лалъ ему статью съ діакономъ Константиномъ, прося подписать. Онъ, архимандритъ Мартинъ, не согласился, говоря: подписывать дѣло не мое, а однихъ только епископовъ. Прося о подписи статьи, Евтихій говорилъ: ежели вы не согласитесь теперь со мною, то епископъ унизитъ меня, а послѣ достанется и вамъ. Вышедши оттуда, мы отправились къ архимандриту Фавсту.

Перебивши нѣсколько пресвитера Петра, архіепископъ Флавіанъ спросилъ: не говорилъ ли архимандритъ Мартинъ, что содержала въ себѣ статья, которую онъ не хотѣлъ подписать. Пресвитеръ Петръ отвѣтствовалъ: онъ говорилъ, что дѣянія Ефесскія. Флавіанъ спрашивалъ: читалъ ли онъ и узналъ, или только слышалъ и такъ отвѣчалъ ему? Пресвитеръ Петръ отвѣтствовалъ: хотя онъ не читалъ, а говорилъ, что это писанія блаженнаго Кирилла и епископовъ, собравшихся въ Ефесѣ. Статья была подписана, но кѣмъ была подписана — осталось не яснымъ, потому что подпись была скрыта.

За симъ еще одинъ архимандритъ Фавстъ показалъ, что къ нему была присылаема статья съ Константиномъ и Елевсиніемъ, для того, чтобы онъ подписалъ, и когда онъ спрашивалъ о содержаніи статьи, они сказали ему, что это изложеніе 318 епископовъ, собиравшихся въ Ефесѣ. Онъ, архимандритъ Фавстъ, сказалъ посланнымъ: списки съ дѣяній Ефесскихъ хранятся у насъ; дайте намъ посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ какихъ прибавленій. Но они не дали и ушли. Архимандритъ Іовъ показалъ: статью къ намъ не присылалъ, а говорили, что на сихъ дняхъ архіепископъ пришлетъ ко мнѣ статью подписать и чтобы я не соглашался на это. Ходили мы, — продолжалъ пресвитеръ Петръ, — и къ Мануилу: онъ сказалъ, что къ нему не присылали; также и къ Авраамію; этотъ сказалъ, что къ нему не было ни статьи, ни словеснаго извѣстія". Другой изъ провѣрявшихъ сущность дѣла діаконъ Патрикій подтвердилъ, что все дѣйствительно происходило такъ, какъ изъяснилъ пресвитеръ Петръ.

По выслушаніи этихъ показаній архіепископъ Флавіанъ мнѣніемъ положилъ: „Все изложенное противъ пресвитера и

архимандрита Евтихія достаточно показываетъ намъ, что онъ мудрствуетъ противно правой вѣрѣ и старался возмутить церковь, такъ что и теперь уже его должно подвергнуть канонической эпитиміи и лишить принадлежащаго ему священнаго сана и начальства надъ монастырями; но для болѣе полнаго изслѣдованія мы даруемъ ему испрашиваемую имъ отсрочку. Если же вопреки собственному обѣщанію Евтихій не явится во второй день слѣдующей недѣли, то окончательно будетъ лишенъ и пресвитерскаго сана, и начальства надъ монастырями".

Вполнѣ форменное, открытое и окончательное разбирательство дѣла Евтихіева должно было происходить 22 ноября. Еще до наступленія послѣдняго разрѣшеннаго Евтихію срока, Евсевію Дорилейскому удалось настигнуть еще на одинъ слѣдъ, который могъ вести къ болѣе сильному обличенію противъ Евтихія. Слѣдъ этотъ обнаружился еще раньше, но благодаря сложности обстоятельствъ онъ едва было не затерялся; теперь обстоятельства помогли Евсевію снова напасть на этотъ слѣдъ, и онъ, Евсевій, обращаетъ на этотъ предметъ вниманіе собора. Обстоятельства эти слѣдующія: Евсевій успѣлъ узнать отъ кого то („я узналъ кое отъ кого". какъ онъ выразился), что когда соборъ дѣлалъ второй вызовъ Евтихію явиться для оправданія на соборъ, то посланные отъ собора приглашать Евтихія пресвитеры Мамма и Θеофилъ слышали отъ Евтихія нѣчто такое, чего не изложили въ памятникахъ вѣры. Ежели и это уяснится, то будетъ очевидное доказательство его лжемудрствованія.

Евсевій требовалъ, чтобы тѣ лица — пресвитеры Мамма и Θеофилъ были призваны и предъ св. евангеліемъ сказали, что они слышали отъ Евтихія. Прилучившійся на сей разъ на соборѣ пресвитеръ Θеофилъ показалъ: „Когда мы вручили Евтихію повѣстку о вызовѣ его на соборъ, онъ началъ было разсуждать съ нами. Въ присутствіи пресвитера Нарсеса, архимандрита Максима и нѣкоторыхъ другихъ монаховъ Евтихій началъ говорить: Въ какомъ писаніи говорится о двухъ естествахъ? Кто изъ свят. отцевъ училъ, что Богъ Слово имѣетъ два естества? На это мы отвѣтили ему: И ты

самъ скажи намъ, гдѣ находится слово „единосущнаго“ (рѣчь о словѣ изъ символа вѣры — единосущна Отцу), какое писаніе говоритъ это? Почтеннѣйшій Евтихій отвѣчалъ: Въ писаніи не находится, а въ изложеніи отцевъ находится. Въ отвѣтъ на это пресвитеръ Мамма сказалъ: Какъ о единосущіи не говорится въ писаніи, а изложено ученіе о немъ отцами, такъ и о двухъ естествахъ изложили ученіе тѣ же св. отцы. И я, — говорилъ о себѣ пресвитеръ Ѳеофилъ, — сказалъ на это: „Слово — совершенный ли Богъ или нѣтъ?“ Евтихій сказалъ: совершенный; я сказалъ: Воплотившійся совершенный ли человѣкъ или нѣтъ? Евтихій сказалъ: совершенный. Ѳеофилъ сказалъ: Итакъ, если совершенный Богъ и совершенный человѣкъ — два совершенные составляютъ единаго Сына, то что препятствуетъ намъ говорить, что единый Сынъ состоитъ изъ двухъ естествъ. На это Евтихій отвѣчалъ: Да не будетъ того, чтобы я говорилъ, что Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, или разсуждалъ о естествѣ Бога моего. Если же хотятъ низложить меня, если хотятъ что-нибудь сдѣлать со мною — пусть дѣлаютъ, если Богъ попуститъ; ибо я въ той вѣрѣ, какую принялъ, стою и желаю скончаться“.

Въ то время, какъ пресвитеръ Ѳеофилъ давалъ это объясненіе, собору доложили, что явился и пресвитеръ Мамма, который былъ назначенъ тогда отъ собора вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ доставить Евтихію вызовъ на соборъ.

Пресвитеръ Мамма, подтвердивъ все, что показалъ Ѳеофилъ, сверхъ того еще добавилъ: „Когда мы молчали и не хотѣли ни о чемъ съ нимъ говорить, онъ самъ началъ споръ, говоря о догматѣ такъ, какъ онъ мудрствуетъ. Онъ говорилъ: Богъ Слово, воплотившись, пришелъ возстановить падшее естество человѣческое. Я тотчасъ возразилъ на это: какое? Онъ сказалъ: человѣческое естество. Я спросилъ: а отъ какого естества оно взято? Онъ сказалъ: писаніе не учитъ меня о двухъ естествахъ. Я сказалъ: и о единосущіи учитъ насъ не писаніе, а св. отцы, благочестиво понявшіе и вѣрно изъяснившіе писаніе. Такъ узнали мы и о единосущіи, и о томъ, что Христосъ Сынъ Божій состоитъ изъ двухъ естествъ.

Евтихій сказалъ на это: Я не разсуждаю о естествѣ божества, я не признаю двухъ естествъ; да не будетъ сего. И остаюсь здѣсь; если буду осужденъ,—монастырь будетъ мнѣ гробомъ. Если Богъ попуститъ мнѣ претерпѣть что-нибудь, я охотно пострадаю; но двухъ естествъ я не исповѣдую".

Сказавъ сіе, пресвитеръ Мамма заключилъ: „Мы не пересказали этого въ первый разъ потому, что мы посланы были не для изслѣдованія, а для того, чтобы отдать вызовъ и получить отвѣтъ".

Выслушавъ сіи показанія, архіепископъ Флавіанъ отдалъ повелѣніе: „Занести это въ памятники вѣры, т. е. въ описаніе актовъ соборныхъ".

Наступило 22 ноября, срокъ, испрошенный Евтихіемъ къ дачѣ объясненій на соборѣ. Въ судебной палатѣ епископіи собрались члены собора; по срединѣ собранія положено было св. евангеліе, и два діакона посланы были справиться — здѣсь ли Евтихій, и ежели здѣсь, то ввели бы его въ собраніе. Посланные діаконы, возвратившись, сказали, что искали его по всей церкви, но не нашли ни его самого, ни его близкихъ. Послѣ оказалось, что это значило; именно это значило, что Евтихій въ это время занятъ былъ собираніемъ подкрѣпленія себѣ отъ вѣдомствъ придворнаго и военнаго. Архіепископъ посылаетъ еще двухъ діаконовъ отыскать Евтихія. Эти тоже не нашли Евтихія, но эти узнали, что Евтихій намѣренъ придти съ великимъ множествомъ воиновъ, монаховъ и префекторскихъ служителей. И дѣйствительно, Евтихій скоро препожаловалъ на соборъ съ великимъ множествомъ воиновъ, монаховъ и служителей префекта преторіи. Всѣ эти охранители объявили собору, что они имѣютъ повелѣніе отъ своего начальника отпустить Евтихія на соборъ не иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, ежели члены собора дадутъ обѣщаніе оставить его личность неприкосновенною. Вмѣстѣ съ симъ собору было доложено, что при этомъ полчищѣ Евтихіева конвоя находится чиновникъ силенціарій Магнусъ, посланный благочестивѣйшимъ и христолюбивымъ императоромъ. Сей чиновникъ Магнусъ, бывъ допущенъ на соборъ, представилъ собору императорскій декретъ

слѣдующаго содержанія: „Мы заботимся о мирѣ свят. церквей и православной вѣры и желаемъ охранить вѣру, истинно и по вдохновенію Божію изложенную нашими св. отцами, собравшимися въ числѣ 318 въ Никеѣ и бывшими въ Ефесѣ при осужденіи Несторія; мы желаемъ этого, дабы не вторгся соблазнъ въ упомянутое православіе. А такъ какъ знатнѣйшаго патриція Флоренція мы знаемъ за вѣрнаго и испытаннаго въ православіи, то мы желаемъ, чтобы онъ присутствовалъ въ засѣданіи собора, такъ какъ рѣчь идетъ о вѣрѣ".

По выслушаніи сего рескрипта провозглашено было многолѣтіе императору, и архіепископъ Флавіанъ возгласилъ: „Господина Флоренція мы всѣ знаемъ за вѣрнаго и испытаннаго въ православіи и желаемъ, чтобы онъ присутствовалъ".

Когда Флоренцій, знатнѣйшій изъ префектовъ и консуловъ патрицій, пришелъ на соборъ, то повелѣно было, чтобы и обвинитель, и обвиняемый поставлены были на срединѣ и чтобы прочитаны были сначала акты по дѣлу между Евсевіемъ и Евтихіемъ.

Когда діаконъ, читавшій акты, относившіеся къ разбираемому дѣлу, дошелъ до того мѣста изъ посланія Кирилла Александрійскаго къ епископамъ восточнымъ, гдѣ говорится: „Мы исповѣдуемъ, что Господь и Іисусъ Христосъ Единородный Сынъ Божій есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, состоящій изъ разумной души и тѣла; что Онъ рожденъ прежде вѣковъ отъ Отца по божеству, а въ послѣднее время ради насъ и ради нашего спасенія отъ Дѣвы Маріи по человѣчеству; что Онъ единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ намъ по человѣчеству, ибо въ Немъ совершилось соединеніе двухъ естествъ. Почему мы и исповѣдуемъ одного Христа, одного Сына, одного Господа: на основаніи такого не слитнаго соединенія мы исповѣдуемъ Пресвятую Дѣву Богородицею, потому что Богъ Слово воплотился и вочеловѣчился и въ самомъ зачатіи соединилъ съ Собой храмъ, отъ Нея воспринятый" (Дѣян. в. с., т. I, стр. 375). Когда діаконъ читалъ это мѣсто изъ св. Кирилла, то обвинитель Евтихія епископъ Евсевій возгласилъ: „Клянусь сто-

пами вашими: Евтихій не исповѣдуетъ этого и никогда не былъ согласенъ съ этимъ, но вопреки этому и мудрствовалъ, и говорилъ всякому къ нему приходящему и училъ".

Префектъ Флоренцій предложилъ собору спросить у Евтихія, какъ онъ вѣруетъ и что говоритъ? Евсевій спрашиваетъ Евтихія: „Исповѣдуешь ли ты, господинъ архимандритъ, два естества послѣ воплощенія и признаешь ли, что Христосъ единосущенъ намъ по плоти или нѣтъ?" Евтихій отвѣчалъ: „Я пришелъ не разсуждать, а внушать вашей святости, какъ я мудрствую; а какъ я мудрствую — написано въ этой бумагѣ: прикажите прочитать ее". Архіепископъ спрашиваетъ Евтихія: „его ли это изложеніе;" Евтихій отвѣчаетъ: „изложеніе мое, а слововыраженіе равное тому, какое у святыхъ отцевъ"; затѣмъ Евтихій произнесъ: „я вѣрую такъ: покланяюсь Отцу съ Сыномъ, и Сыну со Отцемъ, и Св. Духу со Отцемъ и Сыномъ. Исповѣдую, что плотское пришествіе Его совершилось изъ плоти Святой Дѣвы и что Онъ совершенно вочеловѣчился ради нашего спасенія. Такъ я исповѣдую предъ Отцемъ, и Сыномъ, и Св. Духомъ, и вашею святостію".

Архіепископъ Флавіанъ, примѣчая, что объясненіе Евтихія не даетъ понятія о томъ, какъ онъ богословствуетъ о соединеніи естествъ, спросилъ его: „Исповѣдуешь ли ты, что одинъ и тотъ же Сынъ Господь и Іисусъ Христосъ единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ Матери по человѣчеству? Исповѣдуешь ли, что Христосъ изъ двухъ естествъ?" Евтихій отвѣчалъ: „Исповѣдуя Бога моего Господа неба и земли, я до сихъ поръ не позволялъ себѣ разсуждать о Его естествѣ; признаюсь, я донынѣ не признавалъ прежде, что Онъ единосущенъ намъ". Архіепископъ продолжалъ спрашивать: „Ты не признаешь Сына Божія единосущнымъ Отцу по божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству?" Евтихій отвѣчалъ: „До сего дня я не признавалъ тѣло Господа и Бога нашего единосущнымъ намъ; но Святую Дѣву исповѣдую единосущною намъ и исповѣдую, что отъ Нея воплотился Богъ нашъ". Архіепископъ Флавіанъ спросилъ: „Единосущна ли намъ Дѣва, отъ Которой воплотился Владыка

Христосъ?“ Евтихій: „Я уже сказалъ, что Дѣва единосущна намъ“. Здѣсь къ бесѣдѣ присоединился Евсевій Дорилейскій и сказалъ: „Если Матерь единосущна, то и Онъ; ибо Онъ названъ Сыномъ человѣческимъ; если Матерь единосущна намъ, то и Онъ единосущенъ намъ по плоти“. На сіе Евтихій сказалъ: „Я согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы теперь говорите“. Здѣсь и патрицій Флоренцій съ своей стороны сказалъ: „Когда Матерь единосущна намъ, то безъ сомнѣнія и Сынъ единосущенъ намъ“.

Такъ было близко дѣло къ мирному окончанію! Всѣ стороны пришли къ единенію! Евтихій высказался согласно съ выраженіями Флавіана и Евсевія: представитель императорской власти Флоренцій какъ будто уже запечатлѣвалъ выраженіемъ своимъ и оканчивалъ безпокойное преніе! Къ горькому сожалѣнію, на дѣлѣ оказалось, что затрудненіе здѣсь мало того, что еще не оканчивалось, а оно только еще осложнилось и повело къ дальнѣйшимъ смутамъ доселѣ даже и невообразимымъ! Только что Евтихій высказалъ приведенныя сейчасъ примирительныя сужденія, только что патрицій Флоренцій повторилъ отъ себя сіи примирительныя слова, какъ Евтихій, по всей вѣроятности, сообразивъ моментально, что въ этихъ словахъ содержится ниспроверженіе тѣхъ мыслей, какими онъ занятъ былъ до сего времени, вздумалъ свое, высказанное предъ симъ, положеніе пояснить и точно неблаговременнымъ снѣгомъ среди лѣта разразился слѣдующимъ дополненіемъ къ своимъ словамъ: „До сего дня я не признавалъ этого; ибо такъ какъ я исповѣдую самое тѣло Божіе—вникнулъ ли ты!—вставилъ здѣсь Евтихій,—то я не признавалъ тѣло человѣка тѣломъ Бога, а человѣческимъ тѣломъ, и исповѣдую, что отъ Дѣвы воплотился Господь; если же должно признавать Его отъ Дѣвы и единосущнымъ намъ, то я и это признаю, господинъ, и кромѣ того исповѣдую Его Единороднымъ Сыномъ Божіимъ, Господомъ неба и земли, владычествующимъ и царствующимъ вмѣстѣ со Отцемъ, съ Которымъ Онъ возсѣдитъ и прославляется. Ибо, признавая Его единосущнымъ, я не отвергаю, что Онъ есть Сынъ Божій. Прежде я не говорилъ, а теперь

говорю, что я думаю; въ началѣ я не говорилъ, а теперь говорю это, потому что ваша святость такъ сказала".

Бѣда, говорятъ, не приходитъ одна; она ведетъ за собою нѣсколько другихъ бѣдъ. Такъ случилось и здѣсь: остановить бы бесѣду на приведенной тирадѣ Евтихія, можетъ быть, такъ бы все и утихло; но, попущеніемъ Божіимъ, конечно, какъ оказалось послѣ, ко благу церкви, Флавіану пришло на мысль поставить на видъ Евтихію такое замѣчаніе: „Слѣдовательно, ты по необходимости, а не добровольно исповѣдуешь истинную вѣру?" Евтихій, какъ видно, заражается задоромъ и уже, какъ видно, съ примѣсью безпокойнаго тона отвѣчаетъ: „Теперь, господинъ, я точно таковъ (смыслъ, очевидно, таковъ, что я-де говорю по необходимости); до сего часа я боялся говорить, такъ какъ я знаю, что Господь есть Богъ нашъ, то и не позволялъ себѣ разсуждать о естествѣ Его; а такъ какъ ваша святость дозволяетъ и учитъ этому, то говорю".

Читая и въ словахъ, и, вѣроятно, въ выраженіи лица Евтихіева скрываемыя обоюдности и недомолвки, а, вѣроятно, и подозрѣвая неискренность рѣчи Евтихіевой, Флавіанъ вставляетъ такую рѣчь: „Мы не вводимъ новостей, но такъ изложили отцы; и какъ изложена ими вѣра, такъ и вѣруемъ, и желаемъ, чтобы всѣ пребывали въ этомъ и не было никакой новизны". Патрицій Флоренцій, желая положить конецъ всѣмъ этимъ недомолвкамъ и обоюдностямъ, поставилъ Евтихію прямой и ясный вопросъ: „Признаешь ли ты Господа нашего, родившагося отъ Дѣвы, единосущнымъ и изъ двухъ естествъ послѣ воплощенія или нѣтъ?" Тогда-то и Евтихій выразился уже безъ околичностей: „Исповѣдую, что Господь нашъ состоялъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество". Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, гдѣ таился корень упорства Евтихіева.

Желая предотвратить тяжкія послѣдствія отъ высказаннаго Евтихіемъ еретичества, отцы собора предложили было ему принять догматы православія и анаѳематствовать все противное читаннымъ на соборѣ догматамъ. Евтихій на

уступку не склонился, но съ тономъ ожесточенія отвѣчалъ: „Я сказалъ вашей святости, что прежде я не признавалъ, а теперь, такъ какъ ваша святость учитъ этому, признаю и слѣдую отцамъ. Въ писаніи не нашелъ я ничего яснаго объ этомъ, и не всѣ отцы говорили это. Если я стану анаѳематствовать, то увы мнѣ, я буду анаѳематствовать отцевъ моихъ“.

Теперь соборъ не могъ уже болѣе терпѣть упорства и лицемѣрія Евтихіева и, вставши, возгласилъ: „анаѳема Евтихію“. Послѣ сего архіепископъ Флавіанъ обратился къ собору съ предложеніемъ, пусть скажетъ св. соборъ, чего достоинъ Евтихій, не исповѣдующій ясно правую вѣру и не желающій согласиться съ разсужденіемъ сего св. собора, а упорствующій въ своемъ извращенномъ и худомъ мнѣніи. Селевкъ, епископъ Емасійскій, отъ лица собора отвѣчалъ: „Онъ достоинъ низложенія; впрочемъ, все зависитъ отъ человѣколюбія вашей святости“. Архіепископъ Флавіанъ на сіе отвѣчалъ: „Ежели бы Евтихій, исповѣдавши свой грѣхъ, рѣшился анаѳематствовать свое заблужденіе и согласился съ нами, кои слѣдуемъ изложенію св. отцевъ, тогда, конечно, удостоился бы милости; но такъ какъ онъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, то подвергается каноническимъ эпитиміямъ“. Патрицій Флоренцій, безъ сомнѣнія, въ качествѣ лица, уполномоченнаго отъ императора и отвѣтственнаго за правдивость дѣлопроизводства на соборѣ, для большаго разъясненія вопроса, попытался было еще разъ спросить Евтихія: „Скажи, признаешь ли ты два естества и единосущіе намъ?“ Евтихій отвѣчалъ: „Я читалъ писанія блажен. Кирилла, св. отецъ и св. Аѳанасія: они признавали два естества прежде соединенія, а послѣ соединенія и воплощенія они признавали уже не два естества, но одно“. Флоренцій, не видя изъ отвѣта Евтихіева, чего именно держится онъ самъ, такъ какъ онъ все слагаетъ на писанія отцевъ, еще повторилъ ему вопросъ: „Скажи, исповѣдуешь ли ты два естества послѣ соединенія?“ Евтихій опять повернулъ въ сторону: „Прикажите, — говоритъ онъ, — прочитать писанія св. Аѳанасія, и вы узнаете, что ничего подобнаго онъ не

говоритъ". Представитель императора, патрицій Флоренцій на сіе замѣтилъ: „Не признающій изъ двухъ естествъ и два естества вѣруетъ не право".

Василій, епископъ Амасійскій, обратясь къ Евтихію, сказалъ: „Если ты не признаешь двухъ естествъ послѣ соединенія, то признаешь смѣшеніе и сліяніе".

Послѣ сего весь соборъ, вставши, воскликнулъ: „По принужденію нѣтъ вѣры; Евтихій не согласенъ; зачѣмъ убѣждать его. Многая лѣта императорамъ".

Архіепископъ Флавіанъ въ заключеніе всего объявилъ: „Изъ всего, и изъ бывшихъ уже дѣяній, и изъ теперешняго собственнаго сознанія Евтихіева открывается, что онъ страждетъ заблужденіемъ Валентина и Аполлинарія (Валентинъ училъ, что Творецъ нарочито образовалъ тѣло Христа изъ эѳирныхъ матерій неба; Аполлинарій утверждалъ, что во Христѣ не было разумной человѣческой души, а мѣсто души замѣнило божество). Не устыдившись нашего убѣжденія и внушенія, онъ не захотѣлъ согласиться съ истинными догматами; посему, воздыхая и оплакивая совершенную его погибель, мы о Господѣ и Іисусѣ Христѣ, Котораго онъ злословитъ, опредѣлили отчуждить его отъ всякой священнической службы, общенія съ нами и начальства надъ монастыремъ. Пусть всѣ тѣ, которые послѣ этого будутъ разговаривать или сходиться съ нимъ, знаютъ, что и сами они будутъ повинны эпитиміи отлученія, какъ не уклонившіеся отъ бесѣдъ съ нимъ". Это опредѣленіе подписали: архіепископъ Флавіанъ, 31 епископъ, присутствовавшіе на соборѣ, и 23 архимандрита.

Изрекая и подписывая опредѣленіе противъ Евтихія, Флавіанъ и его соборъ, конечно, имѣли въ виду положить конецъ тому смущенію, какое возникло изъ-за догматическихъ колебаній Евтихія. Но обстоятельства показали, что успокоить такого архимандрита, какъ Евтихій, не очень-то было легко даже архіепископу съ соборомъ. Оказалось, что Евтихій, не смотря на то, что жизнь свою проводилъ не выходя изъ монастыря и въ этомъ обѣтѣ намѣренъ былъ и окончить свое земное

странствованіе, былъ близокъ къ императорскому двору и имѣлъ возможность провести свое дѣло даже до Римскаго папы.

Надобно замѣтить, что въ дошедшихъ до насъ историческихъ актахъ памятники сего времени страшно перепутаны; перепутаны они потому, что дѣло это, начавшись въ Константинополѣ, проходило разныя инстанціи; оно было разсматриваемо то въ Константинополѣ, то въ Ефесѣ, то въ Халкидонѣ, такъ что, читая извѣстную страницу, не скоро сообразишь, гдѣ происходило то, о чемъ читаешь. Для того, чтобы выбраться по возможности на дорогу торную, мы разграничимъ, что предпринялъ Евтихій въ своемъ ходатайствѣ у власти императорской и что въ сношеніяхъ съ папою.

Въ прошеніи къ императорамъ Ѳеодосію и Валентиніану Евтихій предъявлялъ, что съ нимъ несправедливо поступили на соборѣ Константинопольскомъ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Флавіана; опредѣленіе противъ него выведено неправильно; изложено дѣло не такъ, какъ было на соборѣ; въ дѣяніи не помѣстили ни того, что Флавіанъ говорилъ Евтихію, ни того, что говорилъ Евтихій. „Поэтому я умоляю,—писалъ Евтихій, ваше милосердіе: удостойте предписать боголюбезнѣйшимъ епископамъ и нотаріямъ, и клирикамъ собраться въ присутствіи почтеннѣйшаго епископа Ѳалассія (Кесаріи Каппадокійской) для того, чтобы они, когда будутъ спрошены, изложили на письмѣ со всею правдою то, что знаютъ“.

На прошеніе Евтихія послѣдовало высочайшее опредѣленіе: „Пусть доложено будетъ при почтеннѣйшихъ епископахъ, не только прежде собиравшихся, но также и при почтеннѣйшемъ епископѣ Ѳалассіѣ, чтобы при нихъ, въ присутствіи всѣхъ тѣхъ, о комъ говорится въ прошеніи, была изслѣдована истина дѣла“. Началась процедура пересмотра документовъ. По предшествовавшему изложенію мы уже знаемъ, что дѣло Евтихія на соборѣ было ведено самымъ осторожнымъ, самымъ благожелательнымъ къ нему способомъ, особенно со стороны Флавіана. Жалоба Евтихія была не болѣе, какъ только недобросовѣстная клевета, конечно, порожденная желаніемъ извернуться въ застигшей опасности:

стали пересматривать документы; но здѣсь оказалось, что когда Евтихію понадобилась копія съ дѣяній собора, осудившаго его, то ему изготовили экземпляръ, не вполнѣ сходный съ тѣмъ, какой былъ составленъ на самомъ соборѣ и который оставался при архивѣ дѣяній соборныхъ. Кто же въ этомъ былъ виноватъ: ужели Флавіанъ, предсѣдатель собора! Конечно, писцы, изготовлявшіе копіи съ дѣяній поспѣшно и въ этой поспѣшности иное опустившіе, иное сократившіе.

Въ частности замѣчено было, что вкралась какая-то неточность въ тѣ дополнительныя объясненія, какія предъявили собору пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей, составлявшіе вторую депутацію отъ собора съ приглашеніемъ Евтихія на соборъ; но въ чемъ бы ни состояло это разногласіе, Евтихій на послѣднемъ засѣданіи собора самъ присутствовалъ самолично: онъ зналъ, что происходило; теперь пользоваться погрѣшностями копіи было съ его стороны, конечно, дѣломъ крайне недобросовѣстнымъ: это одна изъ очень темныхъ сторонъ въ исторіи этого, надо сказать, очень скрытнаго и безхарактернаго старца! Пересмотръ дѣяній собора, осудившаго Евтихія, ничего не открылъ такого, что могло бы повести къ такой или другой перемѣнѣ въ его опредѣленіи: все занятіе вращалось въ допросахъ или лицъ, составлявшихъ депутацію къ Евтихію, или нотаріевъ, составлявшихъ записи дѣяній собора: сказалъ ли тогда-то то-то Евтихій; почему нотаріи не записали того-то или того-то, или не точно записали то-то! Императоръ, конечно, зналъ о существѣ сихъ занятій и имѣлъ всѣ основанія предполагать, что для разъясненія сего дѣла нужно придать ему другое направленіе.

И вотъ, еще не получивши форменнаго донесенія о предписанномъ имъ пересмотрѣ дѣяній собора Константинопольскаго, онъ издаетъ распоряженіе о новомъ переизслѣдованіи всего сего дѣла на новомъ соборѣ, каковое дѣлопроизводство поручаетъ и новому предсѣдателю архіепископу Александрійскому Діоскору и на новомъ мѣстѣ собранія въ Ефесѣ.

Но здѣсь, прежде, чѣмъ заниматься обозрѣніемъ занятій этого собора Ефесскаго, мы имѣемъ и возможность, и на-

добность коснуться того, что смастерилъ простоватый, повидимому, старецъ Евтихій по отношенію къ одной изъ главнѣйшихъ церквей древности — церкви Римской. Во главѣ Римской церкви въ это время стоялъ великій святитель, признаваемый и нашею церковію святымъ, папа Левъ Великій. Евтихій, какъ видно, писалъ св. Льву жалобу, что у нихъ на востокѣ, т. е. въ Константинополѣ, „стараніемъ нѣкоторыхъ людей несторіанская ересь вновь воскресаетъ". Очевидно, здѣсь указывалось на то, что на соборѣ осудили его, Евтихія, защитника и почитателя св. Кирилла, бывшаго противникомъ Несторію. Св. Левъ выражаетъ одобреніе благочестивой ревности Евтихія о правой вѣрѣ, но въ разглагольствіе съ нимъ много не вдается, потому что не знаетъ еще, что такое, какъ и почему у нихъ произошло. „Какъ только разузнаемъ полнѣе, — пишетъ св. папа, — о тѣхъ, нечестіемъ которыхъ это сдѣлалось, сочтемъ за необходимое, при помощи Божіей, позаботиться о томъ, какъ бы исторгнуть съ корнемъ нечестивую заразу, давно уже осужденную".

Не вдаваясь въ продолжительное объясненіе съ архимандритомъ Евтихіемъ, св. Левъ пространнѣе пишетъ архіепископу Флавіану. Въ письмѣ къ Флавіану св. Левъ даетъ знать архіепископу Константинополя, что онъ, папа Римскій, увѣдомленъ письмомъ императора, что у нихъ произошли шумъ и смятеніе. Св. Левъ удивляется, какъ могъ архіепископъ Константинополя молчать предъ папою о томъ, въ чемъ состоялъ этотъ соблазнъ? „Мы получили просьбу, — пишетъ св. Левъ,— отъ архимандрита Евтихія, который жалуется, что онъ, по обвиненію епископа Евсевія, незаслуженно отлученъ отъ общенія; особенно же жалуется на то, что онъ, бывъ позванъ на судъ, на самомъ судѣ предложилъ апелляціонную просьбу, которая однако же не была принята. (У насъ свѣжо пока въ памяти изложеніе дѣяній собора, осудившаго Евтихія, но нигдѣ не было видно, чтобы онъ предъявлялъ о какой-либо апелляціи; конечно, здѣсь разумѣется апелляція въ Римъ). Итакъ, мы имѣемъ новую худую черту изъ нравственнаго облика ересеучителя!" Но мы возвратимся къ письму св. папы.

„Когда вышли у васъ такія дѣла, мы до сихъ поръ не знаемъ, по какой справедливости онъ отлученъ отъ общенія церковнаго! А посему пусть твое братство извѣститъ насъ подробнѣйшимъ донесеніемъ о томъ, какая возникла у васъ новизна противъ древней вѣры. Упомянутый архимандритъ,— пишетъ, между прочимъ, св. Левъ,— признается въ собственной просьбѣ, что онъ готовъ исправиться, если въ немъ найдется что-либо достойное укоризны". (Новая фальшивая черта въ Евтихіѣ: на соборѣ онъ вовсе не обнаруживалъ склонности къ податливости и уступкамъ въ своихъ убѣжденіяхъ. А уже его ли не убѣждали!).

Флавіанъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ на заботливое писаніе св. отца. Послѣ немногосложнаго вступленія онъ переходитъ къ сущности отвѣта: „Флавіанъ поставляетъ дѣло такъ, что лжеученіемъ Евтихія нарушается православная вѣра, возобновляются ереси Аполлинарія и Валентина. Этотъ Евтихій,—пишетъ Флавіанъ, — недобросовѣстно и безстыдно началъ распространять между многими собственное нечестіе, говоря, что прежде вочеловѣченія нашего Спасителя Іисуса Христа было два естества—божеское и человѣческое, а послѣ ихъ соединенія въ немъ стало одно естество. Присовокупилъ онъ еще и другое нечестіе, утверждая, что тѣло Господа, образовавшееся отъ Маріи, не есть нашего существа и не человѣческаго состава; но хотя и называетъ его человѣческимъ, однако же не признаетъ его односущественнымъ ни нашимъ тѣламъ, ни Родившей Его по плоти. Справедливымъ считаю, — продолжалъ Флавіанъ, — извѣстить васъ и о томъ что этотъ Евтихій заслуживаетъ справедливое каноническое осужденіе, вмѣсто того, чтобы совершеннымъ покаяніемъ загладить свою вину и умилостивить Бога, не только ничего этого не сдѣлалъ, но даже покусился совсѣмъ возмутить нашу церковь, публично распространяя жалобы на наши будто бы несправедливости, жалобы, исполненныя злорѣчія, и сверхъ сего принося моленія благочестивѣйшему императору. Такимъ образомъ, онъ попралъ всѣ божественныя правила. Теперь изъ вашего письма мы узнаемъ, что тотъ же Евтихій отправилъ къ вамъ просьбы; но эти просьбы исполнены всякой

лжи и коварства. Онъ утверждаетъ, что онъ во время суда предложилъ апелляціонныя жалобы и на меня и на самый соборъ, призывая быть судіею ваше святѣйшество, чего никакъ не было имъ сдѣлано: онъ солгалъ и въ этомъ дѣлѣ, надѣясь чрезъ ложь привлечь къ себѣ благосклонность вашу".

Изложивъ сіе, Флавіанъ проситъ св. папу дѣйствовать со свойственною ему правотою, укрѣпить вѣру благочестивѣйшаго императора: „Чрезъ ваши письма ересь низложится, не будетъ нужды ни въ соборѣ, который уже объявляется, дабы чрезъ это не возмутились какимъ-либо образомъ святѣйшія церкви! Будь невредимъ о Господѣ, — заключаетъ Флавіанъ свое посланіе,—для церкви и для насъ и молись за насъ, благочестивѣйшій и святѣйшій отецъ".

Въ дополненіе къ сему посланію Флавіанъ вскорѣ же отправилъ къ св. Льву другое свое посланіе, гдѣ хотя и повторяетъ въ сущности то-же. что сказано имъ въ первомъ посланіи, но только съ большею полнотою выражаетъ сущность лжеученія Евтихіева. „Евтихій утверждалъ, — пишетъ Флавіанъ,—что не должно исповѣдывать Господа нашего Іисуса Христа состоящимъ изъ двухъ естествъ послѣ Его вочеловѣченія, такъ какъ Онъ познается нами только въ одной ѵпостаси, въ одномъ лицѣ и что самое тѣло Господа будто бы не односущественно намъ, на томъ основаніи, что, бывъ воспринято отъ насъ, оно соединилось съ Богомъ Словомъ ѵпостасно; напротивъ, онъ говорилъ, что хотя Дѣва, Которая родила Его по плоти, односущественна намъ, самъ Господь не воспринялъ отъ Нея плоти, односущественной намъ; и тѣло Господа не есть тѣло человѣческое, называется же человѣческимъ потому, что оно отъ Дѣвы". Въ виду зловредности суемудрія Евтихіева, Флавіанъ просилъ св. Льва, чтобы онъ объявилъ о нечестіи Евтихія всѣмъ епископамъ, находящимся подъ властію Римскаго престола, для того, чтобы кто-нибудь по невѣдѣнію того, какъ онъ, Евтихій, мыслитъ, не относился къ нему, какъ къ православному или письмомъ, или другимъ какимъ образомъ.

Въ отвѣтъ на это-то посланіе Флавіаново св. Левъ, папа Римскій, издалъ свое знаменитѣйшее въ исторіи церкви

посланіе противъ ереси Евтихія. Съ этимъ посланіемъ намъ еще не разъ придется встрѣтиться въ изложеніи послѣдующемъ; а потому мы отвлечемъ на время свое вниманіе отъ повѣствованія о происшествіяхъ историческихъ и выслушаемъ этотъ документъ содержанія догматическаго.

Окружное или соборное посланіе святѣйшаго Льва, архіепископа города Рима, писанное къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому (противъ ереси Евтихія).

„Возлюбленому брату Флавіану Левъ епископъ.

Прочитавъ посланіе твоей любви, такъ запоздавшее къ нашему удивленію, и разсмотрѣвъ порядокъ епископскихъ дѣяній, наконецъ, мы узнали, какой случился у васъ соблазнъ и возсталъ противъ чистоты вѣры и то, что прежде казалось тайною, нынѣ сдѣлалось для насъ явнымъ. Такимъ образомъ, Евтихій, удостоенный было имени архимандрита и сана пресвитерскаго, оказался весьма безразсуднымъ и столь великимъ невѣждою, что и къ нему могутъ быть отнесены слова пророка: не восхотѣ разумѣти, еже ублажити (дѣлать добро), беззаконіе умысли на ложи своемъ (Псал. XXXV, 4, 5). А что беззаконнѣе, какъ нечестиво умствовать о вѣрѣ и не слѣдовать мудрѣйшимъ и опытнѣйшимъ? Но сему-то безумію подвергаются тѣ, которые, встрѣтивъ въ чемъ-либо неясномъ затрудненіе къ познанію истины, прибѣгаютъ не къ пророческимъ изреченіямъ, не къ писаніямъ апостольскимъ, и не евангельскому авторитету, а къ самимъ себѣ, и, такимъ образомъ, не захотѣвъ быть учениками истины, становятся учителями заблужденія. Ибо какіе могъ пріобрѣсти успѣхи въ знаніи священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта тотъ, кто не уразумѣлъ первыхъ словъ самого символа, и что по всей вселенной исповѣдуется устами всѣхъ возрожденныхъ, того еще не понимаетъ сердцемъ этотъ старикъ. Поэтому, не зная того, что должно думать о воплощеніи Бога Слова и не желая потрудиться на широкомъ поприщѣ священныхъ писаній, чтобы сподобиться свѣта вѣдѣнія, онъ долженъ бы былъ принять внимательнымъ слухомъ по крайней мѣрѣ то

всеобщее и единогласное исповѣданіе, которое исповѣдуютъ всѣ вѣрующіе: „вѣруемъ въ Бога Отца Вседержителя и въ Іисуса Христа, единороднаго Сына Его, Господа нашего, родившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы“.

Этими тремя изреченіями ниспровергаются ухищренія всѣхъ почти еретиковъ. Ибо когда вѣруемъ, что Богъ есть и Вседержитель, и вѣчный Отецъ, то этимъ уже доказывается, что Сынъ совѣченъ Ему и ничѣмъ не разнствуетъ отъ Отца, потому что рожденъ отъ Бога Богъ, отъ Вседержителя Вседержитель, отъ Вѣчнаго Совѣчный, а не позднѣйшій по времени, не низшій по власти, не разнственный по славѣ, не отдѣльный по существу. Онъ же вѣчнаго Отца вѣчный Единородный родился отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы. Это временное рожденіе ничего не убавило у того божественнаго и вѣчнаго рожденія и ничего къ нему не прибавило, но всецѣло предало себя на спасеніе заблудшаго человѣка, чтобы и смерть побѣдить, и силою своею сокрушить діавола, имущаго державу смерти (Евр. II, 14). Ибо мы не могли бы побѣдить виновника грѣха и смерти, если бы нашего естества не воспринялъ и не усвоилъ Тотъ, Котораго ни грѣхъ не могъ уязвить, ни смерть удержать въ своей власти. Онъ зачался отъ Духа Святаго во чревѣ Матери Дѣвы, Которая какъ зачала Его, пребывъ дѣвою, такъ и родила, сохранивъ дѣвство.

Но если онъ не могъ почерпнуть точнаго понятія изъ этого чистѣйшаго источника христіанской вѣры (т. е. изъ символа), потому что онъ собственнымъ ослѣпленіемъ затемнилъ для себя блескъ очевидной истины, то обратился бы къ ученію евангельскому, гдѣ Матѳей говоритъ: Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраама (Матѳ. I, 1); поискалъ бы наставленія также въ проповѣди апостольской и, читая въ посланіи къ Римлянамъ: Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Божіе, еже прежде обѣща пророки Своими въ писаніяхъ святыхъ о Сынѣ Своемъ, бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти (Рим. I, 1—3), съ благочестивою любознательностію приступилъ бы къ книгамъ пророческимъ и нашелъ бы обѣ-

тованіе Божіе, данное Аврааму: и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы (Быт. XXII, 17). А чтобы не недоумѣвать о свойствѣ сего сѣмени, пусть послѣдовалъ бы апостолу, который сказалъ: Аврааму же речени быша обѣты и сѣмени его; не глаголетъ же: и сѣменемъ, яко о мнозѣхъ, но яко о единомъ: и сѣмени твоему, иже есть Христосъ (Гал. III, 16). Пусть также внялъ бы внутреннимъ слухомъ своимъ пророчеству Исаіи, который говорилъ: се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ (Исаіи VII, 14; Матѳ. I, 23); прочиталъ бы съ вѣрою и сіи слова того же пророка: Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, Его же начальство на рамѣ Его; и нарицается имя Его: велика совѣта ангелъ, чуденъ совѣтникъ, Богъ крѣпкій, князь мира, отецъ будущаго вѣка (Исаіи IX, 6). Тогда не сталъ бы говорить пустословія, будто Слово стало плотію такъ, что Христосъ, рожденный изъ дѣвической утробы, имѣлъ образъ человѣка, а не имѣлъ истиннаго тѣла (такого же, какъ и тѣло) Матери. Не потому ли, можетъ быть, онъ признаетъ Господа нашего Іисуса Христа не имѣющимъ нашего естества, что ангелъ, посланный къ благословенной Маріи, говорилъ: Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя; тѣмже и раждаемое (отъ Тебя) свято, наречется Сынъ Божій (Лук. I, 35), т. е. такъ какъ зачатіе Дѣвы было дѣйствіе божественное, то и плоть Зачатаго не была отъ естества Зачавшей? Но это рожденіе исключительно удивительное и удивительно исключительное должно быть понимаемо не такъ, чтобы необыкновенностью рожденія уничтожилось свойства рода.

Плодотворность Дѣвѣ дарована Духомъ Святымъ, а истинное тѣло заимствовано отъ Ея тѣла. И когда, такимъ образомъ, Премудрость созидала Себѣ домъ, Слово плоть бысть и вселися въ ны (Іоан. I, 14), т. е. въ той плоти, которую Оно заимствовало отъ человѣка, и которую одушевило духомъ жизни разумной.

Такимъ образомъ, при сохраненіи свойствъ того и другаго естества и при сочетаніи ихъ въ одно лице, воспринято величіемъ уничиженіе, могуществомъ немощь, вѣчностію смерт-

ность. Для уплаты долга естества нашего безстрастное естество соединилось со страстною природою, дабы одинъ и тотъ же Ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ (1 Тим. II, 5) и могъ умереть по одному (естеству), и не могъ умереть по другому, какъ того и требовало свойство нашего врачеванія. Посему истинный Богъ родился въ подлинномъ и совершенномъ естествѣ истиннаго человѣка: всецѣлъ въ Своемъ, всецѣлъ въ нашемъ. Нашимъ же называемъ то, что Творецъ положилъ въ насъ въ началѣ и что Онъ восхотѣлъ возвратить намъ.

Ибо въ Спасителѣ не было и слѣда того, что принесъ въ человѣка искуситель и что прельщенный человѣкъ допустилъ (въ себя).

И хотя Онъ сдѣлался причастнымъ человѣческихъ немощей, но отсюда не слѣдуетъ, что сдѣлался участникомъ и нашихъ грѣховъ. Онъ воспріялъ образъ раба безъ скверны грѣха, возвеличивая человѣческое и не уменьшая божественнаго, потому что то истощаніе, по которому невидимый содѣлался видимымъ и по которому Творецъ и Владыка всѣхъ тварей восхотѣлъ быть однимъ изъ человѣковъ, было снизхожденіемъ Его милосердія, а не недостаткомъ могущества. Посему Тотъ, Который, пребывая въ образѣ Божіемъ, сотворилъ человѣка, Онъ же самый содѣлался человѣкомъ, принявъ образъ раба. Оба естества сохраняютъ свои свойства безъ всякаго ущерба. Какъ образъ Божій не уничтожаетъ образа раба, такъ и образъ раба не умаляетъ образа Божія. А такъ какъ діаволъ хвалился тѣмъ, что прельщенный его коварствомъ человѣкъ лишился божественныхъ даровъ и, обнажившись отъ блага безсмертія, подпалъ строгому приговору смерти, а онъ (діаволъ) въ своемъ бѣдственномъ положеніи нашелъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что имѣлъ участника своей измѣны, что будто и Богъ, по требованію Своего правосудія перемѣнилъ Свое опредѣленіе о человѣкѣ, котораго сотворилъ для такой чести, то открылась нужда въ домостроительствѣ тайнаго совѣта для того, чтобы и неизмѣняемый Богъ, Котораго воля не можетъ лишиться свойственной ей благости, исполнилъ, посредствомъ сокровен-

нѣйшаго таинства, первое о насъ опредѣленіе Своей любви, и человѣкъ, впавшій въ грѣхъ по коварству злобы діавольской, не погибъ вопреки божественному намѣренію. Итакъ, Сынъ Божій, низойдя съ небеснаго престола, приходитъ въ сіи дольнія (страны) міра и, не разлучаясь отъ славы Отца, раждается новымъ способомъ, новымъ рожденіемъ. Новымъ способомъ, потому что Невидимый въ собственномъ (естествѣ) сталъ видимымъ въ нашемъ, Непостижимый благоволилъ содѣлаться постижимымъ, Предвѣчный началъ быть во времени, Господь вселенной воспріялъ образъ раба, сокрывъ безмѣрность Своего величія; безстрастный Богъ не возгнушался сдѣлаться человѣкомъ, могущимъ страдать, и безсмертный — подвергнуться закону смерти. Новымъ же рожденіемъ рожденъ Онъ, потому что непорочное дѣвство не познало похоти, и между тѣмъ доставило вещество плоти. Итакъ, Господь принялъ отъ Матери естество, но не грѣхъ.

А изъ того, что рожденіе это чудно, не слѣдуетъ, что естество Господа нашего Іисуса Христа, рожденнаго изъ утробы Дѣвы, отлично (отъ нашего). Ибо Тотъ, Который есть истинный Богъ, есть вмѣстѣ и истинный человѣкъ. И если уничиженіе человѣка и величіе божества взаимно соединились, то въ этомъ единствѣ нѣтъ никакого превращенія. Ибо какъ Богъ не измѣняется чрезъ милосердіе, такъ человѣкъ не уничтожается чрезъ прославленіе. Каждое изъ двухъ естествъ въ соединеніи съ другимъ дѣйствуетъ такъ, какъ ему свойственно: Слово дѣлаетъ свойственное Слову, а плоть исполняетъ свойственное плоти. Одно изъ нихъ сіяетъ чудесами, другое подлежитъ страданію. И какъ Слово не отпало отъ равенства въ славѣ съ Отцемъ, такъ и плоть не утратила естества нашего рода. Ибо одинъ и тотъ же (объ этомъ часто нужно говорить) есть истинно Сынъ Божій и истинно сынъ человѣческій: есть Богъ, потому что въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово (Іоан. I, 1); есть человѣкъ, потому что Слово плоть бысть и вселися въ ны (Іоанн. I, 14); Богъ, потому что вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничто же бысть (Іоан. I, 3); человѣкъ, потому что рожденъ отъ жены, былъ подъ закономъ (Гал. IV, 4). Рожденіе

плоти есть обнаруженіе человѣческаго естества; а что Дѣва раждаетъ, это есть знаменіе божественной силы. Младенчество Отрочати свидѣтельствуется бѣдными пеленами; величіе же Всевышняго возвѣщается пѣніемъ ангеловъ. Новорожденному человѣческому (сыну) подобенъ Тотъ, Котораго Иродъ нечестивый хочетъ умертвить; но Господь вселенной есть Тотъ, Которому раболѣпно поклониться съ радостію идутъ волхвы. Когда Онъ пришелъ принять крещеніе отъ Предтечи Своего Іоанна, тогда, дабы не утаилось, что подъ покровомъ плоти скрывается божество, съ неба возгремѣлъ гласъ Отца: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ (Матѳ. III, 17). Далѣе, Его, какъ человѣка, искушаетъ діавольское коварство, и Ему же, какъ Богу, служатъ чины ангельскіе. Алкать, жаждать, утруждаться и спать, очевидно, свойственно человѣку; но пять тысячъ человѣкъ насытить пятью хлѣбами, но женѣ самарянской дать воду живую, отъ которой піющій не будетъ уже болѣе жаждать, но не мокрыми ногами ходить по поверхности моря и утишеніемъ бури укрощать возмущеніе волнъ, безъ сомнѣнія, есть дѣло божественное. Какъ не одного и того же естества дѣло—и плакать изъ состраданія по умершемъ другѣ, и его же, по удаленіи камня отъ четвородневной могилы, воскрешать къ жизни силою одного слова; или висѣть на древѣ и въ то-же время превратить день въ ночь и поколебать всѣ стихіи; или быть пригвожденнымъ (ко кресту) и въ то-же время отверзать вѣрѣ разбойника двери рая (о многомъ умалчиваемъ); такъ не одному и тому же естеству свойственно говорить: Азъ и Отецъ едино есма (Іоан. X, 29), и — Отецъ Мой болій Мене есть (Іоан. XIV, 28). Ибо хотя въ Господѣ Іисусѣ одно лице Бога и человѣка, однако, иное то, откуда происходитъ общее того и другаго уничиженіе, и иное то, откуда проистекаетъ общее ихъ прославленіе.

Отъ нашего (въ Немъ естества) у Него есть меньшее—Отца человѣчество, а отъ Отца у Него есть равное съ Отцемъ божество. По причинѣ этого-то единства лица, которое должно разумѣть по отношенію къ тому и другому естеству, и о Сынѣ человѣческомъ читаемъ, что Онъ сшелъ съ неба, тогда

какъ Сынъ Божій воспріялъ плоть отъ Дѣвы, отъ Которой родился; и обратно о Сынѣ Божіемъ говорится, что Онъ распятъ и погребенъ, тогда какъ Онъ потерпѣлъ сіе не божествомъ, по которому Единородный совѣченъ и единосущенъ Отцу, а немощнымъ человѣческимъ естествомъ. Отсюда всѣ мы и въ символѣ (вѣры) исповѣдуемъ Единороднаго Сына Божія распятымъ и погребеннымъ, сообразно съ сими словами апостола: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли (1 Кор. II, 8). А когда самъ Господь нашъ и Спаситель, научая Своихъ учениковъ вѣрѣ посредствомъ вопросовъ, спросилъ: кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго? и когда на ихъ отвѣтъ, что различные различно объ этомъ думаютъ, Онъ сказалъ: вы же кого Мя глаголете быти? Меня, т. е. Сына человѣческаго, Котораго вы видите въ образѣ раба и въ истинномъ тѣлѣ, за кого вы Меня считаете?—тогда блаженный Петръ, по вдохновенію свыше и на пользу отъ своего исповѣданія всѣмъ народамъ, отвѣчалъ: Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго (Матѳ. XVI, 13—16). И достойно названъ блаженнымъ отъ Господа и отъ сего первообразнаго камня стяжалъ твердость и силы и имени своего тотъ, который по откровенію Отца исповѣдалъ одного и того же и Сыномъ Божіимъ и Христомъ; потому что одно изъ сихъ (наименованій), взятое отдѣльно отъ другого, не служило во спасеніе, напротивъ, одинаково было опасно исповѣдать Господа Іисуса Христа только Богомъ, а не вмѣстѣ и человѣкомъ, или признать Его простымъ человѣкомъ, а не вмѣстѣ и Богомъ!

По воскресеніи же Господа, которое, конечно, есть воскресеніе истиннаго тѣла, такъ какъ не иной кто воскресъ, а Тотъ же, Кто былъ распятъ и умеръ; что иное дѣлалось въ продолженіе сорокадневнаго Его пребыванія (на землѣ), какъ не то, чтобы чистота вѣры нашей была свободна отъ всякаго мрака? Такъ, Онъ то бесѣдовалъ съ учениками Своими, обращался и ѣлъ съ ними, а тѣхъ изъ нихъ, которыхъ безпокоило сомнѣніе, допустилъ осязать Себя тщательнымъ и нарочитымъ осязаніемъ, то входилъ къ ученикамъ Своимъ, тогда какъ двери были заперты, давалъ имъ Духа Святаго дуно-

веніемъ Своимъ и, даровавъ имъ свѣтъ разумѣнія, открывалъ тайны священныхъ писаній, то опять показывалъ рану въ боку Своемъ, и язвы отъ гвоздей, и всѣ знаки недавняго страданія, говоря: видите руцѣ Мои и нозѣ Мои, яко самъ Азъ есмь; осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, яко же Мене видите имуща (Лук. XXIV, 39). И все это для того, чтобы убѣдить, что въ Немъ свойства божественнаго и человѣческаго естества пребываютъ нераздѣльно, и чтобы, такимъ образомъ, мы знали, что (въ Немъ) Слово не то-же, что плоть, и исповѣдывали единаго Сына Божія и Словомъ, и плотію (вмѣстѣ). Сего-то таинства вѣры должно считать вовсе чуждымъ этого Евтихія, который въ Единородномъ Божіемъ не признаетъ нашего естества ни въ уничиженіи смерти, ни въ славѣ воскресенія.

И не ужаснулся онъ суда блаженнаго апостола и евангелиста Іоанна, который сказалъ: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть; и всякъ духъ, иже раздѣляетъ Іисуса, отъ Бога нѣсть, и сей есть антихристъ (1 Іоан. IV, 2, 3). А что значитъ раздѣлять Іисуса, какъ не отдѣлять отъ Него человѣческое естество и безстыдными вымыслами упразднять таинство вѣры, которымъ однимъ мы спасены? Слѣпотствуя же въ отношеніи къ природѣ тѣла Христова, онъ по необходимости съ такою же слѣпотою будетъ безумствовать о ней въ состояніи страданія Его. Ибо если онъ не считаетъ креста Господня за призракъ и не сомнѣвается, что страданіе, воспріятое за спасеніе міра, было истинное (страданіе), то онъ долженъ признать и плоть Того, смерти Котораго онъ вѣруетъ. Пусть не говоритъ онъ, что не нашего тѣла былъ Тотъ человѣкъ, Котораго самъ признаетъ страдавшимъ, ибо отрицаніе истинной плоти есть отрицаніе и страданій плоти. Итакъ, если онъ пріемлетъ христіанскую вѣру и не отвращаетъ своего слуха отъ проповѣди евангельской, то пусть разсудитъ, какое естество, пронзенное гвоздями, висѣло на древѣ крестномъ; пусть размыслитъ, когда воинъ копіемъ отверзъ бокъ Распятаго, откуда тогда истекла кровь и вода для омовенія церкви Божіей банею и напоенія чашею.

Пусть послушаетъ и блаженнаго Петра, который проповѣдуетъ, что освященіе Духомъ бываетъ чрезъ окропленіе кровію Христовою (1 Петр. I, 2). Пусть не мимоходомъ прочтетъ слова того же апостола: вѣдяще, яко не истлѣннымъ сребромъ или златомъ избавистеся отъ суетнаго вашего житія, отцы преданнаго, но честною кровію яко агнца непорочна и пречиста Іисуса Христа (1 Петр. I, 18—19). Пусть не противится и свидѣтельству блаженнаго апостола Іоанна, который говоритъ: и кровь Іисуса Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (1 Іоан. I, 7), и въ другомъ мѣстѣ: сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша. Кто есть побѣждаяй міръ, токмо вѣруяй, яко Іисусъ есть Сынъ Божій? Сей есть пришедый водою и кровію Іисусъ Христосъ; не водою точію, но водою и кровію; и Духъ есть свидѣтельствуяй, яко Христосъ есть истина; яко тріе суть свидѣтельствующіи: Духъ, и вода, и кровь; и сіи три едино суть (1 Іоан. V, 4—6, 8), то есть духъ освященія, кровь искупленія и вода крещенія. Сіи три составляютъ одно и пребываютъ нераздѣльными; ни одно изъ нихъ не отдѣляется отъ своего единства, такъ какъ каѳолическая церковь живетъ и преуспѣваетъ тою именно вѣрою, чтобы во Христѣ Іисусѣ не исповѣдывать ни человѣчества безъ истиннаго божества, ни божества безъ истиннаго человѣчества. Евтихій, отвѣчая на пункты вашего допроса, говорилъ: „исповѣдую, что Господь нашъ прежде соединенія былъ изъ двухъ естествъ, по соединеніи же исповѣдую одно естество“.

Удивляюсь, что столь безразсудное и столь нечестивое исповѣданіе его не было порицаемо никакою укоризною со стороны судившихъ (его), и что эти слишкомъ безумныя и слишкомъ хульныя слова оставлены безъ вниманія, какъ бы не было выслушано ничего оскорбительнаго! Тогда какъ столько же нечестиво говорить, что единородный Сынъ Божій былъ двухъ естествъ до воплощенія, сколько нелѣпо утверждать, что въ Немъ одно естество послѣ того, какъ Слово плоть бысть. Чтобы Евтихій не сталъ считать мнѣнія своего или вѣрнымъ, или сноснымъ, на томъ основаніи, что оно не было опровергнуто ни однимъ вашимъ голосомъ,

то убѣждаемъ тщаніе любви твоей, возлюбленный братъ, очистить невѣжественнаго человѣка и отъ этого пятна на его сознаніи, если по дѣйствію милосердія Божія дѣло его приметъ добрый оборотъ, ибо онъ хорошо началъ было отступать отъ своего убѣжденія (какъ видно изъ хода соборныхъ дѣяній), когда по вашему требованію обѣщался признавать то, чего прежде не признавалъ, и успокоиться на той вѣрѣ, которой прежде былъ чуждъ. Но когда онъ не захотѣлъ изъявить согласія предать анаѳемѣ (свой) нечестивый догматъ, то ваше братство изъ этого заключило, что онъ остается въ своемъ нечестіи и заслуживаетъ приговора осужденія. Впрочемъ, если онъ искренно и нелицемѣрно кается и сознаетъ, хотя бы и поздно, какъ справедливо подвиглась противъ него власть епископская, или если онъ, для полнаго оправданія, осудитъ всѣ свои худыя мысли и устно и собственноручною подписью, то милосердіе къ исправившемуся, какъ бы оно ни было велико, не будетъ предосудительно. Ибо Господь нашъ, истинный и добрый пастырь, душу Свою положившій за Своихъ овецъ и пришедшій спасти души человѣческія, а не погубить, хочетъ, чтобы мы были подражателями Его человѣколюбія, т. е. чтобы согрѣшающихъ обуздывала правда, а обратившихся не отталкивало милосердіе.

Тогда собственно съ полнымъ успѣхомъ защищается истинная вѣра, когда ложное мнѣніе осуждается самыми послѣдователями своими.

Для вѣрнаго же и безпристрастнаго изслѣдованія всего дѣла мы отправили вмѣсто себя братій нашихъ, епископа Юліана и пресвитера Рената, и еще сына моего діакона Иларія. Къ нимъ присоединили мы нотарія нашего Дульциція, котораго вѣра много разъ испытана нами.

Уповаемъ на содѣйствіе помощи Божіей, что заблудившій, осудивъ неправоту своего образа мыслей, спасется.

Богъ да сохранитъ тебя въ здравіи, возлюбленный братъ!

Дано въ іюньскія иды, въ консульство свѣтлѣйшихъ консуловъ Астерія и Протогена“.

О значеніи сего посланія св. Льва догматическомъ мы будемъ еще встрѣчать указанія въ изложеніи дальнѣйшемъ.

Здѣсь же воспользуемся послѣдними указаніями въ этомъ посланіи для того, чтобы удержать по возможности связь въ изложеніи обстоятельствъ со стороны исторической. Въ своемъ изложеніи предшествовавшемъ мы имѣли уже случай замѣтить, что императоръ для болѣе спокойнаго и безпристрастнаго разслѣдованія дѣла Евтихіева пришелъ къ мысли перенести это разсмотрѣніе на новый соборъ. Теперь въ посланіи Флавіана къ папѣ Льву Великому также есть указаніе на то, что соборъ уже объявляется. Въ отвѣтномъ посланіи св. Льва къ Флавіану присоединено даже указаніе и на лица, коихъ вмѣстѣ съ посланіемъ папа посылалъ отъ себя на соборъ. Этими концами, какъ нитью, мы воспользуемся, чтобы связать повѣствованіе о ходѣ дѣлъ въ возможно удобно вмѣстимый порядокъ, при столь разрозненномъ и отрывочномъ указаніи въ письменныхъ памятникахъ.

О созваніи собора оповѣщено было императорскими указами къ епископамъ разныхъ областей изъ всѣхъ округовъ, составившихъ впослѣдствіи патріархаты, числомъ около 150. О свойствѣ указовъ, приглашавшихъ на соборъ, можно судить, какъ по образцу, по высочайшему указу къ Діоскору Александрійскому, каковой указъ сохранился между актами собора. „Самодержцы, кесари Ѳеодосій и Валентиніанъ, побѣдители, тріумфаторы, высочайшіе, всегда досточтимые, августы—Діоскору“. Послѣ нѣсколькихъ словъ о значеніи благочестія для процвѣтанія имперіи и о своей заботливости къ тому, чтобы благочестіе сіяло въ имперіи, императоры продолжаютъ. „Такъ какъ въ настоящее время неожиданно возникло нѣкоторое недоразумѣніе, то для охраненія каѳолическихъ и апостольскихъ догматовъ нашей православной вѣры, которая, будучи волнуема разнообразными мнѣніями, естественно возмущаетъ и смущаетъ сердца и умы людей, мы сочли неумѣстнымъ оставить безъ вниманія этотъ проступокъ, чтобы такое опущеніе не оказалось оскорбленіемъ самому Верховному Судіи. И потому мы повелѣли собравшимся благочестивѣйшимъ и боголюбезнѣйшимъ мужамъ, для которыхъ важнѣйшее дѣло составляетъ забота о благочестіи и православной и истинной вѣрѣ, подвергнувши тщательному

изслѣдованію съ одной стороны, разрѣшить все это тщетное недоумѣніе, а съ другой—утвердить истинную и богоугодную, г. е. православную вѣру. Вслѣдствіе этого и твоя святость, взявши съ собою десять почтеннѣйшихъ епископовъ митрополитовъ изъ твоего округа и десять другихъ святѣйшихъ епископовъ, извѣстныхъ умомъ и жизнію и предъ всѣми славныхъ справедливостію, знаніемъ чистой и истинной вѣры и учительствомъ, пусть поспѣшитъ безъ замедленія къ ближайшимъ августовскимъ календамъ (греко-римскій способъ обозначенія чиселъ мѣсяца) прибыть въ Ефесъ—митрополію Асіи (вставка: разумѣется, никто другой, кромѣ упомянутыхъ епископовъ, не будетъ обременять святѣйшій соборъ), чтобы, такимъ образомъ, когда всѣ святѣйшіе и боголюбезнѣйшіе епископы, которымъ мы повелѣли собраться нашими высочайшими посланіями, соберутся вмѣстѣ въ помянутомъ городѣ и сдѣлаютъ тщательное изслѣдованіе и розысканіе, съ одной стороны, искоренилось всякое нечестивое заблужденіе, а съ другой—утвердилось и просіяло ученіе вѣры православной и истинной и угодной Спасителю нашему Христу. Далѣе слѣдуетъ угроза тѣмъ, кто отважился бы ослушаться сего императорскаго повелѣнія и не явится на соборъ въ назначенное мѣсто. Въ заключеніе сего опредѣленія упомянуто въ частности о личности блаженнаго Θеодорита, епископа Кирскаго: блаженному Θеодориту позволяется не прежде придти на соборъ, какъ когда угодно будетъ всему собору, чтобы и онъ присутствовалъ на этомъ святомъ соборѣ.

Еще не простираясь вдаль обозрѣніемъ занятій сего собора, даже съ одной этой начальной точки мы уже можемъ предусматривать, какого характера будутъ занятія предстоящаго собора. Спрашивается: почему такая немилость высказывается къ личности блаженнаго Θеодорита? На Константинопольскомъ соборѣ никакой его дѣятельности не было заявлено. Откуда же на него такая немилость? Ясно видно, что на императора воздѣйствовала партія, благорасположенная къ Евтихію; эта партія одушевлена была ревностію, хотя въ сущности слѣпою къ памяти св. Кирилла Александрійскаго; но блаженный Θеодоритъ имѣлъ горькія недоразумѣнія

и прекеканія съ Кирилломъ. Еще ничего не видя, устраняется отъ участія на соборѣ видное лицо, ознаменовавшее себя ранѣе несочувствіемъ къ нѣкоторымъ выраженіямъ Кирилла Александрійскаго; не ясный ли знакъ, что этимъ устраненіемъ такого лица уже заранѣе подготовляются пути къ тому, чтобы партія, противоположная ему, т. е. партія Евтихія, получила возможность успѣшнѣе обдѣлать свое дѣло! Ѳеодоритъ—противникъ св. Кирилла Александрійскаго, но противникъ св. Кирилла есть противникъ Евтихія, почитателя Кириллова, хотя Евтихій и худо понималъ ученіе Кириллово.

Не иное какое-либо заключеніе, а именно такое же, что соборъ Ефесскій подбирался и постановлялся такъ, чтобы дать больше силы партіи Евтихіевой, въ противовѣсъ его прежнимъ судіямъ, можно и даже должно выводить и изъ того распоряженія Ѳеодосіева, коимъ онъ повелѣваетъ допустить къ участію на соборѣ архимандрита Варсуму. „До слуха императорскаго, гласилъ указъ, дошло, что многіе изъ епископовъ оказываются зараженными мыслями Несторія и что многіе архимандриты негодуютъ на такихъ зараженныхъ нечестіемъ Несторія епископовъ и подвизаются за православную вѣру“. Къ такимъ знаменитостямъ по убѣжденію императора принадлежалъ боголюбезнѣйшій архимандритъ Варсума и вотъ объ этой-то личности было издано два указа—одинъ къ Діоскору о томъ, чтобы Варсума былъ допущенъ на соборъ, другой къ самому Варсумѣ, чтобы сія святость, славная чистотою жизни и православною вѣрою, прибыла въ городъ Ефесъ и, занимая мѣсто выше всѣхъ боголюбезнѣйшихъ архимандритовъ востока, присутствовала на назначенномъ тамъ соборѣ. Можно ли отказаться отъ этой же мысли, т. е. отъ мысли о томъ, что Ефесскій соборъ подготовленъ былъ къ тому, чтобы дать льготу и новую силу партіи Евтихія при обсужденіи пункта о назначеніи предсѣдателя на Ефесскомъ соборѣ! Предсѣдательство на соборѣ предоставлено было указомъ императора Діоскору Александрійскому; почему же ему, а не архіепископу Антіохійскому или Іерусалимскому, или наконецъ, почему не папѣ Римскому? Римскій епископъ приглашеніе на соборъ получилъ; но св. Левъ

отъ личнаго участія на соборѣ отказался, отписавъ императору Ѳеодосію на его приглашеніе: 1) что это необычно, т. е. что Римскіе епископы не были ни на Никейскомъ, ни на другихъ вселенскихъ соборахъ; 2) что ему неудобно оставлять свой городъ и народъ; 3) что предметъ совѣщанія раскрытъ вполнѣ ясно и все дѣло можетъ быть установлено и безъ его личнаго участія. Не рѣшаясь отправляться на соборъ самъ, св. Левъ посылаетъ отъ себя 4 депутатовъ: Юліана, епископа Путеольскаго, пресвитера Рената, діакона Иларія и нотаріуса Дульциція и съ ними посланіе къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому, и къ собору, гдѣ ясно выражалъ правую вѣру противъ лжеумствованія Евтихія. Посланіе св. Льва къ Флавіану мы выслушали недавно; теперь нѣсколько словъ о посланіи св. Льва къ собору. Въ массѣ отрывочныхъ, разбросанныхъ по частямъ въ разныхъ мѣстахъ, свѣдѣній объ этомъ смутномъ времени это посланіе св. Льва къ Ефесскому собору составляетъ одинъ изъ особенно рельефныхъ документовъ и проливаетъ значительный свѣтъ къ уразумѣнію сущности дѣла, а потому мы, отступивъ на нѣсколько минутъ отъ изложенія повѣствовательнаго, заслушаемъ здѣсь этотъ документъ характера по преимуществу догматическаго.

Посланіе св. папы Льва ко второму Ефесскому собору.

„Епископъ Левъ святому собору, собравшемуся въ Ефесѣ, (желаетъ) о Господѣ всякаго блага. Благочестивѣйшая вѣра благосклоннѣйшаго императора, зная, что къ его славѣ по преимуществу относится то, если внутри церкви каѳолической не будетъ произрастать никакое зерно заблужденія, оказала такое уваженіе къ божественнымъ догматамъ, что для исполненія святого своего намѣренія, призвала авторитетъ апостольской каѳедры, какъ бы желая отъ самого блаженнѣйшаго Петра получить разъясненіе того, что было похвалено въ его исповѣданіи, когда на вопросъ Господа, за кого почитаютъ меня, Сына человѣческаго (Матѳ. XVI, 13), ученики представили различныя мнѣнія людей; но когда сами

они были спрошены, какъ вѣруютъ, то первый изъ апостоловъ, соединивъ въ краткомъ словѣ полноту вѣры, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго (Матѳ. XVI, 16), т. е. Ты, Который истинно Сынъ человѣческій и вмѣстѣ истинно Сынъ Бога живаго; Ты, говорю, истинный въ божествѣ, и истинный во плоти, и сохранивъ свойства двоякаго естества, одинъ въ томъ и другомъ. Если бы Евтихій смысленно и живо вѣровалъ этому, то никакъ не удалился бы отъ пути вѣры. Поэтому и Господь отвѣчалъ Петру: блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, Который на небесахъ. И Я говорю тебѣ, что ты Петръ и на этомъ камени созижду Мою церковь, и врата ада не одолѣютъ ея (Матѳ. XVI, 17—18). Слишкомъ далекъ отъ состава этого зданія тотъ, кто не принимаетъ исповѣданія Петра и противорѣчитъ евангелію Христа, показывая, что онъ никогда не прилагалъ своей заботливости узнать истину, и напрасно носитъ почтенный видъ тотъ, кто никакою зрѣлостію души не украсилъ сѣдину своей старости. Впрочемъ, такъ какъ не должно оставлять безъ попеченія и такихъ, и христіаннѣйшій императоръ весьма справедливо и благочестиво пожелалъ составить соборъ епископовъ, дабы полнымъ разсужденіемъ могло уничтожиться всякое заблужденіе, то поэтому и я послалъ моихъ братьевъ, епископа Юліана, пресвитера Рената и сына моего діакона Иларія и съ ними нотаріуса (писца) Дульциція, испытанной нами вѣры, которые замѣнили бы мое присутствіе на святомъ собраніи вашего братства и общею съ вами мыслію постановили бы то, что должно быть благоугодно Господу, т. е. чтобы прежде всего, осудивъ гибельное заблужденіе, разсудили бы даже и о возстановленіи того, кто заблудилъ неблагоразумно, если только онъ, принявъ истину, вполнѣ и открыто осудитъ собственнымъ голосомъ и подписомъ еретическія понятія, въ которыхъ запутался по несмыслію, что онъ и самъ объявилъ въ своей просьбѣ, которую прислалъ къ намъ, обѣщая, что онъ во всемъ готовъ послѣдовать нашему сужденію.

Получивъ же посланіе отъ нашего брата и соепископа Флавіана, мы совершенно полно отписали ему о томъ, что,

казалось, относилось до насъ, такъ, чтобы по уничтоженіи того заблужденія, въ которомъ находился обезчестившійся имъ, въ похвалу и славу Бога во всемъ мірѣ одна была вѣра, одно и то-же исповѣданіе, и о имени Іисуса поклонилось бы всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ и исповѣдалъ бы всякій языкъ, что Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца (Филип. II, 10). Аминь.

Дано въ началѣ іюня, въ консульство славнѣйшихъ мужей Астерія и Протогена".

При соображеніяхъ о созваніи лицъ духовнаго вѣдомства не забыты были распоряженія и по отношенію къ гражданской, полицейской и воинской частямъ: Елпидію, члену императорскаго совѣта, и Евлогію, трибуну и нотарію преторіи, послано было высочайшее повелѣніе, гласившее такъ: „Такъ какъ нынѣ возбуждено новое недоумѣніе касательно святой вѣры, то мы опредѣлили быть въ Ефесѣ второму собору, дабы, изгнавши отовсюду искаженіе догмата, неприкосновенною сохранить въ сердцахъ правдивость молитвы и тѣмъ упрочить безопасность государства и человѣческаго счастія. Поэтому мы избрали твою знатность и Евлогія, знаменитаго трибуна и нотарія преторіи на служеніе вѣрѣ, дабы вы, какъ вѣрные исполнители въ другихъ дѣлахъ, такъ и непорочные служители благочестія и уполномоченные, усердно послужили нашимъ повелѣніямъ въ томъ, что будетъ сдѣлано святымъ соборомъ въ Ефесѣ и не допускали ни въ какомъ случаѣ никакого безпорядка. Если же усмотрите, что кто нибудь зачинаетъ возмущеніе и безпорядки въ оскорбленіе святой вѣры, такого отдавать подъ стражу и извѣщать насъ; наблюдать, чтобы предположенное дѣло происходило въ порядкѣ, участвовать въ сужденіи, постараться, чтобы рѣшеніе св. собора было скорое и осмотрительное, и дать знать; при чемъ тѣ, которые прежде судили почтеннѣйшаго архимандрита Евтихія, должны присутствовать и молчать, не имѣя званія судей, но ожидая общаго мнѣнія всѣхъ прочихъ св. отцевъ, потому что нынѣ обсуждается то, что опредѣлено было прежде ими. Мы послали вамъ помощь и гражданскую, написавши къ знаменитому проконсулу, и на другіе случаи

военную, дабы вы, при своемъ собственномъ стараніи и при этихъ вспомогательныхъ средствахъ, въ состояніи были выполнить порученное, что настолько же выше всѣхъ прочихъ благъ, насколько божественное выше человѣческаго, и доставили намъ свѣдѣнія о томъ, что состоится по этому дѣлу".

Заключительнымъ документовъ въ порядкѣ возникновенія и разсылки всѣхъ этихъ повелѣній было посланіе самодержца ко второму Ефесскому собору. Въ этомъ посланіи послѣ краткаго вступленія, между прочимъ, было сказано: „Такъ какъ боголюбезный епископъ Флавіанъ захотѣлъ возбудить какой-то вопросъ о св. вѣрѣ противъ почтеннѣйшаго архимандрита Евтихія и, созвавши совѣтъ, началъ что-то дѣлать, то мы, относясь нѣсколько разъ къ этому боголюбезнѣйшему епископу, желали воспрепятствовать возбужденному безпорядку, будучи достаточно убѣждены въ православной вѣрѣ, преданной намъ св. отцами, бывшими въ Никеѣ, и утвержденной св. соборомъ, бывшимъ въ Ефесѣ. Но хотя мы и многократно убѣждали этого благочестивѣйшаго епископа оставить такое изслѣдованіе, чтобы это не сдѣлалось причиною безпорядковъ во всей вселенной, однако же онъ не успокоился. Разсудивши, что небезопасно безъ вашего св. собора и безъ предстоятелей св. церквей произвести такое изслѣдованіе о вѣрѣ, мы сочли необходимымъ собраться вашей святости, чтобы вы, узнавъ то, что было сдѣлано здѣсь, и возникшее изслѣдованіе, исторгли весь діавольскій корень и извергли изъ св. церквей ревнующихъ о богохульствѣ нечестиваго Несторія, или благопріятствующихъ ему, и неприкосновенность православной вѣры сдѣлали бы прочною и непоколебимою, потому что вся наша надежда и крѣпость нашей имперіи зависятъ отъ православной вѣры въ Бога и отъ вашихъ св. молитвъ".

Дополненіемъ императорскаго посланія къ собору было его же посланіе къ Діоскору, архіепископу Александрійскому, которымъ сей послѣдній уполномочивался на принятіе предсѣдательства на соборѣ. И это посланіе по тону своему подходило ко всѣмъ тѣмъ, кои мы уже имѣли возможность пересмотрѣть. Отмѣчаемъ тотъ тонъ, что все подводимо было

искусственно въ пользу партіи Евтихіевой. Въ этомъ посланіи къ Діоскору, точно черная нитка по бѣлому полю въ шитьѣ, видимо выдѣляется забота объ огражденіи партіи Евтихіевой отъ противодѣйствія ей со стороны лицъ, ей недоброжелательныхъ; нужно только прочитать изъ сего посланія нѣсколько строкъ, чтобы убѣдиться въ этой непререкаемой истинѣ.

Посланіе къ Діоскору, послѣ обычнаго адреса къ имени его, гласитъ: „Прежде сего мы повелѣли: Ѳеодориту, епископу Кирскому, не быть въ святомъ соборѣ, пока св. соборъ не постановитъ объ немъ своего мнѣнія; мы удалили его потому, что онъ дерзнулъ излагать противное тому, что написалъ о вѣрѣ блаженной памяти Кириллъ, бывшій епископъ великаго города Александріи. А такъ какъ открывается, что нѣкоторые изъ мудрствующихъ по несторіански стараются содѣйствовать тому, чтобы онъ какимъ бы то ни было образомъ присутствовалъ на св. соборѣ, поэтому мы почли необходимымъ послать къ твоему благочестію высочайшую грамоту, которою объявляемъ твоему благочестію и всему святому собору, что мы, слѣдуя правиламъ св. отцевъ, предоставляемъ твоему благочестію власть и первенство не только предъ Ѳеодоритомъ, но и предъ всѣми прочими, участвующими въ собравшемся нынѣ на св. соборѣ, зная хорошо, что и благочестивѣйшій архіепископъ Іерусалимскій Ювеналій, и благочестивѣйшій архіепископъ Ѳалассій, и всякій столь же жаркій ревнитель и защитникъ православія будутъ согласны съ твоею святостію, славною по благодати Божіей, и совершенствомъ жизни, и православіемъ вѣры. Тѣмъ же, которые осмѣливались говорить съ цѣлію или прибавить, или убавить что-либо въ опредѣленіяхъ о вѣрѣ, постановленныхъ св. отцами въ Никеѣ и потомъ въ Ефесѣ, мы не позволяемъ имѣть совершенно никакого голоса на св. соборѣ и подчиняемъ ихъ вашему суду, потому что и нынѣ для этого же мы повелѣли собраться св. собору“.

Когда всѣ назначенные на соборъ были въ сборѣ, то первый нотарій, по теперешнему сказать докладчикъ, протоколистъ или дѣлопроизводитель, пресвитеръ Іоаннъ началъ

указаніемъ на то, что благочестивѣйшимъ и христолюбивѣйшимъ императорамъ угодно было повелѣть собраться святому и великому собору, чтобы разслѣдовать недавно возникшія недоумѣнія касательно правой и чистой вѣры и съ корнемъ вырвать ихъ, Діоскоръ приказалъ читать самый указъ императорскій, коимъ митрополиты съ епископами приглашались на соборъ.

Указъ этотъ былъ циркулярный и экземпляры разнились одинъ отъ другого только начертаніемъ именъ адресатовъ, оригиналъ же былъ тотъ же, что и мы приводили, какъ посланный отъ императора къ Діоскору.

Послѣ того, какъ заслушанъ былъ указъ императорскій, приглашавшій епископовъ на соборъ, легаты отъ папы — епископъ Юліанъ и особенно діаконъ Иларій выступили съ объясненіемъ, что такое же посланіе отъ императора было прислано и папѣ, но папа самъ же не заблагоразсудилъ отправляться на соборъ, а послалъ вмѣсто себя ихъ легатовъ, а съ ними прислалъ и посланіе, которое предлагали прочитать. Діоскоръ отвѣтилъ: „пусть будетъ принято написанное святѣйшимъ братомъ нашимъ и соепископомъ Львомъ къ сему святому и вселенскому собору“. Этотъ моментъ составляетъ одно изъ труднѣйшихъ мѣстъ въ изысканіяхъ о семъ Ефесскомъ соборѣ: какъ понимать приведенныя сію минуту слова Діоскора: „пусть будетъ принято“ и т. д. Было ли оно принято къ свѣдѣнію безъ прочтенія на соборѣ, или въ словахъ Діоскора можно предполагать намѣреніе прочитать это посланіе какъ-нибудь современемъ? По подлиннымъ актамъ сего Ефесскаго собора мѣсто сіе изложено неясно, а между тѣмъ, послѣ, когда и все это дѣяніе пересматривалось на соборѣ Халкидонскомъ, о настоящемъ моментѣ было замѣчено, что посланіе св. Льва не было получено и не было читано; если бы оно было читано, то было бы внесено въ памятники. Евсевій Дорилейскій смѣло и громко говорилъ: „посланіе не было читано; Діоскоръ задержалъ у себя это посланіе“. Аеціи, архидіаконъ Константинопольскій, тогда же говорилъ: „Діоскоръ семь разъ клялся предъ всѣми, что велитъ прочитать, и однако же оно не было читано!“ Что

посланіе св. Льва читано не было, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но вопросъ: почему не было читано? Потому ли, что посланіе это очень пространно, такъ что онъ могло занять много времени, или потому, что оно было неблагопріятно Евтихію, а съ нимъ и Діоскору? Какъ бы то ни было, только рѣчь о посланіи св. Льва была, какъ говорится, замята; въ памятникахъ читаемъ: „когда это посланіе было подано, то первый нотарій, т. е. докладчикъ, сказалъ: „другое высочайшее посланіе передано святѣйшему и боголюбивѣйшему архіепископу нашему Діоскору".

Ювеналій, епископъ Іерусалимскій, сказалъ: „пусть оно будетъ прочитано и внесено въ памятники вѣры". Здѣсь разумѣлся указъ о приглашеніи на соборъ архимандрита Варсумы; объ указѣ этомъ мы тоже въ свое время уже упоминали.

Послѣ того, какъ признано было полномочіе архимандрита Варсумы на присутствованіе въ соборѣ, Діоскоръ обратился съ предложеніемъ къ военному и гражданскому чиновникамъ, присутствовавшимъ на соборѣ въ качествѣ представителей императора: симъ чинамъ было предоставлено слово, въ смыслѣ предложенія, не угодно ли имъ опредѣлить программу занятій собора. Военачальникъ Елпидій послѣ нѣсколькихъ высокопарныхъ словъ свѣтскаго греческаго краснорѣчія, весьма далеко касавшихся дѣла, перешелъ къ сущности дѣла въ такомъ оборотѣ: „нынѣ возникшее сомнѣніе благочестивѣйшій императоръ предоставляетъ вамъ, какъ отцамъ и судіямъ, и отъ васъ желаетъ получить рѣшеніе предложеннаго вопроса, которое бы послужило къ общей безопасности какъ для него самого, такъ и для его подданныхъ. Что же именно повелѣлъ намъ благочестивѣйшій императоръ и о чемъ писано къ вамъ, я сейчасъ объясню вамъ", и затѣмъ прочиталъ высочайшее повелѣніе, данное ему и Евлогію, гдѣ опредѣлялись ихъ обязанности при участіи въ занятіяхъ собора; указъ этотъ мы уже приводили выше.

Предъявивъ и какъ бы оправдавъ свое полномочіе присутствовать на соборѣ, военачальникъ Елпидій подалъ съ своей стороны предложеніе собору: „такъ какъ основаніе

вѣры есть та вѣра, ради которой вы собрались, то, при содѣйствіи Божіемъ, благоволите сдѣлать опредѣленіе о вѣрѣ, а потомъ на второмъ мѣстѣ по порядку времени пусть прочитано будетъ, что сдѣлано въ царствующемъ градѣ противъ Евтихія, почтеннѣйшаго архимандрита". Діоскоръ призналъ нужнымъ противъ такого порядка возражать: „намъ были объявлены высочайшія грамоты боголюбивѣйшихъ императоровъ, и такъ какъ въ Константинополѣ возбуждены были нѣкоторые вопросы, то они приказали быть собору. Итакъ, пусть сперва будетъ объявлено, что теперь возбуждено, а потомъ будутъ приведены справедливыя опредѣленія прежде бывшихъ святыхъ соборовъ. Каноны опредѣлили ясно, соборы уложили ясно: ихъ мы не должны преступать. Благочестивѣйшій и христолюбивый нашъ императоръ, когда возникли нѣкоторые вопросы, повелѣлъ собраться сему св. собору не для того, чтобы мы изложили свою вѣру, которую уже изложили наши отцы, но чтобы мы изслѣдовали поднятые вопросы, согласны ли они съ опредѣленіями святыхъ отцевъ нашихъ. Итакъ, надлежитъ сперва изслѣдовать эти возникшіе вопросы и доказать намъ, согласны ли они съ опредѣленіями св. отцевъ. Или вы хотите обновить вѣру св. отцевъ?" Соборъ отвѣтствовалъ: „если кто обновитъ, да будетъ анаѳема"... Военачальникъ Елпидій, видя, что дѣло принимаетъ очень широкіе размѣры, что ежели вести дѣло такъ, какъ оно имъ преднамѣчено, то нужно будетъ поднимать дѣянія всѣхъ вселенскихъ соборовъ, почелъ возможнымъ отъ своего предначертанія нѣсколько отступить, употребивъ довольно искусный уклончивый оборотъ: „Такъ какъ стало очевидно, изъяснялся Елпидій, что думали вы касательно св. вѣры и общій голосъ призналъ и одобрилъ опредѣленіе, составленное подъ вашимъ предсѣдательствомъ, то прикажите войти архимандриту Евтихію, дабы онъ объяснилъ вашей святости свое мнѣніе".

Когда Евтихій вошелъ и когда ему предложено было объяснить предъ соборомъ „полезныя для него оправданія", то онъ, обращаясь къ собору, сказалъ: „я препоручилъ себя Отцу, Сыну и Св. Духу и слову истины вашей праведности,

и васъ имѣю свидѣтелями своей вѣры, за которую я подвизался вмѣстѣ съ вами и св. соборомъ, который передъ вами здѣсь собранъ, какъ свидѣтельствуетъ и ваша святость. Я имѣю въ рукахъ статью съ изложеніемъ моей вѣры, прикажите прочитать ее и содержащееся въ ней исповѣданіе вѣры". Когда разрѣшеніе было дано, то первый нотарій, уже нѣсколько разъ помянутый прежде пресвитеръ Іоаннъ, принявъ бумагу отъ Евтихія, началъ ее читать: оказалось, что въ свиткѣ, принятомъ отъ Евтихія, сначала содержалась жалоба на то безпокойство, какое причинено было ему на Константинопольскомъ соборѣ будто бы за то, что онъ „не согласился мудрствовать противъ той вѣры, которая изложена св. отцами въ Никеѣ", и затѣмъ приведено было исповѣданіе вѣры въ томъ видѣ, какъ оно составлено было на Никейскомъ соборѣ при низложеніи Арія.

Приведши исповѣданіе Никейскаго собора, Евтихій съ глубокимъ, повидимому, сокрушеніемъ сердечнымъ продолжалъ: „Такъ издревле усвоивъ отъ своихъ предковъ, я вѣровалъ и вѣрую; въ этой вѣрѣ я и родился, и жилъ даже до сего дня и желаю умереть".

Но среди того, какъ Евтихій столь сладкорѣчиво и трогательно изъяснялся въ своемъ православномъ способѣ исповѣданія, Діогенъ, епископъ Кизическій, нашелся обратить вниманіе отцевъ на ту хитрую изворотливость и уклончивость Евтихія, какая скрывалась въ принятой имъ манерѣ самооправданія. „Евтихій,—замѣчаетъ Діогенъ,—коварно поставилъ напереди соборъ свят. отцевъ, бывшихъ въ Никеѣ; ибо соборъ принялъ прибавленія св. отцевъ по причинѣ нечестиваго мнѣнія Аполлинарія, Валентина, Македонія и подобныхъ имъ, а именно: въ символѣ св. отцевъ прибавлено: сшедшаго и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы. Это Евтихій опустилъ, какъ аполлинаристъ. И Аполлинарій принимаетъ св. соборъ, бывшій въ Никеѣ, но принимаетъ слова по собственному извращенному смыслу и избѣгаетъ выраженія: отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, чтобы совершенно не исповѣдовать единенія плоти. Св. отцы, жившіе послѣ того, выраженіе: „воплотившагося", употребленное св. отцами

Никейскими, объяснили слѣдующими словами: отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы".

Отстраняя отъ себя обвиненіе въ неправовѣріи, но и не доводя рѣчи до прямого и яснаго выраженія, Евтихій уклончиво отвѣчалъ: „Всѣхъ св. отцевъ я, подобно вашей святости, почиталъ православными и вѣрными и признавалъ ихъ своими учителями, анаѳематствуя Манеса, Валентина, Аполлинарія, Несторія и всѣхъ еретиковъ, даже до Симона волхва, и тѣхъ, которые говорятъ, что плоть Господа и Бога нашего Іисуса Христа низошла съ неба. По этой вѣрѣ живя и пребывая въ молитвахъ,—продолжалъ Евтихій,—я терплю обвиненіе по навѣтамъ Евсевія, епископа Дорилейскаго, который подалъ нѣсколько записокъ противъ меня достопочтеннѣйшему Флавіану и разнымъ другимъ епископамъ, жившимъ тогда по своимъ особымъ причинамъ въ столицѣ, и который, хотя обзывалъ меня въ этихъ запискахъ еретикомъ, но не указалъ въ нихъ ни на какой видъ ереси, для того, чтобы я въ преніяхъ изслѣдованія, сбиваясь ошибками языка, какъ это обыкновенно бываетъ при шумѣ, и, употребляя новыя слова, впалъ въ заблужденіе".

Здѣсь мы на минуту прервемъ защищеніе Евтихія, чтобы намъ не возвращаться къ разбору его показаній уже послѣ того, какъ выслушали всю его апологію. Евтихій неправду говоритъ, что Евсевій, называя его еретикомъ, не указалъ ни на одинъ видъ ереси: ересь Евтихія была на соборѣ изображена и разоблачена, какъ яснѣе и быть не могло. Припомните процедуру разногласій изъ-за ученія Евтихіева на соборѣ Константинопольскомъ: въ концѣ концовъ дѣло остановилось на томъ, что Евтихій оказался еретикомъ.

Теперь продолжимъ защищеніе Евтихіево: „Хотя почтеннѣйшій епископъ, вслѣдствіе обвинительныхъ записокъ, приказывалъ мнѣ явиться для защиты противъ обвиняющаго, однако же онъ, долгое время живши вмѣстѣ съ обвинителемъ и бывши съ нимъ почти неразлучнымъ, думалъ, что такъ какъ я по обыкновенію всегда жилъ въ монастырѣ, то не явлюсь, и поэтому обвинить меня, какъ неявившагося". Здѣсь Евтихій опять говоритъ неправду. Изъ всѣхъ распоряженій

Флавіана, какія мы видѣли прежде сего, весьма ясно было видно, что онъ не только не питалъ никакого зла противъ Евтихія, а напротивъ, желалъ всячески оградить его отъ всякихъ непріятностей. Напрасно Евтихій говоритъ, что Флавіанъ замышлялъ противъ него то или то. Надо было стоять на почвѣ фактовъ, а не давать большой воли своимъ предположеніямъ; а факты не подтверждаютъ этихъ показаній Евтихія, построенныхъ только на его предположеніяхъ.

Продолжимъ апологію Евтихіеву: „Когда я прибылъ изъ монастыря въ столицу, то онъ, узнавъ объ этомъ отъ достоуважаемаго силенціарія Магнуса, объявилъ, что мое присутствіе уже излишне, потому что я еще прежде изслѣдованія осужденъ, какъ показываетъ и рѣшеніе, составленное послѣ сего тѣмъ же достоуважаемымъ силенціаріемъ". Здѣсь что ни слово, то ложь. Флавіанъ не только не препятствовалъ и не устранялъ Евтихія отъ объясненія на соборѣ, а напротивъ, до трехъ разъ посылалъ къ нему депутаціи съ приглашеніемъ на соборъ.

Еще большаго размѣра ложь слѣдуетъ у Евтихія далѣе: „Такъ какъ я все-таки пришелъ въ судилище для защищенія, то онъ, Флавіанъ, не удостоилъ принять и не дозволилъ прочитать составленнаго и подписаннаго мною ученія о божественномъ исповѣданіи, согласно съ вѣрою, изложенною св. отцами въ Никеѣ и утвержденною прежнимъ святымъ соборомъ Ефесскимъ. Судилище наполнилось шумомъ и волненіемъ, потому что весьма многіе безпорядочно начали тѣсниться и со всѣхъ сторонъ оглушали меня криками, какъ показываютъ преданныя послѣ того письму разсужденія судей о волненіи. И когда мнѣ приказано было говорить самому исповѣданіе вѣры, и когда я сказалъ, что думаю такъ, какъ узаконили 318 св. отцевъ въ Никеѣ и какъ утвердилъ св. соборъ Ефесскій, тогда онъ потребовалъ отъ меня, чтобы я высказалъ еще нѣчто иное сверхъ того, что было изложено въ Никеѣ и въ Ефесѣ прежде. Но я, боясь преступить какъ опредѣленіе, произнесенное святымъ соборомъ, собиравшимся здѣсь по волѣ Божіей прежде, такъ и то, что постановлено касательно вѣры свят. отцами, собиравшимися въ Никеѣ,

просилъ довести до свѣдѣнія вашего святого собора, что я готовъ держаться того, что вы утвердите". Здѣсь опять со стороны Евтихія ложь и ложь до крайности безсовѣстная: какъ онъ могъ просить на Константинопольскомъ соборѣ о томъ, чтобы его мнѣніе или ученіе было доведено до свѣдѣнія собора Ефесскаго, разбиравшаго въ то время тяжбу Евтихіеву, когда еще никому ничего и въ голову не могло придти, какъ и чѣмъ то разбирательство Константинопольское окончится: могъ ли и почему могъ Евтихій предполагать тогда, что по его дѣлу будетъ снова собранъ соборъ и именно въ Ефесѣ, тотъ самый соборъ, на которомъ теперь разглагольствуетъ онъ? „Когда я это говорилъ,—продолжаетъ Евтихій,—вдругъ прочитано было противъ меня обвиненіе, какъ казалось, составленное заранѣе, а послѣ этого нѣкоторые отзывы ихъ и мои и другія мнѣнія, особенно то, гдѣ я исповѣдалъ, что я мыслю согласно со св. отцами Никейскими и потомъ собиравшимися въ Ефесѣ, были тайнымъ образомъ перемѣнены въ памятникахъ дѣяній, какъ показываютъ письменные акты, послѣ того составленные по моей просьбѣ и по повелѣнію благочестивѣйшаго и христолюбивѣйшаго императора". Здѣсь опять много неправды: никакого опредѣленія объ Евтихіѣ раньше разбирательства его дѣла въ Константинополѣ составлено не было; разногласіе въ записяхъ дѣйствительно оказалось, но оно было такъ незначительно и не имѣло никакого вліянія на послѣдовательность событій, такъ что ссылка Евтихія на этотъ пунктъ составляетъ только новую черту къ понятію о его неправдивомъ характерѣ.

„Почтеннѣйшій епископъ Флавіанъ, — продолжаемъ защищеніе Евтихія,—не сказалъ ни одного слова о моей апелляціи къ вашей святости и не постыдился моихъ сѣдинъ, тогда какъ я состарился въ борьбѣ противъ еретиковъ и въ исповѣданіи благочестія; но, какъ имѣющій власть все рѣшать касательно вѣры одному и не предоставлять вашей святости никакихъ правъ такого суда, онъ осудилъ меня, отлучилъ, какъ онъ думалъ, отъ церкви, лишилъ, какъ онъ полагалъ, священства, воспретилъ общеніе божественныхъ та-

инствъ и вслѣдъ затѣмъ удалилъ меня отъ начальствованія надъ монастыремъ и предалъ подготовленной для этого черни, чтобы она расправилась со мною въ епископіи и на площади, какъ съ еретикомъ, богохульникомъ и манихейцемъ, если бы Божественное Провидѣніе, сохранявшее меня по настоящій день, не соблюло меня для представленія вашей святости". Опять неправда въ словахъ Евтихія: припомните, какъ безпокоился Флавіанъ о заблужденіи Евтихія и какъ заботился онъ о томъ, чтобы вывести Евтихія изъ его опаснаго положенія безъ вреда ему! При такихъ отношеніяхъ Флавіана къ Евтихію возможно ли предположить, чтобы Флавіанъ занимался изысканіемъ способа къ издѣвательству надъ Евтихіемъ, предавалъ его черни, нарочито подготовленной, и т. п.

„Послѣ моей апелляціи, — продолжаетъ Евтихій. — онъ, т. е. Флавіанъ, въ различныхъ молитвенныхъ домахъ и усыпальницахъ святыхъ распорядился прочитать опредѣленіе противъ меня, анаѳематствовалъ меня, а тѣхъ, которые собирались ко мнѣ и бесѣдовали со мною, сдѣлалъ чуждыми святого общенія. Не дождавшись суда вашей святости, онъ заставилъ монастыри подписать составленное противъ меня опредѣленіе и разослалъ по востоку и въ другія мѣста грамоты, чтобы и другіе благочестивѣйшіе епископы и монахи, даже не судившіе объ этомъ, подписались. Тогда, едва спасенный, я чрезъ записки сообщилъ вашей святости, что послѣдовало, а благочестивѣйшаго императора я просилъ, чтобы вы, святѣйшіе и боголюбезнѣйшіе, отвращающіеся отъ всякой неправды и стачки, были судіями въ рѣшаемомъ дѣлѣ. Итакъ, прошу теперь вашу святость обсудить и взведенную на меня клевету и неправду, и происшедшее отъ этой причины безпокойство во всѣхъ церквахъ, и возникшій вслѣдствіе этого для многихъ соблазнъ и, со свойственною вамъ христолюбивою мудростію, предать виновниковъ этого церковнымъ эпитиміямъ и вырвать всякій корень хуленія и нечестія. Я съ самаго начала вызванъ къ суду вашего блаженства, и опять предъ Іисусомъ Христомъ, свидѣтельствовавшимъ при Понтійстѣмъ Пилатѣ доброе исповѣданіе, я заявляю, что я такъ мудрствую, думаю и разумѣю, какъ предали намъ вѣровать

св. отцы, собиравшіеся въ Никеѣ, и какъ утвердили св. отцы на второмъ Ефесскомъ соборѣ. И если кто думаетъ вопреки этой вѣрѣ, того я анаѳематствую по ихъ опредѣленію. Я, архимандритъ Евтихій, такъ вѣрую, какъ выше написано и подписалъ своею рукою и представилъ самыя статьи". Здѣсь самозащищеніе Евтихіево оканчивается.

И въ этомъ заключительномъ отдѣленіи къ указанію на происшествія правдивыя примѣшена значительная доля, ежели не чистаго вымысла, то, несомнѣнно, показаній неточныхъ и неразъясненныхъ. Евтихій упоминаетъ о томъ, что онъ предъявлялъ о своей рѣшимости апеллировать къ высшимъ властямъ, но этотъ предметъ на соборѣ или вовсе не поставленъ былъ на надлежащій, прямой и ясный путь или ежели и былъ поставленъ на видъ, то нерѣшительно и слабо, такъ что былъ замятъ и заглушенъ дѣлопроизводствомъ. стоявшимъ на очереди общевидимой и владѣвшей вниманіемъ всѣхъ сочленовъ собора. Во всякомъ случаѣ Евтихій не могъ, не смѣлъ обвинять Флавіана въ томъ, что будто бы Флавіанъ лишилъ его, Евтихія, возможности защищаться: на соборѣ Константинопольскомъ было все ведено правдиво въ высшей степени; Евтихій о намѣреніи своемъ подавать апелляцію открыто не объявлялъ собору; онъ, какъ видно по нѣкоторымъ неяснымъ примѣтамъ, говорилъ объ этомъ своемъ намѣреніи уже при выходѣ изъ собранія соборнаго и говорилъ чиновнику гражданскому: чиновникъ гражданскій могъ или не сказать объ этомъ Флавіану, а ежели и сказалъ, то уже время оказалось утекшимъ; не стать же было снова собираться всѣмъ на новое совѣщаніе изъ за этого, на самомъ дѣлѣ безцѣльнаго заявленія Евтихіева.

По прочтеніи защитительной рѣчи Евтихія, военачальникъ Елпидій объявилъ собору, что императоръ отдалъ повелѣніе, чтобы судьи стали въ ряду подсудимыхъ и не имѣли права на учительство, и чтобы теперь прочтено было все, что сдѣлано было въ царствующемъ городѣ относительно разсматриваемаго предмета. Когда начали читать снова дѣянія Константинопольскаго собора, то Евтихій предъявилъ, что нѣкоторые изъ списковъ тѣхъ дѣяній составлены неправильно,

и требовалъ, чтобы взяты были списки, хранящіеся въ императорскомъ архивѣ.

Изъ подлинныхъ документовъ не видно того, какъ распредѣлены были засѣданія соборныя; но по нѣкоторымъ соображеніямъ нужно допустить, что между тѣмъ засѣданіемъ, на которомъ защищался Евтихій, которое окончилось приведеннымъ мною сейчасъ заявленіемъ Евтихія о подложности документовъ и требованіемъ документовъ изъ книгохранилища императорскаго, и между тѣмъ засѣданіемъ, на которомъ окончено было разсмотрѣніе дѣла Евтихіева, былъ промежутокъ: утверждать это приходится на томъ основаніи, что въ послѣднемъ заключительномъ засѣданіи Евтихія самого на соборѣ не видно, а вмѣсто его появляются уполномоченные отъ него, но для того, чтобы придать видъ законности такой замѣнѣ одного лица другими, нужно было провести сей предметъ по инстанціи законной; значитъ, было засѣданіе, на которомъ была разрѣшена такая замѣна лица Евтихіева уполномоченными отъ него. Патрицій Флоренцій изрекаетъ приказъ, чтобы свѣтлѣйшій трибунъ, нотарій и референдарій Македоній, произвелъ справку, здѣсь ли дѣйствующіе за лицо почтеннѣйшаго монаха Евтихія. Когда Македоній отвѣтилъ, что уполномоченные Евтихіевы на лицо, то Евсевій Дорилейскій пытался было предъявить противъ сего протестъ, сказавъ: если Евтихій говоритъ черезъ повѣреннаго, то мнѣ позвольте удалиться? Но знатнѣйшій патрицій поставилъ противъ сего протеста то тяжеловѣсное замѣчаніе, что на это есть изволеніе императорской власти: „что повелѣла императорская власть, то всячески должно соблюсти“. Уполномоченными отъ Евтихія оказались монахи: Константинъ, Елевсиній и Константій. Когда сіи уполномоченные впущены были въ собраніе, то Македоній, именемъ императора, потребовалъ отъ епископовъ, чтобы они подъ клятвою сказали, вѣрны ли изложенія читаемыхъ документовъ, принесенныя тою и другою сторонами. Епископы, одинъ по единому, начали подавать голоса, что для отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ пересмотрѣть и сличить между собою списки дѣяній соборныхъ, какъ тѣ, кои были при епископіи,

такъ и тѣ, кои доставлены были въ императорскій архивъ. Можете себѣ представить, какая утомительная началась работа, пересматривать всѣ тѣ описанія и повѣствованія, обозрѣніемъ коихъ мы уже такъ долго занимаемся. и притомъ пересмотръ нѣсколькихъ экземпляровъ!

Мы не станемъ подвергать себя этой пыткѣ, то есть обозрѣнію того, какъ совершалась эта провѣрка дѣяній: минуя всѣ мелкія незначительныя уклоненія одного списка отъ другаго, замѣтимъ, что въ процессѣ занятій по этому пересмотру члены собора остановили свое вниманіе главнымъ образомъ на 3 пунктахъ: 1) Евтихій въ оправданіе своего правовѣрія упиралъ на то, что онъ держится ученія, заповѣданнаго Никейскимъ соборомъ и подтвержденнаго соборомъ Ефесскимъ; 2) Ефесскимъ соборомъ заповѣдано было на будущее время не составлять вѣроопредѣленій, противныхъ символу вѣры, составленному на соборѣ Никео-Цареградскомъ; 3) соборомъ, осудившимъ Евтихія, не обращено было вниманія на то, что онъ намѣренъ былъ апеллировать къ церквамъ: Римской, Антіохійской, Іерусалимской и другимъ главнѣйшимъ.

Правду или не правду показывалъ — Богъ ему Судія, только очень важное значеніе въ направленіи хода дѣлъ имѣло показаніе силенціарія Магнуса, назначеннаго по высочайшему повелѣнію присутствовать при Евтихіѣ на соборѣ Константинопольскомъ.

Этотъ силенціарій Магнусъ показалъ: „священнѣйшій и благочестивѣйшій Государь нашъ часто посылалъ меня къ архіепископу Флавіану, чтобы знатнѣйшій и славнѣйшій изъ префектовъ и консуловъ патрицій Флоренцій присутствовалъ на соборѣ, который имѣлъ быть въ епископіи царствующаго города, то есть Константинополя; и архіепископъ отклонялъ это, говоря, что не должно утруждать здѣсь этого знатнѣйшаго изъ префектовъ, потому что относительно этого уже дано рѣшеніе и монахъ Евтихій осужденъ, такъ какъ онъ былъ вызываемъ во второй разъ и не послушался. А послѣ мнѣ принесли какую-то бумагу, содержащую его осужденіе“. Все это было повысмотрѣно и подобрано, какъ основаніе

къ тому, чтобы можно было на форменныхъ документахъ составить опредѣленіе въ оправданіе Евтихія. И вотъ на основаніи всѣхъ такихъ соображеній въ концѣ концовъ такое оправдательное опредѣленіе объ Евтихіѣ дѣйствительно сформировалось.

Въ порядкѣ процедуры формальной потребованы были голоса отъ присутствовавшихъ на соборѣ; и всѣ присутствовавшіе на соборѣ одинъ за однимъ изрекли почти буквально одно и то-же. Для образца приведу отзывы Ювеналія, епископа Іерусалимскаго, и Домна Антіохійскаго: Ювеналій Іерусалимскій сказалъ: „такъ какъ Евтихій часто объявлялъ, что онъ слѣдуетъ изложенію вѣры Никейскаго собора и дѣяніямъ прежняго Ефесскаго великаго и святого собора, то я нашелъ его весьма православнымъ въ томъ, что онъ высказывалъ. И я опредѣляю и желаю, чтобы онъ пребывалъ въ своемъ монастырѣ и въ своемъ санѣ“. Соборъ сказалъ: „это справедливый судъ“. Домнъ, епископъ Антіохійскій, сказалъ: „хотя прежде вслѣдствіе посланій отъ св. собора, собиравшагося въ царствующемъ городѣ Константинополѣ, относительно почтеннѣйшаго архимандрита Евтихія я подписалъ осужденіе его, но такъ какъ въ запискахъ, недавно поданныхъ имъ св. собору, собравшемуся въ этой митрополіи—въ Ефесѣ, онъ исповѣдалъ, что пребываетъ въ вѣрѣ 318 отцевъ, собиравшихся въ Никеѣ, и слѣдуетъ также собору, бывшему прежде въ этой же митрополіи—Ефесѣ, то и я самъ согласенъ съ вашею святостію, чтобы онъ опять получилъ и достоинство пресвитерства, и начальство надъ подчиненными ему почтеннѣйшими братіями“. Совершенно въ такомъ же смыслѣ, хотя и съ нѣкоторыми оттѣнками разности въ словахъ, изрекли свои опредѣленія 110 епископовъ и архимандритъ Варсума. Діоскоръ, предсѣдатель собора, закрѣпляя сіи опредѣленія, сказалъ: „всѣ опредѣленія этого святого и вселенскаго собора о почтеннѣйшемъ архимандритѣ Евтихіѣ утверждаю и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляю свое собственное мнѣніе, чтобы онъ считался въ чинѣ пресвитера и въ званіи архимандрита и управлялъ своимъ монастыремъ, какъ прежде“.

Но однимъ оправданіемъ Евтихія мнимые или точнѣе неразумные ревнители православія не признали достаточнымъ

ограничить свои труды и заботы объ огражденіи, какъ казалось имъ, правой вѣры: для большаго торжества мнимопрямого дѣла имъ нужно было привлечь къ отвѣтственности архіепископа Флавіана, главнаго дѣятеля въ открытой брани съ Евтихіемъ.

Кромѣ расположеній къ сему личныхъ со стороны Діоскора, кромѣ поводовъ къ тому, встрѣчавшихся въ документахъ, относившихся къ дѣлу собора письменныхъ, значительнымъ побужденіемъ къ тому была жалоба на Флавіана, поступившая ко второму Ефесскому собору отъ подвѣдомыхъ Евтихію монаховъ. Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ строкъ, гдѣ изъясняютъ побужденія къ жалобѣ на Флавіана, монахи, между прочимъ, выражаются: „св. алтарь, который водрузилъ Евтихій за шесть мѣсяцевъ умышленнаго извѣта на него, стоитъ безъ божественнаго жертвоприношенія. Мы же до самаго св. собора были связаны такимъ неправеднымъ его отлученіемъ; нѣкоторые изъ нашихъ братій умерли въ состояніи неправеднаго наказанія; и хотя мы все другое, свойственное монашескому житію, отправляемъ по правиламъ монаховъ, однако же пребываемъ чуждыми тѣхъ, которыхъ чужды только обвиненные въ нечестіи. Въ слезахъ о такомъ несчастіи насъ засталъ спасительный день Рождества Владыки и Спасителя нашего Бога и Господа Іисуса Христа, и тотъ день, который всѣмъ христіанамъ приноситъ радость, мы провели въ печали, вмѣсто молитвъ и богослуженія изливая устами рыданія. Въ нихъ засталъ насъ и день Богоявленія: какъ приближающіеся къ смерти по любви къ своей душѣ оплакиваютъ свой конецъ, и мы, лишенные чистѣйшихъ таинствъ, провели тотъ день въ плачѣ. Наступилъ день и спасительнаго страданія, и священная ночь, и торжество воскресенія, во время котораго наши св. отцы отпускаютъ эпитиміи премногимъ грѣшникамъ, императоры разрѣшаютъ узы преступникамъ, и всякій домъ, и всякая площадь наполняются радостію, а мы, содержимые узами неправеднаго отлученія, не видимъ никакой милости отъ обвинителя. Но вотъ уже прошло 9 мѣсяцевъ, а онъ остался непреклоннымъ до настоящаго времени. Поэтому умоляемъ

вашъ св. соборъ сжалиться надъ нами, потерпѣвшими такое несправедливое наказаніе отъ священства за благочестіе, возвратить намъ общеніе, несправедливо отнятое, а ему, совершившему это, воздать возмездіе за то, что онъ неправедно судилъ". Подписали: пресвитеръ Нарсесъ, 10 діаконовъ, 3 уподіакона и 21 изъ монаховъ. Въ этой-то жалобѣ есть указаніе на то, что въ ихъ монастырѣ было до 300 монаховъ.

Для того, чтобы съ большею смѣлостію можно было направить камень въ голову Флавіану, Діоскоръ употребилъ два ловкихъ маневра: во-первыхъ, онъ передопросилъ всѣхъ лицъ, приносившихъ жалобу, нѣтъ ли за ними какихъ-либо повинностей со стороны ихъ вѣры: такъ ли они вѣруютъ, какъ вѣруетъ архимандритъ ихъ Евтихій; тѣ, конечно, подтвердили, что и они твердо держатся вѣроисповѣданія Никейскаго и постановленій вселенскаго собора Ефесскаго. Рѣшили для большей твердости опредѣленія своего прочитать теперь нѣкоторыя изъ постановленій бывшаго прежде въ Ефесѣ собора вселенскаго; а здѣсь между другими опредѣленіями вселенскаго собора Ефесскаго было и такое: „Если кто вопреки изложенія св. отцевъ, собиравшихся нѣкогда въ Никеѣ, которое утвердилъ и св. соборъ, собравшійся нѣкогда въ Ефесѣ, будетъ говорить или мудрствовать, или вводить новое, или изслѣдовать, тотъ подвергается осужденію". „Итакъ, можемъ ли мы изслѣдовать,— спрашиваетъ Діоскоръ членовъ собора, — или вводить новое вопреки этому? Если же кто изслѣдовалъ свыше того, что сказано, опредѣлено и одобрено, то не будетъ ли онъ по всей справедливости подлежать осужденію отцевъ? Пусть каждый изъ васъ скажетъ, того ли онъ мнѣнія".

Ѳалассій, епископъ Кесаріи Каппадокійской, отвѣчалъ: „Изложеніе вѣры 318 св. отцевъ одобрила въ то время божественная благодать, которой они служили устами, когда излагали догматы; особенно же утвердило его согласіе собиравшихся въ этой славной митрополіи св. отцевъ. Совершенно необходимо содержать его безъ всякаго прибавленія и убавленія, потому что то и другое равно вредно для канона,

опредѣленнаго св. отцами, бывшими въ Никеѣ, и утвержденнаго тѣми, которые прежде этого собирались здѣсь. А тѣхъ, которые мудрствуютъ противно этому, отвращаюсь, какъ разрушающихъ правую вѣру".

Вслѣдъ за Ѳалассіемъ начали выражать и другіе члены собора свое мнѣніе согласно съ тѣмъ, какъ выразился начавшій подавать голоса; собравши, сколько было нужно такихъ голосовъ, Діоскоръ формулировалъ окончательное опредѣленіе собора въ такомъ видѣ: „Святый и великій соборъ, волею Божіею нѣкогда собиравшійся въ Никеѣ, изложилъ нашу правую и непорочную вѣру, которую утвердилъ и св. соборъ, недавно собиравшійся здѣсь, и опредѣлилъ ее одну содержать и проповѣдывать въ церкви; онъ постановилъ и то, что никому не позволяется излагать другую вѣру, кромѣ этой, или изыскивать, или поновлять что-нибудь, или извращать что-нибудь въ нашемъ досточтимомъ вѣроисповѣданіи; а тѣхъ, которые покушаются вопреки этому или мудрствовать, или изыскивать, или составлять что-нибудь, или же стараются совершенно перестроить то, что опредѣлено, подвергъ извѣстнымъ наказаніямъ, именно: если то будутъ епископы—отчуждать отъ епископства, если клирики—отъ клира, если міряне — отлучать отъ общенія съ церковію. Это мы знаемъ изъ недавно прочитанныхъ документовъ. Флавіанъ же, бывшій епископъ церкви Константинопольской, и Евсевій Дорилейскій, какъ ясно видитъ весь этотъ святой и вселенскій соборъ, оказываются почти все извращающими и перестраивающими и подали поводъ къ соблазну и смятенію св. церквамъ и всѣмъ православнымъ народамъ. Ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ, нѣкогда соборно опредѣленнымъ нашими св. отцами; поэтому и мы, утверждаясь на опредѣленіяхъ отцевъ, присуждаемъ упомянутыхъ Флавіана и Евсевія къ лишенію всякаго священническаго и епископскаго достоинства. Каждый изъ присутствующихъ благочестивѣйшихъ епископовъ пусть изложитъ свое мнѣніе и съ ясностію внесетъ его въ документы. Обо всемъ же, что нынѣ сдѣлано, пусть будетъ донесено благочестивѣйшимъ и христолюбивѣйшимъ императорамъ нашимъ". Мнѣніе Діоскора при-

няли и подписали всѣ члены, присутствовавшіе на соборѣ. Опредѣленіе собора было утверждено императоромъ; защитники православія были лишены епископскаго сана и сосланы въ ссылку. Такъ сильна была и глубока мгла, нависшая въ областяхъ міра церковнаго!

Но божественное Провидѣніе недремлемо хранитъ церковь святую! Въ то время, какъ на востокѣ весь почти горизонтъ объятъ былъ мракомъ еретическаго неистовства, на западѣ еще ярко горѣлъ свѣточъ истиннаго православія и дивные пути Провидѣнія божественнаго не умедлили открыться во славу истины Христовой. Какъ скоро на Ефесскомъ соборѣ замѣтенъ сталъ поворотъ дѣлъ въ пользу Евтихія, когда даже папскіе легаты позволили омрачить себя хитро измышленнымъ способомъ дѣлопроизводства, одному изъ папскихъ легатовъ, именно діакону Иларію удалось оставить Ефесъ и возвратиться въ Римъ, гдѣ онъ и сообщилъ папѣ св. Льву о неблагопріятномъ для православія положеніи дѣлъ на Ефесскомъ соборѣ. Архіепископъ Флавіанъ также писалъ къ папѣ о постигшей его самого и съ нимъ православіе тяжелой участи: св. Левъ, не имѣя силъ облегчить тогда же положеніе Флавіана, долженъ былъ на первый разъ ограничиться только совѣтами Флавіану прибѣгнуть къ терпѣнію, между тѣмъ не умедлилъ принять къ защитѣ православія и поборниковъ его всѣ тѣ мѣры, какія были въ его распоряженіи.

Первымъ дѣломъ св. Льва по полученіи извѣстій о дѣяніяхъ Ефесскаго собора было писать императору Ѳеодосію.

Въ посланіи своемъ къ императору Ѳеодосію св. Левъ, не произнося открытой укоризны на императора, но и не выгораживая его изъ состава лицъ, участвовавшихъ въ дѣяніяхъ беззаконныхъ, выражаетъ горькое сожалѣніе о томъ, что произошло въ Ефесѣ. Главную причину всего этого безпорядка св. Левъ усматриваетъ въ томъ, что Діоскоръ не распорядился тѣмъ, чтобы посланія св. Льва, писанныя имъ къ Флавіану и Ефесскому собору, были прочитаны на соборѣ. „Если бы Александрійскій предстоятель позволилъ огласить вслухъ епископовъ тѣ посланія, которыя папскіе легаты представили собору и Флавіану, то такимъ объясненіемъ чистѣй-

шей вѣры, которую мы приняли и сохраняемъ, какъ внушено намъ отъ Бога, успокоился бы шумъ всѣхъ несогласій, такъ что ни невѣжество не безумствовало бы болѣе, ни ненависть не нашла бы случая причинять вредъ". Критикуя способъ дѣлопроизводства на Ефесскомъ соборѣ, свят. Левъ усматриваетъ достойный укоризны недостатокъ въ этомъ дѣлопроизводствѣ тотъ, что на судѣ присутствовали не всѣ изъ собравшихся: „одни были удалены, другіе допущены такіе, которые по мысли Діоскора простерли невольныя руки къ нечестивымъ подписямъ, такъ какъ они знали, что ежели бы они не исполнили того, что имъ было повелѣно, это повредило бы ихъ благосостоянію".

Подступая осторожно къ главному своему предмету попеченія, св. Левъ употребляетъ весьма энергичный и въ то-же время весьма осторожный пріемъ: „Діавольское злоумышленіе,—пишетъ св. Левъ,—тонкимъ образомъ обманываетъ неосторожныхъ и такъ обольщаетъ неблагоразуміе нѣкоторыхъ подобіемъ благочестія, что подъ видомъ спасительнаго внушаетъ вредное; поэтому умоляемъ васъ, отдалите отъ мысли вашего благочестія искушеніе вѣры и благочестія, и то, что допускается по вашимъ временнымъ законамъ, исполните въ разсужденіи божественныхъ догматовъ, т. е. чтобы человѣческое превозношеніе не дѣлало насилія евангелію Христа" (указаніе на Діоскора, архіепископа Александрійскаго, который въ надменіи своемъ не хотѣлъ обращать вниманія ни на кого, ни даже на св. папу). „Умоляемъ васъ,—продолжалъ св. Левъ,—предъ нераздѣлимою Троицею единаго Божества, предъ св. ангелами Христа, повелите, дабы все оставалось въ томъ положеніи, въ какомъ было прежде всякаго суда, пока не соберется большее число епископовъ со всего міра. Со слезами и стенаніями умоляютъ вашу кротость всѣ церкви нашихъ областей, всѣ священники, чтобы вы, какъ справедливо подали свой голосъ наши послы и какъ епископъ Флавіанъ подалъ апелляціонную записку, повелѣли составиться внутри Италіи вселенскому собору, который бы всѣ возникшія несправедливости такъ порѣшилъ или укротилъ, чтобы болѣе не оставалось ни какого-нибудь сомнѣнія въ вѣрѣ, ни раз-

дѣленія въ любви, при сошедшихся изъ восточныхъ областей епископахъ. изъ которыхъ, если одни, бывъ побѣждены угрозами и несправедливостями, отступили отъ стези истины, то были бы вызваны къ чистотѣ спасительными врачевствами. а другіе, которыхъ вина болѣе важна, если бы при лучшихъ совѣтахъ успокоились, то не были бы отлучены отъ единства съ церковію. Защитите противъ еретиковъ непоколебимое состояніе церкви, дабы и ваша имперія была защищена десницею Христа". Въ то-же время, какъ св. Левъ писалъ къ императору Ѳеодосію, онъ писалъ письмо и къ сестрѣ его, будущей императрицѣ Пульхеріи. Такъ какъ предметъ посланія былъ одинъ и тотъ же, то и неудивительно. что посланія сіи во многомъ между собою сходствуютъ: но такъ какъ лица, къ коимъ посланія писаны, различны, то отъ этой разности оказались и нѣкоторыя разности въ посланіяхъ, именно: въ посланіи къ Пульхеріи св. Левъ нѣсколько рѣзче выражаетъ свое огорченіе событіями Ефесскими: „Такъ какъ епископъ Флавіанъ,—пишетъ св. Левъ,—изъ всѣхъ твердо стоитъ въ нашемъ общеніи, такъ какъ то, что сдѣлано безъ разсмотрѣнія справедливости и вопреки всѣхъ каноновъ, никакой разумъ не допуститъ считать окончательно рѣшеннымъ, такъ какъ соборъ Ефесскій не только не уничтожилъ соблазна раздѣленія, но еще увеличилъ его, то пусть назначится для составленія собора внутри Италіи и время, и мѣсто. Да благоволитъ,—продолжаетъ св. Левъ,—благочестіе твоей, совершенно намъ извѣстной, вѣры заявить наше покорнѣйшее моленіе предъ благосклоннѣйшимъ императоромъ, чтобы онъ прежде, нежели эта междоусобная и гибельная война усилится внутри церкви, далъ способы при содѣйствіи Божіемъ возстановить единство, зная, что все то будетъ полезно могуществу его имперіи, что при благосклонномъ его расположеніи будетъ сдѣлано для свободы каѳолической".

Не ограничиваясь посланіями къ лицамъ рода царственнаго, св. Левъ почелъ потребнымъ писать къ клиру и народу Константинопольскому. Къ клиру и народу Константинопольскому св. Левъ послалъ одно за другимъ два посланія

и въ обоихъ этихъ посланіяхъ обращаетъ вниманіе клира и народа на опасность лжеученія Евтихіева; раскрываетъ ученіе по сему пункту истинно-догматическое и въ заключеніе возбуждаетъ народъ, чтобы онъ съ своей стороны употребилъ ходатайство предъ императоромъ о созваніи собора, предполагаемаго римскимъ папою. „Такъ какъ вамъ послѣ божественной помощи должно снискать еще благосклонность христіанскихъ императоровъ,—пишетъ св. Левъ,—то со смиреніемъ и мудростію испросите, чтобы милостивѣйшій императоръ благоволилъ согласиться на наше прошеніе—объявить полнѣйшій соборъ, дабы, такимъ образомъ, при помощи милосердаго Бога, и здоровые получили большую силу, и больнымъ доставлено было врачевство, если бы только они согласились врачеваться“.

Замѣчательны по глубинѣ догматическаго содержанія нѣкоторыя мысли, изложенныя св. Львомъ во второмъ изъ этихъ посланій, а потому мы и приводимъ ихъ здѣсь на выдержку: „Церковь произошла отъ плоти Жениха въ то время, когда она, при истеченіи изъ ребра Распятаго крови и воды, получила таинство искупленія и возрожденія. Въ этомъ и заключается новое состояніе твари, которая въ крещеніи совлекается не одежды истинной плоти, но порчи осужденной ветхости, для того, чтобы человѣкъ сдѣлался тѣломъ Христовымъ, такъ какъ и Христосъ есть тѣло человѣка. Почему мы называемъ Христа не Богомъ только, какъ еретики манихеи, и не человѣкомъ только, какъ еретики фотиніане, и человѣкомъ не въ такомъ смыслѣ, будто у Него чего-нибудь недостаетъ изъ того, что, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ человѣческой природѣ, напримѣръ, или души, или мысли разумной, или плоти, которая не была бы заимствована отъ жены, но которая составилась отъ Слова чрезъ превращеніе Его и измѣненіе въ плоть, каковыя три ложныя и пустыя мысли высказаны тремя различными партіями еретиковъ аполлинаристовъ, и не говоримъ, что блаженная Дѣва Марія зачала человѣка безъ божества, который, бывъ произведенъ Святымъ Духомъ, послѣ былъ воспринятъ Словомъ, за что достойно и справедливо осудили мы Несторія,

который проповѣдывалъ это; но говоримъ, что Христосъ Сынъ Божій есть истинный Богъ, рожденный отъ Бога Отца безъ всякаго начала времени, и что Онъ же есть истинный человѣкъ, рожденный отъ Матери человѣка по истеченіи извѣстной полноты времени, и что Его человѣчество, по отношенію къ которому Отецъ больше Его есть, ничѣмъ не умалило Его естества, которымъ Онъ равенъ Отцу; но то и другое вмѣстѣ есть одинъ Христосъ, Который весьма истинно сказалъ по божеству: Азъ и Отецъ едино есма (Іоан. X, 30) и по человѣчеству: Отецъ болій Мене есть (Іоан. XIV, 28). Эту вѣру, возлюбленнѣйшіе, истинную и несокрушимую, которая одна образуетъ истинныхъ христіанъ и которую, какъ мы понимаемъ и одобряемъ, вы защищаете благочестивымъ усердіемъ и похвальною любовію, держите весьма твердо и всегда доказывайте".

Въ то время, какъ св. Левъ, пребывая самъ въ Римѣ, предпринималъ излагаемыя здѣсь мѣры къ возстановленію поруганнаго на востокѣ православія, случилось, что западный императоръ Валентиніанъ III съ матерью своею Галлою Плакидою и супругой Евдоксіею посѣтили Римъ наканунѣ праздника въ честь Петра и Павла. Св. Левъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы расположить сихъ царственныхъ посѣтителей къ ходатайству предъ императоромъ Ѳеодосіемъ о безпокоившемъ его предметѣ. Собравъ въ храмѣ св. Петра множество епископовъ, св. Левъ, растворяя слова свои слезами, изобразилъ предъ царственными посѣтителями сущность безпорядка на востокѣ и склонялъ ихъ принять участіе къ устраненію разстройства, именно: просить императора Ѳеодосія, чтобы Флавіана возстановили въ достоинствѣ епископства и чтобы судъ о семъ дѣлѣ былъ перенесенъ на соборъ апостольской каѳедры, на которой считается первымъ тотъ, кто удостоился получить небесные ключи и кто украсилъ собою первенство епископства.

Валентиніанъ не отклонилъ просьбы папской: и самъ онъ, и Галла Плакида, и Евдоксія писали къ Ѳеодосію съ полнымъ сердечнымъ участіемъ о дѣлѣ Флавіана. Галла Плакида писала даже и къ Пульхеріи, сестрѣ Ѳеодосія, принять

участіе къ тому, чтобы „все постановленное на возмутительномъ и жалкомъ соборѣ Ефесскомъ было отмѣнено со всею силою, дабы при невредимомъ пребываніи всѣхъ дѣло о епископствѣ было отправлено на судъ апостольской каѳедры и прочее подобно вышеприведенному". Ѳеодосій всѣмъ писавшимъ къ нему отвѣчалъ каждому въ отдѣльности: но сущность отвѣта всѣмъ была одна и та-же: „мы знаемъ, что на Ефесскомъ соборѣ ничего не сдѣлано противнаго правилу вѣры и справедливости; весь споръ прекращенъ священнымъ судомъ; Флавіанъ, который признанъ виновникомъ вредной новизны, получилъ достойное наказаніе; съ удаленіемъ его царствуетъ въ церквахъ всякій миръ и всякое согласіе и процвѣтаетъ не иное что, какъ чистая истина". Это изъ отвѣтнаго письма Ѳеодосія къ императору Валентиніану.

Въ отвѣтѣ къ Галлѣ Плакидѣ Ѳеодосій, приведши тоже, что написалъ и Валентиніану, заключаетъ: „Итакъ, пусть не подозрѣваетъ твоя кротость и не думаетъ, будто мы когда-нибудь мыслили противно преданной намъ вѣрѣ, какъ говорятъ нѣкоторые". Въ отвѣтѣ къ Евдоксіи, супругѣ Валентиніана, Ѳеодосій, услащая свой отвѣтъ множествомъ любезностей, вродѣ того, что письма Евдоксіи доставляютъ Ѳеодосію такое удовольствіе сердца, что онъ привыкъ съ радостію соглашаться на всѣ ея требованія, Ѳеодосій заблаговразсудилъ однако же внушить этой императорской пріятности то, что Флавіанъ удаленъ отъ дѣлъ церковныхъ судомъ священнымъ, съ тою цѣлію, чтобы прекратить въ св. церквахъ споръ всеобщаго сомнѣнія. И когда это уже однажды отсѣчено, то послѣ этого ничего болѣе невозможно сдѣлать.

Для того, чтобы понять, почему Ѳеодосій оказался такимъ глухимъ къ столь многимъ заявленіямъ и ходатайствамъ столь высокочтимыхъ лицъ, надо имѣть въ виду, какъ хитро и какъ упорно отстаивали свое дѣло Евтихій и Діоскоръ. Они упирались на очень почтенномъ основаніи: на приверженности къ Никейскому символу и на запрещеніи, изреченномъ отъ собора вселенскаго Ефесскаго о томъ, чтобы на будущее время никто не дерзалъ слагать новое вѣроученіе. Для образованности посредственной эти ширмы были,

конечно, успокоительны; но богословствованіе, болѣе глубокое, не могло успокоиться на тѣхъ рамкахъ, кои изготовлены были временемъ предшествующимъ: очень глубокая бездна разверзалась подъ тупыми соображеніями Евтихія. Св. Левъ все это ясно видѣлъ своимъ глубоко-просвѣщеннымъ взоромъ, но его воззрѣнія были на востокѣ сложены подъ сукномъ. Императоръ Ѳеодосій или не слышалъ о нихъ вовсе, или какъ человѣкъ, не вполнѣ компетентный въ сферахъ богословскихъ, не понималъ ни глубокой опасности въ сужденіяхъ Евтихія, ни высокой цѣны въ богословскихъ сужденіяхъ св. Льва. Какъ бы то ни было, только партія Діоскора осталась въ торжествѣ; Флавіанъ, Евсевій и ихъ сторонники лишены епископской власти и сосланы въ ссылку; св. Флавіанъ скоро въ изгнаніи и скончался.

Недолго однако защитникамъ православія пришлось потерпѣть за приверженность къ православію. Ѳеодосій скоро скончался; на императорскій престолъ волею войска и сената былъ избранъ полководецъ Маркіанъ, оказавшійся благорасположеннымъ на сторону православныхъ. Сей императоръ скоро вступилъ въ супружество съ благочестивою сестрою Ѳеодосія Пульхеріею и, благодаря ея ревности къ православію, церковныя дѣла приняли новый, теперь вполнѣ благопріятный для православныхъ оборотъ.

Теперь и Валентиніанъ, и Маркіанъ, и Пульхерія принимаютъ участіе въ осуществленіи мысли св. Льва о созваніи вселенскаго собора. Такъ какъ императору и императрицѣ Пульхеріи самимъ желательно было принимать участіе на соборѣ, то желаніе св. Льва, чтобы соборъ былъ въ Италіи, оказывалось неудобоисполнимымъ. Соборъ объявленъ въ Никеѣ. Такъ какъ двигаться изъ своихъ предѣловъ на отдаленный востокъ для папы было во многихъ отношеніяхъ неудобно, то онъ, оставшись самъ въ Римѣ, послалъ вмѣсто себя блюстителями 2-хъ епископовъ—Пасхазина и Люценція и 2-хъ пресвитеровъ—Бонифація и Василія и съ ними особое посланіе къ Халкидонскому собору.

Это посланіе, не смотря на его краткость, выражаетъ собою какъ бы программу для предстоящихъ занятій чле-

намъ Халкидонскаго собора; по важности своей оно обращаетъ на себя особенное вниманіе, а потому мы и приведемъ его здѣсь.

Посланіе блаженнѣйшаго Льва, архіепископа Римскаго, къ святому собору.

„Епископъ Левъ святому собору въ Никеѣ (Халкидонѣ) возлюбленнѣйшимъ братіямъ (желаетъ) о Господѣ всякаго блага.

Я желалъ, возлюбленнѣйшіе, чтобы, по любви къ нашему собранію, всѣ священники Господа стояли въ одномъ благоговѣинствѣ каѳолической вѣры и чтобы никто не поддавался или ласкательствамъ, или угрозамъ мірскихъ властей такъ, чтобы отступить отъ пути истины. Но такъ какъ часто происходитъ многое такое, что можетъ возбуждать раскаяніе. а милосердіе Божіе превосходитъ вины согрѣшающихъ и наказаніе для того замедляется, чтобы могло имѣть мѣсто исправленіе, то должно быть принято полное благочестія намѣреніе благосклоннѣйшаго императора, который пожелалъ, чтобы для низложенія козней діавола и для возстановленія церковнаго мира собралось ваше святое братство, сохраняя при этомъ право и честь апостольской каѳедры блаженнаго апостола Петра, такъ что приглашалъ и насъ къ этому своими посланіями, дабы и мы присутствовали на святомъ соборѣ, чего однако же не могли дозволить ни нужды времени. ни какое-либо обыкновеніе. Впрочемъ, въ этихъ братьяхъ, то есть епископахъ—Пасхазинѣ и Луценціѣ и пресвитерахъ — Бонифаціѣ и Василіѣ, которые отправлены отъ апостольской каѳедры, пусть считаетъ ваше братство, что и я присутствую на соборѣ и пребываю съ вами неотлучно, потому что теперь нахожусь въ этихъ моихъ намѣстникахъ и давно уже присущъ вамъ возвѣщеніемъ каѳолической вѣры, такъ что вы не можете не знать, какъ мы вѣруемъ на основаніи древняго преданія, и не можете сомнѣваться въ томъ, чего мы желаемъ. Поэтому, возлюбленнѣйшіе братія, совершенно отложивъ дерзость спорить противъ вѣры, отъ Бога

намъ внушенной, пусть умолкнетъ суетное невѣріе заблуждающихъ.

И не слѣдуетъ защищать то, чему не должно вѣровать, потому что на основаніи евангельскаго авторитета, пророческихъ внушеній и апостольскаго ученія весьма ясно и полно изложено было въ нашихъ посланіяхъ, которыя мы послали къ блаженной памяти Флавіану, каково должно быть благочестивое и искреннее исповѣданіе относительно таинства воплощенія Господа нашего Іисуса Христа. А такъ какъ намъ извѣстно, что по развращенной зависти возмущено состояніе многихъ церквей и что очень многіе епископы за то, что не приняли ереси, лишены своихъ каѳедръ и отправлены въ ссылку, а на мѣсто оставшихся поставлены другіе, то прежде всего пусть къ этимъ ранамъ будетъ приложено врачевство справедливости и пусть никто не будетъ лишенъ собственности такъ, чтобы другой пользовался чужимъ. И если бы, какъ мы желаемъ, всѣ оставили заблужденіе, то никто не долженъ лишиться своей чести; но надлежитъ возвратить право собственности со всѣми преимуществами тѣмъ, которые подвизались за вѣру.

Постановленія же перваго Ефесскаго собора, на которомъ предсѣдательствовалъ блаженной памяти епископъ Кириллъ, положенныя собственно противъ Несторія, должны оставаться, дабы осужденное въ ту пору нечестіе не льстило себя надеждою въ чемъ-либо, потому что Евтихій поражается справедливымъ отлученіемъ. Ибо чистота ученія вѣры, которую мы проповѣдуемъ тѣмъ же духомъ, которымъ возвѣщали ее и наши святые отцы, одинаково осуждаетъ и преслѣдуетъ какъ несторіанское, такъ и евтихіанское нечестіе съ самыми ихъ виновниками. Здравствуйте о Господѣ, братія возлюбленнѣйшіе! Дано въ пятый день іюльскихъ календъ (въ консульство славнѣйшаго мужа Аделфія)".

Такъ какъ (говорили мы выше) самъ императоръ желалъ присутствовать на соборѣ, то при назначеніи срока для сбора, между прочимъ, было объявлено, чтобы до прибытія государя засѣданія собора не открывались, пришло время открывать засѣданія собора, а императоръ по важнымъ за-

нятіямъ не могъ прибыть въ Никею и предлагалъ отсрочить начало засѣданій; отсрочили, но императоръ и опять не могъ исполнить своего предположенія. Между тѣмъ такое выжидательное положеніе становилось отяготительнымъ для членовъ собора, особенно для слабыхъ и больныхъ между ними. Вслѣдствіе этого императоръ рѣшился перенести соборъ изъ Никеи въ Халкидонъ, который находился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Константинополя (ихъ раздѣлялъ только проливъ Босфоръ). Перенося соборъ въ Халкидонъ, императоръ надѣялся, что, слѣдя въ Константинополѣ за ходомъ дѣлъ общественныхъ, онъ въ то-же время можетъ имѣть наблюденіе и за дѣлами соборными, какъ это дѣйствительно и показала послѣдующая исторія собора.

Соборъ открылся 8 октября въ храмѣ преславной мученицы Евѳиміи въ присутствіи многихъ сановниковъ военныхъ и гражданскихъ и еще большаго числа епископовъ; всѣхъ членовъ было болѣе 600 епископовъ. При самомъ открытіи занятій собора епископъ Пасхазинъ, одинъ изъ представителей папы, именемъ св. отца потребовалъ, чтобы Діоскоръ, тогда присутствовавшій на соборѣ, былъ изъ собранія соборнаго высланъ вонъ: „или пусть онъ выйдетъ вонъ, или мы удаляемся“. Государственные чиновники на это требованіе папскихъ легатовъ возразили имъ: „въ чемъ виноватъ Діоскоръ?“ Луценцій, другой епископъ изъ папскихъ легатовъ, предъявилъ: „Діоскоръ предвосхитилъ право судьи; дерзнулъ составить соборъ безъ авторитета апостольскаго престола, чего никогда не было и не должно быть“.

Послѣ различныхъ пререканій и довольно продолжительныхъ разсужденій императорскіе сановники усмотрѣли себя вынужденными уступить, и Діоскоръ, оставивъ свое начальственное мѣсто, „по приказанію славнѣйшаго сената“, сѣлъ на срединѣ, какъ подсудимый.

Тогда вышелъ на средину Евсевій Дорилейскій и во имя повелѣнія императорскаго просилъ, чтобы на соборѣ прочитано было его прошеніе, поданное имъ императорамъ—Валентиніану и Маркіану. Сущность жалобы, минуя рѣзкость выраженій раздраженнаго Евсевія, состояла въ томъ, что

Діоскоръ чуждъ православной вѣры, приверженъ къ ереси, полной нечестія, несправедливо обвинялъ — Евсевій выражается—„насъ“ (очевидно, слѣдуетъ разумѣть его, т. е. самого Евсевія и съ нимъ Флавіана) и тѣхъ, кои придерживались ихъ стороны, и жестоко съ нами поступалъ.

Діоскоръ по выслушаніи жалобы отвѣтствовалъ: „о томъ, что сдѣлано относительно Флавіана, составлены памятныя записки на св. соборѣ; я прошу прочитать ихъ“. Евсевій съ своей стороны предъявилъ то-же: „и мы просимъ объ этомъ“. И началась опять процедура, о которой мы уже два раза упоминали, т. е. пересмотръ дѣяній Константинопольскаго собора, бывшаго противъ Евтихія, и затѣмъ Ефесскаго, бывшаго противъ Флавіана; въ третій разъ намъ пересказывать одно и то-же нѣтъ надобности и мы удержимъ теперь только то, что существенно необходимо будетъ для послѣдовательнаго изложенія сущности дѣла.

Изъ предшествовавшаго изложенія всѣхъ этихъ соборныхъ дѣяній мы знаемъ, что въ силу указа императора Ѳеодосія положеніе блаженнаго Ѳеодорита было опредѣлено въ весьма сомнительномъ и стѣснительномъ для него направленіи. Въ указѣ сказано было: „Ѳеодориту мы повелѣваемъ не прежде придти на соборъ, какъ когда угодно будетъ всему святому собору“.

Ефесскому собору угодно было пропустить этотъ предметъ безъ всякаго вниманія къ блаженному Ѳеодориту. Теперь на Халкидонскомъ соборѣ, когда прочитанъ былъ тотъ же самый указъ Ѳеодосіевъ, то на сей пунктъ о блаж. Ѳеодоритѣ было обращено вниманіе достодолжное и блаж. Ѳеодоритъ былъ допущенъ въ засѣданія соборныя.

Къ сожалѣнію, это разрѣшеніе блаж. Ѳеодориту вступить въ залу засѣданій, данное, замѣтимъ, стороною сановниковъ свѣтскихъ, послужило поводомъ ко взрыву сильнаго волненія между членами собора: припомнимъ, что у блаж. Ѳеодорита были непріятныя препирательства со св. Кирилломъ Александрійскимъ.

Теперь партія слѣпыхъ ревнителей о почитаніи Кирилла, она же партія Евтихія и Діоскора, возмнила, что появле-

ніемъ на соборѣ Ѳеодорита оскорбляется память Кирилла; многіе изъ епископовъ заговорили: „вѣра погибаетъ; Ѳеодорита изгоняютъ правила, изгоните его вонъ“. Другіе, болѣе ясно понимавшіе дѣло и стоявшіе на сторонѣ Флавіана, папы и Евсевія Дорилейскаго, не усумнились вызваться на защиту Ѳеодорита; эти возглашаютъ: „вышлите вонъ враговъ Флавіана, вонъ изгоните враговъ вѣры; Діоскора человѣкоубійцу изгоните“. Послѣ такихъ горячихъ и продолжительныхъ перекличекъ, съ одной стороны, „изгоните Ѳеодорита“, съ другой „изгоните Діоскора“, уже сановникамъ и сенату удалось укротить это заявленіе, словами: „ради Бога лучше не препятствуйте слушать, позвольте прочитать все по порядку“. И тотъ, и другой изъ предзначенныхъ къ изгнанію остались пока на своихъ мѣстахъ и соборъ началъ слушать документы: послѣдовало чтеніе уже извѣстныхъ намъ указовъ императорскихъ: къ Діоскору о допущеніи Варсумы, къ Варсумѣ о позволеніи быть на соборѣ, къ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ объ ихъ участіи въ дѣлахъ собора, ко второму Ефесскому собору съ программою занятій для него, еще къ Діоскору о назначеніи его предсѣдателемъ на Ефесскомъ соборѣ.

Послѣ того, какъ прочитанъ былъ этотъ послѣдній указъ, т. е. о предсѣдательствѣ Діоскора на Ефесскомъ соборѣ, Діоскоръ обратился къ членамъ собора съ такимъ заявленіемъ: „ваше человѣколюбіе слышало, что не мнѣ одному высочайшій императоръ нашъ вручилъ судъ; но далъ соборную власть и епископу Ювеналію и святѣйшему епископу Ѳалассію. И мы судили о томъ, о чемъ уже было разсуждено; съ нами согласился весь соборъ и изложилъ собственными голосами и подписалъ; почему же вину распространяютъ только на меня одного, когда власть раздѣлена была между троими и съ нашимъ судомъ согласенъ былъ, какъ я сказалъ, весь соборъ; все, о чемъ было разсуждено на соборѣ, было представлено благочестивѣйшему императору, который все утвердилъ общимъ закономъ!“

Здѣсь противъ Діоскора подняли голоса епископы восточные и безбоязненно заявили: „на осужденіе блаженнаго

Флавіана и епископа Евсевія никто не былъ согласенъ; сдѣлано было насиліе, насиліе съ побоями, и мы подписали пустую бумагу; намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; воины стояли съ палками и мечами и мы убоялись палокъ и мечей; гдѣ палки и мечи, какой тутъ соборъ? Діоскоръ взялъ съ собою воиновъ для того, чтобы устрашить насъ; воины низложили ихъ болѣе, чѣмъ мы; а что мы сдѣлали, то сдѣлали изъ страха: человѣкоубійцу вонъ изгоните; Флавіана низложили воины". Епископы египетскіе взялись было защищать Діоскора, говоря, что соборъ составляютъ епископы, что сами же восточные первые подписали осужденіе Флавіана, что они, египетскіе, подписались послѣ восточныхъ; но противъ нихъ поднялъ голосъ Стефанъ, епископъ Ефесскій, который, призывая самого Бога во свидѣтели, утверждалъ, что во всемъ, что было сдѣлано, употреблено было насиліе и принужденіе: „что мы противъ желанія подписали осужденіе благочестивѣйшаго Флавіана — Богъ свидѣтель". Сановники и сенатъ спросили Стефана: „причинилъ ли тебѣ насиліе почтеннѣйшій Діоскоръ?" На сіе Стефанъ отвѣтствовалъ: „всѣ люди и спутники Діоскора не позволили мнѣ выйти изъ церковно-судебной палаты, пока я не подписалъ мнѣній Діоскора и Ювеналія, и Θалассія, и другихъ епископовъ, которыми оно было написано". Начатое Стефаномъ продолжилъ и пояснилъ Θеодоръ, епископъ Клавдіопольскій: „совершивши нѣсколько собраній,—говорилъ Θеодоръ противъ Діоскора и его сторонниковъ, — и не подписавши, не написавши даже постановленій и никому не прочитавши ихъ, такъ что никто не зналъ о нихъ, Діоскоръ и Ювеналій принесли намъ неписанную бумагу, имѣя съ собою множество невѣжественныхъ людей, кричащихъ и безпокоющихъ и возмущающихъ соборъ; всѣхъ насъ было 135; 42-мъ они приказали молчать; остальное число составляли Діоскоръ и Ювеналій и мятежное сборище; оставалось насъ 15 человѣкъ: что могли мы сдѣлать? Они играли нами; вотъ еретики— кричали всѣ въ одинъ голосъ; они застращали насъ, объявили еретиками, и мы извержены были, какъ еретики". Противъ заявленія о томъ, что членовъ собора заставили подпи-

саться на неписанной бумагѣ, Діоскоръ пытался было возражать, но возраженіе оказалось какъ-то уклончивымъ: „такъ какъ они говорятъ,—отвѣчалъ Діоскоръ, — что не слышали разсужденій и постановленій, а просто подписались на предложенной имъ простой бумагѣ, то имъ не слѣдовало подписываться, если имъ не было вполнѣ извѣстно, о чемъ разсуждалъ соборъ, особенно потому, что дѣло шло о вѣрѣ. Но такъ какъ они извиняются тѣмъ, что подписались на предложенной имъ пустой бумагѣ, то я прошу, чтобы ваша знатность приказала сказать имъ, кто приводилъ въ порядокъ ихъ разговоры".

Такъ какъ отвѣтъ, предъявляемый Діоскоромъ, не обѣщалъ никакихъ видовъ къ разъясненію дѣла, то сенатъ приказалъ: „пусть будутъ прочитаны дальнѣйшія дѣянія".

Въ продолженіе этого чтенія, когда пересматривались дѣянія собора Ефесскаго, бывшаго противъ Флавіана, всеобщее вниманіе было остановлено на пунктѣ о посланіи папы св. Льва къ Флавіану; посланіе папы не было читано на соборѣ. Когда къ Діоскору былъ предъявленъ государевыми сановниками запросъ, почему на соборѣ не было читано посланіе св. Льва, то Діоскоръ въ первый разъ отвѣтилъ: „я совѣтовалъ во второмъ засѣданіи прочитать посланіе епископа Римскаго". Когда его снова спросили: „почему же оно не было читано во второмъ засѣданіи", то Діоскоръ, слагая съ себя отвѣтственность въ этомъ, предложилъ спросить Ѳалласія и Ювеналія, почему не было читано посланіе? Спросили Ювеналія; этотъ отозвался, что посланіе папы не было прочитано потому, что на очереди стояло посланіе императорское, а послѣ императорскаго ни первый нотарій, ни кто-либо другой не говорили, что у нихъ есть въ рукахъ посланіе епископа Римскаго; спросили Ѳалассія, и этотъ съ безотвѣтною, можно сказать, простоватостію отозвался: „одно я знаю, что я и не запрещалъ чтенія, да и не имѣлъ никакого полномочія, чтобы одинъ я могъ приказать, чтобы читали".

Сановники и сенатъ, не усматривая ничего полезнаго для уясненія дѣла въ томъ, ежели они будутъ продолжать препирательства вродѣ того, начало которому полагалось,

порѣшили читать далѣе дѣянія соборовъ. Начали читать далѣе; дошли до того мѣста въ исторіи Ефесскаго собора, когда по указанію Елпидія, депутата воинскаго, намѣчали программу для занятій собора.

Вопросъ тогда состоялъ въ томъ, начинать ли разбирательствомъ дѣла Евтихіева или пересматривать правила св. вселенскихъ соборовъ, какъ фундаментъ для предстоящихъ рѣшеній. Среди разглагольствій о семъ предметѣ Діоскоръ тогда высказалъ такое свое мнѣніе, что пересматривать каноны надобности нѣтъ, и при этомъ своемъ мнѣніи въ видѣ афоризма присоединилъ: „или вы хотите обновить вѣру отцевъ?“ На этотъ дополнительный вопросъ Діоскора соборъ будто бы отвѣтствовалъ: „кто обновитъ, да будетъ анаѳема; кто поколеблетъ, да будетъ анаѳема“.

Теперь, когда это мѣсто повторяли на Халкидонскомъ соборѣ, противъ подлинности этого мѣста предъявилъ сомнѣніе Евсевій Дорилейскій. Евсевій Дорилейскій выразилъ предположеніе, что это мѣсто нарочито вставлено нотаріями Діоскора. При чтеніи этого мѣста епископы восточные возгласили: „этого мы не говорили: кто сказалъ это?“ Для того, чтобы добраться, откуда взялась эта вставка, рѣшено было разслѣдовать, кто завѣдывалъ составленіемъ записей соборныхъ; оказалось, что у каждаго епископа были свои нотаріи, и каждый нотарій, составляя записи, слѣдилъ за изложеніемъ мнѣнія епископа своего; у Діоскора были нотаріи свои, у Ѳалассія свои, у Ювеналія свои. Въ процессѣ этого-то разбирательства Евсевій Дорилейскій поставилъ вопросъ: „прошу спросить боголюбивѣйшаго епископа Ефесскаго Стефана, не записали ли дѣяній св. собора его нотаріи и какія записи допущены нотаріями епископа Александрійскаго Діоскора“.

На предложеніе сената отвѣчать на этотъ вопросъ епископъ Ефесскій отвѣтствовалъ: „у меня записывали нотаріи: Юліанъ, нынѣ епископъ Леведскій, и діаконъ Криспинъ; и пришли нотаріи епископа Діоскора, отняли у нихъ записныя дощечки, почти переломали имъ пальцы, усиливались взять у нихъ и сумки съ писчими тростями; такимъ образомъ, я не получилъ списковъ этихъ дѣяній и не знаю, что тамъ

происходило. Но въ тотъ же самый день, въ который происходило изслѣдованіе, мы подписывались на бумагѣ, а епископы, въ тотъ день не подписавшіеся, по моему убѣжденію подписались на другой день; подпись собирали на неписанной бумагѣ; въ тотъ же часъ, въ который состоялось обвиненіе, послѣдовало и подписаніе".

Еще сильнѣе въ этомъ же тонѣ было показаніе Акакія. епископа Аріараѳійскаго: „мы подписались на неписанной бумагѣ, потому что насъ принуждали, тѣснили и дѣлали намъ множество непріятностей; мы не добровольно, а по принужденію приложили свои знаки, ибо до вечера держали насъ на заперти въ церкви, и намъ, при нашемъ тревожномъ состояніи, не дозволяли успокоиться, ни отлучиться, ни остаться наединѣ съ самими собою, но приставили къ намъ воиновъ съ мечами и палками и монаховъ и, такимъ образомъ, заставили насъ подписаться".

Чѣмъ дальше шло чтеніе, тѣмъ очевиднѣе становилось злоупотребленіе членовъ, бывшихъ на Ефесскомъ соборѣ. Какъ скоро епископы увидѣли, что для нихъ теперь нѣтъ уже прежняго страха, какимъ одержалъ ихъ Діоскоръ, то начали свободно выражать свои вѣрованія. Особенно рѣзко выдѣлялось объясненіе Василія, епископа Селевкіи Исаврійской; этотъ епископъ оказался вполнѣ согласнымъ съ истиннымъ ученіемъ православія свят. Льва, Флавіана и Евсевія Дорилейскаго. Сенатъ и сановники пришли даже въ недоумѣніе и потому спросили Василія: „уча такъ православно, почему ты подписалъ осужденіе блаженной памяти Флавіана". Василій отвѣчалъ: „такъ какъ отданъ былъ на судъ 120 или 130 епископовъ, то я былъ вынужденъ повиноваться тому, что отъ нихъ опредѣлялось; къ этому началу самооправданія не умедлило присоединиться и болѣе искреннее исповѣданіе: епископы восточные и бывшіе съ ними воскликнули: „всѣ мы согрѣшили, всѣ просимъ прощенія". Сановники и сенатъ, не видя, на чемъ бы другомъ теперь остановить свое вниманіе, приказали продолжать чтеніе дѣяній.

Когда между многими другими документами, относившимися къ разсматриваемому дѣлу и уже приведенными нами

въ свое время, было прочитано посланіе свят. Кирилла Александрійскаго, писанное имъ къ Іоанну Антіохійскому, послѣ установившагося между ними примиренія („Да возвеселятся небеса и радуется земля". Д. в. с., т. II, стр. 372—80), то всѣ епископы воскликнули: „всѣ мы вѣруемъ, какъ Кириллъ: анаѳема тому, кто не вѣруетъ такъ; Флавіанъ такъ вѣровалъ; Діоскоръ повредилъ вѣру; Левъ такъ вѣруетъ; Анатолій (преемникъ Флавіана) такъ мудрствуетъ; императоръ и сенатъ такъ мудрствуютъ; убійцу Флавіанова низвергнуть, отцеубійцу низвергнуть!"

При взрывѣ этихъ восклицаній сенатъ и сановники спросили восклицавшихъ: „на какомъ же основаніи вы приняли въ общеніе Евтихія, говорящаго противное этому, а блаженной памяти Флавіана и епископа Евсевія, согласныхъ съ этимъ, низложили". Евстаѳій, епископъ Беритскій, когда къ нему вторично были обращены сіи слова, какъ бы отъ лица всѣхъ своихъ сторонниковъ отвѣтилъ: „я заблуждался".

Когда въ продолженіе дальнѣйшаго чтенія было приведено объясненіе Флавіана, данное на Константинопольскомъ соборѣ, гдѣ, между прочимъ, приведены были слова изъ св. Кирилла Александрійскаго: „исповѣдуемъ, что Христосъ послѣ воплощенія состоитъ изъ двухъ естествъ въ одной Ѵпостаси и въ одномъ лицѣ; исповѣдуемъ единаго Христа, единаго Сына, единаго Господа", то сановники и сенатъ спросили членовъ собора: „что скажутъ почтеннѣйшіе епископы св. собора, присутствующіе здѣсь? Излагая такъ вѣру, блаженной памяти Флавіанъ сохранилъ ли православіе и каѳолическое исповѣданіе, или въ чемъ-нибудь погрѣшилъ по отношенію къ нему?" Епископъ Пасхазинъ, занимавшій мѣсто апостольскаго престола, отвѣчалъ: „блаженной памяти Флавіанъ изложилъ вѣру свято и неповрежденно; его изложеніе вѣры согласно съ посланіями блаженнѣйшаго и апостольскаго мужа епископа Рима". Отзывъ Пасхазина начали повторять единъ по единому всѣ члены собора.

Діоскоръ, по выслушаніи всѣхъ этихъ отзывовъ, съ своей стороны возразилъ: „Флавіанъ осужденъ за то, что признавалъ два естества послѣ соединенія. Я же имѣю сви-

дѣтельства св. отцевъ: Аѳанасія, Григорія и Кирилла во многихъ мѣстахъ, что не должно признавать двухъ естествъ послѣ соединенія, но одно воплотившееся естество Слова; я долженъ быть изверженъ вмѣстѣ съ отцами; я защищаю догматы отцевъ; ни въ чемъ не отступлю отъ нихъ; свидѣтельства ихъ не просто, не мимо ходятъ, а въ книгахъ имѣю. Какъ всѣ просили, такъ и я прошу прочитать остальное".

Долго продолжалась эта процедура провѣрокъ, препирательствъ, взаимныхъ обвиненій и самооправданій; но и всѣ дальнѣйшія справки ничего не прибавили къ тому, что мы уже слышали изъ прочитаннаго доселѣ. Что изо всего этого имѣетъ несомнѣнное значеніе при изученіи исторіи православія, такъ это фактъ, что ссылки Діоскора на св. Аѳанасія и другихъ отцевъ въ подтвержденіе его ученія, т. е. Діоскорова, оказались напрасными: сколько ни приводили и не пересматривали изреченія св. отцевъ, ничего въ нихъ къ подтвержденію ученія Діоскорова обрѣтено не было. Всѣ выраженія, въ коихъ Діоскоръ надѣялся обрѣсти для себя опору, въ сущности направлены были противъ Несторія, т. е. опровергали то нечестивое ученіе Несторія, что иное былъ Слово, а иное—Христосъ, воспринятый Словомъ; отцы учили только, что не слѣдуетъ раздѣлять лица, но сліянія естествъ они не проповѣдывали.

Послѣ тщательнаго и продолжительнаго разсмотрѣнія дѣяній Константинопольскаго собора противъ Евтихія и Ефесскаго — противъ Діоскора сановники и сенатъ пришли къ убѣжденію, что блаженной памяти Флавіанъ и епископъ Евсевій осуждены несправедливо, а потому и признали справедливымъ предложить членамъ собора, не признаютъ ли справедливымъ и богоугоднымъ подвергнуть тому же наказанію имѣвшихъ тогда власть и предсѣдательство на соборѣ. Отвѣтъ на это предложеніе не оказался единодушнымъ: иные восклицали: „это праведный судъ"; но Иллирійскіе и бывшіе съ ними сказали: „всѣ мы согрѣшили, всѣ просимъ прощенія"; въ одномъ только пунктѣ оказались согласными всѣ— это въ осужденіи Діоскора: всѣ единодушно воскликнули: „Діоскора Христосъ низложилъ, человѣкоубійцу Христосъ

низложилъ; это справедливый приговоръ, это справедливый судъ, это св. соборъ; за мучениковъ Богъ отмстилъ".

Этимъ опредѣленіемъ первое засѣданіе Халкидонскаго собора было окончено; рѣшено пріостановить занятіе до слѣдующаго собранія и теперь же предложено было, чтобы присутствующіе на соборѣ изготовили къ слѣдующему засѣданію каждый отъ себя письменное изложеніе, какъ онъ вѣруетъ. „Ибо оказывается,—заключали сановники и сенатъ,—что почтеннѣйшій архіепископъ древняго Рима Левъ противъ неправославнаго и противнаго каѳолической церкви сомнѣнія, поднятаго Евтихіемъ, послалъ посланіе къ Флавіану, блаженной памяти архіепископу Константинопольскому.

Когда члены собора собрались на второе засѣданіе, то гражданскіе сановники и сенатъ, напоминая отцамъ собора объ окончаніи засѣданія предшествовавшаго, начали было повтореніемъ своего предложенія, высказаннаго еще въ предшествовавшемъ засѣданіи, заняться изложеніемъ пунктовъ вѣроученія. „Потщитесь,—говорили они членамъ собора,—безъ страха, безъ угодливости и вражды изложить вѣру въ чистотѣ, такъ, чтобы и тѣ, которые оказываются мудрствующими не одинаково со всѣми, снова приведены были познаніемъ истины къ единомыслію". Но на это предложеніе отцы собора не отозвались безусловнымъ согласіемъ. „Другого изложенія,—отвѣчали отцы,—никто не составляетъ, и не беремся, и не дерзаемъ излагать. Отцы научили, и изложенное ими сохраняется въ письмени; больше этого мы не можемъ говорить". Это былъ смыслъ отвѣта общаго. Въ частности: Кекропій, епископъ Севастопольскій, отвѣтилъ: „Когда возникло дѣло Евтихія, образецъ въ отношеніи къ нему далъ святѣйшій архіепископъ Рима, и мы слѣдуемъ ему и всѣ подписались подъ посланіемъ". Не довольствуясь такимъ отвѣтомъ, сенатъ сдѣлалъ еще предложеніе отцамъ собора въ нѣсколько измѣненной формѣ. „Если угодно вашему благоговѣйнству, пусть святѣйшіе патріархи каждой области, избравши каждый по одному или по два изъ своей области, выйдутъ на средину и сообща разсудятъ о вѣрѣ и свое мнѣніе предъявятъ всѣмъ, дабы, если всѣ согласятся, чего мы и же-

лаемъ, то прекратилось бы всякое недоумѣніе, а если нѣкоторые будутъ думать напротивъ, чего мы не допускаемъ, то были бы предъявлены и ихъ мнѣнія". Но и на это предложеніе отцы собора не склонились. „Письменнаго изложенія,— отвѣчали отцы,—не составляемъ. Есть правило, повелѣвающее довольствоваться тѣмъ, что изложено. Это правило требуетъ, чтобы другого изложенія не было. Должно держаться отеческихъ изложеній".

Флоренцій, епископъ Сардійскій, высказалъ было предположеніе, которое могло бы, хотя и не скоро, склоняться къ исполненію мнѣнія сановниковъ, именно: онъ выражалъ желаніе взять отсрочку, чтобы этимъ дѣломъ не спѣшить, но чтобы можно было съ надлежащею обдуманностью подойти къ истинѣ дѣла; но его мнѣніе отклонено было предложеніемъ Кекропія, епископа Севастопольскаго: „Вѣра хорошо выражена,—сказалъ Кекропій,—318-ю свят. отцами и утверждена свят. отцами: Аѳанасіемъ, Кирилломъ, Целестиномъ, Иларіемъ, Василіемъ, Григоріемъ, а нынѣ еще святѣйшимъ Львомъ. Мы просимъ прочитать какъ то, что изложено 318-ю св. отцами, такъ и то, что написано святѣйшимъ Львомъ. Были прочитаны: символы—Никейскій и Никео-Цареградскій (сей послѣдній символъ названъ: „Святая вѣра, изложенная 150-ю св. отцами, согласная съ св. и великимъ соборомъ Никейскимъ"), посланіе св. Кирилла къ Несторію и къ Іоанну Антіохійскому, посланіе свят. Льва къ Флавіану противъ Евтихія, выдержки изъ сочиненія св. Иларія о троичности Божества, св. Григорія Богослова изъ слова на Богоявленіе Господне, св. Амвросія изъ книги о вѣрѣ и книги о воплощеніи, Іоанна Златоуста изъ бесѣды на Вознесеніе Господне, блаж. Августина изъ посланія къ Волюціану, изъ толкованія на евангеліе отъ Іоанна и изъ слова объ изложеніи вѣры, а въ заключеніе всего опять изъ св. Кирилла Александрійскаго, изъ сочиненія о воплощеніи Единороднаго. Когда всѣ поименованныя здѣсь и многія другія статьи были перечитаны, то сановники и сенатъ спросили членовъ собора: „послѣ всего этого сомнѣвается ли еще кто нибудь". Всѣ епископы единогласно отвѣчали: „никто не сомнѣвается".

Долго и еще продолжался соборъ; много происходило на немъ разныхъ разбирательствъ и установлено множество опредѣленій; но чтобы намъ не затеряться въ крайне спеціальныхъ подробностяхъ, мы ограничимся выборкою главнѣйшаго. На Діоскора, кромѣ его самовластныхъ распоряженій относительно Флавіана и Евсевія, съ одной стороны, и Евтихія—съ другой, предъявлено было собору еще множество обвиненій; соборъ призналъ потребнымъ требовать отъ Діоскора объясненій и приглашалъ его до трехъ разъ со всѣми подобающими формальностями на соборъ; но Діоскоръ на соборъ не явился, отзываясь то тѣмъ, что онъ содержится подъ заключеніемъ, то своею болѣзнію, то тѣмъ, что на соборѣ не было тѣхъ изъ свѣтскихъ чиновниковъ, какихъ бы онъ желалъ видѣть тамъ. Не желая болѣе ничего ожидать, да къ тому же и не видя, чтобы еще оставалось предпринимать, соборъ изрекъ на Діоскора отлученіе. Отлученіе было формулировано такъ (663): „Святый, великій и вселенскій соборъ, благодатію Божіею, по повелѣнію благочестивѣйшихъ и боголюбезнѣйшихъ императоровъ нашихъ, собравшійся въ Виѳинскомъ городѣ Халкидонѣ, въ церкви святѣйшей и добропобѣдной мученицы Евѳиміи, Діоскору. Узнай, что ты, за презрѣніе божественныхъ каноновъ и за твое непослушаніе сему святому и вселенскому собору, а сверхъ того, кромѣ другихъ твоихъ проступковъ, въ которыхъ ты виновенъ, за то, что, будучи въ третій разъ вызванъ этимъ святымъ и великимъ соборомъ, по божественнымъ канонамъ, для отвѣта на взводимыя на тебя (обвиненія) ты не явился, настоящаго мѣсяца октября въ тринадцатый день святымъ и вселенскимъ соборомъ лишенъ епископства и отчужденъ отъ всякой церковной должности“.

Для достиженія болѣе опредѣленнаго и болѣе прочнаго результата отъ столь долго продолжавшихся изысканій догматическихъ рѣшено было подъ предсѣдательствомъ Анатолія, патріарха Константинопольскаго, составить комиссію, которой поручено было сформировать схему, въ которой бы выражена была сущность вѣроученія по тѣмъ пунктамъ, кои все это время были предметомъ розысканій. Эта комиссія и составила

предписанную ей схему, которая въ настоящее время извѣстна подъ именемъ догмата 630 св. отецъ четвертаго вселенскаго собора (ἀσυγχύτως ἀτρεπτῶς, ἀδιαιρέτως, ἀχωρίστως).

Окончивъ все, что съ своей стороны усматривали благопотребнымъ, отцы собора обо всемъ доложили императорамъ, испрашивая Высочайшаго утвержденія на свое опредѣленіе. Донесеніе отъ собора императорамъ было составлено въ такомъ видѣ:

Посланіе Халкидонскаго собора къ императорамъ—Валентиніану и Маркіану.

„Благочестивѣйшимъ, благовѣрнѣйшимъ и христіаннѣйшимъ императорамъ, побѣдителямъ и тріумфаторамъ, Валентиніану и Маркіану, всегдашнимъ августамъ, святый и великій соборъ, по благодати Божіей и по повелѣнію вашего благочестія собравшійся въ гор. Халкидонѣ (для сильныхъ болѣзней нужны и сильное лѣкарство, и мудрый врачъ). По этому-то Господь всѣхъ приставилъ ваше благочестіе къ страданіямъ вселенной, какъ наилучшаго врача, чтобы вы исцѣлили ихъ приличными лѣкарствами. И вы, христіаннѣйшіе, принявши божественное опредѣленіе, предъ всѣми другими приложили приличную заботливость о церкви, предписывая первосвященникамъ врачевство согласія. Ибо, собравъ насъ отовсюду, вы употребили всѣ средства, чтобы уничтожить случившееся разногласіе и укрѣпить ученіе отеческой вѣры. А мы, размышляя и отыскивая причину бури, поднявшейся во вселенной, нашли, что виновникъ этого дѣла—Діоскоръ, бывшій епископъ Александрійскій. Во-первыхъ потому, что онъ запретилъ прочитать почтеннѣйшимъ епископамъ, собравшимся въ Ефесѣ, посланіе святѣйшаго архіепископа древняго Рима Льва, отправленное къ святой памяти Флавіану, бывшему епископу города Константинополя, и это послѣ своихъ обѣщаній и многихъ клятвъ, какъ мы узнали, присутствуя (тамъ). Во-вторыхъ потому, что онъ Евтихію, страждущему нечестіемъ Манихея и законно низверженному, возвратилъ какъ священство, такъ и начальство надъ монахами незаконно, прежде

соборнаго опредѣленія, и притомъ тогда, какъ святѣйшій и блаженнѣйшій архіепископъ великаго Рима Левъ въ томъ же посланіи опредѣлилъ должное (ему) и осудилъ преступное нечестіе Евтихія, который говорилъ: „исповѣдую Господа нашего Іисуса Христа прежде соединенія двухъ естествъ, а послѣ соединенія одно естество". Далѣе потому, что онъ причинилъ оскорбленія боголюбезнѣйшему еп. Евсевію. Еще и потому, что онъ собственною властію принялъ въ общеніе нѣкоторыхъ, осужденныхъ различными соборами, тогда какъ святыя правила предписываютъ, что лишенныхъ общенія одними не должны принимать въ общеніе другіе. И между тѣмъ онъ могъ бы получить прощеніе въ такихъ и столькихъ проступкахъ, если бы чрезъ надлежащее раскаяніе искалъ врачевства у сего вселенскаго собора. Но такъ какъ онъ, сверхъ другихъ своихъ непотребствъ, ратовалъ противъ самого апостольскаго престола и старался составить грамоту отлученія противъ святѣйшаго и блаженнѣйшаго папы Льва, высокомѣрно упорствовалъ въ прежнихъ проступкахъ и оказался дерзкимъ противъ настоящаго святого вселенскаго и великаго собора, потому что не захотѣлъ отвѣчать на сдѣланныя противъ него обвиненія, совершенно презирая ихъ, а также, будучи вызванъ въ первый, второй и третій разъ согласно святымъ правиламъ, презрѣлъ это и не явился, то справедливо вселенскимъ соборомъ лишенъ священства и приговоренъ къ отчужденію отъ епископскаго достоинства, чтобы для другихъ, покушающихся дѣлать подобное, явить примѣръ порядка и строгости, ибо и божественные законы повелѣваютъ, ясно говоря: измите злого отъ васъ самѣхъ (1 Кор. V, 13). Что можетъ быть хуже погрѣшающаго въ такихъ дѣлахъ, такъ попирающаго божественные каноны, наполняющаго волненіемъ и бурею всю вселенную, расточающаго членовъ церкви и вооружающаго ихъ взаимно другъ противъ друга? Подлинно, всякій, видя, что членъ тѣла подвергся неизлѣчимой болѣзни и можетъ заразить все тѣло, найдетъ врача, который бы употребилъ желѣзо и отсѣкъ больную часть, чтобы сохранить здоровыми другія части тѣла. О чемъ истинно доносимъ вашей благочестивой власти, чтобы вы разсмотрѣли и его

преступность, и чистоту справедливаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ какъ бы предъ лицемъ Божіимъ. Мы увѣрены, что и вы, благочестивѣйшіе и христіаннѣйшіе императоры, согласитесь съ нами; мы знаемъ, какой страхъ внушаетъ злымъ ваша почтенная власть и какую заботливость вы оказываете о церковномъ мирѣ, будучи научены опытомъ. Посему и молимъ Бога всѣхъ сохранить надолго вашу власть, которая обычно покровительствуетъ благочестію, царствуетъ надъ вселенною мирно, судитъ каждаго подданнаго справедливо, покоряетъ поднятыя руки враговъ и заставляетъ повиноваться вашимъ скипетрамъ. А чтобы ваша христіаннѣйшая власть яснѣе знала, что опредѣлено вѣрно и согласно съ святыми правилами и волею Божіею, мы присовокупили къ сему донесенію и самые состоявшіеся документы дѣяній съ подписью всѣхъ насъ".

Опредѣленія собора императорами были утверждены, но тѣмъ не менѣе волненія не окончились; онѣ продолжались въ разныхъ мѣстахъ и послѣ Халкидонскаго собора, особенно въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ, такъ что эти волненія монофизитскія послѣ Халкидонскаго собора были хотя и отдаленною, но тѣмъ не менѣе дѣйствительною причиною къ созванію и слѣдующаго пятаго вселенскаго собора, къ которому мы и перейдемъ.

Пятый вселенскій соборъ.

Какъ соборъ Халкидонскій вызванъ былъ волненіями, возникшими вслѣдствіе обстоятельствъ, составлявшихъ основной предметъ въ занятіяхъ собора Ефесскаго, такъ соборъ Константинопольскій второй, т. е. пятый вселенскій, по счету ближайшій къ Халкидонскому, созванъ былъ изъ-за обстоятельствъ, составлявшихъ основной предметъ занятій собора Халкидонскаго: такая связь въ этой послѣдовательности соборовъ отъ перваго ко второму, отъ третьяго къ дальнѣйшимъ за нимъ — точно связь колецъ, входящихъ въ составъ одной цѣпи. Халкидонскій соборъ, исторіею котораго мы занимались до настоящаго времени, подвергся нареканіямъ между многими членами, считавшими себя въ ряду послѣдователей и защитниковъ православія, подвергся нареканіямъ 1) потому, что на этомъ соборѣ не подвергли обстоятельному разбору сочиненій Θеодора Мопсуетскаго, бывшаго однимъ изъ учителей Несторіевыхъ; 2) потому, что на этомъ соборѣ возвращены были епископскія мѣста Θеодориту и Ивѣ, изъ коихъ одинъ — Θеодоритъ писалъ рѣзкіе анаѳематизмы противъ ученія св. Кирилла Александрійскаго, а другой — Ива, епископъ Едесскій, замѣшанъ былъ съ неблагопріятной стороны тѣмъ, что подъ его именемъ ходило по разнымъ мѣстамъ посланіе къ нѣкоему Марѣ персу, гдѣ Ива непочтительно отзывался о Ефесскомъ вселенскомъ соборѣ, будто бы несправедливо осудившемъ Несторія, и гдѣ были допущены нѣкоторыя выраженія, оскорбительныя для

св. Кирилла Александрійскаго [1]). Эти три пункта, т. е. вопросъ о Ѳеодорѣ Мопсуетскомъ, о Ѳеодоритѣ и Ивѣ извѣ-

[1]) Ива, епископъ Едесскій, былъ сторонникомъ Іоанна, архіепископа Антіохійскаго, однимъ изъ тѣхъ епископовъ, кои замедлили прибытіемъ на Ефесскій соборъ и послужили для св Кирилла поводомъ къ открытію собора до прибытія всѣхъ назначенныхъ на соборъ.

Такъ какъ этотъ документъ, то есть письмо Ивы, епископа Едесскаго, составляетъ собою, можно сказать, рѣдкость, которую не всякому читателю удобно розыскать, то мы признали нужнымъ привести его здѣсь.

Письмо Ивы Едесскаго къ Марѣ персу

„Мы поспѣшили вкратцѣ сообщить тебѣ, твоей свѣтлой мудрости, которая въ немногомъ познаетъ многое, о томъ, что прежде сего и нынѣ происходило здѣсь, зная, что это написанное нами твоему благочестію стараніемъ твоимъ сдѣлается извѣстнымъ для всѣхъ, тамъ находящихся и что преданное Богомъ писаніе не испытало никакого извращенія Начинаю изложеніе предмета съ тѣхъ разсказовъ, которые и ты самъ знаешь Въ то самое время, какъ твое благочестіе было здѣсь, произошелъ споръ между этими двумя человѣками — Несторіемъ и Кирилломъ. они написали одинъ противъ другого пагубныя книги, которыя послужили соблазномъ для слушающихъ. Ибо Несторій сказалъ въ своихъ книгахъ, какъ и твое благочестіе знаетъ, что блаженная Марія не есть Богородица, такъ что многіе думали, что онъ былъ (послѣдователь) ереси Павла Самосатскаго, который говорилъ, что Христосъ былъ чистый человѣкъ. А Кириллъ, желая опровергнуть книги Несторія, погрѣшилъ и оказался впавшимъ въ ученіе Аполлинарія. Ибо и онъ написалъ подобно ему, что самъ Богъ Слово сдѣлался человѣкомъ, такъ что не было различія между храмомъ и обитающимъ въ немъ. Онъ написалъ двѣнадцать главъ, которыя, полагаю, и твое благочестіе знаетъ, о томъ, что естество божества и человѣчества Господа нашего Іисуса Христа одно и что, какъ онъ говоритъ, не должно раздѣлять сказанныя слова, сказалъ ли ихъ Господь о Себѣ, или евангелисты о Немъ. Это полно всякаго нечестія, какъ и твоя святость знаетъ, даже прежде чѣмъ мы сказали. Ибо какъ возможно, чтобы бывшее въ началѣ Слово объято было храмомъ, родившимся изъ Маріи? или чтобы слова: умалилъ еси его малымъ чѣмъ отъ ангелъ (Псал. VIII, 6) сказаны были о божествѣ Единороднаго? Церковь говоритъ такъ, какъ и твое благочестіе знаетъ, и я отъ начала наученъ и утвержденъ божественнымъ ученіемъ, изъ словъ блаженныхъ отцевъ. Два естества, одна сила, одно лице, которое есть одинъ Сынъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вслѣдствіе этого пренія побѣдители и благочестивые императоры повелѣли первѣйшимъ изъ епископовъ собраться въ городъ Ефесъ и сообща разсудить о книгахъ Несторія и Кирилла. Но прежде чѣмъ всѣ епископы, которымъ повелѣно было собраться, прибыли въ Ефесъ, этотъ Кириллъ, предупредивъ, овладѣлъ слухомъ (всѣхъ) посредствомъ (какой-то) отравы, ослѣпляющей очи мудрыхъ. Онъ нашелъ вину въ ненависти (которую питали) къ Несторію. И прежде, нежели святѣйшій и боголюбезнѣйшій архіепископъ Іоаннъ прибылъ на соборъ, Несторія безъ суда и слѣдствія низложили съ епископства. А черезъ два дня послѣ его осужденія, мы прибыли въ Ефесъ. Когда мы узнали, что при осужденіи Несторія, учиненномъ ими, они постановили и утвердили двѣнадцать главъ,

стны въ исторіи подъ именемъ трехъ главъ и около нихъ-то вращалась вся исторія пятаго вселенскаго собора.

написанныхъ Кирилломъ, которыя были противны истинной вѣрѣ, и согласились съ ними, какъ согласными съ истинною вѣрою, то всѣ восточные епископы осудили этого Кирилла и произнесли отлученіе на другихъ епископовъ, которые соглашались съ (его) главами.

Послѣ этого безпорядка каждый возвратился въ свой городъ. Несторій же, такъ какъ былъ ненавидимъ городомъ и вельможами, въ немъ находившимися, не могъ возвратиться туда. Восточный соборъ остался внѣ общенія съ тѣми епископами, которые сообщались съ Кирилломъ Отъ этого между ними произошла великая скорбь; епископы были во враждѣ съ епископами и народы съ народами, и исполнилось на дѣлѣ написанное, что будутъ врагами домашніе его (Матѳ. X, 36) Отсюда произошли многія оскорбленія противъ насъ со стороны язычниковъ и еретиковъ. Никто не смѣлъ отправиться изъ города въ городъ, или изъ области въ область, но каждый преслѣдовалъ ближняго (своего), какъ врага. Многіе же, не имѣя предъ очами страха Божія, подъ предлогомъ ревности о церквахъ, спѣшили привести въ дѣйствіе вражду, которую скрывали въ сердцахъ своихъ. Одинъ изъ таковыхъ есть тиранъ нашего города (здѣсь разумѣется Рабула, епископъ Едесскій), котораго и ты знаешь, онъ подъ предлогомъ вѣры наказываетъ не только живыхъ, но и тѣхъ, которые давно отошли къ Богу Одинъ изъ сихъ (послѣднихъ) есть блаженный Ѳеодоръ, проповѣдникъ истины и учитель церкви, который не только при жизни своей обращалъ еретиковъ къ истинной вѣрѣ своей, но и послѣ смерти въ своихъ сочиненіяхъ оставилъ сынамъ церкви духовное оружіе, какъ узнало и твое благочестіе, обращавшееся съ нимъ, и убѣдилось изъ написаннаго имъ. Его-то (Ѳеодора) дерзнулъ онъ, на все дерзавшій, открыто анаѳематствовать предъ церковію, его, который по ревности Божіей не только свой собственный городъ отъ заблужденія обратилъ къ истинѣ, но и отдаленныя церкви научилъ своимъ ученіемъ. И о книгахъ его повсюду произведено было много изслѣдованій не потому, чтобы онѣ чужды были истинной вѣры, ибо всегда при жизни его тотъ самъ постоянно хвалилъ его и читалъ его книги, но по причинѣ скрытой вражды, которую тотъ имѣлъ противъ него за то, что онъ открыто обличилъ его на соборѣ. Между тѣмъ, какъ происходило это зло и каждый, по писанію (Суд. XVII, 21), поступалъ, какъ хотѣлъ, достопоклоняемый Богъ нашъ, всегда пекущійся по Своему милосердію о церкви, возбудилъ сердце вѣрнѣйшаго и побѣдителя императора послать великаго и извѣстнаго при его дворѣ мужа, съ тѣмъ, чтобы онъ заставилъ почтеннѣйшаго и святѣйшаго архіепископа востока господина Іоанна помириться съ Кирилломъ, ибо онъ имъ низложенъ былъ съ епископства. По полученіи посланія императора, онъ отправилъ святѣйшаго и боголюбезнѣйшаго Павла, епископа Емесскаго, написавъ чрезъ него истинную вѣру и поручивъ ему, чтобы онъ, если Кириллъ согласится съ этою вѣрою и анаѳематствуетъ говорящихъ, что божество страдало и говорящихъ, что одно естество божества и человѣчества, вошелъ съ нимъ въ общеніе. Богъ же, всегда пекущійся о Своей церкви, искупленной собственною Его кровію, восхотѣлъ, чтобы и сердце египтянина умягчилось и безъ затрудненія согласилось съ (истинною) вѣрою и приняло ее, а всѣхъ, вѣрующихъ не по ней, анаѳематствовало. Когда же они вошли въ общеніе другъ съ другомъ, то распря прекратилась, въ церкви водворился миръ, и въ ней нѣтъ уже раскола, но

Въ одномъ изъ засѣданій пятаго вселенскаго собора, именно въ восьмомъ было, между прочимъ, довольно кратко, но весьма мѣтко и ясно сказано: „Послѣдователи Несторія старались навязать церкви Божіей свое нечестіе чрезъ нечестиваго Ѳеодора, который былъ епископомъ Мопсуета, чрезъ его нечестивыя сочиненія и кромѣ этого посредствомъ того, что написалъ нечестиво Ѳеодоритъ и посредствомъ злостнаго посланія, которое, говорятъ, послано Ивой къ Марѣ персу". Къ этимъ тремъ предметамъ присоединился еще одинъ предметъ о лжеученіяхъ Оригена. Всѣ сіи предметы, т. е. и вопросъ о трехъ главахъ, и о заблужденіяхъ Оригена принялъ близко къ сердцу самъ императоръ Юстиніанъ, такъ горячо ревновавшій о мирѣ церковномъ: до него дошли слухи, что лжеученіями Оригена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и особенно въ монастыряхъ нѣкоторые злоупотребляютъ, и императоръ пожелалъ, чтобы злоупотребленіямъ этимъ былъ положенъ конецъ.

Вопросъ о такъ называемыхъ трехъ главахъ составлялъ для православной церкви предметъ безпокойный въ двухъ отношеніяхъ: здѣсь дѣло касалось и Несторія, и монофизитовъ. Касательство несторіанъ обнаружилось тѣмъ, что въ сочиненіяхъ Ѳеодора Мопсуетскаго, блаженнаго Ѳеодорита и въ письмѣ Ивы были мысли несторіанскія. По этимъ мыслямъ несторіанскимъ означенные писатели доставляли поддержку несторіанству. Несторіане, не имѣя возможности услаждаться сочиненіями Несторія, кои повелѣно было сожигать, усиливались распространять любимыя ими мысли,

---

миръ, какъ (было) прежде. А тѣ слова, которыя были написаны святѣйшимъ и боголюбезнѣйшимъ архіепископомъ Іоанномъ, и отвѣты, какіе получилъ онъ отъ Кирилла, самыя посланія (ихъ) я присовокупилъ къ этому (посланію), которое отправилъ къ твоей святости, дабы, читая ихъ, ты зналъ и всѣмъ (любящимъ миръ) возвѣстилъ, что распря уже успокоилась и средостѣніе вражды разрушено и (что) тѣ, кои возставали противъ живыхъ и мертвыхъ, подверглись стыду оправдываться въ своихъ преткновеніяхъ и учить противоположно прежнему своему ученію. Ибо никто не дерзаетъ сказать, что одно естество божества и человѣчества, но исповѣдуютъ и храмъ, и Того, Кто обитаетъ въ немъ и Кто есть единый Сынъ Іисусъ Христосъ. Я написалъ это твоему благочестію по великой любви, которую къ тебѣ имѣю, зная, что святость твоя ночью и днемъ упражняется въ ученіи Божіемъ, дабы быть полезною многимъ".

опираясь на сочиненіяхъ писателей, благопріятствовавшихъ несторіанству; монофизитовъ дѣло касалось тѣмъ, что изъ-за этихъ писателей они отваживались порицать Халкидонскій соборъ за то, что этотъ соборъ какъ будто оказался благопріятнымъ несторіанству тѣмъ, что онъ не выразилъ осужденія на лицъ. причастныхъ несторіанству.

Все это сильно заботило императора Юстиніана, который горячо былъ занятъ дѣлами церковными. Между другими заботами по дѣламъ церковнымъ одну изъ особенно тревожныхъ составляло желаніе императора соединить съ церковію монофизитовъ, партію многочисленную, но отбившуюся отъ церкви изъ-за вопросовъ догматическихъ, разсмотрѣнныхъ и рѣшенныхъ на соборѣ Халкидонскомъ. Одинъ изъ близкихъ къ императору епископовъ Ѳеодоръ Аскида, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской, подалъ императору мысль, что для водворенія мира церковнаго и для присоединенія монофизитовъ къ православію требуется только произнести соборное осужденіе на Ѳеодора Мопсуетскаго, Ѳеодорита и Иву, и миръ церковный водворится, и монофизиты соединятся съ церковію православною, и императоръ покроетъ себя вѣчною славою. Слѣдуя внушеніямъ Ѳеодора Аскиды и, безъ сомнѣнія, побуждаемый собственными желаніями и соображеніями, императоръ издаетъ въ 544 году указъ, которымъ подвергаетъ анаѳемѣ Ѳеодора Мопсуетскаго со всѣми его сочиненіями и ученіемъ, Ѳеодорита за его сочиненія, направленныя противъ Кирилла Александрійскаго, Иву Едесскаго за его посланіе къ Марѣ персу. Самый указъ императора не дошелъ до насъ; та грамота императорская, которая была имъ прислана собору, была актомъ, отдѣльнымъ отъ указа о трехъ главахъ; о содержаніи его мы узнаемъ уже изъ сочиненій современниковъ императора и именно изъ Факунда, епископа Германскаго въ Африкѣ, который взялся оппонировать императору и епископамъ, кои слѣдовали безпрекословно указу императорскому. Указъ императора былъ разосланъ всѣмъ представителямъ церковной власти, съ требованіемъ, чтобы они подписали его. Предметъ, служившій содержаніемъ указа, былъ до такой степени необыченъ въ жиз-

ненной практикѣ, вопросы, подлежавшіе разсужденію и осужденію, были до такой степени сложны, спутаны и неясны, что указъ императорскій съ перваго раза поставилъ епископовъ въ большое затрудненіе. Первое же лицо, отъ котораго императоръ потребовалъ подписи указа, Мина, патріархъ Константинопольскій, пришелъ въ раздумье. Мина находилъ, что осужденіе трехъ главъ грозитъ опасностію авторитету собора Халкидонскаго. Логическое основаніе къ недоумѣнію выставлялось въ такомъ видѣ: Халкидонскій соборъ тѣхъ предметовъ не осуждалъ; слѣдовательно, принимаясь за осужденіе того, чего не осудилъ соборъ, осуждающіе налагаютъ укоризну на соборъ за его нераспорядительность. Послѣ по нѣкоторомъ размышленіи Мина, впрочемъ, подписалъ указъ императорскій, но на условіи, что ежели папа Римскій откажется подписать указъ, то и его подпись должна будетъ считаться недѣйствительною. Прочіе три патріарха восточные: Зоилъ Александрійскій, Ефремъ Антіохійскій и Петръ Іерусалимскій хотя и подписались подъ указомъ, но не съ полною охотою, а отчасти изъ приличія, отчасти по страху наказанія за противленіе. За главами церкви подписались прочіе епископы восточные.

Но не такъ легко было склонить къ соглашенію епископовъ церквей западныхъ. Западные меньше боялись императора, чѣмъ восточные; оттого они и смѣлѣе были въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, чѣмъ восточные. Духъ противленія, коимъ заражены были западные представители власти церковной по отношенію къ восточнымъ, скорѣе всего сказался въ мѣстности ближайшаго соотношенія и соприкосновенія западныхъ съ восточными: въ Константинополѣ постоянно пребывалъ апокрисіарій, папскій повѣренный въ дѣлахъ. На сей разъ папскимъ апокрисіаріемъ былъ Стефанъ, и сей Стефанъ, какъ только узналъ, что патріархъ Мина подписалъ указъ императора, прервалъ церковное общеніе съ Миною и другихъ возбуждалъ къ тому же. Дакій, епископъ Медіоланскій, бывшій тогда въ Константинополѣ, также возсталъ противъ Мины и указа императорскаго; епископы Африканскіе всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отказались отъ подписи указа.

Избравъ выразителемъ своихъ мыслей епископа Понтіана, Африканскіе епископы препроводили къ императору посланіе, въ которомъ выражали, что требованіе императорское имъ представляется неудобоисполнимымъ. „Всѣ тѣ сочиненія, о которыхъ началась рѣчь,—писали Африканскіе епископы въ лицѣ Понтіана,—намъ мало извѣстны. Когда они дойдутъ до насъ и когда прочетши ихъ мы усмотримъ, что они противны правой вѣрѣ, то мы осудимъ ихъ, но не самихъ авторовъ, уже умершихъ. Ежели бы они живы были доселѣ и не захотѣли осудить своихъ погрѣшностей, то только въ такомъ случаѣ они сами могли бы подлежать справедливому осужденію. Къ чему послужитъ осужденіе наше, ежели они не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ? Мы боимся, чтобы осужденіе ихъ не послужило въ пользу монофизитовъ. Зачѣмъ намъ безпокоить умершихъ? Они теперь предъ лицемъ Судіи истиннаго, выше Котораго нѣтъ другого судіи".

Когда указъ императора дошелъ до Римскаго папы (тогда Вигилія), то папа прежде, чѣмъ выразить свое сужденіе, пожелалъ справиться о томъ, какъ судятъ о семъ предметѣ епископы Африканскіе. Справку поручено было произвести чрезъ двухъ діаконовъ Пелагія и Анатолія. Мнѣніе епископовъ Африканскихъ, какъ мы уже знаемъ изъ посланія Понтіанова, было противъ указа. Теперь еще Африканскіе епископы поручили написать въ Римъ въ томъ же тонѣ ученому діакону Фульгенцію Ферранду, который и составилъ на сію тему цѣлую диссертацію, по мыслямъ вполнѣ сходную съ посланіемъ Понтіана къ Юстиніану. Диссертація Фульгенція Ферранда, написанная въ духѣ и по порученію епископовъ Африки, имѣла большое значеніе въ томъ отношеніи, что отъ нея зависѣла настроенность папы. Папа отклонилъ отъ себя подписаніе указа императорскаго; за папою послѣдовало большинство епископовъ въ Елладѣ и Иллирикѣ.

Императоръ, не желая оставлять начатаго имъ дѣла и очень хорошо понимая, какое важное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ голосъ Римскаго папы, пригласилъ Вигилія въ Константинополь. Вигилію кстати былъ поводъ отправляться въ Константинополь изъ-за дѣлъ политическихъ, именно по

причинѣ нашествія на Римъ готовъ (смотр. Θеоф. хроногр. Migne curs. patr. ser., graeca (т. 108).

Папа на первый разъ вгорячахъ отнесся къ вопросу въ духѣ общей оппозиціи западныхъ: по прибытіи въ Константинополь, онъ отлучилъ Константинопольскаго патріарха отъ церковнаго общенія; но Мина не устрашился прещенія папскаго и съ своей стороны отлучилъ папу. Отчасти эта твердость отпора со стороны патріарха Константинопольскаго, отчасти болѣе близкое знакомство въ самомъ Константинополѣ съ сущностію дѣла, а отчасти, вѣроятно, воздѣйствіе со стороны императора произвели въ папѣ перемѣну въ отношеніи къ вопросу о трехъ главахъ. Въ Константинополѣ обнародованъ былъ папою документъ, извѣстный подъ названіемъ judicatum, гдѣ папа соглашается съ волею императора Юстиніана, осуждаетъ Θеодора за его ученіе и сочиненія, Θеодорита за его сочиненія, написанныя противъ православія, и Иву за его письмо къ Марѣ. Но согласіе папы на осужденіе трехъ главъ не положило конца волненіямъ, начавшимся изъ-за этого вопроса. Противъ самого папы возстали его же подчиненные — западные церковные, начиная съ діаконовъ, состоявшихъ въ его свитѣ, Рустика и Севастіана. Эти діаконы мало того, что дерзновенно обличали папу въ неправильности будто бы его новаго рѣшенія, но и вошли въ соотношеніе съ другими лицами, согласными съ ними по мнѣнію о предметѣ спора. Епископы Африканскіе оставались вѣрными своему прежнему убѣжденію; они составили изъ себя соборъ и отлучили папу отъ церковнаго общенія; Иллирійскіе епископы также возстали противъ осужденія трехъ главъ; епископы Галліи отдѣлились отъ папы по сему же поводу. Но особенно горячимъ и сильнымъ противникомъ осужденія трехъ главъ явился Факундъ, епископъ Германскій, въ Африкѣ. Этотъ епископъ издалъ обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Въ защиту трехъ главъ“, гдѣ вооружается на защиту каждаго изъ трехъ лицъ, осужденіе которыхъ требовалось. Сочиненіе Факунда значительно способствуетъ уразумѣнію сущности всего дѣла, а потому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Въ защиту Θео-

дора Мопсуетскаго Факундъ писалъ: „Θеодоръ умеръ въ мирѣ съ церковію; онъ былъ хвалимъ мужами достоуважаемыми; цѣлый соборъ епископовъ Антіохійскихъ писалъ въ его защиту. О немъ не произнесъ осужденія соборъ Халкидонскій, когда читалось на томъ соборѣ посланіе Ивы, гдѣ Θеодоръ украшается похвалами. Изыскивая основанія къ порицанію Θеодора, ссылаются на Кирилла, который порицалъ Θеодора; но ежели руководиться такими образцами, то мы встрѣтимся со многими примѣрами, гдѣ одни изъ отцевъ неуважительно отзываются о другихъ; но главное, какъ мы будемъ слѣдовать Кириллу въ осужденіи Θеодора, когда это будетъ нападеніемъ на соборъ Халкидонскій, на которомъ не осужденъ Θеодоръ? Напрасно хотятъ осудить Θеодора, какъ еретика, принимая во вниманіе его заблужденія; еретикъ не тотъ, кто заблуждается, а тотъ, кто, будучи уличенъ въ неправославіи, остается упорнымъ; какъ осуждать Θеодора какъ еретика, когда онъ умеръ. Кто явится обвинителемъ противъ Θеодора? Можетъ ли обвинитель доказать, что все приписываемое Θеодору дѣйствительно принадлежитъ ему. На судѣ людскомъ каждый можетъ отрекаться, что онъ не дѣлалъ того, въ чемъ его обвиняютъ, или какъ нибудь объяснить дѣло къ своей выгодѣ, или, наконецъ, отказаться отъ заблужденій, въ какихъ обвиняется; но Θеодоръ не можетъ воспользоваться всѣми этими выгодами для подсудимаго, находящагося въ живыхъ. Христосъ Спаситель заповѣдалъ: аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси; этимъ дается знать, что какъ не должно по смерти разрѣшать тѣхъ, кои связаны были на земли, такъ не должно и связывать по смерти тѣхъ, кои не были связаны на земли. Наконецъ, у Θеодора есть въ сочиненіяхъ много мыслей правильныхъ, общихъ съ знаменитыми отцами церкви; поэтому осуждать Θеодора—значитъ осуждать и свят. отцевъ, писавшихъ въ томъ же духѣ, какъ Θеодоръ“. Въ защищеніе Ивы Факундъ писалъ: „Осуждать письмо Ивы—значитъ нападать на Халкидонскій соборъ; авторитетъ сего собора защищаетъ самъ императоръ Юстиніанъ; но какимъ образомъ письмо Ивы можетъ быть осуждено, какъ нечестивое и не-

сторіанское, когда сего не сдѣлалъ этотъ соборъ? Письмо Ивы не все нечестиво и безбожно: въ немъ содержится исповѣданіе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, а сего нельзя назвать ни нечестіемъ, ни безбожьемъ. Ива худо отзывается о св. Кириллѣ, писалъ противъ Кирилловыхъ анаѳематизмовъ? Но ежели мы станемъ обращать вниманіе на подобныя стороны дѣлъ, то придемъ къ необходимости осудить и другихъ нѣкоторыхъ досточтимыхъ мужей, кои также неодобрительно отзывались о св. Кириллѣ“ (св. Геннадій, архіеп. Конст.; св. Исидоръ Пелусіотъ). Въ защиту бл. Ѳеодорита Факундъ говоритъ немного; оправданіе Ѳеодорита Факундъ основываетъ на дѣяніяхъ Халкидонскаго собора и отношеніи отцевъ этого собора къ Ѳеодориту.

Но чѣмъ шире и сильнѣе возставала оппозиція противъ намѣреній императора, тѣмъ энергичнѣе самъ императоръ изыскивалъ средства и пути, гдѣ бы побивать своихъ оппонентовъ. Однимъ изъ такихъ средствъ императоръ призналъ произвести соборное разслѣдованіе въ Мопсуетѣ, мѣстѣ епископствованія Ѳеодора. Собору епископовъ предписано разслѣдовать, было ли имя Ѳеодора внесено въ церковные диптихи? Соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоанна, митрополита Аназарвскаго, состоялся изъ 8 епископовъ при соучастіи пресвитеровъ, діаконовъ, иподіаконовъ и чтецовъ Мопсуетской церкви и представителей свѣтской власти. Призвано было множество свидѣтелей изъ людей пожилыхъ духовнаго и свѣтскаго чина, которые должны были дать отвѣтъ на вопросы, помнятъ ли они, чтобы имя Ѳеодора читалось въ церковныхъ диптихахъ, и не знаютъ ли, когда оно исключено изъ нихъ? Нѣкоторымъ изъ свидѣтелей было болѣе 70—80 лѣтъ и они могли сообщить свѣдѣнія, относившіяся къ далекому прошедшему. Показанія этихъ свидѣтелей сводились къ слѣдующему: „Не знаемъ и не слыхали, чтобы Ѳеодоръ, бывшій нѣкогда епископомъ этого города, былъ провозглашаемъ въ церковныхъ диптихахъ. Но слышали, что св. Кириллъ, бывшій епископъ великаго города Александріи, помѣщенъ вмѣсто Ѳеодора въ диптихахъ и даже доселѣ онъ провозглашается съ другими епископами. Не знаемъ и не

слыхали, чтобы въ нашемъ городѣ былъ епископъ по имени Кириллъ; а тотъ епископъ Ѳеодоръ, который читался въ диптихахъ, умеръ три года тому назадъ".

Принесены были на соборъ диптихи древнѣйшіе. писанные на пергаментѣ, которые уже не читались. Въ нихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ бы по порядку времени слѣдовало быть имени Ѳеодора, о которомъ шла рѣчь, помѣщено было имя Кирилла.

Когда все было изслѣдовано до мельчайшихъ подробностей и когда уже никакого сомнѣнія не оставалось о сущности дѣла, митрополитъ отъ лица собора донесъ о результатахъ императору. Между тѣмъ императоръ предпринялъ уже и еще средство къ достиженію преднамѣченной цѣли: онъ издалъ отъ своего лица религіозный указъ, гдѣ вмѣстѣ съ изложеніемъ основныхъ пунктовъ православнаго вѣроученія о Пресвятой Троицѣ, о соединеніи естествъ въ Іисусѣ Христѣ и вмѣстѣ съ анаѳематствованіемъ на всѣхъ трехъ персонъ, о коихъ у насъ рѣчь идетъ, Юстиніанъ вдается въ подробный разборъ тѣхъ возраженій, кои выставляли защитники 3 главъ.

1) Защитники Ѳеодора разсуждали: „Хотя сочиненія Ѳеодора и заключаютъ въ себѣ заблужденія, однако же отсюда не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ сочиненіями нужно анаѳематствовать и лице сочинителя: достаточно анаѳематствовать одни сочиненія Ѳеодора". Юстиніанъ отвѣчаетъ: „Кто мыслитъ такъ, тотъ не знаетъ св. писанія, въ которомъ говорится, что вравнѣ ненавидима суть Богу и нечествуяй, и нечестіе его" (Прем. Солом. XIV, 9).

2) Защитники Ѳеодора говорили: „Нельзя анаѳематствовать Ѳеодора, ибо онъ умеръ". Юстиніанъ отвѣчаетъ: „Ничто не препятствуетъ еретика, остающагося въ своемъ заблужденіи всю жизнь, анаѳематствовать послѣ смерти. Это совершалось надъ многими какъ древнѣйшими, такъ и болѣе близкими къ нашему времени еретиками, какъ Валентиномъ, Василидомъ, Маркіономъ, Керинѳомъ, Манихеемъ, Евноміемъ. Никейскій соборъ безыменно анаѳематствовалъ тѣхъ, которые слѣдуютъ нечестивому ученію Арія. Блаж. Августинъ писалъ

по поводу одного изъ епископовъ Африканскихъ—Цециніана: „Если бы было справедливымъ все то, что возводили на Цециніана, и если бы открылось, что онъ мыслитъ въ чемъ-либо вопреки церкви, то онъ, Августинъ, подвергъ бы его анаѳемѣ и послѣ смерти. Если не должно анаѳематствовать еретиковъ послѣ ихъ смерти, въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ и оправдывать по смерти тѣхъ, кои при жизни осуждены несправедливо. Если бы было такъ, то не были бы оправданы ни Іоаннъ Златоустъ, ни Флавіанъ, архіепископъ Константинопольскій".

3) Защитники Ѳеодора говорили, что онъ умеръ въ общеніи съ церковію. Юстиніанъ разсуждаетъ: „Въ общеніи съ церковію находятся только тѣ, которые до конца соблюдаютъ общее ученіе благочестія, проповѣдуемое въ церкви; а такъ какъ Ѳеодоръ постоянно пребывалъ въ нечестіи, то и умеръ внѣ общенія съ церковію. Соборъ, собранный въ Мопсуетѣ, показалъ, что церковь не считала его умершимъ въ церковномъ общеніи, ибо имя его въ церкви, въ которой онъ былъ епископомъ, было вычеркнуто изъ церковныхъ диптиховъ".

4) Защитники Ѳеодора говорили: „Нельзя осуждать Ѳеодора, такъ какъ о немъ хорошо отзывались нѣкоторые представители церковной власти, напримѣръ: св. Кириллъ, Іоаннъ Антіох. съ соборомъ". Юстиніанъ отвѣчаетъ: „Хотя св. Кириллъ и говорилъ нѣчто за Ѳеодора, но еще больше имъ высказано противъ Ѳеодора". Что же касается до того, что Ѳеодора хвалитъ Іоаннъ Антіохійскій и соборъ Антіохійскихъ епископовъ, то Юстиніанъ обращаетъ вниманіе на то, что Іоаннъ и епископы, ему подвѣдомые, были врагами Кирилла, защитниками Несторія и потому писали въ пользу Ѳеодора изъ вражды къ Кириллу по заблужденію. Если кто изъ лицъ достойныхъ уваженія въ церкви и хвалилъ Ѳеодора, то это мало можетъ служить къ оправданію Ѳеодора. Исторія находитъ, что многіе изъ св. отцевъ хвалили нѣкоторыхъ еретиковъ, напримѣръ: св. Дамасъ (папа), Аѳанасій и Василій хвалили Аполлинарія, папа Левъ — Евтихія; но это было раньше, чѣмъ успѣла обнаружиться еретическая сторона въ

ученіи тѣхъ хвалимыхъ; послѣ же того, какъ узнано ихъ нечестіе, еретики не избѣгли анаѳемы.

По поводу Ивы защитники 3 главъ возражали: „Посланіе Ивы принято соборомъ Халкидонскимъ“. Императоръ отвѣчаетъ: „Какимъ образомъ можно считать посланіе это принятымъ на соборѣ Халкидонскомъ, когда соборъ по прочтеніи его прямо и рѣшительно потребовалъ отъ Ивы анаѳематствованія Несторія и его ученія, что имѣло въ виду защищать это посланіе? Если бы соборъ принялъ посланіе, то осужденіемъ Несторія, которое было вытребовано отъ Ивы, онъ, соборъ, подвергъ бы осужденію и себя самого“.

Защитники Ивы говорили: „Посланіе Ивы нельзя осуждать потому, что въ немъ есть выраженія православныя, именно говорится: во Христѣ два естества, одна сила, одно лице. Императоръ обращаетъ вниманіе на то, что выраженіе „два естества“ само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ того; что употребляющій ихъ православенъ по убѣжденіямъ. Несторій тоже училъ о двухъ естествахъ во Христѣ и однако же осужденъ. Не достаточно исповѣдывать два естества во Христѣ, нужно признавать упостасное ихъ соединеніе, чего въ посланіи Ивы не содержится.

Разсужденіе императора составляло собою значительный вкладъ для богословской науки и съ интересомъ могло быть читаемо любителями богословія, но общецерковнаго значенія оно имѣть не могло. По чувству и долгу благочестія императоръ не принималъ на себя роли догматическаго авторитета церковнаго; онъ выражалъ желаніе, чтобы все дѣлалось такъ, какъ нужно было для блага церкви, но принудительныхъ мѣръ не предпринималъ. Дѣло мало подвигалось впередъ. Западная церковь не оставляла своего сопротивленія осужденію трехъ главъ; папа Вигилій, подъ вліяніемъ западныхъ епископовъ и духовенства низшихъ степеней, началъ колебаться въ своемъ рѣшеніи произнести анаѳему на три главы. При такомъ положеніи дѣла императору ничего болѣе не оставалось, какъ предложить поднятый имъ вопросъ на обсужденіе вселенскому собору.

Соборное засѣданіе, состоявшее изъ 150 епископовъ,

открыто было [1]) чтеніемъ императорскаго посланія къ собору, въ которомъ императоръ, изъяснивъ, какое великое значеніе для жизни проистекаетъ отъ праваго вѣрованія и упомянувъ кратко объ участіи предшественниковъ своихъ императоровъ греческихъ въ дѣлахъ соборныхъ, переходитъ къ занимающему его теперь предмету и предлагаетъ отцамъ собора заняться разсмотрѣніемъ сего предмета. Относясь непосредственно къ патріархамъ церкви восточной, императоръ упоминаетъ, между прочимъ, и о томъ, что о предметѣ этомъ онъ имѣлъ нѣсколько разъ случай доводить до свѣдѣнія папы Римскаго, но что Вигилій занимаетъ положеніе въ отношеніи къ этому вопросу неопредѣленное: то онъ согласенъ на осужденіе трехъ главъ, то какъ будто колеблется. Буквально въ своемъ посланіи къ собору объ отношеніи папы къ этому предмету императоръ выразился такъ: „Онъ, папа, отвѣтилъ намъ, что окажетъ намъ содѣйствіе, самостоятельно дѣйствуя по вопросу о трехъ главахъ“. Послѣ того, какъ прочитано было посланіе императорское, Евтихій, патріархъ Константинопольскій, преемникъ патріарха Мины, предложилъ вниманію собора, что и у него, и у другихъ высшихъ представителей церковной власти восточныхъ была переписка съ папою о трехъ главахъ, въ томъ смыслѣ, что предметъ этотъ слѣдуетъ подвергнуть разсмотрѣнію соборному. Патріархъ Константинопольскій писалъ объ этомъ папѣ и папа съ своей стороны отвѣчалъ ему полнымъ согласіемъ заняться разсмотрѣніемъ сего предмета на соборѣ: „Зная силу вашей просьбы,—писалъ папа Евтихію,—мы согласны, сдѣлавъ законное собраніе съ соблюденіемъ справедливости, предъ святымъ евангеліемъ на срединѣ разсудить вмѣстѣ съ единодушными братіями о трехъ главахъ, изъ-за которыхъ возникъ вопросъ, и дать рѣшеніе угодное Богу и согласное съ тѣмъ, что опредѣлено четырьмя святыми соборами“.

---

[1]) Здѣсь мы находимъ нужнымъ вставить одно краткое замѣчаніе Для лицъ, желающихъ имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ пятаго вселенскаго собора, мы предлагаемъ обратиться къ исторіи вселенскихъ соборовъ профессора Московской Духовной Академіи А. П. Лебедева, изд. 1904 г. Хотя основной источникъ свѣдѣній для исторіи соборовъ и у него, и у меня одинъ, но разница въ слушателяхъ послужила причиною разницы въ способѣ изложенія.

Рѣшено было просить папу пожаловать на засѣданіе соборное; пригласителями къ папѣ отправились три патріарха: Константинопольскій, Александрійскій и Антіохійскій и 17 епископовъ. Прочіе члены собора оставались въ епископіи въ ожиданіи прибытія патріарховъ съ папою, но всѣ отправлявшіеся къ папѣ по возвращеніи въ епископію объявили слѣдующее: „Прибывъ къ святѣйшему папѣ, мы стали просить, чтобы, согласно перепискѣ, бывшей между нами и имъ, его блаженство пожаловалъ на соборъ и вмѣстѣ съ нами разсудилъ о трехъ главахъ, объявивъ при этомъ его блаженству, что благочестивѣйшій нашъ императоръ прислалъ намъ грамоту и проситъ дать отвѣтъ относительно трехъ главъ. Хотя онъ сказалъ, что по слабости тѣлесной не можетъ выполнить этого требованія, однако же обѣщалъ на слѣдующій день объявить, какого онъ мнѣнія о такомъ соборѣ“. Собранію епископовъ ничего не оставалось, какъ разойтись по домамъ.

При началѣ второго засѣданія къ папѣ послано было вторичное приглашеніе отъ лица собора въ лицѣ нѣсколькихъ епископовъ и, какъ депутатовъ отъ лица императорскаго, нѣсколько сановниковъ свѣтскихъ. Но со стороны папы опять послѣдовалъ отказъ явиться на соборъ. На этотъ разъ папа говорилъ, что онъ не можетъ явиться на соборъ потому, что здѣсь восточныхъ епископовъ очень много, а съ нимъ западныхъ мало, и главное настаивалъ на томъ, что онъ желаетъ изложить свое сужденіе о семъ предметѣ отдѣльно. Составлявшіе депутацію поставляли папѣ на видъ, что императору желательно, чтобы опредѣленіе было соборное, но папа продолжалъ свое. Сообразно съ соборными порядками, къ папѣ отправлено было и третье приглашеніе прійти на соборъ, но папа и опять отказался прійти. Тогда посланные объяснили папѣ, что соборъ принужденъ будетъ открыть свои засѣданія безъ него.

Присматриваясь къ образу дѣйствій папскихъ, отказались прибыть на соборъ и нѣкоторые другіе западные епископы подъ разными предлогами. Такъ, Примазій, епископъ Афрскій, отвѣтилъ: „такъ какъ папа не предсѣдательствуетъ, то и я не пойду“. Другой Савиніанъ, епископъ Запарены, отвѣтилъ:

„такъ какъ нѣтъ на лицо Бенената, архіепископа округа Иллирики, то и я не могу явиться безъ своего владыки начальствующаго".

Истинною причиною, по которой и папа Вигилій, и епископы западные отклонили отъ себя предложеніе явиться на соборъ, было то, что папа въ это время опять перемѣнилъ свое мнѣніе объ осужденіи трехъ главъ. Это уже третья перемѣна. Мы знаемъ, что сначала онъ не согласенъ былъ на осужденіе трехъ главъ, потомъ согласился, а теперь отказывается опять. А такъ какъ папѣ извѣстно было, что восточные относятся къ этому предмету рѣшительно въ видахъ императора, то онъ находилъ, что лучше уклониться отъ участія въ соборѣ, чѣмъ идти на непримиримое разногласіе. Епископы западные, отказавшіеся отъ участія въ соборѣ, держались такихъ же мыслей. Но указъ императора требовалъ рѣшительно, чтобы дѣлу сему положенъ былъ конецъ, поэтому члены собора рѣшились заниматься дѣломъ безъ участія папы и сторонниковъ его.

Программою для занятій собора послужилъ указъ Юстиніана, который былъ читанъ при открытіи занятій собора. Относительно Θеодора Мопсуетскаго въ указѣ говорилось: „Просимъ разсмотрѣть то, что написано какъ въ другихъ сочиненіяхъ, такъ и въ его символѣ; просимъ также разсмотрѣть то, что объ немъ и его хуленіяхъ писали св. отцы и обнародовали наши предшественники, равно и то, что написали о немъ писатели церковной исторіи. Изъ всего этого вы узнаете, что какъ самъ онъ, такъ и его хуленія съ давняго времени осуждены св. отцами и что за его хулы въ предшествующія времена даже имя его было исключено изъ церковныхъ диптиховъ, диптиховъ той церкви, въ которой онъ былъ епископомъ. Просимъ васъ разсудить и о мнѣніи тѣхъ, кои утверждаютъ, будто не слѣдуетъ анаѳематствовать еретиковъ по смерти и просимъ держаться въ этомъ случаѣ ученія св. отцевъ, которые и по смерти анаѳематствовали умершихъ въ своемъ нечестіи". Относительно Θеодорита императоръ писалъ: „Просимъ васъ обратить вниманіе на то, что нечестиво написано Θеодоритомъ противъ правой вѣры и

противъ Ефесскаго собора, противъ памяти Кирилла и противъ 12 его главъ, и что тотъ же Ѳеодоритъ написалъ въ защиту Ѳеодора и Несторія и ихъ хуленій противъ памяти Кирилла". Относительно Ивы и его посланія въ указѣ говорилось: „Просимъ также произвести разслѣдованіе и о нечестивомъ посланіи, которое написалъ Ива къ Марѣ персу. Такъ какъ нѣкоторые утверждаютъ, что посланіе это, содержащее нечестіе, принято и св. Халкидонскимъ соборомъ, то просимъ васъ сличить то, что сказано этимъ св. соборомъ въ опредѣленіяхъ его, изложенныхъ въ защиту вѣры, и то, что содержится въ нечестивомъ посланіи, чтобы всесторонне доказать справедливое, а нечестивое осудить".

Въ согласіи съ программою занятій, для собора начертанною императоромъ, соборъ началъ свое занятіе разслѣдованіемъ пункта о Ѳеодорѣ Мопсуетскомъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій Ѳеодора извлечено было и прочитано множество мѣстъ, которыя ясно свидѣтельствовали, что Ѳеодорово ученіе въ сущности было ученіемъ Несторія; еретическія мнѣнія Ѳеодора соборъ назвалъ сокровищами нечестія. Вся совокупность погрѣшительныхъ мнѣній Ѳеодора сгруппирована была въ 8 слѣдующихъ пунктахъ: 1) Ѳеодоръ училъ, что отъ Пресвятой Дѣвы Маріи родился не Богъ, но человѣкъ. „Мы не должны думать, — говорилъ Ѳеодоръ, — что отъ Дѣвы родился Богъ. Говорить, что Богъ родился отъ Маріи—безуміе, ибо это не иное что, какъ утверждать, что Богъ родился отъ сѣмени Давидова изъ существа Дѣвы и въ Ней былъ зачатъ; не Богъ Слово родился отъ Маріи, родился же отъ Маріи Тотъ, Кто отъ сѣмени Давидова". 2) Богъ Слово не рождался отъ Дѣвы Маріи, Онъ только присутствовалъ въ человѣкѣ Іисусѣ при Его рожденіи и во время остальной жизни Его. „При самомъ зачатіи въ человѣкѣ Іисусѣ началъ быть Богъ Слово, ибо присутствовалъ въ Немъ не только во время вознесенія на небо, но и при воскресеніи изъ мертвыхъ, именно, какъ воскрешающій Его. И не при воскресеніи только изъ мертвыхъ присутствовалъ въ Немъ, но и при пригвожденіи ко кресту, и при крещеніи, и послѣ крещенія, при совершеніи Имъ дѣла евангелія, а

равно и до крещенія, при выполненіи Имъ постановленій закона, при принесеніи Его во храмъ по закону, и при обрѣзаніи, и при обвитіи пеленами во время рожденія; находился въ Немъ Богъ Слово также, когда Онъ (человѣкъ Іисусъ) находился во чревѣ Матери съ перваго момента Его зачатія". 3) Божеское и человѣческое естества во Христѣ не приходили къ единенію. Ѳеодоръ писалъ: „Нужно полагать различіе между Храмомъ и Тѣмъ, Кто вселился въ Храмъ; между Тѣмъ, Кто освобожденъ отъ узъ смерти, и Тѣмъ, Кто освободилъ; между Тѣмъ, Кто въ страданіяхъ сталъ совершеннымъ, и Тѣмъ, Кто сдѣлалъ совершеннымъ; между Тѣмъ, Кто малымъ чимъ умаленъ отъ ангелъ, и Тѣмъ, Кто умалилъ; между Тѣмъ, Кто увѣнчанъ славою и честію. и Тѣмъ, Кто увѣнчалъ; между Тѣмъ, Кому дѣла рукъ Божіихъ покорены, и Тѣмъ, Кто покорилъ. Если я долженъ называть Христа единосущнымъ Богу, то спрашиваю, какимъ образомъ человѣкъ и Богъ — одно? Ужели одно естество у человѣка и Бога, у Господа и раба, у Творца и твари. Человѣкъ одного существа съ человѣкомъ, Богъ одного существа съ Богомъ. Итакъ, какимъ образомъ чрезъ единеніе могутъ стать однимъ и человѣкъ, и Богъ". 4) Христосъ, по ученію Ѳеодора, ничѣмъ не отличался отъ всякаго другого человѣка: борьба со страстьми и похотьми была свойственна Ему, какъ и каждому человѣку. „Господь негодовалъ, — пишетъ Ѳеодоръ,—и сражался противъ болѣзней болѣе душевныхъ, чѣмъ тѣлесныхъ, и охотнѣе побѣждалъ страсти. Противъ болѣзней душевныхъ Онъ назначилъ труднѣе подвигъ, а противъ тѣлесныхъ легче; чаще и болѣе ему приходилось побѣждать первыя, такъ какъ важнѣе та болѣзнь, которая требуетъ болѣе серьезнаго лѣченія. Воспріявъ тѣло и душу, Онъ тѣмъ и другимъ подвизался за то и другое; умерщвлялъ въ плоти грѣхъ и укрощалъ ея похоти, душу же наставлялъ и побуждалъ и свои страсти побѣждать, и обуздывать плотскія похоти. Только чрезъ Свое воскресеніе Христосъ, какъ человѣкъ, сдѣлался неизмѣняемымъ, т. е. неудобопреклоннымъ ко злу, почему до воскресенія изъ мертвыхъ Онъ укоряетъ Петра за то, что этотъ соблазняетъ Его своими словами.

Чрезъ воскресеніе же Христосъ содѣлался совершенно непорочнымъ". 5) Христосъ, по ученію Ѳеодора Мопсуетскаго, какъ человѣкъ, борящійся со страстьми, какъ недостигшій полноты совершенства, нуждался въ руководительствѣ Духа Святаго и въ подкрѣпленіи отъ самого Бога Слова. Выраженіе—возведенъ бысть Духомъ обозначаетъ, по изъясненію Ѳеодора, что Христосъ, какъ человѣкъ, былъ руководимъ Духомъ, Имъ былъ направляемъ къ должному, Имъ былъ научаемъ тому, чему слѣдовало, Имъ былъ укрѣпляемъ, такъ что способнымъ сталъ на столь трудное состязаніе. Чрезъ помазаніе Духа Онъ не только творилъ чудеса, но и зналъ отчетливо, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться чудесами, чтобы возвѣстить народамъ благочестіе, понести слабости труждающихся и, такимъ образомъ, привести Свое намѣреніе въ исполненіе; поэтому Онъ и оправдался, и явился непорочнымъ частію чрезъ удаленіе отъ худого и стремленіе къ лучшему, частію чрезъ постепенное усовершенствованіе. Богъ Слово помогаетъ Іисусу, какъ существу иному, чуждому. Богъ Слово много возлюбилъ Его, сопровождалъ Его во всѣхъ страданіяхъ, силою Своею сдѣлалъ Его чрезъ страданія совершеннымъ, и Онъ возстаетъ изъ мертвыхъ не по закону Своего естества, но Богъ Слово Своимъ присутствіемъ, Своимъ дѣйствіемъ и по своей милости освобождаетъ Его отъ смерти и отъ тѣхъ горькихъ послѣдствій, которыя отсюда происходятъ. 6) Въ сужденіяхъ о наименованіи Божіей Матери Ѳеодоръ приводитъ тѣ-же мысли, что и въ сужденіяхъ объ отношеніи Бога Слова къ человѣку Іисусу. „Когда спросятъ: Мать человѣка или Матерь Бога—Марія? мы должны отвѣчать: и то, и другое: первое по естеству, второе относительно; Она матерь человѣка, потому что человѣкъ былъ во чревѣ Ея; но Она Матерь Бога, потому что Богъ былъ въ рожденномъ человѣкѣ, но Онъ былъ въ немъ по благоизволенію". Въ другомъ мѣстѣ: „Когда говорится о рожденіи по плоти, то не слѣдуетъ считать Бога Слово Сыномъ Маріи, потому что отъ смертнаго рождается смертное и отъ плоти подобное ей". 7) Выбирая изъ сочиненій Ѳеодора пункты, относившіеся къ его ученію о воплощеніи Сына

Божія, отцы собора нашли потребнымъ обратить вниманіе и на нѣкоторыя другія погрѣшительныя мысли, замѣченныя въ его сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ: Ѳеодоръ непочтительно отзывался о книгахъ Іова и Пѣсни пѣсней, книгахъ, принятыхъ въ канонъ священныхъ книгъ. Въ писателѣ книги Іова Ѳеодоръ усматриваетъ человѣка, проникнутаго сильною, но грубою страстію къ тщеславію. Основаніе для сего сужденія— въ томъ, что Іовъ такъ горько жалуется на свое положеніе. „Какой человѣкъ,—спрашиваетъ Ѳеодоръ,—вѣрно смотрящій на все или здраво обо всемъ разсуждающій, можетъ думать или утверждать, что слова эти приличны мужу праведному? Собирать съ перваго раза такъ много злословій и обрушивать ихъ на такіе предметы, которые не могутъ принять злословія, — кто подумаетъ, что это прилично мужу богобоязненному?“ Еще больше укоризны мещетъ Ѳеодоръ въ книгу Іова за то, что тамъ говорится, что Іовъ назвалъ дочь свою Амалѳеевъ рогъ. Это значитъ, по заключенію Ѳеодора, что Іовъ вѣрилъ въ языческія басни, уважалъ вымыслы идолослуженія, тогда какъ несомнѣнно, что Іовъ, какъ идумеянинъ, не могъ даже и знать языческихъ басенъ о Юпитерѣ, Сатурнѣ и Юнонѣ. Вообще изложеніе книги Іова показываетъ, по замѣчанію Ѳеодора, что писатель образованъ былъ языческими учеными. Еще рѣзче отзывается Ѳеодоръ о книгѣ Пѣснь пѣсней. „При чтеніи этой книги, — говоритъ Ѳеодоръ,—я усердно зѣваю и дремлю, какъ очарованный пиромъ этой книги“. Содержаніе и цѣль написанія этой книги Ѳеодоръ объясняетъ такимъ образомъ. Соломонъ устрояетъ египетское пиршество, вступая въ бракъ съ египтянкой, чрезъ что оказывается нарушителемъ отечественныхъ законовъ. Раздраженный укоризнами за это со стороны израильтянъ, Соломонъ въ пѣсненной формѣ излагаетъ оправданіе самого себя, чтобы тѣмъ пріятнѣе сдѣлаться для своей супруги, увеселяясь пѣснопѣніями, написанными для нея. Своимъ сочиненіемъ Соломонъ хотѣлъ сказать: „такъ какъ думаютъ меня и невѣсту мою поссорить своими поношеніями, то пусть же послушаютъ, съ какимъ жаромъ мы воспѣваемъ свои объятія; воспѣвай. невѣста, свою пріятную черноту“. „Оши-

бочно было бы думать,—замѣчаетъ Ѳеодоръ,—что эта книга мудрѣйшаго есть увѣщаніе къ безстыдству; но ненадобно и хвалить ее, какъ будто бы содержащую въ себѣ пророческое изображеніе благъ церкви. Ежели бы Соломонъ заслужилъ пророческую благодать, то сдѣлалъ бы гдѣ нибудь упоминаніе о Богѣ. Книга эта есть застольная пѣснь, подобно тому, какъ Платонъ впослѣдствіи написалъ пиршество любви. Оттого ни у іудеевъ, ни у насъ Пѣснь пѣсней не читалась публично". Закончивъ чтеніе приведенныхъ сужденій Ѳеодора о книгѣ Іова и Пѣсни пѣсней, соборъ вмѣсто всякаго опроверженія на Ѳеодора выражается кратко: „таковы сокровища нечестія Ѳеодорова". 8) При изысканіи обвиненій на Ѳеодора соборъ не преминулъ упомянуть о томъ, что Ѳеодоръ многихъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ не относитъ ко Христу и Его царству. Ѳеодоръ худо отзывается о тѣхъ толкователяхъ священнаго писанія, которые съ особенною ревностію изъясняли ветхозавѣтныя пророчества въ смыслѣ мессіанскомъ. Для примѣра можно указать на сужденіе Ѳеодора относительно 21 псалма: „Боже, Боже мой, вонми ми, вскую мя еси оставилъ". Въ своихъ пріемахъ толкованія Ѳеодоръ не относитъ сего псалма ко Христу: „Ежели апостолы слова этого псалма: „раздѣлиша ризы моя себѣ" отнесли ко Христу, то отнесли потому, что со Христомъ случилось то, что прежде преувеличенно сказано было Давидомъ по поводу перенесенныхъ имъ несчастій".

Всѣ эти заблужденія Ѳеодора найдены соборомъ достойными крайняго порицанія.

Но прежде, чѣмъ осудить Ѳеодора, соборъ находитъ нужнымъ разобрать тѣ возраженія, какія дѣлались въ защиту его противниками осужденія трехъ главъ. Противники осужденія трехъ главъ говорили, что нельзя осуждать Ѳеодора, когда о немъ хорошо отзывался св. Кириллъ. Кириллъ называлъ Ѳеодора добрымъ Ѳеодоромъ. Соборъ почелъ за нужное прочитать посланіе Кирилла, гдѣ Ѳеодоръ названъ этимъ именемъ. Но чтеніе посланія ясно показало, что хотя Кириллъ и называетъ Ѳеодора добрымъ за его борьбу съ аріанами и за его истолковательные труды по священному

писанію, но въ то-же время и въ томъ же посланіи порицаетъ его за его неправильныя мысли о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ.

Защитники Ѳеодора ссылались на то, что о Ѳеодорѣ одобрительно отзывался св. Григорій Богословъ; но эта ссылка оказалась ложною, потому что Григорій Богословъ писалъ свои похвальныя письма другому Ѳеодору, именно епископу Тіанскому. Защитники трехъ главъ говорили: „Ѳеодора нельзя осуждать, потому что онъ умеръ"; но это возраженіе было ослаблено многими документами, добытыми изъ практики церковной. У св. Кирилла нашли выраженіе: „должно осуждать тѣхъ, которые повинны въ дурныхъ поступкахъ, въ живыхъ ли они находятся или нѣтъ". Блаженный Августинъ, когда ему выставляли Цециліана, епископа Карѳагенскаго, нарушителемъ мира церковнаго, выразился такъ: „если бы это было когда нибудь доказано намъ, мы сами анаѳематствовали бы его по смерти". При другомъ случаѣ Августинъ писалъ: „предателей и тѣломъ, и душею отвергаюсь даже послѣ ихъ смерти". Однимъ изъ Африканскихъ соборовъ было постановлено: „Епископовъ, предоставившихъ свое имущество еретикамъ, подвергать анаѳемѣ послѣ ихъ смерти". Аѳанасій Великій осудилъ еретика Аполлинарія послѣ его смерти, Ѳеофилъ, архіепископъ Александрійскій, Оригена, давно уже умершаго, Равула—Ѳеодора Мопсуетскаго; также анаѳематствованы были гностики: Валентинъ, Маркіанъ, Василидъ.

Защищавшіе Ѳеодора говорили, что онъ умеръ въ мирѣ съ церковію. Соборъ въ опроверженіе сего пункта объявляетъ, что почитать умершими въ мирѣ съ церковію слѣдуетъ только тѣхъ, кои до конца жизни соблюдаютъ догматы вѣры. Главнымъ же аргументомъ къ отстраненію этого возраженія были дѣянія собора Мопсуетскаго, которыя показали, что въ Мопсуетѣ съ давнихъ временъ имя Ѳеодора было вычеркнуто изъ диптиховъ церковныхъ; эти дѣянія были перечитаны на соборѣ.

По окончаніи разсужденія о Ѳеодорѣ Мопсуетскомъ соборъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса о Ѳеодоритѣ Кир-

скомъ. Приступили къ разсмотрѣнію сочиненій Ѳеодорита, написанныхъ въ духѣ несторіанства.

Сочиненіями, заслуживающими особеннаго порицанія, признаны были соборомъ слѣдующія: 1) Разборъ 12 анаѳематизмовъ Кирилловыхъ, гдѣ Ѳеодоритъ прямо выражаетъ мысли несторіанскія, напримѣръ: „Богъ Слово не родился отъ Дѣвы, но образовавшій Себѣ храмъ въ Дѣвической утробѣ былъ вмѣстѣ съ образованнымъ и рожденнымъ. И св. Дѣву мы называемъ Богородицею не потому, что Она родила Бога, но потому, что Она родила человѣка, соединеннаго съ Богомъ, Который образовалъ его". Еще: „Мы называемъ Христа Богомъ и человѣкомъ: единства же Ѵпостаснаго, какъ страннаго и чуждаго, не знаемъ никакимъ образомъ ни изъ божественнаго писанія, ни изъ отцевъ, изъяснявшихъ писаніе". 2) Въ нѣкоторыхъ посланіяхъ Ѳеодорита св. Кириллъ поносился самымъ неприличнымъ способомъ. Такъ, въ посланіи Ѳеодорита къ монастырямъ Кириллъ названъ послѣдователемъ Аполлинарія; его ученіе считается не чуждымъ безумія гностиковъ Валентина и Маркіана: Кириллъ уравнивается съ еретиками: Аріемъ, Евноміемъ, Македоніемъ; Кириллу присвояется мысль, будто бы имъ раскрываемая, что безстрастное и неизмѣняемое божество страдало, пригвождено было ко кресту и умерло. Въ другомъ посланіи Ѳеодоритъ осыпаетъ бранью и насмѣшками Кирилла уже умершаго. „Наконецъ, поздно и насилу умеръ злой человѣкъ. Отшествіе его обрадовало оставшихся въ живыхъ, но опечалило, быть можетъ, умершихъ, и можно опасаться, чтобы они, слишкомъ отягченные его сообществомъ, опять не отослали его къ намъ. Надобно приказать обществу гробовщиковъ, чтобы они положили какой-нибудь величайшій и тяжелѣйшій камень на гробницу, чтобы онъ опять сюда не пришелъ и снова не сталъ доказывать нетвердыя мнѣнія. Пусть возвѣщаетъ новые догматы находящимся въ аду и тамъ разглагольствуетъ и днемъ, и ночью, какъ хочетъ". 3) Посланіе Ѳеодорита къ Андрею, епископу Самосатскому. Все это посланіе исполнено самыхъ страшныхъ хуленій на III вселенскій соборъ. Въ немъ сторона православныхъ этого собора описывается,

какъ злодѣи, сторона несторіанская, какъ страждущая за истину и вѣру: „Опять безумствуетъ Египетъ (разумѣется Кириллъ) противъ Бога, воюетъ съ Моисеемъ и Ааономъ и слугами его и весьма большая часть Израиля соглашается съ противниками; здравомыслящихъ же, которые добровольно подъемлютъ труды за благочестіе, чрезвычайно мало. Надъ нашимъ соборомъ смѣются египтяне, и палестинцы, и понтійцы, и азійцы, и съ ними западъ. Какіе стихотворцы во время нечестія такъ осмѣивали благочестіе въ комедіи? Какой писатель комедіи прочитаетъ когда-либо такую баснь? Столь великія и тяжкія бѣдствія обрушились на церковь Божію, а лучше сказать: я разсказалъ самую малую частицу того, что сдѣлано". 4) Посланіе Ѳеодорита къ Несторію, писанное послѣ III вселенскаго собора. Это посланіе показывало, что Ѳеодоритъ и послѣ того, какъ вселенская церковь изрекла отлученіе на Несторія, все еще оставался послѣдователемъ сего еретика, по крайней мѣрѣ до Халкидонскаго собора; на одномъ же изъ засѣданій Халкидонскаго собора Ѳеодоритъ отъ Ѳеодоровыхъ мыслей отрекся. Посланіе озаглавлялось: „Господину моему достопочтеннѣйшему и благочестивѣйшему, и святѣйшему отцу, епископу Несторію" и затѣмъ говорилось: „Съ тѣмъ, что несправедливо и противозаконно совершено противъ твоей святости, я не позволю себѣ согласиться и тогда, если бы кто-нибудь отсѣкъ мнѣ обѣ руки, при помощи мнѣ божественной благодати, поддерживающей немощь души. Это я письменно сдѣлалъ извѣстнымъ и тѣмъ, которые требовали; но никакое время, по милости Божіей, не измѣнило насъ". Такъ какъ предметъ, подлежавшій разсмотрѣнію окончательному, былъ уже нѣсколько разъ съ разныхъ сторонъ выставляемъ на обсужденіе, то соборъ уже не повторяетъ снова всего того, что было выражено раньше, а кратко выражаетъ сущность всѣхъ своихъ сужденій по сему предмету. Св. соборъ сказалъ: „Имѣя въ виду то, что нечестиво написалъ Ѳеодоритъ, должно удивляться проницательности св. Халкидонскаго собора; ибо зная его богохульства, онъ прежде довольно часто употреблялъ противъ него многія воззванія, а послѣ иначе не принялъ бы его,

ежели бы онъ напередъ не анаѳематствовалъ Несторія и его богохульства, въ защиту которыхъ прежде писалъ".

По рѣшеніи вопроса о Ѳеодоритѣ приступили къ разсмотрѣнію вопроса объ Ивѣ Едесскомъ. Главнымъ вопросомъ, который составлялъ предметъ разсужденія, было: можно ли утверждать, какъ утверждаютъ нѣкоторые, что посланіе Ивы принято на Халкидонскомъ соборѣ. Съ этою цѣлью соборъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ, какъ поступлено было съ Ивою на соборѣ Халкидонскомъ. Нѣкоторые епископы раскрыли мысль, что хотя Ива и былъ оправданъ на соборѣ Халкидонскомъ, но это оправданіе не простиралось на посланіе его, такъ какъ онъ открыто заявлялъ, что онъ невиновенъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, значитъ онъ отказывался и отъ самаго посланія, какъ не выражающаго его дѣйствительнаго образа мыслей. Для удостовѣренія въ томъ, что посланіе Ивино не было принято на Халкидонскомъ соборѣ, произведено было сличеніе этого посланія съ опредѣленіемъ Халкидонскаго собора. Между мнѣніями, высказанными въ посланіи, и между опредѣленіями Халкидонскаго собора не было сходства. Халкидонскій соборъ опредѣлилъ исповѣдывать, что Богъ Слово воплотился и сталъ человѣкомъ, который есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ; посланіе называетъ еретиками и аполлинаристами тѣхъ, которые говорятъ, что Богъ Слово воплотился и сталъ человѣкомъ. Халкидонскій соборъ опредѣляетъ исповѣдывать, что Пресвятая Дѣва Марія есть Богородица; посланіе отвергаетъ сей догматъ. Халкидонскій соборъ объявляетъ, что онъ во всемъ слѣдуетъ образцу Ефесскаго собора; посланіе порицаетъ этотъ соборъ. Халкидонскій соборъ признаетъ Кирилла своимъ учителемъ, а посланіе называетъ его еретикомъ и говоритъ о немъ, что онъ впалъ въ ученіе Аполлинарія.

По разсмотрѣніи всего вышеизложеннаго, отцы провозгласили посланіе Ивино еретическимъ: „Всѣ мы осуждаемъ посланіе, всѣ мы анаѳематствуемъ оное, посланіе чуждо собору, посланіе противно опредѣленіямъ, все посланіе еретическое, все богохульное. Кто его не анаѳематствуетъ, тотъ

еретикъ; кто принимаетъ посланіе, тотъ отвергаетъ св. Халкидонскихъ отцевъ".

По разсмотрѣніи вопроса объ Ивѣ, соборъ приступилъ къ составленію приговора относительно трехъ главъ. Въ опредѣленіи соборномъ говорилось: „Осуждаемъ и анаѳематствуемъ вмѣстѣ со всѣми другими еретиками и Ѳеодора, который былъ епископомъ въ Мопсуетѣ, и его нечестивыя сочиненія и то, что нечестиво написалъ Ѳеодоритъ противъ правой вѣры, противъ 12 главъ св. Кирилла и противъ Ефесскаго собора и что написано имъ въ защиту Несторія. Кромѣ того анаѳематствуемъ нечестивое посланіе, которое написалъ Ива къ Марѣ, отвергающее, что Богъ Слово, воплотившись отъ Святой Богородицы и Приснодѣвы Маріи, сдѣлался человѣкомъ, и порицающее св. память Кирилла, учившаго православно, порицающее св. Кирилла, какъ еретика и какъ писавшаго будто подобно Аполлинарію, и обвиняющее Ефесскій соборъ въ томъ, что имъ низложенъ Несторій будто бы безъ суда и слѣдствія, и защищающее Ѳеодора и Несторія и ихъ нечестивое ученіе и сочиненія. Итакъ, анаѳематствуемъ вышеупомянутыя три главы, то есть нечестиваго Ѳеодора съ его непотребными сочиненіями и то, что нечестиво написалъ Ѳеодоритъ, и нечестивое посланіе, которое приписывается Ивѣ, и ихъ защитниковъ, и тѣхъ, которые писали или пишутъ въ защиту ихъ, или дерзаютъ называть ихъ православными, или вообще защищаютъ ихъ, стараются защитить ихъ нечестіе именами св. отцевъ и св. Халкидонскаго собора".

Послѣ того, какъ изречено было это опредѣленіе, соборъ, „возжигая свѣтъ знанія изъ божественнаго писанія и ученія св. отцевъ", почелъ необходимымъ изложить кратко по пунктамъ и проповѣданіе истины, и осужденіе еретиковъ и ихъ нечестія. Всѣхъ пунктовъ, въ коихъ соборъ совмѣщаетъ необходимые по его усмотрѣнію догматы исповѣданія, постановлено 14. Первые 11 пунктовъ выражаютъ собою сущность вѣроученія, направленнаго противъ ересей, опровергнутыхъ вселенскими соборами временъ предшествовавшихъ. Примѣнительно же къ предметамъ, занимавшимъ отцевъ собора настоящаго, то есть Константинопольскаго II, поста-

новлено: 12) „Если кто защищаетъ нечестиваго Ѳеодора Мопсуетскаго, говорившаго, что иной есть Богъ Слово и иной Христосъ, Который былъ обуреваемъ страстями душевными и вождѣленіями плотскими и отдалялся отъ болѣе дурного мало-по-малу и, такимъ образомъ, преуспѣвая въ дѣлахъ, улучшился и путемъ жизни сталъ непороченъ, Который крестился, какъ простой человѣкъ, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и чрезъ крещеніе получилъ благодать Святаго Духа и удостоился усыновленія и по подобію царскаго изображенія принимаетъ поклоненіе въ лицѣ Бога Слова и послѣ воскресенія сдѣлался неизмѣняемымъ въ помышленіяхъ и совершенно безгрѣшнымъ, и еще говорившаго, что соединеніе Бога Слова со Христомъ совершилось такое же, о какомъ говоритъ апостолъ относительно мужа и жены: будета два въ плоть едину (Ефес. V, 31), и сверхъ другихъ безчисленныхъ богохульствъ дерзнувшаго сказать, что когда Господь по воскресеніи дунулъ на учениковъ и сказалъ: пріимите Духъ Святъ (Іоан. XX, 22), то не далъ имъ Святаго Духа, а дунулъ только образно, говорившаго также, что и исповѣданіе Ѳомы по осязаніи рукъ и ребръ Господа послѣ воскресенія: Господь мой и Богъ мой (Іоан. XX, 28), сказано Ѳомой не о Христѣ, но что, пораженный необычайностію воскресенія, Ѳома прославилъ Бога, возбудившаго Христа, и что еще хуже, въ своемъ будто бы толкованіи на „Дѣянія апостольскія“, сопоставлявшаго Христа съ Платономъ, Манихеемъ, Епикуромъ и Маркіономъ и говорившаго, что какъ каждый изъ нихъ, изобрѣтши собственное ученіе, далъ ученикамъ своимъ названія платониковъ, манихеевъ, епикурейцевъ и маркіонитовъ, подобнымъ же образомъ, когда Христосъ изобрѣлъ ученіе, отъ Него стали называться христіане, итакъ, если кто защищаетъ вышесказаннаго нечестиваго Ѳеодора и нечестивыя его сочиненія, въ которыхъ онъ излилъ какъ вышесказанныя, такъ и другія неисчислимыя богохульства противъ великаго Бога и Спасителя Іисуса Христа, а не анаѳематствуетъ его и нечестивыя его сочиненія, и всѣхъ, которые поддерживаютъ или защищаютъ его и говорятъ, что онъ изложилъ православно, и которые пи-

сали въ защиту его и мудрствуютъ, или когда-нибудь мудрствовали подобно ему и до смерти остались въ такомъ нечестіи, тотъ да будетъ анаѳема". 13) „Если кто защищаетъ нечестивыя сочиненія Ѳеодорита, которыя онъ написалъ противъ истинной вѣры и противъ перваго Ефесскаго святого собора и святого Кирилла и двѣнадцати его главъ, и все, что написалъ онъ въ защиту нечестивыхъ Ѳеодора и Несторія и въ защиту другихъ, которые мудрствовали одинаково съ вышесказанными Ѳеодоритомъ и Несторіемъ, защищая ихъ и ихъ нечестіе, и по причинѣ этого называя нечестивыми учителей церкви, которые исповѣдуютъ упостасное соединеніе Бога Слова (съ плотію), а не анаѳематствуютъ упомянутыя нечестивыя сочиненія и тѣхъ, которые мудрствовали и мудрствуютъ подобно имъ, и всѣхъ, которые писали противъ правой вѣры и святого Кирилла и двѣнадцати его главъ и умерли въ такомъ нечестіи, тотъ да будетъ анаѳема". 14) „Если кто защищаетъ посланіе, которое, говорятъ, написалъ Ива къ Марѣ персу еретику, которое отвергаетъ, что Богъ Слово, воплотившись отъ Святой Богородицы и Приснодѣвы Маріи, сдѣлался человѣкомъ, а говоритъ, что отъ Нея родился человѣкъ, котораго называемъ храмомъ, такъ что иной есть Богъ Слово и иной человѣкъ, и клевещетъ на святого Кирилла, проповѣдавшаго правую вѣру христіанскую, будто онъ еретикъ и писалъ подобно нечестивому Аполлинарію, и кто обвиняетъ первый Ефесскій святой соборъ, будто онъ безъ суда и слѣдствія осудилъ Несторія, и кто двѣнадцать главъ святого Кирилла называетъ (какъ тоже нечестивое посланіе) нечестивыми и противными правой вѣрѣ, и кто защищаетъ Ѳеодора и Несторія и нечестивыя ихъ ученія и сочиненія, итакъ, если кто защищаетъ упомянутое нечестивое посланіе, а не анаѳематствуетъ его и защитниковъ его и тѣхъ, которые говорятъ, что оно правое или часть его, и тѣхъ, которые писали или пишутъ въ защиту его или нечестія, въ немъ содержащагося, и дерзаютъ защищать его или заключающееся въ немъ нечестіе именемъ святыхъ отцевъ или святого Халкидонскаго собора и въ этомъ пребываютъ до смерти, тотъ да будетъ анаѳема".

При изложеніи исторіи вселенскихъ соборовъ, занимавшихся разслѣдованіемъ и опредѣленіемъ православнаго ученія о таинствѣ воплощенія Сына Божія, не излишне обратить вниманіе на то, что неизгладимымъ памятникомъ всѣхъ пережитыхъ церковію безпокойствъ и среди этихъ безпокойно произведенныхъ изысканій даже до настоящаго времени остается, между прочимъ, пѣснопѣніе, слышимое нами при литургіи: „Единородный Сыне и Слове Божій". Это пѣснопѣніе, при всей его краткости, совмѣщаетъ въ себѣ сущность соборныхъ изысканій, произведенныхъ вселенскими соборами: Ефесскимъ, Халкидонскимъ и Константинопольскимъ II, собравшимъ результаты изысканій, происходившихъ на соборахъ Ефесскомъ и Халкидонскомъ.

Вмѣстѣ съ дѣломъ о трехъ главахъ на пятомъ вселенскомъ соборѣ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ о заблужденіяхъ Оригена. Собору епископовъ, засѣдавшихъ въ Константинополѣ, пришлось заняться этимъ предметомъ во исполненіе желанія, предъявленнаго императоромъ Юстиніаномъ въ посланіи къ Минѣ, патріарху Константинопольскому. Императоръ Юстиніанъ, такъ много ревновавшій о мирѣ церковномъ, встрѣтилъ поводъ обратить вниманіе на различные толки о заблужденіяхъ столь знаменитаго по умственнымъ дарованіямъ своимъ церковнаго учителя III вѣка Оригена. Въ посланіи къ Минѣ, патріарху Константинопольскому, Юстиніанъ, между прочимъ, писалъ: „До насъ дошло, будто бы нѣкоторые, не имѣющіе страха Божія въ сердцѣ и не знающіе отличія правыхъ догматовъ, по которому спасается всякій познающій истину, оставивши божественное писаніе и святыхъ отцевъ, которыхъ каѳолическая Божія церковь имѣетъ учителями и чрезъ которыхъ всякая ересь повсюду изгнана и православная вѣра возвѣщена, защищаютъ Оригена и его ученіе, сродное съ заблужденіями язычниковъ, аріанъ и манихеевъ, чрезъ которыя онъ впалъ въ яму. Какъ такіе люди могутъ причисляться къ христіанамъ, защищая человѣка, который старался передать то, что мыслили язычники, манихеи, аріане и другіе еретики? который прежде всего дерзнулъ высказывать богохульства на самую Святую

и единосущную Троицу, будто Отецъ больше Сына, Сынъ больше Святаго Духа, а Духъ Святый больше другихъ духовъ. Онъ прибавилъ къ своему нечестію еще слѣдующее, говоря, что ни Сынъ не можетъ видѣть Отца, ни Святый Духъ—Сына, и что Сынъ и Святый Духъ суть твари, и что мы по отношенію къ Сыну, тоже что Сынъ по отношенію къ Отцу. Къ своимъ богохульствамъ онъ присоединилъ еще вотъ что: въ первой главѣ своего сочиненія „О началахъ“ (Περὶ ἀρχῶν), гдѣ онъ буквально говоритъ такъ: „Въ умопостигаемомъ началѣ Богъ по Своей волѣ предуставилъ такое число мысленныхъ существъ, какимъ Онъ могъ удовольствоваться, ибо, надобно сказать, сила Божія ограниченна и подъ предлогомъ похвалы не надобно устранять ея ограниченіе, потому что если бы сила Божія была безконечна, то необходимо она не понимала бы и самой себя, ибо безконечное по природѣ не можетъ быть понято. Итакъ, Онъ сотворилъ столько, сколько могъ обнимать, имѣть подъ рукой и содержать подъ Своимъ промысломъ, а также и матерію Онъ приготовилъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ Онъ могъ ее устроить и украсить“. Какую еще хулу на Бога, болѣе этой, могъ произнести Оригенъ, который въ Святой Троицѣ измыслилъ степени и чрезъ это хочетъ ввести многобожіе и чудовищно утверждаетъ, что самая сила Божія ограниченна? Его баснословію принадлежитъ и то, полное всякаго нечестія, мнѣніе, что всѣ роды и виды совѣчны Богу, и что разумныя существа, которыя согрѣшили и вслѣдствіе этого лишились своего прежняго состоянія, по мѣрѣ своихъ грѣховъ для наказанія ввергаются въ тѣла, а очистившись, опять возводятся въ прежнее состояніе, совершенно освободившись отъ зла и отъ тѣлъ, и опять во второй, третій и больше разъ онѣ въ наказаніе ввергаются въ различныя тѣла. Онъ предполагаетъ, что существовали и существуютъ различные міры: одни прошедшіе, другіе имѣющіе быть. И кто столько неразуменъ, что, слыша это, не устрашится умомъ по причинѣ величайшаго нечестія? Кто не возгнушается безумнаго Оригена, который придумалъ и письменно изложилъ такія хулы на Бога?“ Далѣе въ этомъ посланіи императоръ Юстиніанъ распростра-

няется въ опроверженіи заблужденій Оригена, такъ что все посланіе его можно по справедливости назвать обличеніемъ и опроверженіемъ лжеученій Оригена.

Разобравъ со всею богословскою основательностію и до подробностей заблужденія Оригена, Юстиніанъ дѣлаетъ краткій перечень—экстрактъ главныхъ пунктовъ еретичества Оригенова, съ тѣмъ, чтобы на всѣхъ держащихся такихъ еретическихъ пунктовъ было изречено отлученіе: „Когда для всѣхъ очевидны богохульства Оригена, то прилично произнести на него анаѳематствованіе такъ: 1) Кто говоритъ или думаетъ, что души человѣческія предсуществовали, что онѣ были прежде умами и святыми силами, наслаждались полнотою божественнаго созерцанія, а затѣмъ обратились къ худшему и чрезъ это охладѣли (ἀποψυγείσας) въ любви къ Богу, отчего и называются душами (ψυχάς) и въ наказаніе посланы въ тѣла, тотъ да будетъ анаѳема. 2) Кто говоритъ или думаетъ, что душа Господа прежде существовала и соединилась съ Богомъ Словомъ прежде воплощенія и рожденія Его отъ Дѣвы, да будетъ анаѳема. 3) Кто говоритъ или думаетъ, что сначала во чревѣ Святой Дѣвы образовалось тѣло Господа нашего Іисуса Христа и затѣмъ съ нимъ соединились Богъ Слово и душа, существовавшая уже прежде, да будетъ анаѳема. 4) Кто говоритъ или думаетъ, что Слово Божіе уподоблялось всѣмъ небеснымъ чинамъ, было для херувимовъ херувимомъ, для серафимовъ серафимомъ, и уподоблялось всѣмъ вообще высшимъ силамъ, да будетъ анаѳема. 5) Кто говоритъ или думаетъ, что тѣла человѣческія въ воскресеніи возстанутъ шарообразными, и не исповѣдуетъ, что мы возстанемъ въ правильномъ видѣ, да будетъ анаѳема. 6) Кто говоритъ, что небо, солнце, луна, звѣзды, воды, которыя выше небесъ, суть существа одушевленныя и нѣкоторыя разумно-вещественныя силы, да будетъ анаѳема. 7) Кто говоритъ или думаетъ, что Господь Христосъ распнется въ будущемъ вѣкѣ за демоновъ, какъ и за людей, да будетъ анаѳема. 8) Кто говоритъ или думаетъ, что могущество Бога ограничено, или что Онъ создалъ столько, сколько могъ обнять, да будетъ анаѳема. 9) Кто говоритъ или думаетъ, что наказаніе демо-

новъ и нечестивыхъ людей временно и что послѣ нѣкотораго времени оно будетъ имѣть конецъ, или что будетъ послѣ возстановленіе демоновъ и нечестивыхъ людей, да будетъ анаѳема. 10) Анаѳема и Оригену, прозванному адамантовымъ, изложившему это, вмѣстѣ съ его нечестивымъ, непотребнымъ и преступнымъ ученіемъ, и всякому, кто держится этихъ мыслей, или защищаетъ ихъ, или какимъ-нибудь образомъ когда-либо осмѣлится повторять ихъ". Всѣ эти пункты извлечены были изъ собственныхъ сочиненій Оригена, такъ что въ принадлежности ихъ Оригену не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Изложивъ все, что находилъ нужнымъ изложить въ посланіи къ патріарху, императоръ заключаетъ свое обширнѣйшее посланіе (45 страницъ печатныхъ) слѣдующимъ требованіемъ: „Желая удалить всякій соблазнъ изъ святѣйшей церкви, такъ, чтобы въ ней не оставалось никакого порока, и послѣдуя божественному писанію и писаніямъ святыхъ отцевъ, отвергшихъ какъ самого Оригена, такъ и его зловредное и нечестивое ученіе и праведно подвергшихъ его и его ученіе анаѳемѣ, мы посылаемъ къ твоему блаженству это наше посланіе, которымъ убѣдительно просимъ тебя собрать всѣхъ находящихся въ семъ царствующемъ городѣ святѣйшихъ епископовъ и боголюбезнѣйшихъ игуменовъ здѣшнихъ честныхъ монастырей и устроить такъ. чтобы всѣ рѣшительно анаѳематствовали упоминаемаго выше нечестиваго и богоборнаго Оригена, прозваннаго адамантовымъ, бывшаго пресвитеромъ святѣйшей церкви Александрійской, и его зловредное и нечестивое ученіе и всѣ приведенныя ниже главы, а также просимъ тебя копіи съ того, что будетъ сдѣлано твоимъ блаженствомъ по этому поводу, послать ко всѣмъ святѣйшимъ епископамъ и игуменамъ честныхъ монастырей, съ тѣмъ. чтобы и они собственною подписью анаѳематствовали Оригена и зловредное его ученіе со всѣми, какіе обнаружатся, еретиками".

Изъ дѣяній пятаго вселенскаго собора не видно, какъ происходилъ на соборѣ разборъ лжеученій Оригеновыхъ, но изъ свидѣтельствъ шестого вселенскаго собора видно, что

этотъ соборъ, т. е. пятый вселенскій, и разборомъ Оригеновыхъ заблужденій занимался, и между заслужившими осужденіе церковное считалъ и Оригена. Въ 1-мъ правилѣ шестого вселенскаго собора, между прочимъ, читаемъ: „Они, т. е. отцы пятаго вселенскаго собора, Ѳеодора Мопсуетскаго и Оригена, и Дидима, и Евагрія, возобновившихъ еллинскія басни, соборно предали проклятію и отринули“.

Шестой вселенскій соборъ.

Шестой вселенскій соборъ состоитъ въ связи съ исторіею V и IV также, какъ и V съ исторіею IV. Въ сущности дѣло и теперь касалось Халкидонскаго собора. Много было недоброжелателей у этого собора; правителямъ государства желалось примирить враждующихъ съ церковію православною, и это было поводомъ къ возбужденію споровъ и созванію соборовъ. На сей разъ во главѣ дѣйствующихъ, или точнѣе— во главѣ начинающихъ дѣйствовать является императоръ Ираклій. Императору Ираклію припало желаніе привлечь къ общенію съ православною церковію яковитскаго [1]) патріарха Аѳанасія, враждебно относившагося къ Халкидонскому собору. Императоръ Ираклій, встрѣтившись въ Іераполѣ съ Аѳанасіемъ, сталъ склонять Аѳанасія къ общенію съ православными и обѣщалъ ему, въ случаѣ покорности, Антіохійскую патріаршую каѳедру. Аѳанасій, въ объясненіи съ Ираклiемъ, высказалъ такое соображеніе, что онъ согласенъ исповѣдывать о естествахъ во Христѣ такъ, какъ желаетъ императоръ, только бы позволено было исповѣдывать при двухъ естествахъ во Христѣ одну волю и одно дѣйствіе. Императоръ, не посвященный глубоко въ тайны богословія догматическаго, не давая опредѣленнаго отвѣта Аѳанасію,

[1]) Наименованіе яковитовъ происходитъ отъ имени Іакова Барадея, ученика Северова, одного изъ главныхъ дѣятелей между монофизитами. Іаковъ Барадей, именовавшійся патріархомъ монофизитскимъ, жилъ въ Ефесѣ около 541 года

обратился съ симъ вопросомъ къ Сергію, патріарху Константинопольскому. Сергій, не желая противодѣйствовать видамъ императора, отнесся довольно легкомысленно къ предмету предложенія и въ отвѣтѣ къ императору высказалъ, что исповѣданіе одной воли во Христѣ никакой опасности православію не представляетъ. Императоръ обрадовался податливости Сергія и составилъ изложеніе вѣры, съ обязательствомъ для православныхъ соблюдать это исповѣданіе, какъ образецъ вѣроученія. Въ этомъ исповѣданіи опредѣлялось признавать во Христѣ два естества и одну волю и одно дѣйствіе богомужное.

Такъ представляется дѣло по начальнымъ указаніямъ въ документахъ историческихъ, хотя, какъ увидимъ послѣ, отъ этихъ указаній придется нѣсколько отступить.

Образъ мыслей патріарха Константинопольскаго Сергія, какъ мы усмотрѣли въ изложеніи вышеприведенномъ, сказался точно также въ соотношеніяхъ его по сему же предмету съ Киромъ, епископомъ Фасидскимъ [1]) въ Колхидѣ, послѣ сдѣлавшимся патріархомъ въ Александріи. Египетъ по справедливости можно назвать гнѣздомъ монофизитства: на 300,000 православныхъ было 5 или 6 милліоновъ монофизитовъ; возсоединеніе такой массы отступниковъ отъ православія съ церковію православною было предметомъ горячихъ желаній императора. Сергій, чтобы поддержать Кира въ его усиліяхъ сформировать унію съ монофизитами, въ наставленіе ему препровождаетъ такое разсужденіе: „Слѣдовать ученію о двухъ воляхъ, значило бы предположить во Христѣ двѣ противоположныя одна другой воли: волю Бога Слова, желающаго совершить спасительное страданіе, и волю естества человѣческаго, противящуюся волѣ божественной и, такимъ образомъ, вводить двухъ желающихъ противоположнаго одно другому, что нечестиво. Невозможно, чтобы въ одномъ лицѣ находились вмѣстѣ двѣ противоположныя одна другой воли. Ученіе св. отцевъ ясно внушаетъ, что одушевленная плоть Господа никогда не дѣлала своего есте-

[1]) Города съ именемъ Фасида упоминаются на островѣ Кипрѣ и въ Колхидѣ, въ Арменіи.

ственнаго движенія сама по себѣ и по собственному стремленію вопреки мановенію соединеннаго съ нею Бога Слова, но дѣлала движеніе когда, какое и сколько хотѣлъ самъ Богъ Слово. Говоря яснѣе: какъ наше тѣло управляется разумною душею, такъ и въ Господѣ Христѣ человѣческая Его природа руководилась всегда и во всемъ божествомъ Слова, была богодвижима“ (Д. VI, 371 — 2). Благодаря такому начертанію, планы Ираклія, Сергія и Кира сначала пошли было успѣшно; въ Александріи многія тысячи монофизитовъ примкнули къ уніи, и такъ было не въ одной Александріи: почти весь Египетъ, Ѳиваида и Ливія подали руку примиренія православнымъ. Но порывъ восторга отъ неправильно установленнаго предпріятія не могъ быть продолжителенъ и скоро долженъ былъ ослабѣть, и дѣло пошатнулось. Въ сущности это была не унія съ православною церковію, а измѣна православію: выраженіе: „одно богомужное дѣйствіе“, на которомъ опиралось все зданіе уніи, было произвольнымъ измышленіемъ, не имѣвшимъ для себя оправданія въ письменности святоотеческой. Противъ уніи начинаютъ появляться возраженія, пренія и споры. Чтобы предотвратить опасность возмущенія, Сергій предлагаетъ Киру совѣтъ, чтобы онъ никому не позволялъ разглагольствовать ни объ одномъ, ни о двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ Богѣ. Предложивъ такой совѣтъ Киру, Сергій склонилъ на такое же настроеніе и императора: императоръ Ираклій издаетъ изложеніе, указъ, основное требованіе котораго состояло въ томъ, чтобы всѣ замолчали въ своихъ спорахъ о двухъ и одной волѣ во Христѣ. Но этимъ требованіемъ не только не прекратили волненій, но еще болѣе усилили ихъ.

Защитникомъ ученія православнаго является св. Софроній, избранный недавно въ патріарха Іерусалимскаго. Приснопамятную дѣятельность свою въ пользу православія св. Софроній началъ обнаруживать еще ранѣе возведенія его на патріаршество Іерусалимское: не что иное, какъ только единственно ревность его о православіи была причиною необычайнаго расположенія къ нему народа православнаго, пожелавшаго именно его избрать на патріаршую каѳедру

Іерусалимскую. Софроній имѣлъ несчастіе видѣть первое открытое провозглашеніе монофизитства; онъ былъ въ Египтѣ, когда патріархъ Александрійскій обнародовалъ свою извѣстную намъ грамоту единенія, въ которой во всеуслышаніе объявлялось новое лжеученіе, и тамъ явился ревностнымъ противникомъ нечестиваго начинанія. Киръ усердно старался склонить Софронія на сторону моноѳелитства, но Софроній оставался непреклоннымъ. Ставши на колѣна передъ Киромъ, Софроній умолялъ его не возвѣщать новаго члена вѣры въ грамотѣ о соединеніи; но увидѣвъ, что всѣ усилія его въ Александріи разорить зловредное начинаніе остаются тщетными, отправился въ Константинополь, думая найти себѣ опору противъ Кира въ лицѣ Сергія. Не зная еще того, что Сергій еще злѣе Кира зараженъ язвою лжеученія. Не видя успѣховъ въ переговорахъ личныхъ, Софроній далъ просторъ своимъ скорбнымъ ощущеніямъ въ своемъ окружномъ посланіи, которое онъ, по принятому обычаю, долженъ былъ разсылать по собратіямъ своимъ съ извѣщеніемъ ихъ о своемъ вступленіи на патріаршую каѳедру: „Отцы, отцы всеблаженнѣйшіе, вижу поднявшуюся волну и за волною слѣдующую опасность!“ Самому Софронію, по стеченію обстоятельствъ политическихъ (захватъ Іерусалима магометанами), невозможно было предпринять что-либо для умиротворенія дѣлъ церковныхъ; но, не имѣя возможности дѣйствовать самъ, св. Софроній преподаетъ наставленіе Стефану, епископу Дорійскому, котораго рѣшается препроводить въ Римъ съ цѣлію тамъ изъяснить опасность положенія въ дѣлахъ церковныхъ. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на Стефана, Софроній приводитъ его на Голгоѳу и тамъ завѣщаетъ ему слѣдующее: „Помни, что ты дашь отвѣтъ Распятому на семъ самомъ мѣстѣ, когда Онъ придетъ во славѣ судить живыхъ и мертвыхъ, если вознерадишь и пренебрежешь опасностію, въ которой находится Его св. вѣра. Соверши то, чего я не могу сдѣлать самъ по причинѣ нашествія сарацынъ, обойди въ случаѣ нужды всю вселенную, потщись преодолѣть всѣ препятствія, чтобы достигнуть Рима; открой тамъ передъ мужами благочестивыми по сущей правдѣ все,

что дѣлается въ нашихъ странахъ, и не переставай умолять, пока они не возстанутъ на пораженіе враговъ вѣры и совершенно не отвергнутъ нововведеннаго ученія".

Сергій Константинопольскій, подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ противодѣйствія себѣ со стороны Софронія, обратился тоже въ Римъ къ папѣ Гонорію съ жалобами на Софронія за то, что онъ измышляетъ яко бы новые термины въ догматикѣ: двѣ воли и два дѣйствія во Христѣ. Папа Гонорій, не видя пользы въ возникающихъ препирательствахъ, отвѣчалъ, что дѣло это нужно пріостановить. „Не должно обращать въ церковные догматы того, чего не изслѣдовали соборы; нельзя дозволить, чтобы кто нибудь осмѣлился проповѣдывать въ Господѣ Іисусѣ Христѣ одно или два дѣйствія, о чемъ не рѣшили ни евангельскія, ни апостольскія писанія". Но этотъ отвѣтъ Гонорія былъ перетолкованъ моноѳелитами въ свою пользу: патріархъ Сергій возмнилъ, что папа согласенъ въ ученіи съ нимъ, и моноѳелитство на востокѣ стало усиливаться. Преемники Гонорія—папа Северинъ и Іоаннъ IV, получивъ увѣдомленіе о распространеніи моноѳелитства, начали увѣщевать императора, чтобы онъ принялъ мѣры противъ лжеученія и уничтожилъ бы соблазнъ церковный, именно тотъ соблазнъ, что новое ученіе возникло подъ его начинаніемъ. Тогда-то императоръ Ираклій рѣшился вывести это дѣло, какъ говорится, на чистую воду: онъ издаетъ еще эдиктъ, въ которомъ возвѣщаетъ, что изложеніе вѣры ему не принадлежитъ, онъ его не диктовалъ и не приказывалъ составлять; его составилъ Сергій пять мѣсяцевъ тому назадъ. „Онъ умолялъ меня, когда я прибылъ въ сей городъ, обнародовать это изложеніе отъ моего имени; я сдѣлалъ это по его настоянію; нынѣ же, узнавши, что нѣкоторые вооружаются противъ изложенія, я объявляю вамъ, что оно не принадлежитъ мнѣ". Съ этого времени и довольно надолго плотная, непроглядная мгла простерлась на горизонтѣ церковномъ: и императоры, и патріархи, кто по невѣдѣнію, кто по самолюбію, придерживаются ученія неправославнаго; но честь и слава церкви римской: римскіе папы твердою рукою поддерживаютъ и православіе, и тѣхъ изъ ревнителей православія въ Африкѣ,

въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ, кои, не смотря на гнетъ отъ правителей своихъ, не выражаютъ покорности ученію неправославному.

Здѣсь бы слѣдовало подробнѣе распространиться о дѣятельности въ защиту православія со стороны св. Мартина, папы Римскаго, и св. Максима исповѣдника [1]), но имѣя въ виду, что изображеніе единичныхъ обнаруженій особенностей православія въ данномъ случаѣ ослабитъ нѣкоторымъ образомъ понятіе о томъ, что было сдѣлано коллективными силами собора, я для большей близости къ намѣченной задачѣ, т. е. излагать исторію собора, а не частныхъ лицъ, оставляя эти частности безъ подробнаго изложенія, направлю изложеніе ближе къ намѣченной цѣли.

Уже при императорѣ Константинѣ Погонатѣ мало-по-малу начинаетъ очищаться атмосфера, зараженная еретичествомъ. Соображая, какъ мало значенія могутъ имѣть въ такомъ дѣлѣ, какъ разъясненіе пунктовъ православія, отдѣльныя дѣянія и распоряженія частныхъ лицъ, Константинъ Погонатъ пришелъ къ мысли о созваніи вселенскаго собора. Императоръ Константинъ Погонатъ, какъ видно, по внушенію Константинопольскаго патріарха Θеодора, обратился съ посланіемъ къ римскому папѣ Домну, гдѣ, изложивъ безпокойства и замѣшательства, коими волнуется церковь на востокѣ, просилъ папу послать въ Константинополь благопотребныхъ и способныхъ мужей, имѣющихъ познаніе во всякомъ богодухновенномъ писаніи и обладающихъ безупречнымъ знаніемъ догматовъ, мужей, кои представляли бы въ своемъ лицѣ папскій, апостольскій престолъ. Самого папу императоръ не приглашаетъ на соборъ потому, какъ выражается императорское посланіе, что „время не благопріятствуетъ полному собранію“. Такъ, императоръ проситъ папу прислать мужей, кои представляли бы въ своемъ лицѣ его апостольскій престолъ и его соборъ, т. е. соборъ апостольскаго престола, которые бы принесли съ собою нужныя книги и были бы облечены полномочіемъ въ совокупности съ Константинопольскимъ патріар-

[1]) Страдали за то, что не хотѣли признать τόπος императора Констанса.

хомъ и съ Антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ приступить къ изслѣдованію занимавшихъ его и всю церковь вопросовъ. Посланіе императора не застало Домна въ живыхъ; но преемникъ Домна, папа Агаѳонъ, получивъ грамоту императора, назначилъ присутствовать при изслѣдованіи ученія отъ лица собора трехъ епископовъ, отъ лица папы двухъ пресвитеровъ и одного діакона; посланные отъ папы доставили императору два посланія—одно отъ папы, другое отъ его собора; получивъ означенныя посланія, императоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Георгій, архіепископъ Константинопольскій, озаботился созваніемъ собора въ Константинополѣ.

На соборѣ и при началѣ его при открытіи перваго засѣданія и на десяти послѣдующихъ засѣданіяхъ присутствовалъ самъ императоръ и при немъ нѣсколько персонъ—13 сановниковъ свѣтскихъ—патриціевъ и консуловъ, патріархи наличные—Константинопольскій и Антіохійскій, представители отсутствующихъ, архіепископы, епископы, пресвитеры, діаконы, иноки, всего числомъ свыше 50 человѣкъ [1]).

Когда всѣ присутствующіе, начиная съ императора, заняли свои мѣста, каждый ему подобающее или по достоинствамъ личнымъ, или по достоинствамъ тѣхъ, кого они собою представляли, какъ, напримѣръ, легаты папскіе—пресвитеры Ѳеодоръ и Георгій и діаконъ Іоаннъ, занявшіе первыя мѣста съ лѣвой стороны императора (по правую сторону сидѣли свѣтскіе сановники и за ними Георгій, патріархъ Константинопольскій, и прочіе), и когда на средину было вынесено св. евангеліе, то занятія соборныя начали папскіе легаты обращеніемъ къ императору [2]). Сказавъ, что они посланы на соборъ папою, что они принесли съ собою два посланія — одно отъ папы, другое отъ его собора, легаты прямо подхо-

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить кстати, что при опредѣленіи числа членовъ собора принято считать сверхъ бывшихъ самолично въ Константинополѣ еще 126 именъ епископовъ, подписавшихся подъ соборнымъ посланіемъ, посланнымъ въ Константинополь отъ папы Агаѳона, и занимавшихъ каѳедры вблизи римской церкви.

[2]) Здѣсь замѣтить можно кстати, что занятія собора происходили въ царской палатѣ, называвшейся по-гречески τρούλλος, отчего и соборъ называется Трульскимъ.

дятъ къ предмету соборныхъ совѣщаній такимъ оборотомъ рѣчи: „Около 46 лѣтъ тому назадъ бывшіе въ различное время предстоятелями сего царствующаго, богохранимаго вашего города, т. е. Сергій, Павелъ, Пирръ и Петръ, также Киръ, бывшій нѣкогда предстоятелемъ Александрійскимъ, и Ѳеодоръ, бывшій епископомъ города, называемаго Фаранъ, и нѣкоторые другіе, послѣдовавшіе имъ, ввели нѣкоторыя новыя выраженія, противныя православной вѣрѣ, и произвели смуты во вселенской церкви, исповѣдуя и уча, что въ домостроительствѣ воплощенія единаго отъ Святыя Троицы Господа нашего Іисуса Христа одна воля и одно дѣйствіе, и много разъ вѣрноподданный вамъ нашъ апостольскій престолъ отвергалъ это ученіе, потомъ умолялъ и доселѣ нисколько не успѣлъ отвратить ихъ отъ такого злославнаго мнѣнія; поэтому мы просимъ боговѣнчанное ваше могущество: пусть представители святѣйшей Константинопольской церкви скажутъ, откуда явилось это нововведеніе?“ На это, столь вызывающее вступленіе папскихъ легатовъ, императоръ отвѣтствовалъ: „пусть архіепископъ нашего города и Макарій, архіепископъ города Антіохіи, отвѣтятъ на слышанныя отъ лица апостольскаго собора слова“. Тогда Макарій съ ученикомъ своимъ пресвитеромъ Стефаномъ, Петръ, митрополитъ Никомидійскій, Соломонъ, епископъ Кланейскій, какъ отъ лица церкви Константинопольской, такъ и отъ лица церкви Антіохійской, сказали: „мы не дѣлали никакихъ нововведеній въ ученіи, но какъ приняли отъ вселенскихъ соборовъ и св. уважаемыхъ отцевъ, также отъ предстоятелей сего свят. города Сергія, Павла, Пирра и Петра, также отъ Гонорія, бывшаго папы древняго Рима, и Кира, бывшаго папы Александрійскаго, т. е. о волѣ и дѣйствіи, такъ и увѣровали, вѣруемъ и проповѣдуемъ и готовы отстаивать это“. Императоръ на это отвѣтствовалъ: „если вы хотите отстаивать это, то мы не иначе примемъ васъ, какъ если вы представите доказательства, какъ сами сказали, изъ св. вселенскихъ соборовъ и св. уважаемыхъ отцевъ“. Повелѣно было принести изъ патріархіи списокъ дѣяній вселенскихъ соборовъ. Пресвитеръ Стефанъ, ученикъ патріарха Антіохійскаго Ма-

карія, началъ читать изъ дѣяній Ефесскаго собора увѣщательное слово Кирилла Александрійскаго къ императору Ѳеодосію. Въ этомъ словѣ заключаются, между прочимъ, такія слова: „Непоколебимое утвержденіе вашего царства — есть самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; чрезъ Него цари царствуютъ и сильные творятъ правду, ибо воля Его всемогуща“. Какъ только пресвитеръ Стефанъ прочиталъ эти послѣднія слова „воля Его всемогуща“, то Макарій Антіохійскій, остановивъ Стефана, возгласилъ: „вотъ государь, я доказалъ, что во Христѣ одна воля“.

Въ отвѣтъ на это заявленіе Макарія, представители папы Римскаго, нѣкоторые изъ епископовъ Константинопольскаго сѵнода и даже свѣтскіе сановники замѣтили: „Макарій, святѣйшій архіепископъ Антіохіи, кажется, преувеличенно и неосновательно утверждаетъ на основаніи прочитаннаго сейчасъ текста, что въ двухъ естествахъ единаго Господа нашего Іисуса Христа, т. е. въ божескомъ и человѣческомъ, одна воля. Святѣйшій Кириллъ написалъ эти слова, имѣя въ виду божественное и вседержительное естество Его (т. е. Господа І. Христа), которое у Него обще со Отцемъ и Святымъ Духомъ и всемогуще. Потому-то блаженной памяти Кириллъ назвалъ эту волю всемогущею, а не то, чтобы онъ считалъ эту волю одною въ численномъ отношеніи“.

Императоръ, не желая надолго оставаться на этой каменистой, безплодной почвѣ, повелѣлъ было продолжать чтеніе дѣяній соборныхъ, но и дальнѣйшее чтеніе ничѣмъ не остановило на себѣ вниманія членовъ собора. Когда и другая часть дѣяній собора была прочитана отъ начала до конца, то императоръ почувствовалъ потребность пріостановить занятія собора, сказавъ: „на нынѣшній день для насъ достаточно чтенія; въ слѣдующій день пусть будутъ прочитаны намъ дѣянія святого четвертаго Халкидонскаго собора“.

Когда собрались на второе засѣданіе, на которомъ опять присутствовалъ самъ императоръ, то, по исполненіи прежнихъ общепринятыхъ порядковъ, приступили къ чтенію посланія св. папы Льва. Папскіе легаты остановили вниманіе собора на слѣдующихъ словахъ св. Льва въ этомъ посланіи:

„То и другое естество во взаимномъ общеніи обнаруживаютъ дѣйствія, свойственныя ихъ природѣ. Слово дѣйствуетъ такъ, какъ свойственно Слову, плоть такъ, какъ свойственно плоти: одно изъ нихъ блистаетъ чудесами, другое подвергается уничиженіямъ". Остановивъ на этомъ мѣстѣ читавшаго посланіе, папскіе легаты замѣтили: „Св. четвертый соборъ внесъ это посланіе, какъ утвержденіе православія и осужденіе всякой ереси. Что благоволятъ сказать на это почтеннѣйшій Макарій и единомысленные съ нимъ боголюбезные мужи?" Макарій отвѣтилъ: „Я, государь, не исповѣдую двухъ дѣйствій и не думаю, чтобы блаженной памяти Левъ въ этихъ словахъ говорилъ о двухъ дѣйствіяхъ". „Ты полагаешь,—спрашиваетъ императоръ,—что онъ исповѣдывалъ одно дѣйствіе?" „Я не говорю о числѣ, — отвѣтствовалъ Макарій; послѣдуя св. Діонисію, называю Его дѣйствіе богомужнымъ" (Діон. Epist. ad cajum. Д. в. с., т. VI, стр. 49). „Какъ же ты понимаешь богомужное дѣйствіе?" — спросилъ императоръ. На это Макарій отвѣтствовалъ: „я не разсуждаю".

Въ слѣдующее засѣданіе, когда по принятой очереди нужно было читать дѣянія пятаго вселенскаго собора, нотарій началъ было чтеніемъ слова блаженной памяти Мины, архіепископа Константинопольскаго, къ Вигилію, папѣ Римскому, о томъ, что во Христѣ одна воля. Но лишь только было началось чтеніе этого слова, какъ папскіе легаты возразили, что это подложная книга о пятомъ вселенскомъ соборѣ, что слово Мины есть поддѣлка; слово это приложено въ началѣ книги не въ то время, когда происходили дѣянія пятаго вселенскаго собора, а недавно. Мина скончался въ 21 году Юстиніанова царствованія, а пятый вселенскій соборъ былъ на 27 году царствованія Юстиніана, когда епископомъ Константинополя былъ блаженной памяти Евтихій. Начали провѣрять, пересматривать, разслѣдовать и дѣйствительно нашли, что три четверки въ началѣ книги прибавлены послѣ и не имѣютъ чиселъ, обыкновенно выставляемыхъ на каждой четверткѣ, но число первое стоитъ на четвертой четверткѣ, на слѣдующей за нею второе, затѣмъ третье и такъ далѣе. Кромѣ того нашли, что письмо этихъ

вставленныхъ въ началѣ четвертокъ не похоже на то, которымъ первоначально была писана книга. Императоръ сказалъ: „пусть не читается эта книга; пусть начнется чтеніе, какъ водится, съ предисловія къ дѣяніямъ пятаго вселенскаго собора". Во время чтенія 7 дѣянія остановлено было вниманіе на двухъ статьяхъ, какъ будто происходившихъ отъ Вигилія: одна къ императору Юстиніану, другая къ императрицѣ Ѳеодорѣ. Въ этихъ статьяхъ говорилось: „Анаѳематствуемъ и Ѳеодора, бывшаго епископа Мопсуетскаго, какъ всегда чуждаго церкви, за то, что онъ не исповѣдуетъ, что воплотившійся Богъ Слово, т. е. Христосъ имѣетъ одно естество, одно лице и одно дѣйствіе". Противъ сего мѣста опять возразили папскіе легаты: „Вигилій,—говорили они,— не исповѣдывалъ одного дѣйствія; эти статьи не принадлежали Вигилію; эта книга подложная, какъ и начало первой книги пятаго собора. Если бы Вигилій училъ объ одномъ дѣйствіи и принятъ былъ соборомъ, то какимъ образомъ въ опредѣленіи самаго пятаго св. собора ничего нѣтъ объ одномъ дѣйствіи. Пусть прочитано будетъ это опредѣленіе". Въ опредѣленіи дѣйствительно не найдено было ничего объ одномъ дѣйствіи.

Когда все предположенное къ чтенію было доведено до конца, то вниманію присутствовавшихъ на соборѣ предложено было то совершенно ясное замѣчаніе, что во всѣхъ соборахъ не нашли ученія о томъ, что во Христѣ одна воля и одно дѣйствіе; замѣчаніе сіе поставлено было на видъ патріарху Макарію и его единомышленникамъ. Тогда Макарій и единомыслéнные съ нимъ потребовали отъ императора и отъ собора отсрочки, съ обѣщаніемъ представить свидѣтельства святыхъ уважаемыхъ отцевъ; императоръ согласился отложить до слѣдующаго засѣданія. Тѣмъ временемъ патріархъ Константинопольскій Георгій и находящійся подъ властію его сунодъ выразили передъ императоромъ желаніе услышать тѣ посланія, которыя препровождены были къ императору съ папскими легатами „какъ отъ самаго папы, такъ и отъ его собора", дабы „намъ, — какъ выражались Георгій и сочлены его, — узнать и понять всю заключающуюся въ нихъ

силу". Императоръ и эту просьбу обѣщалъ исполнить въ слѣдующее засѣданіе. Это слѣдующее засѣданіе, по счету четвертое, дѣйствительно было посвящено чтенію посланія, присланнаго въ Константинополь отъ папы Агаѳона, и другого посланія присланнаго тогда же отъ Римскаго собора епископовъ, подвѣдомыхъ папѣ; это послѣднее посланіе было подписано 125 епископами.

Посланіе папы Агаѳона, присланное шестому вселенскому собору, составляетъ собою, можно сказать, центральный пунктъ, въ которомъ сосредоточено все, что было существенно нужно для успѣшности изысканій соборныхъ и около котораго вращалась вся догматическая дѣятельность шестого вселенскаго собора. Приложенное къ нему посланіе епископовъ заключало въ себѣ только ссылки на это посланіе и увѣщаніе къ сочленамъ собора неуклонно держаться опредѣленій, изложенныхъ въ томъ посланіи; а поэтому намъ, для уясненія сущности всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій и опредѣленій собора, нужно войти въ обстоятельное разсмотрѣніе этого посланія Агаѳонова. Посланіе писано на латинскомъ языкѣ, но для членовъ собора, не понимавшихъ по-латыни, оно было переведено на греческій языкъ Діогеномъ, секретаремъ и совѣтникомъ императора. Въ началѣ посланія папа, указавъ кратко на поводъ, по коему онъ составляетъ свое посланіе (поводомъ было предложеніе отъ императора, коимъ онъ желалъ слышать сужденіе Римской церкви о предметѣ изслѣдованія), извиняется, что долго не исполнялъ желанія императорскаго; причиною замедленія были отчасти недуги папы, уже одряхлѣвшаго старца, отчасти то обстоятельство, что ему неудобно было скоро подобрать людей, коимъ онъ могъ бы ввѣрить предстоящую миссію, да и о тѣхъ, коихъ снаряжаетъ теперь, папа выражается, что посылаетъ ихъ не потому, чтобы полагался на ихъ ученость (учености нельзя было ожидать отъ людей, живущихъ среди постоянныхъ нападеній и питающихся трудомъ рукъ своихъ), а потому, что избранные папою признаются благонадежными къ тому, чтобы, не прибѣгая къ мірскому краснорѣчію, котораго и нѣтъ у людей неученыхъ, въ простотѣ апостольской вѣры отвѣчать

просто и только то, что имъ внушено, чтобы они не дерзали что-либо убавить, или прибавить, или измѣнить, но чтобы просто изложили преданіе апостольскаго престола въ томъ видѣ, въ какомъ оно утверждено „нашими“, т. е. папскими или апостольскими предшественниками: „не знаніе ихъ, выражается папа, дало намъ смѣлость послать ихъ къ благочестивымъ стопамъ вашимъ, но къ этому склонила насъ ваша милостиво повелѣвающая благость, и нашимъ смиреніемъ съ покорностію исполнено повелѣнное“. Подходя ближе къ главному предмету разсужденія, папа сначала кратко излагаетъ ученіе о Святой нераздѣльней Троицѣ и потомъ переходитъ къ самому главному пункту — о Богѣ Словѣ, о достопоклоняемомъ таинствѣ Его по плоти домостроительства. „Слѣдуя евангельскому преданію,—излагаетъ папа,—мы утверждаемъ въ единомъ и томъ же Господѣ Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ все двоякое, то есть исповѣдуемъ въ Немъ два естества — божеское и человѣческое; исповѣдуемъ также, что каждое изъ Его естествъ имѣетъ естественныя свойства: божеское имѣетъ всѣ божескія свойства, человѣческое всѣ человѣческія, кромѣ грѣха. Исповѣдуя два естества, два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія въ единомъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, мы не учимъ, что они противны и враждебны другъ другу, не учимъ, что они раздѣлены какъ бы на два лица или ѵпостаси, а говоримъ, что одинъ и тотъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ имѣетъ въ Себѣ какъ два естества, такъ и два естественныя хотѣнія и дѣйствія, то есть божеское и человѣческое, что божеское хотѣніе и дѣйствіе Онъ имѣетъ отъ вѣчности общія съ единосущнымъ Ему Отцемъ, человѣческое же принято отъ насъ вмѣстѣ съ нашимъ естествомъ во времени“. Восписавъ въ дальнѣйшемъ хвалы какъ сему исповѣданію, такъ и еще болѣе апостольскому престолу, который неизмѣнно, по преданію отъ апостоловъ, принялъ и хранитъ это ученіе, папа не преминулъ укорить нѣкоторыхъ изъ предстоятелей Константинопольской церкви, которые дерзнули и дерзаютъ уклоняться отъ сего ученія, и потомъ начинаетъ приводить основанія, на коихъ зиждется это ученіе православія.

„Дабы смыслъ этого истиннаго исповѣданія, — продолжаетъ папа,— открылся умамъ вашего благочестія изъ богодухновеннаго ученія ветхаго и новаго завѣтовъ, самъ Господь въ Своихъ святыхъ евангеліяхъ открываетъ въ Себѣ то человѣческія, то божественныя свойства, то тѣ и другія вмѣстѣ и тѣмъ научаетъ вѣрныхъ Своихъ вѣровать, что Онъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ". Приведши слова Іисуса Христа: „Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія", папа приводитъ толкованіе симъ словамъ св. Амвросія изъ его посланія къ Граціану: „воля, которую Онъ назвалъ Своею, есть Моя, потому что Онъ воспріялъ скорбь Мою какъ человѣкъ и говорилъ какъ человѣкъ и потому сказалъ: не яко же Азъ хощу, но яко же Ты. Та скорбь, которую Онъ принялъ Моимъ способнымъ къ страданію естествомъ, есть Моя скорбь".

Другое свидѣтельство папа Агаѳонъ приводитъ изъ св. Аѳанасія Великаго, изъ его книги о Троицѣ противъ Аполлинарія, когда говоритъ: „Отче, аще возможно" и т. д., то являетъ въ Себѣ два хотѣнія: одно человѣческое, свойственное плоти, другое божеское. Ибо человѣческая воля отвращалась отъ страданія по причинѣ немощи плоти, божеская же была къ Нему готова. Приведя далѣе нѣсколько свидѣтельствъ изъ блаженнаго Августина, Амвросія Медіоланскаго, Григорія Богослова папа усматриваетъ, что, по ученію сихъ отцевъ, каждое изъ естествъ во Христѣ имѣетъ собственное, естественное, каждому изъ нихъ свойственное хотѣніе. Ибо ангельское естество не можетъ имѣть божественнаго или человѣческаго хотѣнія и естество человѣческое не можетъ имѣть хотѣнія божескаго или ангельскаго: признавая, что въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ два естества соединились въ единой Его ипостаси, необходимо признать въ Немъ и два естественныя хотѣнія, то есть божеское и человѣческое; потому что нельзя признать, что которое-нибудь изъ сихъ двухъ естествъ Христа существовало безъ естественнаго хотѣнія, когда и человѣческая воля была возвышена всемогуществомъ Его божества и божественная открылась людямъ чрезъ Его человѣчество. Итакъ, необходимо приписывать то,

что есть въ Немъ божественнаго Ему, какъ Богу, а то, что есть человѣческаго Ему же, какъ человѣку: и то и другое должно быть воистину признаваемо принадлежащимъ одному и тому же Господу нашему Іисусу Христу по причинѣ ипостаснаго соединенія естествъ. Въ этомъ убѣждаетъ и исполненное истины опредѣленіе св. Халкидонскаго собора. Здѣсь папа буквально приводитъ опредѣленіе Халкидонскаго собора. Послѣ опредѣленія собора Халкидонскаго папа приводитъ мѣсто и изъ пятаго вселенскаго собора, украшая сей соборъ почтеннымъ именемъ святого.

Собственно говоря, и то, и другое изъ сихъ соборныхъ опредѣленій говорятъ о томъ, что въ соединеніи естествъ Іисуса Христа не уничтожилось ихъ различіе; но папа продолжаетъ отъ себя аргументировать далѣе на основаніи сихъ основоположеній и разсуждаетъ: „Если никоимъ образомъ не уничтожилось различіе естествъ Господа нашего Іисуса Христа, то необходимо, чтобы мы сохраняли это различіе во всѣхъ свойствахъ. Ибо тотъ, кто училъ никоимъ образомъ не уничтожать различія, тѣмъ самымъ показалъ, что различіе это должно сохранять во всѣхъ отношеніяхъ. Но если еретики и ихъ послѣдователи признаютъ одно хотѣніе и одно дѣйствіе, то какое же въ нихъ можетъ быть признано различіе? Когда утверждаютъ, что въ Немъ одна воля, то утверждающіе это должны признать ее или божескою, или человѣческою, или составленною изъ той и другой, смѣшанною и слитною, или же признать, что Христосъ имѣетъ одно хотѣніе и одно дѣйствіе, какъ проистекающія изъ одного составного естества? Во всякомъ случаѣ здѣсь уничтожается естественное различіе, которое и послѣ чуднаго соединенія св. соборы утвердили и повелѣли намъ сохранять“. Послѣ опредѣленій соборныхъ папа приводитъ свидѣтельства изъ писаній св. Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, св. Иларія, изъ книги о вѣрѣ, противъ аріанъ, св. Аѳанасія, тоже изъ книги противъ аріанъ, Діонисія Ареопагита, св. Амвросія, св. папы Льва Великаго. Оканчивая выдержку изъ посланія св. Льва къ Флавіану, папа продолжаетъ: „Нѣтъ недостатка въ весьма

сильныхъ свидѣтельствахъ и другихъ досточтимыхъ отцевъ"; но дабы приведеніе свидѣтельствъ изъ многихъ учителей не показалось обременительнымъ, папа довольствуется указаніемъ на немногое изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ.

И изъ небольшого числа краткихъ свидѣтельствъ различныхъ уважаемыхъ отцевъ истина становится вполнѣ очевидною. Кто, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ человѣка, слабаго умственно, не увидитъ того, что для всѣхъ очевидно? Невозможно и противно порядку природы, чтобы естество не имѣло свойства и дѣйствія; этого никогда не пытались говорить даже еретики, которые изобрѣли противъ истинной вѣры всевозможныя человѣческія ухищренія, хитрые вопросы и всякіе выводы, благопріятствующіе ихъ заблужденіямъ. Какимъ образомъ можетъ здравомыслящій человѣкъ думать, что два естества во Христѣ, то есть божеское и человѣческое, свойства которыхъ признаются сохранившимися въ Немъ, имѣютъ одно дѣйствіе? Предположивши, что дѣйствіе одно, пусть скажутъ намъ, признавать ли его временнымъ или вѣчнымъ, божественнымъ или человѣческимъ, созданнымъ или не созданнымъ, есть ли оно одно и то-же съ дѣйствіемъ Отца, или различно отъ дѣйствія Отца? Если дѣйствіе одно и обще божеству и человѣчеству Христа, то значитъ, когда Сынъ Божій, Который есть Богъ и человѣкъ, производилъ на землѣ человѣческія дѣйствія, то и Отецъ, естественно, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Нимъ подобнымъ же образомъ, потому что Сынъ дѣлаетъ то-же самое, что и Отецъ. Если же человѣческія дѣйствія Христа будутъ относимы къ одному Его лицу, какъ лицу Сына, которое не одно и то-же съ лицемъ Отца, то естественно, вслѣдствіе различія, и дѣйствія Христа должны быть отличны: какъ по божеству то, что дѣлаетъ Отецъ, дѣлаетъ и Сынъ, такъ по человѣчеству Онъ же самый совершаетъ то, что свойственно человѣку, совершаетъ, какъ человѣкъ, потому что Онъ есть истинный Богъ и человѣкъ. Для большей доказательности своего разсужденія и для большаго пораженія мыслей еретическихъ папа Агаѳонъ вдается въ розысканіе того, изъ какого мутнаго источника ведетъ свое начало лжеученіе моноѳелитовъ.

Начатки мудрованія моноѳелитскаго папа Агаѳонъ усматриваетъ еще въ словахъ еретика Аполлинарія: „Единый Христосъ возбуждался къ дѣятельности только божественною волею, вслѣдствіе чего мы и признаемъ одно въ Немъ дѣйствіе, проистекающее и въ чудесахъ, и въ страданіяхъ изъ одного Его составного естества. Ибо Онъ есть и исповѣдуется воплотившимся Богомъ". Еретикъ Северъ въ одномъ изъ своихъ словъ выражается: „Поелику одинъ есть дѣйствующій, то одно и дѣйствіе Его и одно дѣятельное движеніе". Въ сочиненіи Несторія, имѣвшемъ названіе: „Превосходное наставленіе", читалось: „Мы сохраняемъ естества не слитными, соединенными только волею, а не по естеству, и дѣйствительно, мы видимъ, что по равенству достоинства они обнаружили одно хотѣніе, дѣйствіе и господство". У еретика Ѳеодосія Александрійскаго, въ его книгѣ къ Ѳеодорѣ Августѣ, написано: „Осталось признать, что того и другого естества дѣйствіе одно—обожествленное; одна и та-же есть у одного Господа нашего Іисуса Христа свойственная Богу премудрость, всевѣдѣніе и знаніе и по божеству, и по человѣчеству, потому что мы признаемъ одно достойное Бога дѣйствіе", и еще: „усвоивъ Себѣ свойства плоти, Онъ сообщилъ имъ дѣйствіе Своего естества".

Показавъ, на чемъ основывается и откуда истекаетъ лжеученіе моноѳелитовъ, папа констатируетъ настоящее фактическое существованіе сего лжеученія между нѣкоторыми персонами, кои считаютъ себя членами церкви, имѣя въ виду, конечно, возбудить ревность противъ сего лжеученія со стороны лицъ, власть имѣющихъ.

„Посмотримъ, — приглашаетъ папа, — по какимъ образцамъ составилось содержаніе новаго ученія и на чей авторитетъ оно упирается. Киръ Александрійскій въ седьмой главѣ своихъ опредѣленій говоритъ: Одинъ и тотъ же Христосъ и Одинъ Сынъ совершаетъ, по свидѣтельству святого Діонисія, однимъ богомужнымъ дѣйствіемъ и божественныя, и человѣческія дѣйствія. Ѳеодоръ, бывшій епископъ Фаранскій, въ посланіи къ Сергію, епископу Арсинойскому, говоритъ: Такъ какъ Спаситель есть единъ и тотъ же, то и дѣй-

ствіе у Него, какъ цѣлаго, есть единое. Сергій Константинопольскій въ посланіи къ Киру Александрійскому говоритъ: Вы сказали, что одинъ и тотъ же Христосъ совершаетъ божескія и человѣческія дѣйствія однимъ дѣйствіемъ и изложили это благочестиво. Въ изложеніи своемъ (ἐκθέσεις) и въ другихъ сочиненіяхъ онъ также утверждаетъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ имѣетъ одно хотѣніе и всякое божественное и вмѣстѣ человѣческое дѣйствіе. Пирръ въ догматической книгѣ и въ подписи изложенія исповѣдуетъ одно хотѣніе во Христѣ; Павелъ, преемникъ Пирра, въ посланіи къ папѣ Ѳеодору (предшественнику Агаѳона) исповѣдуетъ, что Христосъ имѣетъ одно хотѣніе; преемникъ его Петръ въ посланіи къ папѣ Виталіану исповѣдуетъ, что онъ признаетъ и одно, и два хотѣнія и одно, и два дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія". Указавъ на замѣченныя у Константинопольскихъ патріарховъ черты неправаго ученія, папа, въ избыткѣ горести отъ замѣченнаго имъ явленія и въ нѣсколько напыщенныхъ фразахъ ораторства, восклицаетъ: „Кто же не повергнется въ печаль и не будетъ съ трепетомъ взирать на такія угрожающія человѣческой жизни сѣти и съ внутреннимъ воплемъ не обратится къ источнику милосердія Богу съ молитвою объ избавленіи отъ ковъ врага, всюду уготованныхъ для совращенія человѣческаго ума, при видѣ того, какъ люди, почитающіе себя достойными славы за свои великія познанія, впали въ сѣти еретическаго заблужденія и притомъ являются непостоянными и колеблющимися въ самомъ заблужденіи (колебаніе разумѣется то, что нѣкоторые изъ лжеучителей выражались и такъ, и иначе, то одну волю исповѣдуютъ, то двѣ, то одно дѣйствіе, то два). Итакъ, пусть ваше отъ Бога поставленное величество внимательно разсмотритъ окомъ внутренняго разсужденія, кому изъ этихъ учителей долженъ слѣдовать христіанскій народъ, котораго изъ нихъ ученіе принять, когда они всѣхъ и другъ друга взаимно предаютъ осужденію".

Продолживъ еще на нѣкоторое время раскрытіе однѣхъ и тѣхъ же мыслей, папа, приближаясь къ окончанію своего изложенія, заключаетъ: „Мы увѣрены, что не осталось ни-

чего темнаго и двусмысленнаго, что могло бы препятствовать вразумленію тѣхъ, которые послѣдовали изобрѣтателямъ новаго ученія. Ибо и поставлена предъ очами сладость духовнаго разумѣнія, какою дышатъ изреченія отцевъ, и выставляется на видъ отвратительный смрадъ еретическій, заслуживающій презрѣнія всѣхъ вѣрныхъ. Такъ какъ изобрѣтатели новаго ученія оказались послѣдователями еретиковъ, а не св. отцевъ, то и это поставлено на видъ. Такъ какъ по внушенію Божію предъ очами вашего благочестія возсіяла истина и обнаружилась ложь, то остается, чтобы благочестивыми милостями вашего боговѣнчаннаго милосердія не была лишена свѣта своего истина, получивъ побѣдный вѣнецъ, а новое заблужденіе, его изобрѣтатели и послѣдователи подверглись достойному своей гордыни наказанію. Итакъ, если предстоятель Константинопольской церкви согласится вмѣстѣ съ нами содержать и проповѣдывать сіе неповрежденное апостольское правило вѣры, то великій будетъ миръ для любящихъ имя Божіе; если же (отъ чего да сохранитъ Богъ) онъ лучше захочетъ охранить недавно введенную другими новизну, то пусть подумаетъ, какой удовлетворительный отвѣтъ дастъ онъ за такое пренебреженіе на божественномъ судѣ Христа. Я умоляю, благочестивѣйшій и милосерднѣйшій августъ, и вмѣстѣ съ моею малостію умоляетъ всякая христіанская душа, чтобы вы даровали безнаказанное слово и свободное право всякому желающему говорить и защищать свою вѣру, дабы всѣ единодушно во все продолженіе своей жизни прославляли за такое неизреченное благо ваше императорское величество и единодушно изливали непрестанныя мольбы Христу Господу о цѣлости и возвеличеніи вашей мужественнѣйшей власти. Верховная благодать да сохранитъ власть благочестивѣйшихъ государей и преклонитъ предъ него выи всѣхъ народовъ“.

Посланіе собора епископовъ, подчиненныхъ папѣ, приложенное къ посланію папскому, составляетъ, какъ мы и прежде сказали, краткое повтореніе того же, что было написано и въ посланіи папскомъ: та-же похвала благочестію императора за его усердіе къ вѣрѣ, то-же изъясненіе своего усердія

послужить благу церковному, тѣ-же жалобы на безпокойные набѣги варваровъ, препятствующіе успѣхамъ просвѣщенія. Переходъ къ дѣлу такой: императоръ требовалъ, чтобы къ нему были посланы благонадежные епископы; блеска учености отъ посылаемыхъ требовать и ожидать нельзя, потому что процвѣтанію учености не благопріятствуетъ внѣшнее положеніе церкви и набѣги отъ варваровъ; посылаемые епископы благонадежны въ смыслѣ своего благочестія и усердія къ вѣрѣ. „Все наше знаніе состоитъ въ томъ, чтобы всѣми силами своего ума сохранять опредѣленія каѳолической и апостольской вѣры, которая доселѣ апостольскій престолъ вмѣстѣ съ нами содержитъ и передаетъ“.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе самой вѣры, начиная съ символа Никео-Цареградскаго. Здѣсь мы отступимъ на минуту отъ изложенія дѣла, какъ установлено оно для цѣли общепредпринятой и замѣтимъ одну частность, имѣющую весьма важное значеніе для спеціалистовъ по части богословія догматическаго. Въ символѣ вѣры, приводимомъ въ разсматриваемомъ нами посланіи епископовъ, составляющихъ соборъ папы, въ членѣ о Св. Духѣ ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ текстахъ нѣтъ слова „и отъ Сына“: въ греческомъ текстѣ читаемъ: ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐκπορευόμενον; въ латинскомъ: ex Patre procedentem. Изд. Лаббе, т. VI, стр. 681. Входить по сему предмету въ соображенія дальнѣйшія предоставляемъ читателямъ. Относительно пункта, составляющаго предметъ розысканія, епископы выражаются: „Мы признаемъ и послѣ ипостаснаго соединенія не одного въ другомъ и не одного и другого, но того же самаго въ двухъ естествахъ. Единый Онъ состоитъ изъ того и другого и чрезъ единаго обнаруживается и то, и другое, потому что существуютъ вмѣстѣ и величіе божества, и уничиженность плоти. Признавая, что Онъ имѣетъ воистину два естества или существа, мы признаемъ, что тотъ же самый Господь нашъ Іисусъ Христосъ имѣетъ два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія“. Это правило чистаго каѳолическаго и апостольскаго исповѣданія общимъ голосомъ возвѣстилъ и сильно защитилъ св. соборъ, бывшій при апостольской па-

мяти папѣ Мартинѣ. Поставивъ на видъ благовѣріе церкви Римской, Римскіе епископы не преминули замѣтить о неблаговѣріи предстоятелей церкви Константинопольской: отступниками отъ благовѣрія выставляются, какъ и въ папскомъ посланіи: Сергій, Пирръ, Павелъ, Петръ, патріархи Константинопольскіе. Въ противодѣйствіе симъ-то отступникамъ отъ вѣры истинной епископы Римскіе начертали исповѣданіе апостольской вѣры, дабы посланные отстаивали неизмѣнныя, строго и тщательно опредѣленныя истины вѣры. „При этомъ мы умоляемъ покорно вашу Богомъ вѣнчанную власть,—выражаются, между прочимъ, епископы, — благосклонно повелѣть, чтобы это именно исповѣданіе проповѣдывалось всѣми и у всѣхъ получило силу, дабы Богъ, любящій истину и справедливость, ниспослалъ всякое благополучіе временамъ вашего свѣтлѣйшаго милосердія“.

Посланіе епископовъ такъ же, какъ и папское, оканчивается объявленіемъ, что всѣ согласные съ ученіемъ, изложеннымъ въ семъ посланіи, могутъ считать себя пребывающими въ единеніи вѣры съ церковію Римской, а тѣ, кои съ посланіемъ не согласны, лишаются общенія и со всею церковію. Въ концѣ посланія имѣются 126 подписей епископовъ, не считая папы. Когда все это было перечитано, то императоръ призналъ потребнымъ пріостановить пока занятія соборныя, напомнивъ Макарію Антіохійскому, что отъ него на слѣдующемъ засѣданіи будутъ ожидать обѣщанныя имъ и его единомысленниками свидѣтельства св. отцевъ. Въ слѣдующія два засѣданія заслушаны были два свитка, принесенныя Макаріемъ и его сторонниками. Свитки имѣли такое заглавіе: „Свидѣтельства св. отцевъ, учащія объ одной волѣ Господа нашего Іисуса Христа, которая есть также воля Отца и Св. Духа“. Къ третьему изъ слѣдующихъ засѣданій Макарій приготовилъ и еще свитокъ подъ заглавіемъ: „Дальнѣйшія свидѣтельства о волѣ“. Когда и этотъ свитокъ былъ прочитанъ и когда у Макарія спросили, не имѣетъ ли онъ еще что-нибудь сказать, то Макарій отвѣчалъ: „Мы считаемъ, государь, достаточными уже представленныя нами свидѣтельства святыхъ и уважаемыхъ отцевъ и не желаемъ

представлять ничего другого". Тогда то, т. е. послѣ того, какъ Макарій и его сторонники исчерпали всѣ свои аргументы, представители папы выступили на опроверженіе доказательствъ Макаріевыхъ. Представители папы заявили, что „боголюбезный Макарій и сторонники его: Стефанъ, ученикъ Макарія, Петръ, епископъ Никомидійскій, и Соломонъ, епископъ Кланейскій, нисколько не доказали одного хотѣнія и одного дѣйствія въ домостроительствѣ Господа нашего Іисуса Христа. Но они исказили и самыя эти свидѣтельства, представленныя вашему благочестію и святому собору. Они выдали за свидѣтельства объ одномъ хотѣніи въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа тѣ, которыя относятся къ ученію объ одной волѣ Троицы, а тѣ свидѣтельства, которыя идутъ къ дѣлу и относятся дѣйствительно къ домостроительству воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, они исказили и въ смыслѣ, и въ выраженіяхъ. Посему мы просимъ ваше благочестивѣйшее мужество, чтобы были принесены изъ почтенной патріархіи сего царствующаго города подлинные тексты представленныхъ ими отеческихъ свидѣтельствъ и сличены съ свитками, которые представлены ими, и мы покажемъ, какое въ этихъ текстахъ сдѣлано ими искаженіе. Имѣя же съ собою свитокъ, содержащій многочисленныя свидѣтельства святыхъ и уважаемыхъ отцевъ, ясно показывающія, что въ домостроительствѣ Господа нашего Іисуса Христа два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія, несліянно и нераздѣльно, также и еретическія свидѣтельства, говорящія объ одномъ хотѣніи и одномъ дѣйствіи и благопріятствующія ученію Макарія, боголюбезнаго архіепископа Антіохійскаго, и находящихся съ нимъ, объ одномъ хотѣніи и одномъ дѣйствіи, мы просимъ, чтобы все это прочтено было предъ вашимъ благочестіемъ".

Императоръ, какъ и слѣдовало ожидать, согласился на исполненіе протеста легатовъ при слѣдующемъ засѣданіи. Въ слѣдующее засѣданіе, когда все по обычаю было подготовлено къ открытію занятій, занятія собора начались тѣмъ, что представителямъ папы напомнили о томъ, что они обѣ-

щались доставить свитки отеческихъ свидѣтельствъ, говорящихъ о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ. Легаты дѣйствительно представили, какъ выразились сами они, „свидѣтельства, которыя яснѣе свѣта показываютъ два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ спасенія Господа нашего Іисуса Христа“. Когда свидѣтельства, представленныя легатами, были прочитаны, то легаты дополнили: „Мы нашли бы и могли бы представить много и другихъ свидѣтельствъ; но чтобы не утомить вашъ богонаставляемый слухъ, мы почитаемъ достаточнымъ для доказательства истины и приведенныхъ свидѣтельствъ“. Далѣе легаты продолжали: „Просимъ богоутвержденное мужество ваше,—рѣчь, конечно, относилась къ императору,—спросить Георгія, архіепископа Константинопольскаго, и подчиненный ему соборъ, также и Макарія, архіепископа Антіохійскаго, и подчиненныхъ ему епископовъ, согласны ли они съ содержаніемъ двухъ прочитанныхъ посланій, т. е. съ содержаніемъ посланія святѣйшаго Агаѳона, папы апостольскаго престола древняго Рима, и съ содержаніемъ посланія подчиненнаго ему собора? Тогда Георгій, Макарій и ихъ единомысленники предъявили желаніе, чтобы имъ выданы были копіи съ упомянутыхъ посланій: „Мы изслѣдуемъ,—привожу собственныя слова сопротивниковъ православія, — мы изслѣдуемъ и сличимъ находящіяся въ нихъ свидѣтельства святыхъ и уважаемыхъ отцевъ съ книгами здѣшней почтенной патріархіи и въ слѣдующемъ засѣданіи дадимъ должный отвѣтъ“. Въ слѣдующее засѣданіе, конечно, съ разрѣшенія императорскаго, первымъ дѣломъ потребовали отъ Георгія Константинопольскаго, Макарія Антіохійскаго и ихъ сторонниковъ отвѣта на то, какъ они смотрятъ на посланіе папы Агаѳона и собора его епископовъ. Георгій, патріархъ Константинопольскій, не обинуясь изъяснился такъ: „Видя всю силу посланій, присланныхъ какъ отъ святѣйшаго Агаѳона, такъ и отъ его собора, и справившись съ книгами святыхъ и уважаемыхъ отцевъ, находящимися въ досточтимой моей патріархіи, я нашелъ всѣ свидѣтельства, находящіяся въ упомянутыхъ посланіяхъ, согласными и ни въ чемъ не разнящимися отъ

книгъ святыхъ и уважаемыхъ отцевъ, посему соглашаюсь съ этими посланіями, такъ исповѣдую и вѣрую“

Сходно съ Георгіемъ начали отзываться и подвѣдомые ему епископы, разнообразя только въ нѣсколькихъ выраженіяхъ сущность своего исповѣданія; но когда потребовали объясненія отъ Макарія Антіохійскаго, какъ онъ вѣруетъ и исповѣдуетъ ли во Христѣ два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія, то Макарій отвѣтилъ: „я говорю, что не два хотѣнія или два дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, но одно хотѣніе и богомужское дѣйствіе“. Когда отъ Макарія потребовали доказательствъ на его исповѣданіе, то онъ сослался на свитокъ свой, поданный имъ императору въ одно изъ предшествовавшихъ засѣданій собора: повелѣно было прочитать свитокъ, поданный Макаріемъ; свитокъ Макарія содержанія довольно общаго. Начиная съ разсужденія о значеніи благочестія для вѣры, онъ распространяется вообще объ отличительныхъ пунктахъ православія въ его отличіе отъ лжеученій еретическихъ; есть въ немъ выдержки изъ символа Никео-Цареградскаго, далѣе изъ писаній святоотеческихъ, направленныхъ въ свое время противъ Несторія, Евтихія и другихъ еретиковъ. Уже прошедши все это пространство отъ собора Никейскаго до времени своего, Макарій по отношенію къ пункту современнаго изысканія выражается такъ: „Мы не разлагаемъ на части и не отдѣляемъ человѣка и Бога и не говоримъ, что одинъ творилъ чудеса, а другой переносилъ человѣческія страданія, какъ говорятъ это раздѣляющіе его Θеодоръ и Несторій. Но одного и того же исповѣдуемъ и Богомъ, и совершеннымъ человѣкомъ, единосущнымъ Отцу по божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству; проповѣдуемъ два рожденія одного и того же, проповѣдуемъ чудеса и страданія одного и того же и вѣруемъ, что отъ одного и того же Христа Бога нашего новымъ образомъ происходитъ всякое дѣйствіе, приличное Богу и приличное человѣку. Ибо воплотившійся Богъ Слово не совершаетъ ни божескаго, какъ Богъ, ни человѣческаго, какъ человѣкъ, и совершаетъ нѣкоторое новое богомужское дѣйствіе и все это дѣйствіе

являетъ животворнымъ; одинъ и тотъ же совершилъ наше спасеніе: посредствомъ нашего естества Онъ совершилъ наше спасеніе однимъ и единымъ богомужнымъ хотѣніемъ, какъ будто бы въ Немъ и не было другого хотѣнія, противоположнаго и препятствующаго этому богомужному и сильному Его хотѣнію. Невозможно, чтобы въ одномъ и томъ же Христѣ Богѣ нашемъ находились одновременно два хотѣнія или взаимно противоположныя, или совершенно одинаковыя. А спасительное ученіе богоносныхъ отцевъ ясно научаетъ, что разумно одушевленная плоть Господа никогда не производила естественнаго своего движенія отдѣльно и по своему стремленію, вопреки указанію соединеннаго съ нею въ ипостась Бога Слова". Далѣе сего идетъ рѣчь, къ главному пункту очень далеко относящаяся. Уже въ концѣ своего изложенія Макарій даетъ понятіе объ образѣ своихъ мыслей отчасти тѣмъ, что признаетъ православными Сергія и Пирра, патріарховъ Константинопольскихъ, а отчасти и особенно своею подписью подъ исповѣданіемъ; подпись эта такова: „Макарій. милостію Божіею епископъ Ѳеопольскій (Ѳеополь было синонимическимъ словомъ Антіохіи), диктовавшій всю вышеприведенную основу православія согласно изложенію пяти святыхъ и вселенскихъ соборовъ и поименно упомянутыхъ мною святыхъ и уважаемыхъ отцевъ, изъяснявшихъ по мѣрѣ силъ своихъ, что въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ Богѣ нашемъ одно хотѣніе и что Онъ являлъ намъ Свое богомужное дѣйствіе, убѣжденный внутренно и исповѣдавшій, что нечестиво говорить, будто въ одномъ и томъ же Христѣ Богѣ нашемъ два хотѣнія и такъ думающій, и учащій, и надѣющійся предстать предъ страшнымъ судомъ Божіимъ съ этою православною вѣрою моею подписался". Когда заслушано было все исповѣданіе Макарія, то императоръ и съ нимъ соборъ спросили: „пусть боголюбезнѣйшій Макарій объяснитъ, исповѣдуетъ ли онъ два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Христа Бога нашего". Макарій отвѣтствовалъ: „я не скажу, что два естественныя хотѣнія или два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа,

хотя бы меня разрубили на мелкія части и бросили въ море". Когда стали провѣрять свидѣтельства изъ отцевъ церкви, приведенныя Макаріемъ въ подтвержденіе его мыслей, то прежде всего оказалось, что свидѣтельство изъ св. Аѳанасія приведено Макаріемъ не въ полномъ видѣ: Макарій выпустилъ нѣсколько строкъ изъ контекста рѣчи Аѳанасіевой, гдѣ св. Аѳанасій говоритъ о свойствахъ человѣчества во Христѣ (ч. III, стр. 387, 392). Когда Макарія спросили, зачѣмъ онъ опустилъ эти мѣста изъ св. отца, то Макарій отвѣчалъ: „тѣ свидѣтельства, которыя я представилъ—представилъ для своей цѣли". Когда рѣшились прочитать еще нѣсколько изъ Макаріева изложенія свидѣтельствъ, то скоро опять нашли интерполяцію и опять въ свидѣтельствѣ изъ Аѳанасія. Тогда соборъ съ негодованіемъ предался неудержимому раздраженію и въ этомъ раздраженіи возгласилъ: „Макарій ясно показалъ, что онъ еретикъ; новому Діоскору анаѳема: да извержется онъ, прочь гони новаго Діоскора, новому Аполлинарію злыя лѣта; справедливо да будетъ лишенъ онъ епископства, да будетъ онъ обнаженъ отъ находящагося на немъ омофора" (съ Макарія тогда же сняли омофоръ). Когда Макарій былъ разоблаченъ, то Ѳеофанъ, игуменъ монастыря Байя, снова подступилъ къ нему съ вопросомъ: „имѣлъ ли Господь нашъ Іисусъ Христосъ человѣческое и безгрѣшное хотѣніе?" Макарій и ученикъ его Стефанъ отвѣчали: „мы не допускаемъ человѣческаго хотѣнія во Христѣ, а божеское допускаемъ, притомъ безъ плотскихъ пожеланій и человѣческихъ помысловъ, какъ показываетъ представленное нами свидѣтельство св. Аѳанасія, ибо хотѣніе принадлежитъ только божеству". Когда на слѣдующемъ засѣданіи Макарію привели ясное выраженіе св. Аѳанасія, что во Христѣ двѣ воли — божеская и человѣческая: человѣческая, свойственная плоти, и божеская, свойственная Богу, то инокъ Стефанъ, ученикъ Макарія (Макарія самого на соборѣ уже не было), чувствуя, какъ подъ нимъ колеблется почва, устремился было подъ защиту св. Григорія Богослова: у св. Григорія Богослова онъ нашелъ выраженіе о Христѣ: „хотѣніе Его, всецѣло обоженное, не противно Богу"; но на этомъ пунктѣ его

сбилъ Василій, епископъ Гортинскій: „какое хотѣніе, — спрашиваетъ онъ Стефана, — ты называешь обоженнымъ — божеское или человѣческое? Если называешь божеское, то божеское не имѣетъ нужды въ обоженіи, если человѣческое, то очевидно, что и настоящимъ свидѣтельствомъ ты нехотя показываешь два хотѣнія". Пересмотрѣвши еще нѣсколько свидѣтельствъ, отцы собора закончили свои изысканія на сей разъ такимъ опредѣленіемъ: „Вы не доказали посредствомъ представленнаго вами кодекса, что въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа одно хотѣніе, что утверждали и ты, Стефанъ, и учитель твой Макарій: но кромѣ того въ находящихся въ этомъ кодексѣ свидѣтельствахъ находимъ еще, что достохвальный Аѳанасій и ясно, и громогласно говоритъ о двухъ воляхъ, хотя эти свидѣтельства большею частію вы приводили отрывочно и не ясно и объясняли ихъ превратно. Итакъ, поелику ясно обнаружено, что вы заботились объ извращеніи божественныхъ догматовъ и искажали ученіе святыхъ и уважаемыхъ отцевъ, а скорѣе принимали мнѣніе еретиковъ и послѣдовали тому, чему они учили на погибель православному народу, то мы опредѣляемъ, чтобы вы были лишены всякаго іерархическаго достоинства и служенія".

Судъ надъ Макаріемъ, какъ мы читали, произведенъ былъ въ одно изъ предшествовавшихъ засѣданій соборныхъ; теперь учинили нѣчто подобное и съ ученикомъ его Стефаномъ: его подвергли проклятію и выгнали съ собора. Бывшіе прежде сторонниками Макарія четыре епископа, одинъ пресвитеръ, четыре діакона и одинъ инокъ, какъ принесшіе раскаяніе, освобождены отъ наказанія, хотя и связаны были на сей разъ обязательствомъ представить на соборъ письменное исповѣданіе вѣры. Въ слѣдовавшемъ за симъ засѣданіи были читаны свидѣтельства изъ св. отцевъ, подтверждающія ученіе о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ: изъ св. Льва, папы Римскаго, св. Амвросія Медіоланскаго, св. Іоанна Златоуста, св. Аѳанасія Великаго, св. Григорія Нисскаго, св. Кирилла Александрійскаго, св. Стефана Кипрскаго, св. Григорія Богослова, блаженнаго Августина, Іустина философа, импера-

тора Юстиніана, св. Ефрема, архіепископа Антіохійскаго (изъ апологіи въ защиту собора Халкидонскаго), св. Анастасія, архіепископа Антіохійскаго (изъ сочиненія въ защиту книги св. Льва), св. Іоанна, епископа Скиѳопольскаго (изъ 8 книги противъ богохульствъ Севера). Послѣ изреченій святоотеческихъ занялись изложеніемъ и разсмотрѣніемъ выраженій еретическихъ, какъ то: Ѳемистія, Анѳима, Севера (изъ его посланія къ комиту Икуменію), Ѳеодосія, Павла, Ѳеодора и Аполлинарія. Послѣ изложенія выраженій еретическихъ начали слушать вѣроисповѣдныя изложенія тѣхъ лицъ, кои прежде были замѣчены въ соучастіи съ моноѳелитомъ Макаріемъ и кои послѣ принесли повинную. Всѣ ихъ вѣроизложенія были тождественны между собою. Каждое начинается исповѣданіемъ Пресвятыя Троицы, переходитъ къ таинству воплощенія, говоритъ о соединеніи естествъ; далѣе относительно главнаго пункта въ данномъ случаѣ выражается: „Исповѣдую у одного и того же Господа нашего Іисуса Христа два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія въ силу представленныхъ свидѣтельствъ святыхъ и уважаемыхъ отцевъ въ посланіяхъ, представленныхъ благочестивѣйшему императору святѣйшимъ папою Агаѳономъ“. Оканчивается членами символа вѣры, начиная „съ распятаго же за ны“ до конца и въ концѣ всего исповѣданіе пяти вселенскихъ соборовъ и анаѳематствованіе еретиковъ, кои отлучены на тѣхъ соборахъ. Въ то время, какъ читались эти исповѣданія, Георгій апокрисіарій, мѣстоблюститель патріархата Іерусалимскаго, предложилъ собору, чтобы было прочитано посланіе Софронія, патріарха Іерусалимскаго, отправленное имъ къ Сергію, патріарху Цареградскому, но не принятое этимъ Сергіемъ; требовалось составить соборное опредѣленіе объ этомъ посланіи: православно оно или нѣтъ?

Посланіе св. Софронія весьма обширно по своему объему, больше 50 страницъ, и преисполнено цвѣтами греческаго краснорѣчія; какъ произведеніе своего времени, оно, конечно, носитъ на себѣ отпечатокъ обстоятельствъ тогдашней современности, но такъ какъ мы съ тогдашнею современностію уже знакомы по изложенію предшествовавшему и такъ

какъ до греческаго краснорѣчія у насъ въ настоящее время непосредственнаго отношенія нѣтъ, то мы, минуя все интересное для времени, протекшаго 1000 слишкомъ лѣтъ, остановимся на томъ, что прямо вяжется съ пунктомъ насъ теперь занимающимъ. Послѣ того, какъ посланіе св. Софронія было прочитано, императоръ, не видя на чемъ бы остановить свое вниманіе, обратился къ представителямъ папы, что-бы они теперь признали нужнымъ предложить на разсмотрѣніе собора. Но представители папы, держась тѣхъ инструкцій, какія имъ были даны отъ Рима, не взялись входить въ сужденіе о произведеніи Софронія, а на предложеніе императора отвѣчали, что и самыми изложеніями папы Агаѳона, и разсмотрѣніемъ и сличеніемъ свидѣтельствъ, въ немъ приводимыхъ, предметъ раскрытъ въ такой желательной ясности, что больше и разсматривать нечего. Развѣ для большаго обличенія заблуждающихъ желательно будетъ разсмотрѣть писанія Макарія Антіохійскаго и ученика его Стефана, защищающихъ ученіе о единой волѣ во Христѣ? Приказано было принести писанія Макарія и Стефана изъ патріаршей библіотеки. Принесены были свитки съ тремя заглавіями: 1) „Извѣстительное слово къ благочестивѣйшему миротворцу императору Константину отъ Макарія, епископа Ѳеополя или Антіохіи“. 2) „Слово, посланное Макаріемъ, епископомъ Ѳеополя, къ Лукѣ пресвитеру и иноку“. 3) „Доводы въ защиту благочестія противъ враговъ“. Когда стали читать эти произведенія, то соборъ, потерявъ всякое терпѣніе, провозгласилъ: „отрясши съ насъ самихъ пыль неумѣстнаго пустословія сочиненій Макарія и ученика его Стефана и достойно предавши ихъ анаѳемѣ, мы повелѣваемъ прекратить чтеніе этихъ душевредныхъ сочиненій“.

Основная мысль, около которой вращались разсужденія Макарія, Стефана и ихъ единомысленниковъ, формулировалась такъ: „проповѣдуемъ одно лице во Христѣ Спасителѣ и учимъ, что у Него, какъ у одного, одно и хотѣніе, какъ это показали и бывшіе прежде насъ“.

Императоръ, по всей вѣроятности, соскучившись слушать безосновательныя мудрованія недоучекъ въ богословіи,

заканчивая настоящее засѣданіе, изволилъ изрещи: „такъ какъ мы заняты дѣлами нашего христолюбиваго государства. то послѣ того, какъ большая и важнѣйшая часть настоящаго дѣла совершена въ присутствіи нашего благочестія, въ слѣдующихъ затѣмъ собраніяхъ повелѣваемъ присутствовати отъ лица нашего двумъ славнѣйшимъ патриціямъ—Константину и Анастасію и двумъ славнѣйшимъ консуламъ — Поліевкту и Петру".

Не прибывши на соборъ самъ, императоръ прислалъ на соборъ какіе-то свитки бумагъ, кои хранились у него за императорскою печатью и кои относились къ предмету изысканій соборныхъ. Разсмотрѣніе этихъ свитковъ интересно потому особенно, что по связи съ ними намъ уясняется важнѣйшій и въ исторіи догматики, и въ исторіи церкви пунктъ о томъ, что и между Римскими папами бывали персоны, причастныя къ заблужденію еретическому, а потому всѣмъ соборомъ церковнымъ подверженныя отлученію. Когда свитки эти были вскрыты, то тамъ между статьями, уже извѣстными собору и бывшими на разсмотрѣніи прежде, оказались нѣкоторыя статьи, кои еще только въ первый разъ появлялись на публичное разсмотрѣніе и въ коихъ нельзя было не усмотрѣть предмета, требующаго вниманія. Въ одномъ изъ этихъ свитковъ была копія съ посланія Сергія, бывшаго патріарха Константинопольскаго, къ Киру, епископу Фасидскому; иначе сказать, выходили на видъ первоначальные дѣятели при возникновеніи занимавшаго соборъ вопроса. Изъ посланія этого видно, что Киръ, получивъ копію съ указа одного изъ моноѳелитскихъ императоровъ Ираклія, Аркадію, архіепископу Кипрскому, пришелъ въ недоумѣніе оттого, что въ указѣ томъ возбранялось признавать во Христѣ два дѣйствія и обратился къ патріарху Сергію съ вопросомъ: „проповѣдывать ли въ Господѣ два дѣйствія, или признавать одно дѣйствіе?" На этотъ вопросъ Сергій съ своей стороны отвѣтствуетъ: „на святыхъ вселенскихъ соборахъ не было объ этомъ никакого разсужденія и нельзя найти никакого опредѣленія объ этомъ вопросѣ, постановленнаго какимъ либо изъ православныхъ соборовъ; изъ знаменитыхъ же

отцевъ,— продолжаетъ Сергій,— мы знаемъ, что нѣкоторые, напримѣръ св. Кириллъ, архіепископъ Александрійскій, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что у Христа истиннаго Бога нашего одно животворящее дѣйствіе. Блаженной памяти Мина, архіепископъ Константинопольскій, въ своемъ словѣ, обращенномъ къ Василію, папѣ Римскому, училъ, что во Христѣ одна воля и одно животворящее дѣйствіе, подобно, какъ одинъ Онъ самъ".

Киръ, какъ видно, имѣлъ въ виду и указывалъ Сергію на то мѣсто изъ посланія св. Льва, папы Римскаго, гдѣ говорится, что во Христѣ одно естество дѣйствуетъ сообща съ другимъ и въ этихъ словахъ усматривалъ ученіе о двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ. На это Сергій пишетъ Киру, что „ни тѣ, которые, какъ мы знаемъ, защищали упомянутое посланіе, ни кто-нибудь другой изъ богодухновенныхъ тайноводителей церкви не говоритъ, что во Христѣ Богѣ нашемъ два дѣйствія. Но если кто изъ болѣе свѣдущихъ въ состояніи доказать, что какіе-нибудь изъ знаменитыхъ отцевъ нашихъ заповѣдывали признавать во Христѣ два дѣйствія, то нужно вполнѣ имъ слѣдовать".

Еще болѣе интереса и для тогдашняго собора, и для нашего вниманія представляетъ собою также заключавшееся въ свиткѣ, присланномъ отъ императора, посланіе того же патріарха Сергія къ папѣ Онорію. Прежде, чѣмъ подступить къ предмету рѣчи, Сергій разсыпается въ любезностяхъ передъ папою, изъясняя, какъ высоко онъ цѣнитъ практическую мудрость папы, и изъявляетъ свою готовность постоянно руководиться наставленіями папскими. Далѣе, приближаясь къ предмету рѣчи, Сергій изъясняетъ, при какихъ обстоятельствахъ возникъ предметъ изысканія, о которомъ онъ, Сергій, собрался писать къ папѣ.

Виновникомъ всѣхъ изысканій былъ императоръ Ираклій. Этотъ императоръ во время пребыванія своего въ Арменіи, занимаясь дѣлами военными и гражданскими, не забывалъ и дѣлъ церковныхъ—любилъ бесѣдовать о догматахъ вѣры. И вотъ во время одной такой-то бесѣды съ нѣкоторымъ Павломъ, сторонникомъ еретика Севера-монофизита, вы-

сказалъ объ одномъ дѣйствіи Христа Бога нашего. Въ другой разъ тотъ же императоръ въ бесѣдѣ съ Киромъ, тогда митрополитомъ Фазійскимъ въ землѣ Лазовъ (а послѣ патріархъ Александрійскій), высказалъ ту-же мысль о единомъ дѣйствіи во Христѣ. Киръ, тогда еще не подготовленный надлежаще къ предмету рѣчи, высказалъ императору, что онъ, Киръ, не знаетъ точно, одно или два дѣйствія во Христѣ нужно проповѣдывать. Императоръ приказалъ Киру, чтобы онъ написалъ объ этомъ къ нему, Сергію, т. е. спросилъ бы: „одно ли дѣйствіе или два нужно признавать въ Спасителѣ нашемъ и не знаетъ ли онъ, Сергій, какихъ святыхъ и блаженныхъ отцевъ, признавшихъ одно дѣйствіе“. Сергій въ отвѣтномъ письмѣ къ Киру, какъ выражается самъ, означилъ, что зналъ самъ, послалъ ему слово Мины, переданное имъ Вигилію, предшественнику Онорія, заключающее въ себѣ „отеческія, — какъ выражается Сергій, — свидѣтельства объ одномъ дѣйствіи и объ одной волѣ Спасителя нашего Христа истиннаго Бога. Съ того времени, — продолжаетъ Сергій,— объ этомъ вопросѣ не было слышно ничего“.

Назадъ тому нѣсколько времени патріархъ Александрійскій Киръ, благодаря пункту о единой волѣ во Христѣ, сумѣлъ возсоединить съ церковію многочисленныя партіи монофизитовъ въ Египтѣ, Ѳиваидѣ и Ливіи. Но Софроній, патріархъ Іерусалимскій (прошу замѣтить, что я продолжаю выдержку изъ посланія Сергія къ Гонорію), сталъ возражать противъ главы объ одномъ дѣйствіи и утверждалъ, что нужно признавать два дѣйствія во Христѣ Богѣ не иначе. Софроній, возвратившись изъ Александріи, обратился къ нему, Сергію, и съ нимъ завелъ рѣчь объ этомъ, настаивая исключить изъ этихъ главъ (составленныхъ послѣ бывшаго присоединенія монофизитовъ) выраженіе „одно дѣйствіе“. „Мы сочли это,— говоритъ Сергій о себѣ,—неудобнымъ. Сдѣлать это—значитъ разрушить и уничтожить все то, такъ хорошо устроившееся соглашеніе и единеніе какъ въ городѣ Александріи, такъ и по всѣмъ подчиненнымъ ему провинціямъ. Послѣ многихъ разсужденій съ упомянутымъ преподобнымъ Софроніемъ, мы предложили ему привести намъ свидѣтельства святыхъ и до-

стославныхъ отцевъ, въ которыхъ бы буквально повелѣвалось признавать во Христѣ два дѣйствія, но онъ былъ не въ состояніи этого сдѣлать. (Надо замѣтить, что Сергій здѣсь сказалъ неправду). Принявъ во вниманіе, что и между нѣкоторыми изъ здѣшнихъ начало разгораться преніе и зная, что изъ такихъ любопреній всегда происходили еретическія разномыслія, мы сочли необходимымъ приложить все стараніе къ прекращенію и уничтоженію этого излишняго словопренія и написали къ патріарху Александрійскому, чтобы онъ не позволялъ никому проповѣдывать объ одномъ или двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ Богѣ нашемъ, а лучше внушалъ бы исповѣдывать, какъ предали святые и вселенскіе соборы, что одинъ и тотъ же Сынъ Единородный дѣйствуетъ и по божеству, и по человѣчеству и что всякое богоприличное и человѣкоприличное дѣйствіе происходитъ нераздѣльно отъ одного и того же воплощеннаго Бога Слова и одному и тому же приписывается, исповѣдывать такъ ради того, что выраженіе „одно дѣйствіе“, хотя оно и употребляется нѣкоторыми изъ св. отцевъ, странно и возмутительно звучитъ въ ушахъ нѣкоторыхъ, предполагающихъ, что оно произносится въ смыслѣ уничтоженія двухъ естествъ, соединенныхъ во Христѣ Богѣ нашемъ неслитно и упостасно, чего отнюдь нѣтъ и да не будетъ, равно какъ соблазняетъ многихъ и выраженіе: „два дѣйствія“, какъ не употребляющееся ни у кого изъ божественныхъ и достославныхъ тайноводителей церкви. Не давно,—продолжаетъ далѣе Сергій, — благочестивый и богохранимый нашъ государь, находясь въ Едессѣ, удостоилъ насъ повелѣніемъ выбрать отеческія свидѣтельства, заключающіяся въ упомянутомъ выше догматическомъ сочиненіи блаженной памяти папы „Объ одномъ дѣйствіи и объ одной волѣ“, что мы и привели въ исполненіе. Но помня случившееся и зная, что отъ этого началось волненіе, мы довели до свѣдѣнія его благочестивѣйшей свѣтлости о томъ, что ненужно разыскивать о настоящемъ вопросѣ, а слѣдуетъ довольствоваться общеупотребительнымъ отеческимъ ученіемъ и исповѣдывать, что Единородный Сынъ Божій, Который есть истинный Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, одинъ равно дѣй-

ствуетъ и по божеству, и по человѣчеству и что отъ одного и того же воплощеннаго Бога происходитъ нераздѣльно и неразлучно вѣчное божественное и человѣческое дѣйствіе. Этому научаетъ насъ богоносный Левъ, ясно говоря: тотъ и другой образъ (т. е. образъ соединенія естествъ божескаго и человѣческаго во Христѣ) производитъ, что имѣетъ собственнаго сообща съ другимъ". Этимъ, собственно говоря, дѣловая часть посланія оканчивается. За симъ въ свиткѣ, принесенномъ отъ императора, слѣдуетъ отвѣтъ папы Онорія на изложеннное здѣсь посланіе Сергія. Отвѣтъ папы Гонорія на посланіе патріарха Сергія былъ составленъ въ духѣ Сергія.

Папа Гонорій съ одобреніемъ относится къ распоряженіямъ Сергія, о коихъ тотъ сообщалъ папѣ въ своихъ посланіяхъ, не одобряетъ патріарха Софронія, возбудившаго препирательство противъ Кира и Сергія, и, опираясь на тексты священнаго писанія, говорящіе о соединеніи естествъ во Христѣ, выводитъ изъ нихъ заключеніе, что слѣдуетъ исповѣдовать во Христѣ одну волю. Для ясности приведемъ нѣсколько строкъ изъ мудрованія Оноріева: „Какъ представить изумленному уму несомнѣннымъ соединеніе двухъ естествъ съ сохраненіемъ ихъ особности? Согласно съ этимъ и апостолъ сказалъ: глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную. Такъ какъ божество не могло ни распинаться, ни страдать, то только по причинѣ неизреченнаго соединенія божескаго и человѣческаго естества говорится — Богъ страдалъ. Отсюда мы исповѣдуемъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и одну волю, ибо ясно—наше естество принято божествомъ, не грѣховное, а естество, созданное прежде грѣхопаденія".

Имѣя въ виду трудность излагаемаго вопроса, папа и съ своей стороны выражаетъ согласіе съ Сергіемъ въ томъ, что изъ этого пункта не слѣдуетъ созидать предметъ догматической обязательности. „Не должно обращать въ церковные догматы того, чего не изслѣдовали соборы, ни заблагоразсудили разъяснить законныя власти, чтобы кто-нибудь осмѣлился проповѣдывать въ Господѣ Іисусѣ Христѣ одно или два дѣйствія, о чемъ не рѣшили ни евангельскія, ни апо-

стольскія писанія, ни соборныя опредѣленія, а развѣ учили, что-то какіе-то, какъ мы сказали, косноязычные, нисходя къ понятіямъ и мыслямъ младенчествующихъ, не должно относить къ церковнымъ догматамъ того, что каждый выдаетъ какъ собственную мысль по собственному разумѣнію. Божественное писаніе ясно показываетъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ и Слово Божіе, чрезъ Котораго все произошло, одинъ дѣйствуетъ по божеству и по человѣчеству. А какъ нужно говорить или мыслить: одно или два дѣйствія совершаются тогда, когда обнаруживаются дѣянія божества и человѣчества, это насъ не касается, мы предоставляемъ это грамматикамъ или писателямъ по ремеслу, которые въ своихъ произведеніяхъ для дѣтей имѣютъ обыкновеніе выставлять на показъ обрѣтающіяся у нихъ имена. Мы должны отвергнуть то, что по новости выраженія производитъ соблазнъ въ святыхъ Божіихъ церквахъ, чтобы младенчествующіе, преткнувшись о названіе „два дѣйствія“, не подумали, что мы сочувствуемъ несторіанскому безумію, или если бы стали исповѣдывать одно дѣйствіе — не показаться исповѣдующими глупость евтихіанъ. Избѣгая нововведеннаго выраженія „одно или два дѣйствія“, будемъ проповѣдывать въ духѣ православной вѣры и каѳолическаго единства, что одинъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго, Богъ истинный дѣйствуетъ въ двухъ естествахъ по божеству и по человѣчеству“.

Припомнимъ, что свитокъ, присланный отъ императора, чтеніемъ котораго заняты были члены собора въ обозрѣваемое нами время, былъ для членовъ собора неожиданностію, и потому, когда потребовалось выражать сужденіе и опредѣленіе о немъ, то члены собора потребовали себѣ времени для разсмотрѣнія и обсужденія всего по домамъ. На слѣдующее засѣданіе. когда опять поставленъ былъ вопросъ о томъ, какъ судить о хартіяхъ, содержащихся въ свиткѣ, присланномъ отъ императора, то члены собора единогласно высказались такъ: „Разсматривали мы догматическія посланія, написанныя Сергіемъ, бывшимъ патріархомъ сего города, къ Киру, бывшему тогда епископомъ Фасидскимъ, и Гонорію,

бывшему папѣ Римскому, а также и отвѣтное посланіе сего послѣдняго Онорія къ Сергію и нашедши, что они совершенно чужды апостольскому ученію и опредѣленіямъ св. соборовъ и всѣхъ славныхъ св. отцевъ, а слѣдуютъ лжеученіямъ еретиковъ, совершенно отвергаемъ ихъ и гнушаемся, какъ душевредныхъ. Нечестивыхъ догматовъ ихъ мы отвращаемся, а имена ихъ присудили исключить изъ святой церкви Божіей, именно имена: Сергія, Пирра, Павла и Петра, бывшихъ патріарховъ Константинополя, потомъ Ѳеодора, бывшаго епископа Фаранскаго, и опредѣляемъ подвергнуть ихъ анаѳемѣ; кромѣ того мы находимъ нужнымъ вмѣстѣ съ ними извергнуть изъ святой Божіей церкви и предать анаѳемѣ Гонорія, бывшаго папу древняго Рима, потому что изъ писемъ его къ Сергію мы убѣдились, что онъ вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе и подтвердилъ сіе нечестивое ученіе. Разсматривали мы и соборныя посланія блаженной памяти Софронія, бывшаго патріарха св. града Іерусалима, и нашедши ихъ согласными съ истинной вѣрою и сообразными съ ученіемъ апостоловъ и св. славныхъ отцевъ, признали ихъ за православныхъ и приняли за полезныя св. каѳолической и апостольской церкви и признали справедливымъ внести имя его въ священные диптихи св. церкви".

Много времени послѣ сего проведено было въ изысканіяхъ о томъ, въ какихъ сочиненіяхъ и въ какихъ выраженіяхъ еретичествующіе учители (Сергій, Пирръ, Павелъ, Петръ и Онорій) выражали свое ученіе. Послѣ всѣхъ пересмотровъ на соборѣ единодушно рѣшено было всѣ свитки, гдѣ содержались погрѣшительныя выраженія, предать огню и вмѣстѣ съ тѣмъ преданы проклятію составители поддѣльнаго слова Мины къ Вигилію и поддѣльныхъ книжекъ Вигилія къ императору Юстиніану и Августѣ Ѳеодорѣ.

Весьма благовременнымъ и весьма благоприличнымъ заключеніемъ всѣхъ этихъ изысканій было заявленіе епископовъ съ острова Кипра: Ѳеодора, Стратоника и Тихона, что у нихъ есть подъ руками свидѣтельства разныхъ святыхъ и славныхъ отцевъ, подтверждающія двѣ естественныя воли и два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія

Господа нашего Іисуса Христа. Въ числѣ сихъ свидѣтельствъ находится свидѣтельство св. Аѳанасія Александрійскаго изъ слова на текстъ: „Нынѣ душа моя возмутися“. Въ этомъ словѣ, говоря о страданіяхъ Спасителя, св. Аѳанасій, между прочимъ, выражается: „Хотя Онъ и Богъ, но во плоти и по плоти исполняетъ послушаніе и надъ волею плоти торжествуетъ волею божества, какъ Онъ сказалъ: яко снидохъ съ небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца, называя Своею волею волю плоти, поелику плоть стала собственною Ему, а божественная воля Сына нераздѣльна отъ воли Бога Отца. Волѣ плоти надлежало быть побѣжденной, подчиниться волѣ божественной. Нѣтъ человѣка, который бы не уклонился отъ воли Божіей сколько-нибудь, или когда-нибудь; въ одномъ только Христѣ сохранилась неуклонность воли“. По выслушаніи сей выдержки соборъ провозгласилъ: „И нынѣ въ почтенномъ словѣ славный Аѳанасій понятно объяснилъ двѣ естественныя воли въ домостроительствѣ воплощенія единаго отъ Святыя Троицы Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего“.

Когда подходило къ концу занятіе разсматриваемаго засѣданія, Дометій, епископъ Прусіадскій, доложилъ собору, что нѣкто пресвитеръ и монахъ Полихроній, единомысленникъ еретиковъ Макарія и Стефана, безъ всякаго стѣсненія увлекаетъ простыхъ людей своимъ нечестивымъ лжеученіемъ. „Не угодно ли вашей святости, чтобы онъ прибылъ къ вамъ и показалъ относительно своей собственной вѣры“. Соборъ, утомленный на сей разъ занятіями уже пройденными, опредѣлилъ разсмотрѣть дѣло о Полихроніѣ въ слѣдующее засѣданіе. Въ слѣдующее засѣданіе, когда Полихроній былъ допущенъ въ залу занятій собора и когда его спросили, какъ онъ исповѣдуетъ относительно домостроительства воплощенія, Полихроній, не задумываясь долго, объявилъ ни больше, ни меньше, какъ слѣдующее: „Я дамъ исповѣданіе своей вѣры на гробѣ мертвеца съ призываніемъ Сына Божія, чтобы Онъ воскресилъ его; если же онъ не встанетъ, то вотъ соборъ и императоръ, пусть будетъ со мною, что имъ угодно“. Соборъ пожелалъ знать, какое исповѣданіе вѣры Полихроній желаетъ

положить на мертвеца, чтобы воскресить его. Полихроній отвѣчалъ: „я положу мое исповѣданіе поверхъ мертвеца и тогда вы прочтете“. Прежде, чѣмъ возлагать хартію на мертвеца, соборъ потребовалъ, чтобы ее распечатать и прочитать. Хартія оказалась съ такимъ содержаніемъ: „Я, Полихроній, привѣтствую и покланяюсь кротчайшему и боговѣнчанному великому императору Константину такъ, какъ бы я былъ въ его присутствіи. И видѣлъ я множество мужей въ бѣлыхъ одеждахъ и въ срединѣ мужа, о доблести котораго я не могу разсказать, который говорилъ мнѣ: поспѣшай, скажи императору Константину, чтобы онъ не выдумывалъ новой вѣры и не принималъ. И когда я шелъ изъ Иракліи въ Хризополь и остановился подъ палящимъ солнцемъ, видѣлъ я мужа страшнаго и очень блистающаго. Онъ сталъ противъ меня, говоря: кто не исповѣдуетъ одной воли и богомужнаго дѣйствія, тотъ не христіанинъ. Я сказалъ: это предопредѣлилъ и премудрый императоръ Константинъ: одну волю и богомужное дѣйствіе; онъ сказалъ: очень хорошо и богоугодно“. Соборъ спросилъ у Полихронія: его ли собственной рукой написано то, что содержится въ настоящей хартіи, и эта ли хартія, которую Полихроній желаетъ возложить на мертвеца, чтобы воскресить его. Когда Полихроній высказалъ на сей вопросъ отвѣтъ въ положительномъ смыслѣ, то соборъ опредѣлилъ разрѣшить Полихронію привести въ исполненіе его намѣреніе. Приспособили предпріятіе къ похоронной процессіи: на большой площади, недалеко отъ дворца, въ присутствіи собора сановниковъ и громадной массы народа Полихроній положилъ на мертвеца свои хартіи и не смотря на то, что ждалъ нѣсколько часовъ и нашептывалъ мертвецу, въ концѣ всего долженъ былъ признаться: „я не могу воскресить мертваго“. Народъ заволновался съ воплями: „анаѳема новому Симону, анаѳема Полихронію, обольстителю народа“. По утишеніи волненія, когда всѣ попрежнему собрались въ залѣ засѣданія, соборъ и сановники, предполагая, что неудача выходки ожесточеннаго суевѣра расположитъ его къ раскаянію, спросили было Полихронія: исповѣдуетъ ли онъ двѣ естественныя воли и два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплo-

щенія? Но Полихроній съ прежнимъ ожесточеніемъ отвѣчалъ: „какъ говорится въ хартіи, которую я подалъ и положилъ на мертвеца, такъ я вѣрую въ одну волю и богомужное дѣйствіе и другого ничего не говорю". Соборъ еще разъ спросилъ Полихронія: „кто написалъ хартію, которую ты подалъ". Полихроній отвѣчалъ: „я собственною рукою". Тогда соборъ, не видя болѣе никакой надежды склонить еретика къ раскаянію, постановилъ о немъ такое опредѣленіе: „Послѣ того, какъ пресвитеръ и монахъ Полихроній дожилъ въ своемъ зломысліи до старости, а нынѣ, не смотря на наши увѣщанія относительно того, какъ онъ мудрствуетъ о вочеловѣченіи Господа нашего Іисуса Христа, дерзнулъ искушать Св. Духа и составилъ богохульную хартію, не устыдился сказать, что, положивъ эту хартію на мертвеца, онъ воскреситъ тою изъ мертвыхъ, мы уже предали его въ душѣ анаѳемѣ, о которой говоритъ св. апостолъ Павелъ. Но для удостовѣренія христолюбивыхъ народовъ, изъ которыхъ очень многихъ обольщали въ прежнее время и онъ, и его единомышленники, мы дозволили, чтобы совершилась всенародно его несбыточная затѣя и безумное и дерзкое предположеніе, и вотъ послѣ того, какъ принесенъ былъ на средину найденный имъ мертвецъ, въ присутствіи нашемъ и славнѣйшихъ сановниковъ и множества христолюбиваго народа онъ положилъ на мертвеца свое нечестивое сочиненіе, какъ предполагалъ, и очень долгое время, сколько хотѣлъ, стоялъ у этого мертвеца и нашептывалъ про себя, что думалъ, пока не сказалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, постановляемъ, чтобы онъ, какъ соблазнитель и обольститель народа и явный еретикъ, лишенъ былъ всякаго священнаго чина и священнослуженія: еретику Полихронію и мудрствующимъ за одно съ нимъ анаѳема; Макарію, Стефану и Полихронію анаѳема; Троица низложила сихъ трехъ".

Прежде, чѣмъ приступать къ окончательнымъ заключительнымъ постановленіямъ относительно разсмотрѣннаго вопроса, сановники предложили вниманію отцевъ собора припомнить и сообразить обстоятельно, не упущено ли что-нибудь изъ относящагося къ точнѣйшему уразумѣнію настоя-

щаго предмета и не нужно ли собору войти въ болѣе подробное изслѣдованіе. Порѣшили было назначить еще одно особое засѣданіе къ пересмотру всего, что было разсмотрѣно и постановлено. Уже послѣ этого предпослѣдняго собранія соборъ назначилъ еще одно послѣднее собраніе для регламентаціи всѣхъ своихъ постановленій. На этомъ засѣданіи опять присутствовалъ самъ императоръ. Засѣданіе открылось рѣчью, въ которой Ѳеодоръ, старшій нотарій патріарха Константинопольскаго Георгія, обращаясь къ императору, восхваляетъ его усердіе къ дѣламъ церкви, видное изъ того, что императоръ, при множествѣ занятій по дѣламъ гражданскимъ, находитъ возможность удѣлять изъ своего времени и на дѣла церковныя. Все это въ частности подтверждается и присутствіемъ императора въ настоящемъ засѣданіи. Обращаясь къ занятіямъ собора, нотарій изъясняетъ, что „соборъ въ теченіе продолжительнаго времени съ достодолжнымъ тщаніемъ изслѣдовалъ вопросъ о непорочной нашей христіанской вѣрѣ, уничтожилъ какимъ-то образомъ возникшее разногласіе относительно православія и въ настоящее время произнесъ точное опредѣленіе, утверждающееся на св. писаніи и согласное съ ученіемъ св. отцевъ въ утвержденіе правыхъ догматовъ благочестія и въ славу благочестиваго царства“.

Опредѣленіе вѣры VI вселенскаго собора, упомянувъ въ началѣ о томъ поводѣ, по которому оно составляется, признаетъ авторитетъ прежнихъ вселенскихъ соборовъ и приводитъ символы вѣры соборовъ—Никейскаго и Никео-Цареградскаго. Закончивъ символъ Никео-Цареградскій, опредѣленіе VI собора продолжаетъ: „Конечно, для совершеннаго познанія и утвержденія православной вѣры достаточно сего благочестиваго и православнаго символа божественной благодати. Но какъ искони не бездѣйствовалъ изобрѣтатель зла, нашедшій себѣ помощника въ зміѣ и чрезъ него привнесшій въ человѣческую природу смертоносный ядъ, такъ и нынѣ, нашедши пригодные для собственнаго своего желанія органы, именно: Ѳеодора, бывшаго епископа Фаранскаго, Сергія, Пирра, Павла и Петра, бывшихъ предстоятелей сего цар-

ствующаго города, и еще Гонорія, бывшаго папу древняго Рима, Кира, епископствовавшаго въ Александріи, Макарія, бывшаго въ недавнее время предстоятелемъ Антіохіи, и Стефана, ученика сего послѣдняго, онъ не замедлилъ возбудить чрезъ нихъ въ полнотѣ церкви соблазнъ заблужденія, въ новыхъ словахъ посѣявъ въ православномъ народѣ ересь одной воли и одного дѣйствія въ двухъ естествахъ единаго отъ Святыя Троицы Христа, истиннаго Бога нашего, согласную съ безумнымъ замышленіемъ нечестивыхъ Севера и Ѳемистія, старающуюся посредствомъ какой-то коварной выдумки уничтожить полноту вочеловѣченія того же самаго единаго Господа Іисуса Христа Бога нашего, безславно вводящую въ немъ плоть безъ воли и дѣятельности, одушевленную духовно".

Противъ сего-то новоизобрѣтеннаго лжеумышленія новособранный соборъ, положивъ въ основаніе для себя достоуважаемыя посланія Римскаго папы Агаѳона, опредѣленія V вселенскаго собора, посланія Льва, папы Римскаго, постановилъ „исповѣдывать во Христѣ два естественныя хотѣнія или воли нераздѣльно и неизмѣнно, неразлучно, неслитно и двѣ естественныя воли, не противоположныя, какъ говорили нечестивые еретики (да не будетъ), но человѣческая Его воля уступаетъ, не противорѣчитъ или противоборствуетъ, а подчиняется Его божественной и всемогущей волѣ. Не будемъ выдавать за одно естественнаго дѣйствія Бога и твари, чтобы не низвести превосходства божественнаго естества на мѣсто, приличное твари. Вѣруя, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть одинъ отъ Свят. Троицы, говоримъ, что два Его естества проявились въ одной Его ипостаси съ обнаруженіемъ естественнаго различія въ той же одной ипостаси въ томъ, что то и другое естество хочетъ и производитъ свойственное себѣ въ общеніи съ другимъ. Поэтому-то мы и признаемъ двѣ естественныя воли и дѣйствія, согласно сочетавшіяся между собою для спасенія рода человѣческаго".

Послѣ благословеній императору, благожеланій сотрудникамъ православія и проклятія еретикамъ, соборъ въ заключеніе провозгласилъ: „проповѣдывавшимъ, проповѣдую-

щимъ и имѣющимъ проповѣдывать одну волю и одно дѣйствіе въ воплощенномъ домостроительствѣ Христа Бога нашего—анаѳема". Послѣднее засѣданіе собора было заключено пространнѣйшею рѣчью отъ собора императору. Рѣчь не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго: тѣ же самыя обстоятельства созванія собора, занятія его — основанія для его опредѣленій и тому подобное. Для образца развѣ послушаемъ тирады двѣ—три: „Видалъ ли кто такое страшное зрѣлище? Впереди насъ находилось духовное поприще и раздѣвался поборникъ лжеименнаго знанія; но не зналъ онъ, что не надѣнетъ на себя вѣнца побѣднаго, а лишенъ будетъ и вѣнца священства. Съ нашей стороны верховнымъ борцомъ былъ первоапостолъ, ибо его подражатель и участникъ каѳедры помогалъ намъ и письмами и объяснилъ тайну богословія. Римъ-старецъ простеръ тебѣ богоначертанное исповѣданіе, хартія превратила въ отношеніи догматовъ вечеръ въ день, чернила издавали свѣтъ, чрезъ Агаѳона говорилъ Петръ и вмѣстѣ съ соцарствующимъ Вседержителемъ постановилъ царь самодержецъ, ты, богопоставленный. Слышите это всѣ, кто снялъ съ себя земную сѣнь и кто имѣетъ родиться снова; ибо присутствующимъ зрѣніе, а не слухъ доставляетъ удовлетвореніе. Единому премудрому и всемогущему Богу вознесемъ прилежно благодарственный гимнъ, воспѣвая: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ за то, что Христу-человѣколюбцу угодно было побудить христолюбивѣйшаго императора взять на себя посредство къ соединенію церкви. А ты, благосклоннѣйшій и правдолюбивѣйшій государь, воздай почтеніемъ Даровавшему тебѣ державу, приложи къ нашимъ опредѣленіямъ печать — ваше письменное императорское утвержденіе и подтверди все это высочайшими эдиктами и обычными благочестивыми постановленіями, чтобы никто не противорѣчилъ сдѣланному нами или не поднималъ новаго вопроса". И далѣе до самаго конца рѣчи греческое ораторское краснорѣчіе. Въ подписи дѣяній собора, между прочимъ, значится: „Константинъ во Христѣ Богѣ императоръ и самодержецъ Римскій читали и согласились". Копіи съ дѣяній собора, по соборному же опредѣленію, были доставлены пяти

патріархамъ: Римскому, Константинопольскому, Александрійскому, Антіохійскому и Іерусалимскому. Въ частности къ папѣ Римскому, кромѣ списка дѣяній, было препровождено отъ собора особое посланіе, какъ знакъ признательности за то участіе, какое принялъ папа въ рѣшеніи вопроса, занимавшаго соборъ. Читателю, подробно слѣдившему исторію собора, посланіе это не представляетъ собою ничего особенно интереснаго; начинается рѣчь благодарнымъ воспоминаніемъ о папскомъ посланіи къ собору, продолжается изъясненіемъ зловреднаго вліянія отъ лжеученія и пользы отъ обличенія его, заключается благожеланіемъ папѣ вѣчнаго спасенія. Одно развѣ обстоятельство можетъ обратить на себя вниманіе въ томъ посланіи: соборъ, между прочимъ, проситъ папу: „запечатлѣть опредѣленіе его, собора, о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ честнымъ отвѣтнымъ письмомъ". Поклонникъ папства можетъ возгордиться такою честію, прилагаемою къ папѣ; но и членъ православія восточнаго не придетъ въ удивленіе отъ этого пункта, такъ какъ усмотритъ здѣсь не больше, какъ выраженіе обычнаго почтенія, а не раболѣпнаго подчиненія папѣ со стороны церкви восточной. Для объявленія народу о томъ, что послѣдовало послѣ собора, составлено было пространное извѣщеніе и прибито подъ именемъ эдикта императорскаго въ третьемъ притворѣ великой церкви близъ такъ называемаго дикимвала. Прокламація повѣствуетъ чуть не обо всей исторіи собора и объ его постановленіяхъ, съ тою заключительною особенностію въ концѣ, что „ежели кто презритъ настоящее объявленіе, тотъ, ежели онъ епископъ, или клирикъ, или одѣтъ въ монашеское одѣяніе, подвергнется изверженію, ежели состоитъ въ числѣ должностныхъ лицъ, будетъ наказанъ конфискаціею имѣнія и лишеніемъ пояса, если находится въ состояніи частнаго человѣка, будетъ осужденъ на изгнаніе изъ сего царствующаго и вообще всякаго нашего города и сверхъ того не избѣжитъ наказанія отъ страшнаго и праведнаго суда".

Для полноты изложеннаго нами нужно еще замѣтить, что императоръ Константинъ вмѣстѣ съ посланіемъ къ папѣ

отъ собора посылалъ ему посланіе и отъ себя точно такого же содержанія, какъ и то, о коемъ сказали раньше. Папа Левъ, преемникъ Агаѳона, писалъ отвѣтное посланіе императору, но въ подробности ихъ содержанія входить нѣтъ никакого интереса. Въ достоинствѣ вселенскаго шестой соборъ признанъ уже соборомъ седьмымъ. Отъ VI вселенскаго собора мы имѣемъ 102 правила, служащія вмѣстѣ со многими другими основоположеніемъ церковнаго управленія.

Седьмой вселенскій соборъ.

У писателей церковной исторіи принято, когда подходятъ къ исторіи VII вселенскаго собора, прежде, чѣмъ приступать къ изложенію свѣдѣній историческихъ, распространяться въ объясненіи причинъ, отчего и почему появилось иконоборство? И чего-чего не приводятъ въ объясненіе этого явленія? И вліяніе-то магометанства, и внушеніе-то отъ евреевъ, и ревность-то императоровъ о процвѣтаніи имперіи, и развитіе суевѣрія въ обращеніи съ иконами и другими предметами почитанія и многое прочее подобное сему. Всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ и каждая въ отдѣльности, конечно, содѣйствовали одна болѣе, другая менѣе къ тому, что во святой церкви Христовой, можно сказать, нежданно, негаданно разразилась такая страшная буря; но при изысканіи причинъ къ объясненію того, отъ чего возникло иконоборство, нельзя, по моему мнѣнію, не допустить, что самою главною причиною, почему возникло иконоборство, было ошибочное пониманіе въ иконоборцахъ истинной религіозности, ея свойствъ и потребностей: смѣшивали истинную потребность религіознаго чувства съ служеніемъ суевѣрнымъ; тамъ, гдѣ дѣйствовала потребность религіозная, подозрѣвали гнѣздо суевѣрія и подъ предлогомъ уничтоженія суевѣрія подавляли существенныя потребности истинной религіозности. Значительную помощь къ уразумѣнію этой исходной точки можетъ оказать воспоминаніе о происшествіи съ Анною, матерію св. пророка Самуила; могло же составиться у Илія столь ошибочное и столь обидное для благочестивой женщины

представленіе о ней въ то время, какъ она находилась подъ вліяніемъ религіознаго возбужденія! Таковое же изліяніе религіознаго чувства могли встрѣчать и иконоборческіе императоры, и такъ какъ въ нихъ, при ошибочности представленія о причинахъ и источникахъ религіозной настроенности молящихся, было не мало грубости и жесткости воинственной, то и яснымъ становится, какъ могла собраться такая буря, какая собралась. Въ продолжительной исторіи иконоборства много можно встрѣтить такихъ фактовъ, которые именно наводятъ на эту мысль о причинѣ гоненія на святыя иконы. Какъ оправдается эта мысль, отвѣчать на это будутъ факты. При этой главной, можно сказать, иниціативной мысли, помогающей понять то, какъ возникло иконоборство, нельзя отказать въ признаніи важнаго, хотя и не первостепеннаго значенія другой причинѣ—слабости въ характерѣ и человѣкоугодничеству нѣсколькихъ лицъ изъ первостоятельствовавшихъ въ церкви; на это весьма мѣтко указываетъ св. патріархъ Тарасій въ донесеніи своемъ императорамъ—Константину и Иринѣ по окончаніи всѣхъ занятій VII вселенскаго собора. Въ донесеніи этомъ, собираясь обстоятельно излагать пережитыя обстоятельства церковныя и въ самомъ началѣ говоря о побужденіяхъ къ созванію собора, св. патріархъ, между прочимъ, пишетъ: „Появились мужи, имѣющіе видъ благочестія, ибо они облечены священнымъ саномъ, но отрицающіе его значеніе, къ которымъ вполнѣ приложимо обвиненіе, произнесенное пророкомъ противъ Вавилонскихъ священниковъ, гдѣ говорится: изыде беззаконіе изъ Вавилона отъ старецъ судей (Дан. XIII, 5). Вѣрнѣе сказать: они, составивъ каіафскій синедріонъ, явились изобрѣтателями нечестивыхъ догматовъ. Имѣя уста, переполненныя злословіемъ и горечью, они задумали пріобрѣсти славу въ дѣлахъ злыхъ и обладая языкомъ злорѣчивымъ и тростію (т. е. перомъ), готовою къ его услугамъ, т. е. къ услугамъ злого языка, они вооружились противъ изреченій, произнесенныхъ самимъ Богомъ, а царское священіе, народъ святой, лицъ, облекшихся во Христа и спасенныхъ благодатію Его отъ идольскаго заблужденія, обзывали идолопоклонниками. Имѣя коварныя мысли, они

простерли свои беззаконныя руки на живописныя изображенія честныхъ иконъ. При этомъ что было сдѣлано изъ мозаическихъ плиточекъ, то они перепортили, а что было сдѣлано изъ окрашеннаго воска, то сгладили и, такимъ образомъ, вмѣсто благолѣпія въ честныхъ храмахъ вышло безобразіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ они предали огню и то, что въ воспоминаніе о Христѣ Богѣ нашемъ и святыхъ Его было изображено на доскахъ; кратко сказать: они ограбили и привели въ безпорядокъ церкви наши. Они были въ одно и то же время и ересіархами, и іерархами; вмѣсто мира народу возвѣщали раздоръ, а вмѣсто пшеницы на пашняхъ церковныхъ посѣвали плевелы; вино они мѣшали съ водою и поили ближняго вредною смѣсью. Будучи на самомъ дѣлѣ аравійскими волками, они выдавали себя за облеченныхъ овечьею кожею и, искажая истину, прилѣплялись ко лжи".

Хотя патріархъ Тарасій и не раскрываетъ здѣсь побужденій, по коимъ намѣчаемые имъ іерархи и ересіархи рѣшались такъ дѣйствовать, но что они дѣйствовали такъ не столько по своему убѣжденію, сколько по человѣкоугодничеству, объ этомъ съ несомнѣнностію можно заключать изъ очень не малаго числа происшествій, имѣвшихъ мѣсто въ продолжительной исторіи иконоборства.

Послѣ этихъ непродолжительныхъ предварительныхъ объясненій мы можемъ обратиться и къ фактическому изложенію дѣла. Императоръ Левъ Исавръ, болѣе 10 лѣтъ уже правившій государствомъ и остававшійся во все это время покорнымъ сыномъ церкви подъ вліяніемъ разныхъ соображеній, вродѣ тѣхъ, о коихъ мы только передъ симъ предположительно предразсуждали, пришелъ къ мысли уничтожить въ церкви почитаніе святыхъ иконъ. Одинъ изъ Византійскихъ историковъ Θеофанъ (Leon annal, VI, p. 336) поставляетъ эту выходку Льва Исавра въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что около этого времени Льву Исавру захотѣлось было крестить нѣсколько евреевъ и монтанистовъ, но они отрекались и, между прочимъ, потому будто бы, что въ церкви Христовой идолопоклонство. Съ легкой руки Θеофана приведенное обстоятельство пошло странствовать

по исторіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно говорить о причинахъ иконоборства. Мы съ своей стороны удовольствуемся только указаніемъ на то, что такое объясненіе существуетъ, а сами обратимся къ сторонѣ фактической. Распорядившись на этотъ предметъ самоуправно, гдѣ ему приходило на мысль, но видя, что его распоряженія не вездѣ исполняются такъ, какъ бы ему желалось, а не исполняются потому именно, что это дѣло касается правителей церковныхъ, императоръ обращается къ патріарху Константинопольскому св. Герману и начинаетъ его склонять, чтобы онъ употребилъ свое участіе къ исполненію сумазбродной затѣи деспота. Разсчитывая подѣйствовать на патріарха ласками, Левъ принимаетъ личину кротости и начинаетъ, повидимому, съ покорностію упрашивать св. Германа, чтобы онъ съ своей стороны позаботился о томъ, какъ бы ослабить суевѣріе народное: „Въ первенствующія-де времена церкви допущены были неосмотрительныя учрежденія, отъ которыхъ воспиталось невѣжество въ народѣ и священники по невѣжеству своему увлекли народъ къ почитанію иконъ“. Такія мысли началъ высказывать императоръ. Патріархъ Германъ началъ разубѣждать иконоборца въ правдивости его сужденій, началъ защищать употребленіе святыхъ иконъ, говоря, что этотъ обычай церковный ведетъ начало свое отъ самихъ апостоловъ. Раздраженный противорѣчіемъ патріарха Левъ низвергаетъ его съ престола и возводитъ на мѣсто Германа, человѣка по сердцу своему—Анастасія. Анастасій почелъ для себя дѣломъ болѣе спокойнымъ и безопаснымъ войти въ соглашеніе съ видами императора, и святыя иконы, даже по соглашенію съ властьми церковными, повелѣно выносить изъ церквей, домовъ, приносить на площади и сожигать; священныя изображенія на стѣнахъ храмовъ уничтожать; изображенія Спасителя, Божіей Матери, св. угодниковъ, кои были поставлены въ городахъ на открытыхъ мѣстахъ, разрушать. Письменные памятники этого времени сохранили сказаніе, между прочимъ, объ одномъ обстоятельствѣ, незабвенно достопамятномъ: надъ воротами царскаго дворца былъ прикрѣпленъ образъ Спасителя, почитавшійся чудотворнымъ. Когда послѣдовало распо-

ряженіе объ уничтоженіи святыхъ иконъ всѣхъ и повсюду, то и въ этомъ мѣстѣ одинъ изъ начальниковъ тѣлохранителей съ солдатами поставили въ колоннадѣ у воротъ лѣстницы, чтобы достать и изломать этотъ образъ. Сбѣжалась толпа, гдѣ много было женщинъ, опрокинули лѣстницы; исполнители иконоборческаго повелѣнія, взбиравшіеся по нимъ, упали съ большой высоты и разбились о каменный помостъ. Тогда Левъ разсвирѣпѣлъ до крайности: повелѣно рубить и колоть составлявшихъ толпу; было убито очень много народу. Между прочими, въ это время была убита св. мученица Ѳеодосія. Свирѣпствуя безконтрольно въ Константинополѣ, Левъ задумалъ было распространить свое свирѣпство и по всѣмъ мѣстамъ, входившимъ въ составъ имперіи; но во многихъ изъ этихъ мѣстъ онъ встрѣтилъ себѣ оппозицію, какой, по всей вѣроятности, не ожидалъ. Съ азартными распоряженіями своими Левъ отнесся было и къ папѣ Римскому, требуя отъ папы, чтобы онъ принялъ мѣры къ устраненію иконопочитанія. Указъ императора къ папѣ въ его отдѣльномъ видѣ не сохранился, о содержаніи его мы можемъ судить уже по тому отвѣту, какой отправленъ былъ папою Григоріемъ II къ императору-иконоборцу.

Какъ видно изъ посланія папы Григорія ко Льву Исавру, этотъ иконоборецъ въ указѣ своемъ вставилъ такіе пункты: 1) иконы тоже, что идолы; 2) поклоняющіеся иконамъ тоже, что идолопоклонники; 3) не должно поклоняться рукотворенному никакому изображенію, изъ небесныхъ ли то предметовъ или изъ земныхъ (Исх. XX, 4) и 4) „разъясни мнѣ, писалъ, между прочимъ, императоръ папѣ, кто предалъ вамъ почитать и поклоняться рукотворенному; тогда я признаю, что это есть учрежденіе Божіе“.

Отвѣтное посланіе папы Григорія II на иконоборческое требованіе Льва Исавра составляетъ собою памятникъ весьма великой важности при изложеніи исторіи иконоборства и мы, чтобы не ослабить его силы передачею его въ сокращеніи. прочитаемъ его въ цѣлости — буквально [1]).

[1]) Д. в. с. т. VII, стр. 24 и дал.

Первое посланіе святаго отца нашего Григорія, папы Римскаго, къ императору Льву Исаврянину о святыхъ иконахъ.

Богохранимый императоръ и братъ! Грамоту твою, отправленную съ царскимъ спаѳарокандидатомъ [1]), мы получили. Всѣ полученныя со времени вступленія твоего на царство или съ 14 индиктіона посланія твои, т. е. какъ посланіе этого 14, такъ и посланія: 15, и 1, и 2, и 3, и 4, и 5, и 6, и 7, и 8, и 9 индиктіоновъ [2]) мы тщательно хранимъ въ святой церкви у подножія упокоенія [3]) святаго славнаго апостола и первоапостола Петра, гдѣ находятся также посланія и благочестиво царствовавшихъ христолюбивыхъ предшественниковъ твоихъ. И въ десяти своихъ посланіяхъ ты, какъ и слѣдовало императору-христіанину, давалъ доброе и благочестивое обѣщаніе постоянно соблюдать и хранить всѣ наставленія нашихъ святыхъ отцевъ и учителей, и что при этомъ главнѣе и важнѣе всего, такъ это то, что это твои посланія, а не чужія: къ нимъ приложены хорошо уцѣлѣвшія царскія печати и не менѣе хорошо сохранившіяся твои собственноручныя подписи киноварью [4]), какъ обыкновенно и подписываются императоры. Въ нихъ ты благочестиво и прекрасно излагалъ исповѣданіе не имѣющей порока православной вѣры нашей; этого мало: ты писалъ, что нарушающій и разрушающій опредѣленія отцевъ — проклятъ. И мы, получая такія (посланія), возсылали къ Богу хвалебное пѣніе потому, что Богъ, конечно, даровалъ тебѣ императорскую власть. Но если ты шелъ добрѣ, то кто плѣнилъ твой слухъ и изогнулъ твое сердце подобно изогнутому луку (Псал. XVII, 35), такъ что ты перевернулся лицомъ назадъ? Десять лѣтъ ты по милости Божіей добрѣ совершалъ путь свой; тебѣ и на умъ не приходило преслѣдовать

[1]) Спаѳарокандидатъ совмѣщалъ въ себѣ двѣ высокихъ придворныхъ должности—должность царскаго меченосца и должность царскаго тѣлохранителя.

[2]) Индиктіономъ (отъ indicere) называется годъ 5-лѣтняго періода времени; послѣ 15 индиктіона начинался снова индиктіонъ 1-й.

[3]) Въ латинскомъ — исповѣданія.

[4]) Красными чернилами.

святыя иконы, а нынѣ ты говоришь, что онѣ занимаютъ мѣсто идоловъ и что покланяющіеся имъ суть идолопоклонники и рѣшился совершенно уничтожить ихъ. И не побоялся ты суда Божія, вводя соблазнъ въ сердца людей не только вѣрныхъ, но и невѣрныхъ. Христосъ заповѣдуетъ тебѣ не соблазнять ни единаго отъ малыхъ сихъ, потому что и за малый соблазнъ прійдется идти во огнь вѣчный (Лук. XVII, 2). А ты соблазнилъ весь міръ, какъ будто ты и не думаешь узрѣть смерть и дать за это злосчастный отвѣтъ! Ты пишешь, что не должно покланяться творенію рукъ и всякому подобію, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, какъ сказалъ Господь (Исх. XX, 4), и говоришь: укажи мнѣ, кто повелѣлъ намъ почитать творенія рукъ и покланяться имъ. И я исповѣдую, что это есть законоположеніе Божіе. И почему, какъ императоръ и глава христіанъ, ты не спросилъ объ этомъ вѣрующихъ ученыхъ? А отъ нихъ ты узналъ бы вполнѣ, почему Богъ назвалъ идоловъ твореніемъ рукъ и не сталъ бы смущать и приводить въ недоумѣніе и замѣшательство неопытныхъ людей. Но ты отрекся отъ святыхъ отцевъ и учителей нашихъ, хотя и далъ собственноручное письменное обѣщаніе повиноваться и слѣдовать имъ. Наше писаніе, нашъ свѣтъ и спасительная сила наша — это святые и богоносные отцы и учители наши; объ этомъ засвидѣтельствовали намъ и шесть бывшихъ о Христѣ соборовъ, но ты не принялъ ихъ свидѣтельствъ. Пишемъ тебѣ безъ научныхъ пріемовъ по необходимости, такъ какъ ты человѣкъ неученый. Въ словахъ Божіихъ дѣйствительно заключается божественная сила и справедливость; но умоляемъ тебя Богомъ: оставь высокомѣріе и объявшую тебя гордость и съ искреннимъ смиреніемъ отверзи намъ слухъ свой. И да посвятитъ тебя Богъ въ истину того, о чемъ Онъ говорилъ. Богъ говорилъ по поводу идолопоклонниковъ, занимавшихъ землю обѣтованія. Они покланялись золотымъ, серебрянымъ и деревяннымъ животнымъ; покланялись всей твари и всѣмъ пернатымъ и говорили: вотъ наши боги и нѣтъ другого Бога. Слѣдовательно Богъ говорилъ, что не слѣдуетъ покланяться рукотвореннымъ дьявольскимъ образамъ, образамъ,

приносящимъ вредъ и достойнымъ проклятія. А есть рукотворенные образы, которые назначаются на служеніе Богу и во славу Его. Богъ желалъ собственный Свой народъ, освященный народъ еврейскій, ввести въ обѣтованную землю, какъ обѣщалъ Онъ это Аврааму, Исааку и Іакову, говоря. что дастъ имъ землю обѣтованія и сдѣлаетъ израильтянъ владѣтелями и наслѣдниками стяжанія идолопоклонниковъ, что сокрушитъ и совершенно истребитъ родъ этотъ, такъ какъ онъ осквернилъ и землю, и воздухъ преступными дѣяніями своими. Господь предупреждалъ и предограждалъ народъ Свой, чтобы онъ не впалъ въ идолопоклонство. Въ самомъ же народѣ израильскомъ Богъ избралъ двухъ мужей и благословилъ ихъ и освятилъ на дѣланіе рукотворенныхъ образовъ, но во славу и на служеніе Богу и на память потомству. Я разумѣю Веселеила и Эліава изъ колѣнъ Іудина и Данова (Исх. XXXI). Богъ говоритъ Моусею: истеши двѣ скрижали каменны (Исх. XXXVI, 2) и принеси ко Мнѣ. И Моусей истесалъ и принесъ. И написалъ Богъ собственнымъ перстомъ десять животворящихъ и безсмертныхъ заповѣдей. Далѣе Богъ говоритъ (Исхода XXV, 18 и слѣд.): сдѣлай херувимовъ и сдѣлай трапезу и позолоти ее внутри и снаружи; сдѣлай кивотъ изъ деревъ негніющихъ и на память вашимъ поколѣніямъ положи въ него свои свидѣтельства, т. е. скрижали, стамну, жезлъ и манну. Тѣ ли это рукотворенные образы и подобія, о которыхъ говоритъ Богъ или нѣтъ? Нѣтъ, это образъ во славу Божію и на служеніе Богу. Когда тотъ же великій Моусей со страхомъ пожелалъ видѣть образъ и подобіе Божіе, тогда онъ, чтобы не впасть въ заблужденіе, молилъ Бога, говоря (Исх. XXXIII, 18): открой мнѣ Себя такъ, чтобы я видѣлъ Тебя. И Господь сказалъ ему: если увидишь Меня, то умрешь; но войди въ ущелье скалы и увидишь задняя Моя. Богъ показалъ ему въ видѣніи тайну, сокровенную отъ прежнихъ вѣковъ и отъ родовъ. Но во время нашихъ родовъ, въ послѣдніе дни Онъ показалъ намъ Себя явно и вполнѣ — и задняя и передняя Своя, именно: увидѣвъ родъ человѣческій погибающимъ въ конецъ и умилосердившись надъ Своимъ созданіемъ, Онъ

послалъ Сына Своего, рожденнаго прежде вѣковъ, Который, нисшедши съ неба, вошелъ во чрево Пресвятой Дѣвы Маріи и заблисталъ во чревѣ Ея истинный свѣтъ. И крестился Господь въ рѣкѣ Іорданѣ и насъ крестилъ и сталъ раздавать намъ залоги богопознанія, чтобы мы не заблуждались; и, вошедши во Іерусалимъ, въ горницу святаго и славнаго Сіона, предложилъ намъ въ таинственную пищу святое тѣло Свое и напоилъ насъ истинною кровію Своею. Тамъ же Онъ омылъ и ноги наши. И мы ѣли и пили вмѣстѣ съ Нимъ и руки наши осязали Его, и Онъ сталъ извѣстенъ намъ. И предъ нами открылась истина, а соблазны и окружавшій насъ мракъ бѣжали отъ насъ и скрылись. И во всю землю изыде вѣщаніе Его и въ концы вселенныя глаголы Его (Римл. X, 18). Со всего міра, подобно орламъ, люди начали стекаться во Іерусалимъ.

Видѣвшіе Господа въ своихъ повѣствованіяхъ о Немъ изобразили Его такимъ, какимъ видѣли; видѣвшіе Іакова, брата Господня, въ своихъ повѣствованіяхъ о немъ также изобразили его такимъ, какимъ видѣли; видѣвшіе далѣе первомученика Стефана въ своихъ повѣствованіяхъ о немъ также изобразили его такимъ, какимъ видѣли; наконецъ, однимъ словомъ: видѣвшіе въ лицо мучениковъ, пролившихъ за Христа кровь свою, изобразили и ихъ. Увидѣвъ, наконецъ, эти изображенія, люди повсюду стали оставлять поклоненіе діаволу и принимать это новое поклоненіе, поклоненіе не безумно-рабское, но разумно-свободное. Какое поклоненіе покажется тебѣ, императоръ, справедливымъ: поклоненіе этимъ иконамъ или поклоненіе діавольскому обольщенію? Въ бытность Христа во Іерусалимѣ Авгарь, тогдашній князь и владыка Эдесскій, услышавъ о чудесахъ Христа, написалъ къ Нему посланіе, и Христосъ послалъ ему собственноручный отвѣтъ и святое славное изображеніе лица Своего. Пошли же за этимъ нерукотвореннымъ образомъ и посмотри. Туда стекаются во множествѣ народы востока и приносятъ молитвы. Много есть и другихъ, рукотворенныхъ образовъ, тщательно охраняемыхъ христолюбивымъ походомъ зрителей — образовъ, которымъ ты ежедневно покланялся.

Не ихъ ли теперь ты презираешь? Почему мы не описываемъ Отца Господа Іисуса Христа? Потому что мы не видѣли Его, да и не возможно наглядно представить и живописно изобразить естество Божіе. И если бы мы увидѣли и познали Его такъ же, какъ и Сына Его, то постарались бы описать и живописно изобразить и Его (Отца), чтобы и Его образъ ты кстати назвалъ также идоломъ. Совѣтуемъ Тебѣ, какъ братья во Христѣ: возвратись снова къ истинѣ, отъ которой ты удалился; оставь высокомѣріе и брось упорство свое; напиши потомъ объ этомъ всѣмъ и повсюду и возврати на путь истины соблазненныхъ и ослѣпленныхъ тобой, хотя ты, по неразумію своему, и не придаешь этому никакого значенія. Видитъ любовь Христова, что когда мы войдемъ въ храмъ святаго и верховнаго Петра и увидимъ живописное изображеніе этого святаго мужа, то приходимъ въ сокрушеніе и слезы наши льются подобно каплямъ, падающимъ во время сильнаго дождя съ неба. Христосъ возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, а ты ослѣпилъ людей, владѣвшихъ прекраснымъ зрѣніемъ, и сталъ имъ поперегъ дороги, хотя и не придаешь этому значенія; ты сдѣлалъ ихъ несмысленными и пресѣкъ имъ правый путь; ты лишилъ ихъ молитвы и бдительной, постоянной ревности по Богѣ и вмѣсто этого повергъ смиренныхъ людей въ сонъ, дремоту и нерадѣніе; ты обезглавилъ ихъ. Ты говоришь, что мы покланяемся камнямъ, стѣнамъ и доскамъ. Это не такъ, императоръ, какъ ты говоришь: иконы служатъ намъ только средствомъ для напоминанія; онѣ пробуждаютъ и возносятъ нашъ лѣнивый, неискусный и грубый умъ въ горній міръ, предметамъ котораго мы не можемъ не давать именъ, названій и образовъ. Мы почитаемъ иконы не какъ боговъ, какъ ты говоришь, да не будетъ! Мы не на нихъ возлагаемъ надежды. Если предъ нами находится икона Господа, мы говоримъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помоги намъ и спаси насъ! А если предъ нами икона Святой Его Матери, то мы говоримъ: Святая Богородице, Мати Господа, будь нашею заступницею предъ Сыномъ Твоимъ, истиннымъ Богомъ нашимъ, во спасеніе душъ нашихъ! Если же икона мученика, напр. Стефана, то

говоримъ: святый Стефане, излившій кровь твою за Христа и имѣющій предъ Богомъ дерзновеніе, какъ первомученикъ, будь нашимъ заступникомъ! Такъ мы обращаемся и ко всякому другому святому мученику. Вотъ куда возсылаемъ мы молитвы при посредствѣ иконъ. Это не то, что ты говоришь, императоръ, т. е. будто мы называемъ мучениковъ богами. Заклинаю тебя Богомъ живымъ, отврати умъ свой отъ зла и освободи душу свою отъ соблазновъ и проклятій, какія сыплются на тебя со всѣхъ концовъ вселенной; надъ тобой смѣются даже малыя дѣти. Заверни въ элементарныя училища и скажи: „я истребитель и преслѣдователь иконъ“, и тотчасъ ученики забросаютъ твою голову своими дощечками; и чему ты не научился у разумныхъ, тому научишься у неразумныхъ. Ты писалъ: „Озія [1]), царь іудейскій, приказалъ вынести мѣднаго змія изъ храма, а я приказалъ вынести идоловъ изъ церкви“. Поистинѣ, Озія былъ братъ твой и имѣлъ такое же упорство, какъ и ты; онъ въ свое время такъ же преслѣдовалъ священниковъ, какъ ты теперь. Этого змія освященный Давидъ внесъ во храмъ вмѣстѣ съ кивотомъ. Ибо что это такое было, какъ не тотъ мѣдный змій, который былъ освященъ Богомъ для исцѣленія болящихъ, уязвляемыхъ змѣями? Господь сдѣлалъ изъ него средство уврачеванія грѣшниковъ, чтобы показать людямъ того, кто ввелъ въ грѣхъ первое созданіе, сотворенное Богомъ, Адама и Еву и напоминать имъ о Немъ; а ты, какъ самъ хвалишься, изгналъ изъ церквей Божіе благословеніе и святыню мучениковъ. Въ началѣ ты добровольно, а не по принужденію какому-нибудь, исповѣдывалъ истинную вѣру, а потомъ, собственноручно подписавъ написанное тобою къ намъ, ты самъ обрушилъ на свою голову проклятіе. Мы же, какъ имѣющіе право, власть и силу отъ св. верховнаго Петра, думали также наложить на тебя проклятіе, то и оставайся съ нимъ, а вмѣстѣ съ тобою подвергнутся ему и твои совѣтники, которыхъ ты опуталъ. Какое, значитъ, прекрасное намѣреніе и какой благой путь пресѣкъ ты этимъ людямъ?

[1]) Не Озія, а Езекія сокруши змію мѣдяную (IV Царст. 18).

Видитъ любовь Христова: когда мы сами входимъ въ церковь и разсматриваемъ изображенія чудесъ Господа Іисуса Христа, а также изображенія Святой Его Матери, имѣющей на рукахъ питающагося млекомъ Господа и Бога нашего, а равно ангеловъ, стоящихъ кругообразно и взывающихъ трисвятую пѣснь, то выходимъ изъ храма не безъ сердечнаго сокрушенія. Да и кто не будетъ, подобно намъ, сокрушаться и не прольетъ слезъ умиленія, взирая на купели, на стоящихъ кругообразно священниковъ, на таинственную вечерю, на исцѣленіе слѣпого, на воскрешеніе Лазаря, на исцѣленіе прокаженнаго и разслабленнаго, на возлежанія на травѣ, на короба и корзины съ остатками хлѣба, на преображеніе на горѣ Θаворѣ, на распятіе Господа, на Его гробъ, на Его воскресеніе и святое вознесеніе и на сошествіе Духа Святаго? Кто не будетъ сокрушаться и не прольетъ слезъ, взирая на изображеніе Авраама съ мечемъ, грозно поднятымъ надъ шеей сына. Кто не будетъ сокрушаться и не прольетъ слезъ, взирая вообще на всѣ страданія Господа? Императоръ! предоставь себѣ лучше называться еретикомъ, нежели гонителемъ и истребителемъ иконъ и наглядныхъ изображеній страданій Господнихъ. Но скажешь, худо и не прилично называться еретикомъ. Я же спрошу тебя: почему? Еретикомъ объявляютъ человѣка, когда онъ извѣстенъ немногимъ людямъ и когда обольщенія его встрѣчаютъ затрудненія — мысли перепутаны и неудобопонятны. И такіе, не имѣющіе смиренія, проповѣдники своихъ собственныхъ догматовъ тотчасъ обнаруживаютъ свое незнаніе и ослѣпленіе и падаютъ. Они не въ такой степени подлежатъ осужденію, какъ ты. Ты началъ открытое преслѣдованіе того, что ясно, какъ день, и обнажилъ церкви Божіи. Святые отцы ихъ одѣли и украсили, а ты раздѣлъ ихъ и обнажилъ. И это сдѣлалъ ты при такомъ многоопытномъ архіереѣ! Я разумѣю господина Германа, брата нашего и сослужителя. Съ нимъ ты долженъ былъ посовѣтоваться, какъ съ отцемъ и учителемъ и какъ съ человѣкомъ, который старше тебя и отличается большою опытностію въ дѣлахъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ.

Этотъ мужъ совершаетъ нынѣ девяносто пятый годъ и былъ совѣтникомъ всѣхъ бывшихъ при немъ патріарховъ и императоровъ. Онъ не зналъ отдыха, потому что былъ полезенъ въ дѣлахъ того и другого рода. Переставъ имѣть его своимъ сподручникомъ, ты сталъ слушать нечестиваго сына Апсимарова и подобныхъ ему. Когда господинъ Германъ и бывшій тогда патріархомъ господинъ Георгій убѣдили отца Юстиніанова, сына Константова, Константина написать къ намъ въ Римъ, такъ вотъ что писалъ онъ намъ съ клятвою (давъ при этомъ намъ приказаніе послать полезныхъ людей для созванія вселенскаго собора): „я буду засѣдать съ ними не какъ императоръ и буду говорить не какъ государь, но какъ одинъ изъ нихъ; мы будемъ слѣдить за постановленіями архіереевъ и принимать мнѣнія тѣхъ, которые говорятъ хорошо, а говорящихъ худо будемъ преслѣдовать и ссылать въ ссылку. Если отецъ мой низвратилъ какое-либо ученіе чистой и непорочной вѣры, то я первый предамъ его анаѳемѣ“. И мы по Божіему соизволенію отправили тогда пословъ и мирно состоялся шестый соборъ. Ты знаешь, императоръ, что догматы святой церкви—дѣло не императоровъ, но архіереевъ и должны быть точно и вѣрно опредѣляемы. Для этого-то и поставлены въ церквахъ архіереи, мужи свободные отъ дѣлъ общественныхъ. И императоры поэтому должны удерживать себя отъ вмѣшательства въ дѣла церковныя и заниматься тѣмъ, что имъ вручено. Но когда все совершается мирно и съ любовію, тогда христолюбивые императоры и благочестивые архіереи въ своихъ совѣщаніяхъ являются одной нераздѣльной силой. Ты писалъ, что слѣдуетъ созвать вселенскій соборъ; намъ показалось это безполезнымъ. Ты преслѣдуешь иконы, ругаешься надъ ними и истребляешь ихъ. Сдѣлай намъ милость — оставь это дѣло и замолчи, тогда міръ успокоится и соблазны прекратятся. Представь, что мы послушались тебя, что архіереи собрались со всей вселенной, что возсѣдаетъ уже синклитъ и совѣтъ; но гдѣ же христолюбивый и благочестивый императоръ, который, по обыкновенію, долженъ засѣдать въ совѣтѣ и чествовать тѣхъ, которые говорятъ хорошо, а тѣхъ, ко-

торые удаляются отъ истины, преслѣдовать, когда ты самъ, императоръ, являешься человѣкомъ непостояннымъ и варваромъ? Развѣ ты не знаешь, что сдѣланное тобою покушеніе на святыя иконы свидѣтельствуетъ о твоемъ непостоянствѣ, тщеславіи и гордости? Въ то время, какъ Божіи церкви наслаждались глубокимъ миромъ, ты возбудилъ распри, вражду и соблазны. Оставь свои замыслы и успокойся и не будетъ надобности въ соборѣ. Напиши всѣмъ (во всѣ страны вселенной), кого ты ввелъ въ соблазнъ, будто Германъ, патріархъ Константинопольскій, и Григорій, папа Римскій, впали въ ошибку относительно иконъ, и мы снимемъ съ тебя заботу о грѣхѣ и заблужденіи твоемъ, такъ какъ получили отъ Бога власть разрѣшать на землѣ и на небѣ. Свидѣтель Богъ, сколько ты ни писалъ къ намъ посланій, мы всѣ ихъ доводили до ушей и сердецъ царей запада, стараясь примирить ихъ съ тобою и восхвалить и возвеличить тебя предъ ними, такъ какъ мы знали, какъ жилъ ты прежде. Поэтому-то и портреты твои они принимали съ такою честію, какую оказываютъ обыкновенно цари другъ другу при встрѣчѣ. Такъ относились они къ тебѣ, пока не знали о сдѣланномъ тобою распоряженіи относительно иконъ. Но вотъ они освѣдомились и достовѣрно узнали, что ты посылалъ спаѳарокандидата Іувина къ мѣднымъ воротамъ разрушить статую Спасителя, при которой совершалось много чудесъ. Тамъ находились ревностныя женщины, которыя умоляли спаѳарокандидата, говоря: нѣтъ, нѣтъ, не дѣлай этого! Но онъ не внялъ ихъ просьбамъ, поставилъ лѣстницу и, поднявшись по ней, трижды ударилъ топоромъ въ лицо Спасителя. Видя это и не имѣя силъ перенести такого нечестія, женщины отодвинули лѣстницу и бичами засѣкли его до смерти. А ты, ревнитель зла, послалъ туда драбантовъ и не знаю уже, сколько убилъ тамъ женщинъ, тогда какъ тутъ находились коммерческіе люди изъ Рима, Франціи, изъ вандаловъ, изъ Мавританіи, изъ готѳовъ, словомъ, со всѣхъ внутреннихъ странъ запада. Прибывъ на родину, они разсказали каждый въ своей странѣ о твоихъ ребяческихъ поступкахъ. Тогда всюду стали бросать твои портреты на землю, попирать ихъ ногами и уро-

довать твое лицо. Затѣмъ лонгобарды и сарматы и прочіе смѣжные народы, жившіе на сѣверѣ, напали на бѣдный Декаполь, заняли самую митрополію Равенну, изгнали твоихъ правителей и поставили своихъ. Также хотятъ они поступить и съ принадлежащими намъ царскими чертогами, и съ Римомъ, потому что ты не можешь вступиться за насъ. И все это послѣдствія твоего неблагоразумія и твоей глупости. Ты стращаешь насъ и говоришь: „пошлю въ Римъ войско и истреблю икону святаго Петра, а тамошняго архіерея Григорія постараюсь привести связаннымъ, какъ это сдѣлалъ Константъ съ Мартиномъ“. Но ты долженъ знать и вполнѣ понимать то, что архіереи, бывшіе въ Римѣ, водворили миръ между востокомъ и западомъ и стали оплотомъ этого мира. Бывшіе до тебя императоры завоевывали этотъ миръ въ потѣ лица. Если ты станешь нагло нападать на насъ и грозить намъ, то вѣдь намъ нѣтъ надобности вступать съ тобой въ сраженіе. Римскій архіерей удалится за двадцать четыре стадіи въ страну Кампанійскую и поди гонись за вѣтрами. Бывшій до насъ архіереемъ Мартинъ постоянно ратовалъ о мирѣ, а зараженный неправымъ ученіемъ о Святой Троицѣ единомышленникъ тогдашнихъ еретическихъ архіереевъ: Сергія, Павла и Пирра злодѣй Константъ послалъ воиновъ, схватилъ его, насильно притащилъ въ Византію и послѣ многихъ истязаній сослалъ въ ссылку. Много зла причинилъ онъ также и иноку Максиму и ученику его Анастасію и сослалъ ихъ въ ссылку. Самъ Константъ, сославшій ихъ, былъ убитъ и умеръ въ своемъ заблужденіи. Незевксій, бывшій тогда въ его свитѣ, узналъ достовѣрно отъ епископовъ Сицилійскихъ, что онъ еретикъ и убилъ его въ храмѣ и онъ умеръ въ своей ереси. А что Мартинъ мужъ блаженный, объ этомъ свидѣтельствуетъ Херсонъ, куда онъ былъ сосланъ, а также и Босфоръ и весь сѣверъ и жители сѣвера, приходящіе ко гробу его и получающіе исцѣленіе. Удостой, Господи, и насъ идти путемъ Мартина. Впрочемъ, ради пользы многихъ мы хотимъ жить и долго жить, потому что взоры всего запада обращены на наше смиреніе. Можетъ быть, мы и не стоимъ этого, но народы запада большую надежду возлагаютъ на насъ и

на того, чье изображеніе грозишь ты уничтожить, т. е. на святаго Петра, котораго всѣ западныя царства почитаютъ какъ бы земнымъ Богомъ. Если ты дерзнешь сдѣлать такую попытку, то западъ вполнѣ готовъ отмстить тебѣ и за тѣхъ восточныхъ людей, которымъ ты нанесъ оскорбленія. Но именемъ Господа умоляемъ тебя: оставь свои дѣтскія затѣи. Ты знаешь, что твоя сила не можетъ быть грозою всему Риму; ты можешь грозить только развѣ самому городу, по причинѣ прилежащаго къ нему моря, открытаго для кораблей, потому что, какъ мы и выше сказали, если папа удалится изъ Рима на двадцать четыре стадіи, то нисколько не будетъ бояться твоихъ угрозъ. Одно только сокрушаетъ насъ — это то, что въ то время, какъ люди, жестокіе и дикіе, дѣлаются кроткими, ты изъ кроткаго сдѣлался жестокимъ и неукротимымъ. Весь западъ приноситъ плодъ вѣры святому и верховному апостолу. Если ты пошлешь воиновъ для уничтоженія изображенія святаго Петра, то смотри, предупреждаемъ тебя, неповинны мы будемъ въ той крови, которую прольютъ они, а обрушится это на твою шею и на твою голову. Недавно изъ внутренняго запада [1]) отъ Септета [2]), возжаждавшаго по милости Божіей зрѣть наше лице; мы получили приглашеніе отправиться къ нему и преподать ему св. крещеніе. Чтобы не дать отвѣта за свое нерадѣніе и лѣность, мы готовимся уже въ путь. Богъ же да вложитъ въ сердце твое страхъ Свой и да обратитъ тебя отъ тѣхъ заблужденій, какія ты внесъ въ міръ, къ истинѣ и да получимъ мы какъ можно скорѣе отъ тебя посланіе, въ которомъ сообщилось бы намъ извѣстіе о твоемъ обращеніи. Богъ же, снисшедшій съ небесъ и вошедшій во утробу Святыя Дѣвы Богородицы ради спасенія людей, да поселится въ сердцѣ твоемъ, да изгонитъ изъ него увлекающихъ тебя въ соблазны и да даруетъ миръ всѣмъ христіанскимъ церквамъ во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Первое посланіе папы Григорія II къ императору Льву Исавру не произвело на него нисколько благотворнаго вліянія: императоръ оказался аспидомъ, заткнувшимъ уши свои, чтобы

[1]) Германіи.

[2]) Имя одного германскаго князя.

не слышать благожелательныхъ ему, императору, совѣтовъ старческихъ; онъ, императоръ, продолжалъ стоять на принятомъ имъ направленіи и все еще пытался оправдывать способъ своихъ распоряженій различными, хотя въ сущности пустыми. аргументами. На первое посланіе папы Григорія Левъ отвѣчалъ, какъ видно, отъ себя вторымъ письмомъ къ папѣ, гдѣ продолжалъ отъ папы требовать того же, чего требовалъ и въ указѣ первомъ; между прочимъ, выражался: „Я, императоръ и священникъ, велю разбить изображеніе апостола Петра въ Римѣ и тебя самого привести въ оковахъ, какъ Константинъ сдѣлалъ съ папою Мартиномъ"; и еще: „Почему на шести соборахъ ничего не сказано объ иконахъ и почитаніи ихъ". И на это второе заносчивое, вызывающее письмо папа также отвѣчалъ твердымъ, прямодушнымъ, искренне-благожелательнымъ посланіемъ.

Второе посланіе папы Григорія къ императору Льву Исавру также, какъ и первое, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя черты, весьма характеристичныя и въ отношеніи къ папѣ, и въ отношеніи къ императору и вообще въ отношеніи къ положенію тогдашнихъ обстоятельствъ церковныхъ, а потому и это второе посланіе мы также прослушаемъ въ его подлинномъ видѣ, тѣмъ паче, что оно не особенно пространно. (Дѣян. всел. соб. т. VII, стр. 40—46).

Второе посланіе святаго отца нашего Григорія, папы Римскаго, къ императору Льву Исаврянину о святыхъ иконахъ.

„Богохранимый императоръ и во Христѣ братъ! Грамоту твою, отправленную съ легатомъ Руфиномъ, мы получили и самая жизнь моя стала мнѣ въ тягость, такъ какъ ты не измѣнилъ своего убѣжденія, но остаешься при тѣхъ же заблужденіяхъ, не помышляя ни о томъ, яже Христова суть, ни о томъ, чтобы быть послѣдователемъ и ученикомъ святыхъ и славныхъ чудотворцевъ нашихъ, отцевъ и учителей. Не стану указывать на другихъ учителей; указываю только на учителей твоего города и твоей страны. Есть ли учители болѣе мудрые, чѣмъ Григорій Чудотворецъ, Григорій Нис-

скій, Григорій Богословъ, Василій Каппадокійскій и Іоаннъ Златоустъ? Не стану писать о тысячахъ подобныхъ имъ святыхъ и богоносныхъ отцевъ нашихъ и учителей. Но ты послѣдовалъ не имъ, а своему упорству и обитающимъ въ тебѣ страстямъ и въ то-же время пишешь: „я императоръ и священникъ“. Да, императоры, бывшіе прежде тебя доказали свое величіе и словомъ, и дѣломъ: они созидали церкви и заботились объ нихъ; ревнуя о православной вѣрѣ, они вмѣстѣ съ архіереями изслѣдовали и отстаивали истину; таковы: Константинъ Великій, Ѳеодосій Великій, Валентиніанъ Великій, Константинъ, отецъ Юстиніана, бывшій на шестомъ соборѣ. Эти императоры царствовали благочестиво: они вмѣстѣ съ архіереями, единодушно и единомысленно съ ними собирали соборы, изслѣдовали истину догматовъ, устрояли и украшали святыя церкви. Вотъ священники и императоры! Они доказали это самымъ дѣломъ. Ты же съ тѣхъ поръ, какъ получилъ власть, не вполнѣ сталъ соблюдать опредѣленія отцевъ, но, найдя святыя церкви украшенными и преисполненными золотыми, обшитыми бахромою, одеждами, лишилъ ихъ этихъ украшеній и опустошилъ.

Что такое сами по себѣ храмы наши? Развѣ не рукотворенія, не камни, не дерево, не трости, не бреніе и не известь? Но они украшены были живописными и наглядными изображеніями совершенныхъ святыми мужами чудесъ, изображеніями Господнихъ страданій, изображеніями Святой преславной Божіей Матери и святыхъ апостоловъ. Для этихъ живописныхъ и наглядныхъ изображеній люди не щадятъ своего имущества; держа на своихъ рукахъ недавно крещенныхъ дѣтей, мужчины и женщины пальцемъ указываютъ имъ, а также и юношамъ и новообращеннымъ язычникамъ на эти наглядныя изображенія и, такимъ образомъ, назидаютъ ихъ и возносятъ умы и сердца въ горняя къ Богу. А ты, приказавъ покорному народу оставить все это, сталъ занимать его пустяками, вздоромъ, свирѣлями, погремушками, гитарами и лирами, а вмѣсто благословеній и славословій сталъ завлекать его баснями. Пусть наслѣдіе твое будетъ общимъ съ наслѣдіемъ пустослововъ.

Послушай, императоръ, смиренія нашего и оставь свои затѣи! Послѣдуй святой церкви, какъ ты ее нашелъ и получилъ! Догматы — дѣло не царей, но архіереевъ, такъ какъ мы имѣемъ умъ Христовъ (2 Кор. II, 14 — 17). Иное дѣло пониманіе церковныхъ постановленій и иное — разумѣніе въ мірскихъ дѣлахъ. Воинственный, грубый и жестокій умъ, какимъ ты обладаешь, приложимъ къ дѣламъ управленія мірского, но не приложимъ къ дѣламъ управленія церковнаго. Я пишу тебѣ о томъ, какое различіе между дворцомъ и храмомъ, между императорами и архіереями. Пойми же это, опомнись и не будь упрямъ. Если кто-нибудь лишитъ тебя царскихъ одеждъ, порфиры, діадемы, багряницы и царскихъ правъ, такъ выйдетъ то, что на тебя будутъ смотрѣть какъ на человѣка заброшеннаго, безобразнаго и ничтожнаго. Въ такое именно положеніе ты поставилъ церкви. Съ тобою этого пока не случилось, а святыя церкви ты лишилъ украшеній и обезобразилъ. Какъ архіерей не имѣетъ права вторгаться во дворецъ и похищать царскія почести, такъ и императоръ не имѣетъ права вторгаться въ церкви и избирать клириковъ, не говорю уже о томъ, что онъ не имѣетъ права не только освящать вещество для святыхъ таинъ и совершать ихъ, но и принимать ихъ безъ священника. Каждый изъ насъ да пребываетъ въ томъ званіи, въ неже званъ Богомъ. Видишь, императоръ, различіе между архіереями и императорами? Если кто-либо оскорбитъ тебя, императоръ, ты конфискуешь его домъ и обираешь все его имущество, оставляя ему одну душу, а наконецъ и его самого или вѣшаешь, или обезглавливаешь, или ссылаешь въ ссылку и разлучаешь съ дѣтьми, со всѣми родственниками и друзьями. Не такъ поступаютъ архіереи. Когда согрѣшитъ кто-либо и сознается въ грѣхѣ своемъ, то вмѣсто вѣшанія или обезглавливанія они налагаютъ на голову его евангеліе и крестъ, заключаютъ его въ уединенное мѣсто, напр. въ хранилище церковнаго имущества, заставляютъ нести разныя обязанности при церкви и при оглашенныхъ, налагаютъ на его чрево постъ, на глаза бодрствованіе, а на уста славословіе. Послѣ должнаго вразумленія и продолжительнаго поста предлагаютъ ему честное тѣло Господне и

святую кровь Господню и, сдѣлавъ его сосудомъ избраннымъ и безгрѣшнымъ, возвращаютъ ко Господу чистымъ и непорочнымъ. Видишь, императоръ, различіе между церковію и государствомъ?

Благочестно и о Христѣ жившіе императоры не оказывали непослушанія архіереямъ церквей и не оскорбляли ихъ. Ты же, императоръ, преступивъ и извративъ этотъ обычай, осудивъ себя самого собственноручнымъ писаніемъ и признаніемъ того, что отвергающій опредѣленія отцевъ проклятъ, такъ ты, осудивъ самъ себя и отогнавъ отъ себя Духа Святаго, досаждаешь намъ своей матеріальной, воинской силой и тирански мучишь насъ. Такъ какъ у насъ нѣтъ ни оружія, ни панцырей, ни земного тѣлеснаго воинства, то мы взываемъ къ военачальнику всего творенія Христу, сѣдящему на небесахъ превыше воинствъ высшихъ силъ, чтобы Онъ послалъ на тебя демона, какъ говоритъ апостолъ: предати такового сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется (2 Кор. V, 5). Видишь, императоръ, до какого безобразія и безчеловѣчія довелъ ты себя? Душу свою ты увлекъ въ обрывистую пропасть изъ-за того, что не хотѣлъ смириться и склонить своей упрямой шеи. Да, тѣ архіереи, которые своими добрыми внушеніями и наставленіями царямъ представятъ ихъ Богу непорочными и чистыми отъ грѣховъ и преступленій, тѣ архіереи получатъ отъ Него великую хвалу и славу въ день того святаго и великаго воскресенія, когда Господь предъ лицемъ ангеловъ и на стыдъ намъ имѣетъ открыть сокровенныя наши дѣла. А мы, смиренные, будемъ тогда пристыжены тѣмъ, что вслѣдствіе твоего упорства не могли стяжать тебя, тогда какъ бывшіе до насъ архіереи стяжали Богу бывшихъ въ ихъ время императоровъ. Это послужитъ въ стыдъ намъ, такъ какъ мы представляемъ Богу бывшаго въ наши времена императора не знаменитымъ и славнымъ, а безчестнымъ и прелюбодѣйнымъ. Вотъ и теперь мы увѣщеваемъ тебя: покайся! обратись! вникни въ истину и сохрани ее въ томъ видѣ, въ какомъ ты ее нашелъ и получилъ! Воздавай честь и славу святымъ и славнымъ отцамъ нашимъ и учителямъ, которые при помощи Божіей

разогнали слѣпоту сердецъ и очей нашихъ и даровали намъ зрѣніе.

Ты пишешь: „почему на шести соборахъ ничего не сказано о святыхъ иконахъ?“ Императоръ! Вѣдь ничего не сказано и о хлѣбѣ и водѣ; не сказано вѣдь, слѣдуетъ или не слѣдуетъ ѣсть, слѣдуетъ или нѣтъ пить. Но ты давно уже знаешь, знаешь по преданію, что это необходимо для поддержанія жизни. Такъ и объ иконахъ было извѣстно по преданію. Сами архіереи приносили иконы на соборы. И ни одинъ христолюбивый и боголюбивый человѣкъ, отправляясь въ путь, не совершалъ своего путешествія безъ иконъ; такъ поступаютъ люди добродѣтельные и богоугодные. Умоляемъ тебя: будь же архіереемъ и императоромъ, какъ ты самъ писалъ о себѣ выше. Если ты, какъ императоръ, стыдишься своихъ поступковъ, то напиши во всѣ страны, которыя ты соблазнилъ, что Григорій, папа Римскій, а равно и Германъ, патріархъ Константинопольскій, порѣшили относительно иконъ и мы снимемъ съ тебя вину въ этомъ грѣхѣ, такъ какъ получили отъ Господа власть и силу разрѣшать и вязать на землѣ и на небѣ, и успокоимъ тебя. Но ты не хотѣлъ и не хочешь сдѣлать этого. Какъ имѣющіе дать отчетъ Господу Христу, мы наставляемъ и учимъ тебя тому, чему сами были научены Господомъ. Но ты избѣгаешь и не слушаешь ни меня смиреннаго, ни первосвятителя Германа, ни святыхъ и славныхъ чудотворцевъ, учителей и отцевъ нашихъ, а слѣдуешь людямъ развратившимся и нечестивымъ, заблудившимся и удалившимся отъ истиннаго ученія. Да будетъ участь твоя общею съ ними, а мы, какъ уже писали тебѣ, предпринимаемъ по благодати Божіей путешествіе во внутреннюю страну запада къ желающимъ принять святое крещеніе. Хотя я послалъ уже туда епископовъ и клириковъ святой церкви нашей, но правители все еще не согласились преклонить своихъ головъ и креститься, такъ какъ они настаиваютъ, чтобы я былъ ихъ воспріемникомъ. Поэтому мы по благодати Божіей предпринимаемъ путешествіе, чтобы не дать отвѣта за свое пренебреженіе и нерадѣніе. Да внушитъ тебѣ Господь разумѣніе и покаяніе, да возвратитъ тебя къ истинѣ, отъ которой ты

бѣжалъ, и да приведетъ тебя снова къ единому пастырю Христу и во едино стадо православныхъ церквей и іереевъ и да подастъ Господь и Богъ нашъ миръ всей вселенной нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь".

Но и второе посланіе папы Григорія II къ императору Льву Исавру не склонило его къ отступленію отъ принятаго имъ направленія по отношенію къ святымъ иконамъ и ихъ почитателямъ: Левъ Исавръ продолжалъ свое и еще съ большимъ свирѣпствомъ: почитателей иконъ подвергали пыткамъ, ссылали въ ссылку, заключали въ темницу, казнили смертію.

Какъ бы въ нарочитую насмѣшку надъ тѣмъ совѣтомъ папы Григорія II, гдѣ онъ предлагалъ императору спросить ученыхъ мужей въ Константинополѣ, что они скажутъ ему относительно почитанія святыхъ иконъ, Левъ Исавръ приказалъ закрыть богословскую школу въ Константинополѣ, чтобы чрезъ то лишить православныхъ того оружія въ борьбѣ съ иконоборцами, какое они умѣли извлекать изъ основательнаго богословскаго образованія. Эти школы были основаны еще Константиномъ Великимъ и во все столь продолжительное время ихъ существованія, конечно, сослужили великую службу въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія. Нѣкоторые изъ Византійскихъ историковъ, какъ Кедринъ, Зонара, Манасія и Глика, говорятъ даже, будто онъ, Левъ, сжегъ и самую библіотеку, и директора школы, и 12 профессоровъ; хотя ни Θеофанъ, ни патріархъ Никифоръ объ этомъ послѣднемъ не говорятъ, но что школы были закрыты, это фактъ всѣми ими признаваемый. Какъ однако же ни свирѣпствовалъ Левъ Исавръ противъ святыхъ иконъ, цѣли своей онъ не могъ достигнуть съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ желалось ему; ближайшіе его подданные или рѣшались на страданіе, или вдавались въ бѣгство, или уступали ему по лицемѣрію; что же касается истинно вѣрующихъ въ другихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ Константинополя. то императоръ отовсюду встрѣчалъ рѣзкое противорѣчіе себѣ: изъ Сиріи, изъ Дамаска противъ Исавра рѣзко писалъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, изъ Рима, какъ уже знаемъ, римскіе

папы Григорій II и преемникъ его Григорій III. Другія мѣста отвѣчали даже возстаніемъ и возмущеніемъ противъ власти императора: такъ, напримѣръ, въ собственной Греціи и на Цикладскихъ островахъ, какъ скоро тамъ получено было увѣдомленіе объ иконоборствѣ, всѣ христіане произвели возмущеніе; въ Италіи при первыхъ извѣстіяхъ объ иконоборствѣ императора начали бросать портреты его на землю и топтать ногами. Папа Григорій съ римлянами и со всею Италіей отложился отъ подданства Льву. Правда, въ Равеннѣ жилъ намѣстникъ императора, но это была только формальность: полнымъ управителемъ всѣхъ дѣлъ былъ въ Римѣ папа; римляне къ нему относились за совѣтами и распоряженіями. Да и что за власть могла быть у императора въ Римѣ, когда папа подвергъ его проклятію за ниспроверженіе святыхъ иконъ.

Здѣсь, чтобы намъ не пройти безъ надлежащаго вниманія столь наглядно выдающееся явленіе и чтобы съ другой стороны не отвлекаться послѣ сюда же, именно къ упоминанію о Дамаскинѣ, когда будетъ рѣчь о догматической сторонѣ вопроса о почитаніи иконъ, мы считаемъ потребнымъ упомянуть о высокообразованныхъ трудахъ св. Іоанна Дамаскина. Будучи знатнаго происхожденія и занимая высокое положеніе при дворѣ Халифа, св. Іоаннъ Дамаскинъ не имѣлъ опасеній бояться Исавра и смѣло выступилъ въ защиту иконопочитанія. Изъ Сиріи, изъ Дамаска онъ препроводилъ, кромѣ другихъ своихъ догматическихъ сочиненій, три обширныя рѣчи въ защиту святыхъ иконъ. Въ рѣчахъ своихъ объ иконопочитаніи св. Дамаскинъ сколько излагаетъ прямое догматическое ученіе о семъ предметѣ, столько или еще болѣе занимается разборомъ и опроверженіемъ тѣхъ возраженій, какія предъявляли противъ почитанія иконъ иконоборцы. Такъ, противъ того главнаго и излюбленнаго пункта, приводимаго иконоборцами, что будто почитаніе иконъ запрещается св. писаніемъ, говорящимъ: „не сотвори себѣ кумира“ и т. д., св. Дамаскинъ разсуждаетъ: „Какъ искусный врачъ не всѣмъ и не всегда даетъ одно лѣкарство, но каждому приличное и полезное, смотря по свой-

ству страны, болѣзни и времени, иное младенцу, иное возрастному, такъ и Совершеннѣйшій Врачъ душъ тѣмъ, которые суть еще младенцы и страждутъ болѣзнію идолослуженія, которые идоловъ почитаютъ богами, а поклоненіе Богу отвергаютъ и приличную Ему славу воздаютъ твари, воспретилъ дѣлать изображенія: такой законъ данъ былъ іудеямъ. Но мы, которые по удаленіи отъ суетнаго заблужденія, по принятіи истины удостоились быть въ соединеніи съ Богомъ и по прошествіи младенчества достигнуть въ мужа совершенна, мы получили отъ Бога способность разсуждать, по которой знаемъ, что можетъ быть изображаемо и что не подлежитъ изображенію. Бога невидимаго, конечно, изображать мы не можемъ, но когда увидѣли, что Безтѣлесный сдѣлался для насъ человѣкомъ, Богъ по неизреченной благости Своей принялъ плоть, явился въ оной на землѣ, жилъ между людьми, имѣя естество, твердость вида и цвѣтъ плоти человѣчей, посему мы, изображая Его, не погрѣшаемъ. Апостолы видѣли тѣлесно Христа, видѣли Его страданія и чудеса, также и мы желаемъ видѣть и слышать и быть блаженными. Этому стремленію удовлетворяютъ книги евангельскія и иконы Христа“ (сл. 3-е объ иконахъ. „Хр. Чт.“ 1823 г.). Въ другомъ мѣстѣ: „Іисусъ Навинъ повелѣлъ іудеямъ, чтобы они взяли изъ Іордана 12 камней, и объявилъ имъ при этомъ: когда ваши дѣти нѣкогда спросятъ отцовъ, что значатъ эти камни, то вы тогда имъ скажите: какъ вода по божественному велѣнію разступилась и какъ прошли ковотъ завѣта и народъ израильскій. Какимъ же образомъ мы не должны начертывать изображенія страданій, чрезъ которыя совершено наше спасеніе, и чудесъ Христа, дабы, если спроситъ меня сынъ мой, что это такое? я могъ бы отвѣчать ему: Богъ содѣлался человѣкомъ“ и т. д. (Oratio de imagin. 1. Migne, t. 94, p. 1248. Относительно поклоненія святымъ, p. 1252).

Иконоборцы, кромѣ иконопочитанія, ставили въ укоризну православнымъ то, что они почитаютъ святыхъ: мучениковъ считаютъ за боговъ. Св. Дамаскинъ разсуждаетъ: „Христосъ называлъ святыхъ Своими друзьями. Какъ же можно

имъ отказать въ почитаніи, когда они други Божіи?!... Во времена ветхаго завѣта ни одинъ храмъ не могъ быть посвященъ имени какого-либо человѣка; смерть праведнаго оплакивалась, а не торжествовалась; прикосновеніе къ мертвому считалось осквернѣніемъ; но иначе теперь, послѣ того, какъ человѣческая природа по явленіи въ ней Сына Божія возвысилась до участія въ божественной жизни". Относительно власти императора въ дѣлахъ церковныхъ, имѣя въ виду, по всей вѣроятности, то велерѣчіе Исавра, гдѣ онъ выражается: „я царь, я первосвященникъ", св. Дамаскинъ пишетъ: „Не достоитъ царю давать законы церкви. Апостолъ Павелъ между лицами, которымъ поручено отъ Бога водительство церкви (1 Кор. XII), не поименовываетъ царя. Не цари, но апостолы, пророки, пастыри и учители возвѣщали божественное слово. Цари должны заботиться о процвѣтаніи государства, а о благосостояніи церкви—пастыри и учители" (Oratio II, p. 1296). Левъ Исавръ въ безсильной злобѣ противъ Дамаскина внялъ безстыдному совѣту, а можетъ быть, и самъ пришелъ къ мысли оклеветать Дамаскина предъ Халифомъ, составилъ подложное письмо будто бы отъ Дамаскина къ Исавру, гдѣ Дамаскинъ, придворный Халифа, обѣщаетъ предать Дамаскъ Исавру; письмо было передано Халифу; мнимый виновникъ былъ осужденъ на отсѣченіе руки; но правда Божія величественно объявила свой судъ: отсѣченная рука безъ врачеванія приросла къ составу тѣла, и благодарный Дамаскинъ въ восторгѣ воспѣлъ столь извѣстную чудную церковную пѣснь къ Преблагословенной Богородицѣ: „О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь".

Сынъ и преемникъ Льва Исавра, Константинъ V Копронимъ, не желая отступать отъ направленія въ отношеніи къ вопросу о почитаніи св. иконъ, принятаго отцемъ его, но и не будучи въ силахъ устранить то противодѣйствіе иконоборцамъ, какое повсюду, гдѣ только было можно, представляли истинные члены церкви православной, особенно епископы и монахи, пришелъ къ мысли повоздѣйствовать сначала особенно на духовенство, а потомъ и на народъ, только на сей послѣдній, т. е. на народъ не такъ воздѣйствовать, какъ

дѣйствовали доселѣ, т. е. не посредствомъ распоряженій воинскихъ, а чрезъ духовенство: Константинъ Копронимъ пришелъ къ мысли доставить господство иконоборству по опредѣленію отцевъ церкви и для сего рѣшился созвать вселенскій соборъ, чтобы самый соборъ объявилъ, что иконъ почитать не должно. Планъ на первый разъ казался удачнымъ; за льстивыми душами не было надобности ходить далеко; для начала дѣла нужныхъ человѣкоугодниковъ въ достаточномъ количествѣ нашли подъ руками, а при посредствѣ подручныхъ пріобрѣли и съ окружности. Соборъ объявленъ; собрался соборъ очень сложный по количеству; однихъ епископовъ было 338 и всѣ они объявили себя за иконоборство.

Для того, чтобы не остаться при одномъ удивленіи и не отказать въ вѣроятности вышеобъявленному происшествію, надобно принять во вниманіе, что въ Византіи епископы находились подъ сильнѣйшимъ давленіемъ власти императорской. Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, что имъ приходилось избирать или смерть, или уступку императору, очень многіе, щадя свою жизнь, соглашались съ волею императора, хотя, какъ окажется послѣ, и не искренно. Притомъ же и епископы этого времени оказываются очень далекими отъ тѣхъ высокихъ образцовъ пастырства, какіе выставляла церковь болѣе древняя. Одинъ современный седьмому собору писатель выражается, что епископы того времени ни о чемъ другомъ не заботились, кромѣ лошадей, овцеводства, хлѣбопашества; они заботились, какъ бы повыгоднѣе продать свой зерновой хлѣбъ, свои вина, млеко, шерсть, шелкъ, а стада свои духовныя оставляли въ пренебреженіи; казалось, что ихъ обязанность состояла въ удовлетвореніи чувственныхъ нуждъ народа, а не потребностей духовныхъ. Итакъ, нечего много дивиться тому, что и теперь еще разъ повстрѣчалось явленіе, подобное тому, что было и во времена аріанства, что пастыри церкви подъ вліяніемъ соображеній, не согласныхъ съ правильнымъ понятіемъ о долгѣ, уклоняются отъ своего прямого долга: на сей разъ имъ безопаснѣе было держать сторону дикаго, свирѣпаго императора.

Скрѣпя на время сердце терпѣніемъ, послушаемъ, что сочинилъ этотъ соборъ архипастырей. Соборъ, какъ мы сказали, состоялъ изъ 338 человѣкъ и украсился титломъ „вселенскаго“. Мѣсто засѣданій его нѣсколько разъ измѣнялось: то онѣ были въ царскомъ дворцѣ, называвшемся Гіерія, на азіатскомъ берегу Босфора, то во Влахернскомъ храмѣ Богоматери въ самомъ Константинополѣ; видно, что въ засѣданіяхъ, по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ, принималъ участіе самъ императоръ. На семъ-то велемудромъ соборѣ, бывшемъ въ лѣто 754 отъ Рождества Христова, опредѣлено: 1) Кто божественный образъ вочеловѣчившагося Слова осмѣлится изображать красками, тотъ анаѳема. 2) Кто неизобразимыя сущность и ѵпостась Слова осмѣлится изображать въ формахъ человѣкообразныхъ и не захочетъ уразумѣть, что Слово и по воплощеніи неизобразимо, анаѳема. 3) Кто осмѣлится начертывать на образѣ ѵпостасное соединеніе двухъ естествъ и станетъ называть изображенное Христомъ и, такимъ образомъ, смѣщивать два естества, анаѳема. 4) Кто захочетъ изображать плоть Христа, соединившуюся съ лицемъ Слова Божія, раздѣленно и отлученно отъ самаго Слова, анаѳема. 5) Кто единаго Христа раздѣлитъ на два лица и захочетъ начертывать Рождшагося отъ Дѣвы въ отдѣльности, анаѳема. 6) Кто изображаетъ плоть Христа обожествившуюся чрезъ соединеніе ея со Словомъ и, такимъ образомъ, отдѣляетъ ее отъ божества, анаѳема. 7) Кто будетъ изображать вещественно—красками Бога Слова на томъ основаніи, что Онъ принялъ на Себя рабскій образъ, и будетъ отдѣлять Его отъ нераздѣльнаго съ Нимъ божества, анаѳема. 8) Кто лики святыхъ будетъ изображать вещественно — красками на бездушныхъ иконахъ, которыя ровно не приносятъ никакой пользы, ибо эта мысль о поклоненіи иконамъ льстива и произошла отъ діавола, анаѳема.

Но прежде, чѣмъ сформировать эти анаѳематизмы, соборъ погрузился въ очень продолжительныя изысканія и разсужденія объ основаніяхъ для такого вывода. Понятно, что слушающему такіе выводы интересно прослѣдить, какимъ способомъ такіе выводы сформировались. Лжеименный вселен-

скій соборъ, чтобы оправдать заранѣе уже составленное заключеніе, вдается въ разностороннія разсужденія. Такъ, при самомъ началѣ своихъ разсужденій онъ, между прочимъ, поставляетъ какъ основаніе такую мысль, что поклоненіе иконамъ есть изобрѣтеніе діавола. „Подъ личиной христіанства діаволъ ввелъ идолопоклонство, убѣдивъ своими лжемудрованіями пребывавшихъ въ христіанствѣ не отпадать отъ твари, но поклоняться ей, чтить ее и почитать богомъ тварь подъ видомъ Христа“. Для искорененія сего идолопоклонства въ христіанствѣ императоръ и собралъ соборъ, дабы изслѣдовать писаніе о соблазнительномъ обычаѣ дѣлать изображенія, отвлекающія умъ человѣческій отъ высокаго и угоднаго Богу служенія къ земному и вещественному почитанію твари, и по Божію мановенію изречь то, что ими будетъ опредѣлено.

Обращаясь къ разсмотрѣнію исторіи и опредѣленій вселенскихъ соборовъ, сей лжевселенскій иконоборческій соборъ находитъ, что почитаніе иконъ есть несторіанство и евтихіанство. „Несторій раздѣлялъ во Христѣ естество человѣческое отъ естества божескаго, то-же самое дѣлаютъ и художники, изображающіе Христа, ибо они, изображая внѣшній видъ Христа, не въ состояніи изобразить Его божества. Живопись напоминаетъ собою Несторія, раздѣлявшаго одного Богочеловѣка, воплотившагося ради насъ. Столь же близко ведетъ изображеніе Христа на иконахъ и къ монофизитству. Монофизиты сливали естества во Христѣ; то-же дѣлаютъ и художники, и иконопочитатели, ибо, изобразивъ только одно естество Христа человѣческое, они полагаютъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ они изображаютъ и Его божество. Живопись напоминаетъ и Діоскора, и Евтихія, учившихъ, что два естества единаго Христа слились и смѣшались. Вотъ сдѣлалъ живописецъ икону и назвалъ ее Христосъ, а имя Христосъ есть имя Бога и человѣка. Слѣдовательно и икона есть икона и Бога, и человѣка и слѣдовательно онъ слилъ неслитное соединеніе и впалъ въ нечестивое заблужденіе сліянія. Къ тому же богохульству склоняются и покланяющіеся иконамъ. Чтобы не впасть въ эти два лжеученія — несторіанское и

монофизитское, заключаетъ соборъ, не слѣдуетъ дѣлать изображеній Христа. Нужно отказаться изображать Христа, потому что Онъ, какъ высочайшій предметъ вѣры, неизобразимъ слабыми руками человѣческими. Какая безумная мысль у живописца, замѣчаетъ соборъ, домогаться того, чего нельзя домогаться, т. е. бренными руками изображать то, во что вѣруютъ сердцемъ и что исповѣдуютъ устами: божество неописуемо" (Дѣян. всел. соб., т. VII, стр. 465).

Запрещая изготовлять свят. иконы и покланяться имъ, иконоборцы встрѣчались съ затрудненіемъ по такому вопросу: неужели нужно оставаться безъ всякаго образа, который бы напоминалъ намъ объ Искупителѣ? Затрудненіе это они разрѣшаютъ съ большою предупредительностію и даже съ ободреніемъ и утѣшеніемъ для иконопочитателей: „Да возрадуются и возвеселятся и да ободрятся, — это возглашеніе иконоборцевъ,—да ободрятся тѣ, которые творятъ истинную икону Христа, благоговѣютъ передъ ней, почитаютъ ее съ искреннимъ расположеніемъ души и употребляютъ ее во спасеніе души и тѣла. Высочайшій образъ Христа, столь необходимый для вѣрующихъ, для ихъ воспоминанія, у нихъ, у вѣрующихъ, есть, этотъ образъ есть евхаристія. Готовясь предать Себя приснопамятной и животворящей смерти, Онъ взялъ хлѣбъ, благословилъ, произнесъ благодареніе, преломилъ и, отдавая его, сказалъ: пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ. Такимъ же образомъ, отдавая чашу, Онъ сказалъ: сія есть кровь Моя; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Изъ всего находящагося подъ небомъ не упомянуто другого вида или образа, который могъ бы изображать воплощеніе Его. Итакъ, вотъ что служитъ иконою или образомъ животворящей плоти Его. Икона эта должна быть приготовляема съ молитвою: что же хотѣлъ этимъ сдѣлать премудрый Богъ? Хотѣлъ наглядно показать и объяснить намъ людямъ то, что сдѣлано Имъ въ таинствѣ домостроительства. Какъ то, что Онъ воспринялъ отъ насъ, есть одно тѣлесное вещество человѣческаго существа, вполнѣ совершеннаго, но не представляющаго собою самостоятельно существующаго; точно также Онъ установилъ, чтобы въ об-

разѣ Его приносилось избранное вещество, т. е. существо хлѣба, не представляющее собою образа человѣка, чтобы не ввелось идолопоклонства. Слѣдовательно, какъ естественное тѣло Христа свято, потому что оно обоготворено, также точно свято и то, которое таково по установленію, т. е. святый образъ Его въ евхаристіи, такъ какъ онъ чрезъ освященіе обоготворенъ благодатію. Да, это именно, какъ мы сказали, и совершилъ Господь Христосъ, дабы, какъ Онъ обоготворилъ Своею естественною святостію посредствомъ самого единенія принятую Имъ плоть, также точно освятитъ и хлѣбъ евхаристіи, такъ какъ Онъ благоволилъ, чтобы этотъ хлѣбъ содѣлался божественнымъ тѣломъ и неложнымъ образомъ естественной плоти Его. будучи освященъ наитіемъ Святаго Духа, при чемъ посредникомъ служитъ іерей, который выдѣляетъ этотъ хлѣбъ и назначаетъ его для освященія. Наконецъ, одаренная душею и разумная плоть Господа была помазана Духомъ Святымъ въ божество; точно такимъ же образомъ и богопреданный образъ плоти Его, т. е. божественный хлѣбъ вмѣстѣ съ чашею животворящей крови, истекшей изъ ребра Его, исполненъ Духа Святаго. Итакъ, какъ выше сказано, намъ указанъ неложный образъ домостроительства воплощенія Христа Бога нашего; его предалъ намъ Своими устами Самъ истинный Животворецъ нашего естества“.

Рядъ доказательствъ противъ употребленія иконъ по вѣроопредѣленію иконоборческаго собора оканчивается указаніемъ на то, что касательно употребленія иконъ нѣтъ положительной заповѣди въ церкви. „Нечестивое учрежденіе лжеименныхъ иконъ,—приводимъ собственныя слова лжеименнаго собора,—не имѣетъ для себя основанія ни въ Христовомъ, ни въ апостольскомъ, ни въ отеческомъ преданіи. Нѣтъ также и освященной молитвы, освящающей ихъ, чтобы сдѣлать ихъ изъ обыкновенныхъ предметовъ святыми; но постоянно остаются онѣ вещами обыкновенными, не имѣющими никакого особеннаго значенія, кромѣ того, какое сообщилъ имъ живописецъ“ (Дѣян. VII всел. соб., стр. 486).

Изощривъ свое остроуміе въ изобрѣтеніи основаній про-

тивъ почитанія свят. иконъ Христа Спасителя, иконоборцы направляютъ свое оружіе противъ иконъ Богоматери и святыхъ. „Быть можетъ,—гласитъ вѣроопредѣленіе лжевселенскаго собора, — нѣкоторые изъ одержимыхъ заблужденіемъ иконопочитанія скажутъ, что все сказанное нами относительно отриновенія иконы, носящей имя Христа, сказано справедливо и благочестиво, потому что въ Немъ нераздѣльно и неслитно соединились два естества въ одной ѵпостаси, но что возникаетъ недоумѣніе, почему мы порицаемъ существованіе иконъ Пренепорочной и Всеславной Дѣвы, Которая есть воистину Богородица, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, такъ какъ они суть простые люди, а не состоятъ изъ двухъ естествъ, т. е. божества и человѣчества, соединенныхъ въ одной ѵпостаси на подобіе единаго Христа“.

Въ разъясненіе этого недоумѣнія лжесоборъ распространяется въ доказательствахъ, почему иконы Богородицы и святыхъ не должны имѣть мѣста въ церкви христіанской. Доказательства эти располагаются въ такомъ видѣ: 1) Послѣ того, какъ отвергнуты иконы Христа, было бы несправедливо или нѣтъ надобности почитать и другія иконы. 2) Каѳолическая христіанская церковь наша, занимая средину между іудействомъ и язычествомъ, не принимаетъ обрядовъ ни того, ни другого изъ нихъ, но идетъ новымъ путемъ богопреданнаго ей благочестія и тайнодѣйствія. Отъ іудейства она не заимствуетъ кровавыхъ жертвъ и всесожженій; что же касается языческихъ обрядовъ, такъ она имѣетъ отвращеніе и ко всякому идолодѣланію и идолослуженію, такъ какъ язычество сдѣлалось руководителемъ и изобрѣтателемъ этого постыднаго искусства, не имѣя надежды воскресенія, изобрѣло достойное себя занятіе — несуществующее представлять существующимъ. Итакъ, если въ церкви Христовой нѣтъ ничего чуждаго, то пусть будетъ извергнуто изъ ней и иконопочитаніе, какъ чуждое ей и какъ изобрѣтеніе людей, преданныхъ демонамъ. 3) Святые, угодившіе Богу и почтенные отъ Него достоинствомъ святости, всегда живы для Бога, хотя они и преставились отсюда, а потому думающій оживить ихъ посредствомъ мертваго и презрѣннаго искусства,

никогда не бывшаго живымъ, но изобрѣтеннаго суетностію враговъ-язычниковъ, оказывается богохульникомъ. 4) Художники не въ состояніи дать намъ вѣрное понятіе ни о величайшей славѣ Богоматери, ни о блаженствѣ святыхъ; ихъ кисть не имѣетъ силы изобразить славу небожителей; какъ можно осмѣлиться посредствомъ низкаго еллинскаго искусства изображать преславную Матерь Божію, въ Которой вмѣстилась полнота божества, высшую небесъ и святѣйшую херувимовъ? Или еще: какъ не стыдятся посредствомъ языческаго искусства изображать имѣющихъ царствовать со Христомъ, сдѣлаться сопрестольными Ему, судить вселенную и уподобиться образу славы Его, когда ихъ, какъ говорятъ слова священнаго писанія, не бѣ достоинъ весь міръ. Недостойно христіанамъ, получившимъ надежду воскресенія, пользоваться обычаями народовъ, преданныхъ идолослуженію, и святыхъ, имѣющихъ возблистать славою, оскорблять безславнымъ и мертвымъ веществомъ. Мы не заимствуемъ доказательствъ нашей вѣры у чуждыхъ намъ по вѣрѣ, подобно тому, какъ и Іисусъ порицалъ, когда они называли Его Богомъ, потому что Онъ считалъ недостойнымъ для Себя дѣломъ пользоваться свидѣтельствами демоновъ.

Не довольствуясь соображеніями къ ниспроверженію иконъ теоретическими, лжесоборъ пытается стать и на почву фактическихъ данныхъ, подыскиваетъ и приводитъ основанія для иконоборства изъ священнаго писанія и изъ священнаго преданія, или точнѣе сказать, изъ писаній святоотеческихъ. Изъ свидѣтельствъ священнаго писанія иконоборцы указываютъ на тѣ мѣста въ евангеліи отъ Іоанна, гдѣ Спаситель говоритъ: „Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему духомъ и истиною, достоитъ кланяться“. Или еще: „Бога никто же видѣ нигдѣ же, ни гласа Его нигдѣ же слышасте, ни видѣнія Его видѣсте, и блажени не видѣвшіе Бога, но вѣрующіе въ Него“. И въ ветхомъ завѣтѣ сказано: „да не сотвориши себѣ кумира, ни всякаго подобія“ и такъ далѣе, потому что на горѣ изъ среды огня вы подобія не видѣли, но только голосъ слышали. Къ христіанскимъ же иконопочитателямъ иконоборцы относятъ и слова апостола Павла, съ

которыми онъ обращается къ язычникамъ: „Измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и почтоша и послужиша твари паче Творца“. И еще: „Аще и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ. Вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ“. И еще: „Вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ“.

Изъ письменности святоотеческой иконоборцы приводятъ въ свое оправданіе слѣдующія мѣста: Изъ свят. Епифанія Кипрскаго: „Будьте внимательны къ себѣ и держите преданія, которыя вы получили. Не уклоняйтесь ни направо, ни налѣво. Помните, дѣти возлюбленныя, и о томъ, что не слѣдуетъ вносить иконъ въ церкви, а также и въ усыпальницы святыхъ, но всегда памятуйте о Богѣ и держите Его въ сердцахъ своихъ; христіанину неприлично возноситься къ Богу посредствомъ глазъ и блужданій ума“. Здѣсь прервавъ нѣсколько изложеніе постановленій лжесоборныхъ, я считаю не излишнимъ замѣтить, что мѣсто это по изслѣдованію истиннаго вселенскаго собора оказалось подложнымъ. Далѣе иконоборцы приводили въ свою пользу мѣсто изъ стихотвореній св. Григорія Богослова: „Несправедливо вѣру заключать въ краскахъ, а не въ сердцѣ, потому что заключенное въ краскахъ легко стирается; что же касается вѣры въ глубинѣ души, то она по сердцу мнѣ“. Изъ Златоуста приводили такое изреченіе: „Посредствомъ писаній мы наслаждаемся присутствіемъ святыхъ, имѣя образъ не тѣлъ, но душъ ихъ, потому что сказанное ими служитъ образами ихъ душъ“. Изъ Василія Великаго: „Въ писаніи находятся и увѣщанія дѣлать добрыя дѣла, и предлагаются жизнеописанія блаженныхъ мужей, какъ бы нѣкоторые одушевленные образы богоугодной жизни, предлагаемые для подражанія“. Изъ Аѳанасія Великаго: „Какъ не пожалѣть о почитающихъ творенія по той причинѣ, что зрячіе кланяются не видящимъ и одаренные слухомъ—не слышащимъ!“ Изъ Амфилохія Иконійскаго: „Мы заботимся не о томъ, чтобы изображать красками на доскахъ тѣлесные облики святыхъ, ибо въ этомъ мы не имѣемъ надобности, но о томъ, чтобы подражать добродѣтельной жизни ихъ“. Объ этомъ мѣстѣ не лишне будетъ

здѣсь же, прервавши рѣчь, замѣтить, что оно приведено безъ связи контекста, оттого и смыслъ получило не подлинный. Съ разборомъ сего мѣста мы еще встрѣтимся при изложеніи занятій истиннаго VII вселенскаго собора. Теперь же предложимъ обозрѣніе аргументовъ, перечисленныхъ иконоборцами. Послѣ выдержки изъ Амфилохія, приводится мѣсто изъ Ѳеодота Анкирскаго: „Мы получили наставленіе не лица святыхъ изображать на иконахъ вещественными красками, а подражать указаннымъ въ писаніяхъ объ нихъ добродѣтелямъ ихъ, какъ бы какимъ одушевленнымъ образамъ; чрезъ это мы возбуждаемся къ подобной имъ ревности. Пусть скажутъ воздвигающіе изображенія, какой пользы достигли они чрезъ это и къ какому духовному созерцанію приходятъ отъ такого напоминанія. Очевидно, что это пустая выдумка и изобрѣтеніе діавольскаго коварства“. Относительно этого мѣста слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что при повѣркѣ сей выдержки на VII вселенскомъ соборѣ ни въ какомъ сочиненіи Ѳеодота Анкирскаго этого мѣста не нашли. Но съ особенною восторженностію иконоборцы ссылались на письмо Евсевія Кесарійскаго къ Констанціи, сестрѣ императора Константина Великаго, просившей его, Евсевія, прислать ей икону Христа Спасителя. „Такъ какъ ты писала относительно какой-то будто бы Христовой иконы и желала, чтобы я прислалъ тебѣ такую икону, то какую это икону разумѣешь ты, которую называешь Христовою? Истинную ли и не измѣняемую и заключающую въ себѣ сущность естества Его или же представляющую то естество Его, которое Онъ воспринялъ ради насъ, облекшись плотію, какъ бы одеждою рабскаго вида? Но что касается образа Его, какъ Бога, то я и самъ думаю, что не Его ты ищешь, потому что ты научена Имъ, что ни Отца никто не знаетъ, какъ только Сынъ, ни самаго Сына никто не знаетъ, какъ только родившій Его Отецъ. Конечно, ты ищешь икону, изображающую Его въ образѣ раба и во плоти, которою облекся Онъ ради насъ; но мы научены, что и она растворена славою божества и смертное поглощено жизнію. Итакъ, кто же въ состояніи изобразить мертвыми и бездушными красками и тѣнями из-

дающій сіяніе и испускающій блистательные лучи блескъ славы и достоинства Его, изобразить Его такимъ, каковъ Онъ есть? Даже избранные ученики Его не могли взирать на Него на горѣ, но пали лицемъ ницъ, признавъ, что блескъ свѣта для нихъ невыносимъ. Итакъ, если воспринятый Имъ въ воплощеніи образъ получилъ такую силу отъ обитавшаго въ Немъ божества, то что сказать о томъ Его состояніи, когда Онъ, сложивъ съ Себя смертность и смывъ тлѣніе, видъ рабскаго образа измѣнилъ на славу Господа и Бога, послѣ того, какъ одержалъ побѣду надъ смертію, возшелъ на небеса, возсѣлъ на царскомъ престолѣ одесную Отца и почилъ въ несказанныхъ и неизреченныхъ нѣдрахъ Отца?“

Соборъ истинно-вселенскій, разсмотрѣвъ это свидѣтельство, по справедливости замѣтилъ, что свидѣтельство это могло бы имѣть силу, ежели бы произнесено было отъ достойнаго уваженія отца церкви; но оно принадлежитъ епископу, запятнавшему себя склонностію къ аріанству. „Лучше бы было,—замѣчаетъ соборъ,—держаться писаній отцевъ святыхъ, какъ: Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и Григорій Нисскій; а у этихъ отцевъ есть ясныя выраженія объ употребленіи въ церкви Христовой святыхъ иконъ“.

Кромѣ свидѣтельствъ, упомянутыхъ выше, иконоборцы, для доказательства правоты своего дѣла, пользовались книгою подъ заглавіемъ: „Путешествія святыхъ апостоловъ“ (Д. в. с., 295). Въ этой книгѣ они открыли слѣдующій интересный разсказъ о св. Іоаннѣ Богословѣ и ученикѣ его Ликомедѣ. Живописецъ написалъ икону св. Іоанна Богослова и передалъ ее Ликомеду; тотъ принялъ ее съ радостію и, поставивъ ее въ спальнѣ, украсилъ ее вѣнкомъ. Іоаннъ, примѣчая, что ученикъ его нерѣдко уединяется въ спальню не въ урочное время, полюбопытствовалъ узнать, что за причина такой таинственности; вошелъ въ спальню Ликомеда и видитъ тамъ увѣнчанную вѣнкомъ икону старца, при ней свѣчи, передъ ней подсвѣчники. Пришедъ отъ всего этого въ негодованіе, Іоаннъ спрашиваетъ Ликомеда: что все это значитъ? Кто изъ боговъ написанъ на этой иконѣ и зачѣмъ Ликомедъ живетъ по язычески? Ликомедъ отвѣтствуетъ: „Богъ

у меня одинъ; но если послѣ Бога нужно называть богами и людей, нашихъ благодѣтелей, то на иконѣ изображенъ ты; тебя я и увѣнчиваю, и люблю, и почитаю, такъ какъ ты сдѣлался добрымъ моимъ руководителемъ". Тогда Богословъ, тщательно разсмотрѣвъ написанное, отвѣтилъ Ликомеду: „Образъ мой похожъ, но ты дурно поступилъ въ этомъ случаѣ". Здѣсь замѣтить слѣдуетъ, что сочиненіе подъ заглавіемъ: „Путешествія св. апостоловъ", изъ коего взята приведенная выдержка, сочиненіе древнее: оно извѣстно было еще въ IV вѣкѣ, но св. отцами порицалось и отвергалось, какъ еретическое (наприм. Амфилохіемъ Иконійскимъ).

Члены лжесобора послѣ того, какъ привели рядъ свидѣтельствъ изъ священнаго писанія и святоотеческой литературы, которыя, какъ казалось иконоборцамъ, подтверждали ихъ лжеученіе, заключаютъ: „Итакъ, мы собрали эти свидѣтельства изъ священнаго писанія и изъ отцевъ и сгруппировали въ настоящемъ нашемъ опредѣленіи, выбравъ, такъ сказать, изъ многаго немногое, чтобы не растягивать своей рѣчи. Весьма много есть и другихъ мѣстъ, но мы охотно опустили ихъ, потому что ихъ безконечное множество. Итакъ, будучи твердо наставлены изъ богодухновенныхъ писаній и отцевъ, а также утвердивъ свои ноги на камнѣ божественнаго служенія духомъ, всѣ мы, облеченные саномъ священства во имя Святой Троицы, пришли къ одному убѣжденію и единодушно опредѣляемъ, что всякая икона, сдѣланная изъ какого бы то ни было вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестиваго искусства живописцевъ, должна быть извергаема изъ христіанскихъ церквей: она чужда имъ и заслуживаетъ презрѣнія. Никакой человѣкъ да не дерзаетъ заниматься такимъ нечестивымъ и неблагоприличнымъ дѣломъ. Если же кто-либо съ этого времени дерзнетъ устроить икону или покланяться ей, или поставитъ ее въ церкви, или въ собственномъ домѣ, или же будетъ скрывать ее, такой, если это будетъ епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, да будетъ низложенъ, а если монахъ или мирянинъ, то да будетъ преданъ анаѳемѣ и да будетъ онъ виновенъ и предъ царскими законами, такъ какъ онъ про-

тивникъ Божіихъ распоряженій и врагъ отеческихъ догматовъ".

Итакъ, вотъ основоположенія, на которыхъ лжеименный вселенскій иконоборческій соборъ построилъ свои приведенные нами выше анаѳематизмы противъ св. иконъ и ихъ изготовителей, и ихъ почитателей.

Понятно, что всѣ эти иконоборческія постановленія, какъ отвѣчавшія сердечному желанію императора-иконоборца, были скрѣплены подписью и печатью императора и немедленно были направлены къ осуществленію на дѣлѣ. Ближайшимъ слѣдствіемъ лжевселенскаго собора было то, что иконы повсюду изъ церквей были выброшены, нѣкоторыя изъ нихъ сожжены; живопись на стѣнахъ храмовъ и мозаическія священныя изображенія затерты известью. Не избѣгъ этой участи и великолѣпный храмъ Богородицы Влахернскій въ Константинополѣ, на стѣнахъ котораго лучшими художниками изображена была вся земная жизнь Богочеловѣка, всѣ Его чудеса, всѣ событія изъ евангельской исторіи, оканчивая сошествіемъ Святаго Духа на апостоловъ. Чтобы стѣны храмовъ не оставались голыми, приказано было изображать на нихъ обыкновенные ландшафты, также разукрашивать оныя, то есть стѣны храмовъ, изображеніями птицъ и разнаго сорта деревьевъ; и превратились, какъ выражается тогдашній очевидецъ, храмы въ птичники и фруктовые лабазы. Также поступлено было со всѣми общественными зданіями и дворцами, гдѣ не было недостатка въ священныхъ изображеніяхъ; въ этихъ мѣстахъ священныя изображенія были уничтожены, между тѣмъ, какъ, по выраженію того же современнаго писателя, сатанинскія изображенія всадниковъ, охотничьихъ сценъ, театральныхъ зрѣлищъ, конскихъ ристалищъ, оставались въ почетѣ и сберегались (glycas., p. 526). Иконоборческая ревность простиралась такъ далеко, что враги иконъ дозволяли себѣ жечь книги, украшенныя священными изображеніями, и рвать тѣ (т. е. книги), въ которыхъ говорилось о почитаніи иконъ. Такъ, скевофилаксъ при Софійской Константинопольской церкви позднѣе заявилъ, что въ ризницѣ онъ нашелъ двѣ книги, обложенныя золо-

тыми изображеніями; онѣ оказались прожженными, знакъ, что ихъ иконоборцы ввергали въ огонь. Тотъ же скевофилаксъ заявилъ, что въ его рукахъ есть книги, въ которыхъ иконоборцами вырѣзаны были мѣста, гдѣ говорилось о почитаніи св. иконъ, при чемъ представилъ и образецъ подобной книги; то же заявляли и другіе свидѣтели иконоборческаго царствованія Копронимова (Д. в. с. 408, II, 13). Левъ, епископъ Фокійскій, также свидѣтельствовалъ, что въ его епархіальномъ городѣ сожжено было иконоборцами 30 книгъ. Отъ гоненія на иконы Копронимъ перешелъ къ гоненію на святыя мощи; мощи святыхъ повелѣно было выбрасывать. Такъ поступлено было съ мощами преславной великомученицы Евѳиміи: мощи ея извержены были изъ храма и вмѣстѣ съ гробницею ввержены въ море, а великолѣпный храмъ, посвященный ея имени (гдѣ было собраніе членовъ собора Халкидонскаго), обращенъ въ цейхаузъ. Но какъ ни свирѣпствовала жестокость императора противъ св. иконъ и ихъ почитателей, цѣли своей онъ не могъ достигнуть безусловно и безпрепятственно: истинные сыны церкви Христовой не преклонились ни предъ какими угрозами и мученіями. Особенно смѣлыми и рѣшительными противниками безумнымъ планамъ императора были монашествующіе. Во главѣ сихъ ревнителей о благолѣпіи церковномъ стоялъ въ это время св. Стефанъ, именуемый новымъ, въ отличіе отъ первомученика архидіакона Стефана. Держа въ рукахъ монету, на коей былъ изображенъ императоръ, св. Стефанъ, представъ предъ императора, спросилъ его: „какое наказаніе заслужу я, если эту монету брошу на землю и стану топтать ногами? Тогда ты можешь видѣть, какого наказанія достоинъ тотъ, кто оскорбляетъ Христа и Матерь Его въ Ихъ образахъ“. Сказавъ сіе, св. Стефанъ бросилъ монету и началъ топтать ее ногами; но прямо же изъ дворца императорскаго былъ препровожденъ въ темницу и тамъ подвергнутъ жестокому истязанію. Другой монахъ, по имени Петръ каливитъ (καλύβη — шатеръ), не убоялся назвать императора за иконоборство новымъ Валентомъ и Юліаномъ, и тоже ввергнутъ въ темницу и преданъ истязаніямъ. Такъ какъ и по другимъ мѣстамъ Константино-

польскаго патріархата главными защитниками иконопочитанія были монахи, то императоръ рѣшился во что бы то ни стало уничтожить самое учрежденіе монашества, какъ особаго класса людей, ревнующихъ о благочестіи. Считая монаховъ распространителями идолопоклонства, представителями обскурантизма, чадами тьмы, онъ рѣшился закрыть монастыри; для сего нѣкоторые монастыри были обращены въ казармы, какъ, напримѣръ, знаменитый въ Византіи монастырь Далматскій, иные монастыри въ столицѣ были разрушены до основанія. Отъ самыхъ монаховъ Копронимъ требовалъ, чтобы они носили мірское платье и вступали въ бракъ; послушнымъ обѣщаны были милости, деньги, почетныя должности въ военномъ и гражданскомъ управленіи. Какъ и во всякой семьѣ не безъ урода, такъ и здѣсь изъ числа монаховъ нашлись нѣкоторые, которые соблазнились льстивыми обѣщаніями императора; но большинство пребыли твердыми и эти-то твердые должны были переносить всевозможныя оскорбленія и муки. Въ видахъ посмѣянія надъ монахами, Константинъ приказалъ связывать попарно монаховъ съ монахинями и водить по цирку, при чемъ публикѣ дозволено было плевать и издѣваться надъ страдальцами. До чего доходила жестокость мѣръ противъ монаховъ, можно судить по тому, что монахамъ разбивали головы на тѣхъ самыхъ иконахъ, на защиту которыхъ они выступали. Между правителями провинцій особенно усерднымъ помощникомъ Копрониму оказался правитель Ѳракійской провинціи Михаилъ Лаханодрокомъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ дракона. Этотъ правитель прежде, чѣмъ начать жестокости, собравъ всѣхъ монаховъ, бывшихъ въ провинціи, объявилъ имъ, что они должны надѣть свѣтское платье и вступить въ бракъ. Кто не послушается, тому выколоты будутъ глаза и затѣмъ онъ отправленъ будетъ въ ссылку. Затѣмъ приступилъ къ исполненію своихъ угрозъ: монаховъ всѣхъ поразогналъ, самые монастыри съ принадлежащимъ имъ имуществомъ: сосудами, стадами, книгами, землями все распродалъ; большую часть монашескихъ книгъ предалъ сожженію; монахамъ выкалывали глаза, иныхъ сѣкли, инымъ намазывали бороды горю-

чими веществами и потомъ зажигали. Изъ лицъ свѣтскаго званія болѣе ревностные въ защищеніи св. иконъ тоже подвергаемы были истязаніямъ: ихъ водили по цирку для посрамленія и тамъ подвергали оплеванію и насмѣшкамъ, выкалывали глаза, отрѣзали носы, сѣкли розгами и т. п. Для того, чтобы довести свои предначертанія до конца, Копронимъ пришелъ къ мысли потребовать отъ всѣхъ своихъ подданныхъ клятву въ томъ, что они отказываются впредь отъ почитанія иконъ. Для сего онъ собираетъ всѣхъ жителей Константинополя и ближайшихъ къ нему мѣстъ. На обширной площади поставлены были: евангеліе, крестъ и св. евхаристія; всѣ должны были принести присягу, что они отвергаютъ иконопочитаніе, что каждую икону они считаютъ за идольскій образъ, что они не будутъ имѣть общенія съ монахами, но будутъ каждаго монаха преслѣдовать насмѣшками и камнями. Надобно имѣть въ виду однако же, что всѣ эти свирѣпства Копронима имѣли мѣсто лишь въ патріархатѣ Константинопольскомъ. Три остальные патріархата, находившіеся подъ владычествомъ мусульманскимъ, не только не подчинились распоряженіямъ императора, но и собирали соборы для противодѣйствія иконоборческимъ распоряженіямъ Копронима. Объ оппозиціи западныхъ церквей безумнымъ распоряженіямъ Копронима нечего и говорить: тамъ, какъ говорится, и ухомъ не вели слушаться безумій императора. Папа Стефанъ III собралъ въ 769 году обширный Латеранскій соборъ, гдѣ подтверждено было во всей силѣ православное ученіе объ иконопочитаніи. Однако и въ самомъ Константинополѣ иконоборчество сильно было не потому, чтобы въ большинствѣ душъ христіанскихъ пошатнулось убѣжденіе въ необходимости иконопочитанія, а главнымъ и даже, можно сказать, исключительнымъ образомъ изъ-за страха предъ властію императорскою. Доколѣ во главѣ имперіи стоялъ иконоборецъ-императоръ, дотолѣ иконоборство въ силѣ; но какъ только въ лицѣ императора утихаетъ свирѣпство противъ иконъ, то и почитаніе св. иконъ возстановляется прогрессивно. При преемникѣ же Копронима Львѣ IV, который не былъ заинтересованъ въ борьбѣ съ иконопочитателями,

приверженцы иконопочитанія пріобрѣтаютъ больше и больше значенія, а иконоборцы начинаютъ терять свою силу. Первыми ближайшими послѣдствіями послабленія иконопочитателямъ при Львѣ IV было то, что монахи начинаютъ отовсюду собираться по своимъ монастырямъ; высшія церковныя каѳедры епископовъ и митрополитовъ вручаются лицамъ, ознаменовавшимся ревностію о почитаніи иконъ; при царскомъ дворѣ количество сановниковъ, расположенныхъ къ иконопочитанію, начинаетъ возрастать. Что касается до простого народа, то объ его готовности выражать почитаніе иконамъ и сомнѣнія быть не могло, потому что эта потребность глубоко коренится въ душѣ православнаго и свирѣпостями иконоборческаго императора она могла быть только сдержана, но отнюдь не уничтожена. Но что всего было важнѣе въ дальнѣйшемъ ходѣ обстоятельствъ, такъ это то, что супруга императора Льва IV Ирина была ревностная иконопочитательница. Получивъ воспитаніе въ Аѳинахъ въ благочестивомъ семействѣ православныхъ иконопочитателей, она не отказалась отъ иконопочитанія и когда сдѣлалась супругою императора, не смотря на то, что сей императоръ по разнымъ комбинаціямъ политическимъ склоненъ былъ на сторону противниковъ иконопочитанія. За приверженность свою къ иконопочитанію Ирина подверглась опалѣ отъ мужа своего и даже удалена была изъ дворца, но не измѣнила долгу благочестія и чрезъ то послужила и для другихъ значительною поддержкою въ расположеніи къ иконопочитанію. Къ тому же всеблагая и премудрая воля Божія благоволила вскорѣ милостиво призрѣть на положеніе исповѣдниковъ иконопочитанія: императоръ Левъ IV вскорѣ (въ 780 г.) скончался, и правительницею имперіи за малолѣтствомъ сына его Константина назначена была благочестивая Ирина.

Присматриваясь къ расположенію партій, императрица должна была наблюдать большую осторожность въ изъявленіи своего расположенія къ иконопочитанію, а потому не вдругъ и не въ полной мѣрѣ начала свидѣтельствовать свое благоволеніе къ иконопочитателямъ; но все-таки и безучастною къ прежнимъ страдальцамъ оставаться не желала и по возмож-

ности начала пролагать путь новому порядку вещей. Такъ, она возвратила изъ ссылки всѣхъ монаховъ, сосланныхъ за приверженность къ св. иконамъ; епископскія каѳедры предоставлены большинству изъ сихъ страдальцевъ за иконопочитаніе; св. мощамъ, кои попираемы были при иконоборцахъ, возвращены почести и св. мощи снова торжественно были перенесены въ ихъ храмы, изъ которыхъ они были извергнуты. Такъ, императрица Ирина съ торжествомъ перенесла мощи свят. великомученицы Евѳиміи съ острова Лемноса въ Халкидонъ, гдѣ онѣ покоились въ храмѣ, посвященномъ ея имени еще во времена Халкидонскаго собора, но изъ котораго были извергнуты въ море иконоборцами. Сердечно заботясь о дѣлахъ церкви, всею душею желая возстановить порядки православія, столь сильно потрясенные иконоборцами, императрица пришла къ мысли торжественно возстановить порядки православія и для сего созвать истинный вселенскій соборъ, какъ противовѣсъ тому собору иконоборческому, который возымѣлъ дерзость именовать себя тоже вселенскимъ. Къ укрѣпленію рѣшимости въ императрицѣ на созваніе собора много повліяли обстоятельства, повстрѣчавшіяся съ патріархомъ Константинопольскимъ Павломъ. Этотъ патріархъ Павелъ былъ избранъ на патріаршество еще при императорѣ Львѣ и долгое время держалъ себя такъ искусно, какъ требовалось, чтобы не лишиться благоволенія императора, неблаговолившаго къ иконопочитателямъ; но вотъ въ 784 году вдругъ оставляетъ патріаршество и снова отправляется въ качествѣ простого монаха въ монастырь, гдѣ получилъ свое постриженіе. Причиною такой рѣшимости въ Павлѣ было то, что онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти за свою податливость императору-иконоборцу. Надобно замѣтить, что Павелъ до патріаршества былъ иконопочитателемъ, но во время принятія патріаршаго сана далъ императору клятву, что признаетъ иконоборство за истину. Теперь въ правленіе Ирины, когда иконопочитатели стали явно выражать свое усердіе къ иконамъ, въ Павлѣ ожило его прежнее расположеніе къ иконопочитанію, Павелъ потерялъ миръ душевный и не могъ найти лучшаго средства къ успокоенію своего духа, какъ за-

ключиться въ монастырь и оплакивать свои грѣхи. Императрица, удивленная неожиданностью такой рѣшимости патріарха, пожелала знать, почему онъ такъ поступилъ. Павелъ со слезами отвѣтствовалъ: „о, если бы я и совсѣмъ никогда не возсѣдалъ на патріаршемъ престолѣ! Эта церковь, т. е. Константинопольская, во зло употребила свою власть и за то пребываетъ въ отлученіи отъ всѣхъ церквей“ (разумѣется своеволіе иконоборцевъ). Императрица, не теряя надежды возвратить Павла снова на патріаршій престолъ, посылала къ нему сенаторовъ-патриціевъ съ просьбою объ этомъ, но Павелъ оставался непреклоненъ и при одной изъ такихъ депутацій высказалъ совѣтъ, что для возстановленія вполнѣ мира церковнаго нужно созвать вселенскій соборъ: „ежели не будетъ созванъ вселенскій соборъ, — говорилъ Павелъ,—и не будетъ искоренено господствующее заблужденіе, то не надѣйтесь получить спасеніе“. Когда же посланные замѣтили Павлу: зачѣмъ онъ при посвященіи давалъ клятвенное обѣщаніе, что не будетъ почитать иконъ, то Павелъ отвѣчалъ: „это-то и есть истинная причина моихъ слезъ; это-то и побудило меня наложить на себя покаяніе и молить Бога о прощеніи“.

Больной душевно и тѣлесно, патріархъ вскорѣ скончался. Приступлено было къ избранію новаго патріарха. Императрица остановила свое вниманіе на Тарасіи, мужѣ глубокообразованномъ и благочестивомъ, состоявшемъ въ чинѣ государственнаго секретаря, но когда эта воля императрицы была объявлена Тарасію, то тотъ началъ уклоняться отъ сего избранія. Императрица вначалѣ было удивилась, что бы за причина была тому, что Тарасій такъ мало вниманія обращаетъ на столь великую честь, предлагаемую ему, но Тарасій при личномъ объясненіи съ императрицей откровенно изъяснилъ причину, почему онъ не рѣшается принять на себя бремя управленія Константинопольскою церковію: „Церковь Христова разсѣкается и разрывается и мы (Константинопольская церковь) въ одно время говоримъ такъ, въ другое иначе, а восточные единовѣрцы наши (остальныя патріаршества восточныя) не такъ, какъ мы: съ ними согласны и христіане запада, и мы отчуждены отъ всѣхъ и каждый день анаѳемат-

ствуемся всѣми; ежели императрицѣ угодно, чтобы Тарасій принялъ бремя патріаршаго правленія, то онъ, Тарасій, согласенъ на это не иначе, какъ ежели будетъ созванъ вселенскій соборъ". Выслушавъ это объясненіе Тарасія, императрица вывела его предъ лицо сената и духовенства, собравшихся въ Мангаврскомъ дворцѣ для избранія патріарха. Тарасій и предъ лицемъ собора въ сильной и выразительной рѣчи объявилъ, что ежели хотятъ, чтобы онъ принялъ на себя патріаршество, то пусть будетъ созванъ вселенскій соборъ для утвержденія иконопочитанія. Большинство членовъ, за исключеніемъ немногихъ, признали требованіе Тарасія справедливымъ. Не желавшіе собора указывали было на то, что уже былъ соборъ при Копронимѣ, когда церковь уже выразила свой взглядъ на иконопочитаніе. Тогда Тарасій и сочлены, согласные съ нимъ, замѣтили, что „Копронимовъ соборъ собранъ былъ при условіяхъ неблагопріятныхъ для выраженія истины; иконы уже повсюду были низвержены еще въ царствованіе Льва Исавра: постановленіе собора, подобнаго Копронимову, можетъ ли связывать истину?" Мысль о созваніи собора была принята Ириною, и Тарасій былъ посвященъ въ патріархи въ праздникъ Рождества Христова въ 784 году.

Интересно здѣсь обратить вниманіе на одно обстоятельство, довольно рѣдкое въ исторіи каноническихъ операцій церковныхъ. Тарасій, какъ будто не полагаясь много на прочность своихъ объясненій съ императрицею и сенаторами, нашелъ потребнымъ предложить свое дѣло, т. е. какъ о своемъ избраніи, такъ и о созваніи собора на судъ народнаго собранія: собравъ народное собраніе, Тарасій держалъ предъ народомъ рѣчь, гдѣ изъясняетъ свой страхъ передъ величіемъ сана, свое опасеніе принимать трудности служенія, свое безпокойство о томъ, что прочіе единовѣрцы православные отчуждаются отъ церкви Константинопольской изъ-за иконоборчества; что для приведенія всего въ желаемый порядокъ требуется непремѣнно вселенскій соборъ. „Если защитники православія императоры наши повелятъ внять моей справедливой просьбѣ,— говорилъ Тарасій народу, разумѣя просьбу

о созваніи собора,—то уступлю и я, исполню ихъ повелѣніе и принимаю вашъ выборъ; если же нѣтъ, то я нахожу невозможнымъ сдѣлать это, чтобы не подпасть подъ анаѳему и не быть осужденнымъ въ день Праведнаго Судіи всѣхъ, когда не могутъ выручить меня ни императоры, ни священники, ни начальники, ни масса народа. Отвѣтьте, братіе, на мою апологію, лучше сказать на мою просьбу, такъ, какъ лучше и какъ вамъ угодно?“ Всѣ съ удовольствіемъ выслушали то, что говорилось, и всѣ изъявили согласіе на созваніе собора.

Первымъ дѣломъ при началѣ заботъ о созваніи собора было посланіе отъ императоровъ—Константина и Ирины къ папѣ Адріану съ приглашеніемъ на соборъ. Императорское посланіе трогательнымъ тономъ располагаетъ папу прибыть самолично въ Константинополь. Указавъ на то, что обязанностью и императорской власти, и первосвященника должно быть то, чтобы заботиться о томъ, что угодно Господу, посланіе скоро же переходитъ къ прямому предмету рѣчи: „Ваше отеческое блаженство знаетъ, что происходило въ нашемъ царствующемъ городѣ изъ-за достойныхъ почитанія иконъ: какъ истребляли ихъ, какъ безчестили и оскорбляли ихъ бывшіе до насъ правители, какъ они соблазнили весь народъ не только здѣшній, но и восточный, и склонили его на свою сторону, пока, наконецъ, Богъ управленіе этимъ народомъ не поручилъ имъ, императорамъ. Императоры съ чистымъ сердцемъ и съ истиннымъ благоговѣніемъ неизмѣнно рѣшили и обдуманно опредѣлили созвать вселенскій соборъ. Итакъ, просимъ ваше отеческое блаженство или даже проситъ Богъ Господь посвятить себя этому дѣлу—нисколько не медля прибыть сюда къ намъ для установленія утвержденія древняго преданія о досточтимыхъ иконахъ. При этомъ императрица выражала увѣреніе, что папѣ во время пути и въ Константинополь, и обратно доставлены будутъ всѣ удобства, честь и великолѣпіе. Ежели папа не можетъ прибыть лично, то пусть изберетъ почтенныхъ и свѣдущихъ мужей и отправитъ ихъ съ грамотою въ Константинополь къ патріархамъ: Александрійскому, Антіохійскому и Іерусалим-

скому". Приглашеніе послалъ отъ себя Тарасій, патріархъ Константинопольскій.

Папа отказался отъ чести быть на соборѣ, но послалъ отъ себя легатами двухъ пресвитеровъ Петра и другого Петра; одинъ Петръ былъ протопресвитеръ церкви св. апостола Петра въ Римѣ, другой—инокъ, игуменъ обители св. Саввы въ Римѣ же. Представителями отъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго были старшіе синкеллы, пресвитеры—Іоаннъ и Ѳома; они привезли съ собою посланіе и отъ патріарха Іерусалимскаго, которое выражало согласіе на утвержденіе иконопочитанія. Собрались и епископы Константинопольскаго патріархата въ столицу; соборъ предположено было открыть лѣтомъ 786 года въ храмѣ св. апостоловъ. Храмъ сей былъ построенъ еще Константиномъ Великимъ, возобновленъ и роскошно отдѣланъ Юстиніаномъ и служилъ усыпальницею Византійскихъ императоровъ и патріарховъ. Но Господу Богу благоугодно было еще разъ послать испытаніе на благихъ и вѣрныхъ чадъ Своей церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ противникамъ св. иконъ предоставить возможность еще разъ изрыгнуть свою гнусную желчь, прикровенно наполнявшую ожесточенныя сердца. Гдѣ таилась главнымъ образомъ сопротивная сила, не легко сказать: въ епископахъ ли, зараженныхъ попрежнему иконоборческими мыслями и теперь съ завистью и ненавистію смотрѣвшихъ на Тарасія, или въ войскѣ, которое искренно было предано духу императорскому; а такъ какъ императоры предшествовавшіе были заражены иконоборческими мыслями, то и въ войскахъ этотъ духъ еще вѣялъ съ его необузданною неудержимостью, или въ массѣ, толпѣ, бродячей безъ призрѣнія и готовой изъ-за всякаго подходящаго возбужденія предаться произволу и возмущенію. Какъ бы то ни было, только наканунѣ открытія собора вспыхнулъ въ Константинополѣ бунтъ среди войска, пропитаннаго иконоборческими понятіями. Солдаты, пришедши въ крещальню каѳедральной церкви, кричали: „не бывать собору". Когда объ этомъ донесено было императрицѣ, она рѣшила было не обращать на это волненіе никакого вниманія. Епископы собрались для соборнаго разсужденія въ храмѣ

св. апостоловъ; но лишь только начались занятія собора, какъ войско подступило къ храму и начало крикъ; епископы-иконоборцы также пристали къ сторонѣ бунтовщиковъ. Тогда императрица убѣдилась, что продолжать занятія собора было бы крайне опасно и повелѣла отцамъ собора разойтись по своимъ домамъ. На первый разъ Ирина не приняла никакихъ крутыхъ мѣръ противъ непослушнаго войска, потому что подобныя мѣры могли повести къ возмущенію, но и оставить безъ вниманія это обстоятельство тоже было неудобно. Императрица пришла къ мысли, что прежде, чѣмъ устроить соборъ, нужно отдѣлаться отъ войска. Съ этою цѣлью она объявила походъ на агарянъ: войска вышли изъ Константинополя; но этотъ походъ нуженъ былъ только какъ предлогъ къ тому, чтобы вывести войска. Чрезъ нѣсколько времени, именно, когда войска достигли Малагенъ, походъ пріостановленъ и войскамъ повелѣно было расходиться по домамъ. Такимъ образомъ, главная опасность къ собранію собора устранена.

Но видно было, что все еще положеніе дѣлъ было небезопасно: нужно было отложить соборъ на цѣлый годъ и кромѣ того перемѣнить мѣсто для занятій собора. Избрана была Никея, славная памятью I вселенскаго собора, удобная по своимъ путямъ сообщенія и недалеко отстоящая отъ Константинополя.

Днемъ открытія собора было 24 сентября; мѣстомъ занятій былъ храмъ св. Софіи; членовъ собора было болѣе 300; по крайней мѣрѣ подписей подъ актами собора имѣется 307. Изъ свѣтскихъ членовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, поименованы въ актахъ: Петрона, консулъ, патрицій и начальникъ императорской свиты; Іоаннъ, императорскій остіарій (первый придворный чиновникъ) и военный логофетъ. Занятія собора начинаются рѣчью патріарха Константинопольскаго Тарасія, какую онъ по предложенію епископовъ Сицилійскихъ держалъ къ собору, какъ начальствующій. Здѣсь можно вставить одну маленькую замѣтку къ свѣдѣнію сколько въ историческомъ, столько же и въ каноническомъ отношеніи: хотя въ спискѣ членовъ собора папскіе легаты и занимаютъ первое мѣсто, но первое слово принадлежало патріарху новаго

Рима, то есть Константинополя. Патріархъ Тарасій, съ прискорбіемъ упомянувъ о прошлогоднемъ возмущеніи иконоборцевъ, съ утѣшеніемъ выставляетъ на видъ собора неусыпность императоровъ въ ихъ заботахъ о благѣ церкви, теперь во второй разъ собравшихъ священный соборъ для боголюбезнаго дѣла. „То, что церковь имѣетъ по преданію, — говорилъ, между прочимъ, патріархъ, — не есть вмѣстѣ и да, и нѣтъ, но поистинѣ есть да и останется неповредимымъ и непоколебимымъ на вѣчное время, потому что неложенъ Возвѣстившій: врата адова не одолѣютъ ей. Пусть же предстанутъ воспротивившіеся истинѣ въ прошломъ году. Если они имѣютъ что либо возразить или сказать что въ свою защиту, то пусть скажутъ, потому что такимъ образомъ предметъ изслѣдованія уяснится“. Только что соборъ порѣшилъ было приступить къ разбору виновности епископовъ, оказавшихся соучастниками иконоборства, и уже замѣшенные въ этой повинности вошли было въ залу засѣданій соборныхъ, какъ гражданскіе сановники предъявили собору, что они имѣютъ отъ государей высочайшую грамоту къ собору; опредѣлено высочайшую грамоту выслушать; грамота императорская ничего особенно важнаго въ себѣ не заключаетъ: говоритъ о побужденіяхъ къ созванію собора, о мысляхъ и чувствахъ бывшаго патр. Павла (что нами было приведено раньше), объ условіяхъ и обстоятельствахъ избранія новаго патріарха Тарасія (который не иначе соглашается принять патріаршество, какъ подъ условіемъ, что будетъ собранъ новый вселенскій соборъ). Приведши эти указанія и намѣчая предметъ для занятій собора, грамота, между прочимъ, выражается: „какъ первоверховный апостолъ Петръ поразилъ безуміе раба и мечемъ отсѣкъ чувствилище іудейскаго слуха, такъ и вы поднимите сѣкиру духа и всякое древо, приносящее плодъ упорства, разногласія и нововведенія, или пересадите вашимъ учительскимъ гласомъ, или срѣжьте каноническимъ наказаніемъ и отошлите во огнь будущей геенны, чтобы духовный миръ сохранилъ тѣло церкви невредимымъ и единымъ и укрѣпилъ его отеческимъ преданіемъ и чтобы жизнь всего нашего Римскаго народа вмѣстѣ съ миромъ церкви текла также въ мирѣ“. Здѣсь же импе-

раторская грамота извѣщаетъ соборъ о томъ, что императоры получили отъ папы Адріана посланіе, и повелѣваетъ, чтобы это посланіе было прочитано на соборѣ, равно какъ и посланія отъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго. „Изъ этихъ посланій вы узнаете, — заключаетъ грамота, — каково мнѣніе вселенской церкви о предметахъ вашихъ сужденій“. Но прежде, чѣмъ читать упомянутыя посланія, соборъ нашелъ болѣе потребнымъ въ настоящемъ случаѣ заняться разборомъ виновности епископовъ, замѣшанныхъ въ иконоборствѣ. Разборъ показаній обнаружилъ, что обличаемыхъ можно было подводить подъ какую-нибудь изъ трехъ степеней виновности. Къ первой категоріи виновныхъ сравнительно въ меньшей степени пришлось отнести трехъ епископовъ: Василія Анкирскаго, Ѳеодора Мирскаго и Ѳеодосія Амморейскаго: эти трое просто повинны были въ томъ, что они увлеклись на сторону иконоборцевъ. Теперь каждый изъ нихъ представилъ письменное отреченіе отъ иконоборства и испрашивалъ прощенія у собора. Отреченіе у всѣхъ почти одинаково и по формѣ, и по содержанію: сознаются въ своемъ погрѣшеніи, отрекаются отъ иконоборства, изрекаютъ анаѳему на иконоборческій соборъ и на всѣхъ иконоборцевъ и обѣщаютъ принимать и почитать честныя изображенія Христа, Богоматери, святыхъ ангеловъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, вообще всѣхъ святыхъ, изъ какого бы вещества священныя изображенія ни были устроены: изъ золота, серебра и всякими красками, чтобы всѣмъ было извѣстно домостроительство спасенія. Послѣ того, какъ произносившій оканчивалъ чтеніе своего клятвеннаго обѣщанія, патріархъ Тарасій спрашивалъ мнѣніе собора: согласенъ ли соборъ даровать кающемуся прощеніе и позволитъ ли имъ удержать ихъ каѳедры. Соборъ обо всѣхъ отвѣтствовалъ: „всѣмъ намъ это угодно“. Въ частности объ исповѣданіи Ѳеодосія Амморейскаго замѣчено, что его исповѣданіе глубоко разжалобило одного изъ членовъ собора, именно Константина, епископа Констанціи Кипрской, такъ что этотъ епископъ возгласилъ на соборѣ: „много слезъ вызвала у насъ рѣчь почтеннаго епископа Амморейскаго“.

Послѣ того, какъ покончены былъ разборъ категоріи менѣе виновныхъ, принялись за болѣе виновныхъ: призваны были къ отвѣту семь епископовъ: Ипатій Никейскій, Левъ Родосскій, Григорій Писинунтскій, Левъ Иконійскій, Георгій Писидійскій, Николай Іерапольскій и Левъ Карпатскій. Эти епископы, кромѣ наклонности къ иконоборству, еще повинны были въ томъ, что они участвовали въ незаконныхъ сборищахъ, составлявшихъ оппозицію предположенному уже къ открытію собору вселенскому. Соборъ по предложенію Тарасія затребовалъ отъ этихъ епископовъ объясненія: „изъ какихъ побужденій они держали свои беззаконныя совѣщанія, собирались скрытно и строили ковы противъ истины. Если вы поступали безотчетно — по невѣдѣнію, то покажите причину такого вашего невѣдѣнія; а ежели вы поступали въ силу ложнаго убѣжденія, то обнаружьте намъ самое это убѣжденіе ваше. И этотъ священный соборъ, имѣя поборницею непобѣдимую истину, совершенно опровержетъ и разрушитъ ваши хитросплетенія и противорѣчія, какъ хитросплетенія ложныя и не имѣющія никакого признака и вида истины“. Всѣ епископы, причисленные къ этому разряду, объяснили, что они дѣйствовали по неразумію: худое ученіе они приняли отъ худыхъ учителей. По отношенію къ этимъ епископамъ вопросъ о томъ, принять ли ихъ въ церковное общеніе и оставить ли ихъ на ихъ каѳедрахъ, разрѣшенъ былъ не такъ скоро и просто, какъ по отношенію къ епископамъ перваго класса. Строгія сужденія по отношенію къ симъ епископамъ высказывали и нѣкоторые епископы, члены собора и одни изъ представителей патріаршествъ восточныхъ и нѣкоторые изъ монаховъ Константинопольскихъ, присутствовавшихъ на соборѣ. Подавались голоса: виновныхъ лишить ихъ каѳедръ, предоставить имъ только церковное общеніе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ сихъ виновныхъ и посвященіе получили отъ еретиковъ. Но патріархъ Тарасій смотрѣлъ снисходительнѣе; примѣрами изъ церковной исторіи (апост. пр. 53; Ник. соб. пр. 8; Ефес. соб. пр. 3; Кирилла Алекс. къ діакону Максиму; св. Аѳанасія къ Руфиніану) онъ доказывалъ, что покаяніе возвращаетъ епископамъ ихъ каѳедры, и мнѣніе

Тарасія было уважено всѣми. По произнесеніи покаявшимися письменнаго отреченія отъ ереси, они возсоединены съ церковію и оставленъ за ними епископскій санъ.

Не излишне будетъ замѣтить здѣсь, что при разборѣ виновности сихъ епископовъ подвергнуты были очень внимательному разслѣдованію вопросы относительно приходящихъ отъ ереси и относительно тѣхъ, кои получили хиротонію отъ еретиковъ; рѣшеніе: обращающимся отъ ереси ничто не возбраняетъ считаться членами церкви; санъ ихъ удерживается; хиротонисанные еретиками не виновны въ томъ, что ихъ рукополагатели пребывали въ ереси.

Хотя не одновременно съ разбирательствомъ предметовъ вышеизложенныхъ происходило разслѣдованіе виновности по третьей самой тяжкой винѣ заподозрѣннаго въ оной виновности, а именно этотъ послѣдній предметъ подлежалъ разсмотрѣнію на второмъ или же на третьемъ засѣданіи собора, но чтобы изъ-за этого предмета намъ послѣ не прерывать повѣствованія о матеріи совсѣмъ другого рода, а кстати же и по сходству предмета присоединимъ рѣчь и о виновности по третьей степени. Въ этой третьей степени оказался въ подозрѣніи Григорій, епископъ Неокесарійскій. Этотъ епископъ обвинялся въ томъ, что онъ кромѣ того, что самъ зараженъ былъ иконоборствомъ, а еще преслѣдовалъ и гналъ исповѣдниковъ иконопочитанія въ предшествовавшемъ царствованіи. Какъ подозрѣваемый въ тяжкихъ проступкахъ, Григорій Неокесарійскій не смотря на то, что, какъ видно, успѣлъ заручиться благосклонностію императрицы съ императоромъ, такъ какъ на соборъ былъ представленъ императорскими чиновниками, кои, представляя Григорія собору, не преминули вставить, что они дѣйствуютъ по повелѣнію высочайшему, такъ не смотря на это участіе власти императорской Григорій былъ встрѣченъ на соборѣ съ замѣтною строгостію. Лишь только онъ вошелъ на соборъ съ просьбою о прощеніи, какъ Тарасій встрѣчаетъ его суровою рѣчью: „ужели тебѣ до сихъ поръ не было случая узнать истину или ты отнесся къ ней съ пренебреженіемъ, полагая, что ея еще не постигли; скажи, что тебѣ нужно?“ Григорій от-

вѣтствовалъ, что, видя единодушіе собравшихся отцевъ по вопросу объ иконопочитаніи, онъ проситъ прощенія въ своемъ иконоборческомъ заблужденіи. Тарасій не вдругъ повѣрилъ искренности Григорія: видно, что его обращеніе казалось отцамъ собора подозрительнымъ: „можетъ быть,—спрашиваетъ Тарасій Григорія,—ты хочешь затѣнить свою мысль покровомъ хитрости и, придавая словамъ видъ истины, въ душѣ остаешься злодѣемъ?“ Григорій съ рѣшительностію завѣрялъ, что его обращеніе вполнѣ искренне. „Мы признаемъ, что сдѣланное нами нечестиво. Но такъ поступали многіе и мы такъ поступали и поэтому мы просимъ снисхожденія нашимъ заблужденіямъ. Исповѣдую, владыко, предъ лицемъ честнѣйшей святости твоей и предъ всѣми братіями св. собора, что мы согрѣшили, поступали незаконно и нечестиво и просимъ въ этомъ прощенія“. Отъ Григорія потребовали, чтобы и онъ, какъ и епископы, оправданные передъ нимъ, прочиталъ по тетрадкѣ свое исповѣданіе. Исповѣданіе было такое же, какъ и прочихъ епископовъ. Тарасій спрашиваетъ Григорія: „ты отъ чистаго ли сердца исповѣдуешь это?“ Григорій отвѣчаетъ: „во имя Божіе и твоими св. молитвами и молитвами св. отецъ въ чистомъ сознаніи и отъ всей чистоты сердца исповѣдую и прошу ваше блаженство и весь этотъ святый и священный соборъ молиться за меня грѣшнаго“. Тарасій предлагаетъ собору на обсужденіе: „что сказать на это?“ Соборъ отвѣтствуетъ: „какъ было въ другихъ случаяхъ, такъ да будетъ и теперь“. Но Тарасій обращаетъ вниманіе собора на то особое обстоятельство, что ходитъ молва, будто во время гоненія нѣкоторые изъ епископовъ подвергали невыносимому гоненію благочестивыхъ мужей. Весь этотъ соборъ знаетъ, что правила св. апостоловъ епископа, или пресвитера, или діакона, біющаго вѣрныхъ согрѣшающихъ или невѣрныхъ, нечестиво живущихъ, заповѣдуютъ низлагать. Соборъ опредѣляетъ: „пусть всякій обиженный изложитъ въ свою очередь жалобу этому св. собору и по раскрытіи истины пусть будетъ поступлено такъ, какъ опредѣлено свят. соборомъ“. Григорій отвѣтствуетъ: „ни одинъ человѣкъ не обвинитъ меня, чтобы я билъ или нака-

зывалъ кого-либо. Ни въ богоспасаемомъ и царствующемъ городѣ, ни на моей сторонѣ ни одинъ человѣкъ не подвергался отъ меня преслѣдованію". Соборъ сказалъ: „если это такъ, то пусть онъ будетъ принятъ на свое мѣсто". Партія строгихъ, которая заявила себя еще при судѣ надъ епископами, виновными по прежнимъ степенямъ, явилась съ возраженіями и теперь. Савва, игуменъ Студійскаго монастыря въ Константинополѣ, потребовалъ, чтобы съ Григоріемъ было поступлено не какъ только съ заблуждающимся, но какъ съ ересіархомъ, ибо онъ былъ въ числѣ главныхъ руководителей собора Копронимова. Возникли пренія, но они окончились благополучно для Григорія. Соборъ припомнилъ, что хотя Ювеналій, епископъ Іерусалимскій, и былъ однимъ изъ передовыхъ лицъ въ исторіи собора разбойничьяго (монофизитскаго, лжевселенскаго, быв. въ 448—9 г.), однако же истинный вселенскій Халкидонскій соборъ пощадилъ виновнаго. Тарасій и теперь принялъ сторону кающагося: „уже и прежде, — замѣтилъ Тарасій, — этотъ святый соборъ провозгласилъ, что слѣдуетъ принимать приходящихъ отъ ереси, если не извергаетъ ихъ изъ сана какая-либо посторонняя причина". Савва, игуменъ Студійскій, пытался было еще возражать, говоря, что Григорій объявленъ, какъ начальникъ ереси, а между тѣмъ св. Аѳанасій Великій въ посланіи къ Руфиніану говоритъ, что начальниковъ ереси достаточно принимать только на покаяніе. Но въ защиту Григорія повелъ рѣчь Тарасій, указывая на то, что Григорій никого не наказывалъ, ни преслѣдовалъ. Мысль Тарасія быстро подхватилъ и поддержалъ Константинъ, епископъ Константіи Кипрской, замѣтивъ: „Ювеналій и окружавшіе его епископы были начальниками разбойничьяго собора, но на четвертомъ соборѣ были приняты". Много подѣйствовало замѣчаніе логофета Іоанна: „хотя Григорій Неокесарійскій и былъ начальникомъ нечестиваго собора, но для вашего Богомъ созваннаго собора достаточно того, что онъ до сихъ поръ не перестаетъ осуждать свою ересь и ученіе". Голоса оппозиціи начинали стихать. Петръ, представитель папы, Ѳома и Іоаннъ, представители патріарховъ восточныхъ, заявили: „пусть под-

судимые снова займутъ свои каѳедры". Соборъ сказалъ: „всѣ мы говоримъ тоже самое и согласны на это". „И взошли на приличествующія имъ каѳедры,— замѣчаетъ лѣтопись соборная, — почтеннѣйшіе епископы, Никейскій" и т. д. Соборъ провозгласилъ: „хорошо, что Богъ привелъ православныхъ". Послѣ того, какъ окончено было разбирательство виновности епископовъ, замѣшанныхъ въ иконоборствѣ, Леонтій, императорскій секретарь, напомнилъ собору, что еще отъ предшествовавшаго засѣданія осталось на очереди занятій собора выслушать посланіе папы Адріана о святыхъ иконахъ, присланное императорамъ Константину и Иринѣ, и посланіе въ двухъ тетрадяхъ досточтимыхъ архіереевъ восточныхъ. Рѣшено было прочитать посланіе папы Адріана.

Посланіе папы Адріана, весьма пространное по своему объему, въ сущности имѣетъ въ виду разъяснить, что отверженіе св. иконъ есть явленіе нетерпимое. Въ этихъ видахъ папа Адріанъ излагаетъ исторію иконопочитанія съ древнихъ временъ, при чемъ приводитъ многія указанія, конечно, неоцѣнимаго интереса для тѣхъ, кто желаетъ знать существо дѣла. Не облѣнимся послушать слово старца опытнаго, слово, идущее отъ древнихъ временъ и открывающее предъ нами завѣсу самой глубокой въ христіанствѣ апостольской древности. Въ началѣ посланія папа довольно долго распространяется объ авторитетѣ апостола Петра и преемниковъ его на церковной Римской каѳедрѣ,—тема столь любимая владыками запада и клевретами ихъ. Но не эта тема для насъ особенно интересна: мы будемъ выбирать то, что прямо относится къ нашему предмету. Упомянувъ о томъ, какъ прежде въ Византіи попираемы были св. иконы и что теперь наступила благословенная пора церковнаго мира, папа ублажаетъ виновниковъ сего мира—Константина и Ирину, убѣждаетъ ихъ и впредь держаться добраго примѣра благочестивыхъ императоровъ, кои были покорны церкви, оказывали почитаніе первосвятителямъ Римской каѳедры, согласно преданію которыхъ мы (здѣсь переходъ къ занимающему насъ предмету) почитаемъ священныя изображенія Христа и иконы Пресвятой Его Матери, апостоловъ и всѣхъ святыхъ.

„Съ той поры, какъ церковь Христа Бога нашего стала наслаждаться миромъ и покоемъ, и до настоящаго времени церкви были украшаемы святыми иконами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ блаженный и святѣйшій папа Сильвестръ. Повѣствуя въ своемъ предисловіи о томъ времени, когда къ вѣрѣ христіанской обратился благочестивый императоръ Константинъ, онъ говоритъ слѣдующее: по прошествіи дня и по наступленіи ночной тишины во время сна являются императору святые апостолы Петръ и Павелъ и говорятъ: такъ какъ ты положилъ конецъ своимъ злодѣяніямъ и тебѣ стало противно проливать кровь невинныхъ, то Господь Христосъ Іисусъ послалъ насъ дать тебѣ наставленіе относительно пріобрѣтенія спасенія. Итакъ, послушай наставленій и сдѣлай все, что мы тебѣ прикажемъ.

Сильвестръ, епископъ города Рима, избѣгая твоихъ преслѣдованій, находится на горѣ Соракте и тамъ въ каменныхъ разсѣлинахъ ищетъ тайнаго убѣжища. Призови его къ себѣ и онъ самъ укажетъ тебѣ водохранилище. Когда онъ погрузитъ тебя въ немъ трижды, тогда прокаженная сила покинетъ тебя. Послѣ этого ты съ своей стороны воздай твоему Спасителю слѣдующее возмездіе: пусть по повелѣнію твоему будутъ возстановлены церкви во всемъ мірѣ Римскомъ, самъ же очисти себя, отринувъ суевѣрное служеніе идоламъ, и воздавай поклоненіе и почитаніе единому Богу, Который одинъ есть истинный Богъ, и ходи по Его волѣ.

Итакъ, вставъ отъ сна, онъ тотчасъ созываетъ своихъ царедворцевъ, разсказываетъ о снѣ и посылаетъ на гору Соракте, гдѣ святый Сильвестръ, по причинѣ гоненія, скрывался со своими клириками на полѣ одного христіанина и занимался чтеніемъ и молитвами. Когда онъ увидѣлъ, что найденъ воинами, то подумалъ, что призванъ къ вѣнцу мученичества, и, обратившись ко всему находившемуся съ нимъ клиру, сказалъ: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія. Итакъ, онъ отправился и пришелъ къ императору, и когда было доложено объ этомъ, вошелъ къ нему съ тремя пресвитерами и тремя діаконами. Вошедши, онъ сказалъ: императоръ! миръ и побѣды тебѣ ниспосылаются небомъ.

Императоръ принялъ его съ радостію и изложилъ ему все, что съ нимъ случилось, что было сказано и открыто ему. По окончаніи же своего разсказа, онъ сталъ спрашивать: что это за боги Петръ и Павелъ, посѣтившіе его ради его исцѣленія и открывшіе ему убѣжище Сильвестра. Сильвестръ отвѣчалъ: „они не боги, но избранные рабы и апостолы Христовы, посланные увѣщевать людей, чтобы они, вѣруя, наслѣдовали спасеніе. И когда папа говорилъ такимъ образомъ императору, то первымъ вопросомъ императора было: нѣтъ ли какого-либо изображенія этихъ апостоловъ, чтобы по живописи онъ могъ узнать, что это тѣ именно лица, которыхъ онъ видѣлъ въ откровеніи. Тогда святый Сильвестръ послалъ діакона и велѣлъ ему принести икону апостоловъ. Взглянувъ на нее, императоръ начинаетъ говорить громко, что это тѣ именно, которыхъ онъ видѣлъ, и что уже не слѣдуетъ откладывать того, что Духомъ Святымъ открыто относительно водохранилища, которое, какъ припоминалъ онъ, они предлагали ему для его исцѣленія. Вотъ изображенія святыхъ, какъ сказано выше, со времени самыхъ первыхъ святыхъ начатковъ вѣры нашей были у всѣхъ христіанъ и донынѣ сохранились въ церквахъ скульптурныя и живописныя изображенія святыхъ, такъ какъ и грубые язычники, разсматривая живописную исторію божественнаго писанія, обращались отъ почитанія идоловъ и демонскихъ истукановъ къ истинному свѣту христіанства и къ почитанію любви Божіей. И знаменитый отецъ и проповѣдникъ блаженный Григорій, епископъ сего апостольскаго престола, говоритъ, что иконы необходимы для того, чтобы тѣ, которые не знаютъ писанія, на стѣнахъ могли читать то, чего они не могутъ читать въ книгахъ. Для этого именно святые и достохвальные отцы и постановили украшать церкви иконами и живописными изображеніями священныхъ событій и дѣяній святыхъ, и всѣ православные и благочестивѣйшіе императоры, всѣ священники и благочестивые служители Божіи, а также весь міръ христіанскій, въ силу принятаго ими съ самыхъ первыхъ временъ преданія отъ святыхъ отцевъ, сохраняли иконы и живописныя изображе-

нія для благочестиваго настроенія и сердечнаго сокрушенія и православно почитали ихъ даже до временъ прадѣда вашей свѣтлости. Но прадѣдъ вашъ по наущенію нѣкоторыхъ нечестивцевъ низложилъ эти священныя иконы и съ того времени возникло великое заблужденіе въ предѣлахъ самой Греціи и разлился великій соблазнъ по всему міру. Но горе тому, имже соблазны во весь міръ вошли (Матѳ. VII, 7), какъ свидѣтельствуетъ сама истина. Поэтому блаженнѣйшіе Римскіе первосвященники этого времени—владыка Григорій, а также и (другой) Григорій, объятые великою скорбію, умоляли прадѣда вашего кротчайшаго благочестія и заклинали его своею апостольскою властію, чтобы онъ отсталъ отъ этого безумія и нововведенія и возстановилъ иконы на ихъ прежнихъ мѣстахъ. Но онъ никоимъ образомъ не склонился на ихъ спасительныя мольбы. Далѣе владыки: Захарія, Стефанъ, Павелъ и еще Стефанъ, предшественники наши, святые первосвященники, очень часто обращались съ просьбою о возстановленіи тѣхъ же святыхъ иконъ къ дѣду и отцу вашей свѣтлѣйшей кротости, а также и наше ничтожество весьма смиренно, но постоянно просило объ этомъ вашу императорскую власть. И теперь усерднѣйше просимъ васъ, чтобы какъ мы въ силу преданія святыхъ отцевъ и предшественниковъ нашихъ, достославныхъ первосвященниковъ, живописно изображаемъ въ церквахъ событія священной исторіи для благочестиваго настроенія и для назиданія неопытныхъ и ставимъ въ домѣ Божіемъ священный образъ Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа въ Его воплощенномъ и человѣческомъ видѣ, а также Пресвятой Его Матери и святыхъ апостоловъ, пророковъ, мучениковъ и исповѣдниковъ, такъ и ваше милосерднѣйшее императорское могущество да содѣйствуетъ тому, чтобы православная вѣра одинаково процвѣтала и въ странахъ греческихъ, чтобы согласно писанію было едино стадо и одинъ овчій дворъ (Іоан. X, 16), потому что священныя иконы остаются вездѣ, гдѣ только есть христіане, и всѣ вѣрующіе воздаютъ имъ почитаніе. Отъ видимаго образа нашъ умъ въ своемъ духовномъ полетѣ возносится къ невидимому величію божества, когда

созерцаетъ Господа во плоти, которую Сынъ Божій благоволилъ принять ради нашего спасенія. Этому Искупителю нашему, сущему на небесахъ, мы покланяемся и воздаемъ хвалу духомъ, такъ какъ написано: Богъ Духъ есть (Іоан. IV, 24). Поэтому божество Его мы почитаемъ духовно. Мы обожаемъ не самыя иконы, какъ разглашаютъ нѣкоторые, да не будетъ сего! Нѣтъ, наша любовь и наше стремленіе— любовь и стремленіе къ Богу и святымъ Его. Сохраняя чистоту нашей вѣры, мы и иконы, подобно тому, какъ книги божественнаго писанія, употребляемъ для напоминанія о томъ, кого мы почитаемъ".

Далѣе слѣдуетъ историческое обозрѣніе религіозныхъ учрежденій и упражненій, о коихъ говорится въ священной исторіи и кои упражненія изображаемы были на стѣнахъ храмовъ. Перечень изображеній начинается упоминаніемъ о жертвоприношеніи Авеля и оканчивается повелѣніемъ Моисею устроить мѣднаго змія. Обозрѣніе всѣхъ сихъ религіозныхъ учрежденій оканчивается такимъ заключеніемъ, что всемогущій Господь нашъ ради спасенія Своего народа благоизволилъ говорить къ нему, то есть народу среди рукотворенныхъ херувимовъ и что все, что только установлено въ церквахъ Божіихъ во славу и въ честь Его, все это свято и должно быть почитаемо.

„О, какъ безумствуютъ ожесточенные противъ христіанской вѣры, когда утверждаютъ, что не слѣдуетъ воздавать почтенія и благоговѣнія иконамъ, на которыхъ изображенъ ликъ Спасителя и Его Матери или лики святыхъ, доблестями которыхъ поддерживается міръ и родъ человѣческій получаетъ спасеніе. Мы вѣримъ, что израильскій народъ при взглядѣ на мѣднаго змія освобождался отъ постигавшаго его бѣдствія. Неужели, взирая на ликъ Христа Господа нашего и святыхъ и почитая ихъ, мы будемъ сомнѣваться въ спасеніи? Не будемъ оказывать сочувствія такой безумной неразсудительности. Будемъ слѣдовать истинному преданію и ни подъ какимъ предлогомъ не станемъ отклоняться отъ его ученія. Читаемъ также, что и Соломонъ царь въ построенномъ имъ храмѣ сдѣлалъ херувимовъ во славу Божію, а также раскрасилъ

храмъ различными цвѣтами. Поэтому-то мы и всѣ православные для прославленія вѣры нашей и для украшенія дома Божія пользуемся разнообразіемъ цвѣтовъ и украшаемъ его живописными изображеніями".

Приведши нѣсколько выраженій, изъ священнаго писанія о поклоненіи лику Божію и о благолѣпіи дома Божія, папа излагаетъ довольно длинный рядъ древнихъ святоотеческихъ письменныхъ свидѣтельствъ о священныхъ изображеніяхъ въ церквахъ. Святый Григорій, епископъ Нисскій, въ словѣ, написанномъ объ Авраамѣ, между прочимъ, говоритъ такъ: „нерѣдко видѣлъ я живописное изображеніе этого страданія [1]) и никогда не проходилъ безъ слезъ мимо сего зрѣлища, такъ живо эту исторію представляетъ взору искусство".

Въ письмѣ святаго Василія, отправленномъ къ Юліану отступнику, говорится: „исповѣдую нашу непорочную христіанскую вѣру такъ, какъ мы наслѣдовали ее отъ Бога. Пріемлю и святыхъ апостоловъ, пророковъ и мучениковъ, которые возносятъ молитвы къ Богу, и вѣрую, что по ихъ ходатайству человѣколюбивый Богъ изливаетъ Свое милосердіе на меня и даруетъ оставленіе грѣховъ. Поэтому почитаю и изображенія ихъ на иконахъ и открыто покланяюсь имъ, потому что это предано святыми апостолами и не должно быть воспрещаемо. Поэтому во всѣхъ церквахъ своихъ мы изображаемъ исторію ихъ". Изъ его бесѣды на день св. сорока мучениковъ: „оказанныя въ браняхъ доблести нерѣдко изображали историческіе писатели и живописцы, одни украшая ихъ словомъ, а другіе начертывая на картинахъ, а симъ тѣ и другіе многихъ возбудили къ мужеству. Что повѣствовательное слово передаетъ чрезъ слухъ, то живопись показываетъ молча чрезъ подражаніе".

Изъ бесѣды св. Іоанна, архіепископа Константинопольскаго, Златоустаго, на притчу о сѣмени: „если бы ты наругался надъ императорскою одеждою, то тѣмъ самымъ не сдѣлалъ ли бы ты оскорбленія тому, кто надѣвастъ ее?

[1]) Рѣчь идетъ объ изображеніи жертвоприношенія Исаака; вмѣстѣ съ принесеніемъ Исаака въ жертву изображались и страданія Іисуса Христа, прообразованныя Авраамовымъ жертвоприношеніемъ.

Развѣ ты не знаешь, что если кто-либо безчеститъ императорское изображеніе, то тѣмъ самымъ причиняетъ оскорбленіе самому императору, самому первообразу и его сану? Развѣ не знаешь, что кто злословитъ изображеніе, состоящее изъ дерева и красокъ, тотъ судится не за то, что дерзко отнесся къ предмету неодушевленному, но за то, что онъ возсталъ противъ императора? Онъ нанесъ двойное оскорбленіе императору".

Укажемъ также и на слова св. Кирилла изъ толкованій его на евангеліе отъ Матѳея: „вѣра изображаетъ Слово, Которое есть образъ Божій, а также и то, какъ принесена Имъ искупительная жертва Богу за нашу жизнь, какъ Оно облеклось подобно намъ плотію и содѣлалось человѣкомъ".

Онъ же немного далѣе: „необходимость образовъ доказываютъ намъ притчи, которыя посредствомъ метафорическихъ выраженій, напримѣръ: „глаза" или чрезъ „осязаніе" передаютъ сущность того, что ими означается и что невидимо созерцается мыслію".

Изъ словъ св. Аѳанасія, епископа Александрійскаго: „о вочеловѣченіи Господа" (о воплощеніи Бога Слова), начинающагося словами: „въ предыдущемъ словѣ, изъ многаго взявъ не многое, но въ достаточной мѣрѣ, мы разсуждали"... Въ этомъ словѣ онъ говоритъ: „поелику написанный на деревѣ ликъ сдѣлался невиднымъ отъ внѣшнихъ нечистотъ, то надобно было опять придти Тому, чей это ликъ, чтобы на томъ же веществѣ можно было возобновить изображеніе, ибо ради изображеннаго лика и самое вещество, на которомъ онъ написанъ, не бросается, но возстановляется на немъ ликъ" и проч.

Также изъ девятой главы третьей книги блаженнаго Амвросія къ императору Граціану: „Когда мы почитаемъ божество и плоть, то не раздѣляемъ ли Христа? или когда въ Немъ почитаемъ и образъ Божій и крестъ, то не раздѣляемъ ли Его? Да не будетъ".

Изъ словъ св. Стефана, епископа Бострскаго, объ иконахъ святыхъ: „а относительно иконъ святыхъ исповѣдуемъ, что онѣ, какъ и всякое дѣло во имя Божіе, дѣло благое и

святое, потому что иное дѣло икона и иное дѣло идолъ или статуя. Всякое изображеніе, сдѣланное во имя Господа, или ангеловъ, или пророковъ, или апостоловъ, или мучениковъ, или праведниковъ, свято, потому что поклоненіе воздается не дереву, но тому, что созерцается на деревѣ и что воспоминается. Всѣ мы почитаемъ начальниковъ и съ любовію пріемлемъ ихъ, хотя они и грѣшники. Отчего же не должны мы почитать святыхъ рабовъ Божіихъ? Почему въ память ихъ не устроять изображеній, чтобы они не были преданы забвенію? Но ты говоришь, что самъ Богъ запретилъ поклоняться рукотворенному. Скажи же, іудей, что есть на землѣ нерукотвореннаго съ самаго сотворенія Богомъ міра? Что? Не кивотъ ли Божій, сдѣланный изъ дерева сеѳимъ? развѣ онъ не руками сдѣланъ? И жертвенникъ, и очистилище, и стамна, гдѣ находилась манна, и трапеза, и свѣщникъ, и скинія внутренняя и внѣшняя, развѣ все это не дѣло рукъ человѣческихъ? И почему сотворенное руками называется святая святыхъ? Что же? Херувимы и шестокрылатые, поставленные вокругъ жертвенника, не были ли образы ангеловъ? Но въ то-же время они не дѣло ли рукъ человѣческихъ? Почему же они не отринуты? Такъ какъ эти образы ангеловъ сдѣланы по повелѣнію Божію, то они и святы. А такъ какъ идолы языческіе были образы демоновъ, то Богъ и отринулъ ихъ и осудилъ. Мы же въ воспоминаніе о святыхъ пишемъ иконы ихъ; такъ, пишемъ иконы Авраама, Моисея, Иліи, Исаіи, Захаріи и прочихъ пророковъ, апостоловъ и мучениковъ святыхъ, за Христа умерщвленныхъ, чтобы всякій, видя ихъ на иконѣ, воспоминалъ объ нихъ и прославлялъ Господа, прославившаго ихъ.

Имъ мы должны воздавать честь и поклоненіе и оказывать имъ почитаніе согласно съ ихъ заслугами, чтобы, взирая на нихъ, всякій и самъ поспѣшилъ стать подражателемъ ихъ дѣлъ, потому что въ чемъ иначе и состоитъ поклоненіе, какъ не въ томъ, чтобы поклоняться, какъ и мы грѣшные кланяемся другъ другу по любви другъ къ другу и по взаимному уваженію? Такъ и образу Господа мы поклоняемся и прославляемъ его и трепещемъ предъ нимъ потому именно.

что это есть образъ Его, что самъ Господь на немъ написанъ. Иконы пишутся для воспоминанія о святыхъ, которымъ воздается почтеніе и поклоненіе, какъ рабамъ Божіимъ, усердно молящимся и ходатайствующимъ за насъ предъ Богомъ, потому что воспоминать о нашихъ ходатаяхъ и благодарить за нихъ Бога требуетъ долгъ справедливости".

Изъ слова блаж. Іеронима, пресвитера Іерусалимскаго: „какъ іудеямъ Господь благоволилъ дать скрижали, высѣченныя Моисеемъ изъ камня, и двухъ золотыхъ херувимовъ, тогда какъ прочіе народы кланялись рукотворенному, такъ и намъ христіанамъ Онъ даровалъ крестъ и изображенія святыхъ событій для поклоненія и назиданія".

Оканчивая выписку мѣстъ изъ святоотеческихъ писаній, гдѣ говорится о священныхъ изображеніяхъ, папа выражаетъ передъ императорами свое усерднѣйшее моленіе о томъ, чтобы предметъ этотъ былъ приведенъ къ окончанію, подобающему его святости. „Мы старались представить вашей кротчайшей власти,—изъясняется папа,—въ краткомъ видѣ свидѣтельства изъ различныхъ достоуважаемыхъ отцевъ, которые и установили св. иконы. Съ великою сердечною любовію умоляю вашу кротость и, какъ бы стоя передъ вами на колѣняхъ и припадая къ ногамъ вашимъ, прошу и предъ Богомъ увѣщеваю и заклинаю: повелите священныя иконы въ вашемъ богохранимомъ царствующемъ городѣ и въ другихъ мѣстахъ Греціи возстановить и утвердить въ прежнемъ видѣ; сохраните преданіе нашей святѣйшей и священнѣйшей церкви и отвергните лукавство нечестивыхъ еретиковъ, чтобы наша святая каѳолическая и апостольская Римская церковь приняла васъ въ свои объятія".

Изъ дальнѣйшаго содержанія разсматриваемаго нами посланія папскаго видно, что при написаніи сего посланія папа Адріанъ еще не былъ несомнѣнно убѣжденъ въ томъ, что въ Константинополѣ или гдѣ бы то ни было будетъ учрежденъ вселенскій соборъ. Папа, какъ видно по нѣкоторымъ выраженіямъ въ его посланіи, полагалъ, что возстановленія иконопочитанія можно будетъ достигнуть и безъ устроенія собора. „Если же,—продолжаетъ папа,—вслѣдствіе безумія и

невѣрія еретиковъ невозможно возстановить священныя и досточтимыя иконы и утвердить за ними прежнее ихъ значеніе безъ соборнаго дѣянія и если ваша святѣйшая и императорская власть желаетъ пригласить нашихъ священниковъ, какъ говорится въ вашихъ императорскихъ распоряженіяхъ, то 1) пусть будетъ преданъ проклятію тотъ лжесоборъ, который незаконно, безразсудно и нечестиво собирался по вопросу о св. иконахъ, а потомъ ваша благочестивѣйшая и кротчайшая власть, принесши священную присягу, благоволитъ отправить къ намъ клятвенное предувѣдомленіе, что у васъ нѣтъ пристрастія къ какой-либо партіи, а напротивъ, вы одинаково относитесь ко всѣмъ партіямъ, что вы никакимъ образомъ не допустите, чтобы посланные наши терпѣли какое-либо насиліе, но примете ихъ съ честію и приличнымъ почетомъ. Если оба они будутъ согласны съ соборомъ, то и хорошо, а если будутъ совершенно не согласны, то позаботьтесь отправить ихъ обратно къ намъ съ приличною попечительностію, потому что нѣкогда отправленные туда къ вамъ извѣстные своею ревностію къ вѣрѣ и св. иконамъ благочестивые мужи и рабы Божіи были сосланы въ ссылку и тамъ окончили жизнь здѣшняго міра за свое доброе исповѣданіе".

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего посланія папа значительно уклоняется отъ главнаго предмета рѣчи: начинаетъ читать нотаціи сначала императорской власти за то, что въ предшествовавшемъ царствованіи у Римской церкви отобраны были нѣкоторыя церковныя владѣнія, принадлежавшія папѣ; теперь папа пользуется случаемъ напомнить объ этомъ власти императорской и требуетъ, чтобы отнятое было возвращено; проситъ, чтобы папѣ было канонически возвращено право посвященія архіепископовъ и епископовъ, находящихся въ предѣлахъ „нашего,—какъ выражается папа,—округа". „Каѳедра свят. Петра, — замѣчаетъ папа, — на всемъ земномъ шарѣ пользуется первенствомъ и учреждена съ тѣмъ, чтобы быть главою всѣхъ церквей Божіихъ". Далѣе патріарху Константинопольскому посылаются двѣ крѣпкія нотаціи: одна за то, что онъ отваживается подписываться съ титломъ „все-

ленскій". „Состоящему во второмъ разрядѣ, — резонируетъ папа,—никакъ нельзя носить это названіе, развѣ только съ позволенія папскаго; если же патріархъ Константинопольскій называется вселенскимъ вопреки воли Римской церкви, то онъ показываетъ себя отступникомъ отъ св. соборовъ и еретикомъ". Еще болѣе рѣзкую нотацію посылаетъ папа патріарху Тарасію за то, что тотъ, бывъ избранъ изъ сословія мірянъ и взятъ съ государственной службы, вдругъ возведенъ на степень патріаршества. „Насколько это несправедливо и насколько неблагоразумно, можно судить по мірскимъ порядкамъ, по мірской дисциплинѣ: развѣ въ военачальники выбираютъ человѣка, не испытаннаго въ перенесеніи трудностей? Какими же вождями душъ могутъ быть тѣ, которые съ преждевременною поспѣшностію желаютъ взойти на высоту епископства? Чему будутъ учить тѣ, кои сами не учились? Поэтому-то каноническимъ опредѣленіемъ постановлено, чтобы никакимъ образомъ изъ мірского званія не вступали вдругъ въ священство! Счастье еще его, Тарасія, въ томъ, что онъ правильно держитъ себя по вопросу о св. иконахъ. Если бы не участіе Тарасія въ возстановленіи св. иконъ, свидѣтельствующее о его вѣрѣ, то мы никакимъ образомъ не могли бы дать своего согласія на его избраніе!" Послѣ этихъ строгихъ замѣчаній, направленныхъ по адресу императорской власти и патріарха, папа снова принимаетъ тонъ просительный и весьма привѣтливо предлагаетъ императору совѣтъ, чтобы тотъ потщился подражать щедродательности Карла Великаго, императора франковъ и лонгобардовъ, который не перестаетъ дарить церкви Римской то провинціи, то города, то иныя территоріи и кромѣ того непрестанно жертвовалъ золото и серебро на церкви и на пропитаніе бѣдныхъ. Въ концѣ же всего папа молитъ Господа, да благоволитъ Онъ вдохнуть въ медоточныя сердца императорской благочестивой свѣтлости рѣшимость возстановить въ прежнемъ видѣ священныя иконы и да даруетъ имъ долгія, успѣшныя и счастливыя лѣта и да сподобитъ вмѣстѣ со скипетромъ императорской власти обладанія и небеснымъ царствомъ въ нескончаемые вѣки.

Вмѣстѣ съ посланіемъ къ императрицѣ съ императоромъ

папа послалъ особое посланіе къ патріарху Тарасію. Въ этомъ посланіи, говоря вообще, папа пишетъ то-же, что и къ императорамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что, повторяя укоризну патріарху Тарасію за то, что тотъ рано вступилъ въ патріаршій санъ, папа довольно пространно разсуждаетъ о трудностяхъ епископскаго званія. Такъ какъ по изложенію посланія папы къ императорамъ мы уже можемъ судить и о посланіи къ патріарху, то въ подробное изложеніе сего посланія мы здѣсь входить не будемъ.

Когда на соборѣ было прочитано посланіе папы къ патріарху Тарасію, то представители папы предъявили желаніе знать, согласенъ ли патріархъ и всѣ члены собора съ посланіемъ папскимъ. Нельзя не примѣтить, что въ отвѣтѣ патріарха Тарасія слышится очень тонкая дипломатія, можно сказать, отместка за обидный тонъ, допущенный папою относительно Константинопольскаго патріарха: патріархъ Тарасій отвѣчаетъ, что онъ пріемлетъ все то, что написано папою, только основаніе къ сему своему соглашенію съ папою патріархъ видитъ не въ авторитетѣ апостола Петра или его преемниковъ, а въ свидѣтельствѣ апостола Павла, который въ посланіи къ римлянамъ выражается, что вѣра ихъ возвѣщается во всемъ мірѣ; „этому свидѣтельству,—разсуждаетъ патріархъ,—надобно слѣдовать; противорѣчить ему, значитъ поступать неразумно. И сами мы на основаніи писаній, умозаключеній и доказательствъ, изслѣдовавъ истину и познавъ ее на основаніи ученія отцевъ, твердо и непреложно исповѣдали и будемъ исповѣдывать, пріемля согласно древнему преданію св. отецъ живописныя иконы и покланяясь имъ съ горячею любовію, такъ какъ онѣ во имя Господа Бога и непорочной Владычицы нашей Святой Богородицы и св. ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Но поклоненіе и вѣру относимъ, очевидно, къ единому истинному Богу“. За отзывомъ патріарха послѣдовали буквально одинаковые отвѣты всѣхъ членовъ собора: „весь святый соборъ такъ же учитъ“.

Послѣ того, какъ заслушаны были отзывы всѣхъ отцевъ собора, гласившіе единъ по единому: „всѣ мы такъ учимъ!“ Константинъ, епископъ Константіи Кипрской, обратилъ вни-

маніе отцевъ собора на тотъ предметъ, что къ патріарху Константинопольскому были присланы грамоты отъ патріарховъ восточныхъ и что членамъ собора желательно было бы заслушать эти грамоты, чтобы знать, то ли самое содержатъ епископы востока, что и папа Римскій, и патріархъ Тарасій.

Рѣшено было приступить къ прочтенію грамотъ отъ восточныхъ патріарховъ. Но представители восточныхъ патріарховъ Іоаннъ и Ѳома предложили собору обратить вниманіе на то, что грамоты отъ восточныхъ патріарховъ были отвѣтомъ на посланіе къ нимъ, восточнымъ, отъ патріарха Тарасія и что для того, чтобы ясно видѣть связь и смыслъ въ содержаніи посланій отъ восточныхъ, хорошо бы было напередъ прочитать посланіе патріарха Тарасія. Предложеніе было принято и начали читать окружное посланіе патріарха Тарасія къ архіереямъ и священникамъ Антіохіи, Александріи и св. града, то есть Іерусалима.

Посланіе патріарха Тарасія къ восточнымъ есть, собственно говоря, обычное извѣстительное посланіе, какое разсылали всегда новоизбираемые патріархи къ своимъ собратіямъ по вступленіи на патріаршій престолъ. Въ этихъ посланіяхъ обычно излагается исповѣданіе вѣры, какъ ее содержитъ новоизбранный патріархъ; таково въ сущности и посланіе Тарасія.

Уже послѣ того, какъ изложилъ свое исповѣданіе, патріархъ Тарасій по поводу пункта о почитаніи свят. иконъ изъясняется о благочестивой настроенности императорской власти, которая рѣшила собрать соборъ, и для того то онъ, патріархъ, и проситъ восточныхъ, чтобы они послали отъ себя и грамоты, и довѣренныхъ: „Ваши представители,—выражается патріархъ,—должны говорить, а ваши грамоты должны быть прочитаны на соборѣ при всѣхъ, чтобы чрезъ это достигнуто было соединеніе отсѣченныхъ членовъ“.

Грамота восточныхъ патріарховъ откровенно выражается, что патріархи связаны своимъ положеніемъ подъ властію иновѣрныхъ; они не могутъ говорить всего, чтобы хотѣли сказать, а лучше вмѣсто себя посылаютъ достойныхъ вѣроятія мужей, кои и скажутъ все, что будетъ нужно. Объ этихъ

представителяхъ своихъ восточные патріархи ходатайствуютъ предъ патріархомъ Тарасіемъ, чтобы ихъ приняли и устроили съ подобающимъ приличіемъ. Какъ бы въ подкрѣпленіе сего своего посланія патріархи — Александрійскій и Антіохійскій рѣшили послать патр. Тарасію экземпляръ соборнаго посланія св. отца Ѳеодора, патріарха Іерусалимскаго. Этотъ блаженной памяти мужъ, по утвердившемуся обычаю церковному, писалъ посланіе свое патріархамъ—Космѣ Александрійскому и Ѳеодору Антіохійскому и отъ нихъ получилъ въ свое время отвѣтныя посланія. И это посланіе тоже рѣшено было прочитать на соборѣ. Посланіе Ѳеодора, патріарха Іерусалимскаго, какъ и многія другія, писанныя по такимъ же поводамъ, т. е. по поводу вступленія на патріаршій престолъ, содержитъ въ себѣ краткое изложеніе догматическихъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія, начиная съ догмата о Пресвятой Троицѣ и кончая исповѣданіемъ вселенскихъ соборовъ и ученія о священномъ преданіи. Но что для насъ въ нашемъ настоящемъ занятіи особенно важно, такъ это исповѣданіе св. мужа о почитаніи св. Божіихъ угодниковъ и св. иконъ. „Пріемлемъ и съ любовію привѣтствуемъ апостольскія и церковныя преданія, научившія насъ почитать святыхъ, поклоняться имъ и съ любовью призывать ихъ; почитаемъ святыхъ, какъ служителей, друзей и дѣтей Божіихъ. Какъ спасительные источники, Господь Христосъ даровалъ намъ останки святыхъ, источающіе немощнымъ многообразныя благодѣянія, изливающіе благовонное мѵро и прогоняющіе демоновъ“. Далѣе св. Ѳеодоръ приводитъ выдержку изъ сочиненій святаго Аѳанасія Александрійскаго: „Кости мучениковъ прогоняютъ болѣзни, исцѣляютъ немощныхъ, слѣпымъ даютъ зрѣніе, прокаженныхъ очищаютъ, искушенія и скорби разсѣеваютъ и это дѣлаютъ они чрезъ поселившагося въ нихъ Христа. Вмѣстѣ съ симъ мы поклоняемся и съ любовію объемлемъ святыя и честныя иконы, то есть иконы воплотившагося ради насъ Бога Слова. Икона Его представляетъ образъ не божества Его, нераздѣльно соединеннаго съ истинною плотію Его, потому что божеское естество невидимо и неописуемо; но мы поклоняемся образу человѣческаго естества Его, потому что,

будучи Богомъ и невидимымъ, Онъ явился на землѣ; поклоняемся также и оказываемъ почитаніе и иконѣ неизреченно родившей Его непорочной Его Матери, Святой Богородицы. Слѣдуетъ почитать и иконы св. апостоловъ, пророковъ и добропобѣдныхъ мучениковъ, святыхъ и праведныхъ, какъ друзей Божіихъ. При этомъ мы относимъ честь не къ веществу и краскамъ, но при видѣ изображенія мысленными очами возносимся къ первообразу и къ нему относимъ должную честь, зная, по ученію Василія Великаго, что честь, воздаваемая иконѣ, относится къ первообразу".

Когда окончено было чтеніе посланія Ѳеодора, начали отбирать отзывы отцевъ по поводу всего прочитаннаго и отзывы всѣхъ съ нѣкоторыми незначительными оттѣнками разности въ слововыраженіяхъ объединились въ такой формѣ: „Мы, весь св. соборъ, собранный благодатію Христа, истиннаго Бога нашего, принимаемъ посланіе Адріана, папы древняго Рима, и нынѣ прочитанный свитокъ—опредѣленіе православія святѣйшаго и блаженнѣйшаго вселенскаго патріарха Тарасія, а равно и съ востока присланныя архіереями посланія къ его блаженству; мы совершенно согласны съ ними; съ любовію принимаемъ и почитаемъ священныя и досточтимыя иконы и поклоняемся имъ; бывшій же противъ нихъ и въ опроверженіе ихъ лжесоборъ отвергаемъ и предаемъ анаѳемѣ. Богъ да сохранитъ святыхъ владыкъ нашихъ и святѣйшаго патріарха". Тогда патріархъ Тарасій съ чувствомъ непритворной радости провозгласилъ: „Страсть ко враждѣ утихла, средостѣніе вражды разрушено, потому что мы, прибывшіе съ востока, запада, сѣвера и юга, стали подъ одно иго, подчинились одному направленію мыслей". Провозглашеніемъ многолѣтія императорамъ, патріарху и священному синклиту на сей разъ засѣданіе было окончено.

Въ началѣ слѣдующаго засѣданія патріархъ Тарасій, какъ бы собирая орудія для дальнѣйшей борьбы съ иконоборцами, предложилъ отцамъ собора пересмотрѣть мѣста священнаго писанія, кои могутъ служить основаніемъ къ утвержденію догмата объ иконопочитаніи. Начали выборку и прочитали мѣста изъ книги Исходъ глава 25; Чиселъ глава 7; пророка

Іезекіиля глава 41; посланія апостола Павла къ евреямъ глава 9. Заключеніе изъ всего прочитаннаго патріархъ Тарасій сформировалъ такъ: „Въ ветхомъ завѣтѣ были божественныя изображенія—херувимы славы, осѣняющіе очистилище, оттуда заимствовалъ ихъ и новый завѣтъ. Если ветхій завѣтъ имѣлъ херувимовъ, осѣняющихъ очистилище, то и мы будемъ имѣть иконы Господа нашего Іисуса Христа, Святой Богородицы и святыхъ Его, осѣняющія алтарь".

Обращаясь къ литературѣ святоотеческой, соборъ приводитъ указаніе на чествованіе иконъ изъ писаній:

1) Свят. Іоанна Златоустаго въ его словѣ о томъ, что одинъ Законоположникъ ветхаго и новаго завѣта и объ одѣяніи священника. „Я полюбилъ и залитую воскомъ картину, полную благочестія, потому что я видѣлъ на иконѣ ангела, поражающаго полчища варваровъ". При чтеніи этого мѣста Іоаннъ, представитель восточныхъ архіереевъ, сказалъ: „Кто этотъ ангелъ, если не тотъ ангелъ, о которомъ написано (4 Цар. XIX, 35), что ангелъ Господень въ одну ночь убилъ 185000 ассиріянъ". А Никифоръ, епископъ Дирархійскій, проникся чувствительностію и съ горестію произнесъ: „Да будетъ милостивъ Господь ко грѣхамъ нашимъ, содѣланнымъ нами относительно святыхъ иконъ".

2) Св. Григорія Нисскаго изъ слова о божествѣ Сына и Святаго Духа и объ Авраамѣ, начинающагося словами: „Какъ на многоцвѣтныхъ лугахъ", нерѣдко видѣлъ я живописное изображеніе этого страданія и никогда не проходилъ безъ слезъ мимо сего зрѣлища, такъ живо представляетъ эту исторію взору искусство. Исаакъ лежитъ предъ отцемъ у самаго жертвенника, припавъ на колѣно и съ руками, загнутыми назадъ; отецъ, ставъ позади отрока на согнутое колѣно и лѣвою рукою отведя себѣ волосы сына, наклоняется къ лицу, смотрящему на него жалостно, а правую, ножемъ вооруженную, руку направляетъ, чтобы заклать сына, и остріе ножа касается уже тѣла, какъ приходитъ къ нему свыше гласъ, останавливающій намѣреніе заклать".

3) Св. Кирилла Александрійскаго изъ посланія къ Аѳанасію, епископу Скиѳопольскому. Рѣчь идетъ объ изображе-

ніяхъ Авраама, гдѣ, между прочимъ, св. отецъ выражается: „Не пожелалъ ли бы кто изъ насъ видѣть изображенную на доскѣ исторію Авраама“. Рѣчь идетъ довольно продолжительная; но отцы собора довольствуются замѣчаніемъ, что вотъ и св. Кириллъ говоритъ согласно съ Григоріемъ Нисскимъ.

4) Св. Григорія Богослова изъ стихотворенія, находящагося въ словѣ о добродѣтели, начинающемся словами: „Прежде всего молю Бога Творца всего“. Здѣсь св. Григорій приводитъ то, что разсказывали о Полемонѣ, который сначала былъ преданъ страстямъ, а потомъ показалъ себя выше страстей. На воротахъ одного дома находилась икона сего Полемона. Икона была чтимая. Одна непотребная женщина, бывъ приглашена къ нѣкоторому непотребному юношѣ, проходила путемъ мимо воротъ, на коихъ была икона Полемона, и до того была поражена взглядомъ Полемона, что воротилась со своей дороги: изображеннаго на иконѣ она устыдилась какъ будто живого. При этомъ чтеніи нѣкоторые изъ членовъ позволили себѣ вслухъ собора выразить свое удивленіе словами въ родѣ слѣдующихъ: „чудная и достойная удивленія икона, такъ какъ исхитила эту женщину изъ постыднаго порока“.

5) Изъ Антипатра, епископа Бострійскаго, изъ слова о кровоточивой: „Кровоточивая, получивши исцѣленіе, воздвигла въ честь Христа статую; издержавши богатство на врачей, она остатки имущества принесла Христу“. Патріархъ Тарасій при этомъ сказалъ: „Слѣдовательно и пишущій икону приноситъ ее Богу, какъ и кровоточивая — статую“.

6) Блаженнаго Астерія, епископа Амасійскаго, повѣствованіе о мученицѣ Евѳиміи. Сторона, съ какой этотъ предметъ относился къ разсужденію соборному, та, что Астерій видѣлъ въ свое время въ храмѣ превосходное изображеніе страданій св. мученицы. Превосходное изображеніе это произвело на Астерія очень сильное ощущеніе и благоговѣйное расположеніе; эти-то стороны и подмѣчаютъ отцы собора Никейскаго. Такъ, Василій, епископъ Анкирскій, на соборѣ выразился: „Отецъ, слово котораго прочитали, чувствовалъ то-же, что и святѣйшій Григорій; тотъ и другой приходили

въ слезы при иконахъ". Патріархъ Тарасій замѣтилъ: „Въ концѣ слова отецъ заповѣдуетъ и поощряетъ живописью изображать исторію подвиговъ мученическихъ". Константинъ, епископъ Констанціи Кипрской, сказалъ: „Во святыхъ мужахъ такое умиленіе возбуждали священныя иконы; насколько же болѣе умиленія должны они возбуждать въ насъ?" Ѳеодоръ, епископъ Амморейскій, сказалъ: „Святыя и досточтимыя иконы и живописныя картины и изображенія, дѣлаемыя на деревѣ, равно какъ и мозаическія, написаны въ наше наставленіе, въ образецъ намъ и для пробужденія въ насъ ревности къ подвигамъ святыхъ, чтобы и мы явились такимъ же образомъ и проявили подвижническую ревность по Богѣ, чтобы и насъ Онъ удостоилъ жребія и части святыхъ и сдѣлалъ насъ наслѣдниками царствія Своего". Ѳеодоръ, епископъ Катанскій, сказалъ: „Блаженный и богоносный учитель Астерій, блистая подобно звѣздѣ, освѣтилъ сердца всѣхъ насъ". Такимъ образомъ, каѳолическая церковь совершенно послѣдовательно поступила, принявъ святыя и честныя иконы; она въ этомъ случаѣ согласна съ ученіемъ святыхъ отцевъ нашихъ".

7) Изъ описанія мученичества святаго Анастасія перса. Въ этомъ описаніи, между прочимъ, говорится, что Анастасій персъ, обращаясь съ христіанами, одушевился желаніемъ принять св. крещеніе; но христіанинъ, къ которому Анастасій обратился съ своею просьбою, страшась персовъ язычниковъ, отклонялъ благочестивое желаніе Анастасія, а между тѣмъ сталъ водить его по церквамъ, разсматривать вмѣстѣ съ нимъ живописныя изображенія св. мучениковъ и разсказывать ему, что эти изображенія означаютъ. Анастасій, слыша отъ христіанина о чудесахъ святыхъ, о несносныхъ мученіяхъ, причиняемыхъ имъ мучителями, и о терпѣніи ихъ, превышающемъ человѣческія силы, удивлялся и изумлялся и такимъ путемъ пришелъ въ душѣ къ прекрасному желанію отправиться въ Іерусалимъ и тамъ удостоиться св. крещенія. Вслѣдъ за симъ повѣствованіемъ объ обращеніи Анастасія въ христіанство предложено было сказаніе о чудесахъ того же св. мученика Анастасія. Въ этомъ сказаніи, по отношенію къ вопросу, занимавшему соборъ, важно было то обстоятель-

ство, что отъ иконы и мощей св. мученика Анастасія произошло чудесное пораженіе и исцѣленіе нѣкоей Ареты отъ болѣзни. Обстоятельство сіе произошло такъ: при перенесеніи мощей свят. мученика Анастасія въ Кесарію Палестинскую, когда народъ отовсюду устремился съ выраженіемъ своей благоговѣйной настроенности, возбужденной крестнымъ ходомъ и пѣснопѣніями, сопровождавшими величественное шествіе, одна женщина, по имени Арета, впала въ сомнѣніе и сказала: „Я не покланяюсь мощамъ, принесеннымъ изъ Персіи“. Чрезъ нѣсколько времени св. мученикъ является Аретѣ во снѣ и спрашиваетъ: „Ты страдаешь болѣзнію въ бедрахъ?“ Арета отвѣчала, что она здорова, но тотчасъ же почувствовала, что ее постигла болѣзнь, начала кричать, стонать, томиться, такъ что ничѣмъ нельзя было успокоить ея нестерпимой боли. Почувствовавъ временное облегченіе, Арета стала размышлять, по какой причинѣ ее постигла такая болѣзнь. Такъ она провела четыре дня. На пятый день на разсвѣтѣ является ей св. мученикъ и говоритъ: „Иди въ тетрапилъ (такъ называлось мѣсто, гдѣ изготовлялась церковь во имя св. Анастасія и гдѣ поставлена была икона сего святаго при его мощахъ), помолись святому Анастасію и будешь здорова“. Когда больную понесли къ названному мѣсту и когда она увидѣла икону святаго, то начала громогласно взывать: „Это поистинѣ тотъ, котораго я видѣла во снѣ“. Повергшись на помостъ, она долго плакала и, умилостививъ святаго, встала здоровою. По прочтеніи этого мѣста представители папы заявили, что эта икона св. Анастасія съ честною главою его и до нынѣшняго дня находится въ Римѣ въ одномъ монастырѣ. Іоаннъ, епископъ Тавроменійскій, заявилъ, что въ Сициліи была женщина, одержимая демономъ, и, будучи въ Римѣ, она получила исцѣленіе отъ вышепоименованной священнѣйшей иконы.

8) Послѣ того, какъ прочитано было повѣствованіе объ Анастасіи, Петръ, епископъ Никомидійскій, предложилъ собору прочитать принесенное имъ слово св. Аѳанасія о чудѣ, бывшемъ въ Беритѣ отъ иконы Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего. Минуя слововыраженія ораторскія

и изліянія восторженныхъ чувствованій въ этомъ словѣ, мы обратимъ вниманіе на фактическую сторону дѣла, состоящую въ томъ, что въ Беритѣ одинъ христіанинъ, квартировавшій недалеко отъ синаноги еврейской, при перемѣнѣ квартиры забылъ взять висѣвшую на стѣнѣ икону Спасителя. Квартиру, освобожденную христіаниномъ, привелось занять еврею, который нѣкоторое время не замѣчалъ того, что у него въ домѣ на стѣнѣ виситъ икона Христа Спасителя. Чрезъ нѣкоторое время къ этому еврею пришелъ въ гости другой еврей и, замѣтивъ, что у его единоплеменника на стѣнѣ икона христіанская, донесъ на своего собрата властямъ еврейскимъ. Возникло волненіе необычайное; вся синагога устремилась къ дому мнимаго измѣнника вѣрѣ еврейской и подвергли истязаніямъ не только еврея, но даже и самую икону. Злоба еврейская не находила средствъ и способовъ, какъ насытиться издѣвательствомъ надъ предметомъ чествованія христіанскаго: рѣшили повторить надъ иконою всѣ тѣ виды издѣвательства, какіе причинены были самому Спасителю: на Спасителя плевали, Его бичевали, изрыгали на Него ругательства, пригвоздили руки и ноги, напоили уксусомъ и желчію, били тростію по головѣ и копіемъ прободали ребра; все то-же было учинено и съ иконою Христовою; но о, Христе непостижимый! когда кольнули копьемъ въ то мѣсто, гдѣ должно быть ребру Христову, то изъ иконы въ дѣйствительности потекла кровь и вода! Ужасъ объялъ и чинившихъ неистовства, и всѣхъ бывшихъ свидѣтелями чуда. Но воля Провидѣнія этимъ обнаруженіемъ еще не ограничилась. Іудейскіе первосвященники и священники то-ли въ недоумѣніи, то-ли въ безсильной злобѣ желая насмѣяться даже надъ видимымъ выраженіемъ знаменія божественнаго, вздумали испытывать чудодѣйственность крови и воды, истекшихъ изъ ребра иконы. Приводили одержимыхъ недугами, разслабленнаго, слѣпыхъ, одержимыхъ демонами, хромыхъ, безрукихъ, сухихъ, прокаженныхъ; всѣ получали исцѣленіе. Тогда всѣ невѣровавшіе во Христа обратились къ вѣрѣ въ Него, пошли къ епископу Беритской церкви и просили св. крещенія. Епископъ обратилъ еврейскую синагогу въ церковь христіанскую

и потомъ всѣ синагоги, къ которымъ принадлежали видѣвшіе чудо или какимъ-нибудь образомъ сдѣлавшіеся свидѣтелями его, были обращены въ церкви христіанскія.

9) Посланіе преподобнаго Нила Синайскаго къ селенціарію Иліодору. Въ этомъ посланіи преподобный Нилъ повѣствуетъ сановнику о томъ, какъ по молитвамъ св. мученика Платона былъ освобожденъ чудесно отъ плѣненія варварскаго нѣкій молодой монахъ, сынъ стараго отшельника, подвизавшагося на Синаѣ. Сущность рѣчи и дѣла въ томъ, что на келліи монаховъ, подвизавшихся на Синаѣ, сдѣлали нападеніе варвары и уводятъ многихъ изъ монаховъ въ плѣнъ. Въ числѣ плѣненныхъ былъ и сынъ старца, подвизавшагося въ уединеніи. И старецъ-отецъ, и молодой монахъ плѣнникъ-сынъ усердно молили о заступничествѣ свят. мученика (отечественнаго, какъ выражается письменный памятникъ, а старецъ былъ галатянинъ) Платона. Платонъ внезапно предстаетъ плѣннику и самъ на конѣ, и имѣетъ другого осѣдланнаго коня, повелѣваетъ возсѣсть на сего коня и препровождаетъ къ отцу. Сынъ-плѣнникъ узнаетъ въ явившемся Платона, потому что часто видалъ изображеніе святаго на иконахъ.

10) Вслѣдъ за этимъ посланіемъ преподобнаго Нила было предложено разсмотрѣнію соборному другое посланіе того же преподобнаго къ нѣкоему епарху Олимпіодору. Это посланіе, какъ показали переговоры между отцами собора, подверглось перетолкованію и искаженію и оттого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начало было составляться мнѣніе, будто бы преподобный Нилъ Синайскій былъ поддержкою на сторонѣ иконоборцевъ. Но такое заключеніе о преподобномъ Нилѣ оказалось неправильнымъ. Сущность рѣчи въ томъ, что епархъ Олимпіодоръ построилъ храмъ въ честь мучениковъ и спрашивалъ у преподобнаго Нила совѣта, не будетъ ли приличнымъ поставить въ святилищѣ иконы, а стѣны и съ правой, и съ лѣвой сторонъ наполнить изображеніями всякаго рода ловли животныхъ, чтобы видны были раскинутыя по землѣ сѣти, спасающіеся бѣгствомъ зайцы, серны и другія животныя, поспѣшающіе за ними ловцы и ревностно преслѣдую-

щіе ихъ съ псами, а также закидываемыя въ море мрежи, пойманныя всякаго рода рыбы и руками рыбарей извлекаемыя на сушу. На эти-то предначертанія Олимпіодора преподобный Нилъ отвѣчаетъ, что въ нихъ видна дѣтская и маловозрастнымъ приличная склонность обольщать око вѣрующихъ; но что для зрѣлаго и мужественнаго смысла свойственно въ святилищѣ на восточной сторонѣ храма изобразить только крестъ, а свят. храмъ здѣсь и тамъ пусть рука искуснѣйшаго живописца наполнитъ исторіями ветхаго и новаго завѣтовъ, чтобы и тѣ, которые не знаютъ грамоты и не могутъ читать божественныхъ писаній, разсматривая живописныя изображенія, приводили себѣ на память мужественные подвиги искренно послужившихъ истинному Богу и возбуждались къ соревнованію достославнымъ и приснопамятнымъ доблестямъ. Среди разсужденій между членами собора оказалось, что это мѣсто въ нѣкоторыхъ спискахъ было искажено, именно: вмѣсто словъ—здѣсь и тамъ помѣсти изображенія было написано—выбѣли; это-то искаженіе и укрѣпило нѣкоторыхъ членовъ собора въ ихъ иконоборныхъ расположеніяхъ. У нихъ сложилось убѣжденіе, что такой великій подвижникъ, какъ Нилъ Синайскій, былъ противъ иконопочитанія, а между тѣмъ подлинный текстъ его посланія, какъ оно было прочитано на соборѣ, отнюдь не даетъ основаній причислять св. Нила къ противникамъ св. иконъ. Въ этой ошибкѣ горько сознавались здѣсь же на соборѣ Ѳеодоръ, епископъ Мирскій, Григорій Неокесарійскій, Ѳеодосій Аморійскій и другіе, имѣвшіе несчастіе встрѣтить искаженный текстъ посланія Нилова.

11) Свидѣтельство объ употребленіи свят. иконъ, заимствованное изъ обстоятельствъ св. Максима исповѣдника. У св. Максима исповѣдника во время волненій монофизитскихъ бывали разныя совѣщанія съ разными лицами, имѣвшими значеніе для раскрытія ученія догматическаго. При описаніи одного изъ такихъ-то совѣщаній, именно совѣщанія съ Ѳеодосіемъ, епископомъ Кесаріи Виѳинской, и бывшими съ послѣднимъ консулами, между прочимъ замѣчено: „Каждый изъ нихъ поцѣловалъ св. евангеліе и честный крестъ и икону Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и родившей Его

Владычицы нашей Пресвятой Богородицы". При чтеніи сего мѣста Петръ, епископъ Никомидійскій, внушительно замѣтилъ: „Это сказалъ не какой-либо человѣкъ, а богомудрый Максимъ, подобный св. отцамъ, и сверхъ того исповѣдникъ и поборникъ истины. Этого достаточно, чтобы подражали ему и подобно ему цѣловали священныя иконы".

12) Изъ опредѣленій VI вселенскаго собора: „На нѣкоторыхъ живописяхъ честныхъ иконъ изображается агнецъ, указуемый перстомъ Предтечи, который былъ принятъ за образъ благодати, потому что посредствомъ закона предуказалъ намъ истиннаго агнца Христа Бога нашего. Мы же, уважая древніе образы и тѣни, преданные церкви въ качествѣ символовъ и предначертаній истины, отдаемъ предпочтеніе благодати и истинѣ, принявши ее, какъ исполненіе закона. Посему, чтобы и въ живописныхъ произведеніяхъ представлялось взорамъ всѣхъ совершенное, опредѣляемъ, чтобы на будущее время и на иконахъ начертывали вмѣсто ветхаго агнца, образъ агнца, вземлющаго грѣхъ міра, Христа Бога нашего въ человѣческомъ обликѣ; усматривая чрезъ этотъ образъ высоту смиренія Бога Слова и приводя себѣ на память Его житіе во плоти, страданіе, спасительную смерть и происшедшее отсюда искупленіе міра". Стоитъ замѣтить, что это мѣсто было читано по самой тетради, подписанной отцами, вторично собиравшимися при Юстиніанѣ II, послѣ собора, бывшаго при Константинѣ Погонатѣ, отцѣ Юстиніана, на такъ называемый Трульскій соборъ.

13) Свидѣтельство о почитаніи св. иконъ изъ сочиненій Леонтія, епископа Неаполя Кипрскаго. Свидѣтельство это предложено вниманію отцевъ собора представителями папы. Константинъ, епископъ Констанціи Кипрской, объ этомъ Леонтіи свидѣтельствовалъ на соборѣ, что этотъ отецъ блисталъ святостію въ одномъ изъ городовъ Кипрскихъ; отъ него до насъ дошли многія похвальныя и праздничныя слова и, между прочимъ, слово на Преображеніе Спасителя нашего. Написалъ онъ также жизнеописаніе Іоанна, архіепископа Александрійскаго, по прозванію милостиваго, и преподобнаго Симеона юродиваго и нѣкоторыя другія; жилъ онъ во вре-

мена Маврикія. Выписка изъ Леонтія Кипрскаго взята изъ пятой его книги объ апологіи христіанъ противъ іудеевъ и о святыхъ иконахъ. Леонтій, какъ видно, имѣетъ въ виду возраженія противъ почитанія св. иконъ, обыкновенно предъявляемыя іудеями, и разборомъ этихъ возраженій занимается вся его апологія. Такъ какъ сущность этихъ возраженій уже извѣстна намъ изъ многихъ другихъ мѣстъ и такъ какъ отвѣты Леонтія не заключаютъ въ себѣ ничего отличительнаго по сравненію съ защищеніемъ иконопочитанія, уже слышаннымъ нами отъ многихъ ревнителей о почитаніи св. иконъ, то оставимъ эту апологію безъ подробнаго изложенія, а удовольствуемся для примѣра однимъ мѣстомъ изъ его апологіи, надобно замѣтить, довольно пространной (12 страницъ по книгѣ большой по размѣру и убористой печати). „Ежели бы у тебя, іудей, въ храмѣ твоемъ были тѣ изваянные два херувима, осѣняющіе очистилище, и другія изображенія и ежели бы вошелъ какой-либо язычникъ, идолопоклонникъ въ храмъ твой и увидѣлъ ихъ, поставилъ бы это въ укоръ іудеямъ, будто бы они покланяются идоламъ, то скажи мнѣ, что ты могъ бы сказать ему въ защиту относительно этихъ херувимовъ, воловъ, финиковъ и изваянныхъ львовъ, находящихся въ храмѣ. Не могъ бы ты болѣе сказать ничего вѣрнаго, какъ только то, что они находятся во храмѣ не какъ боги, но что въ напоминаніе о Богѣ и въ славу Его мы имѣемъ херувимовъ во храмѣ“.

14) Св. Софронія, патріарха Іерусалимскаго, о чудѣ, совершенномъ Киромъ и Іоанномъ, мучениками Александрійскими. „Пришедши въ одинъ составляющій верхъ совершенства храмъ, по виду страшный и величественый, а по высотѣ достигающій до самыхъ небесъ, и вошедши внутрь его, мы увидѣли величайшую и удивительную икону, на которой въ срединѣ былъ изображенъ красками Господь Христосъ, а Матерь Христа Владычица Приснодѣва Марія по лѣвую сторону Его, по правую же Іоаннъ Креститель; тутъ же были изображены и нѣкоторые изъ преславнаго лика апостоловъ и пророковъ и изъ сонма мучениковъ, въ томъ числѣ находились и эти мученики Киръ и Іоаннъ. Они, стоя предъ Гос-

подомъ, покланялись Ему, преклонивъ колѣна, и ходатайствовали объ исцѣленіи юноши. Послѣ продолжительной молитвы они пали на землю и только взывали: повели, Господи! Господь Христосъ сдѣлалъ мановеніе и устами иконы возгласилъ: дайте ему. Тогда мученики возстали отъ полу и съ радостію говорятъ: вотъ ради насъ Господь даровалъ тебѣ благодать. Возьми немного масла изъ лампады предъ образомъ Спасителя, помажь имъ ноги и получишь исцѣленіе. Больной все сдѣлалъ по данному ему повелѣнію и получилъ здравіе". При этомъ чтеніи Ѳома, представитель патріарховъ восточныхъ, объявилъ: „эта икона и донынѣ стоитъ въ Александріи въ тетрапилѣ и исцѣляетъ всякія болѣзни".

15) Изъ посланія св. Василія Великаго къ Юліану. Послѣ исповѣданія догмата о Пресвятой Троицѣ св. Василій продолжаетъ: „Исповѣдую домостроительство воплощенія Сына и родившую Его по плоти Святую Марію Богородицу. Принимаю также и свят. пророковъ, апостоловъ и мучениковъ и призываю ихъ въ предстательство предъ Богомъ, чтобы чрезъ нихъ, то есть чрезъ ходатайство ихъ человѣколюбивый Богъ былъ милосердъ ко мнѣ и чтобы мнѣ дано было отпущеніе прегрѣшеній. Посему и изображенія ихъ на иконахъ почитаю и покланяюсь имъ, такъ какъ они преданы св. апостолами, а не возбранены ими и изображаются во всѣхъ церквахъ нашихъ".

16) Посланіе Германа, патріарха Константинопольскаго, къ Ѳомѣ, епископу Клавдіопольскому. Надобно имѣть въ виду, что этотъ епископъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими зараженъ былъ мыслями иконоборческими, хотя и не выражалъ сего въ особенно замѣтномъ видѣ. Иконоборческая настроенность епископа Ѳомы не подлежала никакому сомнѣнію для патріарха Германа, а потому патріархъ и открыто поставляетъ это на видъ Ѳомѣ и вступаетъ въ подробное и обстоятельное изложеніе вопроса о почитаніи иконъ. Изложеніе патріарха, направленное къ вразумленію епископа, носитъ на себѣ нѣкоторый особенный оттѣнокъ величавости, важности, серьезной обдуманности и основательности; все, что было сказано другими и что только можно и должно

сказать объ этомъ предметѣ, все это совмѣщено въ посланіи Германа въ полнотѣ и, можно сказать, въ систематическомъ порядкѣ. Сказавъ о побужденіи къ составленію посланія, именно, что о Ѳомѣ ходятъ слухи, будто онъ зараженъ иконоборчествомъ, патріархъ Германъ начинаетъ разсужденіемъ о различіи между идолами языческими и иконами христіанства: „Язычники изображали измышленныхъ боговъ и этимъ богамъ приносили въ жертву даже людей; христіанскія иконы— суть образецъ мужества, изображеніе досточтимой добродѣтельной жизни и побужденіе и поощреніе къ прославленію Бога, Которому святые угодили въ своей жизни. Что повѣствовательное слово передаетъ чрезъ слухъ, то живопись показываетъ молча, чрезъ подражаніе (слова Василія Великаго). Изображать образъ Господа на иконахъ въ плотскомъ Его видѣ слѣдуетъ и въ обличеніе пустого представленія еретиковъ, суесловящихъ, будто Онъ не поистинѣ содѣлался человѣкомъ, а также въ руководство и для тѣхъ, кои не могутъ подняться на высоту духовнаго созерцанія, но имѣютъ нужду въ нѣкоторомъ плотскомъ усвоеніи слышаннаго, насколько это полезно и позволительно. Тайна, отверзшая добродѣтели небеса, сокрытая отъ вѣковъ и родовъ въ Богѣ, создавшемъ все, усвояется не только посредствомъ слуха, но напечатлѣвается и посредствомъ зрѣнія въ душахъ зрителей и съ силою взываетъ о томъ, что Богъ явился во плоти. Поклоненіе воздается не смѣси дерева и красокъ, но невидимому Богу, Который пребываетъ въ нѣдрахъ Отца. Онъ принимаетъ поклоненіе въ духѣ и истинѣ, даровавъ намъ чрезъ Себя доступъ къ Отцу, вмѣстѣ съ Которымъ Ему и воздается поклоненіе. Іаковъ, когда поклонился, какъ сказано, на верхъ жезла Іосифова, то онъ не жезлу воздалъ почитаніе но тому, кто держалъ его. Такимъ же образомъ разсуждаетъ народъ Христовъ и объ изображеніи Святой и преславной Матери Господней и почитаетъ его. Такое преданіе получили всѣ прежніе предстоятели святѣйшихъ церквей и не встрѣчали никакого препятствія. И не въ малыхъ и ничтожныхъ городкахъ утвердился этотъ обычай, но, можно сказать, почти во всѣхъ странахъ и въ знатнѣйшихъ и первенствующихъ

церквахъ. А что обычай изображать на иконахъ историческія повѣствованія изъ священнаго писанія есть обычай древній, доказательство этому находится въ словѣ св. Григорія Нисскаго, надписывающемся: объ Авраамѣ". Съ выпискою изъ этого слова мы уже знакомы по изложенію предшествовавшему. „На дѣла надобно смотрѣть,—продолжаетъ, между прочимъ, патріархъ Германъ, — не просто, но всегда должна быть принимаема во вниманіе цѣль, какою руководятся дѣлатели. Если бы на это не обращать тщательнаго вниманія, то, быть можетъ, повелѣніе самого Бога не осталось бы безупречнымъ въ глазахъ язычниковъ. И скульптурное, и кованное воспрещено закономъ, а между тѣмъ осѣняющіе ковчегъ херувимы славы были сдѣланы этимъ способомъ. Этимъ херувимамъ воздавать честь мы научаемся не только изъ писанія, но и блаженный Аѳанасій, изъясняя псаломское изреченіе — сѣдяй на херувимахъ явися, выражаетъ то-же мнѣніе. Пусть не соблазняетъ кого-либо и то, что предъ иконами святыхъ мы дѣлаемъ освѣщеніе и благовонное куреніе. Совершать это въ честь святыхъ придумано въ символическомъ смыслѣ, потому что они упокоеніе свое имѣютъ во Христѣ, и честь, оказываемая имъ, относится къ Нему. Чувственные огни суть символъ невещественнаго и божественнаго свѣтодаянія, а ароматическое куреніе — символъ чистѣйшаго всецѣлаго вдохновенія и преисполненія Духа Святаго. Главное же,—замѣчаетъ св. Германъ, — предъ заключеніемъ своего изложенія то, что чрезъ различныя иконы Богъ совершалъ чудеса, что мы и сами испытали. Никакого возраженія ни сомнѣнія не встрѣчается противъ того, что находящаяся въ Писидійскомъ Созополѣ икона пренепорочной Богородицы изъ своей длани изливала струю мура. Объ этомъ чудѣ свидѣтельствуютъ многіе. Если же нынѣ не совершается это чудесное дѣйствіе отъ этой иконы, то отсюда не слѣдуетъ, что не нужно вѣрить и тому, что было прежде. Не считаются же невѣроятными разсказываемыя въ „Дѣяніяхъ апостоловъ" знаменія и различные дары Духа, хотя они нынѣ и не совершаются. Тогда человѣколюбивый Богъ посредствомъ снисхожденія содѣлавъ весьма слабыхъ крѣпчайшими

въ вѣрѣ въ Него и проявлялъ чрезъ это Свою силу, какъ это было съ апостолами. Иногда тѣнь, а иногда полотенце, взятое изъ ихъ одѣянія, доставляли врачеваніе. И какъ у нихъ тѣнь не всякаго тѣла, но только одного Петра подавала исцѣленіе страждущимъ, а также и полотенца не изъ всякой одежды, но только изъ однихъ одеждъ Павла исцѣляли немощныхъ въ возмездіе за вѣру ихъ въ проповѣдуемаго ими Бога, точно такъ Онъ благоволилъ, чтобы то же самое было и съ иконами, то есть чтобы не всякая икона или живописное изображеніе было источникомъ благодѣяній для вѣрующихъ, но только нѣкоторыя иконы святыхъ или же самого Господа. Думаю также, — пишетъ свят. Германъ при самомъ заключеніи,—что не должно оставлять безъ вниманія и того, что избразилъ въ своей церковной исторіи Евсевій Памфилъ, а именно, что въ городѣ Панеадѣ, который въ Евангеліи называется Кесаріею Филипповою, по преданію, находится домъ кровоточивой женщины, исцѣленной Спасителемъ чрезъ одно прикосновеніе къ Его одеждѣ. Предъ дверьми этого дома, говорятъ, стоитъ статуя, сдѣланная изъ мѣди и имѣющая изображеніе Господа, а противъ нея изображеніе женщины, преклонившейся на колѣни съ распростертыми руками, какъ бы просящей о милости. У ногъ этой статуи выросла какая-то трава, которая служила средствомъ къ исцѣленію всякихъ болѣзней. Тотъ же Евсевій говоритъ, что онъ видѣлъ и сохранившіяся живописныя иконы апостоловъ Петра и Павла и самого Христа, писанныя красками. Это мы говоримъ не потому, чтобы мы сами желали ставить мѣдныя статуи, но только для того, чтобы показать, что Господь не отвергалъ и того, что было сдѣлано по языческому обычаю, но что Онъ благоволилъ и чрезъ эту статую проявлять чудесное дѣйствіе благодати Своей“.

Послѣ того, какъ перечитаны были всѣ вышеизложенныя извлеченія изъ отцевъ, соборъ устами Евѳимія, епископа Сардійскаго, провозгласилъ нѣчто вродѣ краткаго исповѣданія вѣры, гдѣ послѣ исповѣданія общепринятыхъ въ христіанствѣ догматовъ вѣры, въ частности о почитаніи иконъ, было сказано: „Съ любовію также пріемлемъ мы и изобра-

женіе честнаго и животворящаго креста и святые останки святыхъ, святыя же и честныя иконы допускаемъ, съ любовію принимаемъ и объемлемъ согласно древнему преданію святой каѳолической церкви Божіей, то есть святыхъ отцевъ нашихъ, которые и сами ихъ принимали, и постановили, чтобы они находились во всѣхъ святѣйшихъ церквахъ Божіихъ и на всякомъ мѣстѣ владычества Божія. Эти досточтимыя и честныя иконы, какъ сказано выше, мы почитаемъ и съ любовію принимаемъ и почтительно покланяемся имъ, а именно: иконѣ великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и непорочной Владычицы нашей и Всесвятой Богородицы, отъ Которой Онъ благоволилъ воплотиться и спасти, и избавить насъ отъ всякой нечестивой и безумной приверженности къ идоламъ, иконамъ святыхъ и безплотныхъ ангеловъ, потому что они являлись праведнымъ въ образѣ человѣческомъ, изображеніямъ божественныхъ и всеславныхъ апостоловъ, богоглаголевыхъ пророковъ, побѣдоносныхъ мучениковъ и праведныхъ мужей, чтобы при помощи живописныхъ изображеній ихъ можно было приходить къ воспоминанію и къ памятованію о первообразѣ и содѣлаться причастниками какоголибо освященія. Такъ мудрствовать мы научены и утверждены святыми отцами нашими и ихъ богопреданнымъ ученіемъ. И слава Богу за неизслѣдимый Его даръ, что Онъ не оставилъ насъ окончательно, не оставилъ жезла грѣшныхъ на участкѣ праведныхъ, чтобы праведные не простерли рукъ своихъ къ беззаконіямъ, но благодѣтельствовалъ благимъ и правымъ сердцемъ, какъ воспѣлъ это псалмопѣвецъ Давидъ, съ которымъ и мы воспѣваемъ: уклонившихся на путь лукавства Господь сопричтетъ съ дѣлающими беззаконіе. Миръ Божій Израилю".

Хотя извлеченіями изъ отцевъ, приведенными на четвертомъ засѣданіи, предметъ розысканія исчерпанъ былъ въ достаточной полнотѣ, но и патріархъ Тарасій и многіе изъ прочихъ членовъ собора, какъ будто не удовлетворяясь тѣмъ, что было приведено и прочитано, въ слѣдующемъ пятомъ засѣданіи признали нужнымъ еще продолжить извлеченія изъ св. отцевъ, а вмѣстѣ съ тѣми и изъ мнимоотеческихъ писа-

ній, кои могли имѣть отношеніе къ предмету изслѣдованія. На сей разъ извлеченій было приведено еще около двадцати, кромѣ прочитанныхъ прежде; большая часть изъ этихъ извлеченій имѣетъ значеніе, такъ сказать, отрицательное въ томъ смыслѣ, что въ нихъ есть указанія на неодобреніе иконопочитанія; но при разборѣ такихъ мѣсть оказывалось, что такія мѣста или не принадлежатъ тому лицу, подъ именемъ котораго приводятся, или что онѣ, т. е. такія мѣста, какъ, напримѣръ, выдержка изъ Евсевія Кесарійскаго, приведены были для того, чтобы показать, что Евсевій былъ зараженъ мыслями аріанскими и что слѣдовательно неодобреніе на употребленіе свят. иконъ, встрѣчающееся у него, не заслуживаетъ вниманія, какъ лица, зараженнаго ересью. Приводить всѣ эти выдержки думаю, что нѣтъ надобности; но мы приведемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ, какъ болѣе почему-нибудь выдающіяся; къ такимъ мѣстамъ, наиболѣе выдающимся, можно отнести выдержки изъ св. Кирилла Іерусалимскаго, св. Симеона столпника и церковнаго историка Евагрія.

Св. Кириллъ Іерусалимскій во второмъ своемъ огласительномъ словѣ, между прочимъ, пишетъ: „Какого ты мнѣнія о Навуходоносорѣ? Не слышалъ ли въ писаніи, что онъ былъ кровожаденъ, свирѣпъ, имѣлъ львиный нравъ? Не слышалъ ли, что онъ кости царей изнесъ изъ гробовъ? Не слышалъ ли, что онъ въ плѣнъ отвелъ народъ Божій? Не слышалъ ли, что онъ сокрушилъ херувимовъ? Не говорю херувимовъ умосозерцаемыхъ и небесныхъ, но херувимовъ, которые были устроены во храмѣ и осѣняли очистилище, отъ среды котораго глаголалъ гласъ Божій“. По поводу сей выдержки патріархъ Тарасій замѣтилъ: „Припомнимъ, какъ осужденъ былъ Навуходоносоръ, низвергшій тѣхъ херувимовъ, и какое понесъ онъ наказаніе! Всякій извергающій изъ церкви и ниспровергающій что-либо священное подлежитъ тому же наказанію“.

Съ именемъ св. Симеона столпника представлена была выписка изъ 7 посланія его къ императору Іустину младшему. Предметомъ посланія на сей разъ было то обстоятель-

ство, что самаряне, жившіе въ такъ называемыхъ кастрахъ, близъ города Порфиріона, сдѣлали нападеніе на храмъ, который по повелѣнію самого же Іустина строился въ томъ городѣ, и учинили безчиніе въ часовнѣ, устроенной при колодцѣ въ томъ же мѣстѣ. О безчиніи этомъ Павелъ, епископъ города Порфиріона, донесъ патріарху и Сумеону столпнику, патріархъ тоже написалъ къ Сумеону въ тѣхъ мысляхъ, что Сумеонъ пользовался большимъ уваженіемъ у императора. При нападеніи на храмъ и на часовню причинено было поруганіе иконамъ: Христа Спасителя, Богоматери, святыхъ и всечестному кресту. Въ негодованіи отъ сего происшествія св. Сумеонъ проситъ императора Іустина, чтобы онъ подвергъ строжайшему наказанію виновныхъ. „Мы умоляемъ вашу побѣдоносную власть не оказывать осмѣлившимся сдѣлать это никакого снисхожденія, не щадить ихъ и не принимать никакой просьбы и ходатайства за нихъ, чтобы они не предприняли чего-нибудь еще. Да постигнетъ ихъ сродная имъ тьма въ предзнаменованіе имѣющаго пожечь ихъ нескончаемаго и мрачнаго огня. Да присудитъ ихъ въ подземную пропасть на вѣчную погибель самъ всесвятый и всемогущій Духъ Іисуса Христа Господа нашего, исходящій отъ Отца“. При чтеніи сей выдержки патріархъ Тарасій выразился: „видите, какое мнѣніе высказалъ этотъ отецъ!“ Василій, епископъ Анкирскій, замѣтилъ: „онъ считаетъ оскорбителей святыхъ иконъ недостойными снисхожденія“.

Выписка изъ Евагрія описываетъ чудо отъ нерукотвореннаго образа Спасителева, находившагося въ Едессѣ. Чудо состояло въ слѣдующемъ: „Хозрой, владѣлецъ Персіи, рѣшился взять Едессу осадно; сдѣлалъ къ стѣнамъ Едессы огромнѣйшія насыпи и съ тѣхъ насыпей стрѣлялъ чрезъ городскія стѣны въ жителей города. Едессяне, чтобы отдѣлаться отъ насыпей, рѣшились сдѣлать подъ нихъ подкопъ, чтобы ихъ поджечь, но огонь, который они развели, не имѣлъ выхода, гдѣ бы, выбравшись на воздухъ, могъ охватить дерево, и потому угасъ. Тогда едессяне, взявъ богозданную, нерукотворенную икону, принесли ее въ выкопанный ровъ, окропили ее водою и нѣсколько капель бросили въ огонь и

на дрова. Божественная сила тотчасъ же явилась на помощь вѣрѣ ихъ и совершила то, чего пражде они не могли; пламень вдругъ охватилъ дрова и скорѣе, чѣмъ мы разсказываемъ, обратилъ ихъ въ уголь, перешелъ къ деревамъ верхнимъ и пожралъ все". При чтеніи этой выдержки Левъ, чтецъ великой церкви Константинопольской, сказалъ: „я, недостойный рабъ, самъ, когда ходилъ въ Сирію съ царскими апокрисіяріями, былъ въ Едессѣ и видѣлъ эту священную и нерукотворенную икону; ее вѣрные почитаютъ и покланяются ей". Послѣ того, какъ прочитано было и еще нѣсколько выдержекъ изъ Лимонаря (λειμών — лугъ, пажить, зелень = αἴρω — беру лугъ духовный) такого же свойства, какъ и всѣ вышеприведенныя, патріархъ Тарасій выразился, наконецъ: „мы уже насытились отеческими свидѣтельствами и узнали, что обычай устроять святыя иконы основанъ на древнемъ преданіи. Итакъ, мы являемся послѣдователями св. отцевъ". Одинъ изъ иноковъ, присутствовавшихъ на соборѣ, по имени Стефанъ, назывался было еще какими-то своими книгами, коихъ у него было до пятнадцати, но патріархъ Тарасій на это предложеніе отвѣтилъ: „мы удовлетворены и довольны". Тогда Савва, почтеннѣйшій инокъ и игуменъ Студійскій, обращаясь къ патріарху Тарасію, предложилъ: „владыка! мы, недостойные рабы вашей святости, просимъ, чтобы священныя иконы были поставлены на ихъ мѣстахъ по прежнему обычаю и чтобы благочестивые христіане совершали предъ ними свои литаніи". Патріархъ Тарасій, обращаясь къ собору, спросилъ, что скажетъ честная братія; соборъ общностію отвѣтилъ: „мы всѣ одобряемъ это". Но въ частности Петръ и другой Петръ, представители папы, выставились съ особенною деклараціей такого содержанія: „Согласно тому, что провозглашено всѣми нами или лучше — согласно преданію каѳолической церкви и всѣхъ святыхъ отцевъ считаемъ долгомъ вынести на средину досточтимую икону и облобызать ее. Іереи! Скажите, какъ вамъ это представляется. И еще другое предложеніе дѣлаемъ, чтобы всѣ сочиненія, написанныя противъ честныхъ иконъ, были съ анаѳемою уничтожены и преданы огню. Просимъ и объ этомъ высказаться, какъ это

представляется священному собору". Св. соборъ сказалъ: „пусть будетъ поставлена, пусть такъ будетъ сдѣлано".

Затѣмъ соборъ провозгласилъ слѣдующія 22 изреченія, повторяя каждое изреченіе по трижды: 1) ученіе богоглаголевыхъ отцевъ исправило насъ; 2) почерпая отъ нихъ, мы напились истины; 3) слѣдуя имъ, мы прогнали ложь; 4) будучи научены ими, мы лобызаемъ честныя иконы; 5) будучи руководимы ими, мы по достоинству воздаемъ имъ поклоненіе; 6) отцы проповѣдуютъ: мы послушныя чада и предъ лицемъ матери хвалимся преданіемъ каѳолической церкви; 7) вѣруя во единаго Бога, въ Троицѣ воспѣваемаго, мы лобызаемъ честныя иконы; 8) думающіе не такъ, пусть будутъ далеко изгнаны изъ церкви; 9) мы повинуемся древнему законоположенію церкви; 10) мы сохраняемъ постановленія отцевъ; 11) прибавляющихъ или убавляющихъ что-либо мы анаѳематствуемъ; 12) мы принимаемъ честныя иконы; 13) мы анаѳематствуемъ привходящее нововведеніе обличителей христіанъ; 14) держащихся иного исповѣданія подвергаемъ анаѳемѣ; 15) обличителямъ христіанъ, то есть иконоборцамъ — анаѳема; 16) тѣмъ, которые берутъ изъ божественнаго писанія изреченія, направленныя противъ идоловъ и относятъ ихъ къ честнымъ иконамъ, анаѳема; 17) не лобызающимъ святыхъ и честныхъ иконъ—анаѳема; 18) называющимъ святыя иконы идолами — анаѳема; 19) говорящимъ, что христіане прибѣгаютъ къ иконамъ, какъ къ богамъ, анаѳема; 20) тѣмъ, кои имѣютъ понятія одинаковыя съ оскорбляющими и позорящими честныя иконы, анаѳема; 21) говорящимъ, что кромѣ Христа Бога нашего другой избавилъ насъ отъ идоловъ — анаѳема; 22) дерзающимъ говорить, что каѳолическая церковь когда-либо принимала идоловъ—анаѳема. Всѣ эти изреченія, говоримъ, были повторены каждое по трижды и затѣмъ многолѣтіемъ императорамъ засѣданіе было окончено.

Для того, чтобы совершенно въ надлежащей мѣрѣ приложить къ дѣлу свое всеоружіе истинно-богословской учености, соборъ нашелъ нужнымъ разобрать по мельчайшимъ частичкамъ все то, что было наговорено и опредѣлено относительно св. иконъ на прежде бывшемъ лжевселенскомъ соборѣ. Въ

общихъ чертахъ объ этомъ соборѣ мы уже говорили, теперь послѣдуемъ за истинно-вселенскимъ соборомъ и вмѣстѣ съ нимъ пересмотримъ какъ лжемудрствованія ересеучителей, такъ и опроверженія на нихъ, составленныя св. отцами истинно-вселенскаго собора. Разборъ опредѣленій лжевселенскаго собора, повторяемъ, былъ произведенъ со всевозможною тщательностію; не осталось безъ вниманія ни одного положенія, даже ни одного слова, мало-мальски имѣвшаго какое-нибудь значеніе. Разоблаченіе лжесоборныхъ постановленій было произведено при посредствѣ двухъ лицъ, какъ бы двухъ сторонъ: одинъ читалъ то, что было опредѣлено лжесоборомъ, другой читалъ опроверженіе на то, что ложнаго было сказано на этомъ лжесоборѣ. Разборъ начинается, ежели позволено будетъ сказать, съ самаго начала опредѣленій лжесобора. Томъ постановленій лжеименнаго собора начинается такъ: „Опредѣленіе святаго, великаго и вселенскаго седьмого собора“. Противъ сего пункта истинный соборъ замѣчаетъ, что здѣсь что ни слово, то ложь: ложью начато, ложью и окончено. Какимъ образомъ соборъ этотъ святъ, когда онъ не имѣетъ даже понятія о томъ, что такое святое? Напротивъ, онъ мерзокъ, и гнусенъ, и ложенъ, потому что собравшіеся на него, можно сказать словами пророка, не дѣлали различія между святымъ и гнуснымъ и икону воплотившагося Бога Слова Господа нашего Іисуса Христа наравнѣ съ изображеніемъ сатаны назвали идоломъ. Какимъ также образомъ онъ великій и вселенскій, когда его не приняли и не согласились съ нимъ предстоятели прочихъ церквей, а напротивъ, предали его анаѳемѣ? Онъ не имѣлъ своимъ соучастникомъ въ этомъ дѣлѣ тогдашняго папы Римскаго или замѣнявшихъ его іереевъ—представителей его или окружного посланія его, какъ это по закону требуется отъ такихъ соборовъ. Не были единомысленны съ нимъ и патріархи восточные: Александрійскій, Антіохійскій и святаго города, ни сослужители ихъ архіереи. Слова собравшихся на этотъ соборъ въ полномъ смыслѣ дымъ, полный мрака и помрачающій глаза безумныхъ, а не свѣча, поставленная на подсвѣчникѣ съ тѣмъ, чтобы свѣтить всѣмъ находящимся въ дому,

потому что сказанное ими сказано въ одномъ скрытомъ мѣстѣ, а не на горѣ православія и не разошлось по всей вселенной вѣщаніе ихъ и въ концы вселенной слова ихъ, какъ это было, подобно словамъ апостоловъ, съ изреченіями шести вселенскихъ соборовъ. Какимъ также образомъ онъ седьмый, когда онъ не согласенъ съ шестью, прежде него бывшими святыми и вселенскими соборами? Что считается седьмымъ, то должно вытекать изъ того, что происходило раньше и составляло первыя цифры счета, ибо что съ сосчитаннымъ не имѣетъ ничего общаго, то и не причисляется къ нему. Если бы кто-либо по порядку насчиталъ шесть золотыхъ монетъ, а потомъ къ нимъ прибавилъ мѣдную, то не назвалъ бы ее седьмою, потому что она состоитъ изъ другого вещества; и тотъ соборъ не имѣетъ въ своихъ догматахъ ничего соотвѣтствующаго золоту, а напротивъ, онъ много ничтожнѣе мѣди, не очищенъ отъ нечистоты и преисполненъ смертоноснаго яда, а потому не достоинъ быть причисленнымъ къ шести всесвятымъ соборамъ, просіявшимъ золотыми изреченіями Духа. Но такъ какъ онъ возвышаетъ себя такъ же, какъ сказавшій: поставлю престолъ мой выше облакъ, то ему будетъ провозглашено и слѣдующее далѣе, то есть: во адъ снидеши и во основанія земли (Ис. XIV, 13—14). Лжевселенскій соборъ при изложеніи своихъ опредѣленій, между прочимъ, выразился, что онъ созванъ былъ по Божіей благодати въ храмѣ Пренепорочной Дѣвы Маріи. Теперь истинный соборъ замѣчаетъ, что если бы это собраніе было по Божіей благодати, то оно украшалось бы сказанными по внушенію божественной благодати словами и блистало бы истиною, потому что благодать тогда была бы соединена съ истиною и это были бы двѣ союзницы, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ первоначальникъ богословія Іоаннъ, говоря: благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть. Но они оставили истину и прилѣпились ко лжи, оттого и слово ихъ не украшается божественною солію и не сообщаетъ благодати слушающимъ его. Что же касается того, что они собраны были во всечестномъ храмѣ Владычицы Богородицы, то отъ этого они ни мало не сдѣлались благообразнѣе, подобно тому, какъ и Аннѣ и

Каіафѣ и іудейскому синедріону ихъ, вооружившемуся противъ Христа, не было никакой пользы отъ того, что безаконное совѣщаніе ихъ, направленное противъ Христа, происходило въ священномъ храмѣ. Они оказываются еще болѣе виновными оттого, что во святыхъ мѣстахъ составляютъ нечестивыя и враждебныя Богу совѣщанія; лжесоборъ, желая объяснить возникновеніе употребленія иконъ, относилъ это къ происканъ діавола. Люциферъ видѣть не можетъ того, что въ ту славу, въ которой онъ былъ поставленъ, теперь возведенъ созданный Богомъ человѣкъ и лестію сдѣлалъ его чуждымъ славы и свѣтлости Божіей, убѣдивъ его покланяться твари вмѣсто Творца. Но Богъ Слово избавилъ насъ отъ тлетворнаго ученія дѣмонскаго и даровалъ намъ поклоненіе духомъ и истиною. Совершивъ таинство смотрѣнія, Онъ, Богъ Слово, учителями вѣры, ведущей ко спасенію, оставилъ святыхъ Своихъ учениковъ и апостоловъ. Они же, украсивши церковь нашу, какъ невѣсту Его, различными благочестивыми и изливающими свѣтъ догматами, представили прекрасною и пресвѣтлою, какъ будто одѣтою въ разнообразныя золотыя одежды. Божественные отцы и учители наши, а равно и шесть святыхъ и вселенскихъ соборовъ, принявши ее такъ украшенною, сохранили славу ея неумаленною".

Въ этой тирадѣ лжеименнаго собора истинный соборъ усмотрѣлъ для себя широкое поприще поизощрить свое остроуміе надъ хитрословесіемъ лжесобора. „Преславные,—возглашаетъ соборъ,—слушайте и прилѣпляйтесь къ истинѣ! Христосъ Богъ избавилъ насъ отъ заблужденія идольскаго. Если же Онъ избавилъ, то какимъ образомъ сдѣлались идолопоклонниками увѣровавшіе въ Него! Воплотившійся Богъ искупляетъ, а мы опять плѣнники. Желая прикрыть свой взглядъ коварнымъ покровомъ, они по невнимательности попадаютъ въ весьма смѣшное положеніе, когда многократно и величественно восхваляютъ церковное законоположеніе и, такимъ образомъ, противъ собственнаго желанія подтверждаютъ, что шесть святыхъ и вселенскихъ соборовъ сохраняли его въ лучшемъ видѣ. На словахъ они прикрываются личиною благочестія, а на самомъ дѣлѣ совершаютъ нечестіе; устами они

восхваляютъ благочестіе, а сердцемъ далеко отстоятъ отъ него, никакъ не соглашаясь признавать преданіе, которое въ предыдущее время вполнѣ принимали святые, которыхъ было такъ много. Имъ нужно бы стыдиться множества христіанъ какъ нынѣшнихъ, такъ и бывшихъ прежде, которыми было проповѣдано евангеліе, потому что они отвергаютъ и уничижаютъ сооруженіе этихъ живописныхъ памятниковъ, которые способствуютъ повѣствованію о евангеліи. Послѣ святаго и вселенскаго шестого собора, до того времени, когда они составили соборище противъ честныхъ иконъ, прошло не болѣе 70 лѣтъ и всѣмъ ясно видно, что преданіе дѣлать живописныя изображенія иконъ возникло никакъ не въ эти годы, но во времена, предшествовавшія шестому собору, а если сказать правду, то существовало еще во время апостольской проповѣди, какъ мы научаемся этому повсюду изъ самаго вида святыхъ храмовъ. И святые отцы свидѣтельствуютъ это, и историческіе повѣствователи, сочиненія которыхъ доселѣ сохранились, подтверждаютъ". Здѣсь въ опредѣленіи собора слѣдуетъ изложеніе общеизвѣстныхъ фактовъ изъ священной исторіи, начиная съ рождества Іисуса Христа даже до конца вселенскихъ соборовъ. Далѣе затѣмъ заключеніе такое: „Итакъ мы, видимъ и понимаемъ, что и прежде святыхъ соборовъ, и послѣ святыхъ соборовъ живописныя изображенія иконъ дѣлались въ церкви согласно преданію, какъ сохранялось въ ней и евангельское преданіе. При чтеніи мы ушами воспринимаемъ слышанное и отсылаемъ къ своему уму, а когда видимъ глазами иконныя изображенія, то просвѣщаемся умственно. И этими двумя способами, взаимно другъ другу сопутствующими, то есть посредствомъ чтенія и живописнаго изображенія мы получаемъ познаніе объ одномъ и томъ же, такъ какъ оба они существуютъ для того, чтобы приводить вещи на память. Вышепоименованный творецъ зла,—продолжаемъ выдержку изъ опредѣленій лжесобора,—не перенося благолѣпія церкви, не переставалъ въ разныя времена и разными способами обмана подчинять своей власти родъ человѣческій. Подъ личиною христіанства онъ ввелъ идолопоклонство, убѣдивъ своими лжемудрованіями склоняв-

шихся къ христіанству не отпадать отъ твари, но поклоняться ей, чтить ее и почитать Богомъ тварь подъ именемъ Христа".

Истинный соборъ съ ощутительнымъ торжествомъ для себя замѣчаетъ, что выдержка, выражающая изложенную мысль, неблагонамѣренно и неискусно приведена и извращена, бывъ взята изъ твореній св. Григорія Нисскаго. Св. Григорій, обличая аріанъ, въ укоризну имъ говорилъ, что они, низводя Слово Божіе въ разрядъ твари, тѣмъ самымъ оказываются служителями твари, ежели хотятъ служить Богу Слову".

„Устремимъ взоры къ истинѣ,—взываетъ истинный соборъ: мысль отца всецѣло направлена противъ приверженцевъ аріанства; служащіе твари, какъ Творцу, справедливо называются идолопоклонниками, потому что кому они служатъ, про того говорятъ, что онъ пришелъ изъ небытія въ бытіе, подобно всей созданной твари. Но христіане честныхъ иконъ не называютъ богами, не служатъ имъ, какъ богамъ, и не возлагаютъ на нихъ надежды спасенія своего. Правда, они съ любовію лобызаютъ иконы и поклоняются имъ, но только для напоминанія себѣ и запоминанія первообразовъ ихъ и по чувству сильнаго стремленія къ нимъ, а не служатъ имъ, какъ богамъ, и не воздаютъ божескаго почитанія ни имъ, ни чему-либо другому, сопричисляемому къ творенію".

Выдержка изъ постановленій лжесобора: „Какъ древле-начальникъ и совершитель нашего спасенія Іисусъ послалъ всюду Своихъ премудрыхъ учениковъ и апостоловъ, облеченныхъ силою Всесвятаго Духа, для уменьшенія идолопоклонниковъ, такъ и нынѣ Онъ воздвигъ служителей Своихъ, подобныхъ апостоламъ, вѣрныхъ нашихъ императоровъ, умудренныхъ силою того же Духа для нашего усовершенія и наставленія, для истребленія демонскихъ оплотовъ, воздвигаемыхъ противъ познанія Бога и для обличенія діавольскаго коварства и заблужденія. Они созвали весь священный сонмъ боголюбезныхъ епископовъ, чтобы изслѣдовать писаніе о соблазнительномъ обычаѣ дѣлать изображенія, отвлекающія умъ человѣческій отъ высокаго и угоднаго Богу служенія къ земному и вещественному почитанію твари".

„О, безуміе, возглашаетъ на сію тираду истинный соборъ. Ни одинъ изъ находящихся подъ небомъ людей-христіанъ не приносилъ служенія иконѣ. Идолослуженіе—вымыселъ язычниковъ, изобрѣтеніе демоновъ, проявленіе дѣла сатанинскаго. Оно погибло съ появленіемъ Христа. Нынѣ остается служеніе духомъ и истиною. Но въ церкви находятся различные предметы въ воспоминаніе о Немъ и о святыхъ Его, къ числу ихъ относятся и иконы. Оскорбительно для вѣры христіанской говорить о ней, что она обратилась въ чествованіе иконъ, въ земное и вещественное почитаніе твари".

Лжеименный соборъ въ порядкѣ своей аргументаціи излагалъ кратко свѣдѣнія объ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ, начиная съ перваго и оканчивая шестымъ. Но истинный соборъ на это разглагольствіе замѣчаетъ: „Рѣчь ихъ объ этомъ напрасна и тщетна и не заслуживаетъ отвѣта, потому что, поименовавъ святые соборы, они не повинуются, а противятся имъ. Пусть они покажутъ, что одинъ соборъ противорѣчитъ другому, если только не состоялъ изъ людей чуждыхъ каѳолической церкви и анаѳематствованныхъ ею, какъ и ихъ соборъ. Если они слѣдуютъ ученію церкви, то пусть принимаютъ и честныя иконы, такъ какъ онѣ приняты святыми шестью вселенскими соборами; если же они не слѣдуютъ каѳолической церкви, то никто ихъ слушать не будетъ, такъ какъ они не слѣдуютъ богоугодному преданію ея. Церковь каѳолическая приняла и запечатлѣла догматы, изложенные соборами, и нисколько не нуждается въ назиданіи этихъ учителей. Но вмѣстѣ съ этими догматами она приняла и честныя иконы и отцы наши удостоивали ихъ почитанія; они изображали ихъ въ созидаемыхъ ими честныхъ храмахъ, изображали ихъ также и на всякомъ приличномъ для того мѣстѣ и съ любовію лобызали ихъ. Между тѣмъ эти учители дерзнули поставить себя выше всего божественнаго сонма и воздвигли наперекоръ имъ свой собственный тронъ, возгордившись подобно отцу лжи—діаволу. Они оскверняли и оскорбляли святыни и предавали ихъ огню. О, злодѣяніе! Да исчезнетъ ихъ замыселъ и да сохранитъ Господь народъ Свой отъ этого тлетворнаго зла".

Выставляя на показъ свою ревность объ охраненіи догматовъ и вмѣстѣ прикрываясь этою показуемою яко бы ревностію, лжесоборъ провозглашаетъ: „Мы съ большимъ тщаніемъ и осмотрительностію по вдохновенію Всесвятаго Духа изслѣдовали и познали эти догматы и при этомъ нашли, что противъ самаго необходимаго изъ нихъ для нашего спасенія, то есть домостроительства Христова, богохульствуетъ не имѣющее въ нихъ основанія искусство живописи и что имъ подрываются эти шесть святыхъ и вселенскихъ богособранныхъ соборовъ". На это лжемудрованіе истинный соборъ отвѣчаетъ: „Есть тщаніе и осмотрительность, направленныя ко лжи; есть путь, иже мнится человѣкомъ правъ быти, послѣдняя же его приводятъ во дно адово (Притч. XIV, 12). Какимъ это образомъ совершаемое живописцами созиданіе иконъ направляется противъ самаго необходимаго таинства домостроительства Христова? Какимъ образомъ искусствомъ живописцевъ подрываются шесть святыхъ и вселенскихъ соборовъ; какимъ образомъ вопреки волѣ ихъ ставятся иконы въ церквахъ, когда сами оные божественные отцы наши, учительски и непринужденно объяснявшіе таинство нашего спасенія, изобразили его въ честныхъ храмахъ, пользуясь искусствомъ живописцевъ? Кто изъ божественныхъ отцевъ нашихъ провозвѣстилъ, что искусство живописцевъ несогласно съ самымъ необходимымъ догматомъ нашего спасенія, то есть съ домостроительствомъ Христовымъ. Низкія искусства, отвлекающія отъ цѣли заповѣдей Божіихъ, должны быть отвергаемы; но искусства, полезныя въ жизни, не носятъ въ себѣ ничего непристойнаго и не презирались и не отвергались св. отцами нашими. Такъ и искусство живописное: если имъ кто-либо пользуется для изображенія чего-либо позорнаго, то оно должно быть презираемо и отвергаемо. Но какъ скоро мы хотимъ изображать жизнь добродѣтельныхъ мужей, подвиги мучениковъ или таинство домостроительства великаго Бога и Спасителя нашего, тогда, пользуясь искусствомъ живописцевъ, мы являемся поступающими весьма правильно. Живопись, разглагольствуютъ вольнодумцы, напоминаетъ собою Несторія, раздѣляющаго одного Сына и

Бога Слово, воплотившагося ради насъ, на двоицу Сыновъ. Опять они,—отвѣчаетъ соборъ, — только говорятъ, а не доказываютъ. Какимъ образомъ изображающій икону Христа напоминаетъ Несторія? Мы познали Христа, состоящаго изъ двухъ естествъ, и притомъ нераздѣльно изъ двухъ естествъ. Итакъ, въ одномъ и томъ же Христѣ созерцается и неописуемое, и описанное. При томъ же икона подобна первообразу не по существу, а только по напоминанію и по положенію изображенныхъ членовъ. Живописецъ, изображающій портретъ какого-либо человѣка, не домогается изобразить на портретѣ душу, а между человѣческою душею и божескимъ естествомъ необъятное различіе. Никто однако же изъ благомыслящихъ, видя портретъ человѣка, не помышляетъ и того, что живописецъ отдѣляетъ человѣка отъ его души. Итакъ, вмѣстѣ съ прочими ихъ положеніями разлетается въ прахъ и это ихъ пустословіе. Но еще болѣе достойно смѣха, замѣчаетъ соборъ, то, что слѣдуетъ далѣе. Эта оцѣнка относится къ тому мѣсту изъ разсужденій лжесобора, гдѣ онъ говоритъ, что живопись напоминаетъ собою и Арія, и Діоскора, и Евтихія, и Севера, учившихъ, что два естества единаго Христа слились и смѣшались". На опроверженіе этого положенія истинный соборъ и словъ не желаетъ терять, обозвавъ эту тираду именемъ старушечьихъ сказокъ. Да и въ самомъ дѣлѣ подобныя аргументаціи могутъ не столько содѣйствовать разъясненію вопроса, сколько причиняютъ отягощеніе и напрасную скуку. Послѣдуя истинному собору, оставимъ и мы эту безсмыслицу безъ разсмотрѣнія.

Ежели не больше основательности, по крайней мѣрѣ больше ясности можно видѣть въ слѣдующемъ возраженіи лжесобора противъ святыхъ иконъ, гдѣ говорится: „Нечестивое учрежденіе лжеименныхъ иконъ не имѣетъ для себя основанія ни въ Христовомъ, ни въ апостольскомъ, ни въ отеческомъ преданіи; нѣтъ также и священной молитвы, освящающей ихъ, чтобы сдѣлать ихъ изъ обыкновенныхъ предметовъ святыми; но постоянно остаются онѣ вещами обыкновенными, не имѣющими никакого особеннаго значенія, кромѣ того, какое сообщилъ имъ живописецъ". На эту за-

дорную и заносчивую тираду истинный соборъ отвѣчаетъ спокойно и съ великимъ достоинствомъ: „Многое предано намъ не письменно, а въ томъ числѣ и приготовленіе иконъ; оно также распространено въ церкви со времени апостольской проповѣди. Исторія кровоточивой женщины, передаваемая различными историками, показываетъ, что эта женщина воздвигла изваянный образъ Христа Господа, а себя изобразила касающеюся края одежды Его, потому что, какъ повѣствуетъ Евангеліе, она содѣлалась здоровою. Между ею и изображеніемъ Господа выросла трава, касавшаяся ногъ изваянія и исцѣлявшая всякую болѣзнь". Кромѣ того весьма многіе изъ св. отцевъ нашихъ также и письменно передавали, что иконы были въ употребленіи у христіанъ; далѣе въ частности соборъ указываетъ на Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Анастасія Ѳеопольскаго, Софронія и Максима. „И къ чему намъ,—продолжаетъ соборъ,—припоминать ихъ по имени. Еретики ложь говорятъ, будто это дѣло не есть преданіе отцевъ. Это преданіе—отцевъ и оно совершенно естественно. Если отцы не передавали, что слѣдуетъ читать Евангеліе, то не передавали они и изображать иконы. Еслиже они передавали первое, то передавали также и послѣднее, потому что изобразительность неразлучна съ евангельскимъ повѣствованіемъ и наоборотъ, евангельское повѣствованіе съ изобразительностію. При этомъ то и другое хорошо и достойно почитанія, потому что они взаимно объясняютъ другъ друга и несомнѣнно доказываютъ другъ друга. Если мы говоримъ—солнце находится надъ землею, то конечно, въ это время день, а равно если-бы мы сказали—теперь день, то, конечно, солнце находится надъ землею. Точно такъ же если мы увидимъ на иконѣ ангела благовѣствующаго Дѣвѣ, то, конечно, при этомъ придемъ къ воспоминанію евангельскаго повѣствованія о томъ, какъ посланъ бысть ангелъ Гавріилъ отъ Бога благовѣстити Дѣвѣ. Итакъ, и изъ Евангелія услышавъ о таинствѣ, совершившемся надъ Дѣвою чрезъ ангела, мы воспоминаемъ объ этомъ и, видя это наглядно на иконѣ, мы также припоминаемъ совершившееся".

На то замѣчаніе иконоборцевъ, что въ кругу молитвъ церковныхъ нѣтъ молитвы, которую требовалось бы читать для освященія иконъ, соборъ отвѣчаетъ, что замѣчаніе это не имѣетъ никакой силы, никакого значенія. „Надъ многими изъ такихъ предметовъ, которые мы признаемъ святыми, не читается священной молитвы, потому что они по самому имени своему полны святости и благодати; поэтому такіе предметы мы почитаемъ, какъ достойные почитанія и лобызаемъ ихъ. Такимъ образомъ, и самый образъ животворящаго креста, хотя на освященіе его и не полагается особой молитвы, считается нами достойнымъ почитанія и служитъ достаточнымъ для насъ средствомъ къ полученію освященія. Что же касается воздаваемаго нами ему поклоненія, изображенія его на чемъ-либо и напечатлѣнія его въ воздухѣ, то мы уповаемъ, что чрезъ это прогоняются демоны. То-же самое и относительно иконы: обозначая ее извѣстнымъ именемъ, мы относимъ честь ея къ первообразу; цѣлуя ее и съ почтеніемъ покланяясь ей, мы получаемъ освященіе. Равнымъ образомъ, когда мы цѣлуемъ и объемлемъ различные священные сосуды, то надѣемся, что получимъ чрезъ нихъ нѣкоторое освященіе. Или они должны признать также вещами обыденными и не заслуживающими чествованія крестъ и священные сосуды, какъ приготовленіе плотника, или живописца, или ткача, такъ какъ и эти вещи не имѣютъ освящающей ихъ священной молитвы, или же и честныя иконы они должны считать священными и святыми и достойными почитанія“.

Иконоборческій лжесоборъ въ своихъ опредѣленіяхъ, клонившихся къ ниспроверженію св. иконъ, между прочимъ, установлялъ: „Каѳолическая христіанская церковь наша, занимая средину между іудействомъ и язычествомъ, не принимаетъ обрядовъ ни того, ни другого изъ нихъ, но идетъ новымъ путемъ богопреданнаго ей благочестія и тайнодѣйствія. Отъ іудейства она не заимствуетъ кровавыхъ жертвъ и всесожженій, что же касается языческихъ обрядовъ, такъ помимо жертвъ она имѣетъ отвращеніе и ко всякому идолодѣланію и идолослуженію, такъ какъ язычество сдѣлалось руко-

водителемъ и изобрѣтателемъ этого постыднаго искусства; не имѣя надежды воскресенія, изобрѣло достойное себя занятіе—не существующее представлять существующимъ. Если въ церкви Христовой нѣтъ ничего чуждаго, то пусть будетъ извергнуто изъ ней и иконопочитаніе, какъ чуждое ей, и какъ изобрѣтеніе людей, преданныхъ демонамъ".

Истинно-вселенскій соборъ въ этой тирадѣ усматриваетъ одно пустословіе и ложь. Ложно сказано, что церковь христіанская занимаетъ средину между іудействомъ и язычествомъ; на самомъ дѣлѣ христіанство не средину занимаетъ, а враждуетъ и съ тѣмъ, и съ другимъ, какъ выразился Василій, предстоятель церкви Кесарійской. Пустословіе и то, что говорится о заимствованіи того или другого церковію Христовою оттуда или оттуда и о незаимствованіи; и христіанская церковь не обходится безъ обрядовъ и несправедливо было бы осуждать ее за сіе, иначе нужно будетъ и Авеля, и Ноя, и Авраама осуждать за то, что они приносили жертвы. Зло становится зломъ отъ насъ и чрезъ насъ, а не зависитъ отъ подлежащей матеріи. Богъ принимаетъ то, что приносится Ему, но гнушается тѣмъ, что приносится идоламъ. Употребленіе иконъ не имѣетъ ничего сходнаго съ жертвоприношеніями идоламъ и все разглагольствіе лжесобора есть безсодержательное пустословіе.

Такимъ же пустословіемъ во мнѣніи истиннаго собора оказывается и слѣдующая тирада, хотя и составленная лжесобромъ подъ прикрытіемъ благовиднымъ. Именно: лжесоборъ, между прочимъ, въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ разглагольствовалъ: „Какъ даже осмѣливаются посредствомъ низкаго еллинскаго искусства изображать преславную Матерь Божію, въ Которой вмѣстилась полнота божества, высшую небесъ и святѣйшую херувимовъ? Какъ не стыдятся посредствомъ языческаго искусства изображать имѣющихъ царствовать со Христомъ, сдѣлаться сопрестольными Ему. Не достойно христіанамъ, получившимъ надежду воскресенія, пользоваться обычами народовъ, преданныхъ идолослуженію, и святыхъ, имѣющихъ возоблистать такою славою, оскорблять безславнымъ и мертвымъ веществомъ. Мы не заимствуемъ

доказательствъ нашей вѣры у чуждыхъ намъ по вѣрѣ, подобно тому, какъ и Іисусъ порицалъ, когда оные демоны называли Его Богомъ, потому что Онъ считалъ недостойнымъ для Себя дѣломъ пользоваться свидѣтельствомъ демоновъ".

„Что за превратность, что за безсмысленность понятій,— взываетъ истинный соборъ по поводу этой сейчасъ приведенной тирады. Имѣющіе мудрость змія и не имѣющіе коварства его, имѣющіе чистоту голубя, умѣютъ чтить и словами, и похвалами Пречистую и Пренепорочную и поистинѣ Богородицу и святыхъ и при помощи историческихъ книгъ приводить себѣ на память добродѣтели ихъ, а также посредствомъ изображенія ихъ на иконахъ познавать ихъ подвиги и мужество, они превозносятъ святыхъ высшими похвалами и согласно со словами божественнаго апостола признаютъ ихъ разрѣшившимися отъ узъ плоти и находящимися со Христомъ, гдѣ они ходатайствуютъ за насъ и приносятъ чистую и непорочную вѣру и служеніе духомъ и истиною единому Богу, а не какимъ-либо находящимся въ поднебесной тварямъ. Что же касается тѣхъ, которые считаютъ матерію гнусною, то они желаютъ опозорить истину: имъ слѣдовало бы припоминать то, какъ восхваляются въ писаніи древнія святыя жертвы, когда онѣ приносились Богу. Когда же онѣ приносились демонамъ, то хотя вещество ихъ было то-же самое, онѣ были дѣломъ, полнымъ гнусности. Они смотрятъ только на то, что предъ ихъ глазами, и обвиняютъ церковь въ томъ, что она содержитъ символы, изобрѣтенные язычниками; между тѣмъ, если вещество, будучи употребляемо на различныя противозаконныя потребности, оскверняется и дѣлается гнуснымъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще пренебрегать полезною стороною его. Если они будутъ такъ разсуждать и такъ относиться къ различнымъ вещамъ, то они должны будутъ отвергнуть все, посвященное Богу, а именно— священныя одежды и священные сосуды, потому что и язычники также дѣлали идоловъ изъ золота и серебра и возліянія имъ совершали изъ вина, а хлѣбы воинству небесному евреи приносили изъ муки. Остается имъ обвинить каѳолическую церковь еще въ одномъ: язычники въ своихъ исто-

рическихъ сочиненіяхъ восхваляютъ своихъ боговъ и демоновъ. Не слѣдуетъ ли намъ въ своихъ историческихъ книгахъ не восхвалять ни Всевышняго Бога, ни святыхъ Его, чтобы не уподобиться язычникамъ".

До сихъ поръ лжесоборъ упражнялся въ изложеніи, такъ сказать, апріорическихъ или теоретическихъ основоположеній, на коихъ онъ отрицаетъ иконопочитаніе; отселѣ начинается рядъ мыслей апостеріорическихъ, начинается рядъ доказательствъ изъ разныхъ мѣстъ священнаго писанія и письменности святоотеческой, съ цѣлью доказать, что иконъ почитать не должно. Истинный соборъ съ своей стороны разбираетъ и предлагаетъ отвѣты на положенія лжесобора. Съ этой стороной аргументаціи лжесобора мы уже имѣли случай познакомиться при изложеніи повѣствованія о томъ времени, какъ происходили занятія лжесобора; поэтому, чтобы не повторять въ другой разъ одного и того же, мы только вкратцѣ будемъ слѣдить порядокъ доказательствъ, какъ ихъ приводилъ лжесоборъ, но съ надлежащею полнотою будемъ слѣдить отвѣты лжесобору отъ собора истиннаго. Въ доказательство изъ священнаго писанія къ опроверженію иконопочитанія лжесоборъ приводитъ изреченіе: „Духъ есть Богъ и иже кланяется Ему духомъ и истиною, достоитъ кланятися. Бога никто же видѣ нигдѣ же, ни гласа Его слышасте, ни видѣнія Его видѣсте; блажени не видѣвшіе и вѣровавшіе".

Истинный соборъ противъ сего аргумента замѣчаетъ, что здѣсь иконоборцы злоупотребляютъ текстами: „То, что говорится о невидимомъ и непостижимомъ божествѣ, относятъ къ домостроительству воплощенія единаго отъ Святыя Троицы. О Богѣ невидимомъ говорится: ни гласа Его слышасте; но о воплотившемся говорится: рече Господь; отверзъ уста Свои учаше. Такъ какъ Богъ Слово содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, то мы и голосъ Его слышали и образъ Его видѣли даже и послѣ воскресенія". Далѣе: „Божественное служеніе и поклоненіе, которое христіане совершаютъ съ истинною и чистою вѣрою, они уподобили подобострастному и чувственному поклоненію; они говорятъ, что христіане подобающее Богу служеніе и поклоненіе относятъ къ честнымъ

иконамъ и описываютъ непостижимое существо. О, какое извращеніе смысла. Христіане не приносятъ поклоненія духомъ и истиною ни иконамъ, ни божественному образу креста, а также они никогда не дѣлали иконы невидимаго и непостижимаго естества; но такъ какъ Слово содѣлалось плотію и обитало съ нами, то христіане и описываютъ и изображаютъ на иконахъ дѣла Его человѣческаго домостроительства. Христіане знаютъ, что Духъ есть Богъ и что кланяющіеся Ему должны покланяться Духомъ и истиною и потому на всякомъ мѣстѣ приносятъ Ему единому надъ всѣми Богу въ Троицѣ воспѣваемому согласное съ вѣрою служеніе и поклоненіе. Божественный образъ креста и честныя иконы мы съ любовію принимаемъ и почтительно покланяемся имъ, будучи побуждаемы къ тому сильною любовію и усердіемъ къ ихъ первообразамъ".

Изъ писанія ветхозавѣтнаго иконоборцы указывали на запрещеніе десятословія: „Не сотвори себѣ кумира" и проч. Истинный соборъ отвѣчаетъ, что „изреченія, сказанныя народу израильскому, который служилъ тельцу и вкусилъ египетскаго заблужденія, нельзя переносить на божественное собраніе христіанъ. Богъ, намѣреваясь ввести іудеевъ въ землю обѣтованія, потому и далъ имъ заповѣдь: „Не сотвори себѣ кумира", что тамъ обитали идолопоклонники, поклонявшіеся и демонамъ, и солнцу, и лунѣ, и звѣздамъ, и другимъ тварямъ, и даже птицамъ, и четвероногимъ, и гадамъ, и только не поклонявшіеся Богу живому и истинному. Когда же по повелѣнію Господа вѣрный рабъ Его Моусей созидалъ скинію свидѣнія, тогда онъ, показывая, что все служитъ Богу, приготовилъ изъ золота человѣкообразныхъ херувимовъ, представлявшихъ собою образъ херувимовъ разумныхъ. Они осѣняли очистилищѣ, предъизображавшее собою Христа, ибо Онъ есть очищеніе грѣховъ нашихъ. Итакъ, двумя способами Богъ привелъ ихъ къ боговѣдѣнію: съ одной стороны, говоря: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши, а съ другой—сдѣлавъ вылитыхъ изъ золота херувимовъ, осѣнявшихъ очистилище, то есть поклонявшихся Ему. Такимъ образомъ, Онъ и чрезъ зрѣніе, и чрезъ слухъ

наводилъ іудеевъ на мысль, что они должны поклоняться Господу Богу и Ему единому служить".

Иконоборцы въ оправданіе свое ссылались на нѣкоторыя мѣста изъ апостола Павла, какъ напримѣръ: „Измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка; почтоша и послужиша твари паче Творца. Аще и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ; вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ; вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ". Истинный соборъ противъ сихъ мѣстъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ сихъ текстовъ относятся къ язычникамъ, а не къ христіанамъ, а другіе хотя и къ христіанамъ относятся, но не имѣютъ никакого отношенія къ предмету разсмотрѣнія. Объясненіе на трудное къ уразумѣнію мѣсто изъ апостола, что значитъ разумѣть по плоти Христа, истинный соборъ приводилъ изъ толкованія Златоуста и Кирилла Александрійскаго. По толкованію обоихъ сихъ св. отцевъ смыслъ въ словахъ апостола такой: „Слово стало плотію и за всѣхъ умерло; такимъ образомъ, мы познали Его во плоти; но отнынѣ мы уже не знаемъ Его во плоти, потому что хотя Онъ теперь и находится во плоти, съ которою и воскресъ въ третій день и вознесся на небеса, но Онъ мыслится выше узъ плоти, потому что Онъ уже не умираетъ и не подлежитъ никакой немощи, но какъ Богъ Онъ выше всего этого". И другое изреченіе апостола: „вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ" не можетъ служить въ пользу иконоборцамъ. Апостолъ сими словами говоритъ: „Мы здѣсь не видимъ Бога, но вѣруемъ въ Него. Видя стройное движеніе всего, мы приходимъ къ мысли о создавшемъ все премудромъ Богѣ; но относить сіи слова апостола къ изготовленію святыхъ иконъ — значитъ искажать мысль апостольскую".

Изъ писаній святоотеческихъ лжесоборъ въ оправданіе свое приводилъ: 1) Мѣсто изъ св. Епифанія Кипрскаго: „Помните, дѣти возлюбленныя, и о томъ, что не слѣдуетъ вносить иконы въ церкви, а также и въ усыпальницы святыхъ, но всегда помятуйте о Богѣ и держите Его въ сердцахъ своихъ; христіанину неприлично возноситься къ Богу посредствомъ глазъ и блужданій ума".

Истинный соборъ по тщательномъ изслѣдованіи относительно сего мѣста пришелъ къ тому заключенію, что мѣсто это подложное. Ежели бы этотъ св. отецъ вооружался противъ святыхъ иконъ, то написалъ бы особое сочиненіе о семъ предметѣ и сочиненіе то было бы между всѣми его столь извѣстными сочиненіями, каково, напримѣръ, „Анкоратъ“ и другія. Ученики св. Епифанія построили на островѣ Кипрѣ храмъ и назвали его именемъ этого отца. Въ немъ, въ числѣ многихъ другихъ иконныхъ памятниковъ, они помѣстили и его икону. Если бы онъ гнушался видомъ честныхъ иконъ, то какимъ образомъ питомцы его рѣшились бы увѣковѣчить память его чрезъ изображеніе его на иконѣ? Эти произведенія не дѣло отца, но какія-то манихейскія.

Иконоборцы ссылались на св. Григорія Богослова, который въ стихахъ своихъ говоритъ: „Несправедливо заключать вѣру въ краскахъ, а не въ сердцѣ, потому что заключенное въ краскахъ скоро стирается, что же касается вѣры въ глубинѣ души, такъ она по сердцу мнѣ“. Истинный соборъ по поводу сего мѣста замѣчаетъ, что иконоборцы невѣрно привели слова св. Григорія отчего и смыслъ ихъ измѣнился: подлинный текстъ словъ св. Григорія таковъ: „краски легко смыть: глубину люблю я“, такъ что у св. Григорія рѣчь идетъ не о краскахъ иконныхъ, а о суетныхъ, временныхъ мірскихъ дѣлахъ и удовольствіяхъ: не пристращаться ко временному, а держаться духовнаго, истиннаго, вотъ смыслъ стиховъ Григоріевыхъ.

Иконоборцы ссылались на изреченіе св. Іоанна Златоуста: „Посредствомъ писаній мы наслаждаемся присутствіемъ святыхъ, имѣя образы не тѣлъ, но душъ ихъ, потому что сказанное ими служитъ образами душъ ихъ“, и св. Василія Великаго, который говоритъ: „Усердное изученіе богодухновеннаго писанія есть пространнѣйшій путь къ пріобрѣтенію того, что нужно; въ писаніи находятся и увѣщанія дѣлать добрыя дѣла, и предлагаются жизнеописанія блаженныхъ мужей, какъ бы нѣкоторые одушевленные образы богоугодной жизни, предлагаемые для подражанія богоугоднымъ дѣламъ ихъ“. Истинный соборъ, какъ и слѣдовало, конечно, ожи-

дать, замѣчаетъ, что въ словахъ того и другого изъ приведенныхъ отцевъ и мысли нѣтъ о томъ, чтобы учить ниспроверженію иконъ: св. отцы говорятъ только, что, изучая св. писаніе и читая жизнеописанія святыхъ, мы приходимъ къ воспоминанію ихъ благочестивой жизни. Что же касается ученія о святыхъ иконахъ, то и у того, и другого изъ сихъ отцевъ есть ясныя указанія на то, что изображеніе иконъ въ ихъ время было въ употребленіи. У св. Василія есть, напримѣръ, такое изреченіе: „Что слово сообщаетъ чрезъ слухъ, то живопись показываетъ молча чрезъ изображеніе“. У св. Златоуста также есть указаніе на употребленіе иконъ въ церкви, напримѣръ: „Я полюбилъ и залитую воскомъ картину ради благочестиваго содержанія; я видѣлъ на иконѣ ангела, поражающаго полчища варваровъ“.

Иконоборцы приводили мѣсто изъ св. Аѳанасія Великаго: „Какъ же не жалѣть о почитающихъ творенія по той причинѣ, что зрячіе кланяются не видящимъ и одаренные слухомъ—не слышащимъ? Тварь никогда не спасетъ твари. Истинный соборъ отвѣчаетъ на сіе, что св. Аѳанасій имѣетъ въ виду язычниковъ и противъ нихъ направляетъ свою рѣчь, а иконоборцы обвиняютъ христіанъ, будто они служатъ твари вмѣсто единаго всѣхъ Бога: не было сего и не будетъ!“ Иконоборцы приводили мѣсто изъ св. Амфилохія Иконійскаго: „Мы заботимся не о томъ, чтобы изображать красками на доскахъ тѣлесные облики святыхъ, ибо въ этомъ мы не имѣемъ надобности, но о томъ, чтобы подражать добродѣтельной жизни“. Истинный соборъ противъ сего замѣчаетъ, что смыслъ рѣчи оказывается такимъ здѣсь потому, что слова приведены отрывкомъ, не въ контекстѣ. Но если кто станетъ усердно изслѣдовать этого отца, то никакъ не найдетъ у него мысли, возбраняющей изображеніе честныхъ иконъ. Весь характеръ рѣчи у отца имѣетъ тотъ смыслъ, чтобы насъ расположить къ подражанію жизни святыхъ. Нашъ долгъ заботиться о томъ, чтобы избирать добродѣтели доблестныхъ мужей, подражать дѣламъ ихъ, соревновать жизни ихъ. Бываетъ такъ, что люди, не помышляющіе о добродѣтельной жизни святыхъ, посвящаютъ имъ храмы, изображаютъ ихъ на иконахъ, это

не похвально. Но изъ того, что нельзя похвалить нерадящихъ о добродѣтели за то только, что они созидаютъ храмы святымъ, еще не слѣдуетъ, чтобы и вовсе созиданіе храмовъ было дѣломъ непохвальнымъ. Къ разъясненію предмета можетъ способствовать сопоставленіе рѣчи св. Амфилохія съ однимъ мѣстомъ изъ Астерія Амасійскаго. Сей св. отецъ, направляя свою рѣчь противъ одѣвающихся пышно, но не пекущихся о бѣдныхъ, между прочимъ, выражается: „Не изображай Христа на одеждахъ, а лучше все, что ты тратишь на нихъ, отдай бѣднымъ“. Судя по этимъ словамъ, ежели бы ихъ взять изъ контекста, можно бы подумать, что св. отецъ не благорасположенъ былъ къ священнымъ изображеніямъ, а между тѣмъ у него же есть описаніе иконы св. мученицы Евѳиміи и св. отецъ отзывается съ великою похвалою объ этой иконѣ: „Живописецъ такъ хорошо изобразилъ капли крови, что можно подумать, что онѣ въ самомъ дѣлѣ текутъ изъ устъ дѣвицы и невозможно смотрѣть на оныя безъ слезъ“.

Выдержка будто бы изъ Ѳеодота Анкирскаго, сподвижника Кириллова: „Мы получили наставленіе не лица святыхъ изображать на иконахъ вещественными красками, а подражать указаннымъ въ писаніяхъ объ нихъ добродѣтелямъ ихъ, какъ бы какимъ одушевленнымъ образамъ; чрезъ это мы возбуждаемся къ подобной имъ ревности. Пусть скажутъ воздвигающіе изображенія, какой пользы достигли они чрезъ это и къ какому духовному созерцанію приходятъ отъ такого напоминанія. Очевидно, что это пустая выдумка и изображеніе діавольскаго коварства“. Истинный соборъ на эту выдержку отвѣчаетъ, что это подложная поддѣлка подъ имя Ѳеодота. „Мы не въ маломъ количествѣ изслѣдовали слова Ѳеодота и тщательно искали въ нихъ вышеприведеннаго изреченія, но никакъ и нигдѣ не нашли его, потому что онъ нигдѣ не говорилъ ничего такого. Если они привели это мѣсто изъ сочиненій Ѳеодота, то они должны бы были ясно показать, изъ какого сочиненія его заимствовано это свидѣтельство; но зная свою ложь, они прикрыли свой обманъ молчаніемъ“.

Въ ряду доказательствъ своихъ иконоборцы ставили

свидѣтельство изъ исторіи Евсевія Кесарійскаго, гдѣ онъ разглагольствуетъ Константціи о неизобразимости Спасителева существа. Но силу у этого свидѣтельства отнимаетъ то обстоятельство, что Евсевій несомнѣнно изобличается въ покровительствѣ сторонникамъ Арія. Эти словоохотливые любители лжи, оставивъ ученіе избранныхъ мужей и поревновавъ тѣмъ, кои вѣялкою божественнаго суда извергнуты изъ Господня ковчега, то есть изъ каѳолической церкви, выступили на защиту своей ереси. Какъ скоро оказалось, что основанія, какія приводилъ лжеименный соборъ въ оправданіе своего опредѣленія, были недостаточны, безсильны и ложны, то уже само собою становилось понятнымъ, что и самое опредѣленіе, на такихъ основаніяхъ утвержденное, должно было оказаться безсильнымъ. Это опредѣленіе, утвержденное на изложенныхъ выше основаніяхъ, было сформировано такъ: „Никакой человѣкъ да не дерзаетъ заниматься такимъ нечестивымъ и неблагоприличнымъ дѣломъ, то есть изготовленіемъ иконъ и воздаяніемъ поклоненія имъ. Если же кто-либо съ этого времени дерзнетъ устроять икону, или поклоняться ей, или поставить ее въ церкви, или въ собственномъ домѣ, или же скрывать ее, таковый, если это будетъ епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, то да будетъ низложенъ, а если монахъ или мірянинъ, то да будетъ преданъ анаѳемѣ и да будетъ онъ виновенъ и предъ царскими законами, такъ какъ онъ противникъ Божіихъ распоряженій и врагъ отеческихъ догматовъ.

Истинный соборъ, указавъ на безчисленныя бѣдствія, кои причинены были истиннымъ сынамъ церкви этимъ нечестивымъ опредѣленіемъ, теперь съ утѣшеніемъ останавливается на томъ, что Богъ призрѣлъ и освободилъ Свою церковь отъ одержавшихъ ее бѣдъ. И славу Ему. Аминь.

Послѣ опредѣленія, сейчасъ нами прочитаннаго, лжеименнымъ соборомъ было составлено еще нѣсколько опредѣленій, кои были отчасти выводами, отчасти объясненіями и дополненіями къ опредѣленію вышеизложенному: истинный соборъ пересмотрѣлъ и эти всѣ опредѣленія лжесобора дополнительныя; но такъ какъ въ нихъ ничего особеннаго по

сличенію съ тѣмъ, что уже разсмотрѣно нами, не замѣчается, то для избѣжанія повторенія пунктовъ уже извѣстныхъ намъ мы новый пересмотръ этихъ пунктовъ оставимъ, какъ для нашей цѣли болѣе не представляющій интереса. Послѣ того, какъ разсмотрѣны были истиннымъ соборомъ опредѣленія собора лжеименнаго и противъ каждаго изъ этихъ лживыхъ опредѣленій были сдѣланы замѣчанія и опредѣленія истинноцерковныя, соборъ приступилъ къ окончательному завершенію своихъ занятій и къ составленію распоряженій и опредѣленій, уже болѣе не подлежащихъ переразсмотрѣнію и имѣющихъ для всѣхъ значеніе непререкаемо обязательное. Въ этомъ окончательномъ опредѣленіи, сказавъ о поводѣ къ созванію собора и о предпринятыхъ соборомъ трудахъ, состоявшихъ въ томъ, что они (соборъ) изслѣдовали и разсмотрѣли дѣло весьма тщательно и, слѣдуя истинѣ, ничего не убавляютъ и ничего не прибавляютъ, но сохраняютъ все, что есть въ церкви лучшаго, и слѣдуютъ святымъ шести вселенскимъ соборамъ, вѣруютъ во единаго Бога Отца Вседержителя и такъ далѣе слѣдуетъ весь Никео-Цареградскій символъ вѣры. Послѣ того, какъ приведенъ былъ символъ вѣры, излагается кратко отрицаніе тѣхъ ересей, кои возникали въ разное время и кои были опровергнуты шестью вселенскими соборами. Послѣ того, какъ изречено было отлученіе на монофелитовъ, то есть еретиковъ, обличенныхъ VI вселенскимъ соборомъ, Никейскій второй соборъ продолжаетъ: „Кратко сказать, мы неприкосновенно сохраняемъ всѣ церковныя преданія, утвержденныя письменно или не письменно. Одно изъ нихъ заповѣдуетъ дѣлать живописныя иконныя изображенія. На такомъ основаніи мы, шествующіе царскимъ путемъ со всякимъ тщаніемъ и осмотрительностію, опредѣляемъ, чтобы святыя и честныя иконы предлагались для поклоненія точно такъ же, какъ и изображеніе честнаго и животворящаго креста, будутъ ли онѣ сдѣланы изъ красокъ, или мозаическихъ плиточекъ, или изъ какого-либо другого вещества, только бы сдѣланы были приличнымъ образомъ, и будутъ ли находиться во святыхъ церквахъ Божіихъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ или въ домахъ и

при дорогахъ, а равно будутъ ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, или непорочной Владычицы нашей Святой Богородицы, или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще при помощи иконъ онѣ дѣлаются предметомъ нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, пріобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобызаніе, почитаніе и поклоненіе, но никакъ не то истинное служеніе, которое по вѣрѣ нашей приличествуетъ одному только божественному естеству. Взирающіе на сіи иконы возбуждаются приносить иконамъ ѳиміамъ въ честь ихъ и освящать ихъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ это и въ честь изображенія честнаго и животворящаго креста, святыхъ ангеловъ и другихъ священныхъ изображеній и какъ по благочестивому стремленію дѣлалось это обыкновенно и въ древности, потому что честь, воздаваемая иконѣ, относится къ ея первообразу и покланяющійся иконѣ поклоняется ѵпостаси изображеннаго на ней. Такое ученіе содержится у святыхъ отцевъ нашихъ, то есть въ преданіи каѳолической церкви, въ которой евангеліе преемственно переходило отъ одного отца къ другому. Такимъ образомъ, мы слѣдуемъ Павлу и всему сонму божественныхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ, содержа принятыя нами преданія. Такимъ образомъ, мы пророчески воспѣваемъ церкви побѣдныя пѣсни: „Радуйся дщи Сіонова зѣло, проповѣдуй дщи Іерусалимова, веселися и преукрашайся отъ всего сердца твоего: отъятъ Господь неправды твоя, избавилъ тя есть изъ руки врагъ твоихъ; воцарится Господь посредѣ тебе и не узриши зла къ тому“ (Соф. III, 14—15). Итакъ, мы опредѣляемъ, чтобы осмѣливающіеся думать или учить иначе, или по примѣру непотребныхъ еретиковъ презирать церковныя преданія и выдумывать какія-либо нововведенія, или же отвергать что-либо изъ того, что посвящено церкви, будетъ ли то евангеліе, или изображеніе креста, или иконная живопись, или святые останки мученика, а равно дерзающіе съ хитростію и коварно выдумывать что-либо для того, чтобы ниспровергнуть

хотя какое-либо изъ находящихся въ каѳолической церкви законныхъ преданій и, наконецъ, дерзающіе давать обыденное употребленіе священнымъ сосудамъ и досточтимымъ обителямъ—опредѣляемъ, чтобы таковые, если это будутъ епископы или клирики, были низлагаемы, если же будутъ иноки или міряне, были бы отлучаемы".

Послѣ того, какъ вышеизложенное опредѣленіе седьмого вселенскаго собора было всѣми подписано, патріархъ доложилъ особо составленнымъ адресомъ императорамъ объ окончаніи занятій соборныхъ. Императоры выразили желаніе принять личное участіе въ послѣдней, окончательной фазѣ этихъ столь долго длившихся занятій. Всѣмъ епископамъ, принимавшимъ участіе на соборѣ, предписано было собраться въ Константинополь въ царскій дворецъ, называвшійся Магнавра. Послѣ предначинательнаго обмѣна рѣчами со стороны патріарха и императоровъ, императоры выразили желаніе, чтобы теперь въ присутствіи ихъ еще разъ было прочитано опредѣленіе, составленное соборомъ. Желаніе императоровъ было, конечно, исполнено. Послѣ того, какъ опредѣленіе собора было прочитано, патріархъ поднесъ императорамъ прочитанный томъ опредѣленія и вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ просилъ запечатлѣть его и утвердить своими благочестивыми подписями. Тогда, возьмемъ выраженіе изъ самаго подлинника, сіяющая счастіемъ, благочестивѣйшая императрица взяла и подписала томъ опредѣленій и затѣмъ передала его соцарствующему ей своему сыну, чтобы и онъ подписалъ. Когда все это было такимъ образомъ исполнено, они передали подписанное опредѣленіе патріарху. Тогда всѣ епископы согласно стали восхвалять императоровъ, провозглашая такъ: „Многая лѣта императорамъ; Константину и матери его Иринѣ многая лѣта. Богъ да сохранитъ владычество ихъ; дай имъ, Господи, мирную жизнь; Царь небесный, сохрани царей земныхъ". Послѣ этихъ хвалебныхъ восклицаній императоры повелѣли прочитать отеческія свидѣтельства, прочитанныя уже прежде въ митрополіи Никейской, именно свидѣтельства: Іоанна Златоуста, Астерія Амасійскаго, Іоанна Ѳессалоникійскаго. Сумеона столпника, Нила Синайскаго и 82 правило

шестого вселенскаго собора, то есть Трульскаго. Когда это было прочитано во всеуслышаніе ихъ и преславныхъ начальниковъ и христолюбиваго народа, тогда всѣ умилились сердцемъ и почувствовали влеченіе къ истинѣ (опять удерживаю выраженіе подлинное). И боголюбезны епископы вмѣстѣ съ народомъ снова стали произносить приличныя благословенія, потому что вышепоименованный императорскій дворецъ былъ полонъ народа; весь городъ и воинскіе чины присутствовали здѣсь и, вставши со своихъ мѣстъ, они славословили и радостно благодарили такъ благоизволившаго Бога.

По окончаніи всѣхъ занятій собора списки его дѣяній были разосланы къ папѣ, къ патріархамъ восточнымъ, къ императрицѣ съ императоромъ и по всѣмъ церквамъ Константинопольскаго патріархата. Въ спискахъ тѣхъ вкратцѣ изложена сущность всего того, что такъ подробно мы излагали въ предшествующихъ чтеніяхъ.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

Стр.

Исторія вселенскихъ соборовъ 3

Исторія перваго всел. собора — Никейскаго 5

Второй всел. соборъ — Константинопольскій. 41

Слово 42 св. Григорія Богослова прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополь стапятидесяти епископовъ 52

Третій вселенскій соборъ — Ефесскій 63

Четвертый вселенскій соборъ — Халкидонскій 139

Окружное или соборное посланіе святѣйшаго Льва, архіепископа города Рима, писанное къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому (противъ ереси Евтихія). 165

Посланіе св. папы Льва ко второму Ефесскому собору 178

Посланіе блаженнѣйшаго Льва, архіепископа Римскаго, къ святому собору 205

Посланіе Халкидонскаго собора къ императорамъ — Валентиніану и Маркіану 219

Пятый вселенскій соборъ 223

Шестой вселенскій соборъ 256

Седьмой вселенскій соборъ 300

Первое посланіе святаго отца нашего Григорія, папы Римскаго, къ императору Льву Исаврянину о святыхъ иконахъ 305

Второе посланіе святаго отца нашего Григорія, папы Римскаго, къ императору Льву Исаврянину о святыхъ иконахъ 316

Библиотека ООН

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА,

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, магазинъ № 45,

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Агрономовъ, А., свящ. **Книжки для народа и школъ.** *Учебн. Ком. при Свят. Сгн допущ. къ обращен. въ народѣ и пріобр. въ библ. приходск. церквей* („Церк. Вѣд." за 1891 г. № 37). *Учил. Совѣт. при Св. Сгн. допущ. въ библ. церков.-приход. школъ* („Церк. Вѣд." 1891 г. № 34). *Мин. Нар. Просв. допущ. въ библ. низш. учебн. зав. и въ безплат. нар. библ. и чит.* (3 декабря, 1897 г., № 31692).

1) Благовѣщеніе Пресв. Бог., ц. 2 к.
2) Торжеств. входъ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, ц. 2 к.
3) Страстная седмица, ц. 4 к.
4) Свѣтлое Христово Воскр., ц. 5 к.
5) Вознесеніе Господа І. Хр., ц. 2 к.
6) Святая Пятидесятница, ц. 2 к.
7) Преображ. Господа Іис. Хр., ц. 2 к.
8) Успеніе Пресв. Богородицы, ц. 2 к.
9) Рождество Пресв. Богородицы, ц. 2 к.
10) Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня, ц. 2 к.
11) Покровъ Пресв. Богород., ц. 2 к.
12) Великое чудо милости Божіей 17-го октября, ц. 2 к.
13) Введеніе во храмъ Пр. Богородицы, ц. 2 к.
14) Рождество Госп. Іис. Хр., ц. 2 к.
15) Крещеніе Господа І. Хр., ц. 2 к.
16) Срѣтеніе Госп. Іисуса Хр., ц. 2 к.
17) Непобѣдимая и непостижимая сила Креста Господня, ц. 2 к.
18) Грекороссійская церковь есть воистину православн. церковь, ц. 4 к.
19) О значеніи крестныхъ ходовъ и освященія воды, ц. 2 к.
20) Св. Великій постъ, какъ проповѣдникъ покаянія, ц. 4 к.

Цѣна за всѣ безъ перес. 49 к., съ пер. заказн. 70 к., съ нал. плат. 80 к. При требованіи въ большомъ количествѣ допускается уступка

Акаѳістъ Святому Ангелу, неусыпаемому хранителю человѣческія жизни. Съ изобр. св. Ангела. Гражд. печ. Роск. изд., отпеч. на вел. бум., двумя краск., крупной печ. Спб., ц. 30 к., въ изящн. коленк. перепл. 75 к.

— Свят. прор. Божію Иліи, церк. печ. въ 32-ю д. л. Съ изображеніемъ, ц. 30 к. Въ коленк. пер. 75 к. Гражд. печ. 30 к., въ перепл. 75 к.

— Пресв. Госпожѣ Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ, преславнаго ради явленія чудотв. иконы Ея, именуемыя Тихвинскія. Церк. печ. Спб., ц. 20 к., гражд. печ. ц. 20 к.

— Св мученицамъ Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви и матери ихъ Софіи Съ изобр. Нап. двумя краск. на велен. бум. Спб., Церк печ., ц. 30 к., въ пер. 75 к., гражд печ, ц 30 к., въ пер. 75 к

Акаѳістъ ко Пресв. Богородицѣ, явленія ради чудотв. иконы Ея, Казанскія, съ изображеніемъ, церк. печ. Спб., ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.

— Пресвятѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ Всѣхъ Скорбящ. Радости. Церк. печ. Спб., ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.

— Св. чуд. Іоанну Воину, его же пам. праздн. Іулія въ 30 день. Гражд. печ. въ 32 д. л. Спб., ц. 20 к. Церк. печ, въ 4 д. л., съ кинов. и изображ. Ц. 50 к.

— Воскресенію Христову. Съ изобр. Воскрес. Цер. печ., въ 32 д. л. Спб., ц. 20 к. Гр. печ., ц. 20 к.

— Св. мучен. Параскевѣ. Съ изобр. Церк печ. Въ 32 д. л. Спб, ц. 30 к. Гражд. печ., ц. 30 к.

— Свят великомуч. Екатеринѣ. Съ изобр. Церк. печ Въ 32 д. л. Спб., ц. 30 к. Гражд. печ., ц. 30 к.

— Свят. Иннокентію, Иркут. чуд. Съ изображ. Церк. печ. Изд 3-е. Спб., ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.

Алексѣевъ, А. Очерки домашней и обществен. жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, богослуженіе, праздники, обряды, талмудъ и кагалъ. Спб. 1897 г., ц. 1 р. въ коленкоровомъ изящн. перепл. 2 р.

— Систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій по счетоводству и отчетности мѣстъ и властей Вѣд. Св. Сунода. Сост. Помощникъ Управляющ. Контролемъ при Св. Сунодѣ. Спб., 1880 г., ц 1 р. 50 к. *Реком. въ кач. справ книги для прав. дух. семин. и учил. (Церк. Вѣстн. 1881 г., № 30).*

Амвросій, архіепископъ Москов. Псалтирь. Въ новомъ слав. перев. М., 1878 г., ц 50 к

Анастасій, еписк. Олонецк. Проповѣди. Спб., 1880 г., ц. 1 р. 50 к.

Андреевъ, Д. Сборникъ правилъ о средствахъ содержанія духовенства и о раздѣлѣ ихъ между членами причтовъ. Спб. 1906 г, ц. 50 к.

Анисимовъ, А., свящ. Путевыя записки русскаго пастыря о свящ. Востокѣ, паломника. Въ 2 частяхъ. Иллюстрированное изданіе, съ 40 рис. Г. А. Гарпера. Изд. 2-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к. въ коленкор. переп. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. опред. допуст. вышеозаглавленную книгу въ ученич. библ. сред. и низшихъ учебн. заведеній и въ безплат. народн. читальни и библ* (15 декабря 1902 г. № 35173).

Антоній, іером. (нынѣ еп. Волын.). Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравствен. отвѣтственности. Изд. 2-е. Спб., 1888 г., ц. 1 р.

Антоновъ, В. Г., свящ. Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ апостольск. чтеній. Изд. 2-е. Спб., 1896 г., ц 50 к.

— Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, съ присовокуплен. истор. происхожден. важнѣйшихъ праздниковъ Православной Русской Церкви. Для народн. школъ. Изд. 3-е. Спб, 1894 г., ц. 50 к.

— Чтеніе псалтири по умершимъ. Спб. 1895 г., ц. 10 к.

Арндтъ, Іоаннъ. Объ истинномъ христіанствѣ. Съ присовокуплен. райскаго вертограда, исполненнаго христіанскихъ добродѣтелей, или собранія поучительныхъ и утѣшительныхъ молитвъ. 2 тома въ 5 частяхъ. Спб., 1875 г., ц 4 р, въ изящн. переп. 6 р. *Одобр. Учен. Ком. Мин Нар Просв. для ученич. библ. сред. учеб. завед и начал школъ*

Арсеній, еп. Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя отъ Рождества Христова до 1898 года. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб, 1900 г., ц. 3 р., въ изящн. коленк. перепл. 4 р. *Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. рекоменд. для фунд. библ средн учебн завед. Внес. въ списокъ книгъ для библ. церк.-прих. школъ* („Церк. Вѣд.“, № 2, 1896 г.).

Арсеньевъ, І. Руководство къ чтенію священныхъ книгъ на урокахъ Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб., 1898 г., ц 20 к.

Архангельскій, І., свящ. Поученія къ простому народу. Изд. 7-е. Спб., 1898 г., ц 1 р. 50 к., въ красив. переп. 2 р. 25 к *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для учен. библ. средн. и низш. учебн. зав*

— Катихизическія поученія о семи грѣхахъ смертныхъ. Изд. 2-е (извлечено изъ книги: „Поученія къ простому народу“) Спб., 1898 г., ц. 25 к.

Бажановъ, В. Б. Протопресвит.: 1) Воинъ христіан. Изд. 5-е. Спб., 1889 г., ц. 5 к.

2) Воскресный день. Изд. 6-е. Спб., 1889 г., ц. 5 к.

3) Нравоучительныя повѣсти для дѣтей. Изд. 16-е Съ 10-ю рисунками Спб., 1905 г., ц. 25 к *Опредѣленіемъ Училищ. Совѣта при Свят Сѵнодѣ, утвержден. Г. Сѵнодальн. Оберъ-Прокурор., постановлено допустить въ библ. церковн. школъ двухклассныхъ и одноклассн.* („Церк. Вѣд.“ № 39, 1901 г.).

4) Объ обязанностяхъ христіанина. I. Объ обязанностяхъ къ Богу. II. Объ обязанностяхъ христіанина къ самому себѣ. III. Объ обязанностяхъ христіанина въ отношеніи къ ближнимъ IV. Объ обязанностяхъ христіан въ состояніи домашнемъ V. Объ обязанностяхъ христіанина въ состояніи гражданскомъ. VI. Объ обязанностяхъ христіанина въ состояніи церковномъ. Изд. 8-е Спб, 1905 г., ц. 30 к. *Опредѣл. Учил. Сов. при Св. Сѵн., утвержден Г. Сѵнод Оберъ-Прокуроромъ, постановл. допустить въ библ церк. школъ второкл. и учительск.* („Церк. Вѣд.“ № 39, 1901 г.)

Бажановъ, В Б., 5) О вѣрѣ и жизни христіанской. Изд. 8-е Спб., 1904 г., ц. 10 к.

6) О религіи: I. О религіи естественной. II О недостаточности ея III. Объ откровеніи. IV. О христіанской религіи. Изд 3-е. Спб., 1905 г., ц. 30 к.

7) Пища для ума и сердца, или собраніе христ. размышл. Спб, 1889 г., ц. 1 р.

8) Примѣры благочестія изъ житій святыхъ. Изд. 10-е. Съ 10-ю рисунк. Спб, 1906 г., ц. 25 к

9) Притчи, избранныя изъ Круммахера. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 11-е. Спб., 1904 г., ц. 25 к

10) Сокровище духовное, отъ міра собираемое. Изъ твореній св. Тихона, еп. Воронежск. Съ рис въ текстѣ. Изд. 5-е. Спб., 1904 г., ц. 20 к. *Книги подъ № 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10 включ. въ катал. книгъ, одобрен. для употр въ низш. учил. вѣд Мин. Нар. Просв. въ отд III для ученич. библ. и для народ чтенія (стр. 117, 1901 г.) въ безплатн. народн читальни (Дополненіе къ каталогу, стр. 1-я, 1903 г)*

Бакстръ, Р. Вѣчное блаженство святыхъ. Пер. съ франц свящ. А. Свѣтлакова (законоучит Нижегор губ гимн.). Спб., 1901 г., ц. 1 р., въ кол перепл 1 р. 75 к

Барсуковъ, И. Памяти Діонисія, еписк. Якутск. и Вилюйск., а затѣмъ Уфимск. и Мензелинскаго. Спб., 1902 г, ц 1 р.

Бернардъ, Авва. Правила святой жизни. Изложены въ его бесѣдахъ съ своею сестрою монахинею. Спб., 1894 г., ц. 50 к., въ кол. пер. 1 р.

Берсье, Евг. Бесѣды, томы 1, 2, 3, 4 и 5-й. Пер. пр А. П. Мальцева. Спб., 1890—1902 г. Ц. 4 р. 40 к., въ одномъ коленк. переп. за всѣ 5 томовъ 5 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для пріобр. въ уч. библ. ср. уч. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375. *Учебн. Ком при Св Сѵн. одобр. для фундам. библ. средн. дух.-учебн. завед.* („Церк Вѣд.“ № 29, 1898 г.).

Берсье, Евг. Избранныя бесѣды. Перев. А. Забѣлинъ Спб., 1899 г., ц. 80 к.

Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ Ея св. иконы. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1905 г., ц. 2 р., въ роскошн. коленк. перепл. 3 р. *Мин. Нар. Просв, отъ 10—19 нояб. 1901 г. за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. училищъ и въ безплат. народныя читальни и библіотеки. Учил. Сов. при*

Св. Сѵн. одобр для библ. церк.-прих. школъ. („Церк. Вѣд " № 31, 1900 г.).

Бобровъ, П, прот Бесѣды священника съ наставниками молок., въ опроверженіе мнѣній по главнымъ пунктамъ вѣроученія молоканъ и штундистовъ. Спб., 1896 г., ц. 30 к.

— Поученія сельскаго пастыря на весь Православный Катихизисъ, между которыми есть поученія, направленныя противъ молоканъ. Изд. 3-е, исправл и дополн. примѣрами Спб., 1904 г., ц. 1 р.

Богородскій, Ѳ., священ. Голосъ сельскаго пастыря. Поученія, рѣчи и внѣбогослужебныя чтен. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. кол. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Пр.,отъ 10—19 нояб.1901 г ,за № 31977, допущ. въ учит. библ низш. учил. и въ безплатн. народн. читальни и библ.*

Богоявленскій, П. Бесѣды на символъ вѣры. Изд. 2-е. Спб., 1891 г., ц. 50 к.

— Бесѣды о молитвѣ Господней, говоренныя къ сельскимъ прихожанамъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г., ц. 30 к.

Божественное лицо и дѣло Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Спб., 1883 г., ц. 1 р.

Борисъ, архимандр. (бывшій еписк.):

1) Объясненіе XLIX гл книги Бытія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на апологетическое ея значеніе. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 20 к

2) Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря церк. обладать научнымъ знаніемъ Богословія? Изд. 2-е Спб., 1893 г., ц. 10 к.

3) О невозможности чисто физіологическаго объясненія душевной жизни человѣка. Апологетическое изслѣдованіе. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 20 к.

4) О сравнительной миѳолог. Макса Мюллера. Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миѳовъ. Изд. 2-е. Спб , 1893 г , ц. 30 к.

5) О началѣ міра. Аполог. изслѣдованіе. Изд. 2-е. Кіевъ, 1891 г., ц 1 р.

Бородкинъ, М. Графъ Л Н. Толстой, какъ учитель жизни. Спб., 1897 г , ц. 40 к.

Бувье, пасторъ Письма больного къ другу, также больному. Съ испр. по духу учен. правосл. Церк. Перев. съ франц. А. П. Озерова. Спб , 1895 г., ц. 30 к.

Булгаковскій, Д. 1) Храмъ Божій и его священная важность для христіан. Изд 4-е. Спб , ц. 10 к.

— 2) Молитва—царица добродѣтелей Бес. о молитвѣ), съ рис. Изд. 3-е, ц. 10 к.

— 3) Знаменіе Божіей Матери. Съ изображ. Изд. 2-е. Спб , ц. 5 к.

— 4) Память о покойникахъ. Изд. 2-е Спб., 1893 г., ц. 5 к.

— 5) Такъ ли мы живемъ, какъ Богъ велитъ? Изд. 3-е. 1905 г., ц. 3 к.

— 6) Будемъ-ли мы жить послѣ смерти. Спб. 1906 г., ц. 15 к.

Буткевичъ, Т. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Опытъ историко-критическ изложенія евангельской исторіи. Съ опроверж. возраженій, указываемыхъ отрицательн. критикою новѣйш. врем. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб.. 1887 г., ц. 4 р., въ изящномъ кол. перепл 5 р.

— Иннокентій Борисовъ, бывш. архіеписк. Херсонскій Съ портр. Спб., 1887 г , ц. 2 р

Бѣлоцвѣтовъ, А., прот. Кругъ поученій (110) на всѣ воскресные и праздничн. дни въ году и на седьм. пасхальн., первую поста и страстную, съ біогр. и прилож. къ нимъ особо семи словъ и поученій, не относящихся къ сему кругу. Изд. 6-е. Спб., 1904 г. Ц 1 р. 50 к., въ красив. колен. перепл 2 р. 25 к. *Св. Сѵнодъ опредѣл. 1—20 мая 1881 года одобрилъ для пріобрѣт. въ церковн. библ.* („Церк. Вѣст." № 3, 1881 г.).

— О сквернословіи. Поученіе. Спб. 1901 г., ц. 2 к.

— Приготовленіе къ исповѣди и св. причащ. Св. Христовыхъ Таинъ. Поученія великопостныя (Извл. изъ кн. „Кругъ Поуч."). Спб., 1894 г , ц. 20 к.

Валуевъ, П. А., графъ. Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній на всѣ дни года. Спб., 1885 г., ц. 4 р., въ кол перепл. 5 р.

Варсануфій Великій и Іоаннъ препод. Руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошенія учениковъ. Изд. 4-е. Спб. 1905 г., ц. 2 р., въ роскошномъ коленкор. перепл. 3 р.

Веніаминъ, архіеп. Нижег. и Арзамасск. Новая Скрижаль или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. Въ 4 ч Съ 77 рис., грав. на дер. В. Сѣряковымъ. 16-е изд. (седьмое по переложеніи на современный языкъ), отпечатано на веленевой бумагѣ. Спб., 1899 г., ц. 2 р, въ роск. коленк. пер. 3 р., *Мин. Нар. Просвѣщ. одобрено для фундамент. библіот. сред. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Вержболовичъ, М. О., маг. бог. Спиритизмъ предъ судомъ науки и христіанства. Изд. 2-е. Спб., 1903 г., ц. 40 к.

— Міръ таинственныхъ явленій. М., 1904 г., ц. 50 к.

Виноградовъ, І., прот. „Духоборецъ". Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

Виссаріонъ, еп (докт. богосл.). Сборникъ для любителей духовнаго чтенія. Изд. 2-е. Спб., 1897 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 3 р. *Мин. Нар Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учител. библіот. низш. учил. и въ безпл. народн. читальни и библ.*

— Слово истины. Изъ поученій. Изд. 2-е. Спб., 1903 г., ц. 1 р. *Мин. Нар. Просвѣщ. допущ. въ учит. библ. низшихъ учил. и въ безпл. нар. чит. и биб..*

Виссаріонъ, еп. (докт. богосл.). Толкованіе на Божественную Литургію по чину св. Іоанна Златоуста и св. Василія Вел. Изд. 4-е, вновь пересм. Спб., 1895 г., ц. 1 р., въ коленк пер. 1 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учител. библ низшихъ учил и въ безпл. народ. чит. и библ.*

— Толкованіе на Паримии. Изд. 2-е, вновь исправленное. Въ 3-хъ томахъ Спб., 1894—96 г., ц. за 3 т. 5 р. 50 к., въ роск. кол. пер. 8 р. *Одобр. къ употр. въ дух. сем. въ кач. пос. при изъясненіи Св. Пис.* („Церк. Вѣд." 1895 г., № 9 Цирк. № 15). *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил и въ безпл. народн. чит. и библ*

— Обозрѣніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Изд. 4-е. Спб, 1904 г, ц. 40 к

— О расколѣ и по поводу раскола. Семнадцать проповѣдей. Изд. 2-е. Спб., 1901 г., ц. 80 к.

— Уроки покаянія въ велик. канонѣ св. Андрея Критскаго, заимствов. изъ библейскихъ сказаній. Изд. 3-е. Спб, 1897 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

— Черты христіанскаго ученія. Сборникъ для назидательнаго чтенія. Спб., 1898 г., ц. 1 р., въ коленкор. перепл. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, прот. Объясненіе богослуженія святой православной церкви. Воскресная всенощная и Божественная литургія. Изд. 4-е. Внесено въ каталоги книгъ *Мин. Нар. Пр. и Учил. Сов. при Св. Сѵнодѣ* Спб., 1905 г., ц. 1 р. 50 к.

Властовъ, Г. Опытъ изученія Евангелія св. Іоанна Богослова. Въ двухъ томахъ. Спб., 1887 г., ц. 3 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл. 4 руб. 50 к. *Одобр. для фундам. и учен. библ. дух.-учеб. зав.* („Церк. Вѣд." 1888 г., № 36. Цирк. № 3).

— Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научн. изыскан. Изд. 2-е, исправл и дополн., въ 3-хъ больш. томахъ. Съ картою и рис Спб., 1879 г, ц 8 р. 50 к. Всѣ три тома „Священ. лѣтописи" опредѣленіемъ Св. Сѵнода отъ 7 окт. 1877 г. *одобр. для пріобр въ фундам. и учен. библ. дух. семин. Мин Нар. Просвѣщ. реком. для фундам. библ. сред. учебн. заведен. Рекомендовано для всѣхъ церквей.*

Вознесенскій, А. и Гусевъ, Ѳ. Житіе и чудеса святителя *Николая*, архіепископа Мѵрликійскаго, и слава его въ Россіи. Первое полное иллюстрированное роскошное изд. Съ рис. иконъ, храмовъ и обителей имени свят. Николая. Спб., 1899 г., цѣна 3 р., въ изящн. кол. пер. съ золототисн. 4 р., на велен. бумагѣ 4 р., въ изящ. пер. 5 р. *Мин. Нар. Пр. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народн. чит. и библ.*

Воробьевъ, Г. О Московскомъ соборѣ 1681—1682 г. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб, 1885 г., ц. 1 р

Вруцевичъ, М. Руководство для консисторій, духовн. слѣдов и духов Законы о подсудн. и произв слѣдствій по проступкамъ священно-церковно-служителей; съ объясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената и Указамъ Св. Сѵн. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб, 1896 г., ц. 1 р. 25 к

Вѣтвѣницкій, І., прот. Руководство къ преподаванію Закона Божія для народныхъ школъ, городск. учил., дѣтск. пріютовъ и элемент. зан. съ дѣтьми дома. Изд. 4-е безъ перемѣнъ. *Одобр. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сѵнодѣ и Учен. Комит. Мин Народн. Просвѣщ.* Спб., 1899 г., ц. 75 коп.

Гейки, К, д-ръ. Святая земля и Библія. Описаніе Палест. и нравовъ ея обит. Съ оригин. рис. Г. А. Гарпера Перескъ съ англ подъ редак. Ф. С. Комарскаго. Съ прил. карты Палестины. Роскошн. изд., отпечат. на велен. бум. 2 тома. Спб., 1894 г., ц. 10 р., въ роск кол. пер. 12 р.

Георгіевскій, В. Святый Благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій *Уч Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учен. старш. возр. библ. средн. учебн завед* (28 іюля 1895 г., № 16240). Изд. 2-е, исправленное, съ рисунками въ текстѣ Спб., 1900 г., ц. 40 к.

Гермогенъ, еписк. псков. Минуты пастырск. досуга. 2 т. Спб., 1899—1901 г., ц 3 р., въ коленк. перепл. 4 р *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г, за № 31977, допущ. въ учител библіот. низш. учил. и въ безпл. народ. читал. и библ.*

— О святыхъ таинствахъ Православной Церкви. Спб., 1904 г., ц. 40 к. *Учил. Сов. при Св. Сѵн. внесена въ „Справочный катал для библіот. прих., окружн. и иныхъ дух. вѣд". Изд. 1901 г, стр. 30.*

— Очеркъ исторіи славянск. церквей. Изд. 2-е Спб., 1899 г., ц. 1 р.

— Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу. Изд 11-е. Спб., 1902 г., ц. 30 к., въ изящномъ коленкор. переплетѣ 75 к. *Мин. Нар. Просв. одобр. для библ. средн. и низш. учебн. завед 30 марта 1885 г., № 5188. Внесена въ каталогъ книгъ для безпл. нар. читал.* Изд. по распор. Мин. Нар. Пр. 1896 г. Стр. 4-я.

Глотовъ, В И., свящ. Практическая гомилетика или сборникъ темъ и конспектовъ для проповѣдей на весь церковный годъ. Спб., 1902 г., ц. 1 р. 50 к.

Голубинскій, Ѳ. Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка (о конечныхъ причинахъ). Изд. 4-е. Спб.

1894 г., ц. 2 р., въ изящн. коленкор. переплетѣ съ золот. тисненіемъ 3 р. *Учебн. Комит. при Св. Сѵнодѣ реком. для фундам библ. средн дух.-учеб. завед* („Церк Вѣд " № 29, 1898 г.).

Голубцовъ, А. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1892 г., ц. 2 р. 25 к.

— Пренія о вѣрѣ, вызван. дѣломъ королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891 г., ц. 2 р.

— Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго Собора М., 1899 г., ц. 1 р. 75 к.

— Чиновникъ Холмогорскаго Преображенскаго Собора. М., 1903 г., ц. 2 р. 25 к.

— Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора. Съ предисловіемъ и указателемъ. М , 1905 г., ц. 75 к.

Граниковъ, М. Разговоръ священника съ прихожаниномъ противъ лѣченія заговорами. Спб., 1894 г., ц. 15 к. *Включ. въ каталогъ книгъ для употр. въ низш. учил. вѣдом. Мин. Нар. Пр. въ отдѣлъ для учен. библ. и для народн чит.* (Стр. катал. 36, 1882 г.).

Григорій, митр. День святои жизни или отвѣтъ на вопр. Какъ мнѣ жить свято? Изд. 3-е. Спб., 1904 г., ц 30 к., въ изящ кол. пер 75 к. *Внесена въ спис. книгъ для библ. церк.-прих. школъ* („Церк. Вѣд." № 2, 1896 г.). *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв рекомен. для библ. средн. и низшихъ учебн заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740)

Громачевскій, А, свящ. Практическія задачи дѣятельности сельск. православнаго священника Изд. 2-е, исправленн. и дополненное. Спб., 1890 г., ц. 1 р.

Гурьевъ, М Избранныя мѣста изъ сочиненія Лактанція institutiones divinae, съ комментаріями. *Учебн. Ком при Св. Сѵн. книга одобрена для употребл. въ старш. классахъ духовн сем.* Изд. 2-е. Спб., 1905 г., ц. 85 к.

Дебольскій, Г. С., прот. Дни богослуженія православной каѳолической восточн. Церкви. Изд. 10-е. 2 больш. тома, въ 6 ч. Спб., 1901 г., ц. 3 р., въ роск. кол. пер. 4 р. *Внесена въ списокъ книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ* („Церк. Вѣд." № 2, 1896 г.).

— Попеченіе православной Церкви о спасеніи мира, выражен. въ ея богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и богослуж. православной Церкви. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб., 1894 г., ц. 2 р., въ изящ. кол. пер. 3 р. *Одобрены Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для учен. библ. средн. и низш. учебн. завед.*

— Житія святыхъ: Василія Велик. Григорія Богосл. и Іоанна Зл. (Изв. изъ книги „Дни Богослуженія"). Съ изобр. ихъ акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1897 г. ц 30 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр для фундам. библ. средн. учебн. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Дебольскій, Г. С., прот. Житіе свят. равноапост. князя Владиміра. Съ приложен. Бесѣды о святыхъ въ православной церкви. Прот. В. Нордова. Изд. 2-е. Спб., 1903 г., ц. 10 к.

— Краткое обозрѣніе богослуженія православной Церкви. Съ рисунками въ текстѣ. Изд 4-е, напечатанное безъ перемѣнъ съ третьяго изданія *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар Просв для употр въ кач. учебн. руковод въ гимн. и прогимн. вѣдом. Мин. Народн Просв.* Спб., 1886 г., ц. 50 к.

— Необходимость и важность христіанскаго поведенія и послуш. православ. Церкви. *Одобрено для пріобр. въ учен библ. средн. учебн. завед. Мин. Нар. Пр.* (21 іюля 1894 г., № 14375). Изд. 3-е. Спб., 1898 г., ц. 50 к.

— О говѣніи по уставу православ. Церкви. Изд. 3-е. Спб., 1901 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. средн. учебн. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375

— О любви къ отечеству и трудѣ по слову Божію. Спб., 1898 г., ц. 25 к. *Уч. Ком. Мин. Нар Пр. одобр. для уч. библ. сред. и низш. уч. зав.*

— О пользѣ чтенія библіи, сирѣчь книгъ священнаго писанія. Спб., 1897 г , ц. 60 к.

— Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія. I. Сколько дней должно говѣть. II. Часто ли надобно говѣть. III. Молитвы предъ исповѣдью. Изд. 5-е. Спб., 1899 г., ц. 20 к *Внесена въ списокъ книгъ для библ. церк.-прих. школъ* („Цер. Вѣд." № 2, 1896 г.). *Мин. Нар. Пр. внесена въ кат. для учен. библ. средн. учебн. завед. вѣд. М. Н. П.*

— Установленія ветхозавѣтн. Церкви и христіанскія, для которыхъ первыя служили образцами. Изд. второе. Спб., 1893 г., ц. 60 к.

Дементьевъ, Г. Введеніе реформаціи въ Швеціи. Спб , 1892 г., ц. 1 р.

Дестуникъ, С. Библія, пересказанная дѣтямъ старшаго возраста Съ 240 рисунками художника Шнора. Богатое иллюстрированное изданіе. Спб., 1906 г., ц. 3 р., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 4 р.

— Житія святыхъ. Составленныя по Четь-Минеямъ и другимъ книгамъ. Съ изображеніемъ святыхъ и праздн. акад. Ѳ. Г. Солнцева. 12 книгъ, болѣе 2.500 стран. Изд. 3-е. Спб., 1904 года, ц. 6 р., съ перес. 7 р. 20 к.; въ изящн. кол. пер. въ 4-хъ книг. 9 р., съ перес. 10 р. 50 к. *Одобр. Уч Ком. при Св Сѵнодѣ для учен. библ. духовн. сем. и училищъ въ кач. назидат. чтен. для*

учащихся (27 іюля 1886 г., № 428). *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для уч. библ. учебн. зав. Мин Нар. Просв.* (20 мая 1887 г., № 7623). *Собств. Его Импер. Велич. Канц. циркул. реком. мѣст. начальст. учебн. и восп. завед. вѣд. Импер. Маріи для библ. вѣрен. имъ зав.* (24 февр. 1887 г., № 2995).

Дестунисъ, С. Житія святыхъ, ежедневное чтеніе для народа и для церк.-прих. школъ, со включ.: 1) мѣсяцеслова, 2) объясн. праздн. и 3) указанія дней особеннаго чествов. Божіей Матери. Изд. 1886 г., *одобрено Учебнымъ Комит. при Святѣйшемъ Сѵнодѣ* (27 іюня 1886 г., № 428) *и Ученымъ Комитет. Министѳ. Нар. Просв.* (20 мая 1887 г., № 7623). Съ 120 изобр. свят., 12 книж. Спб., 1897 г., ц. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 40 к., въ изящн. 2-хъ колен. пер., ц. 3 р. 30 к., съ перес. 4 р.

— Житіе св. Давида Богоотца, пророка и царя Іудейскаго. Съ изображ. его. Спб., 1887 г., ц. 20 к.

— Житіе свят отца нашего Николая, архіепископа Мѵрликійскаго, чудотвор., съ изобр. его. Составлено по новѣйш. источникамъ. Спб., 1895 г., ц 10 к.

— Начальная борозда Воспитательное чтеніе для школьнаго возраста. Съ рисунк. въ текстѣ. Спб. 1905 г., ц. 30 к.

Димитрій Кидонскій, Греческій Богословъ XIV вѣка. Не должно страшиться смерти. Перевелъ съ греческаго Е. А. Изд. 2-е. Спб., 1900 г., ц. 15 к.

Димитрій Рост. св. Зерцало православнаго исповѣданія, въ русскомъ переводѣ еп Іустина. Спб., 1898 г., ц. 15 к.

Дмитревскій, И. Истор., догм. и таинст. изъясненіе божествен. литургіи, основ. на свящ. пис., прав. всел. и помѣстн. собор. и на писан. св. отцовъ Церкви. Переложенное на современный языкъ, вновь пересмотр. изданіе. Съ прилож. „Книги о Храмѣ" Симеона, митроп. Солунскаго, съ рисунками извѣстн. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб, 1897 г., ц. 2 р. 50 к., въ роск. кол. перен. 3 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. одобр. для фундам. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Добровольскій, И., канд. бог. Справочная книга для правосл. духов. Спб., 1898 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Добромысловъ, П. П. Оскопленіе предъ судомъ священнаго писанія, каноновъ церковныхъ и здраваго смысла. Спб, 1902 г., ц. 25 к.

Доре Г. Библейскій альбомъ. Полное собраніе 230 картинъ рисованныхъ знаменитымъ художникомъ. Съ краткимъ библейскимъ текстомъ, поясняющимъ иллюстраціи. Спб. 1906 г., ц. 3 р., на веленев. бум. 5 р., въ роскошн. коленк. переплетѣ съ золототисн. 6 р. 50 к.

Есиповъ, Н. Н. Свят. и чудотв. арх. Черн. Ѳеодосій Угл.: 1) Житіе. 2) Просл. и чуд. 3) Торжество открыт. мощей свят. Съ прил.: патріарш. и царск. грамотъ, автограф и писемъ св. Ѳеодосія, хронологич. указат. событ. съ 1630 по 1696 г. и опис. собор., гдѣ покоились и нынѣ почив. мощи св. Ѳеодосія и со мног. рис. Спб, 1897 г., ц 1 р., въ кол. пер. 2 р. *Учебн. Комит. при Св. Сѵнодѣ допущена къ пріобрѣт. въ учен. библ. духовн. семин., мужск. духовн и женск. епарх. уч.* („Церк. Вѣд" № 29, 1898 г). *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена для учен. библ. всѣхъ средн. учебн. завед, учит. институт., семин. и город. учил, для учит. библ. нач. нар. учил. и для безплатн. народн чит. и библіотекъ* (20 окт. 1898 г., № 25932).

Завьяловъ, А. Циркулярные указы Свят. Прав. Сѵнода 1867—1900 гг. Изд. 2-е, неоффиціал. (дополн.). Спб., 1901 г, ц. 2 р., въ полушагр. перепл. 3 р.

Ивановъ, А. В. Руководство къ изъяснительному чтенію Четвероеванг. и Дѣяній Апостольскихъ Изд. 2-е, исправленное. Съ прил. карты Палест. во время жизни Іисуса Христа. Спб, 1894 г., ц. 2 руб. 50 коп. *Одобрено Учебн. Ком. при Свят. Сѵн. въ качествѣ учебн. руководства въ семинаріяхъ.*

Игнатій Богоносецъ. Посланія. Въ русскомъ переводѣ, съ введеніемъ и примѣчаніями къ нимъ протоіерея Петра Преображенскаго. Съ изображеніемъ св. Игнатія Богоносца. Спб., 1902 г, ц 50 к *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библіот. низш. учил. и въ безпл. народн. читальни и библіотеки.*

Игнатій, еп. (Брянч.). Сочиненія Въ 6 томахъ, съ прил. портр. авт. и его жизнеописанія. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Ц. за всѣ 6 т. 13 р. Въ изящномъ коленк. переплетѣ 19 р.

— Отечникъ (т. 6). Избранныя изреченія св. иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ. Изд. 4-е. Съ прил. снимка съ рукописи преосвящ. *Игнатія:* «Предисловіе» къ 1 т. аскетическихъ опытовъ Спб., 1903 г., ц. 3 р., въ красив. коленк. перепл. съ золот. тисненіемъ 4 р.

— О терпѣніи скорбей. Ученіе святыхъ отцовъ. Изд. 4-е. Спб., 1904 г., ц. 50 к., въ красив кол. пер. 1 р. *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. средн. и низш. учебн. завед.*

— Слово о смерти и прибавленіе къ нему. Спб., 1900 г, ц. 1 р. 25 к., въ коленк. пер. 2 р.

— О кончинѣ міра. Три поученія изъ сочин. еписк. *Игнатія* (Брянч.): 1) О царствѣ Божіемъ;—2) О причинѣ отступленія человѣковъ отъ Бога;—3) О втор. пришеств. Христов. Изд. 4. Спб., 1899 г., ц. 20 к. *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. средн. и низ. учебн. зав.*

— Правила наружнаго поведенія для

новоначальныхъ иноковъ. Изд. 6-е. Спб., 1903 г., ц. 20 к.

Игнатій, еп (Брянч.). Приготовлен. къ таинств испов и свят. причастія. Спб., 1899 г., ц. 30 к.

Игнатьевъ, П. Благочестивыя размышл. пр. христіанина о своей душѣ. На каждый день мѣсяца. Съ изреч., заимствов изъ свящ. писан., св. отцовъ и святит. Церкви и древн. филос. Спб., 1890 г, ц. 30 к., въ изящн. пер. 75 к.

Избранныя, изъ житій святыхъ чудеса и видѣнія, какъ доказ. различн истинъ христ правосл. вѣры. Матеріалъ для пастыр при составл. поуч. и назид чтен. для всѣхъ прав. христ. Сост. пр Θ. Л. Изд. 3-е. Спб., 1891 г., ц. 1 р., въ изящн. пер. 1 р. 75 к.

Измайловъ А. А. (Смоленскій). Въ бурсѣ (Бытовая хроника въ двухъ частяхъ). Спб, 1903 г., ц. 1 р.

— Черный Воронъ. Семнадцать разсказовъ, преимущественно изъ быта духовенства. Изд. 2-е. Спб., 1903 г. ц. 1 р.

Иннокентій, митроп. моск. Творенія. Книги 1-я, 2-я и 3-я М., 1886—88 г. Ц. за 3 большихъ тома 6 р.

— Письма 1828 — 1878 гг. Собраны И Барсуковымъ 3 тома. Спб., 1897 — 1901 г., ц. 7 р 50 к.

Ириней св, еп. Лионскій. Сочиненія изданы въ русскомъ переводѣ прот. П. А Преображенскимъ. Изд. 2-е. Спб., 1900 г, ц. 2 р., въ коленк. перепл 3 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для библ средн. учеб. зав. Мин* 25-го ноября 1898 г., № 28740.

Іоаннъ, еп. Аксайскій. Исторія вселенскихъ Соборовъ. Изд. 2-е. Спб. 1906 г., ц. 2 р.

Нравственное ученіе святаго отца нашего Исаака Сирина. Изд. 2-е. Спб., 1902 г., ц. 50 к

Іоаннъ св. Дамаск. Точное изложеніе правосл. вѣры. Твореніе св. Іоанна Дамаскина. Съ греч. перев. и снабд. перев. предисл., примѣч. и указат. докт. богословія проф *А. Бронзовъ*, профессоръ С.-Пет. Дух Академіи. Спб., 1894 г., ц 2 р., въ роск. кол. пер. 2 р. 75 к.

— Три защитительныхъ слова противъ порицающихъ св. иконы или изображенія. Съ греч. пер докт. богосл. проф. *А. Бронзовъ*. Спб., 1893 г., ц. 1 р., въ из. кол. пер. 1 р. 75 к.

Іоаннъ Злат. св. О воспитаніи дѣтей. Переводъ Филарета, арх. Чернигов. Спб., 1902 г., ц. 10 к.

— О дѣвствѣ. Пер. Маріи В—вой. Изд. 2-е. Спб, 1892 г., ц. 50 к.

— Письма къ Олимпіадѣ діакониссѣ. Переводъ съ греческаго. Съ изображеніемъ св. Іоанна Злат, рисов. акад. *Θ. Г. Солнцевымъ*. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

Іоаннъ, іеромонахъ. Обрядникъ Византійскаго двора. 1895 г., ц. 2 р.

Іосифъ, архим. Поученія на великіе праздники правосл. Церкви и на первую недѣлю велик поста. Спб., 1881 г., ц. 1 р, въ коленкор. перепл. 1 р. 50 к.

Іустинъ, св. философъ и муч. Сочиненія. Изд. въ русск. перев съ введен. и прим. къ нимъ, прот *П. А. Преображенскимъ:* Отдѣлъ I. Первая и вторая Апологія. — Разговоръ съ Трифономъ Іудеемъ. Отдѣлъ II. Посланіе къ Діогнету. — Рѣчь къ Эллинамъ. — Увѣщаніе къ Эллинамъ —О единовластительствѣ.—Отрыв. о Воскресеніи М, 1891 г., ц. 2 р.

Іустинъ, еписк Что такое жизнь и какъ должно жить? Статьи для религіозно-нравствен. чтенія. Спб., 1901 г., ц. 1 р., въ роск. коленк. пер. 1 р. 75 к.

— Ручная книжка православнаго христіанина, содержащая въ себѣ: Божественныя слова и рѣчи Господа нашего Іисуса Христа. Изд. 2-е. Спб., 1902 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. 1 р. 75 к.

Калашниковъ, С. В. Алфавитный указатель дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правит. Сѵнода (1721—1901 г. включительно) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ духовному вѣдомству православнаго исповѣданія. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное содержаніемъ узаконеній и распоряж. послѣдняго времени. Спб, 1902 г., ц. 3 р. 50 к, въ прочн. полушагрен. перепл 4 р. 50 к

— Сборникъ законовъ. I. О порядкѣ веденія метрическихъ книгъ, о бракахъ, рожденіи и смерти раскольниковъ и выдачѣ изъ оныхъ выписей. II. О судопроизводствѣ по брачнымъ дѣламъ раскольниковъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб, 1902 г., ц. 50 к.

Каптеревъ, Н. Сношенія Іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ (1669—1707 г.) М., 1891 г., ц 2 р.

Карповъ, П. Систематъ. указатель статей по основному, догматич., нравств. и сравнит. Богословію, помѣщ. въ журналахъ. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1888 г., ц. 1 р.

Кающійся грѣшникъ. Размышленія, взятыя изъ сочиненій: Филарета, митрополита Московскаго, Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, Дмитрія, архіепископа Волынскаго, Ѳеофана, бывшаго еписк. Владимірскаго, Порфирія, бывш. еписк. Чигиринскаго и др. Спб., 1901 г., ц 20 к. *Учен Ком. Мин. Нар Пр. одобр. для учен. библ. средн. и низш. учебн. зав.*

Кирѣевъ, А. О папской непогрѣшимости. Изъ переписки католическаго ученаго съ русскимъ генераломъ. Спб., 1905 г., ц. 50 к.

Ковальницкій, А, прот. Сочиненія и переводы, 40 брошюръ, ц. 6 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущены въ учительскія библіотеки низш. училищъ и въ безпл. народныя чит. и библ.*

— Взглядъ на ученіе соціалистовъ объ общеніи имуществъ. Слово, ц. 5 к.

— Вѣрить ли мнѣ въ Бога или не вѣрить? Вар., 1901 г., ц. 35 к.

— Вѣчный жидъ. Легенда. Спб., 1905 г., ц. 5 к.

— Голосъ природы о величіи Божіемъ и слабости человѣка, ц. 5 к.

— Голосъ Спасителя къ пастырю Христовой Церкви. Спб, 1905 г., ц. 30 к.

— Евангельская женщина, обличенная въ грѣхѣ людьми и оправданная Спасителемъ, ц. 5 к.

— Жена-христіанка. Слово, ц 5 к.

— Исповѣдь предъ духовникомъ не лишнее ли дѣло? Ц 25 к.

— Іерусалимъ вечеромъ и священникъ на Голгоѳѣ у Креста Господня. Изд. 3, ц. 10 к.

— Іосафатова долина или мѣсто страшн. суда. Изъ путешествія въ Свят. Землю. Съ 2 рис. Изд. 2. Спб., ц. 30 к.

— Каковы мы были бы безъ Іисуса Христа? Съ франц. Изд. 4, ц. 15 к.

— Материнская любовь у животныхъ, ц. 10 к.

— Мелочи въ обыденной жизни священника. Изд. 2-е. Вар., 1903 г., ц. 70 к.

— Послѣдніе дни жизни преступника, осужденнаго на смертную казнь, ц. 20 к.

— Много ли знаетъ человѣкъ о вселенной? Перев. съ нѣмецкаго, ц. 20 к.

— Надгробныя надписи, выраженныя словами священныхъ книгъ, ц. 10 к.

— Нравственное богословіе евреевъ-талмудистовъ. Съ нѣм. Изд. 2-е. Спб., ц. 20 к.

— Обращеніе изъ невѣрія въ христіанство философа Августина, — напоминаніе невѣрующимъ нашего времени. Изд. 2-е, ц. 10 к.

— Общеніе живыхъ съ умершими. Спб., 1904 г., ц. 5 к.

— О величіи Божіемъ на небѣ. Слово, ц. 10 к.

— О постѣ, на основаніи вѣры и науки. Слово противъ доказывающихъ, что постанов Церкви о постахъ уже отжило свое время, ц 10 к.

— О современномъ воспитаніи дѣтей матерями Слово Изд 3, ц. 5 к.

— О таинствѣ Св. причащенія тѣла и крови Господа нашего Іисуса, ц. 5 к.

— Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ. Небеса.— Отецъ.—Дѣти. Ц. 10 к.

— Послѣдніе дни жизни Пилата, осудившаго Христа на смерть. Перев. съ нѣмец. Изд. 3-е, ц. 10 к.

— Преподобная Марія Египетская, какъ образецъ борьбы самой съ собой. Съ изображеніемъ. Изд. 3, ц. 5 к.

Ковальницкій, А., прот. Причины невѣрія въ наше время. Слово. Изд. 2-е, ц. 10 к.

— Примѣры святости въ жизни христіанъ, бывшихъ врачами. Съ изображеніемъ святыхъ акад. Ѳ. Г. Солнцева. Изд. 3, ц. 10 к.

— Примѣры святости въ жизни христіанъ, бывшихъ ремесленниками. Съ изображеніями святыхъ академ. Ѳ. Г. Солнцева. Изд. 3., ц. 20 к.

— Происходитъ ли человѣкъ отъ обезьяны? Ц. 20 к.

— Проповѣдь Іисуса Христа, какъ доказат. Его божественности, ц. 10 к.

— Рождество Іисуса Христа, какъ доказательство Его божественности, ц. 10 к.

— Свидѣтельство природы о Богѣ. Съ франц Изд. 3. Спб., 1893 г., ц 20 к. *Одоб. Свят. Сгн. и Мин Народн. Просв.*

— Св Іосифъ Обручникъ. Ц. 10 к.

— Св. Филаретъ Милостивый, какъ земледѣлецъ. Съ изображен. Ц. 5 к.

— Смерть Іисуса Христа, какъ доказат. Его божеств. Изд. 3, ц. 10 к.

— Сократъ и Іисусъ Христосъ Съ нѣм., ц. 20 к.

— Состояніе рода человѣческ. предъ явленіемъ Христа на землю и основаніе христіан. церк , ц. 20 к

— Стѣна плача іудеевъ въ Іерусалимѣ и взглядъ на евреевъ нашего времени. Изъ путешествія въ Св. Землю. Съ рис. Изд. 3. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

— Теоретическое богословіе евреевъ-талмудистовъ Съ нѣмец. Изд. 2. Спб., 1898 г., ц. 20 к.

Комарскій. Карта Палестины. Составлена по новѣйшимъ картамъ Киперта (1890 г.), д-ра Фишера и проф Гуте (1892 г.) и друг. Согласно библейскимъ названіямъ (русскаго Сѵнод. изд. 1892 г), Съ планами древняго и современнаго Іерусалима и съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Спб., 1894 г., ц. 75 к., наклеенн. на коленк. 1 р. 25 к.

Корелли, М. Варавва. Повѣсть временъ Христа. Въ 2-хъ частяхъ. Пер. съ англ. Кн. Е. Ф. Кропоткиной. Спб., 1902 г., ц. 1 р., въ изящ. кол пер. 1 р. 75 к. *Рекомендуемъ эту въ высшей степени интересную повѣсть изъ временъ земной жизни Господа. Читается она съ захватывающимъ интересомъ.*

— Печаль сатаны Романъ. Перев. съ англійскаго. Княгини *Е. Ф. Кропоткиной.* Въ двухъ частяхъ Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к., въ коленкор. пер. 2 р.

Корсунскій, И. Н., проф. Моск. Дух. Ак. Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Сергіевъ-Посадъ, 1898 г., ц. 3 р.

Кремлевскій, А. Первородный грѣхъ по ученію блаж. Августина Иппонскаго. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

— Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій Истор. очеркъ. Спб., 1903 г., ц. 20 к.

Кремлевскій, П. Нужна ли церковь христіанину? (Психологическое оправданіе церкви) Изд 2-е, нѣсколько исправленное и дополненное. Спб., 1902 г, ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Запросы духа Размышленія православнаго мірянина. Спб, 1903 г., ц 50 к. *Мин Нар. Просв. отъ 24 октября 1903 г., за № 33010, допущена въ учен. библ. сред. учил. и въ безпл. народ. читальни и библ*

Кудрявцевъ, А. Сравнительный очеркъ Епархіальной дѣятельности по свѣчной операціи. Одесса, 1879 г., ц 60 к.

Ландышевъ, Е, свящ. Краткій объяснит. словарь малопон. церк.-слав. словъ и выраж., встрѣч. въ св. Евангеліи, часословѣ, псалтири и др. богослуж. кн. Спб., 1891 г, ц. 10 к.

Лебедевъ, А. П., засл. проф. Историч. очерки состоянія Византійско-восточной Церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка (отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 г.). Изд. 2-е, пересмотрѣн. М., 1902 г., ц. 3 р 20 к. *Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ въ ученич. средн. и старш. возраста библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. читальни и библ. (19 ноября 1902 г., № 32387)*

— Исторія вселен. соборовъ, часть I. Вселен. соборы IV и V вѣк. (Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ Александрійской и Антіохійской) Изд. 3-е. Спб., 1904 г., ц. 2 р.

— Тоже, часть II. Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ (съ прилож. къ „Исторіи Вселенскихъ соборовъ"). Изд. 3-е. Спб, 1904 г., ц. 2 р. *Учебнымъ Комит. при Св. Сѵнодѣ одобрено для фундам. и учен. библ дух. сем. и для ученическихъ библіотекъ средн. учебн зав. Мин Нар. Просв.*

— Духовенство древней вселенской церкви (отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка). Историческіе очерки. М., 1905 г., ц 3 р.

— Исторія греко-восточной церкви, подъ властію турокъ. Отъ паденія Константинополя (въ 1453 г.) до настоящаго времени. Оба тома въ одной книгѣ. Изд. 2-е. Спб., 1904 г., ц. 4 р.

Тоже, отдѣльно. Томъ 2-й. Серг. Пос., 1901 г., ц. 2 р 50 к

— Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету — съ 1841 г. по 1900. Спб., 1905 г., ц. 2 р. *Учебн. Ком. при Свят. Сѵнодѣ одобр. для библ. дух. сем.* („Церк. Вѣд." 1903 г., № 42).

Лебедевъ А. П., засл. проф. Очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Изд 2-е, дополненное. М., 1902 г., ц. 2 р 40 к

— Церковно-историч. повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія (Изъ давнихъ врем Христ. Церкви). Изд. 2-е. Спб, 1903 г., ц 2 р. *Уч. Ком. при Свят Сѵн опред книгу сію одобрить для пріобр въ учен. библ духовн. сем. и епарх. женск учил. („Церк. Вѣд." 1900 г, № 43).*

— Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка до XX. Изд. 2-е, пересмотрѣнное Спб., 1903 г., ц. 3 р. *Уч. Ком. при Свят Сѵн опредѣлено сію книгу рекомендов къ пріобр. въ фунд. и учен. библ. Дух Сем. („Церк. Вѣд." 1899 г., № 49).*

— Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Велик. Изд. 3-е. Спб, 1904 г., ц. 2 р. *Уч Ком при Св. Сѵн., отъ 16-го апр. 1898 г, одобр. для фундам. и учен. библ. дух. сем. и для учен библ. сред учеб. зав. М Н. П.*

Легатовъ, И., прот. Бесѣды о церкви, таинствахъ и исправленіи книгъ, съ опроверженіемъ мнѣній о семъ глагол старообр. (преимущ. безпопов. толка) Изд 2-е. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

— Дополнит. уроки по закону Божію въ отношеніи къ старообрядчеству Съ приложен. Изд. 5-е, испр. и дополн. Спб., 1902 г., ц. 15 к

Леонтій, митр Моск, бывш. арх. Холм.-Варш. Слова и рѣчи. Изд. 3-е (дополн.), въ двухъ том (съ порт. авт.). Спб., 1888 г., ц. за 2 т. 3 р, въ одномъ изящн. коленкор. пер. 4 р.

Лопухинъ, А. П. Библейская исторія при свѣтѣ новѣйш. изслѣдован и открытій. Ветхій и Новый Зав Въ 3-хъ том, изд. иллюстр., содерж болѣе 900 полит., снимк. съ древн. памят., ландшафтовъ и картинъ вост. жизни. Съ прилож. карты Палестины. Спб., 1889 г., ц. за три большихъ роскошно изданныхъ тома 26 р., въ изящн. коленк. перепл. съ золот. тисн. и золот. обрѣз. 32 р. На перес. прилагать за 20 фун. *Учен Ком. при Св. Сѵн. постановлено допустить въ фундам. библ. („Церк. Вѣд.", № 6, 1891 г.).*

Лунинъ, А., свящ. Христіанскій путь Сборникъ для назидательнаго чтенія и для внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій. Съ 10 изображ Спб., 1892 г., ц. 1 р.

Лютардтъ, Х., ордин. проф Лейпцигскаго универ. Апологія христіанства. Публичн. чтенія. Перев. съ XI нѣмец. изд. Съ прилож. чтеній о „Современномъ Западѣ въ религіозно-нравствен-

номъ отношеніи", А. П. Лопухина. Спб., 1892 г., ц. 4 р., въ роск. кол. пер 5 р

Макарій (бывш. еписк. Калужскій). Слова, бесѣды и поученія, говоренныя имъ въ бытность его священникомъ въ городѣ Орлѣ. Спб., 1881 г., ц. 1 р. 50 к. *Уч. Ком. Мин Нар Просв. одобр для уч. библ. ср. и низш. учебн. завед.*

Макаровъ, П. свящ. Катихизическія поученія къ прост. народу на симв. вѣры, молитву Госп., блаж. Еванг и на десять запов. Бож. Спб., 1892 г., ц. 1 р. 50 к, въ кол. пер. 2 р. 25 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. ср. и низш. учебн. зав.* 2 сент. 1889 г., № 12959.

Малевинскій, А., свящ. Инструкція благочин. приход. церквей, изъясн. указ. Св. Сѵн., распоряж. епарх. нач., сводомъ зак. и церк. практ. Изд. 2-е, исправлен. и дополненное. Спб., 1898 г., ц 1 р. 25 к., въ изящн. кол. пер. 2 р.

Малицкій, П Руководство по исторіи Русской церкви (Прим. къ прог. для дух сем.). Вып. I. Курсъ V кл., ц. 90 к. Вып II и III (въ одной книгѣ). Курсъ VI класса, ц. 60 к. *Учебн. Ком. при Св. Сѵн. одобр. къ употр. въ дух. сем. въ кач. учебн. пос. Мин Нар. Пр. рек. въ учен. библ. ср. учебн. зав.*

Мансветовъ, Г., прот. Краткое изъясненіе на литургію, собр. изъ разн. писат. Изд. 9-е. Спб., 1894 г., ц. 20 к.

— Обязанности домашняго общества по Слову Божію у древнихъ христіанъ. Изд. 2-е, испр. Спб., 1894 г., ц. 60 к.

Маркъ, игум. Злые духи и ихъ вліяніе на людей. 2-е изд Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Марсальскій, Л., свящ. Объясненіе св. таинствъ и церковн. требъ (въ формѣ народ. поучен.). Спб., 1892 г., ц. 30 к.

Мартенсенъ, Г., докт. бог. Еп. Зеландск. въ Даніи. Христіанское ученіе о нравственности. Въ 2-хъ томахъ. Перев. съ послѣдняго авторизован. англ. издан. А. П. Лопухина. Спб., 1890 г., ц. за оба тома 5 р., въ изящн. коленк. пер. 6 р.

Медвѣдицинъ, Е., свящ. Объясненіе всенощнаго бдѣнія и божественной литургіи Іоанна Златоустаго въ бесѣдахъ. Для домашняго чтенія своимъ сельскимъ прихожанамъ. Спб., 1891 г., ц 50 к.

— Поученія на символъ вѣры, молитву Господню, блаженства евангельскія и на Божеств. десятословіе. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р.

Мельвиль. Уайтъ. Гладіаторы. Римъ и Іудея. Историческій романъ изъ временъ осады Іерусалима. Въ 3-хъ част. Переводъ съ прим. А. Измайлова. Спб., 1899 г., ц. 2 р., въ роск. кол. пер. 3 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ завед. Министр.* (10 декабря 1902 г.).

Меѳодій св., епископъ и мученикъ, отецъ церкви III-го вѣка. Полное собраніе его твореній. Перев. съ греч подъ ред проф. Е. И. Ловягина. Изд. 2-е. Спб., 1905 г, ц 1 р., въ коленк. изящн. переплетѣ 2 р.

Меѳодій, іером. Буддійское міровоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб., 1902 г., ц. 50 к.

Мильтонъ. Потерянный рай. Поэма Перев. стих. С И Писарева Спб., 1871 г., ц. 2 р, въ красивомъ коленк. пер. 3 р

Миртовъ, П. А., свящ По Завѣту Христову. Сборникъ статей. Съ рис. Спб, 1905 г., ц. 60 к., въ кол. переп. 1 р 35 к.

— Назіанзскій отшельникъ. Съ изобр. св. Григорія Бог Спб., 1905 г., ц. 30 к.

— Въ дали вѣковъ. (Разсказъ изъ эпохи крестныхъ страданій Спасителя). Спб., 1905 г. ц 30 к.

Митрофанъ, монахъ. Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти. По ученію Православн. Церкви, по предчув. общечел. духа и выводамъ науки. Въ 3-хъ больш. т. Спб., 1897 г., ц. кажд. тома 2 р. Въ изящн. коленк. перепл. съ золот. тисн по 3 р. за каждый томъ. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народн. читальни и библіот.*

Михаилъ, архим Почему намъ не вѣрятъ? Къ церковной реформѣ. О церковно-общественныхъ злобахъ дня. Спб. 1906 г., ц 50 к.

Михайловскій, В., прот. Библейскій Богословскій словарь. Изд. 4-е. Спб., 1899 г, ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Воскресные листки. Объясненіе Евангельскихъ чтеній на литургіи во всѣ воскресные дни года и краткое изложеніе историч. причинъ къ особенному священ. празднов. нѣкот. дней въ году. Изд. 4-е, испр. въ текстѣ и дополн. картинками. Спб., 1885 г., ц. 1 р. 50 к.

Москалевичъ, Р., свящ. Двѣ ночи и два дня изъ земной жизни Богочел. Госп. нашего Іисуса Христа. Размышл. христ., посвящ. юношеству. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 25 к. *Допущ. въ библ. дух. сем. и среднихъ учебн зав. Мин. Нар. Просв.* (Церк. Вѣстн, 1879 г., № 16—17).

Навиль, Эрн Христосъ Публичн. чтенія. Спб, 1901 г., ц. 75 к.

Бесѣды о таинствахъ природы. Откровенія и богосл. Спб, 1903 г, ц. 30 к.

Судъ надъ міромъ и обновленіе его. Опытъ раскрытія пророчествъ откровенія или Апокалипсиса. Спб., 1903 г., ц. 40 к.

Наумовичъ, І., прот. Какъ въ простотѣ живутъ люди. Разсказъ изъ галицкорусской жизни. Изд. 2-е. Спб., 1900 г., ц. 50 к. *Мин. Народ. Просв. одобрено*

для пріобр въ ученич. библ средн. учебн. завед. 21 іюля 1894 г., № 14375.

Наумовичъ, І, прот. Христіанскія добродѣтели. Изд. 3-е. Спб., 1900 г, ц. 25 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. ср. у.ч зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Начало и конецъ нашего земного міра Опытъ раскрытія пророчествъ Апокалипсиса. Части I и II. Спб., 1904 г., ц. 1 р.

Недешевъ, І, свящ. Законъ Божіи для полковъ учебныхъ командъ. Одобр. Главн. Ком. по образов. войскъ. Изд. 5-е Спб, 1891 г., ц 30 к.

Недзѣльницкій, І., свящ. Злой врагъ человѣка, или что посѣешь, то и пожнешь (Противъ пьянства). Изд. 4-е. Спб., 1904 г., ц. 5 к.

— Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. Изд. 2-е Спб., 1899 г., ц. 1 р.

Неофитъ, архим. Пагидасъ. Нравственныя бесѣды на Воскресныя Евангелія. Перев. съ греч. Изд. 2-е. Спб., 1884 г., ц. 75 к., въ коленк. перепл. 1 р. 50 к

Никаноръ, еписк. Православно-Христ. Нравст. Богосл. Сост. примѣн. къ семин прогр. Изд. 2-е, напечат. безъ перем. съ 1-го изд., которое *Учебн. Ком. при Святѣйшемъ Сунодѣ въ 1891 г. допущено къ пріобр. въ библ. духовн. семин.* Спб., 1894 г., ц. 80 к.

— Святый Аѳанасій великій, архіепископъ Александрійскій и его избранныя творенія Спб., 1893 г., ц. 1 р.

Нилусъ, С. Великое въ маломъ и Антихристъ, какъ близкая политическая возможность Записки православнаго. Изд. 2-е, испр. и дополненное. Царское Село, 1905 г., ц. 1 р. 50 к.

Нордовъ, В., прот. Катихизическія поученія, содержащія въ себѣ два поученія предуготовительныя: 23 на Священный Символъ вѣры; 12 на молитву Господню и Блаженства Евангельскія; 12 на Божественное десятословіе и одно поученіе заключительное Изд. 5-е. Спб., 1891 г., ц. 1 р. *Мин. Нар. Пр одобр. для пріобрѣт. въ учен. библ. сред. учеб. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Бесѣда самого съ собою, или мысли на досугѣ. Спб., 1868 г., ц. 60 к.

— Бесѣды на воспоминаніе священ. событій и приснопамятныхъ лицъ, произнесенныя на всенощныхъ бдѣніяхъ. Изд. 2-е Спб., 1870 г., ц. 75 к.

— Сѣятель Благочестія или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ (съ портр. автора). Въ двухъ том. 1.200 стр. уборист. шр. Томъ 1. I. Бесѣды на Божественную Литургію. II. Бесѣды на блаженства Евангельскія. III. Бесѣды въ воспоминаніе священныхъ событій. IV. Катихизическія поученія. V. Слова на великіе праздники, дни воскресные и воскресные дни великаго поста. Томъ 2. Церковно-проповѣдническое трехлѣтіе, заключающее въ себѣ слова и поученія на разные случаи. Изд. 2-е. Спб., 1891 г., ц. 5 р., въ изящн. кол. перепл. съ золот. тисн., ц. 7 р *Мин Нар Просв. одобр. для пріобрѣт. въ ученич библіот. средн. учебн завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Образцовъ, П., свящ. Исторія Христіанской Церкви. Общедоступно изложенная. 3 вып Гатчино. 1877 г., ц. 2 р.

— Опытъ толкованія книги св. пророка Захаріи Спб., 1873 г., ц. 1 р.

Объясненіе Божественной Литургіи. Изданіе шестое, значительно дополненное. Съ 11-ю рис Общія понятія о литургіи.—О святомъ храмѣ.—О священныхъ одеждахъ и сосудахъ.—О проскомидіи.—Литургія оглашенныхъ.—О литургіи вѣрныхъ. Спб., 1887 г., ц. 30 к.

Одинцовъ, Н. Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка Церк.-историч. изслѣд. Спб., 1881 г. 300 стр., ц. 1 р. 50 к *Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Сунодѣ для фундаментальныхъ библ духовн. семинарій.*

О Евангеліяхъ. Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для библ. средн. и низш. учебн. зав* (30 марта 1885 г., № 5188).

О земной жизни, ученіи и страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ двѣнадцатью рисунками. Изд. журн. „Мірскои Вѣстникъ“. Спб., 1878 г., ц. 20 к.

О молитвѣ и увѣщаніе къ мученичеству, твор. учителя церкви Оригена. Съ первоначальн. текста перев., съ примѣч. Н. Корсунскаго. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Палимпсестовъ, И. У. Мои воспоминанія объ Иннокентіи, архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ. Спб., 1888 г., ц 1 р. 50 к.

Пановъ, І., прот. Приготовленіе христіанина къ вѣчности. Спб., 1902 г., ц. 5 к.

Платоновъ, І, прот. Способы православно-христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ Закону Божію въ начальной школѣ. Изд. 7-е. *Одобрено Учил. Сов. при Св. Сунодѣ.* Спб. 1906 г, ц. 40 к.

Погодинъ, М. П. Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Разъясненіе истинъ бытія, жизни, смерти, начала, конца, несчастія, душа, вѣра, вѣчность, зло, безсмертіе и загробная жизнь. Изд. 4-е. М, 1884 г., ц. 3 р.

Покровскій, І. Исторія единой святой соборной и апостольской церкви Христовой, въ объемѣ курса среднеучеб. воен. и гражд. завед. Спб., 1875 г., ц. 50 к.

Покровскій, П. Курсъ практическаго руководства для пастырей. Часть общая.— Сост. примѣнит. къ прогр. пре-

под. Тульской дух. семин. Изд. 2-е. Спб., 898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к

Покровскій, П. Очерки методики народной школы. 5-е изд., исправл. Спб., 1904 г., ц 50 к.

Полисадовъ, І, прот. О загробной жизни. Противъ спиритовъ. Слово на Евангел. притчу о богатомъ и Лазарѣ. Спб., 1881 г., ц. 15 к.

Поляковъ, П. Подъ сѣнью благодати. Изъ путевыхъ набросковъ и впечатлѣній паломника. Спб, 1904 г., ц. 50 к.

— Голосъ народа. Содержаніе: 1. Мало ученія. — 2. Новые просвѣтители. — 3. Безприходные. — 4 Великое дѣло.— 5. Евангеліе безъ Церкви — и проч. Спб., 1905 г., ц. 50 к.

Поминанье (для записыв. о здравіи и за упокой), отпечат на лучшей почтов. бумагѣ. Спб., ц. въ красив. коленк пер. съ футл 60 к., въ шагрен. переплетѣ 1 р.

Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе. Изд. 2-е. М., 1887 г., ц. 25 к

Поповъ, Евг., прот. Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Общенародныя бесѣды, въ 2 частяхъ. Изд 2-е, испр и дополн. Спб., 1893 г., ц. 2 р., въ изящ. коленк. перепл. 3 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. училищъ и въ безплатн. народныя читальни и библіотеки.*

— Объ исповѣди. Домашнія наставленія духовнаго отца говѣющимъ, съ приложеніемъ свойственныхъ исповѣднику молитвенныхъ возношеній къ Богу. Изд 2-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительск. библ. низш. училищъ и въ безпл. народн. читальни и библ.*

— О святомъ причащеніи. Домашнія наставленія пастыря готовящимся ко святому причаст., съ приложеніемъ молит. возношен. къ Богу во дни причастные. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к. *Мин Нар. Пр отъ 10—19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народ. чит. и библ.*

— По православ.-догматическ. богословію. Общенар. бесѣды. Въ 6 част. Изд. 3-е, вновь исправл и дополн. Пермь. 1880 г., ц. за всѣ 6 кн. 6 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил и въ безпл. нар. чит. и библ.*

— Общенародныя чтенія по православно-нравственному богословію. Въ порядкѣ десяти заповѣдей Божіихъ. Въ 2 ч., изд. 2-е. Спб, 1901 г., ц. 3 р., въ роск. кол. пер. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библіот. низшихъ учил. и въ безпл. нар чит. и библіот.*

— Письма по православно-пастырск. богословію. Въ 4 частяхъ. Издан. 2-е, исправл. и знач. пополн. Пермь, 1877 г., ц. за всѣ 4 ч 2 р. *Одобр. для пріобр. въ фунд. и учен. библ. дух. семинарій, какъ сочиненіе, знакомство съ котор можетъ быть не безполезно какъ для наставниковъ, такъ и для учениковъ при изуч практ руков для паст.* („Церк. Вѣстн " 1876 г., № 8).

Поселянинъ, Е. Русскіе подвижники 19-го в. Историко-біограф. очерки. Изд. 2-е, значит исправленное и дополн., всего 45 жизнеописаній подвижниковъ, прославившихся въ XIX вѣкѣ, съ ихъ портретами и видами (свыше 50-ти рисунковъ) Спб, 1901 г., ц. 2 р., въ роск. кол переп. 3 р *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительск библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

— Божья Рать. Разсказы изъ жизни святыхъ по Четьи-Минеѣ святителя Димитрія Ростовскаго. Съ рисунками. Спб., 1902 г., ц 40 к. *Мин Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библ.*

— Дѣтская вѣра и Оптинскій старецъ Амвросій. Съ портретомъ и рис. Спб, 1901 г., ц. 20 к. *Учебн. Комит при Свят. Сѵн. постановлено: одобрить для ученич. библіотекъ духовн. семинарій и женск. епарх училищъ* („Церковныя Вѣдом." № 5-й, 1902 г.). *Мин Народ. Просвѣщ. отъ 10 — 19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

— Русская церковь и Русскіе подвижники 18-го вѣка. Съ портретами и рисунками. Спб, 1905 г., ц. 1 р. 50 к., въ роск. кол. пер. 2 р. 50 к.

— Въ похвалу Богородицѣ. (Знаменія Ея благодатной чудесной силы, явленныя вѣрующимъ чрезъ Ея св. иконы). Съ рисунками въ текстѣ. Спб., 1903 г., ц. 40 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки.*

— Задушевныя бесѣды. Спб., 1901 г., ц. 20 к. *Учебн. Ком. при Свят. Сѵнодѣ постановлено: одобрить для ученическихъ библіот. духовн. семинарій и женск. епархіальн. училищъ* („Церк. Вѣдом." № 5-й, 1902 г.).

— Преподобный Серафимъ Саровскій чудотворецъ (съ новыми свѣдѣніями о старцѣ). Съ рисунками. Спб., 1903 г., ц. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисненіемъ 1 р. 25 к. Дѣяніе Святѣйшаго Сѵнода.—Вѣсть о прославленіи старца Серафима. — Жизненный подвигъ старца Серафима.—Кон-

чина праведныхъ и послѣдніе дни земной жизни старца Серафима. — Что оставилъ по себѣ старецъ Серафимъ?— Легенда о старцѣ Серафимѣ Саровскомъ, Императорѣ Александрѣ I и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ —Изъ послѣднихъ чудесъ старца Серафима.— Птенцы старца Серафима Саровскаго. *Мин. Нар. Просв допущено въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и въ ученическія библіот. низш. учил. 24 октября 1903 г, № 33010*

Поселянинъ, Е. Пустыня. Очерки изъ жизни Ѳиваидскихъ отшельниковъ. Въ 2-хъ част Спб., 1906 г., ц. 1 р.

— Праведникъ нашего времени, оптинскій старецъ Амвросій. Дѣтство, Отрочество, порывъ къ Богу, юность, иночество, подвигъ, старчество, служеніе народу, кончина. Спб., 1906 г., ц. 1 р.

Послѣднія минуты православнаго христіанина. Спб., 1886 г., ц. 30 к., въ изящн. кол. пер. 75 к.

Преображенскій, П. А, прот. Писанія мужей апостольскихъ. Издан. въ русск. перев. со введеніями и примѣчан къ нимъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к, въ коленк. переплетѣ 2 р. 50 к. *Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. одобр. для библіот. средн. учебн. завед. Мин.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ. Изд. въ русскомъ переводѣ со введен. и примѣч. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. перепл. 2 р. 50 к. *Ученымъ Ком. Мин Нар. Просвѣщ. одобр. для библіот. средн учебн. завед. Мин.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Причастникъ Святыхъ Христ. Таинъ Размышленія, взятыя изъ сочиненій: св Димитрія, митроп. Ростовскаго, Иннокентія, архіеп. Херсонскаго, Димитрія, архіеп. Волынскаго, Ѳеофана, еписк. Владимірскаго, прот. *Родіона Путятина* и другихъ. *Учен. Ком Мин. Нар. Просв. одобр. для пріобрѣт въ библіот. средн. и низш. учебн. зав* Спб., 1888 г., ц. 20 к.

Путятинъ, Р., пр Полное собр. поученій. Съ портр. автора. Изд. 25-е. Спб., 1901 г., ц. 2 р., въ перепл. 3 р. Поученія эти помѣщены въ каталогѣ книгъ для употр. въ низш. учил. Вѣд. Мин. Нар. Просв. въ отд. III для учен библ. и для нар. чтенія (стр. кат. 48, 1882 г.).

Пѣвницкій, В, проф. Кіевск. дух. акад. Служеніе священника въ качествѣ дух. руководителя прихожанъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ коленк. пер. 3 р. *Одобр. въ кач. учебн. пособ. при преп. практич. руков. для пастырей въ дух. семин.* („Церк. Вѣд." 1891 г, № 35. Цирк. 1892 г, № 10).

Пюшъ, Эме. Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Соч., удост. преміи франц. акад. нравств. и полит. наукъ. Перев. съ франц А. А. Измайлова. Спб., 1897 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Робертсонъ, С. Джемсъ, каноникъ Кэнтерберійск., покоин. проф. церк. ист. въ королевск. коллегіи въ Лондонѣ. Исторія христіан. церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Перев съ VI англ. изд. А. П Лопухина. Въ 2 больш. том. (бол. 2 000 стран. уборист. шрифта). Спб., 1890 г., ц. за оба тома 10 р, въ роск. кол. пер. 12 р.

Рождественскій, проф. Христіанская апологетика. Курсъ основн. Богословія, читан. студ. Спб. Дух. Акад. 2 тома Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц 4 р., въ кол. пер. 5 р.

Романовъ, І. К., прот. Краткія поученія о богослуженіи православн. церкви. Спб., 1898 г, ц. 50 к.

— Полное собраніе поученій. Изд. 2. Два т., 8 д. л., болѣе 1300 стр. убор. печ. Спб., 1887 г. ц. 4 р. 50 к., въ роск. пер 6 р.

— Учебники по закону Божію:

I. Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Въ 4-хъ вып., содержащ. въ себѣ: Вып. 1. „Молитвы, заповѣди, символъ вѣры и о главнѣйшихъ праздникахъ Православн. Церкви". Изд. 9-е исправл. Спб., 1905 г, ц. 20 к. *Допущ. Учен. Комит. Министр. Нар Просв. для употр въ начальн учил. въ кач. учебн. руководства.* Вып. 2. „О церкви, какъ мѣстѣ общ. богосл., о принадл. ея, съ присовокупл. краткаго объясн. литургіи. Съ 100 рис, изображ. одежду, утварь и всѣ принадл. Церкви". Изд. 4-е, испр. и дополн. Спб., 1885 г., ц 25 к. Вып. 3. „Священная исторія Ветхаго Завѣта". Изд. 4, испр. Спб., 1882 г., ц. 25 к. Вып 4. „Священная исторія Новаго Завѣта". Съ рис. въ текстѣ Изд. 2-е, Спб, 1894 г., ц. 25 к.

— II. Уроки Закона Божія по Катихизису Изд 5-е. Спб., 1904 г., ц. 30 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библ. средн учебн. завед.* 21 іюля 1894 г, № 14375.

— III. Уроки о Богослуженіи Прав. Церкви. Съ 98 рис въ текстѣ. Спб., 1886 г., въ 16 д. л. 250 стр., ц. 50 к.

— IV. Уроки по церковной исторіи. Изд. 2 Спб., 1886 г., ц. 60 к.

— V. О правильномъ и душеполезномъ приготовленіи къ исповѣди. Спб., 1889 г., ц. 10 к

— VI. Краткіе уроки о нравственной христіанской жизни и о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанъ. Спб., 1889 г., ц. 15 к.

Руновскій, П., свящ. Сборникъ поученій. Спб, 1887 г., ц. 1 р.

— Значеніе христіанства въ духовно-нравственномъ развитіи и отношеніе его къ благоустройству земной жизни человѣчества. Спб., 1889 г., ц. 40 к.

Русановъ, Н., прот. Катихизическія поученія, приспособленныя къ пониманію простого народа. Изд. 2, исправл. и дополн. Спб., 1897 г., ц. 1 р. 25 к.

— О православной христіанской вѣрѣ по ученію Слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ и штундистовъ. Вып. I и II. Спб., 1891—1897 г., ц. 60 к.

— Краткія поученія къ простому народу. Изд. 2-е, дополн. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Поученія (произн. въ гор. Бугурусланѣ и Самарѣ). Спб, 1893 г., ц. 50 к.

— Поученія изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта. Спб., 1893 г., ц. 50 к.

Свирѣлинъ, А., прот. Православное исповѣданіе христіанской вѣры въ Четіихъ-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Спб., 1893 г., ц. 60 к.

Свѣтила Церкви. Спб., 1886 г., ц. 1 р.

Свѣтловъ, П. Я, М. Б проф. свящ. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанск. религіи и философіи. Изд. 2-е. Спб., 1897 г, ц. 1 р.

Святый Димитрій Ростовскій и его избранныя творенія, перевед. на русскій языкъ. Спб., 1888 г, ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ изящн пер. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Семеновъ, Я. Д. Руководство къ духовно-нравственной жизни. По сочиненіямъ св. Ефрема Сирина и другихъ духовныхъ писателей. Спб., 1901 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низшихъ училищъ и въ безпл народныя читальни и библіот.*

Сергій, Д. Б., арх. Влад. Бесѣды объ основныхъ истинахъ святой православной вѣры. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 25 к., въ коленк. переп. 2 р. 25 к. *Внесена въ списокъ книгъ, одобр. Уч. Сов. при Св. Сгнодѣ, для библ. церк.-прих. школъ* („Цер. Вѣд." № 2, 1896 г.). *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (4 августа 1903 г., № 23684).

— Православное ученіе о почитаніи святыхъ иконъ и другія соприкосновенныя съ нимъ истины православной вѣры. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 25 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ учен. биб. ср. учеб. зав.* (4 авг. 1903 г.,№ 23684).

— Святый и животворящій крестъ Господень. Изд. 4-е. Спб., 1899 г. ц. 6 к.

Сильвестръ, арх. Кавк. и Астр. Приточникъ Евангельскій. Объяснен. находящихся въ св. Евангеліяхъ притчей, основ. на свящ. пис. и мнѣніяхъ св. отцовъ и учит. церк., съ прил. нравоучительныхъ назид. размыш. Изд. 4-е (пересм.). Спб., 1894 г., ц. 1 р. *Учебн. Ком. при Св. Сгнодѣ допущена въ фунд. библ. средн. духовно-учебныхъ заведеній.*

Синайскій, А. Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству. Изд 2-е, испр. и доп Спб, 1904 г., ц. 40 к.

— Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядчества въ первые годы Сѵнодальнаго Управл. при Петрѣ Великомъ (1721—1725 г) Спб., 1892 г., ц 1 р. 75 к.

— Отношенія древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). Спб., 1899 г., ц. 1 р

Скальскій, К., свящ Литургія св. Іоанна Златоустаго. Руководство для священно и церковно-служителей при Архіерейской службѣ, съ изложеніемъ порядка посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и награжденія набедренникомъ, скуфьею, камилавкою и проч. Спб., 1902 г, ц. 30 к.

Славинъ, А. Помилуй мя, Боже, помилуи мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Изд. 3-е Спб., 1899 г., ц. 20 к.

— Размышленія кающагося грѣшника о страшн. Судѣ или о второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа на землю и всеобщ. воскрес. мертвыхъ. Изд. 4-е, дополн. Спб., 1897 г., ц. 15 к.

Смирновъ С, свящ. Сарат. епарх. Алфавитный сборникъ распоряж., необходимыхъ для каждаго члена причта. Настольн. книга „Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона" (Осн. зак., ст. 62). Спб, 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

Снессорева, С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворн. ея иконъ, чтимыхъ православн. церк. на основаніи свящ. писанія и церковныхъ преданій. Съ изображен. въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб., 1898 г., ц. 3 р., въ роск. кол. перепл. 4 р. *Внесена въ кат. книгъ для употр. въ низ. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв. и для публ. нар. чтеній* (стр. кат. 135, 1901 г.).

Соколовъ, А., прот. Священная исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школѣ и дома. Ветх. и Нов. Зав. Съ 55 рис. по ориг. Доре и Плокгорста и съ 109-ю полит. въ текстѣ. Спб., 1905 г., ц. 1 р, въ изящномъ коленкор. перепл. съ золот. тис. 2 р.

Соколовъ, И. И. Аѳонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ религіозно-нравственныхъ.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

тисн. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977 допущено въ учит. библіот. низш. учил. и въ безпл. народн. чит и библ.*

Фарраръ, Ф. В. Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Историч. разск. изъ врем. Свят. Іоанна Златоуста. Переводъ съ англійскаго. А. П. Лопухина. Спб., 1897 г., ц. 3 р, въ коленкор. перепл. 4 р *Мин. Нар. Пр отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низш. учил и въ безпл. народн. читал. и библ.*

— Аллегоріи. Борьба добра со зломъ. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Съ англ. Ф. С Комарскаго. Спб, 1899 г, ц. 1 р. 50 к., въ изящн кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ заведен. Министр.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Безхарактерность — причина многихъ бѣдствій. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійскаго Ф. С. Комарскаго. Въ 2 частяхъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 2 р. 50 к. *Мин Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Въ дни твоей юности. Дух.-нрав. бесѣды Подъ ред Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 2 р. въ коленк. перепл. 2 руб. 50 к.

— Голосъ совѣсти. Бесѣды о нравственности Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бес. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго Спб, 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Сила добраго вліянія — результатъ правильнаго воспитанія. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Въ 2 ч. Спб, 1898 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл. 3 р. *Министр. Народн. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ завед. Министерства* (4 февраля 1903 г, № 4099).

— Раскаяніе—основаніе нравственнаго совершенства. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Спб., 1898 г., ц 2 р, въ изящн. коленкор. пер. 2 р. 50 к. *Мин Нар. Просв. допущена въ учен. библ. средн. учебн. зав.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Искатели Бога. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго (съ рис). Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

— Семейный очагъ. Мужчина и женщина. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р. *Мин. Нар. Пр. допущена въ учен. библ. средн учеб. зав. Министерства (4 февр. 1903 г. № 4099).*

— Христіанская отвѣтственность. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебн. завед Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниг. Христіанскіе труженики. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р.

— Молитва, какъ средство къ утоленію печали Спб., 1888 г., ц. 10 к.

— Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ портр. автора. Въ 2-хъ част. Изд. 3-е. Спб., 1884 г., ц. 3 р, въ кол. пер. 4 р

— Гласъ Божій къ грѣшнику. Спб., 1891 г., ц. 30 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. одобрено для ученич библ. средн. и низш учебн. заведеній* (2 сент. 1884 г, № 12959).

— Житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія, славянскихъ просвѣтителей. Въ память тысячелѣтія. Спб., 1885 г., ц. 10 к.

— Житіе св. Митрофана, епископа Воронежскаго. Съ изображеніемъ. Спб. 1904 г, ц 10 к.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, въ 3 том. (860 стр.). Спб., 1882 г., ц. 5 р., въ коленк. пер. 6 р. *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. рекомендована для фундам. библ. средн. учебн заведеній.* Внесена въ Справочный каталогъ книгъ *для библіотекъ церковн. школъ* Спб. 1900 г., стр. 48-я.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви (въ сокращеніи). Черниговъ, 1864 г., ц 1 р. 25 к.

— Исторія русской Церкви. Изд. 6-е. Большой томъ въ 840 стр Спб., 1894 г., ц. 3 р, въ изящн. коленк. перепл. съ золот. тисн. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фундам. и учен., старш возр., библ. средн. учебн. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житія святыхъ подвижницъ Восточной Церкви. Изд. 3-е, съ изображ. св. подвижницъ, академ Ѳ. Г. Солнцева. Спб, 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. 2 р. 25 к. *Ученымъ Комитет. Министр. Народн. Просв. одобрено для фундамент. и ученическ., старш. возраст., библіот. средн. учебн. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житія святыхъ, чтимыхъ православной Церковью. Съ изображ. святыхъ и праздн. акад. Ѳ. Г. Солнцева На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, 12 мѣсяцевъ Январь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1900 г., ц. за всѣ 12 кн. 15 руб., въ роск. коленк. пер. въ 6 кн. 20 р.; въ 12 кн. 24 р. *Мин. Народ. Просв. внесена въ каталогъ книгъ для безплатн. народныхъ читаленъ и для ученич. библ. средн. учебныхъ завед. Мин. Нар. Просв.* Стр. кат. 17-я, 1897 г.

— Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой Церкви. Изд. 3-е, съ дополн. Спб., 1902 г., ц. 1 р 50 к., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к. *Учен. К[illegible] Мин. Нар. Просвѣщ. для*

библ. средн. и низш. учеб. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ. (1 іюня 1903 г., № 17109).

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниг. Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, съ поправк. и дополн. автора. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фунд. и ученич., старш. возраста, библіот. средн. завед.* (25-го ноября, 1898 г., № 28740).

— Опытъ объясненія на посланіе ап. Павла къ галатамъ. Черниговъ, 1862 г., ц. 75 к.

— Православное догматическое богословіе. 2 т. Изд. 3-е. Спб., 1882 г., ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. рек. для фунд. библ. ср. уч. зав.*

— Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Съ изобр. свят. акад Ѳ Г. Солнцева Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн пер. 2 р. 50 к *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв одобрено для фундам. и ученич., ст. возр., библіот. средн. учебн. завед.* (25 ноября 1898 г., № 28740.

— Слова, бесѣды и рѣчи. Въ 4-хъ ч. Изд. 3-е. Спб., 1883 г., ц. 3 р. 50 к., въ роск. пер 4 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фунд. библ., средн. учебн. завед.* (25 ноября 1898 г, № 28740).

— Ученіе евангелиста Іоанна о Словѣ. Черн., 1869 г., ц. 1 р. 25 к.

Хергозерскій, А. Обозрѣніе пророч. книгъ Ветх. Завѣта. Изд. 4-е, исправл. Спб., 1899 г., ц. 1 р. *Прим. учебн. рук. по Св. Пис. въ дух. сем.* («Церк. Вѣстн.» 1875 г., № 22 и 1880 г., № 43).

Хитровъ, М. И., прот. Древняя Русь въ великіе дни. Съ рис въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 30 к. *Учебн. Ком. при Св. Сѵн. одобрена для ученич. библ. дух. сем, муж. дух. и женск. епарх. уч.* («Церк. Вѣд.», № 49-й 1899 г.).

Христіанскія размышленія на каждый день мѣсяца. Спб., 1904 г., цѣна 10 к.

Чепурковскій, Д. В. Подготовка къ вѣчному блаженству. Спб., 1891 г., ц. 20 к.

Шарбонель, В. Жажда жизни. Философско-нравствен. разсужденіе. Съ фр. Ф. С Комарскій. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Шаффъ Ф., д-ръ и проф. богосл. Іисусъ Христосъ — чудо исторіи. Соч., заключающее въ себѣ опроверженіе ложныхъ теорій о лицѣ Іисуса Христа, и собраніе свидѣтельствъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его, со стороны невѣрующихъ. Съ приложеніемъ 15-ти иллюстрацій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Изд 4-е Спб, 1906 г., ц. 1 р., въ кол. изящн пер. 1 р. 75 к *Учен. Ком. Мин Нар. Просв. одобрено для фундам. и учен., старш. возраста, библ. средн. учеб. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740)

Ширкевичъ, С., свящ. Церковно-славянскій словарь. Пособіе при чтеніи и разборѣ свящ. и богослужебныхъ книгъ (Для духовн. учил. и др. школъ). Изд. 4-е, вновь испр. и дополн. Спб., 1904 г., ц. 15 к. *Внесена въ кат книгъ для употр. въ низш. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв., для безпл. народн. чит.*, стр. кат. 4-я, 1897 г.).

Шкабельниковъ и Петровъ. Знаки благотворит. обществъ и правила награжд. ими лицъ за оказ. помощь дѣлами благотв. Съ рис. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Ювачевъ, И. Между міромъ и монастыремъ. Очерки и разсказы Спб., 1903 г., ц. 50 к. Содержаніе· Въ затворѣ.—Три дня у иноковъ. — Лечебница души. — Монастырская работа — Въ трапезной —Борьба съ родителями —Смиренный — Что выше: любовь или послушаніе? — Искушеніе. — Послушаніе.— Друзья — Обращеніе старовѣра. — На пасѣкѣ. — Испытаніе. — Сестра Варвара.—Странникъ.—Исканіе пустынножительства

Яковлевъ, Ѳ. Апокалипсисъ, съ очеркомъ жизни св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Съ иллюстраціями худ. Г. Доре Изд. 2-е. Спб. 1905 г., ц. 1 р., въ изящномъ коленкор. переплетѣ 2 р.

Ярославская, К. Л. (кн. Е. В. Львова). Общедоступное чтеніе во время говѣнія Выбранныя мѣста изъ поученій: св. Тихона Задонскаго,— Евсевія, архіепископа Могилевскаго, — Иннокентія, архіеп. Херсонскаго — и протоіерея Р. Путятина. *Рек. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для библ. гор. и пар. учил.* Изд. 5-е. Спб. 1902 г., ц. 15 к.

— Пасха Красная. Сборникъ для назидат. чтенія во дни Святой недѣли. Одесса, 1898 г, ц. 80 к., съ пер. 1 р. *Особ. отд. Уч. Ком Мин. Нар. Просв, доп. въ ученическ. библ. средн. и низш. учил. и въ безпл. нар. чит. и библіот.* (20 марта 1908 г., № 9500).

Ѳаворскій, Д., свящ. Православное христіанское нравств. ученіе и современная естественно-научная мораль. Спб., 1900 г, ц. 15 к.

— Христіанскіе догматы о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ, въ связи съ философ. возрѣн. на загробную жизнь человѣка. Спб., 1900 г., ц. 30 к.

Ѳома Кемпійскій. О подражаніи Христу. Четыре книги. Перев. П. Мѣщаниновъ. Спб., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. 1 р. 50 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 к. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ религіозно-нравственныхъ книгъ.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.